

ЗАГАДКА РУННОГО
ПОСОХА

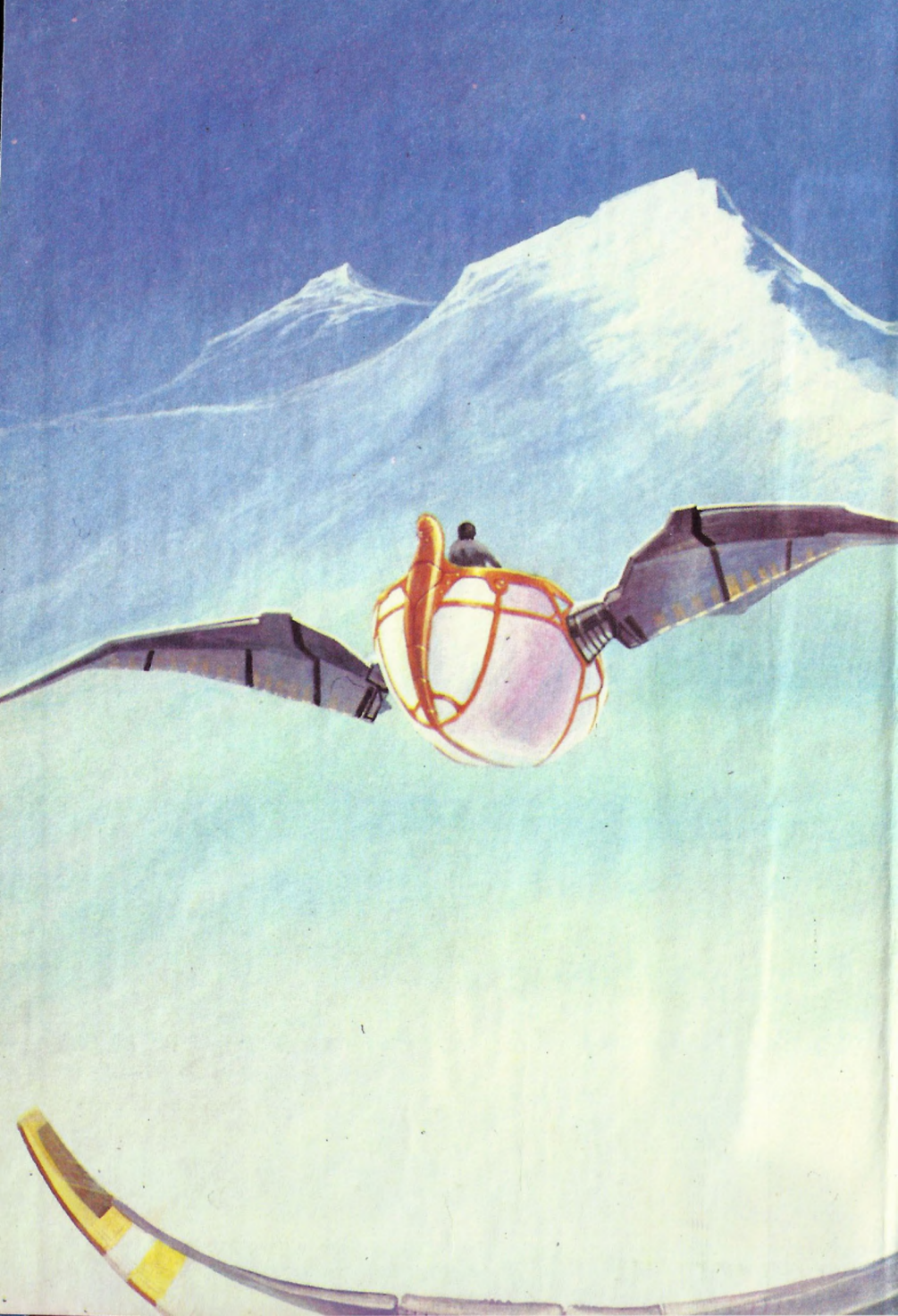
МАЙКЛ
МУРКОК

25

МАЙКЛ МУРКОК

ЗАГАДКА РУННОГО
ПОСОХА

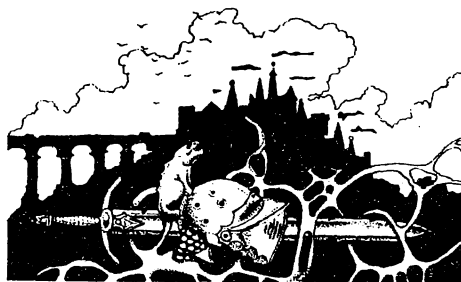

МАЙКЛ МУРКОК ЗАГАДКА РУННОГО ПОСОХА

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ
•
АМУЛЕТ БЕЗУМНОГО БОГА
•
МЕЧ ЗАРИ
•
ЗАГАДКА РУННОГО ПОСОХА

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
РОМАНЫ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Москва
1993

ББК 84.7 (США)

М91

Серия «Осирис» выпускается с 1992 года

В ы п у с к 25

Муркок Майкл

М91 Загадка Рунного Посоха. Фантастические романы. Пер. с англ. «Осирис», Вып. 25. — М.: Центрполиграф, 1993.— 439 с.

В эпоху, созданную воображением Майкла Муркока, эпоху «Выпадения Дожда Смерти», миром правят механические люди, создавшие Темную Империю Грэнбретани. Цивилизация на грани уничтожения. Но в руках непокоренных жителей провинции Камарг Рунный Посох — мистическое олицетворение духовных начал Вселенной. Разум, и только Разум должен управлять миром!

ББК 84.7 (США)

© Состав и художественное оформление.
Торгово-издательское объединение
«Центрполиграф», 1993.

ISBN 5-7001-0074-6

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ

РОМАН

К Н И Г А П Е Р В А Я

Земля состарилась. Странной и необычной стала ее форма, на ней лежала печать времени. Ее путь стал причудлив и неисповедим как жизнь человеческая в его последние, предсмертные дни.

Из истории «Рунного Посоха»

Г л а в а 1 ГРАФ БРАСС

Граф Брасс, Лорд-Хранитель Камарга, сказал ранним утром на своей прекрасной рогатой лошади, осматривая владения. Без остановки доехал он до небольшого холма, на вершине которого находились развалины тысячелетней древности. Это были развалины готической церкви, и ее толстые каменные стены стали гладкими от дождей и ветров. Стены покрывал цветущий плющ, который расцвел необычайно пышно, отовсюду, даже из глазниц темных окон виднелись пурпурные и янтарные цветы, искусно заменяя цветные стекла, смотревшие когда-то на мир.

Во время своих прогулок граф Брасс всегда приезжал к этим развалинам. Он испытывал к ним странную тягу, потому что они, как и он, были стары; как и он, пережили очень много и, казалось, как и он, скорее закалились под действием неумолимого времени, а не ослабели. Холм, на котором стояли развалины, был похож на волнующее море травы, колышущейся под ветром. Холм был окружен огромными, казалось, непрерывными болотами Камарга — унылый пейзаж, на котором иногда можно было разглядеть диких белых быков, табуны рогатых лошадей и гигантских красных фламинго, таких больших, что они с легкостью могли поднять человека.

Небо было покрыто серыми облаками, предвещавшими дождь, но пока что с него падал бледно-золотой солнечный свет, играя на медных доспехах графа, заставляя их сверкать словно пламя. К бедру графа был пристегнут широкий меч, а на голове был простой шлем из меди. Все его тело было заковано в тяжелую медь, даже перчатки и ботинки состояли из медных колечек, нашитых на кожу. Граф был широкоплеч и высок, с большой красивой головой, лицо его было загорелое, почти медного цвета. С лица на мир спокойно глядели золотисто-коричневые глаза. У него были рыжие, с красным оттенком усы и того же цвета волосы. В Камарге, как и за его пределами, можно было услышать легенду о том, что граф не настоящий

человек, а живая статуя из меди. Гигант, неуязвимый, неразрушимый, бессмертный.

Но те, кто хорошо знаком был с графом Брассом, знали, что он был настоящим мужчиной в полном смысле этого слова: преданный друг, страшный враг, любящий от души посмеяться, но когда надо выражающий свой гнев; человек остроумный, великолепный фехтовальщик и наездник, могущий выпить сколько угодно вина и не опьянеть, искусный во всех видах вооружения, образованный, разбирающийся в людях и знающий историю, любовник нежный и страстный. Граф Брасс с его мягким, зычным голосом, с огромной жизненной силой не мог не быть легендарной личностью, потому что каков человек, таковы и его поступки.

* * *

Граф Брасс потрепал лошадь рукой, одетой в перчатку, по голове между острыми, закрутяющимися вверх рогами, одновременно глядя на юг, где далеко на горизонте море сливалось с небом. Лошадь чутко заржала от удовольствия, и граф Брасс улыбнулся, откинулся в седле поудобнее и чуть тронул поводья, направляя лошадь с холма к тайной тропинке через болото, которая вела к северным башням Замка.

Когда он доехал до первой башни, небо уж потемнело и на фоне темного неба четко выделялся силуэт часового в доспехах, стоящего на страже. Хотя на Камарг не было произведено ни одного нападения с тех пор, как граф Брасс сменил продажного Лорда-Хранителя, была небольшая вероятность того, что кочующие армии солдат, оставшиеся после того, как Темная Империя победила Запад, могут прорваться сюда в поисках городов и деревень, которые можно было бы ограбить. Часовой, как и его товарищи, был вооружен огненным копьем, шпагой длиной в четыре фута; рядом с ним, на зубчатой стене, был привязан фламинго и стоял гелиограф — аппарат, с помощью которого можно было передать информацию на другие башни. В башнях было и другое оружие, которое изобрел и сделал сам граф Брасс, но часовые знали только как им пользоваться — они никогда еще не видели его в действии. Граф Брасс уверил их, что это оружие мощнее того, которым владели силы Темной Империи Гранбретани, и они ему верили, хотя побаивались незнакомых механизмов.

Когда граф Брасс приблизился к башне, часовой повернулся. Лица его почти не было видно из-за черного шлема, который облегал вокруг его щек и носа. Сверху на нем был надет тяжелый кожаный плащ. Он отсалютовал, высоко подняв руку.

Граф Брасс поднял руку в ответ.

— Все спокойно, часовой.

— Все спокойно, милорд.

Часовой крепче обхватил огненное копьё и поднял на шлем капюшон, потому что начали падать первые капли дождя.

— Кроме погоды.

Граф Брасс рассмеялся.

— Дождись мистралья, а уж потом жалуйся.

Он сжал ногами бока лошади, направляя ее к следующей башне.

Мистраль — это холодный, свирепый ветер, который дул в Камарге многие месяцы до самой весны, не затихая ни на мгновение. Граф Брасс любил ездить на коне в самый разгул мистралья, любил подставлять лицо его свирепым ударам, любил, когда его золотисто-коричневый загар превращался в красный.

Дождь пошел сильней, стуча по доспехам, и граф протянул руку за седло, где лежал его плащ, накинул плащ на плечи и поднял капюшон. Тростник склонялся от ударов дождя, принесенного ветром, и слышались ритмичные звуки ударов воды по воде, когда тяжелые капли с плеском падали в лагуны, рассыпая вокруг осколки брызг. Наверху на небе облака еще больше почернели, угрожая разразиться ливнем, и граф Брасс решил отложить свой обход до следующего дня, и вернуться в башню, в свой Замок в Эйги-Морт, который находился примерно часах в четырех быстрой езды по извилистым тропинкам через болота.

Он повернул лошадь и пришпорил ее, зная, что умное животное само найдет дорогу. На скаку он почувствовал, что дождь усилился: плащ его намок и сделался тяжелым. Быстро спускалась ночь. Скоро он уже ничего не мог видеть, кроме черной стены тростника, его окружающей, по которой беспрерывно стекали струйки дождя. Лошадь стала двигаться медленнее, но не останавливалась. Граф Брасс ощущал запах пота, исходящий от нее, и про себя пообещал ей особый уход: когда они достигнут Эйги-Морта, он ответит ей на конюшню. Рукой в перчатке он стряхнул воду с гривы животного и попытался взглянуть вперед, но не увидел ничего, кроме тростника, не услышал ничего, кроме маниакального криканья малларда, животного, служащего пищей болотным лисам и бобрам. Иногда ему казалось, что он ощущал взмах крыльев пролетевшего фламинго, спешащего в свое общее гнездо; иногда слышался крик мургена, ведущего битву за собственную жизнь с совой. Один раз мимо него в темноте молнией пронеслось нечто белое, и он долго вслушивался в топот копыт стада белых быков, приглушенный болотом, думая при этом, что животные наверняка стараются выбраться на более твердую землю. Чуть позже он услышал тяжелое дыхание болотного медведя, который, преследуя стадо, шел очень осторожно и старался ступать как можно более неслышно по тряской болотной почве. Все эти звуки были привычны для уха графа Брасса, и он почти не реагировал на них.

Даже когда он услышал высокое ржание напуганных лошадей и на расстоянии услышал стук их копыт, он не особенно встревожился и продолжал думать о чем-то своем, пока его собственная лошадь не остановилась и не начала нерешительно переминаться с ноги на ногу. Прямо на них по узкой тропинке в полной панике несясь табун лошадей. Теперь граф Брасс мог видеть жоака-иноходца с налитыми от страха

кровью глазами, с пеной на губах, хрипящего, с вырывающимся из ноздрей паром.

Граф Брасс закричал и замахал руками, надеясь, что вожак свернет в сторону, но тот был слишком напуган, чтобы обращать внимание на жесты и крики. Больше ничего делать не оставалось, и граф Брасс дернул за поводья свою лошадь и свернул в болото, надеясь, что земля в этом месте не очень топкая и что он сможет продержаться по крайней мере до тех пор, пока не пронесется мимо табун. Лошадь спотыкалась о тростник, пытаясь стать потверже, а затем очутилась в воде и граф Брасс неожиданно увидел рядом с собой водяного паука, волна ударила ему в лицо, и в следующую секунду лошадь плыла через лагуну, отважно неся на своих плечах тяжелого всадника в доспехах.

Табун промчался мимо. Граф Брасс удивленно раздумывал, что такое могло напугать их, потому что диких лошадей Камарга вспугнуть не так-то просто. Затем, когда он направил лошадь обратно на тропинку, он услышал звук, который немедленно объяснил ему в чем дело. Он тут же положил руку на рукоятку меча. Это был омерзительный воющий звук — голос барагуна, ужаса болот. Сейчас в живых оставалось несколько этих чудовищ. Это были создания бывшего Лорда-Хранителя, который использовал их, чтобы запугивать жителей Камарга. Граф и его люди почти уничтожили эти создания, но те немногие, что остались, приспособились охотиться по ночам и избегать отрядов людей.

Когда-то барагуны были обычными людьми, пока их не захватили в плен и как рабов отправили в волшебные лаборатории бывшего Лорда-Хранителя. Это были чудовища восьми футов ростом и в ширину до пяти футов, с кожей цвета разлитой желчи, ползающие по болотам на животах и поднимающиеся только для того, чтобы прыгнуть на свою жертву, которую они разрывали твердыми, как сталь, когтями. Когда им, по какой-нибудь случайности удавалось повстречаться с человеком один на один, они наслаждались мстостью, пожирая его член за членом прямо у него на глазах.

Когда его лошадь выбралась на тропинку, граф Брасс увидел барагуна прямо перед собой, ощутил его мерзкий запах и закашлялся от нестерпимой вони. Свой широкий меч он держал в руке.

Барагун услышал его и остановился.

Граф Брасс спешился и встал между конем и чудовищем. Он крепко обхватил меч обеими руками и пошел навстречу барагуну, тяжело ступая в медных доспехах.

В ту же секунду барагун начал подвывать неприятным голосом, чуть приподнявшись и роя землю стальными когтями, пытаясь напугать графа. Но графу Брассу было не привыкать к чудовищам: в свое время он видел и пострашнее. Однако он прекрасно понимал, что шансов у него на победу немного, потому что барагун отлично видел в темноте и болото для него было все равно что дом родной. Граф Брасс призвал на помощь всю свою смекалку.

— Ну, вонючая мерзость, — начал он, — я — граф Брасс, враг всех твоих сородичей. Это я всех вас уничтожил и это благодаря мне у тебя сейчас так мало сестер и братьев. Тебе без них не скучно?

Ответный вой ярости барагуна был очень громким, в нем не было и тени нерешительности. Он заерзал, но не сделал попытки сдвинуться или приблизиться к графу.

Граф Брасс рассмеялся:

— Так что же, трусливое создание волшебства, что же ты мне не отвечаешь?

Чудовище открыло рот и попыталось произнести несколько слов толстыми губами, но если это и была человеческая речь, что маловероятно, то понять ее было практически невозможно. Глаза его не хотели встретиться с глазами графа Брасса.

С полной непринужденностью граф Брасс воткнул свой меч в землю и положил одетые в перчатки руки на крестообразную рукоятку.

— Я вижу, ты раскаиваешься, что напугал лошадей, которых я заприцаю, и сегодня у меня хорошее настроение, так что я тебя пожалею. Иди, я разрешаю тебе жить еще несколько дней. Если останешься — умрешь сейчас.

Он говорил с такой уверенностью, что зверь вновь опустил на землю, хотя и не отступил. Граф поднял меч как бы в нетерпении и пошел вперед намеренно твердым шагом. Он снова поморщился, когда запах чудовища ударил ему в нос, остановился и махнул барагуну.

— Прочь, в болото, в грязь, которой ты принадлежишь. Сегодня я решил пощадить тебя.

Мокрый рот барагуна оскалился, он все еще пребывал в нерешительности.

Граф Брасс нахмурился, обдумывая свой следующий шаг, потому что он понимал, что барагун так легко не оступит. Он поднял меч.

— Значит, ты хочешь иной судьбы?

Барагун начал приподниматься на задних лапах, но граф Брасс рассчитал время до долей секунды. Его тяжелый меч уже опускался на шею чудовища.

Барагун ударил сразу двумя руками, выпустив когти, с криком, в котором одновременно слышались и ненависть и страх. Раздался скрежет металла, когда его когти прошли по доспехам графа, оставив на них глубокие борозды. Граф едва удержался на ногах, попятившись назад. Пасть чудовища раскрылась и закрылась всего лишь в дюйме от лица графа, огромные черные глаза барагуна, казалось, пожирали его, пылая яростью. Граф Брасс отступил, не выпуская меча. Он дернул за рукоятку и меч высвободился. Тогда он крепче оперся о землю и нанес второй удар.

Черная кровь хлынула из раны, обливая графа. Из груди зверя вырвался жгучий вопль, и он руками ухватился за голову, отчаянно пытаясь удержать ее на месте. Затем голова барагуна скатилась с плеч, вновь хлынула кровь, и тело рухнуло на землю.

Граф Брасс стоял недвижимо, тяжело дыша, но на лице его было выражение хмурого удовлетворения. Он тщательно вытер кровь чудовища со своего лица, тыльной стороной ладони разгладив усы и поздравил себя с тем, что вроде бы не растерял еще своего мастерства. Он заранее спланировал каждый ход этого поединка, решив с самого начала, что убьет чудовище. В том, что он обманул это создание, он не видел ничего плохого. Если бы он дрался с барагуном по всем рыцарским правилам, скорее всего он сам, а не барагун, валялся бы сейчас в болоте без головы.

Граф Брасс глубоко вздохнул, набрав полную грудь воздуха, и двинулся вперед. С большим усилием удалось ему столкнуть с тропинки мертвого барагуна сапогом, и тело звучно соскользнуло в болото.

Граф Брасс вновь сел на своего рогатого коня и поскакал в Эйги-Морт, куда и добрался без особых приключений.

Г л а в а 2

ИЙССЕЛЬДА И БОДЖЕНТЛЬ

Граф Брасс был участником всех великих сражений своего времени, он был силой, стоящей за тронами половины правителей Европы, он свергал одних королей, помогая другим добиться престола. Он был непревзойденным мастером интриг, человеком, совета которого добивались в любом важном деле, касающемся политических неурядиц. По чести и по совести его можно было назвать наемником, но он был наемником с идеалами, а идеалы эти заключались в том, что он хотел видеть Европу объединенной и мирной. Поэтому, по собственному выбору и желанию, он предлагал свои услуги той армии, которую считал способной внести лепту в дело мира. Много раз отказывался он от предложения править империей, зная, что наступил такой век, когда любой мог сколотить себе империю лет за пять и потерять ее за полгода, потому что времена наступили тяжелые и вряд ли они могли радикально измениться за время жизни графа. Он хотел лишь немного направлять историю по тому руслу, который считал наилучшим.

Устав от войн, от интриг и даже в какой-то степени от своих идеалов, старый герой принял, в конце концов, предложение народа Камарга стать их Лордом-Хранителем.

Древняя земля болот и лагун находилась недалеко от Средиземного моря. Когда-то она была частью государства, которое называлось Францией, но Франция была сейчас разбита на две дюжины герцогств с пышными названиями. Камарг, над которым небеса всегда переливались оранжевыми, желтыми, красными и пурпурными, с его реликвиями древнего прошлого, с почти неизменными обычаями и ритуалами, понравился старому графу, и он поставил себе задачу обеспечить безопасность этой земли.

Во время своих путешествий по королевским дворам Европы он познал много тайн и секретов, и в результате огромные, мрачно глядевшие башни,

кольцом опоясывавшие границы Камарга, защищали эту территорию верным и почти никому не известным оружием, куда более надежным, чем мечи и огненные копья.

На южных границах Камарга болота постепенно переходили в море и иногда в его небольшие порты заходили корабли, хотя путешественники редко сходили на берег — опасались и не доверяли природе Камарга. Дикие пейзажи могли оказаться предательскими для того, кто не знал местности, а тропинки через болото обнаружить было трудно. К тому же эту землю с трех сторон окаймляли горные кряжи. Человек, который хотел попасть вглубь страны, высаживался на берег дальше к востоку и садился в лодку и плыл по Рейну. Поэтому новости из внешнего мира редко, с запозданием достигали Камарга.

Это было одной из причин, по которой граф здесь поселился. Он наслаждался полной изоляцией, слишком долго он был поглощен делами, решая множество мировых проблем, так что сейчас ни одна новость не могла показаться ему сенсационной. В молодости он командовал в Европе целыми армиями, участвовал в войнах, которые постоянно будоражили континент. Сейчас, однако, он устал от конфликтов и отказывал во всех просьбах совета или помощи независимо от того, какая награда ему за это предлагалась.

На западе от Камарга лежала островная империя Гранбретань, принадлежащая единственной нации, в которой наблюдалась политическая стабильность, с ее полубезумной наукой и тщеславной жадой завоеваний. Построив высокий дугообразный Серебряный мост длиной в тридцать миль над морем, империя продолжала увеличивать свои территории, используя свои темные силы и военные машины, такие, как орнитоптеры, способные летать более чем на сто миль. Но даже вторжение Темной Империи на континент не особенно беспокоило графа Брасса: он верил, что такие явления должны происходить по законам истории, и видел ту неизмеримую пользу, которую может принести сила, даже если она и жестока, объединив воюющие государства в одну нацию.

Философия графа Брасса была философией его собственного опыта, философия человека мирного, и он не видел причины, по которой мог оказаться неправ, тем более что Камарг, за который он единолично отвечал, был достаточно силен, чтобы выстоять даже против Гранбретани.

Обеспечив собственную безопасность и ничуть не страшась Гранбретани, граф даже с некоторым восхищением следил за тем, как с быстротой, жестокостью и знанием дела распространяла свою власть Темная Империя все дальше и дальше по всей Европе, завоевывая с каждым годом все новые и новые земли.

Эта власть уже покорила Скандию и все северные государства вдоль линии, отмеченной знаменитым кругом городов: Париа, Мунхайм, Виена, Краков, Кернинсбург (преддверие в загадочную страну Мусковию). Огромный полукруг охватывал основные земли континента, полукруг, который с каждым днем становился все шире и шире и должен был вскоре

дойти до самых северных графств: Италии, Мадагьярии и Славии. Брасс понимал, что могущество Темной Империи распространится скоро от Норвежского до Северного морей и что только Камарг не подпадет под сферу его влияния и не будет завоеван. Отчасти из-за этого он согласился стать Лордом-Хранителем Камарга, когда его предшественник, жадный и продажный волшебник из земель Булгарии, был разорван на куски своими подчиненными.

Граф Брасс обезопасил Камарг от нападения извне и от беспорядков внутри. Барагунов теперь здесь оставалось совсем немного, и, в основном, они нападали лишь на небольшие деревеньки. Других же чудовищ и вовсе не было.

И сейчас граф жил в своем удобном Замке Эйги-Морт, получая удовольствия от самых простых вещей, те удовольствия, что могла предложить ему эта земля, этот народ, впервые за долгое время почувствовавший себя в безопасности.

Замок, известный всем как Замок Брасса, был выстроен несколько столетий назад в виде пирамиды, которая тогда возвышалась над центром города. Сейчас эта пирамида была покрыта землей, на которой была посеяна трава, посажены сады цветов, виноградных лоз и овощей, росших в ряде тянувшихся террас. Здесь были красивые лужайки, которые поддерживались в прекрасном состоянии, где могли играть дети из Замка и прогуливаться взрослые; здесь росли виноградные лозы, что давали лучшее в Камарге вино, а чуть дальше, ряд за рядом, шли посадки свеклы, поля картофеля, цветной капусты, моркови, салата и множества других самых обычных овощей, наряду с экзотическими, например, гигантскими клюкво-помидорами, зерновыми деревьями и сладкими амбригенами. Росли здесь также и фруктовые деревья и кусты, которые почти круглый год снабжали столы замка.

Замок был построен из того же белого камня, что и остальные дома в городе. Окна в нем были из толстого стекла (многие причудливо раскрашены), а зубчатые башни и стены отделаны изящно и с любовью. С самых высоких его башен можно было видеть почти всю территорию, которую охранял граф, и Замок был сконструирован таким образом, что, когда дул мистраль, можно было так расположить вентиляторы, трубы и маленькие дверки, что Замок начинал петь, и музыка эта, напоминавшая звучанием орган, ветром разносилась на далекие расстояния.

Замок возвышался над красными крышами города, за которым находилась арена для боя быков, выстроенная, как говорили, чуть ли не тысячелетия назад римлянами.

Граф Брасс доскакал на своей измученной лошади до извилистой дороги, что вела в замок, и крикнул часовым, чтобы они открыли ворота. Дождь затихал, но ночь была холодной, и графу хотелось как можно быстрее попасть к огню. Он проехал через большие железные ворота во внутренний двор, где грум принял у него уздечку. Затем граф пошел по ступеням к дверям Замка, прошел коротким коридором и оказался в главном зале.

В камине пылал жаркий огонь, а подле камина в глубоких креслах сидели его дочь Ийссельда и старый друг Боджентль. Когда он вошел, они поднялись с кресел и Ийссельда поцеловала отца в щеку, приподнявшись на дышочки, а Боджентль смотрел на нее с улыбкой.

— Я полагаю, надо первым делом съесть что-нибудь горячее и переодеться во что-нибудь более теплое, чем эти доспехи,— произнес Боджентль, дергая за веревку звонка.— Я прослежу, чтобы все было сделано.

Граф Брасс благодарно кивнул и подошел поближе к огню, стягивая с головы шлем и пристраивая его на доске камина. Ийссельда опустилась на колени подле его ног, дергая за шнуровку сапог. Это была красивая девушка девятнадцати лет с мягкой, розовато-золотистой кожей и светлыми волосами — прекрасного золотистого оттенка. Она была одета в пышное ярко-оранжевое платье, и ее можно было сравнить с духом огня, когда она быстро и грациозно подошла к слуге, который уже стоял наготове со сменной одежды для графа.

Еще один слуга помог графу избавиться от нагрудной пластины доспехов и быстро освободил его от остального. Вскоре граф был одет в мягкие свободные брюки и белую шерстяную рубашку, поверх которых накинул льняной халат.

Небольшой столик, заставленный бифштексами, картофелем, салатами и изумительным густым соусом, был пододвинут к огню вместе с флягой мускатного вина. Граф Брасс со вздохом сел и принялся за еду.

Боджентль стоял у огня, наблюдая за ним, в то время как Ийссельда свернулась клубочком в кресле напротив и ждала, когда отец утолит голод.

— Итак, милорд,— произнесла она с улыбкой,— как прошел день? Все ли наши пребывания в безопасности?

Граф Брасс кивнул и ответил в том же шутовском тоне:

— Похоже, что так, миледи, хотя мне и не удалось проверить все северные башни, кроме одной. Пошел дождь, и я решил вернуться домой.

Он рассказал им о встрече с барагуном. Ийссельда слушала его с широко распахнутыми глазами, а Боджентль постоянно хмурился, и губы на его аскетическом лице были поджаты. Знаменитый поэт-философ не всегда одобрительно относился к эскападам своего друга и считал, что граф Брасс сам виноват во всех приключениях, которые с ним происходят.

— Разве вы не помните,— сказал Боджентль, когда граф закончил свой рассказ,— что еще утром я советовал вам взять с собой фон Вилака и еще несколько человек?

Фон Вилак был первым лейтенантом графа, преданным старым солдатом, принимавшим участие почти во всех сражениях.

Граф Брасс рассмеялся, глядя в озабоченное лицо друга.

— Фон Вилака? Он стар и медлителен и если бы я взял его с собой в такую погоду, то это никак нельзя было бы назвать добрым поступком с моей стороны!

Боджентль улыбнулся.

— Он всего лишь на год или два моложе вас, граф...

— Вполне возможно, но разве он смог бы справиться с барагуном один на один?

— Дело совсем не в этом,— возразил Боджентль,— если бы с вами был он и отряд вооруженных солдат, вам вовсе не пришлось бы сражаться с барагуном.

Граф Брасс взмахнул рукой, желая оставить эту тему разговора.

— Мне следует поддерживать форму, иначе у меня есть шанс стать таким же увальнем, как фон Вилак.

— Но на тебе лежит ответственность за весь здешний народ, отец,— вмешалась Ийссельда.— Если бы ты был убит...

— Я не буду убит! — Граф улыбнулся, как будто смерть была чем-то таким, от чего страдали или могли пострадать лишь другие. В свете камина его голова напоминала боевую маску древнего племени варваров, отлитую из металла, маску, которую действительно нельзя было уничтожить.

Ийссельда пожалла плечами. Она унаследовала от отца почти все черты его характера и была твердо убеждена, что спорить с таким упрямым, как граф, бесполезно. В одной из своих поэм Боджентль так когда-то написал о ней: «Она, как шелк, сильна, мягка», и, глядя сейчас на них обоих, он с тихим удовлетворением отметил, как выражение лица одного находит свое отражение на другом.

Боджентль сменил тему разговора:

— Сегодня я слышал, что Гранбретань заняла провинцию Кельн не далее как шесть месяцев назад, их завоевания распространяются словно чума...

— Оздоровительная чума,— отозвался граф Брасс, откидываясь на спинку кресла.— По крайней мере они всюду водворяют порядок.

— Политический порядок, возможно,— сказал Боджентль с некоторым жаром,— но уж никак не духовный и не моральный. Их жестокость неслыханна и не имеет границ. Они безумны, сошли с ума. У них больные души, которые любят лишь зло и ненавидят все, что благородно.

Граф Брасс пригладил усы.

— Все эти злодеяния существовали и раньше. Да и незачем далеко ходить. Булгарский волшебник, который был здесь Лордом-Хранителем до меня, отличался точно такой же любовью ко злу.

— Булгарский волшебник был так же маркиз Пешт, Рольдар Николаев — единичное явление. Они были исключение и почти в каждом случае люди, которых они вели за собой, восставали против них и уничтожали их. Но Темная Империя — н а ц и я таких индивидуумов, и поступки, которые они совершают, считаются естественными. В Кельне они развлекались тем, что распинали маленьких девочек, превратили в евнухов мальчиков, а взрослых заставляли заниматься любовью прямо на улицах. Это нельзя назвать естественной жестокостью. Граф, и это еще самое мягкое из всего, что они обычно вытворяют. Они поставили своей целью уничтожить человечество.

— Все эти истории сильно преувеличены, друг мой. Вы и сами должны это понимать. Да что там говорить, меня самого сколько раз обвиняли в...

— Из всего, что я слышал,— перебил его Боджентль,— эти слухи как раз не преувеличение истины, а, скорее наоборот, ее упрощение. Если они позволяют столь ужасно вести себя на людях, то хотел бы я знать, до чего они доходят в своих личных забавах?

Ийссельда задрожала.

— Мне даже подумать страшно...

— Вот именно,— произнес Боджентль, поворачивая голову в ее сторону.— И мало кто в состоянии рассказать о том, свидетелями чего они стали. Порядок, который они насаждают, искусственный, а хаос, что они с собой несут, убивает человеческую душу.

Граф Брасс пожал плечами.

— Что бы они там ни вытворяли, все это временно. Но то единение, которое они несут своей силой в мир, постоянно. Запомните мои слова.

Боджентль сложил на груди руки.

— Слишком велика цена, граф Брасс.

— Нет цены, которая была бы слишком велика для такой цели! А вы чего же хотите? Чтобы герцогства и графства в Европе разбивались на все меньшие и меньшие земли и чтобы война была постоянным фактором в жизни людей? Пока что человек со дня рождения и до самой смерти не знает покоя. Все время происходят перемены. По крайней мере Гранбретань предлагает постоянство!

— И страх? Нет, друг мой, я не могу с вами согласиться.

Граф Брасс налил себе кубок вина, неторопливо выпил его и слегка зевнул, прикрыв рот ладонью.

— Вы слишком близко к сердцу принимаете все события, Боджентль. Нельзя так серьезно к этому относиться. Если бы вы обладали моим опытом, вы бы поняли, что такое зло преходяще: либо оно надоедает тем, кто его совершает, либо его уничтожает кто-то еще. Пройдет сто лет, Гранбретань превратится в самое порядочное и высокоморальное государство на Земле.

Граф Брасс подмигнул своей дочери, но на этот раз она не ответила ему улыбкой, скорее соглашаясь с Боджентлем.

— Их болезнь слишком тяжела для того, чтобы они смогли излечиться от нее всего за сто лет. Это заметно даже по их внешнему виду. Звериные маски, усыпанные драгоценными камнями, которые они никогда не снимают. Гротескные одежды, которые они носят даже в самом жарком климате. Их позы, походка — все указывает на то, что они представляют собой на самом деле. У них наследственное безумие и это же безумие перейдет к их детям.— Боджентль ударил себя по коленке.— А наша пассивность лишь поощряет их действовать в том же духе. Мы должны...

Граф Брасс поднялся с кресла.

— Пора спать. Завтра мы обязательно должны появиться на арене для боя быков, ведь завтра — открытие нашего фестиваля.

Он кивнул Боджентлю, легко поцеловал дочь в лоб и вышел из зала.

Г л а в а 3

БАРОН МЕЛИАДУС

Это было время, когда народ Камарга по окончании полевых работ начинал свой фестиваль. Все дома были украшены цветами, люди были одеты в яркие шелка и льняные ткани. Молодежь веселилась на улицах, а солдаты охраны маршировали при полном параде. Днем назначались бои быков, происходившие в старинном каменном амфитеатре на окраине города.

Сиденья амфитеатра были сделаны из гранита и располагались ярусами. Совсем близко к арене на южной стороне было сооружено небольшое помещение, красная крыша которого покоилась на высоких изогнутых колоннах. Пространство между колоннами было занавешено тяжелыми темно-коричневыми и красными портьерами. Здесь за боем быков наблюдали граф Брасс, его дочь Ийссельда, Боджентль и старый фон Вилак.

Из своей ложи граф Брасс и все, кто сидел с ним, могли видеть почти весь амфитеатр, который постепенно стал заполняться людьми. Были слышны возбужденные голоса и хрипенье быков за оградой.

Зазвучали фанфары. Эту обязанность исполнили шесть солдат охраны в племах с плюмажами и плащах небесно-голубого цвета, стоявшие в дальнем конце амфитеатра. Бронзовые трубы перекрыли и хрипенье быков, и веселый шум народа. Граф Брасс выступил вперед.

При его появлении приветственные крики усилились, он улыбнулся толпе и поднял вверх скрещенные руки. Когда толпа успокоилась, он приступил к традиционной речи, которой всегда открывался фестиваль.

— Древний народ Камарга, которого судьба охранила от страшных последствий Трагического Тысячелетия: вы, которым дана была жизнь, празднуйте эту жизнь сегодня. Вы, чьи предки были спасены свирепым мистралем, очистившим небеса от отравы, которая остальным принесла смерть и болезни, восхвалите этим фестивалем приход Ветра Жизни!

Вновь зазвучали приветственные крики, и во второй раз прозвучали фанфары. Затем на арену выбежали двенадцать огромных быков. Они бежали, высоко задрав хвосты, со сверкающими рогами, из их ноздрей шел пар, красные глаза свирепо горели. Это были самые лучшие боевые быки Камарга, которых год готовили для предстоящего сегодня праздника, когда безоружным людям, что попытаются сорвать с их шей и рогов гирлянд цветов, придется сражаться с быками.

Следом на арену выехали солдаты охраны на рогатых лошадях, они приветственно помахали толпе и погнали быков в загон под амфитеатром.

Когда с большим трудом солдатам, наконец, удалось загнать быков в загон, на арену выехал церемониймейстер, одетый в радужный плащ, широкополую светло-голубую шляпу, держа в руке золотой рупор, через который он и объявил первый поединок.

Усиленный рупором и отраженный каменными стенами амфитеатра, голос человека почти напоминал рев разъяренного быка. Он назвал кличку первого быка — Корнеруж из Эйги-Морта, владелец Попс Яхар, знаменитый укротитель, а затем имя главного тореадора — Махтан Джастил из Арля. Церемониймейстер развернул коня и ускакал с арены. Почти сразу же из-под амфитеатра выбежал Корнеруж, мотая головой с огромными рогами, на которых висели красные ленты, развевающиеся на ветру.

Корнеруж был огромный бык, футов пяти в холке. Он бил хвостом по своим бокам как лев, красные глаза сверкали, толпа встретила его появление громкими криками. На арену полетели цветы, падая на его широкую спину. Он быстро развернулся, роя песок арены копытами и топчa цветы.

Внезапно, с непринужденной легкостью, появился тореадор в черном плаще с красной шелковой отделкой, в обтягивающем черном кожаном жакете и брюках, отделанных золотом, в высоких черных кожаных сапогах с серебряными шпорами. У него было молодое, подвижное, настороженное лицо. Он кинул в публику свою широкополую шляпу и повернулся к быку. Хотя ему едва и сравнялось двадцать лет, Махтан Джастил сумел отличиться на трех предыдущих фестивалях. Теперь ему кидали цветы женщины, и он галантно поднимал их, посылая воздушные поцелуи, но не забывая при этом приближаться к быку. Он изящным движением сбросил с плеч свой плащ, одновременно показывая быку красный цвет подкладки. Корнеруж сделал несколько танцующих шагов вперед, вновь захрипел и опустил рога.

Потом он напал.

Махтан Джастил чуть отступил в сторону и рука его метнулась вперед, срывая одну из лент с рогов быка. Толпа зашумела, восторженно затопала ногами. Бык мгновенно развернулся и снова напал. И вновь Джастил отступил в сторону в самый последний момент и вновь сорвал одну из лент. Он взял оба трофея в белые зубы и широко улыбнулся сначала толпе, потом быку.

Первые две ленты, завязанные на бычьих рогах высоко, были легкой добычей, и Джастил снял их почти без труда. Сейчас надо было снять с рогов ленты, завязанные ниже, а это было опасно.

Граф Брасс наклонился из своей ложи далеко вперед, восхищенно глядя на тореадора. Ийссельда улыбнулась.

— Разве он не великолепен, отец? Совсем как танцор!

— Да, танцор со смертью, — сказал Боджентль с шутливой серьезностью.

Старый фон Вилак откинулся в своем кресле, испытывая скуку от этого зрелища. А может, зрение у него ослабело, а он просто не хотел в этом признаваться.

Тем временем бык на арене мчался прямо на Махтана Джастила, который стоял на его пути, положив руки на бедра, бросив плащ на песок у своих ног. Когда казалось, что бык сомнет человеческую фигуру и отступить невозможно, Джастил прыгнул высоко вверх, чуть не задев телом рога, и перелетел через Корнеружа, который уперся копытами в песок и удивленно захрипел, пока не повернул голову, услышав за своей спиной окрик Джастила.

Но раньше, чем бык успел развернуться, Джастил прыгнул еще раз, но на этот раз на спину животного, и несмотря на то, что бык начал отчаянно вскидывать задние ноги, изо всех сил уцепился за один из рогов, одновременно снимая с другого ленты. Очень скоро бык сбросил его, но в руках у Джастила была еще одна лента, которой он помахал в воздухе, потом перекатился с боку на бок и только успел подняться на ноги, как Корнеруж напал на него в очередной раз.

Толпа ревела, хлопая в ладоши, крича изо всех сил, топая ногами и бросая на арену море цветов. Вокруг арены бежал Джастил, преследуемый быком.

Потом он несколько театрально остановился и повернулся, как бы недоумевая, что бык все еще здесь и преследует его.

Джастил снова прыгнул, но на этот раз острый рог задел его куртку, разорвал ее, и тореадор потерял равновесие. Он соскользнул со спины быка и упал на землю, но неудачно, перекатываясь с боку на бок, а бык продолжал лететь на него.

Джастил откатился в сторону, все еще контролируя свои движения, но не в силах подняться. Голова быка опустилась, рог ударил по телу. В солнечном свете сверкнули капли крови, и, как один человек, застонала публика, испытывая смешанные чувства жалости и жажды крови.

— Отец! — Рука Ийссельды сжала плечо графа Брасса. — Он погибнет! Помоги ему!

Граф Брасс покачал головой, хотя он и сделал произвольное движение в направлении арены.

— Это его личное дело. Он прекрасно знал, на что шел.

Бык подкинул тело Джастила высоко в воздухе. Его руки и ноги болтались, словно у тряпичной куклы. На арену выехало несколько солдат охраны с длинными копьями, чтобы отогнать быка.

Но, бросив тело Джастила на песок, бык не желал уходить, стоя над телом своей жертвы.

Граф Брасс перепрыгнул через высокий борт арены раньше, чем осознал, что он делает. Словно металлический гигант, закованный в медные доспехи, он побегал вперед, прямо на быка.

Всадники расступились перед стремительностью его бега, а граф Брасс бросился к голове быка и схватил его за рога. Когда он начал наклонять голову быка, вены на его висках набухли и налились кровью.

Потом голова дернулась, и ноги графа чуть не оторвались от земли. Но руки не ослабили хватки, он лишь переместил вес своего тела в сторону, направляя голову быка так, что стало казаться, что он склоняет ее.

Наступила мертвая тишина. В своей ложе Ийссельда, Боджентль и фон Вилак подались вперед, лица их были бледны, как бумага. Амфитеатр, затаив дыхание, глядел, как граф Брасс усиливает нажим.

Ноги Корнеружа задрожали. Он захрипел, и его тело задергалось. Но граф Брасс не покачнулся. Напряглись, казалось, даже его усы и волосы, шея вздулась и покраснела, но постепенно бык начал ослабевать и затем медленно упал на колени.

Подбежали солдаты, оттащили раненого Джастила и унесли его с арены.

Затем рывком граф Брасс бросил быка на бок.

Корнеруж лежал абсолютно спокойно, признавая себя полностью побежденным.

Граф Брасс выпрямился и сделал шаг назад; но бык так и остался лежать, глядя на него помутневшими удивленными глазами, чуть ударя хвостом по песку. Его огромная грудь тяжело вздымалась и опускалась.

Тогда раздались приветственные возгласы. Они ширились и усиливались.

Толпа, как один человек, встала, приветствуя Лорда-Хранителя, а Махтан Джастил с трудом появился на арене, прошел ее, зажимая рукой рану, и в знак признательности пожал руку графа Брасса.

В ложе Ийссельда плакала слезами облегчения и гордости, и Боджентль, не стыдась, отирал слезы. Лишь фон Вилак не поддался общему взрыву сентиментальности, только кивнув головой в знак одобрения действий своего старого господина.

Граф Брасс пошел к ложе, улыбаясь дочери и друзьям. Он вновь перепрыгнул через каменное ограждение ложи и очутился на своем месте. Он смеялся, наслаждаясь жизнью, подняв руки и приветствуя толпу, которая кричала ему громкое «Ура!».

Он стоял с поднятыми руками, пока не затихли приветственные возгласы. После этого он обратился к людям с речью:

— Не надо устраивать оаций мне — лучше устройте их Махтану Джастилу. Он выиграл трофеи. Смотрите...

Тут он разжал руки и вытянул их ладонями вперед.

— У меня ничего нет! — В ответ раздался смех. — Пусть фестиваль продолжается.

С этими словами граф Брасс опустился в кресло.

К этому моменту Боджентль вполне овладел собой и наклонился к графу Брассу.

— Итак, друг мой, вы все еще продолжаете утверждать, что не вмешиваетесь в чужие драки?

Граф улыбнулся:

— Вы неисправимы, Боджентль. Ведь это всего лишь частный случай, разве не так?

— Если вы все еще сохраняете свои мечты об объединенном континенте, то дела Европы тоже ч а с т н ы й случай.— Боджентль дотронулся до подбородка.— Или вы не согласны?

На мгновение выражение лица графа Брасса стало серьезным.

— Возможно... — начал он, но затем покачал головой и засмеялся: — О, хитроумный Боджентль, вам все еще удается иногда смутить меня.

Но позже, когда они ушли из амфитеатра и вернулись в Замок, лицо графа Брасса было нахмурено.

* * *

Когда граф Брасс и его свита въехали во двор Замка, один из солдат выбежал им навстречу, указывая рукой в направлении изящного экипажа и нескольких вороных скакунов под седлами незнакомой работы, которых распрягали грумы.

— Сир,— задыхаясь выговорил солдат,— пока вы были в амфитеатре, в наш Замок прибыли посетители. Дворяне, насколько я могу судить, хотя и не знаю, захотите ли вы их принять.

Граф Брасс тяжелым взглядом окинул экипаж. Весь он был металлический, из темного золота, стали и оникса. Форма его напоминала тело гротескного зверя с лапами, переходящими в когти, которые зажимали оси колес. Крыша была в форме головы рептилии с рубиновыми глазами, с опускающимся вниз удобным сиденьем для кучера. Дверцы были разрисованы изображениями оружия, звериными мордами и символами, довольно странными. Граф узнал конструкцию экипажа и оружие, изображенное на дверцах. Экипаж был изготовлен сумасшедшими кузнецами Гранбретани, а оружие было гербом одного из самых знаменитых и могущественных дворянских родов этого государства.

— Это барон Мелиадус из Кройдена,— произнес граф Брасс, спешиваясь.— Что за дело могло привести столь могущественного дворянина в нашу крохотную захолустную провинцию?

Он произнес все это с заметной иронией, но было видно, что он встревожен. Когда поэт-философ подошел и встал рядом с графом, тот бросил на него тревожный взгляд.

— Мы будем любезны с ним, Боджентль,— предупредил граф.— Мы окажем ему все гостеприимство Замка Брасс. Мы не воюем с Гранбретанью, и ссор у нас с ними не было.

— Сейчас — нет,— явно неодобрительно проговорил Боджентль.

Граф Брасс и Боджентль пошли вперед. Ййссельда и фон Вилак — следом. Все поднялись по ступеням и вошли в зал, где в одиночестве их ждал барон Мелиадус.

Барон был почти такого же роста, что и граф Брасс. Он был одет в сверкающие черные и темно-голубые одежды. Даже его усыпанная дра-

гоценными камнями и, словно шлем, закрывавшая голову звериная маска была сделана из странного металла черного цвета. Маска изображала оскаленную пасть волка с острыми клыками в открытых челюстях, вместо глаз были использованы синие сапфиры. Стоя в тени, в черном плаще, прикрывавшем почти целиком его черные доспехи, барон Мелиадус походил на одного из тех мифических богов-зверей, которым все еще поклонялись в землях за Средним Морем. Когда хозяйева вошли в зал, он поднял руку в черных боевых перчатках и снял маску, обнажив белое лицо с крупными чертами, с аккуратно подстриженной бородкой и усами. Волосы у него тоже были черными и густыми, глаза же были странного бледно-голубого оттенка. Барон был, по всей видимости, безоружен, как бы показывая, что пришел с миром. Он низко поклонился и заговорил низким, музыкальным голосом:

— Приветствую знаменитого графа Брасса и прошу простить меня за это неожиданное вторжение. Я отправил впереди себя посланцев, но они прибыли слишком поздно и не застали вас в Замке. Я — барон Мелиадус из Кройдена, Гранд Констебль Ордена Волка, Первый Генерал армии нашего великого Короля-Императора Гуона...

Граф Брасс наклонил голову:

— Мне известны ваши великие деяния, барон Мелиадус, и я узнал герб на дверцах кареты. Приветствую вас. Замок Брасс принадлежит вам на столько времени, на сколько вы пожелаете здесь остаться. Наша жизнь, боюсь, слишком проста в сравнении с той роскошью, которой, как я слышал, пользуется даже самый бедный гражданин могущественной Империи Гранбретань, но все, что здесь понравится, тоже принадлежит вам.

Барон Мелиадус улыбнулся.

— Перед вашим благородством и гостеприимством меркнет все, что есть в Гранбретани, о знаменитый герой. Благодарю вас.

Граф Брасс представил свою дочь, и барон, приблизившись к ней с низким поклоном, поцеловал ей руку. Ее красота произвела на него впечатление. С Боджентлем он был вежлив, показывая знакомство с трудами поэта-философа. Когда Боджентль отвечал ему, то голос его дрожал от напряжения, чтобы остаться в рамках вежливости. С фон Вилаком барон обменялся несколькими словами о знаменитых сражениях, в которых отличился некогда ветеран, и фон Вилак был явно польщен.

Несмотря на прекрасные манеры и взаимную изысканную вежливость, в атмосфере ощущалась напряженность. Боджентль принес извинения и удалился, вскоре после него тактично ушли Ййссельда и фон Вилак, оставив барона и графа обсудить дело, которое привело барона в Замок Брасс. Глаза барона секундой дольше, чем это позволяли приличия, задержались на девушке, когда она выходила из зала.

Было подано вино и сладости. Двое мужчин удобно расположились в мягких креслах.

Барон Мелиадус посмотрел на графа Брасса поверх своего кубка.

— Вы — человек опытный, милорд, — произнес он. — Человек, хорошо знающий жизнь. Поэтому вы наверняка поняли, что мой визит к вам вызван не только желанием насладиться прекрасными видами вашей провинции.

Граф Брасс слегка улыбнулся, поскольку ему понравилась прямота барона.

— Верно, — согласился он, — хотя для меня большая честь принять столь знаменитого дворянина Короля Гуона.

— Это чувство и я разделяю по отношению к вам, — ответил барон Мелиадус. — Без сомнения, вы самый известный герой в Европе, возможно, самый знаменитый за всю ее историю. Мне почти страшно видеть вас во плоти, а не отлитым из металла.

Он засмеялся, и граф Брасс вслед за ним.

— Я был удачлив, — ответил граф, — и судьба была ко мне благосклонна, всегда оказываясь на стороне моих суждений. Кто может сказать, хорош ли этот век, в котором мы живем, для меня или это я хорош для этого века?

— Вы почти также сильны в философии, как и ваш друг Боджентль, и это подтверждает все, что я слышал о вашей мудрости. Мы в Гранбритании гордимся своим умением в этой области, но мне кажется, нам многому можно было бы поучиться у вас.

— Я знаю лишь детали, а у вас есть предвидение целого.

Граф попытался по лицу барона определить, к чему тот клонит, но выражение лица барона оставалось бесстрастным.

— Но нам нужны именно детали, — продолжал барон Мелиадус, — чтобы наши самые великие чаяния осуществились как можно скорее в ближайшем будущем.

Теперь граф Брасс понял, зачем барон приехал сюда, но он ничем не показал этого, наоборот, на лице графа появилось несколько удивленное выражение и он вежливо подлил гостю вина.

— Наша судьба в том, чтобы править всей Европой, — сообщил барон.

— Кажется, это действительно ваша судьба, — согласился граф Брасс. — И в принципе я такое стремление поддерживаю.

— Я рад, граф Брасс. Нас часто неправильно понимают. У нас множество врагов, распространяющих о нас клевету по всему миру.

— Меня не интересуют правдивость или ложность подобных слухов, — ответил граф Брасс. — Лично я верю в вашу ц е л ь.

— Значит, противодействовать расширению Империи вы не будете? — Барон Мелиадус испытующе посмотрел на него.

Граф Брасс улыбнулся:

— Исключая лишь один случай. Я говорю сейчас о земле, защитником которой являюсь, Камарге.

— Значит, вы не откажетесь ради безопасности заключить между нами мирный договор?

— Не вижу в нем необходимости. Нашу безопасность обеспечивают мои башни.

— Гмм... — Барон Мелиадус посмотрел на пол.

— Скажите, милорд, и вы приехали сюда лишь из-за этого? Предложить мне мирный договор? Может быть, даже союз?

— Определенного рода, — кивнул барон. — Союз определенного рода.

— Я не буду воевать против вас, но не окажу и своей поддержки, — сказал граф. — Я буду противодействовать вам лишь в том случае, если вы нападете на мои земли. Я поддерживаю вас только мысленно, поскольку считаю, что Европа должна быть объединена.

Прежде чем заговорить, барон Мелиадус раздумывал какое-то время.

— А если такому объединению будут угрожать настолько, что оно не сможет произойти? — в конце концов спросил он.

— Я не верю в то, что такое возможно, — засмеялся граф. — Сейчас в мире не осталось сил, способных противостоять могуществу Империи Гранбретань.

— В этом вы, безусловно, правы, — поджал губы барон. — Наши бесконечные победы стали нам приедаться. Но чем больше земель мы завоевываем, тем больше распыляем свои силы. Если бы мы знали королевские дворы Европы так же хорошо, как, скажем, знаете их вы, мы бы лучше понимали, кому можно доверять, а кому — нет. Следовательно, больше своих усилий смогли бы сконцентрировать на собственных слабостях. Вот, к примеру, Великий Герцог Зимион — наш губернатор в Нормандии. — Барон Мелиадус осторожно взглянул на графа Брасса. — Как вы считаете, мудро мы поступили, выбрав именно его? Он боролся за трон Нормандии еще тогда, когда его занимал его двоюродный брат Джуэляр. Останется ли он честным и не изменит ли нам, приняв наши условия и получив трон?

— Зимион, вот как? — Граф Брасс улыбнулся. — Я помог разбить его войска под Роуэном.

— Знаю. Но какого вы о нем мнения?

Улыбка графа Брасса становится все шире по мере того, как выражение лица барона становилось все напряженнее. Теперь граф совершенно точно знал, что от него хочет Гранбретань.

— Он великолепный наездник и имеет слабость к женскому полу, — сказал граф.

— Это не подскажет нам, до какой степени мы можем ему доверять. — Едва сдерживая нетерпение, барон поставил свой кубок с вином на стол.

— Верно, — не стал спорить граф.

Он взглянул на большие настенные часы, висевшие над камином. Их золотые стрелки показывали одиннадцать часов вечера. Огромный маятник качался влево-вправо, отбрасывая на стену мелькающую тень. Часы начали бить.

— Мы рано ложимся спать в Замке Брасс, — почти небрежно заметил граф. — Боюсь, мы все здесь живем простой крестьянской жизнью. — Он

поднялся со своего кресла.— Я прикажу слуге проводить вас в вашу комнату. Ваших людей можно будет разместить в соседних помещениях.

Легкое облачко набежало на чело барона Мелиадуса.

— Граф Брасс, мы прекрасно осведомлены о вашем искусстве в политических вопросах, о вашей мудрости, о вашем полном всеведении слабых и сильных сторон королевских дворов Европы. Мы хотим использовать ваши знания. Взамен мы предлагаем вам богатство, власть, безопасность...

— Мне вполне достаточно того, что я имею из первых двух предложений, а третье мне обеспечено,— как можно мягче проговорил граф Брасс, дергая за шнурок колокольчика.— Простите меня, но сегодня я очень устал и хочу отдохнуть. У меня был весьма тяжелый день.

— Выслушайте мое разумное предложение, милорд, умоляю вас.— Барон Мелиадус с трудом сдерживался, стараясь казаться в хорошем настроении.

— Надеюсь, вы пробудете с нами некоторое время, барон, и сможете рассказать нам все новости.— В зал вошел слуга.— Проводите, пожалуйста, нашего гостя в отведенные для него покои,— приказал граф Брасс.

Он поклонился барону.

— Спокойной ночи, барон Мелиадус. Надеюсь увидеть вас за завтраком в восемь часов утра.

Когда барон вышел из зала вслед за слугой, на лице графа Брасса появилось слегка удивленное выражение. Ему приятно было узнать, что Гранбретань ищет его помощи, но оказывать ее вовсе не входило в его намерения.

Он надеялся, что ему удастся достаточно вежливо уклониться от тех вопросов, которые стал бы задавать ему барон, поскольку у него не было ни малейшего желания портить отношения с Темной Империей. Кроме того, ему просто понравился барон Мелиадус. Казалось, у них много общего.

Г л а в а 4

БИТВА ЗАМКА БРАСС

Барон Мелиадус оставался в Замке Брасс неделю. После первой ночи он снова обрел свое достоинство и ни разу не выказывал признаков нетерпения, когда граф Брасс отказывался выслушивать его излияния о чаяниях и желаниях Гранбретани.

Возможно, не одно лишь порученное ему дело удерживало барона в Замке Брасс, так как было очевидно, что он весьма много внимания уделяет Ийссельде. Когда он был рядом с ней, то выглядел особенно покладистым и вежливым, причем до такой степени, что было ясно, что Ийссельда, неискушенная в придворных интригах, очень ему нравилась.

Казалось, граф Брасс ничего не замечал. Однажды утром, когда они прогуливались по верхним террасам замка, Боджентль сказал своему другу:

— Барон Мелиадус, кажется, не только заинтересован в том, чтобы соблазнить вас делами Гранбретани. Если не ошибаюсь, в голове у него есть и другие соблазны.

— А? — Граф Брасс оторвался от своих размышлений по поводу виноградных лоз на нижней террасе.— Что ему еще надо?

— Вашу дочь,— мягко сообщил Боджентль.

— Ох, Боджентль, бросьте! — рассмеялся граф.— Вы видите угрозу и злые намерения этого человека в каждом его поступке. Он порядочный дворянин. И кроме того, ему кое-что от меня нужно. Он никогда не позволит себе заменить тщеславные мечты пустым флиртом. Я думаю, вы несправедливы к барону Мелиадусу. Лично мне он день ото дня нравится все больше.

— Значит, для вас опять настало время заняться политикой, милорд,— с некоторым жаром, но все еще мягко заметил Боджентль,— потому что наши суждения перестали быть такими верными, как бывали раньше.

Граф Брасс пожал плечами.

— Как бы там ни было, думаю, вы уподобились нервной старушке, друг мой. С момента прибытия барон Мелиадус вел себя вполне достойно, и мне не в чем упрекнуть его. Не хочу скрывать, я лично считаю, что он просто тратит время, пытаясь меня уговорить, и лично я предпочел бы, чтобы он уехал как можно скорее, но если у него есть какие-либо намерения в отношении моей дочери, я не замечал ничего подозрительного. Конечно, у него могла возникнуть мысль о женитьбе, но Ийссельда никогда на это не согласится же так, как и я.

— А что, если Ийссельда любит барона Мелиадуса, а он просто пылает к ней страстью?

— Как она может любить барона Мелиадуса?

— Вряд ли ей часто удастся встречать в Камарге людей столь же красивых и умных.

— Гмм,— пробурчал граф Брасс не совсем уверенно.— Если бы она полюбила барона, она ведь сказала бы мне об этом, верно? Я поверю вашим сказкам, когда услышу их подтверждение из уст Ийссельды!

Боджентль задумался, не является ли отказ графа Брасса видеть то, что происходит буквально под его носом, тайным желанием вообще ничего не знать о характере тех, кто правит Гранбретанью; или это обычная отцовская слепота по отношению к собственному дитяти, не давшая ему знать то, что было для любого другого очевидно. Ничего не говоря, Боджентль решил, что будущем не спустит глаз с барона Мелиадуса и с Ийссельды. Он был убежден, что мнение графа об этом человеке не было правильным. О человеке, который устроил бойню в Льеже, отдал приказ уничтожить Сабрук и чьи извращенные вкусы шепотом обсуждались от Северного Мыса до Туниса, вызывая у обсуждающих чувство ужаса. Как он однажды заметил, граф слишком долго прожил в провинции, наслаждаясь ее целительным воздухом. Теперь он уже не мог распознавать запах коррупции, даже если пахло достаточно сильно.

Хотя граф Брасс был весьма осторожен в беседах с бароном Мелиадусом, гранбританец старался ничего не скрывать от него, скорее наоборот, рассказывал как можно больше. Казалось, даже там, где Гранбритань не

правила, всегда находились и отдельные дворяне и простой люд, которые желали заключить с агентами Темной Империи секретные соглашения, рассчитывая на обещание власти от Короля-Императора, если они помогут уничтожить тех, кто будет противиться Гранбретани. А тщеславные притязания Гранбретани не имели предела не только в Европе, но и простирались на Азию. Восхищение графа Брасса тактическим искусством Империи росло день ото дня.

— Через двадцать лет,— вещал барон Мелиадус,— вся Европа будет нашей. Через тридцать — вся Аравия и примыкающие к ней страны. А через пятьдесят у нас накопится достаточно сил, чтобы напасть на ту загадочную страну, что обозначена на наших картах как Азиакоммуниста.

— Древнее и романтическое название,— улыбнулся граф Брасс,— как говорят, название необычайной силы. Не там ли, по слухам, находится Рунный Посох?

— Да, говорят, что он стоит на самой высокой вершине мира, где лежат вечные снега и не прекращаясь дуют ветры, что охраняют его волосатые люди десяти футов ростом, необыкновенно мудрые, с лицами обезьян и настолько древнего возраста, что потерял счет столетиям.— Барон Мелиадус улыбнулся.— Но про Рунный Посох вообще очень много говорят, как и о месте, где он находится. Кое-кто утверждает, что он в Амареке.

— Ах, Амарека,— кивнул граф Брасс,— и эту землю включаете вы в свои мечты об Империи?

Амарека была огромным континентом, лежащим через океан на запад. На этом континенте, по слухам, правила существа, обладающие почти божественным могуществом. Говорили, что они ведут жизнь простую, спокойную, замкнутую в себе. Их цивилизация, о чем ходили упорные слухи, не пострадала от последствий Трагического Тысячелетия, в то время как остальной мир рухнул. Граф Брасс просто пошутил, когда спросил об Амареке, но барон Мелиадус искоса взглянул на него, и в его бледных глазах появился странный блеск.

— Почему бы и нет? — ответил он.— Я буду штурмовать дворцы самого неба, если только мне удастся найти их.

Вскоре граф Брасс, испытывая смятенные чувства, оставил барона, впервые задумавшись, было ли его решение оставаться нейтральным правильным.

* * *

У Ийссельды, которая не уступала в уме отцу, не было, однако, ни его опыта, ни его способности разбираться в людях. Даже не совсем чистую репутацию барона она считала достаточно привлекательной и в то же время не могла поверить, что все рассказанное о нем правда. Потому что, когда он разговаривал с ней своим мягким, чарующим голосом, расточая комплименты ее уму и красоте, ей казалось, что

перед ней человек, обладающий мягким характером, вынужденный вы-
глядеть хмурым и беспощадным из-за занимаемой им должности и своей
роли в истории мира.

И вот в третий раз со времени его прибытия в Замок, она выскользнула
ночью из своей спальни, чтобы пойти к нему на свидание в западную
башню, в которую никто не ходил со времени кровавой гибели в ней
прежнего Лорда-Хранителя.

Их свидания носили вполне невинный характер: пожатия рук, легкий
поцелуй, слова любви, проносимые шепотом, разговоры о женитьбе.
Не совсем уверенная в правильности поступков, если примет предло-
жение барона (потому что она любила своего отца и инстинктивно
чувствовала, что доставит ему большое горе, если выйдет замуж за
барона Мелиадуса), она, тем не менее, не могла сопротивляться тому
вниманию, которое барон ей оказывал. Если даже у нее и не было
убежденности в его любви, ей просто была приятна сама мысль о таком,
столь необычном приключении, и она испытывала непонятное ей самой
волнение, когда встречалась с ним.

В эту ночь, когда она легкой поступью бежала по темным коридорам,
она не знала, что за ней следят. За нею так же бесшумно скользила
фигура в черном плаще с кинжалом, вложенным в ножны и зажатым
в правой руке.

Ийссельда взбежала на витую лестницу башни, ведущую в небольшую
комнату, где ее ждал барон. Сердце ее билось, алые губы были при-
открыты в полуулыбке.

Барон низко поклонился, затем схватил ее в объятия, глядя ее нежное
тело, такое податливое, через тонкий шелк ночной рубашки. Поцелуй
его на этот раз был крепче, почти свирепым, и она глубоко задышала,
отвечая ему на поцелуй, обхватив руками его широкую спину, затянутую
в тугую кожу. Теперь его рука скользнула к ее талии, а затем к бедру,
и на мгновение она сильнее прижалась к нему, а потом попыталась
освободиться, ощутив возрастающий и необъяснимый страх.

Тяжело дыша, он не отпускал ее. Лунный свет проник в узкое темное
оконце и высветил его лицо, нахмуренные брови и глаза, пылающие
страстью.

— Ийссельда, ты должна выйти за меня. Сегодня ночью мы покинем
Замок Брасса, а завтра будем за пределами башен. Твой отец не ос-
мелится преследовать нас в Гранбретани.

— Мой отец осмелится на все,— убежденно произнесла она,— но я
чувствую, милорд, что не хочу, чтобы у него возникла в этом необхо-
димость.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что никогда не выйду за вас без его согласия.

— А он согласится?

— Думаю, что нет.

— Но тогда...

Она попыталась высвободиться из его рук, но сильные руки сжали ее плечи. Теперь она удивлялась, как ее недавняя страсть смогла столь быстро превратиться в страх.

— Сейчас я должна уйти.

— Нет! Ийссельда, я не привык, чтобы противоречили моей воле. Сначала твой отец-упрямец отказывает мне в моей прсьбе, а теперь — ты! Я скорее убью тебя, чем позволю уйти отсюда, пока ты не пообещаешь уехать со мной в Гранбретан!

Он грубо привлек ее к себе и насильно поцеловал. Пытаясь сопротивляться, она застонала.

И тут черная, закутанная в плащ фигура появилась в комнате, вынимая кинжал из ножен. В лунном свете сверкнула сталь. Барон Мелиадус взглянул на вошедшего, но девушку не отпустил.

— Отпусти ее, — произнесла фигура в плаще, — потому что, если ты этого не сделаешь, я убью тебя!

— Боджентль! — зарыдала Ийссельда. — Беги за моим отцом — ты недостаточно силен, чтобы сражаться с ним!

Барон Мелиадус расхохотался и отшвырнул девушку в угол.

— Биться? С тобой, философ, это будет не битва, а бойня. Отойди в сторону, и я уйду, но девушку заберу с собой.

— Уходи один, — ответил Боджентль. — Уходи, потому что мне не хотелось бы иметь твою смерть на своей совести. Но Ийссельда останется здесь.

— Она уйдет со мной сегодня ночью, хочет она этого или нет!

Барон Мелиадус откинул свой плащ и стала видна короткая шпага, висевшая на его поясе.

— Прочь, сэр Боджентль, в противном случае ты не напишешь больше ни одного сонета!

Боджентль остался стоять на месте, держа кинжал все так же направленным в грудь барона Мелиадуса.

Рука барона ухватила за рукоять шпаги и выхватила ее из ножен одним движением, настолько быстрым, что практически было невозможно различить эти два действия.

— Твой последний шанс, философ!

Боджентль не ответил. Его полузакрытые глаза не мигнули. Лишь рука, державшая кинжал, слегка дрожала.

Ийссельда закричала. Это был высокий, пронзительный женский крик, разнесшийся по всему Замку.

Боджентль бросился вперед, неуклюже нанося удар кинжалом, просто отскочившим от тугой кожи, в которую был затянут барон.

С презрительным смехом Мелиадус повернулся, и шпага его дважды мелькнула в воздухе, опустившись один раз на голову, а второй раз — на плечи. И поэт-философ упал как подкошенный, и из его ран полилась кровь. И снова громко закричала Ийссельда, теперь же от жалости к другу своего отца. Барон Мелиадус наклонился, схватил сопротивляющуюся

юся девушку за руку и перекинул ее через плечо. Он выбежал из комнаты и быстро начал спускаться по витой лестнице.

Чтобы попасть в свои апартаменты, ему пришлось пересечь зал, но не успел он туда войти, как с противоположной стороны раздался чуть ли не рев. В свете угасающего в камине огня барон увидел графа Брасса, одетого лишь в свободный халат, но держащего в руке большой меч. Граф стоял в дверях, через которые собирался пройти барон Мелиадус.

— Отец! — закричала Ийссельда, и гранбританцу пришлось отбросить ее в сторону и выхватить свою шпагу, чтобы иметь хоть какую-то возможность защититься от меча графа.

— Значит, Боджентль был прав, — прорычал граф. — Вы нарушили законы гостеприимства, барон.

— Мне нужна ваша дочь. Она меня любит.

— Похоже на то. — Граф Брасс бросил взгляд на Ийссельду, которая, рыдая, поднялась на ноги. — Защищайтесь, барон.

Барон Мелиадус нахмурился:

— У вас в руках меч — моя же шпага чуть длиннее обычного кинжала. Кроме того, у меня нет желания биться с человеком, настолько старше меня возрастом. Мы, без сомнения, могли бы заключить мир...

— Отец, он убил Боджентля!

Услышав эти слова, граф Брасс затрясся от ярости.

Он подошел к ближайшей стене, где висело разнообразное холодное оружие, взял самый большой и великолепно сбалансированный меч и швырнул его барону Мелиадусу. Меч со звоном покатился по каменному полу. Мелиадус бросил свою короткую шпагу и подхватил меч. Теперь он имел преимущество перед графом Брассом, потому что он был одет в тугие кожаные куртку и брюки, а граф всего лишь в льняной халат.

Граф двинулся вперед, высоко подняв меч в воздух, затем с плеча ударил по барону, который отразил удар скользящим движением клинка. Словно дровосеки, рубящие неподатливое дерево, размахивали они своими тяжелыми мечами. Во всем зале стоял звон, на шум сбегались слуги и телохранители барона. Все, и слуги графа и телохранители барона, отошли в нерешительности, не зная, что делать. К этому времени прибыл фон Вилак и его солдаты, и гранбританцы, увидев, что их значительно превосходят в численности, решили не вмешиваться.

Искры летели в темноту зала во время поединка этих двух больших мужчин, мечи поднимались и опускались, и каждый удар парировался с великим искусством. Крупные капли пота стекали по их лицам, груди тяжело вздымались от неслышанного напряжения и нехватки воздуха, но все так же неумолимо продолжали подниматься мечи, все так же неустанно кружили бойцы по залу.

Барону Мелиадусу удалось задеть плечо графа Брасса, но тот успешно отразил удар и отделался лишь царапиной. Потом меч графа ударил барона в бок, но тугая кожа куртки отразила удар. Произошел быстрый обмен ударами, выпадами и финтами, после которых они, казалось, оба

должны были быть разрезаны на мелкие кусочки. Но когда противники разошлись на исходные позиции, у графа Брасса оказалась всего лишь царапина на лбу и разорванный халат, а у барона Мелиадуса была разорвана кожаная куртка спереди, и один рукав ее висел лохмотьями.

Их тяжелое дыхание и шорох сапог по каменному полу заглушались звоном мечей, когда они нападали друг на друга вновь и вновь.

Граф Брасс споткнулся о небольшой столик и упал на спину, раскидывая ноги и теряя захват меча. Барон Мелиадус взвыл и высоко поднял свой меч. Граф Брасс перекатился на другой бок и схватил барона за ногу, тот грохнулся на пол рядом с графом.

Забыв на мгновение об оружии, они боролись, катаясь по каменным плитам пола, нанося друг другу сильные удары кулаками, рыча, но не отпуская мечей, прикрепленных к их кистям веревочной петлей.

Затем барон Мелиадус откинулся назад и вскочил на ноги, но он не смог опередить графа Брасса, тот нанес внезапный удар и выбил меч из рук барона. Удар был такой силы, что меч пролетел почти через весь зал и вонзился в одну из деревянных колонн, зазвенев при этом как натянутая струна.

В глазах графа Брасса не было жалости. В них сверкало одно желание: убить барона Мелиадуса.

— Ты убил моего дорогого и преданного друга,— прорычал граф, поднимая свой меч для решительного удара.

Неожиданно барон Мелиадус скрестил на груди руки и ожидал удара, опустив вниз глаза. На лице его было почти скучающее выражение.

— Ты убил Боджентля и потому я убиваю тебя!

— Граф Брасс,— это был голос его друга Боджентля,— он не убил меня. Шпага его упала на мою голову плащом и только оглушила меня, а небольшую рану в груди никак нельзя назвать смертельной.

Боджентль вышел вперед, пробравшись через толпу. Он зажимал рукой рану на груди, на лбу зиял огромный кровоподтек.

Граф не нанес удар, меч так и остался высоко поднятым.

— Благодарю за это судьбу, Боджентль. И тем не менее...— Он повернулся к барону Мелиадусу.— Этот негодяй нарушил законы гостеприимства, оскорбил мою дочь, ранил моего друга...

Барон Мелиадус поднял глаза и посмотрел прямо в глаза графа.

— Страсть пожирала меня, туманила мой мозг, овладела моей душой, словно демон, при виде прекрасной Ийссельды. Я не просил пощады, когда вы угрожали моей жизни, но сейчас я прошу вас понять, что только честные человеческие чувства двигали мною.

— Я не могу простить вас, барон,— покачал головой граф.— Я не желаю больше выслушивать ваши наглые оправдания. Через час вы должны покинуть Замок Брасс и не позднее завтрашнего утра — мои владения. Или же вы и ваши слуги будете уничтожены.

— Вы рискуете нанести оскорбление Грانبретани!

— Я ничем не оскорбил Темную Империю,— пожал плечами граф Брасс.— Если они услышат хоть что-то похожее на правду о событиях сегодняшней ночи, они накажут вас за ваши опцибки, а не пойдут на меня войной, чтобы восстановить справедливость. Ваша миссия не удалась — это тоже не говорит в вашу пользу. Это вы оскорбили м е н я, а не я — Гранбретань.

В ответ барон Мелиадус не произнес ни слова, весь кипя от ярости, он ушел готовиться к отъезду. Обещанный, он собрался весьма быстро и уселся в свою причудливую карету, которая выкатилась за ворота Замка, едва прошло полчаса после его разговора с графом. Барон ни с кем не попрощался.

Граф Брасс, Ийссельда, Боджентль и фон Вилак стояли во дворе, наблюдая за отъездом барона.

— Вы были правы, Боджентль,— пробормотал граф.— Оба мы, и я, и Ийссельда, были обмануты этим человеком. Я больше не разрешу ни одному эмиссару Гранбретани посетить Замок Брасс.

— Вы, конечно, поняли, что необходимо бороться с Темной Империей, нужно уничтожить ее? — с надеждой в голосе поинтересовался Боджентль.

— Этого я не говорил. Пусть делают все, что им угодно, но у нас больше не будет неприятностей ни с Гранбретанью, ни с бароном Мелиадусом.

— Вы ошибаетесь,— с глубоким убеждением ответил Боджентль.

* * *

В это время, трясаясь в своей темной карете по ночным дорогам, ведущим к северным границам Камарга, барон Мелиадус громко разговаривал сам с собой и клялся самой страшной клятвой, самым загадочным и священным предметом, какой только знал. Он поклялся Рунным Посохом (этим утерянным артефактом, который, по слухам, содержал в себе тайну судьбы каждого человека в отдельности и всего человечества в целом), что он подчинит себе графа Брасса любыми способами, что будет обладать Ийссельдой и что Камарг станет пылающим горном, в котором сгорят все его обитатели.

Так он поклялся Рунным Посохом и так была безвозвратно predetermined судьба барона Мелиадуса, графа Брасса, Ийссельды и Темной Империи.

Пьеса была поставлена, и над первой ее сценой поднимался занавес.

Теперь актерам оставалось лишь разыграть предназначенные для них роли.

...Тот, кто отважился поклясться Рунным Посохом, тем самым неизбежно предопределяет свою судьбу и судьбу мира, в котором живет. Таких клятв за всю историю Рунного Посоха было несколько, но ни одна из них не принесла столько горя и разрушений, как страстная клятва барона Мелиадуса Кройденского. Это произошло за год до того, как Дориан Хокмун, герцог Кельнский, впервые появился в аналах этой древнейшей хроники...

Из истории «Рунного Посоха»

Глава 1 ДОРИАН ХОКМУН

Барон Мелиадус вернулся в Лондру, столицу мрачных башен Темной Империи, и почти год обдумывал подробности своего зловещего плана. В то время его занимали другие дела Гранбретани. Надо было подавлять восстания, чтобы неповадно было захваченным городам планировать и затевать бунты, проверять работу марионеток-губернаторов и ставить их у кормила власти.

Барон Мелиадус преданно выполнял все эти распоряжения, выказывая сообразительность, но его страсть к Ийссельде и ненависть к графу Брассу не затихали ни на минуту, и он постоянно помнил о них. Хотя его ничем и не наказали за то, что не удалось склонить графа Брасса к союзу с Гранбретанью, он все же чувствовал себя расстроенным. Кроме того, ему все время приходилось сталкиваться с такими проблемами, которые, как он знал, граф мог бы разрешить с легкостью. И всякий раз, когда ему приходилось подолгу разбираться в очередной такой проблеме самому, в мозгу барона Мелиадуса возникали сотни планов мести, но ни один из них не мог быть осуществлен, поскольку барон хотел все сразу: иметь Ийссельду, получить от графа Брасса помощь в делах Европы и уничтожить Камарг, как он поклялся. Это было тщеславие, не знающее границ.

В своей высокой башне из обсидиана, возвышающейся над красными, как кровь, водами реки Таймзы, где баржи везли грузы с побережья, барон Мелиадус мерял шагами комнату, увешанную старинными портретами коричневого, черного и голубого цветов, заваленную редкостными драгоценностями и благородными металлами, красивейшими изделиями

из железа, серебра и меди. В комнате была мебель темного полированного дерева, а толстые ковры цвета осенних листьев устилали пол.

Вокруг него, на всех стенах, на каждой полке, в каждом углу были часы. Все они шли секунда в секунду, и все отбивали четверть часа, полчаса и час. Многие с музыкальными сопровождениями. Часы были самых различных форм и размеров в металлическом, деревянном и вообще непонятно каком корпусе. Некоторые из них были исполнены в манере, до такой степени причудливой, что определить время по ним было практически невозможно. Это была коллекция из многих стран Европы и Ближайшего Востока, из всех провинций, завоеванных Гранбританью. Барон Мелиадус владел многим, но эту свою коллекцию ценил дороже всего на свете. Не только его кабинет, но и каждая комната в башне были заполнены часами. На вершине башни стояли часы громадного размера с четырьмя циферблатами, сделанные из бронзы, оникса, золота, серебра и платины, и когда ударяли молоточки, находящиеся в руках четырех обнаженных девушек, выполненных в натуральную величину, то вся Лондра дрожала от этого звона. Часы соперничали в разнообразии с коллекцией часов шурина Мелиадуса, Повелителя Дворца Времени Тарагорма, которого Мелиадус ненавидел глубочайшей ненавистью как соперника, потому что Тарагорм был женат на сестре барона, к которой тот испытывал похотливую и капризную привязанность.

Барон перестал метаться по комнате и взял со стола лист пергамента. Это было последнее донесение из провинции Кельн, провинции, на примере которой два года назад барон преподавал урок остальным. Сейчас казалось, что тогда барон перестарался, потому что сын старого герцога Кельнского, которого барон Мелиадус публично разрезал на куски на главной площади, поднял восстание, причем настолько мощное, что ему удалось практически разбить силы Гранбритании. Если бы к войскам не подоспели подкрепления в виде орнитоптеров с огненными копьями большого радиуса действия, то Кельн временно выпал бы из-под сферы влияния Гранбритании.

Но орнитоптеры быстро разметали силы молодого герцога, а он сам был взят в плен. Скоро его должны были доставить в Лондру, чтобы он видом своих мучений развелк дворян Гранбритании. И снова это был случай, когда граф Брасс мог помочь им, потому что прежде, чем пойти на открытое восстание, герцог Кельнский предложил Темной Империи свои услуги в качестве наемника, был принят, прекрасно сражался на службе Гранбритании при Нюренберге и Ульме, завоевал доверие Империи, добился командования армией, которая почти целиком состояла из солдат, когда-то служивших под началом его отца, а затем повернул эту армию к родному Кельну и напал на войска Гранбритании.

Барон Мелиадус нахмурился при мысли, что молодой герцог подал пример, которому и другие могли последовать. О нем уже говорили как о герое в германских провинциях. Мало кто осмеливался противодействовать Темной Империи, как сделал это герцог.

Если бы только граф Брасс согласился...

Внезапно лицо барона озарила улыбка, потому что в голову ему пришла мысль, вернее даже готовый план. Возможно, молодого герцога Кельнского можно будет использовать для других целей, а не для развлечения дворян.

Барон Мелиадус отложил пергамент в сторону и дернул за шнурок звонка. Вошла девушка-рабыня, ее голое тело было разрисовано с головы до пят, и упала на колени, чтобы выслушать приказания господина (слуги барона были женского пола: в свою башню, опасаясь предательства, барон не впускал ни одного мужчины).

— Пойди к начальнику тюрьмы катакомб, — приказал он. — Скажи ему, что барон Мелиадус желает допросить пленного Дориана Хокмуна, герцога Кельнского, как только он поступит в тюремные катакомбы.

— Слушаюсь, господин.

Девушка поднялась с колен и попятилась, оставив барона Мелиадуса, стоящего у окна и глядящего на реку. На его губах блуждала еле заметная улыбка.

* * *

Дориан Хокмун, закованный в цепи из позолоченного железа (что подчеркивало его положение в глазах гранбретанцев), спотыкаясь, сошел с трапа баржи на причал, жмурясь от освещения и оглядывая огромные мрачные, угрожающие башни Лондры. Если он и раньше не нуждался в доказательствах безумия обитателей Темного Острова, то сейчас такие доказательства были перед его глазами. Нечто неестественное сквозило в каждой архитектурной линии, в выборе цвета, в резьбе. Но все-таки всюду ощущались могущество, стремление к определенной цели, незаурядный ум.

«Ничего удивительного, — подумал он, — что было столь тяжело разобратся в психологии людей Темной Империи — слишком много здесь было парадоксов».

Охранник — в белой кожаной одежде и белой металлической маске в виде черепа, то есть в форме Ордена, которому он служил, — мягко подтолкнул его вперед. Несмотря на то, что толчок был совсем легким, Хокмун споткнулся и едва удержался на ногах — он не ел уже больше недели. Мозг его был одновременно и затуманен и безразличен: он с трудом осознавал всю суть происходящего. Со времени его пленения в битве при Замке Кельн, никто с ним не говорил. Почти все время он пролежал в темном трюме корабля, изредка делая глоток грязной воды из желоба, по которому тек тонкий ручеек. Он был небрит, взгляд его глаз потускнел, длинные светлые волосы были спутаны, а разорванная одежда испачкана помоями. Цепи оставили следы на его коже, так что на шее и запястьях были видны кровавые полосы, но никакой боли он не ощущал. Честно говоря, он вообще ничего не ощущал, двигался подобно сомнамбуле, видел все перед собой словно во сне.

Он сделал несколько шагов по каменным плитам набережной, споткнулся и упал на колено. Охранники, идущие по обе стороны от него, подняли его и помогли добраться до черной стены, что возвышалась над набережной. В стене была небольшая, закрытая на тяжелые засовы дверь, возле которой стояли солдаты в рубинового цвета масках в виде свиньи. Орден Свиньи контролировал тюрьмы в Лондре. Солдаты перебросились несколькими словами на хрюкающем языке своего Ордена, и один из них, рассмеявшись, схватил Хокмуна за руку и, не произнося ни слова, подтолкнул вперед, а второй солдат в это время распахнул дверь, сняв с нее засовы.

Внутри было темно. Дверь за Хокмуном закрылась, и на несколько мгновений он остался один. Затем в тусклом свете он разглядел маску Свиньи, но более искусно выполненную, чем у солдат снаружи. Появилась еще одна такая маска, потом еще одна. Хокмуна подхватили под руки и провели сквозь дурно пахнущую темноту вниз, в тюремные катакомбы Темной Империи. Он знал, что жизнь его кончена, но не испытывал при этом никаких эмоций.

Потом он услышал, как открылась еще одна дверь. Его втолкнули в крохотную камеру, дверь захлопнулась, и снаружи прогремел задвигаемый засов.

Воздух в камере был затхлый, от каменных стен и пола тянуло сыростью и плесенью. Хокмун устало оперся о стену, затем постепенно соскользнул на пол. Он не знал, потерял ли он сознание или просто заснул, но глаза его закрылись, и он перестал что-либо ощущать.

Неделю назад он был героем Кельна, борцом против агрессоров, человеком с нестигаемой волей, умным и искусным воином. Сейчас, словно это было само собой разумеющимся, люди Гранбритании превратили его в животное — животное без воли к жизни. Человек, не обладающий и столь сильной волей, ухватился бы за желание жить, питаемый собственной ненавистью, строил бы планы побега, но Хокмун, потеряв все, не хотел ничего.

Может быть, если ему удастся выйти из этого транса, то... Но и тогда он станет совсем другим человеком, не тем, кто бился за Замок Кельн, не щадя живота своего.

Г л а в а 2

ДОГОВОР

Горящие факелы и сверкание масок ослабившейся Свиньи и рычащего Волка; красный и черный металл; издевающиеся насмешливые глаза; белые, бриллиантовые, и темно-синие, сапфировые. Тяжелое шуршание плащей и звуки торопливой беседы шепотом.

Хокмун слабо вздохнул и закрыл глаза, затем снова открыл их, когда услышал приближающиеся шаги. Волк наклонился над ним, поднес факел

совсем близко к лицу. Жар был неприятен, но Хокмун не сделал попытки отодвинуться.

Волк выпрямился и заговорил со Свиньей.

— Разговаривать с ним сейчас бесполезно. Накормите его и вымойте. Приведите его мысли хоть немного в порядок.

Свинья и Волк вышли, прикрыв за собой дверь. Хокмун снова закрыл глаза.

Когда он открыл их в следующий раз, его несли по коридорам при свете факелов. Его принесли в комнату, освещенную лампами. Там была кровать, богато устланная мехами и шелком, на резном столике стояли блюда с пищей, тут же поблизости находилась ванна из сверкающего ярко-оранжевого металла, полная горячей воды, и две девушки-рабыни рядом с ней.

Сначала с него сняли цепи, потом одежду, затем подняли и опустили в воду. Когда рабыни стали мыть его, кожу защипало, и в это же время вошел мужчина с бритвой, который подстриг ему волосы на голове и начал сбрасывать бороду. Все эти действия Хокмун воспринимал абсолютно пассивно, уставившись в потолок, выложенный мозаикой, невидящими глазами. Он позволил одеть себя в приятные льняные одежды, шелковую рубашку и вельветовые бриджи, и постепенно чувство смутного удовлетворения охватило его. Но когда его усадили за стол и затолкали в рот ему какой-то фрукт, желудок его начал спазматически сокращаться и его вырвало желчью. Тогда его напоили молоком со снотворным, уложили в постель и оставили одного. У дверей сел слуга, которому было приказано наблюдать за ним.

Прошло несколько дней, и постепенно Хокмун начал есть, начал осознавать роскошь, что его окружала. В комнате его были книги, женщины-рабыни тоже принадлежали ему, стоило лишь пожелать, но пока что он не выказывал интереса ни к тому, ни к другому.

Хокмуну, мозг которого столь быстро отключился, когда он попал в плен, понадобилось довольно много времени, чтобы прийти в себя, но когда это произошло наконец, то свою прежнюю жизнь он вспоминал лишь как сон. Однажды он все-таки открыл книгу, и буквы показались ему странными, хотя он вполне мог прочесть их. Просто он не видел в них никакого смысла, не понимал значения слов и предложений, которые они составляли, хотя книга эта была написана знаменитым ученым, философом, когда-то одним из самых любимых Хокмуном. Он пожал плечами и отбросил книгу. Одна из девушек-рабынь, увидев это, прижалась к нему всем телом и провела рукой по щеке, но он с безразличным видом отодвинул ее и, подойдя к постели, лег, закинув руки за голову.

Долго-долго он молчал, потом спросил:

— Почему я здесь?

Это были первые слова, произнесенные им за время пребывания в Гранбритании.

— О милорд герцог, этого я не знаю, но только, по-моему, вы почетный узник.

— Наверное, очередная игра, прежде чем лорды Гранбритании решат от меня избавиться.

Хокмун произнес это без какого-либо намека на эмоции. Голос его спокоен, но глубок. Даже слова казались ему странными, когда он произносил их.

У девушки была прекрасная фигура и длинные белокурые волосы, судя по акценту, родом она была из Скандии.

— Я ничего не знаю, милорд, только мне приказано доставлять вам все удовольствия, которые вы пожелаете.

Хокмун слегка кивнул и оглядел комнату.

— Наверное, они подготавливают меня для особой пытки,— сказал он сам себе.

* * *

Окон в комнате не было, но по струе воздуха Хокмун определил, что они, вероятнее всего, находятся под землей, возможно, совсем недалеко от тюремных катакомб. Течение времени он измерял по лампам, их, как ему казалось, наполняли один раз в день. Он прожил в этой комнате около двух недель, прежде чем снова увидел Волка, который заходил тогда в его камеру.

Без всякого стука отворилась дверь, и в комнате появилась высокая фигура, с головы до ног одетая во все черное, с длинной шпагой (с черной рукояткой, в черных кожаных ножнах). Черная маска Волка скрывала всю голову. Из-под маски донесся красивый, даже несколько музыкальный голос, который Хокмун слышал когда-то давно.

— Итак, наш пленник, кажется, восстановил свои силы и стал прежним: умным и смелым.

Две девушки-рабыни низко поклонились и вышли. Хокмун поднялся с кровати, на которой он лежал почти все время с тех пор, как его сюда принесли, быстрым движением.

— Прекрасно. Хорошо чувствуете себя, герцог Кельнский?

— Да.

Голос Хокмуна был совершенно спокоен. Он непроизвольно зевнул, решил, что, в конце концов, особого смысла стоять у него нет, и вновь улегся на постель, приняв прежнее положение.

— Насколько я понял, вы меня знаете,— произнес Волк с ноткой легкого нетерпения в голосе.

— Нет.

— И вы не догадались?

Хокмун промолчал.

Волк прошел через всю комнату и остановился у столика, на котором стояла большая хрустальная ваза с фруктами. Его рука в черной перчатке выбрала гранат, и маска Волка наклонилась как бы для того, чтобы лучше рассмотреть его.

— Вы полностью оправились, милорд?

— Насколько я могу судить, да, — ответил Хокмун. — Я прекрасно себя чувствую. Все мои желания исполняются, насколько я понимаю, по вашему приказанию. А сейчас, я предполагаю, вы придумали для меня особенные пытки?

— Эта мысль, по-моему, вас не особенно тревожит.

Хокмун пожал плечами.

— Когда-нибудь ведь они кончатся.

— Они могут длиться вечность. Мы, гранбретанцы, достаточно изобретательны.

— Вечность тоже не так уж долго.

— Но дело в том, — сказал Волк, перебрасывая гранат из одной руки в другую, — что мы решили избавить вас от подобных неприятностей.

На лице Хокмуна ничего не отразилось, выражение его лица осталось прежним.

— Вы весьма скрытны, герцог, — продолжал Волк. — Это даже странно, так как жизнь ваша целиком зависит от каприза ваших врагов, которые столь безжалостно и отвратительно убили вашего отца.

Брови Хокмуна нахмурились, как будто он что-то припоминал.

— Я помню его, — не совсем уверенно отозвался он. — Мой отец. Старый герцог.

Волк бросил гранат на пол и поднял маску с лица. Показалось красивое лицо с крупными чертами, обрамленное бородкой.

— Это я, барон Мелиадус из Кройдена, убил его.

На его губах играла блуждающая улыбка.

— Барон Мелиадус? А... который убил его?

— Да вы совсем перестали быть мужчиной, милорд, — пробормотал барон Мелиадус. — Или вы надеетесь еще раз обмануть нас, чтобы вновь предать?

— Я устал, — поджал губы Хокмун.

Взгляд, что бросил на него Мелиадус, был удивленным и немного злым.

— Я убил вашего отца!

— Вы это уже говорили.

— Вот как!

Мелиадус, рассерженный, отвернулся и пошел по направлению к двери. Но не дойдя до нее несколько шагов, он внезапно остановился и повернулся к Хокмуну.

— Впрочем, я пришел сюда не за тем, чтобы обсуждать этот вопрос. Мне кажется, однако, странным, что вы не выказали мне своей ненависти и не пылаете чувством мести.

Хокмун начал ощущать скуку, и ему очень хотелось, чтобы барон Мелиадус поскорее ушел. Резкие высказывания барона и его истерические выкрики раздражали Хокмуна так, как может раздражать человека, отправившегося спать, жужжание комара.

— Я не испытываю к вам никаких чувств,— произнес Хокмун, надеясь, что такое заявление успокоит посетителя.

— В вас не осталось и капли мужества! — сердито заявил Мелиадус.— Ни капли! Поражение и плен полностью лишили вас его!

— Возможно. Но сейчас я устал...

— Я пришел к вам с предложением вернуть вам все ваши земли,— продолжал Мелиадус.— Полностью автономное государство в пределах нашей Империи. Больше, чем мы когда-либо предлагали любому из побежденных нами.

При этих словах нечто, похожее на любопытство, зашевелилось в сознании Хокмуна.

— Почему? — коротко спросил он.

— Мы хотим заключить с вами договор, выгодный для обеих сторон. Нам нужен умный человек, искусный воин, такой, как вы... — Тут барон Мелиадус нахмурился, сомневаясь.— По крайней мере, такой, каким вы были раньше. И нам необходимо, чтобы этому человеку доверяли те, кто не доверяет Гранбретани.

Вначале барон Мелиадус не собирался столь откровенно излагать условия договора, но отсутствие у Хокмуна каких-либо эмоций выбило его из колен, заставив отказаться от обычных методов, которыми предпочитал действовать барон.

— Мы хотим, чтобы вы выполнили наше поручение. Оплата — ваши земли.

— Мне хотелось бы получить обратно свой дом,— кивнул головой Хокмуну.— Эти прекрасные долины, где я провел свое детство... — Он улыбнулся улыбкой, отражавшей счастье его детских воспоминаний.

Шокированный таким явным проявлением сентиментальности, барон Мелиадус резко ответил:

— Что вы будете делать, когда вернетесь, нас не интересует — хоть поубивайте там всех, хоть дворцы стройте. Но вернуться туда вы сможете, если только выполните данное вам поручение.

Ясные, беззаботные глаза Хокмуна уставились на барона.

— Может быть, вы считаете, что я сошел с ума, милорд?

— Я этого не знаю. Но у нас есть средство узнать все, что нужно. Наши ученые-волшебники проведут необходимые тесты...

— Я в здравом уме, барон Мелиадус. В более здравом, чем когда-либо за всю свою жизнь. Вам нечего меня бояться.

Барон Мелиадус поднял глаза к потолку.

— Клянусь Рунным Посохом, неужели нет такого человека, кто был бы верен? — Он подошел к двери и открыл ее.— Но насчет в а с мы выясним все, герцог Кельнский! Позже за вами пришлют.

После ухода барона Мелиадуса Хокмун продолжал лежать. Он почти тотчас забыл об их разговоре и смутно припомнил лишь через несколько часов, когда охранники в масках Свины вошли в его комнату и приказали следовать за ними.

Хокмуна вели множеством коридоров все время вверх, пока они не дошли до большой железной двери. Один из стражников постучал по ней рукояткой огненного копья, и дверь приоткрылась, впустив струю свежего воздуха и солнечный свет. За дверью их ожидал отряд стражи в пурпурных доспехах и плащах, с пурпурными масками Ордена Быка на лицах. Хокмуна передали из рук в руки, и, оглядевшись вокруг, он увидел, что находится в широком дворе, который представлял собой красивую лужайку, исключая одну посыпанную гравием дорожку.

Высокая стена с узкой калиткой окружала со всех сторон лужайку, и повсюду маршировали люди Ордена Свиньи. За стеной виднелись мрачные башни города.

Хокмуна провели по дорожке до калитки, через калитку и вывели на узкую улицу, где их ожидал экипаж, сделанный из позолоченной слоновой кости, в виде двухголовой лошади. Два молчаливых солдата охраны помогли ему забраться в экипаж и сели рядом с ним. Карета тронулась. Сквозь промежутки в занавесах Хокмун видел башни, мимо которых они проезжали. Было время заката и золотистый свет заливал город.

Через какое-то время карета остановилась. Хокмун пассивно позволил стражникам вывести себя из нее и тут же увидел, что остановились они перед Дворцом Короля-Императора Гуона.

Ярус за ярусом возвышался этот Дворец, почти исчезая вершиной из виду. Его окружали четыре огромные башни. Каждая из этих башен сияла глубоким золотым светом. Дворец был декорирован фресками, изображавшими любовные утехы, сцены битв, знаменитые эпизоды из истории Гранбретани, разные фигуры, даже абстрактных форм, составляя в целом гротескное и фантастическое строение, которое возводилось несколько тысячелетий. При создании этого Дворца были использованы разные строительные материалы, а затем все это было раскрашено, так что строение сверкало самыми разнообразными оттенками большого спектра. И вся эта гамма цветов была разбросана абсолютно беспорядочно без желания создать мягкие переходы. Просто один цвет переходил в другой, утомляя глаза, напрягая мозг. Дворец безумца, перекрывавший своим безумием весь остальной город.

У ворот Дворца Хокмуна поджидал еще один отряд вооруженной стражи. Они были одеты в доспехи, плащи и маски Ордена Муравья, Ордена, к которому принадлежал сам Король Гуон.

Их искусно выполненные маски насекомых были усыпаны драгоценными камнями, с антеннами из платиновой проволоки и глазами, сделанными из разных драгоценных камней. У солдат были длинные тонкие руки и ноги и изящные фигуры, одетые в тугую, насекомовидную форму черного, золотого и зеленого цветов. Когда они разговаривали друг с другом на своем тайном языке, это было похоже на шуршание и кладанье насекомых.

Впервые Хокмун ощутил некоторое беспокойство, когда эти солдаты повели его по коридорам первого этажа Дворца. Стены этажа были сделаны

из темно-красного металла и искаженно отражали их образы, когда они проходили мимо.

После довольно долгого пути они, наконец, вошли в большой зал с высоким потолком, темные стены которого были испещрены прожилками, как у мрамора, белыми, розовыми и зелеными. Но прожилки эти постоянно мигали, как бы все время меняя размер комнаты, ее ширину и высоту.

Зал был площадью примерно четверть мили в длину и не меньше в ширину. На полу через определенные промежутки стояли предметы, которые Хокмун принял за машины, хотя и не мог понять, для чего они предназначены. Как все, что он видел со времени своего прибытия в Лондру, машины эти имели причудливую форму, были щедро декорированы, изготовлены из красивых металлов и украшены драгоценными и полудрагоценными камнями. В них были встроены панели управления с приборами, которых он никогда в жизни не видел, и многие из них находились в рабочем состоянии, что-то измеряя, показывая, регистрируя, а рядом с ними возились и обслуживали их люди, носившие маски Ордена Змеи — Ордена, который состоял из волшебников и ученых, служащих Королю-Императору. На людях были широкие плащи с капюшонами, закрывавшими половину маски.

По центральному проходу между машинами к Хокмуну приблизилась фигура и махнула рукой охране, отпуская ее.

Хокмун решил, что этот человек — важная птица в своем Ордене, потому что его змеиная маска была еще причудливее остальных и богаче украшена. Может быть, он даже был Гранд Констеблем, судя по его поведению и властным жестам.

— Приветствую вас, милорд герцог.

Хокмун ответил на это слабым кивком, так как привычки старой жизни еще его не покинули.

— Я — барон Калан из Виталла, Главный Ученый Короля-Императора. Вы день-два будете моим гостем, насколько я понял. Приветствую вас в моих апартаментах и моей лаборатории.

— Благодарю вас, — рассеянно ответил Хокмун. — Что вы хотите, чтобы я сделал?

Барон Калан любезно протянул руку, показывая Хокмуну, чтобы тот прошел вперед, и они вместе прошли до конца зала, миновав по дороге множество самых разнообразных, странных конструкций. Наконец они дошли до двери, которая, вероятно, вела в личные апартаменты барона. Стол был накрыт. По сравнению с тем, чем Хокмуна кормили последние две недели, пища была довольно простой, но она была хорошо и вкусно приготовлена. Когда они закончили обедать, барон Калан, снявший в начале обеда свою маску, показав бледное лицо с лохматой седой бородой и редующими на голове волосами, разлил по бокалам вино. За все время обеда они едва перекинулись парой слов.

Хокмун отпил глоток. Вино было отменное.

— Это вино — мое собственное изобретение, — сообщил барон и, хлюпая, сделал несколько глотков.

— Очень необычный вкус, — признался Хокмун. — Какой сорт винограда?

— Не виноград. Зерно. Совершенно другой процесс.

— Очень крепкое.

— Крепче многих вин, — согласился барон. — А теперь, герцог, перейдем к делу. Вы уже знаете, что мне поручили выяснить, находите ли вы в своем уме, дать оценку вашему темпераменту и сделать заключение, годитесь ли вы для службы Королю-Императору Гуону.

— Да, да, именно об этом, по-моему, мне говорил барон Мелиадус. — Хокмун слабо улыбнулся. — Мне будет интересно узнать результаты ваших исследований...

— Гмм... — Барон Калан бросил на Хокмуна пристальный взгляд. — Теперь я понимаю, почему меня просили вступить с вами в разговор. Вы к а ж е т е с ь нормальным.

— Благодарю вас.

Под влиянием крепкого, необычного вина Хокмун чувствовал, что к нему возвращается его прежняя ирония.

Барон Калан потер лицо и закашлялся сухим, почти неслышным кашлем, который не отпускал его несколько минут. С тех пор, как он снял свою маску, в его манерах появилось нечто нервное. Хокмун замечал, что люди Гранбретани предпочитают носить свои маски как можно больше времени. Калан потянулся к своей экстравагантной маске Змеи и натянул ее на голову. Кашель прекратился, и все его тело, казалось, расслабилось. Хотя Хокмун и слышал, что это является вопиющим нарушением гранбретанского этикета — носить маску, когда принимаешь высокого по происхождению посетителя, он не выказал никакого удивления и сделал вид, что не обратил внимания на поступок барона.

— Ах, милорд герцог, — донесся из-под маски шепот, — кто я такой, чтобы судить, в чем состоит истинное безумие? Есть люди, которые считают безумными нас, гранбретанцев.

— Ну, это уже преувеличение...

— Истинная правда. Бесчувственные слепцы, которые не могут осознать всю грандиозность наших планов, не убеждены в благородстве нашего великого похода! Они говорят, знаете ли, что мы безумцы, ха, ха, ха! — Барон Калан поднялся. — А сейчас, если вы не откажетесь сопровождать меня, мы начнем наши предварительные исследования.

Они пошли обратно, прошли через зал с машинами и вошли в другой, чуть меньше первого. Стены здесь были такие же темные, но они пульсировали энергичнее, меняя цвет в спектре от фиолетового до черного и обратно. В этом зале стояла всего лишь одна-единственная машина, аппарат из сверкающего голубого и красного металла, с остротками, руками и отверстиями, похожая на огромный звонок, подвешенная на сложном, похожем на эшафот предмете, являющемся частью этой машины. Больше

дюжины людей стояло около машины. Они были одеты в доспехи Ордена Змеи, их металлические маски частично отражали пульсирующий свет стен. Весь зал, казалось, был заполнен шумом работающей машины — едва слышное звяканье, стоны, шипенье, будто она дышала, словно зверь.

— Это наша машина ментальности,— с гордостью произнес барон Калан.— Она испытает вас.

— Какая большая,— сказал Хокмун, подходя поближе.

— Одна из самых больших наших машин. Но такой она и должна быть. Ведь ей приходится решать комплексные задачи. Эта машина является результатом н а у ч н о г о волшебства, милорд герцог, а не каких-то там жалких заклинаний, которые поют на вашем континенте. Именно наша наука дает нам неоспоримое преимущество перед менее развитыми нациями.

По мере того, как эффект от выпитого вина исчезал и легкое опьянение проходило, Хокмун вновь становился тем, кем он был с момента своего пребывания в тюремных катакомбах. Чувство углубленности в себя все росло, и когда его подвели к машине и заставили стать под медленно опускающимся колоколом, он не ощутил ни любопытства, ни волнения.

Наконец колокол полностью закрыл его своими мягкими стенками, которые приняли очертания его тела. Объятие это было настолько непристойным, что ужаснуло бы Дориана Хокмуна, который сражался в битве при Кельне, но новый Хокмун ощущал лишь неудобство и нетерпение. Он почувствовал в голове «ползающее» ощущение, будто невыразимо тонкие проволоочки проникли сквозь его черепные кости в мозг. У него начались галлюцинации. Он увидел яркие световые океаны, искаженные лица, странные строения и причудливую флору. Лет сто шел дождь из драгоценных камней, а потом черный ветер дул прямо ему в глаза и уносился вдаль, а за ним открылись океаны, одновременно и покрытые льдом, и движущиеся; звери бесконечной жалости и доброты; женщины изумительной красоты. Вместе с этими видениями ему ясно припомнились картины детства, всей его жизни вплоть до того самого момента, как он подошел к этой машине. Сцена за сценой восстанавливались в его памяти, пока каждая картина его жизни ясно не предстала перед глазами. Но при этом он все еще не испытывал никаких чувств, никаких эмоций, кроме лишь воспоминаний о тех, что были у него тогда. Когда, наконец, стенки колокола раздвинулись и сам колокол начал поднимался, Хокмун бесстрастно остался стоять, чувствуя, что он как бы пережил ощущения другого человека.

Калан, что стоял рядом, взял его за руку и отвел от ментальной машины.

— Предварительное обследование показывает, что вы даже слишком нормальны, милорд герцог,— если я правильно понял показания приборов. Машина ментальности даст свой полный анализ через несколько часов. Сейчас вам надо отдохнуть, а утром мы продолжим наши тесты.

На следующий день Хокмун вновь подвергся непристойным объятиям ментальной машины, но на этот раз ему пришлось лежать на спине, вытянувшись внутри нее, глядя вверх. Вновь мелькали картина за картиной, и сначала он подумал, что это напоминает ему сцены в театре. Пока все это продолжалось, лицо Хокмуна не изменило своего выражения. Он испытал несколько галлюцинаций, когда неожиданно оказывался в опасных ситуациях — океанская акула, нападающая на него; горный обвал; три солдата со шпагами, напавшие на него одновременно; необходимость выпрыгнуть с третьего этажа горящего дома, если он не хотел сгореть заживо, — и в каждом случае он спасался отважно и искусно, хотя его молниеносная реакция, его рефлексy были механическими, так как он не ощущал никакого страха. Даже когда машина ментальности заставила его смеяться, плакать, ненавидеть, любить и так далее, все его реакции были чисто физическими в своих проявлениях.

Наконец Хокмуна освободили, он встал, видя перед собой маску Змеи Калана.

— Как оказалось, вы с л и ш к о м нормальны, милорд герцог, — прошептал барон. — Парадокс, а? Да, слишком нормальны. Такое впечатление, будто часть вашего мозга полностью атрофировалась или просто не работает одновременно с остальной частью. Однако я могу только доложить барону Мелиадусу, что вы вполне пригодны для его целей, если, конечно, принять необходимые разумные меры предосторожности.

— Каких целей? — без особого интереса спросил Хокмун.

— Это он скажет вам сам.

Вскоре после этого барон Калан распрощался с Хокмуном, которого проводили по лабиринту коридоров два стражника в форме Ордена Муравья. Наконец они дошли до двери, богато отделанной серебром, которая открылась в комнату, где практически не было мебели, но зато она была отделана зеркалами, которые покрывали все: пол, стены, потолок — и оставили свободным только одно большое окно, открывавшееся на балкон, откуда был виден весь город. У окна стоял человек в черной маске Волка, маска, которая не могла принадлежать никому другому, кроме барона Мелиадуса.

Барон повернулся и сделал знак стражникам, чтобы те оставили их вдвоем. Затем он дернул за шнурок и сверху опустились портьеры, закрывая зеркала. Если бы Хокмун хотел взглянуть на свое отражение, он мог бы взглянуть вверх или вниз, но вместо этого он посмотрел в окно.

Густой туман окутывал город, вился темно-зелеными ключьями над башнями, закрывая реку. Был вечер, солнце почти село, и башни были похожи на сверхъестественные скалы, вздымающиеся из древнего моря. Если бы из тумана сейчас поднялась голова гигантской рептилии и заглянула в окно, Хокмуна это не так уж и удивило бы.

Без зеркал на стенах комната приняла еще более мрачный вид, потому что в ней не было никаких источников света. Барон, фигура которого

была четко видна на фоне окна, что-то мурлыкал себе под нос, не обращая внимания на Хокмуна.

Откуда-то из глубины города донесся отчаянный крик, искаженный расстоянием, потом все стихло. Барон Мелиадус снял маску Волка и внимательно посмотрел на Хокмуна, которого уже было трудноато разглядеть.

— Подойдите ближе к окну, милорд,— предложил барон.

Хокмун пошел вперед, поскользнувшись несколько раз по пути, хотя стеклянный пол покрывали толстые ковры.

— Итак,— начал барон Мелиадус,— я разговаривал с бароном Каланом, он доложил мне об энигме, о психике, которую он с трудом может интерпретировать. Проще говоря, он сообщил мне, что часть вашего мозга просто отмерла. Почему? От страха? От горя? От оскорбления? Я не ожидал подобных осложнений. Я собирался поговорить с вами как с мужчиной, заключить договор, по которому вы получили бы то, что желали, в ответ на услугу, которую я просил бы вас оказать мне. И хотя я и не вижу причины, по которой вы не могли бы оказать мне эту услугу сейчас, я не совсем понимаю, как мне с вами разговаривать. Вы не хотите обсудить со мной наш договор, милорд герцог?

— Что вы предлагаете?

Хокмун уставился поверх головы барона на темнеющее за окном небо.

— Слышали вы о графе Брассе, старом герое?

— Да.

— Сейчас он Лорд-Хранитель. Протектор Провинции Камарг.

— Я слышал об этом.

— Он оказался упрямым и сопротивляется воле Короля-Императора. Тем самым он нанес оскорбление Гранбретани. Мы хотим, чтобы впредь он вел себя более мудро. Для этого необходимо захватить в плен его дочь, которая очень дорога ему, и привезти ее в Гранбретань в качестве заложницы. Однако ни одному нашему эмиссару он доверять не станет, да и просто человеку со стороны не станет доверять. Но он не мог не слышать о ваших подвигах в Кельне и, вне всякого сомнения, проникся к вам симпатией заранее. Если бы вы отправились в Камарг в поисках защиты от Темной Империи, он почти наверняка предложил бы вам свою помощь. Проникнув в Замок, человеку ваших способностей не так уж трудно будет выбрать момент, схватить девушку и привезти ее в Гранбретань. За границами Камарга мы, естественно, сможем оказать вам какую угодно поддержку. Камарг — провинция небольшая. Вам легко удастся скрыться.

— И это все, что вам от меня нужно?

— Да. Взамен мы отдадим вам обратно все ваши земли и угодья, где вы будете править полновластно, как захотите, но при условии, что вы никогда больше не выступите против Гранбретани ни словом, ни делом.

— Мой народ живет в нищете под игом Гранбретани,— произнес вдруг Хокмун, будто что-то вспомнив. Он произнес это совершенно бесстрастно, словно обсуждая один из философских тезисов.— Для них будет лучше, если править буду я.

— А! — Барон Мелиадус улыбнулся.— Итак, договор, который я вам предлагаю, кажется вам разумным!

— Да, хотя я и не верю, что вы сдержите свое обещание и выполните эту часть договора.

— Почему бы и нет? Ведь мы, безусловно, только выигрываем, если беспокойное государство управляет человеком, которому доверяет народ и которому мы тоже имеем основания доверять.

— Я поеду в Камарг. Я расскажу эту сказку, что вы для меня сочинили. Захвачу девушку в плен и привезу ее в Гранбретань.— Хокмун вздохнул и посмотрел на барона Мелиадуса.— А почему бы и нет?

Чувствуя себя неуютно из-за странных манер Хокмуна, не зная, как дальше вести себя с таким человеком, барон Мелиадус нахмурился.

— Тем не менее, мы не можем быть совершенно убежденными в том, что вы каким-то непонятным для нас образом все-таки не обманываете нас, чтобы добыть себе свободу. Хотя машина ментальности и безупречна и еще ни разу не погрешила против истины, исследуя другие объекты, мы должны допускать возможность, что вам удалось ее обмануть, может быть, даже с помощью волшебства.

— Мне ничего неизвестно о волшебстве.

— Я верю... почти.— Тон барона Мелиадуса стал почти веселым.— Но нам незачем бояться, потому что мы можем принять самые убедительные меры предосторожности, застраховать себя от предательства с вашей стороны. Эта предосторожность приведет вас обратно в Гранбретань, либо убьет вас, если мы по какой-то причине решим, что больше не можем доверять вам. Это аппарат, недавно сконструированный бароном Каланом, хотя, насколько я понял, это не оригинальное его изобретение. Называется он Черный Камень. Но это — завтра. Сегодня вы проведете ночь в апартаментах, отведенных для вас в этом Дворце. Прежде чем отправиться в путь, вы будете иметь честь быть представленным Его Величеству Королю-Императору. Мало кому из иностранцев выпадает подобная честь.

С этими словами барон Мелиадус кликнул стражников в масках Муравьев и приказал им проводить Хокмуна в отведенные для того покои.

Г л а в а 3 ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ

Следующим утром Дориана Хокмуна вновь отвели к барону Калану. Маска Змеи, казалось, имела почти циничское выражение, пока его осматривала, но барон, едва перекинувшись с Хокмуном парой слов, повел его по комнатам. Наконец они пришли к комнате со стальной дверью. Когда ее открыли, показалась вторая такая же дверь, за ней — третья.

Эта дверь открылась в небольшое, ослепительное освещенное помещение, где стоял аппарат дивной красоты. Почти целиком он состоял из нежных красных, золотых и серебряных паутинок, легко скользивших по лицу Хокмуна. Они были такими же теплыми, как человеческая кожа. От этих паутинок исходила музыка, они слегка раскачивались, словно от дуновения ветерка.

— Совсем как живая,— сказал Хокмун.

— Она живая,— гордо ответил барон Калан.— Она живая.

— Это какое-то животное?

— Нет. Это создано при помощи волшебства. Я даже сам точно не знаю, что это такое. Я все сконструировал согласно древней рукописи, которую много лет назад я купил у человека с Востока. Это аппарат Черного Камня. Ах, скоро вы куда ближе познакомитесь с ним, герцог Хокмун!

Где-то в глубине души Хокмун ощутил пробуждающийся страх, но сразу это ощущение исчезло.

Он позволил красным, золотым и серебряным нитям ласкать себя.

— Но это еще не завершение,— сказал барон Калан.— Нет, не завершение. Она должна создать драгоценный камень. Подвиньтесь ближе, милорд. Войдите в с а м у машину. Вы не почувствуете никакой боли, я вам гарантирую. Она должна создать Черный Камень.

Хокмун повиновался барону, паутинки зашуршали и начали петь. Он был оглушен, мелькания красного, золотого и серебряного мешали ему видеть. Машина Черного Камня ласкала его, казалось, проникала в него, стала им, а он — ею. Он вздохнул, и голос его был музыкой паутинок, он чуть двинулся — конечности его были паутинками.

В голове что-то давило изнутри, и он ощутил абсолютную теплоту и мягкость, овладевшую всем его телом. Он плыл, не чувствуя себя, потеряв представление о времени, но знал, что машина плетет субстанцию из самой себя, из собственной паутины, плетет что-то твердое и плотное, вживается в центр его лба, так что внезапно он как будто стал обладать третьим глазом и увидел мир совершенно новым зрением. Затем постепенно это ощущение прошло, и он увидел барона Калана, снявшего маску, чтобы получше рассмотреть его.

Вдруг Хокмун почувствовал резкую, острую боль в голове. Боль практически мгновенно исчезла. Он взглянул на машину, но цвет нитей стал тусклым, и вся паутина, казалось, сморщилась. Он поднял руку к голове и испытал определенный шок, когда под рукой ощутил то, чего раньше у него не было. Это что-то было твердым и гладким. Это было частью его самого. Его затрясло.

Барон Калан озабоченно посмотрел на него.

— А? Вы ведь не сошли с ума, нет? Я был убежден в успехе! Вы не сошли с ума?

— Я не сошел с ума,— ответил Хокмун,— но мне кажется, я боюсь.

— Вы привыкнете к камню.

— Значит, теперь у меня в голове камень?

— Да. Черный Камень. Подождите.

Калан повернул и отдернул занавес из красного вельвета, за которым открылся плоский овальный кварц молочного цвета примерно двух футов в длину. В нем начало вырисовываться отражение самого барона Калана, уставившегося в бесконечность. Этот своеобразный экран точно отражал то, что видел Хокмун. Когда он слегка изменил положение, картинка соответственным образом изменилась.

Калан восхищенно пробормотал:

— Вот видите, все получилось. Что воспринимаете вы, то воспринимает и Черный Камень. Теперь куда бы вы ни пошли, что бы ни стали делать, мы будем в состоянии наблюдать.

Хокмун попытался заговорить, но не смог. У него перехватило дыхание и что-то, казалось, мешало ему вдохнуть полной грудью. Снова дотронулся он до Черного Камня, и почувствовал тепло, столь похожее на теплую кожу при прикосновении, но столь отличающееся от нее всем остальным.

— Что вы со мной сделали? — спросил он после непродолжительного молчания, и голос его казался таким же спокойным и ровным, как и раньше.

— Мы просто обеспечили себе вашу преданность, — ухмыльнулся барон Калан. — Сейчас вы забрали себе часть этой машины. Если только мы пожелаем, мы отдадим Черному Камню всю ее жизнь, и тогда...

Хокмун неловко протянул руку вперед и дотронулся до плеча барона.

— Что тогда?

— Она просто пожрет ваш мозг, герцог Кельнский. Она сожрет его.

* * *

Барон Мелиадус торопливо вел Дориана Хокмуна по сверкающим коридорам Дворца. Теперь на боку Хокмуна висела шпага, а одет он был почти в ту же одежду, что носил, когда сражался за Кельн. Он ощущал присутствие Черного Камня, но больше он не чувствовал ничего. Коридоры становились все шире, и скоро их можно было сравнить с широкими улицами. Вдоль стен стояло множество солдат в масках Муравьев. Огромные двери с выложенными на них мозаичными узорами возвышались перед пришедшими.

— Тронный Зал, — шепнул барон. — Сейчас вас допросит Король-Император.

Медленно двери начали открываться, показывая постепенно все величественнее Тронного Зала. Все сверкало и переливалось, почти ослепляя Хокмуна причудливой красотой. Слепили драгоценности, раздавалась музыка с дюжины галерей, поднимавшихся до куполообразной крыши, свисали яркие знамена пятисот самых благородных гранбританских семей. По стенам и на галереях стояли по стойке «смирно» солдаты охраны, люди Ордена Муравья в масках насекомых, черно-зеленых и золотых доспехах. Позади них в самых разнообразных масках, богато одетые тол-

пились придворные. Они с любопытством уставились на вошедших Мелиадуса и Хокмуна.

В отдалении стояла линия солдат. Там в самом конце Зала, так далеко, что почти не разглядеть, висело нечто, чего сначала Хокмун не мог определить. Он нахмурился.

— Тронный Шар,— прошептал барон.— Теперь делайте то же, что и я.

Он пошел вперед. Стены Тронного Зала были ослепительно зеленого и пурпурного цветов, а цвета свисающих знамен дополняли спектр вместе с драгоценностями, драпировкой, металлами и одеждой, что носили придворные. Но глаза Хокмуна не отрывались от Шара.

Кажущиеся карликами в громадном Тронном Зале, Хокмун и Мелиадус медленно двигались по направлению к Тронному Шару, а с галерей справа и слева звучали фанфары и трубы.

Вскоре Хокмун был уже в состоянии получше разглядеть Тронный Шар, и он был поражен тем, что увидел. В самом центре налитой в Шар жидкости плавал древний, очень древний человек со сморщенной кожей, недвижимыми конечностями, слишком большой для таких пропорций головой. Он напоминал Хокмуну зародыш. На его лице сверкали злобные пронзительные глаза.

Следуя примеру барона, Хокмун распростерся перед этим созданием.

— Встань,— донесся до него голос.

Самым настоящим шоком оказалось для Хокмуна то, что голос донесся из Тронного Шара. Это был голос юноши, юноши в расцвете сил и здоровья — золотой голос, мелодичный, вибрирующий. На мгновение Хокмун задумался, из какого горла вырван этот дивный, чарующий голос.

— Король-Император, представляю вам Дориана Хокмуна, герцога Кельнского, избранного, чтобы выполнить наше поручение. Вы помните, сир, тот план, который я имел честь изложить вам... — Мелиадус низко поклонился.

— Мы готовы потратить много усилий и выдумки, чтобы заполучить услуги такого человека, как граф Брасс,— произнес мелодичный голос.— Мы верим, барон Мелиадус, что выбор твой пал на нужного нам человека.

— Вы можете полностью доверять мне и судить обо мне по моим прежним делам, Ваше Величество,— низко склонился барон.

— Был ли герцог Кельнский предупрежден о том суровом наказании, что ждет его, если он не станет служить нам с полной преданностью? — вновь прозвучал молодой ироничный голос.— Сказали ли ему, что мы можем уничтожить его в любую минуту и с любого расстояния?

Мелиадус стряхнул пылинку со своего рукава.

— Он предупрежден, о могущественный Король-Император.

— Вы проинформировали его о том, что камень в его голове,— продолжал голос настойчиво,— увидит все, что увидит он, и покажет нам все в нашей комнате машины Черного Камня?

— Да, о Благородный Монарх.

— И вы ясно дали ему понять, что если только появятся хоть малейшие признаки, что он хочет предать нас, — самые малейшие признаки, которые нам легко будет увидеть на лицах тех, с кем он будет разговаривать, — мы тут же дадим камню его полную жизнь? Всю энергию машины мы отдадим на ее создание. Мелиадус, сказал ли ты ему, что камень, получив целиком свою волшебную жизнь, пожрет весь его мозг, захватит в плен его ум и сделает из него сопливого, слюнтявого, безумного идиота?

— В общих чертах, Великий Император, именно это и было ему сказано.

Существо, обитающее в Тронном Шаре, ухмыльнулось.

— Судя по его виду, барон, угроза сумасшествия вовсе не является для него настоящей угрозой. Скажи, ты уверен, что камень еще не получил своей полной жизненной силы?

— Просто у него такой характер, Бессмертный Владыка.

Теперь глаза плавающего существа с пронзительностью уставились на Дориана Хокмуна, а иронически звучащий золотой голос исходил из бесконечного древнего горла.

— Вы заключили договор, герцог Кельнский, с Бессмертным Королем-Императором Гранбритании. То, что мы предложили договор, вообще говорит о нашей либеральности и демократии, потому что, в конечном-то итоге, вы — наш раб. Я хочу сказать, все вы — наши рабы, и ты в том числе. А поэтому ты должен служить нам, в свою очередь, с неиссякаемой преданностью, зная, что ты разделяешь часть судьбы великой расы, самой великой из всех когда-либо живших на этой планете. У нас есть право управлять всей этой землей, поскольку наша раса обладает незаурядным умом и могуществом, и вскоре мы заявим об этом своем праве во весь голос. Все, кто поможет нам в достижении этой благородной цели, получат полное наше одобрение. А теперь иди, герцог, и заслужи это одобрение.

Огромная голова отвернулась в сторону, и изо рта, словно жало, высунулся острый язычок, дотронувшийся до крохотного драгоценного камня, что плавал в растворе недалеко от одной из стенок Шара. Мгновенное действие: Шар начал тускнеть, затуманиваться, и похожее на зародыш тело Короля-Императора, последнего и бессмертного отпрыска династии, основанной более трех тысяч лет назад, на мгновение стало обычным простым силуэтом.

— И не забудь о силе Черного Камня, — произнес молодой голос за секунду до того, как Шар окончательно померк и приобрел вид тусклой сферы.

Аудиенция была окончена.

Низко поклонившись и распростершись, как и в самом начале, барон Мелиадус и герцог поднялись затем на ноги, пятах, отошли на несколько шагов и только потом повернулись и пошли к выходу из Тронного Зала.

Эта аудиенция сослужила службу, принесла результат, которого никак не могли предвидеть ни барон Мелиадус, ни его господин.

В странно изменившемся мозгу Хокмуна, в самых тайных его глубинах зародилось небольшое раздражение, и вызвано это раздражение было не

наличием Черного Камня, сидевшего сейчас в голове герцога, а кое-чем более реальным и материальным.

Возможно, это раздражение было признаком того, что к Хокмуну возвращалась его человечность, его прежний облик. Возможно, оно означало, что он станет совершенно другим человеком, возможно, это было влияние Рунного Посоха.

Г л а в а 4

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗАМОК БРАСС

Дориана Хокмуна отвели обратно в ту комнату, где он жил сначала в тюремных катакомбах, и там он провел пару дней, пока не появился барон Мелиадус, принес с собой черный кожаный костюм вместе с сапогами, перчатками и плащом с капюшоном. Кроме того, он принес шпагу с серебряной рукояткой в черных кожаных ножнах, отделанных серебром, и черный шлем-маску, исполненный в виде оскалившегося Волка. И одежда и оружие были выполнены по образцу и подобию одежды и оружия Мелиадуса.

— Ваш рассказ о прибытии в Замок Брасс будет правдивым,— начал барон.— Вы были взяты мною в плен, но при помощи слуги вам удалось подсыпать мне снотворное. После этого вы стали выдавать себя за меня. В этом виде вы пересекли всю Гранбретань и ее провинции, которые Гранбретань контролирует, пока барон Мелиадус очнулся от своего сонного похмелья. Чем проще рассказ, тем больше он вызывает доверия, а этот не только объяснит, как вам удалось сбежать, но и возвысит вас в глазах тех, кто меня ненавидит.

— Понимаю,— ответил Хокмун, беря в руки кожаную куртку.— Но как мне объяснить наличие у меня во лбу Черного Камня?

— Вы должны были стать объектом некоторых экспериментов, но вам удалось бежать раньше, чем мы смогли нанести вам какой-либо существенный вред. Вам придется рассказать эту историю как можно правдивее, Хокмун, потому что от этого зависит ваша безопасность. Мы будем наблюдать, как на все это отреагирует граф Брасс, а в особенности этот хитроумный рифмоплет Боджеяль. Хотя мы и не будем в состоянии услышать, что они говорят, мы достаточно хорошо умеем разбираться в артикуляции. Если мы заметим хоть что-то, похожее на предательство с вашей стороны, мы тут же дадим Черному Камню полную жизнь.

— Понятно,— ответил Хокмун все тем же бесстрастным тоном.

— Они, несомненно, обратят внимание на странность вашего поведения и ваших манер,— нахмурился барон,— но если вам повезет, они все это припишут тому, что вы много выстрадали и перенесли. Это может вызвать у них даже еще большее сострадание.

Хокмун безразлично кивнул.

Мелиадус бросил на него острый взгляд.

— Вы все еще беспокоите меня, Хокмун. Я все еще не уверен, что с помощью волшебства или просто вашей дьявольской хитрости вы нас не обманули — но тем не менее в вашей преданности я уверен. Черный Камень дает мне такую уверенность. — Он улыбнулся. — Орнитоптер уже ожидает вас, чтобы перенести в Дю-Вер, на побережье. Приготовьтесь, милорд герцог, и послужите Гранбритании. Если вы справитесь, то скоро получите назад свои земли.

* * *

Орнитоптер стоял на лужайке за входом в катакомбы. Это был красивый аппарат, выполненный в форме гигантского орла, из меди, серебра, латуни и черной стали с сорокафутовыми крыльями, сложенными сзади. Чуть ниже головы орла, в небольшой кабине сидел пилот в птичьей маске своего Ордена — Ордена Вороны, членами которого были все пилоты, — держа руки в перчатках на пульте управления, усыпанном драгоценностями.

Испытывая некоторую слабость, Хокмун, одетый в доспехи барона Мелиадуса, взобрался на сиденье позади пилота, не зная, что ему делать со своей шпагой, но, в конце концов, кое-как пристроил ее, усевшись на длинное и очень узкое сиденье. Поерзав, он принял более или менее удобную позу и ухватился за металлические бока орнитоптера, как раз когда пилот повернул рукоятку и крылья распахнулись, забив по воздуху со странным шумом. Машина задрожала и на мгновение накренилась, пилот выругался и выправил ее. Хокмун слышал, что летать на этих машинах довольно опасно, и собственными глазами видел, как несколько орнитоптеров, что атаковали его при Кельне, неожиданно складывали крылья и камнем падали вниз. Но несмотря на всю свою ненадежность, орнитоптеры Темной Империи были основным ее оружием, позволившим так быстро победить Европейский континент, потому что ни одна другая страна не обладала никакими летательными аппаратами.

Металлический орел начал медленно подниматься в воздух. Размерно махали крылья, словно пародируя полет птицы, и они взлетали все выше и выше, пока не поднялись над самыми высокими башнями Лондры. Сделав круг, они направились на юго-запад. Хокмун тяжело дышал — ему не по душе было ощущение полета.

Вскоре металлическое чудовище пролетело над темным облаком, и солнечный свет заиграл на его металлических боках. Сквозь усыпанные драгоценными камнями глазницы своей маски, полностью закрывавшей его лицо, Хокмун увидел, как солнечный свет разбился на множество радужных оттенков. Он закрыл глаза.

Прошло время, и он ощутил, что орнитоптер начал опускаться. Открыв глаза, он увидел, что они летят в гуще облаков, постепенно спускаясь все ниже, так что стали видны серые поля, линия города и живое, волнующееся море.

Они приземлились, раздался тяжелый удар, крылья с натугой били в воздухе, и машина покатилась вперед, застыв на месте почти у самого края посадочной площадки. Приземлились они в самом центре города.

Пилот показал Хокмуну, что пора вылезать. Хокмун выбрался из кабины, все тело его затекло, ноги дрожали, а тем временем пилот закрыл на замок панель управления и присоединился к нему. Тут и там стояли другие орнитоптеры. Пока они шли по площадке под хмурым небом, один из них взлетел, и Хокмун почувствовал удар воздушной волны, когда орнитоптер пролетел над ними.

— Дю-Вер,— сказал пилот в маске Вороны,— порт, почти целиком отданный для наших воздушных сил, хотя в гавань еще заходят кое-чьи военные корабли.

Хокмун увидел перед собой дверь в скале. Дверь была круглая, стальная. Пилот остановился возле нее и условными ударами несколько раз постучал по ней. Через некоторое время дверь распахнулась и показалась каменная лестница, по которой они начали спускаться. Дверь за их спиной захлопнулась. Здесь было полутемно и мрачно, каменные стены были почти не отделаны драгоценными камнями, правда, было еще несколько неудачных фресок.

Наконец они прошли через охраняемую солдатами дверь и вышли на улицу, тянущуюся между квадратными зданиями с башнями наверху. Из подобных зданий состоял весь город. В основном здесь преобладали люди в масках Вороны, но было также много матросов в масках Рыбы или Морского Змея, а также пехоты и кавалерии в разнообразнейших масках: Ордена Свиньи, Волка, Черепа, Муравья, Быка, Пса, Козла и многих других. Тяжелые шпаги били по ногам, огненные копья в толпе ударялись друг о друга, и повсюду стоял звон доспехов.

Пробираясь через скопище людей, Хокмун удивлялся тому, как легко расступаются перед ним, пока не вспомнил, что по внешнему виду он должен напоминать барона Мелиадуса.

У ворот города его ждала лошадь с седельными сумками, туго набитыми провиантом. Хокмун был заранее предупрежден об этой лошади и о том, какой дорогой он должен следовать. Он быстро вскочил в седло и поскакал к морю.

Вскоре облака рассеялись, и засветило солнце. И впервые в своей жизни Хокмун увидел Серебряный мост, который перекрывал тридцать морских миль. В солнечном свете он блистал — прекрасное произведение искусства, настолько, казалось, изящное, что ему не выдержать и малейшего дуновения ветерка, но на самом деле крепкое настолько, что не сломалось бы, даже если на него вступила вся гранбританская армия. Красивой дугой выгибался он через море, уходя за горизонт. Сваи были примерно в четверть мили шириной, их поддерживала сеть серебряных опор, пилонов и арок, на которых были изображены различные военные сцены.

На мосту было большое движение взад и вперед. Хокмун видел кареты дворян, настолько сложной конструкции, что трудно было поверить в возможность их движения; эскадроны кавалеристов, причем у лошадей было такое же великолепное снаряжение, как у их всадников; батальоны пехоты, марширующие с невероятной четкостью; торговые караваны, состоящие из многочисленных повозок и вьючных животных, на которых были нагружены мешки и ящики с самой разной поклажей: меха, драгоценности, шелка, фрукты, овощи, свечи, кровати, полные комплекты стульев — в основном, как неожиданно понял Хокмун, награбленное добро из государства, подобного Кельну, недавно побежденного этими армиями, которые так четко маршировали перед караванами.

Он видел также и военные орудия — машины из меди и железа — железные палки с крючьями, необходимые при осаде башенных стен; похожие на качалки приспособления, чтобы швырять огненные ядра и булыжники. Рядом с машинами в масках Крота, Барсука и Хорька шли инженеры Темной Империи, широкоплечие сильные люди с большими руками. Все происходящее на мосту можно было сравнить с муравейником, потому что вся эта деятельность и суета затмевались величию Серебряного моста, который, как и орнитоптеры, был одной из главных достопримечательностей и одной из главных причин быстрых и успешных действий гранбретанской армии.

Стражникам у ворот моста было приказано пропустить Хокмуна, и ворота открылись, как только он приблизился. Он поехал по вибрирующему мосту, и копыта его лошади зазвенели по металлу. На таком близком расстоянии мост потерял часть своего великолепия. Поверхность его была сильно исцарапана и погнута в результате большого движения. Тут и там валялись кучи лошадиного помета, тряпки, солома и отходы. Такой оживленный путь было невозможно содержать в полном порядке, но тем не менее вся эта грязь странным образом символизировала дух цивилизации Гранбретани.

Хокмун пересек мост над морем, и через некоторое время ступил на землю Европейского континента, направившись к Хрустальному городу, лишь недавно завоеванному Темной Империей, Хрустальному городу Париа, где он отдохнет день, прежде чем отправится на юг в свое дальнейшее путешествие.

Правда, у него уйдет больше дня, чтобы добраться до Хрустального города, как бы быстро он ни скакал. Он решил не останавливаться в Карле, самом близком от моста городе, а найти какую-нибудь деревню, где ему удастся переночевать, с тем чтобы завтра утром продолжить путь.

Только перед самым заходом солнца он добрался до деревни с приятными на вид вилами и садами, где были видны следы недавнего сражения. Несколько вилл были разрушены. Деревня до странности была спокойна, хотя в некоторых домах уже горел свет, а гостиница, когда он подъехал к ней, была закрыта и внутри не было заметно никаких признаков жизни. Он спешил во дворе гостиницы и постучал в дверь кулаком.

Ему пришлось ждать несколько минут, прежде чем загремел засов и на него уставились глаза мальчишки. Лицо мальчика было бледным, а когда он увидел маску Волка, оно и вовсе стало испуганным. С большой неохотой распахнул он дверь, выпуская Хокмуна. Оказавшись внутри, Хокмун сразу же снял маску и попытался улыбнуться мальчику, чтобы успокоить его, но улыбка вышла неискренней, потому что Хокмун забыл, как надо двигать губами. Мальчик воспринял выражение его лица как неудовольствие и попятился, сжавшись, как бы ожидая удара.

— Я не причину тебе никакого вреда, — скованно сказал Хокмун, только позаботься о моей лошади и приготовь мне постель и какую-нибудь еду. На заре я уеду.

— Господин, у нас только самая простая пища, — пробормотал мальчик, немного успокаиваясь.

Жители Европы в те дни привыкли к тому, что их оккупируют то одни силы, то другие, поэтому завоевания Гранбритании не вызывали ни в ком особого удивления. Жестокость людей Темной Империи не была в новинку, однако именно ее боялся и ненавидел этот мальчишка, не ожидая даже самой грубой справедливости от того, кто был дворянином Гранбритании.

— Я согласен на все, что у тебя есть. Если хочешь, можешь оставить самую лучшую пищу и вино себе и своей семье. Я лишь хочу утолить голод и жажду.

— Сир, у нас нет хорошей пищи. Ее забрали. Если мы...

Движением руки Хокмун велел ему замолчать.

— Мне все это неинтересно, мальчик. Изволь понимать меня буквально и таким образом ты послужишь мне самую лучшую службу.

Он оглядел комнату и заметил двух стариков, сидящих в сторонке и пьющих что-то из больших кружек, избегая при этом смотреть в его сторону. Он прошел в центр комнаты и уселся за небольшой столик, сняв на ходу плащ и перчатки и стряхнув дорожную пыль с лица и одежды. Маску Волка он бросил на пол рядом со стулом. Это был один из самых необычных жестов, который мог себе позволить дворянин Гранбритании. Он заметил, как один из сидящих людей в изумлении посмотрел на него, а чуть позже он услышал неясное бормотание и понял, что они заметили Черный Камень. Вернулся мальчик, неся плохой эль и несколько кусочков жареной свинины, и у Хокмуна возникло чувство, что это было самое лучшее, чем они располагали. Он съел свинину и выпил эль, потом велел отвести себя в приготовленную для него комнату. Запершись там, он снял с себя одежду, вымылся в ванне, забрался под грубую простыню и скоро уснул.

Ночь он спал беспокойно и проснулся, не понимая, что его разбудило. По какой-то причине его потянуло подойти к окну и выглянуть наружу, ему показалось, что он видит фигуру на громадной лошади, фигура эта, как ему показалось, глядела в его сторону. Это была фигура воина в полном боевом снаряжении, в шлеме с забралом, закрывающим лицо.

Хокмуну показалось, что он различает проблески черного и золотого. Затем воин повернул своего коня и ускорил.

Чувствуя, что в этом происшествии заключен важный смысл, Хокмун вернулся в постель. Он снова быстро заснул, но утром он не был даже уверен в том, что все это ему привиделось. Если это был сон, то это был первый сон, приснившийся ему с тех пор, как его захватили в плен. Слабый отголосок любопытства заставил его слегка хмуриться, пока он одевался, но потом он пожал плечами и спустился вниз, чтобы потребовать себе завтрак.

* * *

Хокмун добрался до Хрустального города к вечеру того же дня. Строения целиком из кварцевого камня жили, казалось, своей жизнью, повсюду в них сверкало стекло, которое жители Парии так любили, украшая им и дома, и общественные здания, и даже памятники. Это был настолько странный, прекрасный город, что даже Лорды Темной Империи оставили его практически нетронутым, предпочтя взять город при помощи переговоров и предательства, чем атаковать и разрушать его.

Но в самом городе повсюду были видны следы оккупации: на лицах людей преобладало испуганное выражение, одетые в звериные маски воины расхаживали по улицам, над домами, которые занимали дворяне Гранбритании, развевались флаги. Это были флаги Джерека Нанкенсина, Военного Наставника Ордена Мухи; Адаза Промпа, герцога Лондрского; Азровака Микосеваара, ренегата из Мусковии, наемника, Военного Наставника Легиона Стервятников, извращенца и убийцы, легион которого служил Гранбритании еще до того, как стал очевиден ее план завоевания Европейского континента. Сумасшедший, даже по сравнению с дворянами Темной Империи, которым он позволял быть над собой господином, Азровак Микосеваар всегда был на передней линии армии Гранбритании, расширяя границы Империи. Его знаменитое знамя с девизом, вышитым кровавыми буквами «Смерть до Жизни!», вселяло страх в сердца тех, против кого он сражался. Должно быть, Азровак отдыхал в Хрустальном городе, решил Хокмун, потому что было слишком на него не похоже находиться столь далеко от места сражения. Трупы привлекали мусковита, как розы пчел.

На улицах Хрустального города не было видно детей. Те, кто не был убит гранбританцами, попали в плен и рабство и тем обеспечивали хорошее поведение тех жителей города, кто остался в живых.

Закатное солнце, казалось, кровью обогрило хрустальные здания. Хокмун, слишком уставший, чтобы продолжать путь, был вынужден обратиться в гостиницу, о которой говорил ему Мелиадус, и там проспал почти всю ночь и часть следующего дня, прежде чем продолжить свое путешествие в Замок Брасс. Ему оставалось проехать чуть больше половины расстояния.

За Лионом наступление войск Гранбретани было приостановлено, но дорога в Лион была мрачной, уставленной виселицами и деревянными крестами, на которых висели мужчины и женщины, молодые и старые, девочки и мальчики и даже, словно шутка безумцев, домашние животные: кошки, собаки и кролики. На виселицах гнили целые семьи, а иногда и все жители дома — от крошечного ребенка до старого и преданного слуги — были распяты на крестах.

Воздух был насыщен запахом гнили, запахом смерти, который чувствовал и Хокмун, и его понурившаяся лошадь. От пожаров почернели поля, крутом были гарь, дым и копоть. Все, кто когда-то жил там, стали нищими, просили милостыню независимо от положения, что они занимали раньше, кроме тех женщин, что стали проститутками для солдат Темной Империи, или тех, кто поклялся верно служить Темной Империи.

Как раньше чувство любопытства, так и сейчас непонятное ему ощущение отвращения зашевелилось в душе Хокмуна, но он почти его не заметил. Он продолжал ехать по дороге на Лион, надев маску Волка. Никто не остановил его и никто с ним не заговорил, потому что те, кто принадлежал к Ордену Волка, в основном, сражались сейчас на севере, так что Хокмун мог не опасаться, что какой-нибудь Волк обратится к нему на тайном языке Ордена.

За Лионом Хокмун свернул в сторону и направился полями, поскольку дороги охранялись солдатами Гранбретани. Он засунул маску Волка в одну из своих опустевших седельных сумок и быстро поскакал по свободной территории, где воздух был свеж, но в самой атмосфере ощущались страх и ужас перед будущим.

В городе Валенсия, жители и войска которого готовились отразить наступление Темной Империи, обсуждая безнадежные стратегию и тактику, строя оборонительные приспособления, явно непригодные для обороны от столь мощного врага, Хокмун впервые опробовал подготовленный для него рассказ.

— Я — Дориан Хокмун, герцог Кельнский, — сообщил он капитану, к которому привели его солдаты.

Капитан сидел в гостинице, положив обутую в сапог ногу на скамью, внимательно посмотрел на него.

— К этому времени герцог Кельнский должен быть мертв, — ответил он. — Он попал в плен, его захватили солдаты Гранбретани. Я думаю, вы просто шпион.

Возражать Хокмун не стал, а рассказал то, что велел рассказать барон Мелиадус. Говорил он без всякого выражения, описывая, как он попал в плен, как ему удалось бежать. А потом сквозь толпу пробился один солдат в погнутых доспехах со шпагой на боку, выкрикивая имя Хокмуна.

Повернувшись на его вопли, Хокмун заметил на куртке этого солдата такой же знак, какой был на его знамени: знак Кельна. Этот человек был одним из немногих солдат, которым удалось чудом избежать гибели

во время последнего сражения за Кельн. Солдат рассказал капитану и людям, собравшимся вокруг, о храбрости и неустрашимости герцога. Тогда Дориана Хокмуна провозгласили в Валенсии героем.

В эту ночь, когда по поводу его возвращения из Гранбритании состоялся настоящий праздник, Хокмун сообщил капитану о том, что он решил направиться в Камарг, чтобы заручиться поддержкой графа Брасса.

Капитан покачал головой.

— Граф не принимает ничьей стороны, — сказал он. — Он полностью нейтрален. Но вас он выслушает скорее, чем кого-либо другого. Надеюсь, вы добьетесь успеха, милорд герцог.

На следующее утро Хокмун выехал из Валенсии и отправился в путь по южной дороге, а навстречу ему ехали воины с угрюмыми лицами, чтобы присоединиться к армиям, что будут оказывать сопротивление и бороться с силами страшной Темной Империи.

Все ближе становилось место назначения Хокмуна, и все сильнее дул ветер. Наконец Хокмун увидел перед собой плоские болота Камарга, лагуны, сверкающие на расстоянии, тростник, сгибающийся под силой мистраля, — одинокую и очень красивую страну.

Когда он подъехал достаточно близко к одной из высоких старых башен, то увидел вспышки гелиографа и понял, что о его приближении сообщают в Замок Брасс.

Сохранив бесстрастное выражение лица, Хокмун твердо держался в седле, пробираясь по извилистой болотистой тропинке, по краям которой раскачивался тростник и кустарник, с каждым шагом проступала вода, а птицы парили в древнем печальном небе.

Незадолго до захода солнца показался Замок Брасс, его холм в террасах и прекрасные изящные башни — черно-серые силуэты на фоне вечернего неба.

Г л а в а 5

ПРОБУЖДЕНИЕ ХОКМУНА

Граф Брасс передал Хокмуну кубок с вином и прошептал:

— Прошу вас, продолжайте, милорд герцог.

Хокмун рассказывал свою историю второй раз. В зале Замка Брасс сидели Ийссельда в полном расцвете красоты, Боджентль, задумчиво слушавший повествование, и фон Вилак, который, слушая, тербил усы и смотрел в огонь.

Хокмун закончил рассказ.

— И вот я решил искать помощи в Камарге, граф Брасс, зная, что это единственный способ укрыться в стране, которая обезопасила себя от могущественной Темной Империи.

— Я только буду рад такому гостю, — нахмурившись, ответил граф Брасс, — если убежище — это все, что вам нужно.

— Это все.

— Разве вы приехали сюда не с целью склонить нас взяться за оружие против Гранбретани?

Это спросил Боджентль, и в голосе его слышалась надежда.

— Я слишком выстрадал сам, воюя против Империи, поэтому не могу просить других рисковать своей жизнью, сохранить которую мне удалось с большим трудом,— ответил Хокмун.

На лице Ийссельды можно было отчетливо увидеть разочарование. Было ясно, что все, кроме умудренного жизнью графа Брасса, хотели войны с Гранбретанью. И возможно, у каждого были свои причины. Ийссельда хотела отомстить за себя барону Мелиадусу, Боджентль верил, что такому злу необходимо оказывать сопротивление, фон Вилак просто давно не участвовал в сражениях.

Хокмун не ощутил никакой радости, что обман так легко удался ему. Он лгал потому, что согласился с бароном Мелиадусом, что лгать будет необходимо. Когда придет время похитить Ийссельду, он сделает это столь же бесстрастно.

Граф Брасс сам проводил его в отведенные для него апартаменты, которые состояли из спальни, ванной и небольшого кабинета.

— Надеюсь, вам здесь понравится, милорд герцог.

— Безусловно.

На минуту граф Брасс задержался у двери.

— Камень,— произнес он,— вот этот, что у вас во лбу... вы говорите, что Мелиадусу не удался его эксперимент?

— Да, граф.

— А-а... — Граф Брасс опустил глаза, через какое-то время вновь взглянул на Хокмуна.— Дело в том, что я обладаю кое-какими познаниями в волшебстве и мог бы помочь вам удалить его, если он вас беспокоит...

— Он меня не беспокоит.

Граф вышел из комнаты.

* * *

В эту ночь Хокмун снова неожиданно проснулся, как и тогда в гостинице, и ему показалось, что он увидел в комнате фигуру — человека в черных и золотых доспехах. Тяжелые веки закрылись на мгновение, а когда Хокмун открыл глаза, в комнате никого не было.

В душе Хокмуна начал назревать конфликт — возможно, это был конфликт между гуманностью и ее отсутствием, а может, между сознанием и его отсутствием, если такие конфликты вообще существуют.

Но какова бы ни была природа этого конфликта, не было никакого сомнения в том, что характер Хокмуна меняется. Это был уже не тот человек, что сражался в битве при Кельне, но и не тот, кто был лишен каких-либо эмоций сразу после битвы, но человек совершенно новый, как будто Хокмун родился еще раз, но уже в совершенно ином качестве.

А тем временем Хокмун просто проснулся рано утром, обдумывая, как бы ему поскорее осуществить свой план и захватить в плен Ийссельду,

а потом вернуться в Гранбретань, избавиться от Черного Камня и получить обратно свои земли, которыми владел он и его семья.

Когда он вышел из своих покоев, ему встретился Боджентль. Поэт-философ взял его под руку.

— Ах, милорд герцог, возможно, вы расскажете мне хоть что-то о Лондре. Я никогда там не был, хотя и много путешествовал по свету, когда был молод.

Хокмун повернул голову и посмотрел на Боджентля, зная, что увиденное им в ту же секунду увидят и те, кто наблюдает за ним в Гранбретани. В глазах Боджентля сквозил искренний интерес, и Хокмун решил, что пока его ни в чем не подозревают.

— Это большой, высокий и темный город,— ответил Хокмун.— Архитектура странная и повсюду многочисленные декорации.

— А его дух? Каков дух Лондры? Мне интересны ваши впечатления.

— Могущество, уверенность...

— Безумие?

— Я не могу определить, что такое безумие, а что такое — нормальность, сэр Боджентль. Возможно, вы находите меня несколько странным? Мои манеры неуклюжими? Поведение мое не таким, как у других?

Удивленный таким поворотом беседы, Боджентль осторожно посмотрел на Хокмуна.

— Почему вы... впрочем, да. Но почему вас это заинтересовало?

— Потому что все ваши вопросы кажутся мне бессмысленными. Я говорю так, не желая... не желая вас обидеть.

Хокмун потер подбородок.

— Просто я считаю их бессмысленными.

Они стали спускаться по лестнице в главный зал, где стоял стол, накрытый для завтрака, и где старый фон Вилак с большим удовлетворением накладывал на свою тарелку бифштекс огромных размеров из серебряной миски, которую держал перед ним слуга.

— Смысл,— пробормотал Боджентль,— вы не знаете, что такое безумие, а меня заставляете задумываться над словом «смысл».

— Я не знаю,— ответил Хокмун.— Я знаю только то, что делаю.

— Испытания, перенесенные вами, сделали из вас замкнутого человека — вы перестали разбираться в том, что означают мораль и сострадание? — сочувственно спросил Боджентль.— В таком состоянии нет ничего необычного. Читая старинные рукописи, можно узнать о многих случаях, когда люди при сильных душевных потрясениях до какой-то степени теряли возможность чувствовать. Хорошая пища и приятная компания быстро превратят вас в прежнего человека. Вам повезло, что вы приехали в Замок Брасс. Возможно, вас привел сюда внутренний голос.

Хокмун слушал без какого-либо интереса, глядя как по лестнице спускается Ийссельда и улыбается ему и Боджентлю.

— Хорошо отдохнули, милорд герцог? — спросила она.

Прежде чем Хокмун успел ответить, Боджентль опередил его:

— Он перенес больше страданий, чем мы думали. Я полагаю, нашему гостю понадобится неделя или, может, две, чтобы окончательно оправиться.

— Может быть, вы хотите сопровождать меня сегодня на прогулку, милорд? — любезно предложила Ийссельда. — Я покажу вам наши сады. Они так красивы.

— Конечно, — ответил Хокмун, — мне будет очень приятно посмотреть на них.

Боджентль улыбнулся, поняв, что мягкое сердце Ийссельды тронутو состоянием Хокмуна. Никто лучше девушки, подумал он, не поможет восстановить герцогу его искалеченный дух.

* * *

Они шли по террасам Замка. Здесь росли вечнозеленые растения, зимние цветы и овощи. Небо было ясное, сияло солнце, и они не ощущали никакого неудобства от ветра, так как были закутаны в теплые плащи на меху. Они глядели вниз, на крыши города, и все выглядело таким спокойным и мирным. Ийссельда держала Хокмуна под руку и непридуманно болтала, не ожидая ответа от человека с таким печальным лицом, что шел рядом с ней. Сначала ее немного смущал Черный Камень, но она решила, что он мало чем отличается хотя бы от того драгоценного обруча, который она иногда сама носила, чтобы ей не мешали волосы.

В ее молодом сердце было много тепла и жажды привязанности. Именно эта жажда и переросла в свое время в страсть к барону Мелиадусу, потому что жажда привязанности ищет всегда для себя множество выходов. Она была готова предложить ее и странному мрачному герою Кельна в надежде, что это поможет ему залечить его раны.

Она заметила, что в его глазах возникло хоть какое-то выражение, лишь когда она упоминала о его родине.

— Расскажите мне о Кельне, — попросила она. — Не о том, какой он сейчас, а о том, каким он был когда-то и каким будет когда-нибудь.

Слова эти напомнили Хокмуну обещание барона Мелиадуса вернуть ему земли его отцов. Он отвернулся от девушки и посмотрел на небо, скрестив на груди руки.

— Кельн, — продолжала она мягко. — Он был как Камарг?

— Нет... — Он опустил взгляд на крыши домов далеко внизу. — Нет... потому что Камарг — дикая страна и такой она была с самого начала. В Кельне же всюду видна работа людей — на огражденных полях и прямых реках, небольших извилистых дорогах, на фермах и в деревнях. Это была небольшая провинция — с тучными стадами коров и породистыми овцами, копнами сена и зелеными сочными долинами, где находили себе приют кролики и мыши-полевки. Там были желтые заборы и прохладные леса и повсюду можно было увидеть дым от очагов. Там жили простые люди, дружелюбные и добрые к детям. Строения там были старыми, неприхотливыми и такими же простыми, как те люди, что в них обитали. Ничего темного не было в Кельне до прихода Гранбретани, закованной в металл,

с потоками огня над Рейном. И Гранбретань отметила каждого человека огнем и мечом... — Он вздохнул, и в нем все сильнее и сильнее возникали смешанные чувства. — Огонь и меч... заменившие плуг и землю. — Он повернулся и посмотрел на нее. — И кресты и виселицы были сделаны вместо желтых заборов, и трупы коров и овец заполнили прямые реки и отравили землю, и камни домов стали снарядами для катапульта, и люди стали трупами или солдатами — потому что у них не было выбора.

Она положила свою мягкую руку на его плечо.

— Вы говорите так, будто воспоминания остались далеко-далеко, — сказала она. Из его глаз исчезло всякое выражение, и они вновь стали холодными.

— Так оно и есть — все это словно старый сон. Сейчас это мало что для меня значит.

Но Ийссельда смотрела на него, показывая сады, и думала, что нашла способ проникнуть в его душу и помочь ему.

Со своей стороны, Хокмун вспомнил, что он потеряет, если не привезет девушку Темным Лордам, так что он был рад такому участию с ее стороны.

Граф Брасс встретил их во дворе. Он осматривал строевого коня в приличном возрасте и говорил груму:

— Отправьте его пастись, служба его кончилась.

Затем граф подошел к дочери и Хокмуну.

— Сэр Боджентль сказал мне, что вы гораздо слабее, чем мы подумали вначале. Но мы приглашаем вас оставаться в замке так долго, как вы сами того пожелаете. Надеюсь, Ийссельда не утомила вас своими разговорами.

— Нет... Я... отдыхаю.

— Вот и прекрасно! Сегодня вечером у нас состоится небольшая пирушка. Я попросил Боджентля почитать стихи из его последней работы. Он пообещал придумать что-нибудь легкое и остроумное. Надеюсь, вам понравится.

Хокмун обратил внимание, что глаза графа Брасса наблюдали за ним довольно внимательно, хотя его отношение нельзя было охарактеризовать другим словом, кроме сердечного. Мог ли граф Брасс подозревать о его настоящей миссии? Граф был знаменит своей мудростью и умением разбираться в людях. Но уж если характер Хокмуна привел в смущение самого барона Калана, то точно так же он должен был подействовать и на графа Брасса. Хокмун решил, что бояться ему нечего. Он позволил Ийссельде увести себя в Замок.

* * *

В тот вечер был дан банкет, и все лучшее, что было только в Замке, появилось на столах. Вокруг стола сидели несколько высокопоставленных горожан Камарга, пять-шесть известных быководов и несколько тореадоров, включая и оправившегося от ран Махтана Джастила, чью жизнь спас граф Брасс. Рыба и дичь, красное и белое мясо, всевозможные овощи,

вина разных сортов, эль, множество деликатесных соусов и гарниров заполнили стол. По правую руку графа Брасса сидел Дориан Хокмун, а по левую — Махтан Джастил, ставший героем сезона этого года. Джастил открыто восхищался графом и обращался к нему с таким уважением, что было заметно, что графу Брассу иной раз становится неловко. Рядом с Хокмуном сидела Ийссельда, а напротив нее — Боджентль. По другую сторону стола сидел старый Зонзак Экарэ, знаменитый из всех быководов, одетый в тяжелые меха. Лица его почти не было видно из-за огромной седой бороды и густой шапки волос. Он много ел, много пил и много смеялся.

Когда пиршество закончилось и подали фрукты и сладкое вместе с жирным камаргским сыром, перед каждым гостем поставили по три оплетенные бутылки с разным вином, небольшой кувшин пива и большой кубок для питья. Перед Ийссельдой поставили всего одну бутылку и маленькую рюмочку, хотя до сих пор она пила наравне с мужчинами, а сейчас не пожелала пить.

Вино несколько затуманило мозг Хокмуна, и поэтому он выглядел более или менее человечно. Один или два раза он даже улыбнулся, и хоть и не отвечал на шутки, но и не портил никому настроения своим обычным хмурым видом.

Имя Боджентля прозвучало в зале, громко провозглашенное графом Брассом.

— Боджентль! А как же баллада, которую вы нам обещали?

Улыбаясь, Боджентль поднялся со своего места, лицо у него было такое же раскрасневшееся, как и у всех остальных, от обилия хорошего вина и прекрасной еды.

— Я назвал свою балладу «Император Глаукома» и надеюсь, она вас развлечет, — произнес он и принялся нараспев, как это делают поэты, выговаривать следующее:

Император Глаукома
прошел стражу
в форме
у дальней арки
и вошел на базар,
где,
как остатки
от прежней войны,
Рыцари Башни
и Оттомана,
Гости Алькадра,
Могучий Хан
лежали
в тени
давно
и пили вино,
но
Император Глаукома
прошел
этот строй,

не думая
о фанфарах, наградах
в честь
Императорского парада.

Граф Брасс внимательно смотрел на странное выражение лица Боджентля, и у него самого на губах играла сухая усмешка. Тем временем поэт говорил с большим остроумием, всячески приукрашивая сложный ритм своих стихов. Хокмун оглядел людей, сидящих за столом, и заметил, что кое-кто улыбался, а кое-кто выглядел весьма удивленным, несмотря на выпитое в большом количестве вино. Хокмун не улыбался, но и не хмурился. Ийссельда наклонилась к нему и что-то прошептала, но он даже не услышал.

Регата
в гавани,
канонада,
когда Император
после парада
выслушал
Римского оратора...

— О чем это он говорит? — фыркнул фон Вилак.

— Какие-то старинные термины, — кивнул Зонзак Экарэ, — еще до Трагического Тысячелетия.

— Я предпочел бы обычную военную песню.

Зонзак Экарэ приложил палец к губам, почти не видимым из-за бороды, чтобы друг его замолчал, а Боджентль тем временем разливался соловьем:

...который сделал
подарки
яркие
из алебастра,
и меч Дамасский
и парижскую
пасту
из гробницы
Зороастра,
где прекрасны
фиалки
и астры.

Хокмун почти не разбирал слов, но ритм оказывал на него странное действие. Сначала он подумал было, что в этом виновато вино, но затем понял, что в определенных местах стихов мозг его как бы дрожит, вибрирует, и давно забытые чувства пробуждаются в его душе. Он покачивался на стуле.

Боджентль метнул быстрый, пристальный взгляд на Хокмуна, продолжая читать свою поэму, жестикулируя нарочито преувеличенными движениями.

Поэт-лауреат
подряд
камни собирал,

топазы,
опал
и прекрасный нефрит
и упал,
красивый,
нелживый,
пахнувший миррой,
собрал
сокровища
Самаркандских царей
и
на базаре
упал.

— Вы плохо себя чувствуете, милорд? — спросила озабоченно Ийсельда, наклоняясь к Хокмуну.

Хокмун отрицательно покачал головой.

— Со мной все в порядке, благодарю вас.

Теперь он задумался, не оскорбил ли он каким-либо образом чувства Лордов Гранбретани и не дали ли они полной жизни Черному Камню. В голове Хокмуна все поплыло.

Но
за хоралом хорал
звучал,
и гимн славил
Императора,
а он
величаво,
с великой славой
дошел
до него.
И на дорогу
падали цветы
бессмертному
Богу.

Сейчас единственное, что Хокмун видел, — фигуру и лицо Боджентля, единственное, что слышал, — ритмы и ритмичные слоги стихов, и на мгновение ему почудилось, что его околдовали. Но с какой стати Боджентлю околдовывать его?

Из окон и башен
свисали,
плясали
гирлянды цветов
и букетов
азалий,
и дети кидали,
ведь было лето,
розы,
леvkой
и гиацинты,
летели балетом
по тем лабиринтам,
где шел

Глаукома,
и с параметров
ступенек
и лестниц,
как песни,
дети кидали
фиалки и розы,
пионы и лилии,
и сами кидались,
с радостью вылились,
когда
проходил Глаукома.

Хокмун жадно приник к кубку с вином и пил долго, не в состоянии оторвать глаз от Боджентля, который продолжал:

Луна
чуть сияла,
и солнце
качалось,
и день задержало,
а где-то
на небе
пел гимн
Серафим.
И звезды сверкали,
ведь скоро
придет
сам Император,
возложит
руку на дверь
в руинах
среди звезд.
Ведь один он,
как мир,
из смертных
достойный ее командир.

Хокмун судорожно вздохнул, как человек, внезапно оказавшийся в ледяной воде. Рука Ийсельды легла на его мокрый от пота лоб, он услышал ее встревоженный голос:

— Милорд...

Не отрываясь, смотрел Хокмун на Боджентля, а поэт безжалостно продолжал читать:

Глаукома прошел,
опустив глаза,
могилу предков
в драгоценных камнях
и жемчугах,
и слоновой кости,
в рубинах.
Прошел
колоннаду,
портал
сквозь грохот

тромбонов,
и воздух дрожал.
Дрожала земля,
когда
он прошел,
и розовый запах стоял.

Как сквозь туман видел Хокмун, что рука Ийссельды дотрагивается до его лица, но не ощущал прикосновений и не понимал, что она ему говорила, не слышал ни единого ее слова. Взгляд его не мог оторваться от Боджентля, уши не слышали ничего, кроме стихов. Кубок выпал у него из руки. Он был явно болен, но граф Брасс глядел то на Хокмуна, то на Боджентля, а лицо его было наполовину спрятано за большим кубком, в глазах же явно читалось ироническое выражение.

Освободил Император
белоснежного
голубя.
О голубь,
прекрасный, как мир,
и редкий
такой,
что любовь
расцветает
повсюду.

Хокмун застонал. В дальнем конце стола фон Вилак ударил по столу кубком.

— Ну, с этим я еще соглашусь. Почему бы не спеть «Битву в горах»? Это прекрасная...

Освободил Император
белоснежного
этого
голубя,
и он улетел,
и скрылся из виду.
Летел он
сквозь воздух,
над крышами
летел,
сквозь огонь,
все выше
и выше,
прямо к солнцу,
чтобы умереть
за Императора Глаукому.

Хокмун едва смог подняться на ноги, попытался заговорить с Боджентлем, но упал головой на стол, разбрызгивая вино.

— Он что, пьян? — с отвращением спросил фон Вилак.

— Он болен! — вскричала Ийссельда. — О, как он болен!

— Думаю, он не пьян, — заметил граф Брасс, наклоняясь над Хокмуном и приподнимая ему веко. — Но он, без сомнения, потерял сознание.

Он взглянул на Боджентля и улыбнулся. Боджентль улыбнулся в ответ и пожал плечами.

— Надеюсь, вы в этом уверены, граф Брасс,— произнес он.

* * *

Всю ночь Хокмун пролежал в глубочайшей коме, а когда он пришел в себя на следующее утро, то первым делом увидел Боджентля, который исполнял в Замке Брасс и должность врача. Боджентль наклонился над ним. Было ли все происшедшее вызвано большим количеством вина, Черным Камнем или стихами Боджентля, Хокмун еще не разобрался. Сейчас он чувствовал лишь жар и сильную слабость.

— Лихорадка, милорд герцог,— мягко сказал ему Боджентль,— но мы вас вылечим, не волнуйтесь.

Затем он увидел Ийссельду, появившуюся у его постели. Она улыбнулась.

— Боджентль говорит, что ваше недомогание скоро пройдет. Я буду за вами ухаживать,— сказала она Хокмуну.— Скоро вы поправитесь.

Хокмун посмотрел на ее лицо, и вдруг чувства широким потоком заполнили все его тело и душу.

— Леди Ийссельда...

— Да, милорд?

— Я... благодарю вас...

Потом он удивленно оглядел комнату. Позади себя он услышал настойчивый голос. Это говорил граф Брасс.

— Ничего больше не говорите. Отдыхайте. Контролируйте свои мысли. Если можете, спите.

Хокмун не знал, что граф тоже был в его спальне. Ийссельда поднесла к его губам стакан. Он выпил прохладную жидкость и вскоре снова заснул.

* * *

Лихорадка оставила его уже на следующий день, и теперь Дориан Хокмун, не лишенный эмоций, ощущал непонятную вялость как своего тела, так и души. Он даже подумал, не подсыпали ли ему снотворного.

Когда он заканчивал завтрак, к нему пришла Ийссельда и поинтересовалась, в состоянии ли он сопровождать ее в прогулке по саду, поскольку сегодня прекрасный день.

Он потер голову, ощущая странное тепло Черного Камня под рукой. Несколько встревожившись, опустил руку.

— Вы все еще чувствуете себя больным? — спросила Ийссельда.

— Нет... Я... — Хокмун вздохнул.— Я чувствую себя странно... Такое незнакомое ощущение...

— Тогда, возможно, свежий воздух прояснит ваши мысли.

Хокмун встал, чтобы пойти с ней на прогулку. В садах разлился приятный аромат, солнце ярко сияло, высвечивая в чистом зимнем воздухе кустарники и деревья.

Прикосновение руки Ийссельды, взявшей его под руку, еще больше подействовало на Хокмуна. Это было приятное ощущение, такое же, как при дуновении свежего ветерка в лицо, или при виде садов на террасах и крышах городских домов внизу. И кроме того, он начал ощущать страх и недоверие — страх перед Черным Камнем, потому что был уверен, что тот уничтожит его, если он хоть малейшим жестом выдаст те изменения, что в нем происходили; и недоверие к графу Брассу и ко всем остальным, потому что он чувствовал, что они в чем-то его обманывают и скорее всего осведомлены о его миссии в Замок. Он мог схватить девушку сейчас, украсть лошадь, и возможно, у него были неплохие шансы на успех. Внезапно он взглянул на нее.

Она улыбнулась ему очень доверчиво.

— Стало ли вам на воздухе лучше, милорд герцог?

Он уставился на нее, а в душе его происходила настоящая борьба чувств.

— Лучше? — хрипло спросил он. — Лучше? Не знаю...

— Вы устали?

— Нет.

У него начала болеть голова и опять его охватил страх при мысли о Черном Камне. Он протянул руки и схватил девушку.

Посчитав, что он падает от усталости, она взяла его за руки и попробовала поддержать его. Руки его ослабли, и он понял, что ничего не сможет сделать.

— Вы очень добры, — сказал он.

— Вы странный человек, — произнесла она, как бы говоря сама с собой. — Вы очень несчастливый человек.

— Да.

Он оттолкнул ее и пошел в конец террасы. Могли ли лорды Гранбритании знать, что происходит у него внутри? Вряд ли. С другой стороны, было вполне вероятно и даже более чем вероятно, что они его подозревали и могли в любую секунду дать Черному Камню его полную жизнь. Он глубоко вдохнул холодный воздух и распрямил плечи, вспомнив голос графа Брасса прошлой ночью.

— Контролируйте свои мысли, — сказал он.

Боль в голове все нарастала. Он повернулся.

— Я думаю, нам лучше всего вернуться в замок, — сказал он Ийссельде.

Она кивнула, соглашаясь, вновь взяла его под руку, и они пошли обратно той же дорогой, что пришли.

В главном зале их встретил граф Брасс. На его лице было обычное участливое выражение заботы о больном, но ничего не выдавало той настойчивости, с которой он говорил прошлой ночью.

Хокмун задумался, не приснилось ли ему это, или просто граф Брасс, разгадав природу Черного Камня и зная, что Темные Лорды даже сейчас наблюдают за всем происходящим в Замке в своих тайных лабораториях в Лонд্রে, решил обмануть их.

— Герцог Кельнский плохо себя чувствует,— сообщила Ийссельда.

— Мне очень грустно это слышать,— учтиво ответил граф Брасс.— Могу я чем-нибудь помочь вам, милорд?

— Нет,— с трудом ворочая языком, ответил Хокмун.— Благодарю вас... нет...

Он пошел к лестнице, стараясь как можно увереннее держаться на ногах. Ийссельда пошла с ним, поддерживая его за руку, пока они не дошли до дверей его комнаты. У двери он остановился и посмотрел на нее. Глаза девушки были широко раскрыты и полны участия, она подняла свою мягкую руку и на мгновение прикоснулась к его щеке. Он задрожал всем телом от ее прикосновения, и горло у него пересохло. Затем она повернулась и быстрым шагом, почти бегом пошла по коридору к лестнице.

Хокмун вошел в комнату и бросился на постель. Он тяжело дышал, все тело его было напряжено, и он отчаянно пытался понять, что с ним происходит и по какой причине голова у него раскалывается от боли. Потом он заснул.

Проснулся он днем, ощущая сильную слабость. Боли почти не было, рядом с постелью сидел Боджентль.

— Я ошибался, полагая, что горячка вас оставила,— сказал он.

— Что со мной происходит? — невнятно прошептал Хокмун.

— Насколько я могу судить, сильная лихорадка, возникшая как результат тяжелых испытаний и, как ни прискорбно мне это говорить, как результат нашего необузданного гостеприимства. Мы, несомненно, слишком уж скоро позволили вам употребить сочную жирную пищу и вино. Через некоторое время, однако, все придет в нормальное состояние, милорд.

Хокмун знал, что этот диагноз неверен, но промолчал. Слева от себя он услышал покашливание и повернул голову, но увидел лишь открытую дверь в гостиную. В гостиной кто-то был. Хокмун вопросительно поглядел на Боджентля, но выражение лица философа оставалось бесстрастным, он делал вид, что целиком поглощен пульсом Хокмуна.

— Вы не должны бояться,— донесся до него голос из соседней комнаты.— Мы хотим помочь вам.

Это был голос графа Брасса.

— Мы понимаем природу драгоценного камня, сверкающего в вашем лбу. Когда вы почувствуете, что отдохнули достаточно, вставайте и приходите в главный зал, где Боджентль развлечет вас легкой беседой. Не удивляйтесь, если его действия покажутся вам несколько необычными.

Боджентль поджал губы и встал.

— Скоро вы совсем поправитесь, милорд. А сейчас мне пора.

Хокмун смотрел, как он уходит, потом услышал, как закрылась другая дверь за графом Брассом. Как смогли они докопаться до истины? Сейчас Темные Лорды не могут не удивляться странному повороту событий и наверняка начинают что-то подозревать. В любой момент они могут дать Черному Камню полную его жизнь. По какой-то причине это понимание встревожило его куда больше, чем раньше.

Хокмун решил, что ему больше ничего не остается, как выполнить то, что сказал ему граф, хотя и было вполне вероятно, что граф, узнав о цели прибытия его в Камарг, станет столь же мстителем, что и Лорды Гранбретани. В любом случае положение Хокмуна было не из лучших.

Когда настал вечер и в комнате стемнело, Хокмун поднялся и пошел в главный зал Замка. Там никого не было. Он огляделся в мигающем свете камина, раздумывая, не попал ли он в ловушку, расставленную ему графом Брассом.

Потом в дальнюю от него дверь вошел Боджентль и улыбнулся ему. Он увидел, что губы философа двигаются, но звука слышно не было. Боджентль остановился, делая вид, что слушает ответ Хокмуна, и до Хокмуна дошло, что это заведомый обман, хорошо обдуманный обман для тех, кто мог наблюдать за ними при помощи Черного Камня.

Когда позади себя Хокмун услышал шум шагов, он не повернулся, а продолжал делать вид, что весьма увлечен беседой с Боджентлем.

Поизид него граф Брасс произнес:

— Мы знаем, что представляет собой Черный Камень, милорд. Мы понимаем, что те, кто управляет Гранбретанью, заставили вас прийти сюда, и нам кажется, мы знаем причину вашего появления здесь. Я поясню.

Хокмун был поражен странностью создавшейся ситуации, когда Боджентль делал вид, что разговаривает с ним, а голос графа звучал гулко, будто ниоткуда.

— Когда вы прибыли сюда, в Замок Брасс, я сразу понял, что Черный Камень — это нечто большее, чем вы тогда объяснили, даже если допустить мысль, что вы об этом ничего не знали, — продолжал граф. — Боюсь, что в Темной Империи принимают меня совсем уж за глупца, потому что я ничуть не меньше изучал и волшебство, и науку, и у меня есть рукопись, в которой описывается машина Черного Камня. Однако я не знал, были ли вы сознательно вовлечены в это дело или вас использовали. Я решил узнать это, но таким способом, чтобы Лорды Гранбретани ничего не поняли. Поэтому в ночь банкета я попросил сэра Боджентля зашифровать определенное рунное заклинание в форму стихов. Целью этого заклинания было лишить вас сознания — и, значит, таким образом лишить сознания Черный Камень — так, чтобы мы могли изучить вас, а Лорды Темной Империи ничего не заподозрили. Мы рассчитывали, что они подумают, что вы просто пьяны, и не сумеют связать красивые стихи Боджентля с вашим внезапным преображением.

Когда Боджентль начал произносить рунное заклинание с его специальными ритмами и каденциями, подготовленными для ваших ушей, мы добились своей цели, и вы впали в глубокую кому. А пока вы спали, нам с Боджентлем удалось проникнуть глубоко в ваше подсознание, хотя это было необычайно трудно — слишком далеко оно запряталось, — совсем как испуганный зверек, который начинает рыть себе норку глубже и глубже, пока не задыхается от недостатка воздуха. Определенные события помогли вам проявить свое подсознание, так что нам удалось допросить вас. Мы

узнали почти все, что произошло с вами в Лондре, и когда я узнал о цели, приведшей вас сюда, я чуть было не прикончил вас на месте. Но затем понял, что внутри у вас шла борьба — о которой даже вы сами не знали. Если бы эта борьба не была столь очевидной, я убил бы вас собственной рукой или позволил бы сделать это Черному Камню.

Хокмун, делая вид, что отвечает на очередной вопрос Боджентля, задрожал, несмотря на самоконтроль.

— Однако,— продолжал граф Брасс,— я понял, что вас нельзя упрекать за то, что произошло, и что, убив вас, я могу уничтожить потенциального могущественного противника Темной Империи. Хотя и остаюсь я нейтральным, Гранбретань позволила себе сделать много недостойного по отношению ко мне, так что я не мог позволить умереть такому человеку, как вы. Таким образом, мы разработали наш план, чтобы проинформировать вас о том, что мы знаем, а также сообщить вам, что есть надежда. В моих силах нейтрализовать Черный Камень и его воздействие, правда, временно. Когда я кончу говорить, вы пройдете с Боджентлем вниз, в мои покои, где я сделаю то, что должно быть сделано. У нас очень мало времени, так как Лорды Гранбретани в любую минуту могут потерять терпение и дать Черному Камню полную жизнь, которая пожрет ваш мозг...

Хокмун услышал шаги графа, уходящего из зала, потом Боджентль улыбнулся и громко сказал:

— Так что, если вам захочется меня сопровождать, милорд, я покажу вам кое-какие части нашего Замка, которых вы еще не видели. Мало кто из гостей посещал личные покои графа Брасса.

Боджентль пошел впереди и вышел из зала в коридор, который заканчивался, на первый взгляд, глухой стеной, увешанной портьерами. Раздвинув портьеры, Боджентль дотронулся до небольшой кнопки, вделанной в каменную стену, и немедленно вся секция стены засияла ярким светом, который постепенно померк, и показался вход, через который человек мог пройти наклонившись. Хокмун вошел первым, за ним Боджентль, и они очутились в маленькой комнатке, стены которой были обвешаны диаграммами и картами. Из этой комнатки они попали в другую, больше первой. В ней стояло множество алхимических препаратов, а стены были заставлены полками, полными книг — толстых старинных томов по химии, волшебству и философии.

— Сюда,— пробормотал Боджентль, откидывая портьеру, ведущую в темный коридор.

Глаза Хокмуна напряглись, когда он попытался разглядеть что-нибудь в непроглядной темноте. Он осторожно сделал шаг вперед и не успел очутиться в коридоре, как все вспыхнуло ослепительно ярким светом.

Резко очерченным силуэтом выделялась огромная фигура графа Брасса со странным кованым оружием, которое он держал в обеих руках, точно направляя его в голову Хокмуна.

Хокмун судорожно вдохнул и попробовал отпрыгнуть в сторону, но коридор был слишком узок. Раздался треск, который, как ему показалось, разорвал его барабанные перепонки, затем раздался мелодичный жужжащий звук, и Хокмун рухнул навзничь, потеряв сознание.

* * *

Очнувшись, когда наступили золотистые сумерки, Хокмун с удивлением понял, что давно не чувствовал себя так хорошо. Его и мозг и тело, казалось, пульсировали жизненной силой, какой у него никогда не бывало раньше. Он улыбнулся и потянулся всем телом. Он лежал на металлической скамье. Согнув руку, он дотронулся до Черного Камня. Он все еще был на месте, но качество его изменилось. При прикосновении он не напоминал человеческую кожу, перестал обладать неестественной теплотой. Теперь это был просто драгоценный камень, твердый, гладкий и холодный.

Открылась дверь и вошел граф Брасс, глядя на Хокмуна с чувством глубокого удовлетворения.

— Мне очень жаль, если вчера вечером я вас напугал,— сказал граф,— но было необходимо действовать быстро, парализовать Черный Камень и забрать у него его жизненную силу. Теперь этой силой владею я. Она нейтрализована мною как с помощью волшебства, так и чисто физически, но вечно я не смогу ее удерживать. Она слишком сильна. Когда-нибудь она вырвется из той тюрьмы, куда я заточил ее, и вновь перетечет в Черный Камень вне зависимости от вашего нахождения.

— Значит, я только получил отсрочку, а не полное избавление,— заметил Хокмун.— Как долго может продолжаться эта отсрочка?

— Не могу сказать. Почти наверняка я могу дать вам шесть месяцев, может быть, год, а может и два. Но, с другой стороны, все вообще может закончиться за несколько часов. Я не могу обманывать вас, Хокмун, но я могу дать вам дальнейшую надежду. На востоке живет волшебник, который может удалить Черный Камень из вашей головы. Он борется с Темной Империей и может помочь вам, если вам удастся когда-нибудь найти его.

— Как его зовут?

— Малагиджи из Хамадана.

— Значит, этот волшебник из Персии?

— Да,— кивнул граф.— Так далеко, что туда почти невозможно добраться.

— Что ж, мне только остается надеяться, что ваше волшебство продлится достаточно долго, чтобы поддержать меня хоть немного,— вздохнул Хокмун и сел.— Я оставлю ваши земли, граф, и отправлюсь в Валенсию, чтобы присоединиться к ее армии. Она собирается бороться против Гранбретани, шансов на успех у них нет, но, по крайней мере, мне удастся умереть не раньше, чем я отправлю на тот свет нескольких собак Темной Империи за все то хорошее, что они со мной проделали.

Граф Брасс сухо улыбнулся.

— Я подарил вам жизнь, и вы тут же решили пожертвовать ею. Предлагаю вам немного подумать, прежде чем предпринимать дальнейшие шаги. Как вы себя чувствуете, милорд герцог?

Дориан Хокмун поднялся со скамьи и снова потянулся всем телом.

— Я проснулся,— ответил он.— И я — новый человек.— Потом нахмурился.— Да, новый человек...— задумчиво прошептал он.— И я согласен с вами, граф Брасс. Мсть моя может подождать, пока я не придумаю более тонкого плана.

— Спасая вас,— почти печально произнес граф,— я отнял у вас вашу молодость. Никогда больше вы не познаете ее.

Г л а в а 6

БИТВА ПРИ КАМАРГЕ

— Они не захватывают земель ни к Востоку, ни к Западу,— произнес Боджентль как-то утром примерно месяца через два после описанных событий,— а продвигаются прямо на Юг. Нет никакого сомнения, граф Брасс, что они поняли, в чем дело, и строят планы мести вам.

— Может быть, они хотят отомстить мне,— предположил Хокмун, удобно устроившийся в кресле подле камина.— Если бы я вышел к ним навстречу, они, вероятно, удовлетворились бы этим. Безусловно, они считают меня предателем.

— Насколько я знаю барона Мелиадуса,— покачал головой граф Брасс,— теперь он жаждет отомстить нам всем. Он и его Волки ведут армии. Они не остановятся, пока не дойдут до наших границ.

Фон Вилак отвернулся от окна, через которое внимательно разглядывал город.

— Пусть приходят. Мы просто сдуем все их армии, как мистраль сдувает осенние листья.

— Будем надеяться,— с сомнением в голосе отозвался Боджентль.— Они значительно увеличили свои силы. И, кажется, впервые за всю историю изменили своей обычной тактике.

— Да, глупцы,— пробормотал граф Брасс.— Я восхищался ими, когда они охватывали земли расширяющимся полукругом. При этом способе они всегда могли укрепить собственные тылы, прежде чем начинать следующее наступление. Сейчас на флангах у них осталась незавоеванная территория, и армии неприятеля способны окружить их армии. Если мы побьем их, то при отступлении им придется довольно тяжело. Жажда вендетты, кажется, лишила барона Мелиадуса здравого смысла.

— Но если они выиграют битву,— мягко произнес Хокмун,— они построят дорогу от океана до океана, и завоевания их после этого просто станут для них забавой.

— Возможно, именно этим барон Мелиадус и оправдывает свои действия,— согласился Боджентль.— Боюсь, он может оказаться прав, считая, что может победить.

— Чепуха! — воскликнул фон Вилак. — Наши башни окажут любому врагу нужное сопротивление.

— Они были сконструированы, чтобы выдержать атаку с суши, — заметил Боджентль. — Мы не учитываем воздушных сил Темной Империи.

— У нас есть собственная воздушная армия, — отозвался граф.

— Но фламинго не из металла, — возразил Боджентль.

Хокмун поднялся. Он все еще носил черные кожаные брюки и куртку, что дал ему барон Мелиадус. Когда он двигался, кожа скрипела.

— Через несколько недель самое большее, — сказал он, — армии Темной Империи подойдут к нашим границам. Какие следует сделать приготовления?

Боджентль помахал большой свернутой картой.

— Прежде всего надо изучить вот это.

— Расстелите ее на столике, — показал граф Брасс.

Пока Боджентль расстилал карту, используя кубки для вина, чтобы придержать ее края, граф Брасс, Хокмун и фон Вилак подошли поближе. Это была карта Камарга и его окрестностей примерно на несколько сот миль вокруг за пределами государства.

— Более или менее они следуют течению реки, продвигаясь по восточному берегу, — сказал граф Брасс, показывая на Рейн. — Из донесения нашего посланника можно понять, что сейчас они находятся вот здесь и вскоре подойдут вот сюда, — палец его коснулся подножья Гивенских гор, — примерно через неделю. Мы должны выслать разведчиков, чтобы точно знать об их передвижениях. Затем, когда они дойдут до границ, наши основные силы надо будет сгруппировать вот в таком положении.

— Впереди себя они могут выслать орнитоптер, — сказал Хокмун. — Что тогда?

— У нас в воздухе тоже будут летать наши скауты, и мы всегда сможем перехватить их, — проворчал фон Вилак. — А если с ними не справятся воздушные наездники, то легко справятся башни.

— Но у нас ведь очень мало солдат, — вставил Хокмун, — так что все вообще будет зависеть от этих башен, и вся борьба целиком сведется к обороне.

— Это все, что нужно, — ответил граф Брасс. — Мы будем ждать их у наших границ, расположив части нашей пехоты между башнями, используя гелиографы и другую сигнализацию, чтобы направлять удары башен туда, где их мощь будет необходима.

— Наше самое горячее желание — это всего лишь остановить их мощную атаку, — с нескрываемым сарказмом в голосе заявил Боджентль. — У нас нет ни малейшего желания делать больше того, как обороняться от них.

Граф Брасс взглянул на него и нахмурился.

— Вот именно, Боджентль. Мы были бы полными идиотами, если бы ринулись в бой своими крохотными силами против их громадных армий. Единственная наша надежда выжить заключена в башнях и в том, чтобы

показать Королю-Императору, что мы сможем противостоять любой силе, которую он вздумает послать против нас,— будь это внезапная атака или долгая осада,— нападению с суши, моря или воздуха. Посылать против нас армии после этого для него станет бессмыслицей.

— А что скажешь ты, друг Хокмун? — спросил Боджентль. — Ведь вы уже имели удовольствие сталкиваться с силами Темной Империи.

— Я вижу смысл в тактике графа Брасса, — задумчиво ответил Хокмун. — Дорогой ценой далось мне знание того, что обычная битва с силами Гранбретани бессмысленна. Но мне кажется, что у нас будет еще больше шансов на успех, если мы сами выберем то место, где произойдет сражение. Где наша защита наиболее сильна?

Фон Вилак указал точку к юго-западу от Рейна.

— Здесь у нас больше всего башен и высокое плоскогорье, на котором нам будет удобно сгруппировать войска. В то же время земля, по которой придется наступать противнику, покрыта непроходимыми болотами, так что это вызовет у противника немалые затруднения. — Он пожал плечами. — Но к чему все эти ненужные рассуждения? Они, безусловно, сами выберут место для атаки.

— Если мы не з а с т а в и м их напасть именно здесь, — сказал Хокмун.

— Что может их заставить? Дождь из кинжалов? — Граф Брасс улыбнулся.

— Я, — ответил Хокмун, — с помощью нескольких сотен конных солдат — не вступая с ними в открытый бой, но постоянно тревожа их с флангов. Нам, если конечно повезет, может удасться повернуть их армию в нужном для нас направлении, как собаки обычно направляют свое стадо. Кроме того, мы сможем постоянно наблюдать за ними и посылать вам сообщения, чтобы вы всегда точно знали, где они находятся в данную минуту.

Граф Брасс покрутил ус и взглянул на Хокмуна с некоторым уважением.

— Такой тактик, как вы, мне по сердцу. Возможно, я действительно становлюсь слишком осторожен в моем возрасте. Будь я помоложе, я бы тоже придумал план в таком роде. Из этого может кое-что получиться, если, конечно, сильно повезет.

— Да, везение и выдержка, — откашлявшись, заявил фон Вилак. — Ты хоть немного представляешь, что предстоит тебе вынести, мальчик? Тебе почти не придется спать, потому что ты все время должен быть настороже. Ведь ты предлагаешь самую настоящую партизанскую войну. Достаточно ли у тебя для этого сил и опыта? И смогут ли выдержать такую жизнь солдаты, которых ты хочешь повести за собой? Нельзя забывать и о летательных аппаратах Темной Империи...

— Нам придется следить только за их разведчиками, — сказал Хокмун, — потому что мы будем молниеносно нападать и так же молниеносно исчезать, прежде чем они успеют поднять в воздух свои орнитоптеры. Ваши люди знают местность, знают, где можно лучше всего спрятаться.

— Есть и еще одно обстоятельство. Они идут вдоль реки, потому что им необходимы запасы свежей воды. Кроме того, по воде легче всего перевозить продовольствие, лошадей, военные машины, орнитоптеры — вот почему они продвигаются столь быстро. Как можно заставить их отдалиться от барж?

Хокмун на мгновение задумался, потом усмехнулся:

— На этот вопрос не так уж трудно и ответить. Вот послушайте...

* * *

На следующий день Дориан Хокмун отправился верхом по диким болотам, и рядом с ним скакала леди Ийссельда. Со времени его выздоровления они проводили в обществе друг друга много часов, и он очень глубоко привязался к ней, хотя внешне выказывал ей мало знаков внимания. Довольная тем, что находится рядом с ним, она все же иногда обижалась на это. Она даже не подозревала, что больше всего на свете ему хотелось именно этого, по отношению к ней он ощущал ответственность, которая и заставляла его сдерживать свое желание ухаживать за ней. Просто он знал, что в любую минуту, днем или ночью, в течение всего лишь нескольких мгновений он может превратиться в безумного идиота, неведь что бормочущего и потерявшего всякие признаки разумного человека. Он постоянно жил с памятью о том, что жизненная сила Черного Камня в любое мгновение может вырваться из той тюрьмы, куда заключил ее граф Брасс и что сразу вслед за этим Лорды Гранбретани дадут Черному Камню его полную жизнь, которая пожрет его мозг.

Вот поэтому он ничего не говорил ей о том, что любит ее, что любовь эта, зародившись в его подсознании, стала превращать его в человека и что именно по этой причине граф Брасс и сохранил ему жизнь. Она же, со своей стороны, была слишком стеснительна, чтобы самой сказать ему о своей любви.

Вместе они скакали по болотам, ощущая, как лица их обвеивает, раздувая их плащи, приятный ветерок, и скакали они быстрее, чем это было разумно, по извилистым незаметным тропинкам, подымая влет чирков и уток, обгоняя табуны диких лошадей, шарахающихся от них в сторону, тревожа белых быков и их коров, мчась по длинным безлюдным пляжам, где ударял холодный прибой под недремлющим оком башен, смеясь над причудливыми формами облаков, слушая стук копыт по песку и, наконец, просто оставаясь, чтобы молча посмотреть на море и послушать веселую и грустную песню мистрала.

— Боджентль говорил мне, что вы завтра уезжаете, — сказала она, и ветер на мгновение затих, и наступила тишина.

— Да. Завтра. — Он повернул к ней свое опечаленное лицо, но тут же отвернулся. — Завтра. Но пройдет совсем немного времени, и я вернусь.

— Берегите себя, Хокмун.

Успокаивая ее, он засмеялся.

— Я чувствую, что мне не судьба быть убитым Гранбретанью. Если бы это было не так, я уже много раз был бы мертв.

Она начала было говорить, но внезапно с ревом налетел ветер, разметал ее волосы, закрыв ими все ее лицо. Он наклонился помочь. Когда он почувствовал под пальцами ее нежную кожу, его охватило страстное желание взять ее лицо в руки и прилгнуть к ее губам. Она протянула руку, пытаясь удержать его, но он мягко высвободился, развернул коня и поскакал вглубь страны, к Замку Брасс.

Облака быстро плыли по небу над согнувшимся от ветра тростником и бурлящей водой лагуна. Пошел мелкий дождь, он даже не шел, а моросил и не мог промочить их одежду. Они ехали назад, каждый погруженный в собственные мысли.

* * *

Одетый в металлическую кольчугу с головы до ног, на голове шлем, защищающий лицо и голову, на боку меч, а в руке щит без герба — Дориан Хокмун поднял руку, приказывая своим людям остановиться. Зазвенело оружие: луки, арбалеты, огненные копья, боевые топоры, секиры — все, что можно было взять с собой на такое далекое расстояние. Оружие было за спинами, на седельных луках, привязано к лошадям, в руках и за поясом. Хокмун спешился и повел своего коня в поводу на вершину ближайшего холма, где он низко пригнулся и стал двигаться с большой осторожностью.

Добравшись до вершины, он лег на живот и посмотрел на долину, по которой, извиваясь, текла река. Впервые так близко ему удалось увидеть могущество Гранбретани.

По внешнему виду зрелище напоминало громадный легион, шедший из ада и медленно продвигающийся на юг. Батальон за батальоном марширующей пехоты, кавалерия — эскадрон за эскадроном, каждый человек в маске, — казалось, что это скопище зверей из сказочного королевства идет войной на Камарг. Развевалось знамя Аэровака Микосеваара, с изображением усмехающегося, проткнутого шпагой трупа, на плече которого что-то клевал стервятник; под трупом были вытканы слова «СМЕРТЬ ДО ЖИЗНИ!». Крохотная фигурка, покачивающаяся в седле неподалеку от знамени, была, вероятно, самим Аэроваком Микосевааром. После барона Мелиадуса он был самым безжалостным из всех военномандующих Гранбретани. Рядом развивалось знамя Кошки герцога Венделя, Гранд Констебля этого Ордена, знамя Мухи лорда Джерека Нанкенсина и сотни других знамен разных орденов. Даже знамя Муравья присутствовало здесь, хотя его Гранд Констебль отсутствовал — им был сам Король-Император Гуон. А впереди всех скакал в волчьей маске Мелиадус, неся собственное знамя с оскаленной пастью волка-одиночки, и даже лошадь его была прикрыта доспехами из черного металла, а голова ее напоминала голову все того же оскалившегося гигантского волка.

Дрожала земля — это было заметно даже на таком расстоянии, а армия продолжала идти вперед и вперед, бряцая оружием, и далеко по ветру разносился запах пота людей и животных.

Хокмун недолго наблюдал за движением войск Гранбретани. Все свое внимание он сконцентрировал на реке позади войск, отмечая большое количество груженных барж, которых было столько, что, казалось, они покрывали собой все русло реки.

Он улыбнулся и прошептал человеку, что подполз к нему:

— Это вполне нас устраивает, вот видишь? Все их средства продвижения по воде находятся на небольшом промежутке. Пойдем, нам надо обойти их армию и оказаться далеко позади.

Они быстро спустились с холма. Одним движением Хокмун вскочил в седло и дал знак людям трогаться. Они быстро поскакали вперед, зная, что нельзя терять ни секунды.

Они скакали почти весь день, пока войска Гранбретани не стали просто облачком на горизонте, а на реке не осталось ни одной баржи Темной Империи. Здесь Рейн сужался и становился мелким, проходя через искусственный древний путь из камня, с небольшим каменным мостом, через который можно было перейти на другую сторону. По одну сторону реки местность была ровной, по другую — медленно шла под уклон и образовывала внизу красивую долину.

Когда наступил вечер, Хокмун вошел в воду и внимательно осмотрел каменные берега, мост и дно реки, хотя вода и леденила ему ноги, ручейками пробиваясь сквозь одетую поверх сапог кольчугу. Сам водный путь давно требовал ремонта. Он был построен задолго до Трагического Тысячелетия и с тех пор вряд ли ремонтировался хотя бы раз. Видимо, он был предназначен для того, чтобы изменить русло реки. Теперь же Хокмун намеревался использовать его для другой цели.

На берегу, ожидая его сигнала, стояли солдаты с огненными копьями, осторожно держа в руках это тяжелое и длинное оружие. Хокмун выбрался на берег и принялся указывать им определенные места на каменном мосту и на берегах. Солдаты отсалютовали и стали двигаться в указанных направлениях, подняв свое оружие. Хокмун вытянул руку в направлении запада и окликнул их. Солдаты оглянулись, и старейший кивнул.

Когда небо потемнело, режущее пламя начало вырываться из расширенных дул орудий, вгрызаясь в камень, заставляя кипеть воду, пока все вокруг не превратилось в настоящий хаос.

Всю ночь работали солдаты с огненными копьями, затем вдруг раздался звук, похожий на стон гиганта, и мост рухнул в реку. Теперь солдаты перенесли свое внимание на западный берег, вырезая огнем куски камня, которые падали в реку, увеличивая запруду. Река начала обтекать взорванный мост, что перегородившая ее течение.

К утру река потекла по новому руслу — через долину, и лишь небольшой ручеек напоминал о том, где она текла прежде.

Усталые, но довольные, Хокмун и его люди ухмылялись друг другу и, вскочив на своих лошадей, поскакали в том направлении, откуда прибыли. Они нанесли Гранбретани первый удар. И это был тяжелый удар.

* * *

Хокмун и его отряд отдыхали несколько часов среди холмов, а затем вновь помчались вперед, чтобы взглянуть на армии Гранбретани.

Хокмун не мог сдерживать улыбку, когда, лежа под прикрытием куста, наблюдал за происходившим в долине волнением.

Река превратилась в громадный чан с жидкой грязью, и в этой грязи, как попавшие на отмель киты, лежали боевые баржи Гранбретани. Некоторые глядели вверх высоко задранными носами, а корма утопала в грязи, другие просто перевернулись; всюду валялись боевые машины, провиант, метались лошади. Среди всей этой неразберихи солдаты пытались спасти хоть что-нибудь из грузов, освобождали лошадей, накидывали веревки на овец и коров, копошащихся в грязи.

Доносился сильный запах и шум людских выкриков и воплей животных. Четкие ряды, виденные Хокмуном накануне, сломались. Кавалеристы на берегу были вынуждены использовать своих лошадей вместо тягловой силы, чтобы подтянуть баржи поближе к земле. Повсюду ставились палатки, поскольку Мелиадус понял бессмысленность продвижения вперед, пока не будут спасены припасы, лошади, боевые машины. Хотя вокруг лагеря была расставлена охрана, все внимание было приковано к реке, а не к холмам, где прятались Хокмун и его отряд.

Наступил вечер, а так как орнитоптеры не могли летать ночью, то барон Мелиадус не мог узнать причину того, почему вдруг река обмелела. Во всяком случае, ему придется подождать до утра. Но утром, когда он все узнает, решил Хокмун, он пошлет своих инженеров, чтобы попытаться исправить последствия диверсии. К такому повороту Хокмун был готов.

Сейчас было самое время подготовить своих людей. Он отполз к углублению в холме, где его солдаты разбили лагерь, и стал совещаться с капитанами. У него возник план, который, как он надеялся, полностью деморализует солдат Темной Империи.

* * *

Ночью в свете факелов люди в долине продолжали работу, вытаскивая на берег тяжелые орудия, поднимая по крутым берегам ящики с провиантом. Мелиадус, который горел желанием как можно скорее дойти до Камарга, не давал людям отдыхать, скакал туда и обратно, подгоняя и заставляя работать быстрее. Позади него раскинулся широкий полукруг палаток, каждая со знаменем своего Ордена, но они были пусты, так как все находилось на берегу, спасая грузы.

Никто не заметил приближающихся всадников, лошади которых почти беззвучно ступали по травянистым склонам. Каждый всадник был закутан в черный плащ.

Хокмун натянул поводья своей лошади, заставляя ее остановиться, правой рукой взялся за рукоятку того прекрасного меча, что дал ему барон Мелиадус при расставании. Он выхватил его из ножен, на мгновение поднял его над головой, потом указал им вперед. Это был сигнал к падению.

Без обычных для боевого нападения выкриков, в полной тишине, лишь под аккомпанемент стука лошадиных копыт и бряцания оружия, солдаты Камарга ринулись вперед с Хокмуном во главе, который, низко пригнувшись к шее лошади, мчался прямо на пораженного часового. Меч Хокмуна вонзился в горло солдата, и тот упал, издав булькающий звук. Мимо первых палаток в глубину лагеря они пронеслись, разрубая веревки, крепившие палатки, убив часовых, что пытались остановить их. Гранбретанцы же все еще не подозревали о том, что они подверглись нападению. Доскакав до первого круга палаток, Хокмун опустил сверкающей дугой меч над древко стоявшего там знамени — знамени Ордена Пса. Древко треснуло, знамя свалилось в костер, на котором солдаты готовили еду. Из костра вырвался сноп искр.

Хокмун не остановился, он пришпорил лошадь, пробиваясь в центр лагеря. На берегу реки еще не ударили тревогу, потому что то, что происходило в лагере, не было слышно. Все перекрывал шум, который производили сами гранбретанцы, пока спасали грузы.

Три всадника в неполных доспехах выехали навстречу Хокмуну. Он заставил лошадь отпрыгнуть в сторону и ударил своим мечом вправо и влево, парируя удары их шпаг и даже выбив одну из рук ее владельца. Однако двое других продолжали наступать, и Хокмун ударил наискось, отрубив одному из воинов кисть. Оставшийся попятился, но Хокмун рванулся вперед, и острие его меча пронзило грудь нападавшего.

Лошадь его встала на дыбы, и Хокмуну пришлось умирять ее, заставляя прыгать через вторую линию палаток — отряд его следовал за ним. Они выскочили на открытое место и увидели, что дорогу им преградила группа воинов в ночных рубашках, вооруженная лишь шпагами. Хокмун дал команду отряду, и они рассыпались полукругом, чтобы атаковать в лоб, держа шпаги перед собой. Почти не задержавшись на месте, они смяли и убили всех воинов этой группы и прорвались в следующее кольцо палаток, перерубая веревки, их поддерживающие, так что палатки падали на тех, кто в них находился.

В конце концов, держа в руке меч, мокрый от крови, Хокмун пробился в самый центр этого круга и там увидел то, что искал — гордое знамя Ордена Муравья, Гранд Констеблем которого был сам Король-Император Гуон. Вокруг знамени сосредоточилась группа солдат, надевая шлемы и пристегивая к руке щиты. Даже не обернувшись посмотреть, следуют ли за ним его люди, Хокмун бросился на них с диким боевым криком. Дрожь пробежала по его руке, когда меч ударил по щиту ближайшего воина, но Хокмун вновь поднял меч высоко над головой и вторым ударом расколол

щит, попав по лицу закрывавшегося им человека, который опрокинулся навзничь с разбитым, полным крови ртом.

Второго Хокмун заколол ударом в бок, третьему снес с плеч голову. Меч его поднимался и падал, словно машина. Его люди теснили воинов дальше и дальше, сильнее и туже стягивая кольцо вокруг знамени Муравья.

Кольчуга Хокмуна была прорвана сильным ударом, щит был выбит из рук, но он яростно продолжал биться, пока около знамени не остался один воин.

Хокмун усмехнулся, бросился вперед, сбил с его головы шлем ударом меча, ранил его в голову. Затем он нагнулся и выдернул знамя из земли, высоко подняв его над собой, чтобы показать своим людям, дружно закричавшим «Ура!», и развернул коня, направившись к холмам, оставляя за собой убитых и раненых, разрушенные палатки.

Он услышал, как раненый воин крикнул:

— Видели его? В его черепе — Черный Камень!

И он понял, что скоро барон Мелиадус узнает, кто устроил набег на его лагерь и выкрал самый дорогой для каждого гранбретанца штандарт.

Хокмун повернулся в направлении раздавшегося крика, с триумфом потряс в воздухе захваченным знаменем и засмеялся диким смехом.

— Хокмун! — закричал он. — Хокмун!

Это был старинный боевой клич его далеких предков. Сейчас он выкрикнул его совершенно бессознательно, подчинившись желанию, чтобы барон Мелиадус, мерзкий убийца его отца, знал, кто напал на него.

Вороной как смоль иноходец Хокмуна несясь вперед, из ноздрей его вырывался пар, глаза сверкали, и своей бешеной скачкой он вносил еще больше смятения в лагерь врага.

В погоню за ними бросились кавалеристы Темной Империи.

Вскоре Хокмун и его люди добрались до холмов и направились к месту своей стоянки, которое они облюбовали заранее. Люди Мелиадуса все еще преследовали их. Оглядываясь, Хокмун видел, что на берегу началась еще большая сумятица и неразбериха. По направлению к лагерю двигалась цепочка факелов.

Великолепно зная местность, отряд Хокмуна оторвался от преследователей с легкостью. Какое-то время спустя, они оказались среди каменистых холмов, где ими был замаскирован вход в пещеру.

Пещера была большой, но за ней следовало еще несколько гораздо более просторных. Туда они и въехали, спешили и замаскировали вход. В самой дальней из пещер протекал небольшой ручеек, там же были приготовлены запасы пищи на несколько дней.

Кто-то зажег факелы, Хокмун спешился, поднял знамя Муравья и швырнул его в угол. Потом усмехнулся круглолицему Пилэру, своему первому лейтенанту.

— Как только орнитоптеры разглядят, что случилось с рекой, Мелиадус сразу же пошлет инженеров к нашей плотине. Надо сделать так, чтобы наши труды не пропали даром.

— Да,— согласился Пилэр,— но даже если мы уничтожим один отряд, он пошлет второй...

Хокмун пожал плечами.

— И третий, вне всякого сомнения, но я делаю ставку на его нетерпение, на стремление как можно быстрее достичь Камарга. В конце концов, он поймет бесполезность траты времени и сил на попытки восстановить старое русло реки. Тогда он бросит все силы, чтобы атаковать нас, и если повезет, нам удастся заманить его к южным границам нашего государства.

Пилэр стал пересчитывать воинов. Хокмун подождал, пока он закончит, и спросил:

— Каковы потери?

На лице Пилэра можно было прочесть восторг и недоверие одновременно.

— Никаких, милорд, мы не потеряли ни одного человека!

— Начало великолепное,— хлопнул Пилэра по спине Хокмун.— А сейчас пора отдохнуть, потому что утром предстоит трудный путь.

* * *

На заре часовые, выставленные неподалеку от пещеры, вернулись с известием, не совсем приятным.

— Летаящая машина,— доложил один из них Хокмуну, когда герцог умывался в ручейке.— Она кружит над нами уже минут десять.

— Думаешь, пилот что-нибудь заметил или увидел наши следы? — спросил его Пилэр.

— Невозможно,— ответил вместо часового Хокмун, вытирая лицо.— На каменной поверхности ничего не заметно, даже если стоять на земле. Надо подождать — орнитоптеры не могут долго оставаться в воздухе,— им необходимо возвратиться для подзарядки.

Но часом позже часовой вернулся и сообщил, что место первого орнитоптера занял другой. Хокмун прикусил губу, потом принял решение.

— Времени у нас нет. Мы должны добраться до плотины до того, как инженеры начнут там работать. Придется привести в действие более рискованный план, хотя мне этого и не хочется...

Он отозвал в сторону одного из солдат и начал что-то быстро говорить ему, потом приказал еще двоим с огненными копьями выйти вперед и, наконец, отдал команду отряду сесть на лошадей и приготовиться к наступлению.

Чуть позже один-единственный всадник выехал из пещеры и начал медленно спускаться по покрытому травой склону каменистого холма.

Наблюдая из пещеры, Хокмун увидел, как солнечные лучи отразились от небольшого металлического тела летательного аппарата, когда его механические крылья забили в воздухе и он начал спускаться в направлении одинокого всадника.

Именно на любопытство пилота рассчитывал Хокмун. Он махнул рукой, и двое солдат с огненными копьями заняли свои позиции. Потом они

подняли вверх тяжелые длинные ружья, дула которых стали медленно накаляться. Одним из недостатков огненных копий была невозможность воспользоваться ими мгновенно, так что часто они накалялись настолько, что их просто нельзя было удержать в руках.

Орнитоптер опускался ниже и ниже. Солдаты, спрятавшиеся в засаде, подняли огненные копыя. Уже можно было разглядеть пилота, наклонившегося со своего сиденья и глядевшего вниз. На нем была маска Вороны.

— Давай,— прошептал Хокмун.

Две красные полосы, как одна, вырвались из дул оружия. Первый выстрел попал в орнитоптер и лишь раскалил его металл, но второй угодил в пилота. Оно было охвачено пламенем. Пилот начал бить себя по одежде руками, чтобы сбить пламя, и на мгновение бросил управлять машиной. Крылья захлопали вразнобой, орнитоптер дернулся, сильно накренился и полетел к земле. Пилот лихорадочно старался вывести машину из глубокого виража, уже не обращая внимания на то, что сам горит. Орнитоптер ударился о вершину холма и развалился на куски: крылья его еще какое-то время бились в воздухе, потом тело пилота выкинуло из кабины, и в то же мгновение орнитоптер рассыпался полностью, издав при этом чавкающий звук. Куски его были разбросаны по всему холму. Хокмун не знал, что служило горючим для орнитоптеров, но они всегда разламывались именно таким образом, а не взрывались.

Хокмун вскочил в седло своего вороного скакуна и показал людям, чтобы они следовали за ним. Через несколько минут они уже скакали вниз по каменистому холму, направляясь к плотине, которую сотворили накануне.

Зимний день выдался ясным, воздух был свеж и прозрачен. Они мчались вперед, ощущая уверенность, радостные и довольные вчерашними успехами. Приближаясь к плотине, они замедлили бег, глядя на реку, текущую по новому руслу. Наконец им стали видны солдаты и инженеры, которые осматривали рухнувший мост, перекрывший течение реки. Всадники галопом ринулись вниз. Солдаты Хокмуна с огненными копьями в руках, приподнявшись на стременах, начали стрелять из своего смертоносного оружия.

Потоки огня понеслись на пораженных гранбретанцев, превращая людей в живые пылающие факелы. С дикими воплями люди бросились к воде. Огонь полоснул по маскам Крота и Хорька и по маскам солдат охраны, на которых были маски Стервятника. Это были наемники Аэровака Микосеваара. Отряд Хокмуна врубился в их строй, и зазвенела сталь. В воздух взлетали окровавленные топоры, мелькали шпаги, в смертной агонии кричали люди, лошади хрипели и становились на дыбы.

Конь Хокмуна, защищенный кольчугой, споткнулся, когда громадный солдат бросил в него боевой топор с обоюдоострым лезвием. Лошадь упала, потащила Хокмуна за собой и придавила его. Солдат в маске Стервятника сделал шаг вперед, занося высоко над головой Хокмуна боевой топор. Тот с трудом вытащил из-под лошади правую руку, в которой был зажат

его меч, и меч принял на себя основную силу удара солдата. Тем временем его лошадь поднялась, Хокмун вскочил и схватил ее за поводья, одновременно обороняясь мечом от ударов топора.

И раз, и два, и три встречались меч с боевым топором, рука Хокмуна заболела от невероятной силы ударов. Потом ему удалось все-таки скользнуть мечом по топорищу и нанести удар по руке солдата. Противник Хокмуна отнял от рукоятки топора одну руку, и из-под маски до Хокмуна донеслось приглушенное ругательство. Следующий удар пришелся прямо по маске, и металл прогнулся. Солдат застонал и пошатнулся. Ухватив меч обеими руками, Хокмун изо всех сил опустил его на голову противника. Маска Стервятника раскололась пополам, и показались окровавленное лицо и рот, скрытый бородой и молящий о пощаде. Глаза Хокмуна сузились, потому что наемников он ненавидел больше, чем гранбретанцев. Он нанес третий удар, снова по голове, и человек упал навзничь на другого солдата, который в этот момент сражался с одним из всадников Камарга.

Хокмун вскочил на своего коня и повел отряд против остатков Легиона Стервятника, разя направо и налево до тех пор, пока живыми остались лишь инженеры, вооруженные короткими, как игрушечными, дуэльными пшагами. Они не могли оказать никакого сопротивления и вскоре были убиты, а тела их сброшены на плотину. С нее они соскользнули в реку, течение которой они собирались изменить.

Когда они вновь направились к холмам, Пилэр обратился к Хокмуну.

— В вас совсем нет жалости, капитан!

— Да,— согласился Хокмун.— Нет. Будь то мужчина, женщина или ребенок, но если они — гранбретанцы, они мои враги, которых я должен уничтожить.

Из отряда Хокмуна погибло всего восемь человек. Учитывая количество солдат противной стороны, можно было утверждать, что удача сопутствует отряду Хокмуна. Гранбретанцы привыкли уничтожать, вырезать своих врагов, но они не привыкли к тому, чтобы с ними обращались подобным образом. Возможно, именно этим и объяснялись те небольшие потери, что были у отряда.

* * *

Еще четыре отряда посылал барон Мелиадус разобрать плотину и с каждым разом все больше и больше солдат. И все отряды были уничтожены внезапной атакой всадников Камарга. Из двухсот всадников, что отправились с Хокмуном, осталось около ста пятидесяти человек, готовых исполнить вторую часть его плана и постоянными набегами заставить армии Гранбретани со всеми своими военными машинами повернуть к южным границам государства Камарг.

После первой попытки Хокмун никогда не нападал днем, когда в небе кружили орнитоптеры, а совершал внезапные налеты по ночам. Его отряд огненных копьеносцев поджигал палатки вместе с их обитателями, лучники

убивали часовых и тех воинов Гранбритании, кого посылали на поиски стоянки партизанского лагеря. Практически, их оружие не бывало в ножнах, поскольку война шла почти без передышки, боевые топоры затупились от смертной работы, а тяжелых камаргских копий не хватало. Хокмун и его люди были измучены, глаза у них стали красными от постоянного недосыпания. Часто они еле держались в седлах, иногда с трудом избегали встречи с пролетевшим над ними орнитооптером или прошедшим почти рядом отрядом поисковой партии войск Гранбритании. Все свои силы они отдали на то, чтобы дорога гранбританцев была усыпана трупами их солдат и чтобы дорога эта вела в нужном для Хокмуна направлении.

Как и предвидел Хокмун, Мелиадус не стал тратить времени на уничтожение летучего партизанского отряда. Нетерпение попасть в Камарг превышало его ненависть к Хокмуну, и несомненно, он абсолютно верно решил, что, когда он покончит с Камаргом, у него найдется время и для Хокмуна.

Всего лишь один-единственный раз встретились они друг с другом в бою, когда Хокмун со своими всадниками летел мимо палаток и походных костров, на которых готовился ужин, разя направо и налево и уже собираясь отступать, потому что скоро должно было светать. Мелиадус выехал навстречу ему с отрядом своих Волков, увидел, как Хокмун добывает двух человек, запутавшихся в палатке, и, не долго раздумывая, бросился на Хокмуна.

Тот поднял голову, быстро выставил перед собой меч, так что оружие их встретилось в воздухе, и хмуро улыбнулся, тесня своего противника.

Мелиадус захрипел, а Хокмун продолжал все сильнее давить на его руку, заставляя барона отклониться назад.

— Благодарю вас, барон Мелиадус,— произнес Хокмун.— То покровительство, что вы оказали мне в Лондре, сделало, кажется, меня еще сильнее, чем я был до сих пор...

— О Хокмун,— ответил Мелиадус голосом мягким, но в нем слышна была еле сдерживаемая ярость.— Не знаю, как тебе удалось избежать энергии Черного Камня, но тебе предстоит испытать нечто во много тысяч раз худшее, когда я возьму Камарг и ты снова станешь моим пленником.

Внезапно Хокмун передвинул лезвие своего меча под рукоятку шпаги Мелиадуса, чуть развернул руку, выбил эту шпагу, которая отлетела далеко в сторону. Он уже было занес свой широкий меч для удара, не увидев, что на помощь Мелиадусу спешит слишком много гранбританцев.

— К сожалению, барон, мне пора. Но я не забуду твое обещание — когда ты станешь моим пленником!

Он развернул своего коня и, смеясь во все горло, ускакал прочь, уводя за собой отряд. Серdito взмахнув рукой, Мелиадус спешился и подобрал свою шпагу.

— Щенок! — выругался он. — Посмотрим, как он запоет у меня через месяц.

* * *

Наступил день, когда Хокмун со своим отрядом, перестав нападать на войско Мелиадуса, отправился по болотистой местности, лежащей подле той линии холмов, где граф Брасс, Леопольд фон Вилак и вся армия Камарга поджидали их. Высокие темные башни, такие же древние, как и сам Камарг, возвышались над пейзажами и слышалось бряцанье оружия солдат охраны.

Хокмун верхом на лошади поднимался по склону, приближаясь к одинокой фигуре графа Брасса, который с явным облегчением улыбнулся, увидев молодого герцога.

— Я рад, что не убил тебя, герцог Кельнский, — с усмешкой в голосе произнес граф. — Ты выполнил почти все свои планы — привел свой отряд домой с небольшими потерями. Не уверен, что даже в пору моего расцвета мне удалось бы сделать такое.

— Благодарю вас, граф Брасс. Но теперь нам надо подготовиться. Войска барона Мелиадуса не более чем в двенадцатичасовом переходе от нас.

Ниже, на дальней стороне холма, он мог теперь видеть армию Камарга, в основном пехоту, которая выстраивалась в одну цепь.

Их было от силы тысяча человек и выглядело это зрелище слабым по сравнению с мощью военной машины Гранбретани, которая маршировала, чтобы уничтожить их. Гранбретанцы превосходили их в численности, может, в двадцать раз, а может и в сорок.

Граф Брасс обратил внимание на выражение лица Хокмуна.

— Не волнуйся, мальчик. У нас есть оружие получше шпаг и мечей, чтобы выстоять против любого нападения.

* * *

Хокмун ошибался, считая, что войска Гранбретани доберутся до границ Камарга за полдня. Видимо, они решили разбить лагерь и передохнуть перед наступлением, потому что только в полдень следующего дня увидели камаргцы приближающееся войско. Оно продвигалось по болотистой равнине, рассыпавшись на довольно большое расстояние. Каждый отряд пехоты или кавалерии принадлежал к определенному Ордену, и каждый член Ордена приносил клятву защищать члена своего Ордена, будь тот живым или мертвым. Такая система усиливала войско Гранбретани, потому что, согласно уставу, ни один человек не может отступить без специального приказа Гранд Констебля Ордена.

Граф Брасс сидел на лошади и смотрел на приближающегося врага. По одну его сторону находился Дориан Хокмун, по другую — Леопольд фон Вилак. Здесь пришла очередь графа Брасса командовать. «В о т т е п е р ь н а ч и н а е т с я н а с т о я щ е е с р а ж е н и е», —

подумал Хокмун, и честно говоря, он не понимал, как они смогут победить. Может быть, граф Брасс слишком уверен в своих силах?

Огромная масса войск и боевых машин остановилась в конце концов, от войск отделились два всадника и направились к холму. Когда они приблизились, Хокмун узнал штандарт барона Мелиадуса и через секунду понял, что один из всадников — сам барон, скачущий вместе со своим герольдом, в руках которого он увидел бронзовый мегафон — символ мирных переговоров.

— Ведь не собирается же он нам сдаться или ждать, что сдадимся мы, — произнес фон Вилак. Тон у него был неприязненный.

— Думаю, — улыбнулся Хокмун, — это просто один из его фокусов. Он славился своими обманами.

Обратив внимание на улыбку Хокмуна, граф Брасс заметил:

— Опасайся своей ненависти, Дориан Хокмун. Не то она помутит твой разум, как уже помутила разум барона.

Хокмун, не отвечая, уставился прямо перед собой.

В это время герольд поднес к губам мегафон.

— Я говорю от имени барона Мелиадуса, Гранд Констебля Ордена Волка, Первого Командующего Войсками нашего самого благородного Короля-Императора Гуона, правителя Гранбритании и, по велению судьбы, будущего правителя всей Европы.

— Передай своему господину, чтобы он снял маску и говорил сам, — крикнул в ответ граф Брасс.

— Мой господин предлагает вам почетный мир. Если вы сдадитесь сейчас, он обещает, что никто не будет убит, а он просто назначит себя губернатором вашей провинции именем Короля Гуона, чтобы восторжествовала справедливость и был водворен порядок на этих землях... Мы предлагаем вам полное прощение. Если же вы откажетесь, весь Камарг будет превращен в руины, все будет сожжено, а оставшееся — затоплено морем. Барон Мелиадус заявляет, что вам прекрасно известно, что все это в его власти и что ваше сопротивление будет причиной гибели ваших родственников, так же как и лично вас.

— Передай барону Мелиадусу, который прячется за своей маской, потому что ему, видимо, стыдно говорить самому, поскольку он знает, что он не более как недостойный простолудин, нарушивший законы гостеприимства и побитый мною в честном бою, так вот, передай ему, что мы можем оказаться причиной его собственной гибели, а кроме него, и таких же как он. Он трусливый пес и что даже тысяча таких, как он, не смогла бы победить одного камаргского быка. Нам смешно слушать его предложения о мире — такой обман распознал бы и ребенок. Нам не нужен глупый губернатор, мы управляем сами к полному нашему удовольствию...

Граф Брасс расхохотался, увидев, что барон Мелиадус в бешенстве развернул лошадь и скачет обратно в свой лагерь вместе с герольдом.

Они прождали примерно с полчаса, пока увидели, как в воздух поднимаются орнитоптеры. Хокмун вздохнул. Его уже один раз привели к поражению летательные аппараты. Неужели и во второй раз ему придется испытать горечь поражения?

Граф Брасс поднял вверх шпагу, подавая сигнал, и вокруг вдруг раздалось хлопанье крыльев. Оглянувшись, Хокмун увидел красных фламинго, несущихся вверх, их грациозный полет был необычайно красив, особенно по сравнению с неуклюжими движениями металлических орнитоптеров, выглядевших как жалкая пародия на птиц. Устремившись в небо, ярко-красные фламинго, на спинах которых в высоких седлах восседали наездники с огненными копьями в руках, полетели навстречу орнитоптерам.

Набрав высоту, фламинго оказались в лучшем положении, но было трудно поверить, что они смогут противостоять металлическим машинам, пусть даже и столь неуклюжим. Едва заметные с такого расстояния, красные языки пламени ударили по орнитоптерам. Один пилот погиб практически мгновенно, вывалившись из кабины своего аппарата. Орнитоптер без пилота взмахнул несколько раз крыльями, потом они автоматически сложились и он камнем пошел вниз носом, как птица, и рухнул в болото за холмом. Хокмун видел, как из другого орнитоптера выстрелили из огненной пушки с двумя дулами во фламинго и его наездника. Красная птица подпрыгнула в воздухе, несколько раз перевернулась и рухнула на землю, роняя перья. Воздух был раскаленным, а летательные аппараты производили много шума, но внимание графа Брасса сейчас было сосредоточено на гранбританской кавалерии, что галопом неслась на холм, где они располагались.

Сначала граф Брасс стоял неподвижно, просто наблюдая, как всадники скачут вперед, не встречая на своем пути сопротивления, и стремительно приближаются. Затем он поднял вверх свою шпагу и громко крикнул:

— Башням — открыть огни!

Жерла совершенно неизвестного оружия развернулись в сторону скачущих кавалеристов и прозвучал визгливый свист, настолько неприятный, что Хокмуну показалось, будто его голова сейчас расколется, но он не заметил, чтобы из этих жерл вылетело хоть что-то. Затем он увидел, как лошади врага поднимаются на дыбы. Глаза лошадей бешено вращались, на губах выступила пена. Всадники были сброшены с седел, многие из них ползли по болотистой жиже, рискуя утонуть, скользя и пытаясь сдерживать своих коней.

Граф Брасс повернулся к Хокмуну.

— Оружие, которое выпускает невидимые лучи, сопровождаемые звуком. Ты слышал лишь его незначительную часть — лошади же получили полную меру.

— Мы нападём на них сейчас? — спросил в ответ Хокмун.

— В этом нет нужды. Сдержи свое нетерпение, подожди.

Лошади падали замертво.

— К сожалению, этот звук убивает их только в конце,— произнес граф Брасс.

Вскоре все лошади валялись в грязи, а их всадники ругались на чем свет стоит, с трудом выбираясь на твердую землю и в нерешительности останавливаясь.

В небе фламинго кружили и пикировали на орнитоптеры, восполняя грациозностью своих движений отсутствие силы и мощи металлических машин. Но этих гигантских птиц падало на землю больше, чем орнитоптеров с их лязгающими крыльями и жужжащими двигателями.

Рядом с башнями начали падать огромные камни.

— Военные машины! — взревел фон Вилак. — Они пустили в ход свои катапульты! Может быть, нам...

— Терпение,— ответил граф Брасс, совершенно, по-видимому, не волнуясь.

Сильная горячая волна ударила их, и они увидели, как о стены ближайшей башни сверкнул огонь.

Хокмун показал рукой:

— Огненная пушка — самая большая из всех, что я когда-либо видел. Она уничтожит всех нас.

Граф Брасс направился к башне, подвергшейся нападению. Они увидели, как он быстро прыгнул с лошади и вошел внутрь здания, которое, казалось, было обречено. Минутой позже башня начала вращаться, постепенно увеличивая скорость вращения, и Хокмун с изумлением увидел, как она медленно погружается в землю и исчезает, а пламя продолжает реветь над тем местом, где она только что была. Дуло огненной пушки тут же развернулось к другой башне, и, как только это произошло, вторая башня начала вращаться, как и первая, и исчезла под землей, а первая в мгновение ока появилась на прежнем месте и саданула по огненной пушке из орудия, расположенного на ее зубчатой стене. Это орудие переливалось синим и зеленым, и пурпурным цветами, у него было странное дуло в форме колокола. Из дула вылетело несколько белых предметов, которые опустились рядом с огненной пушкой. Хокмун видел, как эти предметы, словно мячики, скакали по земле среди инженеров, возившихся с огненной пушкой. Затем его внимание отвлеклось, потому что совсем рядом с ним рухнул орнитоптер, и ему пришлось пустить коня галопом по вершине холма, чтобы уйти подальше от его энергичности, с распадом которой на мелкие куски осколки металла летели в разные стороны. К нему присоединился фон Вилак.

— Что это такое? — спросил его Хокмун, но фон Вилак лишь покачал головой, удивленный не меньше молодого товарища.

Затем Хокмун видел, что белые предметы перестали прыгать и что из дула огненной пушки больше не вырываются клубы пламени. Помимо этого, более ста человек, находившихся в непосредственной близости

от пушки, перестали двигаться. Хокмун даже вздрогнул, когда понял, что они были просто заморожены. И вновь белые сферические мячики вылетели из похожего на колокол дула и запрыгали рядом с катапультами и другими военными машинами Гранбретани. Вскоре солдаты, их обслуживающие, тоже застыли без движения, а камни из пушки прекратили падать.

Граф Брасс вышел из башни, вскочил на коня и присоединился к ним.

— У нас есть еще много оружия, которое сможем применить против этих дураков, — сказал он.

— Но сумеем ли мы победить такое количество людей? — спросил Хокмун, потому что именно в этот момент вперед выступила пехота в столь неисчислимом количестве, что, казалось, остановить ее продвижение не сможет никакое оружие.

— Посмотрим, — произнес граф Брасс, сделав знак часовому на ближайшей башне.

Небо над ними было черным-черно от летательных аппаратов и фламинго. По нему красными огненными нитями прочерчивались полосы, а вокруг сыпались перья и куски металла. Определить, кто выигрывает битву в небе, было невозможно.

Пехота была совсем рядом, когда граф Брасс взмахнул шпагой, давая знак дозорному на башне, и внезапно на пехоту Гранбретани уставились широкие дула необычных орудий. Стекланные шары, сверкая голубым светом, понеслись навстречу приближающимся солдатам и упали в самой их гуще. Хокмун увидел, как строй сломался и солдаты принялись метаться в разные стороны, размахивая в воздухе руками и срывая со своих лиц маски Орденов, к которым принадлежали.

— Что случилось? — удивленно спросил Хокмун.

— В шарах заключен галлюцинарный газ, — пояснил граф Брасс. — Он заставляет людей видеть наяву страшные кошмары.

Он повернулся в седле и, махнув рукой, показал отряду воинов, что пора выступать.

— Пришло время встретиться с гранбретанцами в обычном бою, — произнес граф.

Из оставшихся в строю рядов пехоты навстречу им полетела туча стрел, и солдаты с огненными копьями открыли огонь. Лучники графа Брасса ответили, а его солдаты с огненными копьями тоже умели с ними обращаться не хуже гранбретанцев. По их доспехам застучали стрелы, несколько солдат упало. Многие были убиты пламенем. Несмотря на море огня и летящих стрел, пехота гранбретанцев неумолимо продвигалась вперед, не обращая внимания на громадные потери. Дойдя до болотистой местности, пехота остановилась, и офицеры криками принялись гнать ее вперед.

Граф Брасс приказал своему герольду выйти вперед, и тот исполнил приказание, держа в руках простое знамя своего господина — красную боевую перчатку на белом фоне.

Трое смотрели, как пехота противника нарушила стройность своих рядов и, начав пробираться по болоту через трупы лошадей, пыталась добраться до холма, где их ожидали отряды Камарга.

Хокмун на довольно большом расстоянии разглядел барона Мелиадуса, узнал маску Стервятника, принадлежащую Аэроваку Микосеваару, и увидел, как бешеный варвар-мусковит повел свой Легион Стервятника. Этот отряд одним из первых пересек болото и добрался до холма.

Хокмун чуть тронул поводья своей лошади, направляя ее так, чтобы точно оказаться на пути Микосеваара, когда тот начнет взбираться наверх.

Он услышал рык, и маска Стервятника сверкнула на него рубиновыми глазами.

— Ага! Хокмун! Шелудивый пес, который осмелился столь долго нас беспокоить! Теперь посмотрим, как ты можешь биться в честном поединке, предатель!

— Не смей называть меня предателем, — злобно огрызнулся Хокмун. — Ты, пожиратель падали!

Микосеваар перебрисил громадный боевой топор из одной руки в другую, вновь издал звериный рык и побежал навстречу к Хокмуну, который прыгнул с лошади и приготовился защищаться своим мечом и щитом.

Топор, сделанный из тяжелого металла, включая и рукоятку, с грохотом ударил по щиту Хокмуна, и он попятился от силы этого удара. Настала очередь Хокмуна, занесшего меч и опустившего его на закованное в доспехи плечо Микосеваара с громким звоном, выбив при этом снопы искр. Оба остались стоять на месте, не желая уступить ни пяди земли, обмениваясь страшными ударами, в то время как вокруг них кипела сеча. Хокмун бросил взгляд на фон Вилака и увидел, что тот дерется с герцогом Лондрским, равным ему и по силе, и по возрасту, а граф Брасс пробирается между воинами, рубя направо и налево, в поисках барона Мелиадуса, который явно предпочитал наблюдать за сражением с безопасного расстояния.

Занимая более выгодную позицию, отряды Камарга выдерживали натиск солдат Темной Империи и строй их оставался таким же четким, как и в начале битвы.

К этому моменту щит Хокмуна превратился просто в кусок погнутого, пробитого во многих местах бесформенного металла и не мог больше служить защитой. Хокмун сбросил щит с кисти руки, к которой он был прикреплен петлей, и схватил свой меч обеими руками, поворачивая его так, чтобы отразить удар Микосеваара, нацеленный в его голову. Оба тяжело и хрипло дышали, осторожно переступая по скользкой земле на вершине холма, делали ложные выпады, чтобы противник поскользнулся и упал, внезапно ударяя по ногам или нанося колющий удар в бок.

В своих доспехах Хокмун изрядно вспотел. Внезапно он поскользнулся и упал на колено. Микосеваар тут же ринулся вперед, заноса над головой боевой топор, чтобы разрубить своего противника. Хокмун бросился на землю плашмя в направлении Микосеваара и, схватив того за ноги, дернул

так, что в результате оба покатались вниз с холма, прямо в болото, где валялись трупы лошадей.

Пыхтя и ругаясь, они очутились в жидкой грязи. Ни один не выпустил из рук оружия, так что, когда они поднялись на ноги, оба оказались в состоянии продолжить поединок. Хокмун оперся на труп громадной лошади и бросился на Микосеваара, и если бы тот вовремя не уклонился, то сила удара Хокмуна просто сломала бы ему шею. Вместо этого с головы слетел лишь шлем Стервятника и показались светлая неряшливая борода мусковита и его сверкающие, безумные глаза. Рукояткой своего топора он блокировал удар меча Хокмуна, направленный в живот. Разжав руку, державшую меч, Хокмун толкнул обеими руками Микосеваара в грудь и тот упал навзничь. Хокмун крепче ухватился за свой широкий меч, высоко поднял его, и меч сверкающей дугой начал опускаться на голову Микосеваара. Тот взвыл. Меч поднялся и опустился еще раз. И вновь Микосеваар закричал, но крик этот почти сразу же оборвался. И снова Хокмун ударил своего противника и продолжал наносить удары, пока противник не превратился в месиво. Тогда Хокмун повернулся и посмотрел, как идет сражение.

Трудно было определить вот так с ходу. Всюду падали люди, и казалось, что гранбретанцев осталось больше. Битва в воздухе почти закончилась, и лишь несколько орнитоптеров кружили в небе, в то время как фламинго было несравненно больше.

Возможно ли, что Камарг выигрывает битву?

Хокмун повернулся, заметив, что к нему бегут два воина из Легиона Стервятника. Небрежно наклонившись, он поднял окровавленную маску Микосеваара и рассмеялся им в лицо:

— Глядите! Ваш Гранд Констебль убит, ваш командующий уничтожен!

Воины в нерешительности остановились, потом попятились от Хокмуна и бросились бежать. В Легионе Стервятника не было той дисциплины, что отличала остальные Ордена.

Усталый Хокмун карабкался по телам мертвых лошадей. В этом месте сражения практически не происходило, но на вершине холма он заметил фон Вилака, который оттолкнул ногой мертвое тело герцога Лондрского и с триумфом кричал нечто нечленораздельное, разворачиваясь одновременно к группе солдат, бежавших к нему с копьями наперевес. Фон Вилаку помощь вроде бы не требовалась. Выбравшись на твердую землю, Хокмун побежал вперед, чтобы узнать, как продвигается сражение.

Трижды пришлось обогреть ему свой меч кровью, пока удалось взобраться на холм и оглядеть поле сражения. Громадная армия, что повел против них барон Мелиадус, уменьшилась, по крайней мере, раз в шесть, а солдаты Камарга все так же продолжали держать четкий строй обороны.

Половина знамен главнокомандующих была затоптана в грязь, а оставшиеся развевались не так гордо, как в начале. Строй гранбретанской пехоты был нарушен, и Хокмун увидел, что происходит что-то небывалое — воины одних Орденов смешиваются с другими, царит пол-

нейшее смятение, потому что каждый воин привык драться со своим братом по Ордену рядом.

Хокмун увидел графа Брасса, который, сидя на лошади, дрался сразу с несколькими воинами, вооруженными мечами, у подножия холма. В отдалении Хокмун заметил знамя барона Мелиадуса. Оно было окружено людьми Ордена Волка. Мелиадус хорошо обдумал собственную защиту. Теперь Хокмун увидел и других военачальников — Адаза Промпа и Джерека Нанкенсина, — которые скакали к Мелиадусу. Они явно хотели отступить, но для этого нужен был приказ Мелиадуса.

Хокмун мог догадываться, что они сказали Мелиадусу — что цвет их войск уничтожен, что не имеет смысла нести такие потери из-за крохотной провинции.

Но из груб герольдов, стоявших поблизости от барона, не донеслось никаких сигналов. Мелиадус явно сопротивлялся и не желал исполнять их просьбы.

К Хокмуну подъехал фон Вилак, откинул свой шлем и усмехнулся Хокмуну.

— Думаю, мы их побеждаем. А где граф Брасс? — спросил он.

Хокмун указал рукой.

— Прекрасное представление он устроил, — улыбнулся Хокмун. — Если все будет продолжаться в том же духе еще какое-то время, думаю, мы сможем сами пойти в наступление, если только пожелаем. Полагаю, что командующие Гранбретани растеряны и хотят отступить. Если нанести им сейчас хотя бы небольшой удар, я думаю, они поторопятся осуществить свое намерение.

— Я пошлю к графу Брассу гонца, — кивнул фон Вилак. — Решать должен он.

Он повернулся к ближайшему всаднику и сказал несколько слов. Всадник тут же поскакал вниз, не обращая внимания на сражение.

Хокмун увидел, как он добрался до графа Брасса, как граф посмотрел вверх и помахал ему рукой, затем развернул лошадь и направился к ним.

Через некоторое время граф Брасс, не ввязываясь по дороге в бой, подъехал к ним.

— Пятерых военачальников отправил на тот свет, — с удовлетворением сообщил граф, — но Мелиадус ускользнул.

Хокмун повторил то, что уже сказал фон Вилак. Граф Брасс в принципе согласился с таким планом, и вскоре пехота Камарга пошла в наступление четкой линией, отбрасывая гранбретанцев с холма дальше и дальше.

Хокмун нашел для себя новую лошадь и повел наступление, издавая боевой клич, разя направо и налево, срубая с плеч головы мощнейшими ударами. Тело его с ног до головы покрывала кровь убитых. Кольчуга была пробита в нескольких местах, свисала локмотьями и каждое мгновение грозила упасть с него. Грудь была вся в синяках и небольших ранках и царапинах, из руки текла кровь, нога смертельно болела, но он не обращал

на это внимания, потому что жажда крови, обуявшая его, туманила ему мозг, и он убивал человека за человеком, словно боевая машина.

Когда наступил относительно спокойный момент, фон Вилак, державшийся рядом с ним, сказал:

— По-моему, вы решили убить этих собак больше, чем вся наша армия вместе взятая.

— Я не остановился бы, даже если бы кровь гранбританцев заполнила всю эту долину,— угрюмо ответил Хокмун.— Пока все живое не будет уничтожено, я не остановлюсь.

— Вы кровожадны так же, как они,— иронически заметил фон Вилак.

— Нет, больше! — выкрикнул Хокмун, бросаясь на противника.— Поскольку для них это — наполовину развлечение.— И, продвигаясь вперед, он продолжал рубить гранбританских солдат, как мясник свои туши.

В конце концов, военачальникам удалось убедить барона Мелиадуса, потому что герольды поднесли к губам трубы, заиграли сигнал отбоя и оставшиеся в живых воины Гранбритании повернулись и побежали.

Хокмун убил нескольких солдат, что бросили свое оружие, показывая, что сдаются.

— Мне не нужны живые гранбританцы,— сказал он одному солдату, который сорвал с себя маску и показал свое совсем еще юное лицо.

Но всему приходит конец, и даже горькая ненависть Хокмуна насытилась, и он подъехал к графу Брассу и фон Вилаку, которые наблюдали, как гранбританцы приводят в порядок свои войска и начинают отходить.

Хокмуну показалось, что он услышал крик ярости, донесшийся из отступающей армии, и подумал, что это мстительный голос Мелиадуса.

— Мы еще увидим Мелиадуса,— улыбнулся Хокмун.— Не знаю как и когда, но увидим обязательно. Он понял, что Камарг для него недоступен, и знает, что мы не поддадимся ни на обман, ни на предательство, но он будет искать какой-нибудь другой способ. Скоро все земли вокруг Камарга будут принадлежать Гранбритании, а нам постоянно придется быть настороже.

* * *

Когда поздно вечером они вернулись в замок Брасс, Боджентль обратился к графу:

— Теперь-то вы понимаете, что Гранбритань безумна, это — раковая опухоль, которая заразит историю и направит ее по пути, который не только поведет к уничтожению всей человеческой расы, но, в конечном итоге, приведет к гибели каждого разумного или потенциально разумного существа во всей Вселенной?

— Вы преувеличиваете, Боджентль,— улыбнулся граф.— Откуда вы можете знать столь много?

— Это мое предназначение — понимать те силы, работающие во Вселенной, чтобы начертать то, что мы называем судьбой. Вновь повторяю вам, граф Брасс, Темная Империя заразит всю Вселенную, если не остановить ее на этой планете, а что еще желательней — на этом континенте.

Хокмун сидел, вытянув перед собой ноги и делая все возможное, чтобы изгнать боль из нивших мускулов.

— Я не понимаю тех философских принципов, на которых вы основываете свою веру, сэр Боджентль, — произнес он, — но инстинктивно чувствую, что вы правы. Все мы считаем, что перед нами всего лишь безжалостный враг — в прошлом было немало таких рас, — который мечтает править всем миром, но нечто странное, отличное от других есть в Темной Империи. Не забывайте, граф Брасс, что я некоторое время провел в Лондре и был невольным свидетелем многих безумств. Вы видели лишь их армии, которые, как и все армии, беспощадно сражаются, чтобы победить, пользуясь для этих целей удобной для них тактикой. Но что вы можете сказать об их Короле-Императоре, этом бессмертном трупце, плавающим в своем Тронном Шаре, о тех таинственных сношениях, которые они имеют друг с другом, о том безумии, что ощущается во всем их городе...

— Значит, вы считаете, что виденное нами еще не самое худшее, на что они способны? — серьезно спросил граф Брасс.

— Да, я так считаю, — ответил Хокмун. — Я убиваю их так беспощадно отнюдь не из одного лишь чувства мести — все это значительно глубже, это находится где-то глубоко в моей душе, которая заставляет меня смотреть на них, как на угрозу силам самой жизни.

— Не знаю, может быть, вы и правы, — вздохнул граф Брасс. — Только Рунный Посох мог бы либо доказать вашу правоту, либо наоборот.

— Я еще не видел Ийссельды с момента нашего возвращения, — неловко приподнялся со своего места Хокмун. — Извините.

— Думаю, она сегодня рано легла спать, — ответил ему Боджентль.

Хокмун был разочарован. Он надеялся застать ее и услышать из ее уст приветствие. Он хотел рассказать ей о своих победах. Он был удивлен, когда она не вышла встретить их.

— Что ж, пойду и я, — пожал он плечами. — Спокойной ночи, господа.

В этот вечер они почти не говорили о своей победе. После колоссальной нагрузки, что пришлось им вынести, наступила реакция, и события дня казались далекими, хотя завтра, вне сомнения, они станут праздновать свою победу.

Когда Хокмун добрался до своей комнаты, все было погружено в темноту, но он ощутил нечто странное и вытащил меч из ножен, прежде чем пройти на ощупь к столу и зажечь стоявшую на нем лампу.

Кто-то лежал на его постели. Ийссельда. Она ему улыбалась.

— Я слышала о ваших подвигах, — произнесла она, — и решила приветствовать вас одного. Вы — великий герой, Дориан.

Хокмун почувствовал, как дыхание его участилось, сердце заколотилось с бешеной скоростью.

— О Ийссельда...

Медленно, шаг за шагом подошел он к девушке, рассудок его боролся с его чувствами и желаниями.

— Ты любишь меня, Дориан, я знаю,— мягко сказала она.— Или ты будешь отрицать это?

Он не мог. Он заговорил с трудом.

— Вы... очень... смелы...— произнес он чуть ли не по складам, с трудом заставляя себя улыбнуться.

— Да, потому что ты слишком смущаешься, а я не могу назвать себя нескромной.

— Я... я не смущаюсь, Ийссельда. Но из этого не может выйти ничего хорошего. Я обречен — Черный Камень...

— Что это такое?

Запинаясь и заикаясь, он рассказал ей тем не менее все, сказал, что не знает, сколько времени волшебное средство графа Брасса сможет удерживать жизненную силу Черного Камня, что, когда жизненная сила Черного Камня восстановится, Лорды Гранбритании смогут уничтожить его.

— Поэтому... поэтому ты сама должна понять, что не можешь быть привязанной ко мне. Ничего. Так будет только... хуже.

— Но этот Малагиджи — почему ты не хочешь просить его о помощи?

— Путешествие займет много месяцев. Я могу потратить все оставшееся мне время на бесплодные поиски.

— Если бы ты любил меня,— сказала она, когда он сел на постель рядом с ней и взял ее за руку,— ты бы рискнул.

— Да,— задумчиво ответил он,— ты права, может быть...

Тогда она приподнялась и близко к своему лицу притянула его голову, целуя в губы. Жест был безыскусен, но полон женственности.

Теперь он больше не мог сдерживаться и поцеловал ее со всей силой своей страсти, крепко прижав к груди.

— Я поеду в Персию,— сказал он,— хотя на пути моем будет множество опасностей. Ведь как только я покину Камарг, люди Мелиадуса и вся Темная Империя бросится искать меня...

— Ты вернешься,— убежденно произнесла Ийссельда.— Я знаю, что ты вернешься. Моя любовь вернет тебя ко мне.

— И тебя ко мне?

Он ласково погладил ее по щеке.

— Да, возможно, так будет лучше.

— Завтра,— сказала она.— Уезжай завтра и не теряй больше времени... А сегодня...

И она снова поцеловала его, и он страстно ответил на поцелуй.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Далее повествуется о том, как Дориан / Хокмун, покинув Камарг, полетел на восток и огромная алая птица унесла герцога за тысячи миль, до самых гор, что на границе Греческих и Булгарских земель...

Из истории «Рунного Посаха»

Глава 1 ОЛАДАН

Лететь на фламинго было удивительно легко, как и предсказывал ему граф Брасс. На команды птица реагировала, совсем как лошадь, с помощью поводьев, прикрепленных к ее изогнутому клюву, и летела так непринужденно, что у Хокмуна ни разу не возникло мысли, что он может упасть. Несмотря на отказ птицы лететь, когда шел дождь, она несла его в десять раз быстрее лошади, отдыхая самое краткое время в полдень и засыпая, как и Хокмун, на ночь.

Мягкое седло и его изогнутая лука были исключительно удобны, и с ним с легкостью можно было прикреплять сумки с провизией. Упряжь закрепляла тело Хокмуна в седле. Длинная шея птицы вытягивалась прямо перед ним, огромные крылья медленно взмахивали в воздухе, и красная птица несла его через горы, долины, луга и леса. Каждый раз Хокмун старался опуститься как можно ближе к источнику воды — реке или озеру, где птице легко было найти нужное для нее пропитание. Изредка в голове Хокмуна резко стучал пульс, как бы напоминая ему о том, что надо торопиться, но по мере того, как крылатый конь уносил его дальше и дальше к востоку, а воздух становился теплее и теплее, настроение Хокмуна улучшалось, и ему казалось, что шансы на успех его предприятия и на возвращение к Ийссельде повышаются.

Примерно через неделю после того, как он покинул Камарг, он пролетел над невысоким горным кряжем, высматривая местечко для посадки. Был уже поздний вечер, птица явно устала, опускаясь ниже и ниже, пока повсюду не оказались лишь горные вершины, а воды так и не было видно. Внезапно Хокмун заметил на каменистой площадке внизу фигуру человека, и почти сразу фламинго закричал и забил в воздухе крыльями, с трудом удерживаясь в воздухе. Хокмун увидел, что в боку птицы торчит стрела. Вторая стрела попала в шею птицы, и она с криком стала падать на землю. Хокмун ухватился за лука

седла, вокруг свистел рассекаемый ими воздух. Он увидел, как навстречу несутся скалы, ощутил сильный удар, затем голова его стукнулась обо что-то и он будто провалился в темный бездонный колодец.

* * *

Проснулся Хокмун в полной панике. Ему показалось, что Черному Камню дали полную жизнь, и он пожирает его мозг, как крыса мешок зерна. Он поднял к голове обе руки, ощупывая царапины и шишки, с облегчением понимая, что боль его была чисто физической, появившейся в результате падения на землю. Было темно и, присмотревшись, он понял, что лежит в пещере. Когда он напряг зрение, то разглядел у входа в пещеру мигание костра. Поднявшись, он пошел в направлении света.

У входа в пещеру он обо что-то споткнулся и, приглядевшись, увидел, что его снаряжение лежит на полу. Все было аккуратно сложено — седло, седельные сумки, шпаги и кинжалы. Он потянулся за шпагой, неслышно вытащил ее из ножен и вышел из пещеры.

В лицо ему полыхнул жар большого костра, разложенного неподалеку. Над огнем был сооружен вертел, а на нем поворачивалась огромная туша фламинго, ошипанного, выпотрошенного, без головы и когтей. Поворачивая вертел при помощи сложного приспособления из кожаных ремней, которые он время от времени смачивал, стоял коренастый человек, ростом раза в два меньше Хокмуна.

Когда Хокмун приблизился, человек повернулся, увидев в руке Хокмуна шпагу, взвыл и отпрыгнул от костра. Герцог Кельнский был изумлен — лицо человека было покрыто рыжими волосами, и более густой мех того же цвета покрывал, казалось, все его тело.

Он был одет в кожаные штаны и такую же куртку, перепоясанную широким ремнем. На ногах были сапоги из мягкой оленьей кожи, а в шапочку на голове были воткнуты четыре или пять самых красивых перьев фламинго, выдернутых, без сомнения, из хохолка птицы, когда он ее разделывал.

Он пытался от Хокмуна, подняв руки ладонями вверх в умиротворяющем жесте.

— Простите меня, господин. Мне очень жаль, что так получилось, поверьте мне. Если бы я только знал, что на птице кто-то сидит, я, конечно, никогда не стал бы стрелять. Но для меня — это был обед, который мне не хотелось упустить...

Хокмун опустил шпагу.

— Кто ты? Или даже вернее, ч т о ты?

Он схватился рукой за голову. Жар от огня и недавние переживания утомили его, и он ощущал легкое головокружение.

— Я — Оладан из Горных Великанов, — начал отвечать человек. — Хорошо известный в этих местах...

— Великанов? В е л и к а н о в!

Хокмун хрипло рассмеялся, покачнулся и упал, снова потеряв сознание.

Когда он очнулся в следующий раз, в нос ему ударил нежный запах жарящейся дичи. Рот непроизвольно наполнился слюной, и с большим трудом он понял, что этот запах может означать. Он лежал около самого входа, шпаги его нигде не было видно. К нему нерешительно подходил маленький человек, предлагая кусок мяса.

— Поешьте, господин. Вы почувствуете себя гораздо лучше, — сказал Оладан.

Хокмун взял мясо.

— Думаю, теперь это уже не имеет значения, — произнес он, — потому что ты почти наверняка лишил меня всего, чего я желал.

— Вы так любили эту птицу?

— Нет... но я в смертельной опасности, а фламинго был моей единственной надеждой на спасение.

Хокмун начал жевать жесткое мясо птицы.

— Значит, кто-то вас преследует?

— Не кто-то, а что-то, необычная и отвратительная судьба...

И внезапно Хокмун принялся рассказывать этому существу все по порядку, не совсем понимая, почему он вдруг ни с того, ни с сего решил довериться Оладану. Было что-то очень решительное в этом получеловеческом лице, что-то мужественное, когда он чуть склонял голову, внимательно, с расширяющимися глазами вслушиваясь в каждую новую деталь повествования — и естественная осторожность и недоверчивость Хокмуна исчезли.

— И вот я здесь, — закончил он, — и ем ту самую птицу, которая, возможно, могла меня спасти.

— Какая нравоучительная история, — вздохнул Оладан, вытирая жир с подбородка, — и как печально мне слышать, что это мой желудок привел к такому несчастью. Завтра я сделаю все, что смогу, чтобы исправить свою ошибку, и попытаюсь найти для вас средство передвижения, чтобы вы смогли продолжить свой путь.

— Какую-нибудь птицу?

— К сожалению, нет. Я подразумевал всего лишь козла.

Раньше, чем Хокмун смог ответить, Оладан снова заговорил:

— Я обладаю кое-каким влиянием в этих горах, потому что все здесь считают меня явлением любопытным. Видите ли, я родился в результате сомнительной связи искателя приключений — волшебника в своем роде — и Горной Великанши. Увы, сейчас я сирота, потому что в одну из тяжелых зим мамаша съела папашу, а потом мамашу, в свою очередь, сожрал дядя Баркиос — ужас этих мест, самый свирепый и самый большой из всех Горных Великанов. С тех пор я живу один, компаниям мне составляют лишь книги моего отца. Я — отверженный, слишком странный, чтобы меня признал народ моего отца или моей матери — живу только благодаря своей находчивости. Если бы я не

был таким маленьким, меня, несомненно, давно тоже бы съел дядюшка Баркиос...

Меланхолическое лицо Оладана выглядело настолько комично, что Хокмун вообще больше не мог испытывать по отношению к нему раздражения. От жара костра и от сытного ужина он разомлел.

— Достаточно, друг Оладан. Забудем старое и давай как следует выспимся. Утром придется поискать какое-нибудь животное, на котором я смогу продолжить свой путь на Восток в Персию.

И они заснули и проснулись лишь с наступлением зари, и увидели, что огонь еще слабо горит, а вокруг костра сидит отряд людей, закутанных в меха и вооруженных, доедая остатки их ужина.

— Разбойники, — вскричал Оладан, в тревоге вскакивая с места. — Мне следовало погасить костер!

— Куда ты спрятал мою шпагу? — спросил его Хокмун, но двое, от которых несло прогорклым животным салом, направлялись к ним, вытаскивая короткие шпаги.

Хокмун медленно поднялся на ноги, готовясь защищать себя как можно лучше, но Оладан заговорил:

— Я знаю тебя, Рекнер, — указал он на самого большого из разбойников. — И ты тоже должен знать меня, Оладана из Горных Великанов. Теперь, когда ты насытился, уходи или моя родня придет и убьет вас всех.

Рекнер ухмыльнулся, нимало не озаботившись предупреждением, и продолжал ковырять в зубах грязным сломанным ногтем.

— Я действительно слышал о тебе, кроха-великан, и я не вижу, чего мне бояться, хотя мне и говорили, что деревенские жители этой местности тебя сторонятся. Но крестьяне — это одно, а разбойники, храбрые разбойники — совсем другое. А теперь помолчи, а то мы убьем тебя не быстро, а медленно.

Оладан, казалось, поник, но продолжал пристально смотреть на главаря разбойников. Рекнер засмеялся.

— Ну, так что за сокровища вы храните в своей пещере?

Оладан начал раскачиваться из стороны в сторону, словно в смертельном страхе, бормоча что-то себе под нос. Хокмун посмотрел на него, потом на главаря разбойников, вновь на Оладана, задумавшись на мгновение, успеет ли он быстро попасть в пещеру и вовремя отыскать свое оружие. Монотонное бормотание Оладана стало громче, напевнее, и Рекнер остановился. Улыбка застыла на его лице, а глаза как бы остекленели под пристальным взглядом Оладана. Внезапно человек поднял вверх руку, протянул ее в сторону разбойника и холодно произнес:

— Спи, Рекнер!

Рекнер рухнул на землю, его люди, ругаясь, бросились к нему, потом остановились, когда Оладан вновь поднял руку.

— Бойтесь моего могущества, негодяи, потому что Оладан — сын волшебника.

Разбойники заколебались, глядя на своего распростертого на земле главаря. Хокмун в изумлении смотрел на это крохотное мохнатое создание, которое повелевало разбойниками, потом быстро нырнул в пещеру и увидел, что шпага его, или вернее, меч, оказались на месте. Он быстро застегнул пояс, к которому было прикреплено его оружие, включая и кинжал, выхватил меч из ножен и вернулся к Оладану. Чуть скривив губы, тот пробормотал уголком рта:

— Захватите все свои припасы. У подножья горы стреножены их лошади. Нам придется ими воспользоваться, потому что Рекнер может проснуться в любую минуту, а после этого мне уже их не удержать.

Хокмун вернулся в пещеру за своими сумками, и они с Оладаном принялись пятиться с холма, иногда оскальзываясь на мелких камешках. Рекнер зашевелился. Он застонал и сел. Люди его наклонились, помогая ему подняться.

— Скорее! — крикнул Оладан и повернулся, бросившись бежать.

Хокмун последовал его примеру и у подножья холма увидел, к своему удивлению, не лошадей, как ожидал, а с полдюжины козлов размером с небольших пони, на каждом из которых лежало седло из овечьей шкуры. Оладан вскочил на ближайшего и протянул уздечку другого животного Хокмуну. На секунду герцог Кельнский замер в нерешительности, затем натянуто улыбнулся и вскарабкался в седло. С холма к ним бежали Рекнер и его люди. Ударом меча Хокмун перерубил привязи оставшихся животных, и те разбежались в разные стороны.

— За мной! — вскричал Оладан, понукая своего козла идти к горной тропинке.

Но люди Рекнера уже достигли Хокмуна, его ярко сверкающий меч отражал удары их коротких шпаг. Одного разбойника он убил ударом в сердце, второго ранил в бок, Рекнера уложил на землю просто ударом кулака, а потом подхлестнул козла, который странными прыжками бросился за ускакавшим вперед человечком. Ругань и рев разбойников остались позади.

Козел двигался прыжками, и с непривычки у Хокмуна заболели все мышцы, но тем не менее они быстро добрались до горной тропинки, ведущей вниз, и ехали по ней вокруг горы, а крики разбойников слышались все глуше. С победной усмешкой Оладан повернулся к Хокмуну.

— Вот нам и есть на чем ехать, лорд Хокмун, а? Даже легче, чем я предполагал. Добрый знак! Следуй за мной. Я выведу тебя на дорогу.

Не желая того, Хокмун все же улыбнулся. Компания Оладана была ему приятна, а его любопытство в отношении этого крохотного человечка вместе с растущим уважением, которое он начал к нему испытывать, почти заставили его забыть, что именно он был причиной его неожиданных неприятностей.

Оладан настоял на том, чтобы ехать с ним несколько дней, пока он не проведет Хокмуна через горы. Когда горы кончились, он остановился неподалеку от большой желтой долины и, указав на нее, сказал:

— Вот туда вы должны ехать.

— Спасибо тебе,— ответил Хокмун, глядя уже в направлении Азии.— Мне очень жаль, что мы должны расстаться.

— Ага! — улыбнулся Оладан, ероша рыжий мех на своем лице.— С этим я согласен. Ну, ладно, поехали, я составлю вам компанию через эту равнину, чтобы не было вам скучно.

И с этими словами он подстегнул своего козла, понукая его идти вперед.

Хокмун засмеялся, пожал плечами и поехал следом.

Г л а в а 2

КАРАВАН АГОНОСВОСА

Не успели они доехать до долины, как пошел дождь, и козлы, что так хорошо передвигались по горным тропинкам, не умели идти по ровной мягкой земле и потому несли их вперед очень медленно. Они путешествовали примерно месяц, плотно заворачиваясь в плащи, дрожа от сырости, которая, казалось, пронизывала до костей, и у Хокмуна часто болела голова. Когда в ней начинало пульсировать, он не мог разговаривать с веселым Оладаном, а обхватывал голову руками и его измученные глаза на бледном лице ничего не видели в такие минуты. Он знал, что там, в Замке Брасс, жизненная сила Черного Камня ломает постепенно те цепи, которыми сковал ее граф Брасс, и Хокмун отчаялся увидеть Ийссельду вновь.

Дождь все шел, дул холодный ветер, и сквозь пелену воды Хокмун видел перед собой все ту же равнину, на которой изредка попадались кривые деревья. Он не знал, где они находятся, потому что почти все время облака закрывали небо. Единственной грубой вехой был кустарник, неизбежно росший с наклоном на юг. Хокмун никак не ожидал, что на Восток так далеко простирается земля, и он понял, что ее однообразие — результат того, что произошло когда-то в Трагическое Тысячелетие.

Хокмун откинул с глаз мокрые волосы и ощутил твердую поверхность Черного Камня, вросшего в его голову. Он задрожал, поглядел на мокрое жалкое лицо Оладана и отвернулся. Впереди виднелась темная линия, может быть, лес, где они смогут укрыться от дождя. Раздвоенные копыта козлов с трудом ступали по мокрой травянистой почве. Висок у Хокмуна начало дергать, и он вновь ощутил тупую боль в мозгу и тошноту. Он судорожно вздохнул, прижав ладонь к голове, а Оладан взглянул на него с глубоким сочувствием.

Наконец они достигли леса. Деревья были невысокими, причудливой формы. Здесь они продвигались вперед еще медленней, объезжая большие лужи, наполненные темной водой. Стволы и ветви деревьев были покалечены, они стлались по земле, а не возвышались над ней. Кора была темной или темно-коричневой, а листья в это время года не было

вообще. Несмотря на это, лес казался густым и пробираться сквозь него было чрезвычайно трудно. В неглубокой канаве, которая как бы защищала деревья, блеснула вода.

Копыта козлов вязли в грязной воде, когда они въехали в лес, низко наклоняясь, чтобы не касаться ветвей. Даже здесь почва была болотистой, и у оснований деревьев собирались лужицы воды. Искать убежища от дождя здесь не было возможности.

В этот вечер им удалось разбить лагерь на относительно сухом месте, и хотя Хокмун и сделал попытку помочь Оладану разжечь костер, он вскоре был вынужден прилечь, опершись спиной о ствол дерева, тяжело дыша и хватаясь временами за голову, пока крохотный человечек справлялся со всеми делами.

На следующее утро они продолжили продвижение через лес, и Оладан вел козла Хокмуна в поводу, потому что герцог Кельнский лежал в седле на шее животного. Поздним утром они услышали голоса людей и повернули в их направлении.

* * *

Это был караван, с трудом пробиравшийся по грязи и воде через лес. Около пятнадцати фургонов с намокшим шелковым верхом красного, желтого, голубого и зеленого цветов. Мулы и быки с трудом тащили фургоны, оскальзываясь в жидкой грязи, и мышцы их напрягались и перекачивались под кожей, когда погонщики хлестали их бичами или погоняли вперед бранью. У колес фургонов потели другие люди, помогая их вертеть, а сзади тоже толкали изо всех сил.

И тем не менее, несмотря на все усилия, фургоны почти не двигались.

Но не столько эта картина заставила удивиться наших путешественников, сколько люди в фургонах. Затуманенными глазами глядел на них Хокмун и не знал, что и думать.

Люди, все без исключения, были уродцы. Лилипуты и карлики, великаны и непомерные толстяки, люди, с ног до головы покрытые мехом (как Оладан, но смотреть на них было неприятно), люди бледные, на которых вообще не было никаких волос, мужчина с тремя руками, другой — всего лишь с одной, двое — мужчина и женщина — с ногами, как раздвоенные копыта, дети с бородами, гермафродиты, люди с чешуйчатой, как у змеи, кожей, кое-кто — с хвостом, изуродованными конечностями и скособоченными телами, с лицами, на которых не было определенных черт, либо они были неизмеримо преувеличены, некоторые с горбами, другие без шеи, многие с очень короткими руками и ногами, а один — с пурпурными волосами и рогом, торчащим из середины лба. И только в глазах у них было какое-то сходство, потому что в них сквозило тупое отчаянье, в то время как караван все также медленно продолжал тащиться по грязи.

Было такое ощущение, что Хокмун и Оладан попали в ад и там рассматривают его обитателей.

Лесные запахи сырой коры и мокрой почвы смешались с другими, трудно поддающимися определению. Пахло людьми и зверями, резкими духами и специями, но кроме того стоял неуловимый запах, что перебывал все остальные. От этого запаха Оладана затрясло. Хокмун приподнялся с шеи своего козла и стал принюхиваться, как голодный волк. Он посмотрел на Оладана и нахмурился. А деформированные существа, казалось, не замечали посторонних, продолжая работать все так же молча. Раздавался лишь скрип фургонов, хрип животных и плеск воды под их копытами.

Оладан приподнял поводья, как бы намереваясь проехать мимо, но Хокмун не последовал его примеру. Он продолжал задумчиво разглядывать странную процессию.

— Поехали,— сказал Оладан.— Я чувствую здесь опасность, лорд Хокмун.

— Нам надо выяснить, где мы находимся и долго ли еще нам пересекать эту равнину,— хриплым голосом ответил Хокмун.— Кроме того, у нас почти кончились съестные припасы...

— В лесу нам, возможно, удастся поймать какую-нибудь дичь.

— Нет,— покачал головой Хокмун.— Кроме того, по-моему, я знаю, кому принадлежит караван.

— Кому?

— Человеку, о котором я слышал, но никогда не видел. Мой соотечественник — даже родственник, который ушел из Кельна примерно девять веков назад.

— Девятьсот лет? Невозможно!

— Неверно. Агоносвос бессмертен или почти бессмертен. Если это он, мы сможем получить помощь, потому что я до сих пор являюсь его законным монархом...

— И он хранил преданность Кельну на протяжении этих девяти сот лет?

— Посмотрим.

Хокмун прищипорил свое животное, подъезжая к каравану, где раскачивался головной фургон, крытый золотистым шелком, а резное дерево было красиво разрисовано. Предчувствуя недоброе, Оладан последовал за ним. На козлах фургона, сидя достаточно глубоко, чтобы укрыться от дождя, виднелась фигура, закутанная в богатый плащ из медвежьей шкуры, в простом черном шлеме, закрывающем все лицо, исключая глаза. Увидев Дориана Хокмуна, фигура шевельнулась, осмотрела его с ног до головы, а затем из-под шлема раздался тонкий кашляющий звук.

— Лорд Агоносвос,— произнес Хокмун.— Я — герцог Кельнский, последний отпрыск монархии, начавшейся тысячу лет назад.

Низким мелодичным голосом сидящий человек ответил:

— Хокмун, это я вижу. Теперь уже безземельный, а? Гранбретань захватила Кельн, верно?

— Да...

— Итак, мы оба изгнанники, я — твоим предком, ты — завоевателем.

— Как бы там ни было, я все еще монарх, а следовательно, твой повелитель.

Измученное лицо Хокмуна повернулось к сидящему, и глаза устали пристально на него.

— Повелитель, вот как? Когда герцог Дитрих отправил меня в изгнание в эти дикие земли, у меня вообще не стало никакого повелителя.

— Ты и сам знаешь, что это не так. Ни один кельнец не может отказаться выполнить волю своего принца.

— Не может? — Агоносвос тихо рассмеялся. — Не может?

Хокмун двинулся, намереваясь уехать, но Агоносвос поднял руку с тонкими пальцами, белую, как иссохшая кость.

— Останься. Я оскорбил тебя и должен извиниться. Чем я могу служить тебе?

— Ты признаешь меня своим повелителем?

— Я признаю только, что был невежлив. Ты кажешься мне очень усталым. Я остановлю свой караван и постараюсь все для тебя сделать. А что с твоим слугой?

— Это не слуга, а друг. Оладан из Разбойничьих Гор.

— Друг? И не твоей расы? Что ж, все равно, пусть присоединяется к нам.

Агоносвос высунулся из фургона и приказал своим людям прекратить работу. В ту же секунду они расслабились, оставшись стоять на месте, тела поникли, но в глазах оставалось то же тупое отчаянье.

— Что ты думаешь о моей коллекции? — спросил Агоносвос, когда Хокмун и Оладан, спешившись, забрались внутрь фургона. — Такие редкие экземпляры когда-то забавляли меня, но сейчас я нахожу, что они скучны, так что им приходится работать, чтобы оправдать свое существование. У меня по меньшей мере один человек каждого вида. — Тут он взглянул на Оладана. — Включая и твой. Некоторые из них я вывел сам.

Оладан неуютно поерзал на месте. В фургоне было неестественно тепло, но нигде не было видно ни печки, ни какого-либо другого нагревательного прибора. Из голубого кувшина Агоносвос налил им вина. Само вино тоже было голубого цвета. Изгнанник из Кельна все еще не снял своего шлема, глаза его пристально изучали Хокмуна.

Хокмуну пришлось сделать громадное усилие, чтобы выглядеть здоровым, но было ясно, что Агоносвос угадал в чем дело, потому что, протянув Хокмуну кубок с вином, он сказал:

— От этого вина, милорд, тебе станет значительно лучше.

И действительно, вино его оживило, боль вскоре совсем прошла. Агоносвос спросил, как он здесь оказался, и Хокмун рассказал ему значительную часть своей истории.

— Вот как,— произнес Агоносвос.— Значит, ты хочешь, чтобы я тебе помог? А? Из-за нашего родства, такого древнего, гммм? Ладно, я об этом подумаю. А тем временем я отставлю фургон в сторону, чтобы вы смогли отдохнуть как следует. Это дело мы обсудим завтра утром.

Хокмун и Оладан сразу же не заснули. Они восседали на шелках и мехах, что им дал Агоносвос, и обсуждали этого странного колдуна.

— Он напоминает мне тех Лордов Темной Империи, о которых ты мне рассказывал, хоть я никогда их не видел,— сказал Оладан.— Мне кажется, он хочет нам зла. Может быть, он хочет отомстить за то, что твой предок несправедливо, как он считает, отправил его в изгнание, а может быть, просто хочет присоединить меня к своей коллекции.

— Да,— задумчиво сказал Хокмун,— но с нашей стороны будет просто неумно оставить его без причины. Он может оказаться полезным для нас. Ладно, утро вечера мудренее.

— Спи осторожно,— предупредил его Оладан.— Будь начеку.

* * *

Но Хокмун спал как убитый, а когда проснулся, понял, что связан кожаными ремнями, которые были многократно обкручены вокруг его тела и завязаны тугими узлами. Он с силой начал двигать руками и ногами, пытаясь освободиться и глядя на лицо своего соотечественника, прикрытое шлемом. Из-под шлема донеслась сухая усмешка Агоносвоса:

— Ты знал обо мне, последний из Хокмунов, но ты знал недостаточно. Ты не знал, к примеру, что я много лет провел в Лондре, обучая Лордов Гранбритании своим секретам. Мы давно уже заключили союз, Темная Империя и я. Барон Мелиадус говорил мне о тебе, когда мы виделись с ним в последний раз. За твое живое тело он заплатит мне столько, сколько я захочу, исполнит любое мое желание.

— Где мой друг?

— Этот мохнатый зверек? Удрал ночью, как только услышал, что мы приближаемся. Все они одинаковы, эти полулюди, полужвери — друзья ненадежные.

— Значит, ты намерен доставить меня барону Мелиадусу?

— Ты ведь слышал. Да, именно это я и сделаю. Придется оставить здесь этот неуклюжий караван — пусть пробирается вперед самостоятельно до моего возвращения. Мы же отправимся на более быстрых скакунах — специальных скакунах, которых я готовил для подобного случая. Я послал человека к барону Мелиадусу, чтобы сообщить ему, какая рыбка попала в мои сети. Эй вы, несите его!

По команде Агоносвоса два карлика подняли Хокмуна своими длинными мускулистыми руками и вынесли его из фургона. Занималась заря.

Все еще стоял легкий туман, и сквозь его дымку Хокмун увидел двух громадных лошадей с гривами сверкающей голубизны, умными глазами и мощными ногами. Никогда еще он не видел более прекрасных животных.

— Я сам вывел эту породу, — сообщил гордо Агоносвос. — Не потому, что они такие странные, а по их скоростным качествам. Скоро мы будем в Лондре — ты и я.

Он опять сухо усмехнулся, глядя, как Хокмуна перекинули через седло и привязали к стремянам.

Агоносвос взобрался в седло второй лошади, взял поводья животного, в седле которого сидел Хокмун, и пришпорил свою лошадь, помчавшуюся вперед. Хокмун даже испугался столь быстрого движения. Животное бежало с легкостью, двигаясь почти с такой же скоростью, с какой летел фламинго. Но если птица несла его к спасению, то лошадь обрекала на ужасную участь. Хокмун решил, что теперь дело его безнадежно.

Долго неслись они галопом по мокрому лесу. Лицо Хокмуна было перепачкано грязью, и смотреть он мог, лишь моргая, чтобы немного стряхнуть грязь, и поднимая голову как можно выше.

Вдруг он услышал крик Агоносвоса и его ругань.

— Прочь с дороги! Прочь! — кричал он.

Хокмун попробовал рассмотреть, что случилось, но не увидел ничего, кроме лошади Агоносвоса и края его плаща. Как сквозь сон услышал он другой голос, но не смог разобрать сказанного.

— Аааа! Да выест Калдрин твои глаза!

Казалось, Агоносвос стал сильнее раскачиваться в седле. Обе лошади умили свой бег, потом вовсе остановились. Хокмун увидел, как Агоносвос покачнулся, а затем рухнул с лошади лицом в грязь и пополз, пытаясь подняться. В боку у него торчала стрела. В беспомощности Хокмун стал лихорадочно соображать, какая новая опасность подстерегала его. Все равно, лучше быть убитым здесь, чем попасть в руки Короля-Императора Гуона.

Из-за деревьев появилась фигурка крохотного человечка. Он перепрыгнул через тело извивающегося и пытающегося встать Агоносвоса и перерезал кожаные ремни, опутывающие Хокмуна. Тот упал с седла, продолжая держаться за луку седла, и принялся растирать свои онемевшие руки и ноги. Оладан улыбнулся ему.

— Твой меч в багаже колдуна, — сообщил он.

— А я было решил, что ты ушел в свои родные горы, — с облегчением сказал в ответ Хокмун.

Оладан собрался ответить, но Хокмун перебил его, выкрикнув предупреждение.

— Агоносвос!

Колдун поднялся, держась за стрелу в боку, и подходил к человечку из Разбойничьих Гор. Хокмун, забыв о боли в мышцах, под-

бежал к лошади колдуна и стал потрошить его седельные сумки, пока не нашел свой меч. В это время Оладан в грязи боролся с Агоносвосом.

Хокмун прыгнул к ним, но не рискнул ударить мечом, боясь задеть друга. Он наклонился и, выбрав момент, толкнул Агоносвоса в плечо так, что тот попятился. Он услышал разгневанный крик из-под шлема, и колдун выхватил свою шпагу.

Шпага, точно нацеленная в Хокмуна, со свистом рассекла воздух. Хокмун, который все еще с трудом стоял на ногах, отразил тем не менее этот удар, но попятился. Колдун ударил снова.

Привычно отбив лезвие шпаги в сторону, Хокмун направил свой удар в голову Агоносвоса, промахнулся и в самый последний миг отразил очередной выпад колдуна. Увидев незащищенное место, Хокмун сделал прямой выпад в живот противника. Тот закричал и попятился, почти не сгибая ног, что было крайне странно, схватившись руками за меч Хокмуна, который после удара был вырван из его рук. Затем колдун широко распростер руки, начал было что-то говорить, но упал навзничь, разбрызгивая грязь и воду.

Оладан поднялся из грязи, и его с трудом можно было узнать. Колчан со стрелами оторвался от пояса, он внимательно рассматривал его.

— Много порченных,— сказал он,— но скоро мне удастся возместить потерю.

— Где ты их достал?

— Прошлой ночью я решил обследовать лагерь Агоносвоса. В одном из фургонов я нашел лук со стрелами и решил, что они могут мне пригодиться. Возвращаясь, я увидел, как Агоносвос входит в наш фургон, и угадал его намерения, поэтому я спрятался и последовал за вами утром.

— Но как тебе удалось не отстать от столь быстрых лошадей?

— Я нашел еще более быстрого союзника,— усмехнулся Оладан и указал на просвет между деревьями.

По направлению к ним двигалось гротескное создание с непомерно длинными ногами, хотя остальное тело было нормальных пропорций.

— Это Влеспин. Он ненавидит Агоносвоса.

Влеспин склонил голову набок и посмотрел на них.

— Ты убил его,— произнес он,— это хорошо.

Тем временем Оладан осматривал багаж колдуна. Из одной сумки он достал лист пергамента.

— Карта. И вполне достаточно съестных припасов, чтобы мы втроем добрались до побережья.— Он развернул карту.— Это совсем недалеко.

Они сгрудились возле карты, и Хокмун узнал, что они находятся на расстоянии не больше ста миль от побережья Мармианского моря.

Влеспин отошел от них к месту, где упал Агоносвос, может быть, чтобы позлорадствовать над трупом.

Буквально через несколько мгновений они вдруг слышали его дикий вопль, быстро повернувшись, увидели колдуна, который шел к ним на

своих странно негнущихся ногах, держа меч, что убил его. Меч взлетел вверх и глубоко погрузился в живот Влеспина. Ноги великана подломились, он упал, некоторое время продолжая дергать ими в воздухе, как кукла, а потом остался лежать неподвижно.

Хокмун ужаснулся, не в состоянии решить, что можно сказать или сделать.

Из-под шлема донесся сухой смехок.

— Глупцы! Я прожил девятьсот лет. За это время я успел изучить, как избегать смерти в любой форме.

Не раздумывая, Хокмун бросился на него, потому что прекрасно понимал, что это единственный шанс спасти их жизни, так как оружия у него больше не было. И хоть Агоносвос выжил после того удара, который просто не мог быть несмертельным, он явно чувствовал себя ослабевшим.

Хокмун и колдун боролись на краю большой лужи, а Оладан в это время пританцовывал вокруг них, выбирая момент броситься на спину колдуна и сорвать с него шлем.

Агоносвос внезапно взвыл, и Хокмун ощутил приступ тошноты, когда посмотрел на открывшуюся его глазам бесплотную голову.

Это было лицо трупа, которого давным-давно пожрали могильные черви. Агоносвос закрыл лицо руками и попятился.

Хокмун подобрал свой меч, выпавший из рук колдуна, и пошел сесть заново лошадь с голубой гривой, спокойно стоявшую на прежнем месте.

Откуда-то из леса он услышал голос, обращавшийся к нему.

— Я никогда этого не забуду, Дориан Хокмун. Ты еще послужишь развлечением для барона Мелиадуса — и я тоже буду, чтобы понаблюдать за этим зрелищем.

Хокмун задрожал и пришпорил свою лошадь, развернув ее на юг, где, если верить карте, находилось Мармианское море.

Через пару дней облака разошлись, с голубого неба засияло желтое солнце, а впереди, возле сверкающей поверхности моря они увидели город, откуда корабли отправлялись в Турцию.

Г л а в а 3

ВОИН В ЧЕРНОМ И ЗОЛОТОМ

Тяжело груженный туркианский корабль шел по спокойным водам моря, разбрасывая пенные брызги, а его единственный треугольный парус надувался, как крыло птицы, под сильным ветром. Капитан судна в обшитой золотом шапочке и длинном сюртуке, полы которого были прикреплены к штанинам с помощью золотых лент, стоял вместе с Хокмуном и Оладаном на корме корабля. Большим пальцем руки он указал на двух лошадей с голубыми гривами, помещенных в загон на нижней палубе.

— Прекрасные лошади, господа. Никогда не видел подобных в наших местах. — Он дотронулся до своей треугольной эспаньолки. — Не хотите продать их? Я наполовину владелец этого судна и могу предложить за них хорошую цену.

— Эти лошади для меня дороже любых сокровищ, — покачал головой Хокмун.

— Могу в это поверить, — ответил капитан, неверно истолковав слова Хокмуна.

Он поднял голову, глядя на матроса на мачте, который что-то кричал и махал руками, указывая на запад.

Хокмун тоже взглянул в указанном направлении и заметил на горизонте три небольших быстро приближающихся паруса. Капитан поднес к глазам подзорную трубу.

— Клянусь Ракаром — корабли Темной Империи!

Он передал трубу Хокмуну. Теперь тот ясно разглядел черные паруса кораблей. На каждом парусе была нарисована акула — символ боевых кораблей флота Империи.

— Это для нас опасно? — спросил он.

— Это опасно для всех, кто не гранбританец, — нахмурился капитан. — Нам остается только молиться, чтобы они нас не заметили. Их корабли бороздят теперь море. Всего лишь год назад... — Он замолчал, чтобы отдать приказания своим людям. Корабль развернуло, и он рванулся вперед, когда подняли боковые паруса. — ...Всего лишь год назад их было совсем немного здесь, и в наших краях мирно шла торговля. Сейчас — они властвуют над морями. Их армия есть в Турции, Персии, Сирии — повсюду они провоцируют восстание, поддерживая жителей, недовольных властью. Лично я думаю, что скоро весь Восток будет у них под каблуком, так же как и Запад, — не пройдет и двух лет.

Скоро корабли Темной Империи исчезли за горизонтом, и капитан вздохнул с облегчением.

— Все равно покоя не будет, — сказал он, — пока я не окажусь в порту.

Перед самым заходом солнца показался туркианский порт, и они были вынуждены оставаться в открытом море до утра, чтобы вместе с приливом войти в порт и встать на якорь.

Спустя какое-то время в гавань вошли три корабля Темной Империи, и Хокмун с Оладаном поспешили обзавестись провизией для продолжения своего путешествия и, справляясь по добытой ими карте, отправились на Восток, в Персию.

* * *

Всего лишь за неделю великолепные скакуны унесли их далеко за Анкару через Кизилирманскую реку, и они неслись по холмам страны, где под палящим солнцем все казалось либо желтым, либо коричневым. Несколько раз они видели, как мимо них проходили целые армии, но

таких встреч они избегали. Эти армии, в основном, состояли из местных отрядов, но часто командовали ими воины в масках Гранбритании. Хокмуна это тревожило, поскольку он никак не ожидал, что сфера влияния Темной Империи распространилась столь далеко. Однажды с большого расстояния они наблюдали за битвой, глядя, как дисциплинированные войска Гранбритании легко смяли выставленные против них отряды. Хокмун в отчаянии все быстрее погонял своего коня по направлению к Персии.

* * *

Через месяц, когда их лошади мягко ступали по берегу большого озера, они внезапно увидели отряд, состоявший из двадцати воинов. Отряд показался на вершине холма. Воины тут же пустили своих лошадей в галоп и направились к путешественникам. Маски солдат блестели на солнце, делая их внешний вид еще более свирепым, — маски Ордена Волка.

— Хо! Парочка, которую ищет наш господин, — вскричал один из передовых всадников. — За высокого обещана большая награда, если мы возьмем его в плен живым.

Оладан хладнокровно заметил:

— Боюсь, лорд Дориан, что мы с тобой обречены.

— Заставь их убить тебя, — хмуро посоветовал Хокмун, вытаскивая меч из ножен.

Если бы их лошади не так устали, они с легкостью умчались бы от солдат, но сейчас это было невозможно.

Всадники в масках Волка окружили их со всех сторон. У Хокмуна было небольшое преимущество, так как он желал только убивать, а они желали взять его в плен живым. Одного из них он ударил прямо в маску рукояткой меча, проткнул второму плечо, третьему — живот, а четвертого выбил из седла.

Теперь они бились на мелководье, и под ногами лошадей плескалась вода. Хокмун видел, что Оладан справляется совсем неплохо, но затем мохнатый человечек вскрикнул и рухнул с седла. Хокмун не видел, что там произошло, потому что его самого сильно теснили, но он выругался и стал биться с пущей яростью.

Все сильнее сжималось вокруг него полукольцо, и Хокмун ощутил, что ему не хватает пространства, чтобы замахиваться мечом как следует. Он понял, что через несколько мгновений его схватят. Он продолжал драться изо всех сил, не слыша ничего, кроме звона металла, не чувствуя никаких запахов, кроме запаха крови.

Вдруг он заметил, что давление на него ослабло, и сквозь лес шпиг увидел, что у него появился союзник. Он видел этого человека и раньше, но только во сне, либо в видениях, близких ко сну. Это был рыцарь, который являлся к нему сначала во Франции, а потом в Камарге. Он был полностью закован в черные и золотые доспехи, большой шлем закрывал его лицо. Он бился мечом длиной футов шесть и сидел на

коне серой масти, не уступавшем по величине лошади Хокмуна. С каждым его ударом падал один солдат, и вскоре в седлах осталось лишь несколько воинов Ордена Волка, которые, не выдержав, повернули своих коней и галопом поскакали прочь, оставив за собой убитых и раненых товарищей.

Хокмун увидел, как один из раненых поднимается на ноги, а рядом с ним встает еще один человек, и понял, что второй был Оладан. Оладан все еще держал в руках свою шпагу, отчаянно обороняясь от поднявшегося гранбретанца. Хокмун подстегнул свою лошадь по мелководу и сильным ударом сади проткнул нападавшего на Оладана солдата, пробив его кольчугу и двойную кожаную куртку. Застонав, тот упал, и кровь его окрасила воду.

Хокмун повернулся туда, где на коне восседал Рыцарь в Черном и Золотом, наблюдая за ним спокойно и молча.

— Благодарю вас, милорд,— сказал Хокмун.— Вы прошли за мной долгий путь, если я правильно понимаю.

Он сунул свой меч в ножны.

— Более долгий, чем ты можешь себе представить или вообразить, Дориан Хокмун,— донесся до него богатый модуляциями красивый голос Рыцаря.— Ты едешь в Хамадан?

— Да, чтобы найти там волшебника Малагиджи.

— Прекрасно. Я поеду с тобой часть пути. Теперь осталось совсем немного.

— Но кто ты? Кого я должен благодарить?

— Я — Рыцарь в Черном и Золотом. Не надо благодарить меня за то, что я спас тебя. Ты еще не понимаешь, для чего я тебя спас. Поехали.— И с этими словами Рыцарь вывел их из озера. Немногим позже, когда они отдохнули и поели, Рыцарь, сидевший подогнув одну ногу под себя, поднял голову, когда Хокмун спросил:

— Скажи, ты знаешь этого Малагиджи? Согласится он помочь мне?

— Я знаю его,— ответил Рыцарь в Черном и Золотом.— Возможно, он поможет тебе. Но ты должен знать: в Хамадане сейчас идет гражданская война. Брат Королевы Фраубры, Нагак, строит против нее козни и его поддерживают многие носящие маски, с которыми мы бились сегодня возле озера.

Г л а в а 4

МАЛАГИДЖИ

Через неделю они глядели сверху на город Хамадан, белый и сверкающий в солнечном свете шпильями, куполами и минаретами, выкрашенными в золотой, серебряный и жемчужный цвета.

— Теперь я вас оставлю,— сказал загадочный Рыцарь, поворачивая своего коня.— Прощай, Дориан Хокмун. Нет сомнения, что мы еще встретимся.

Хокмун посмотрел, как он удаляется среди холмов. Вместе с Оладаном они прищипорили своих коней и поскакали к городу.

Но когда они приблизились к воротам города, из-за стен донесся шум. Это мог быть только шум битвы: раздавались крики солдат и хрипы животных, и внезапно из ворот вылетел отряд солдат, многие из которых были ранены. Хокмун и Оладан попытались отвести своих коней в сторону, но почти сразу же оказались в кольце убегавшей армии. Мимо них проскакала группа всадников, и Хокмун слышал, как один из них крикнул:

— Все пропало! Нагак выиграл!

Позади войска катилась большая бронзовая военная колесница, запряженная четырьмя вороньими лошадьми. В ней сидела женщина с волосами черного цвета, одетая в голубые доспехи, и кричала своим воинам, чтобы они остановились и сражались. Женщина была молода и очень красива, у нее были огромные черные, чуть раскосые глаза, в которых сверкал гнев и отчаяние. В одной руке она держала скипетр.

Увидев Хокмуна и Оладана, она натянула поводья.

— Кто вы? Тоже наемники Темной Империи?

— Нет, я враг Темной Империи, — ответил Хокмун. — Но что здесь происходит?

— Восстание. Мой брат, Нагак, и его приспешники прошли тайным подземным ходом из пустыни и застали нас врасплох. Если вы враг Гранбритании, вам лучше бежать как можно скорее! Они привели с собой боевых животных, которые...

И она снова принялась кричать что-то своим людям и двинулась вперед.

— Нам лучше будет вернуться в холмы, — пробормотал Оладан, но Хокмун покачал головой.

— Я должен найти Малагиджи. Он в городе. У меня слишком мало времени.

Прищипорив лошадей, они въехали в город. Кое-где на улицах происходили стычки, и конусообразные шлемы местных солдат смешивались с волчьими шлемами воинов Гранбритании. Стоял звон оружия. Хокмун и Оладан свернули на боковую улицу, где почти не сражались, и проехали по ней до площади. На противоположной ее стороне они увидели гигантских зверей, похожих на летучих мышей, но с длинными лапами и изогнутыми когтями. Они кидались на отступавших воинов, и некоторые уже пожирали трупы. Тут и там люди Нагака старались заставить эти чудовища продолжать сражение, но было ясно, что гигантские летучие мыши выполнили свое предназначение.

Внезапно один из зверей повернулся и заметил Хокмуна и Оладана. Хокмун крикнул Оладану, чтобы тот следовал за ним в узкую боковую улочку, но чудище бросилось за ними в погоню, где бегом, а где — помогая себе крыльями, хлопающими в воздухе. Из пасти чудовища вырвался омерзительный свистящий звук, а тело издавало одуряюще тошнотворный запах. Они въехали в улочку, но зверь невообразимым

способом втиснулся между домами и продолжал их преследовать. Вдруг с противоположного конца улочки показалось пять или шесть воинов в масках Волка. Хокмун выхватил меч и вступил в бой. Да ему ничего другого и не оставалось.

Первого солдата он встретил таким ударом, что тот сразу же вылетел из седла. По плечу Хокмуна ударила шпага, он почувствовал, что ранен, но продолжал сражаться, несмотря на боль. Громко закричал боевой зверь, и солдаты в масках стали в панике пятиться.

Хокмун и Оладан прорвались сквозь их строй и выехали на большую площадь, где не было ни одного живого человека. Всюду на площади, на ее тротуарах и мостовых валялись трупы. Хокмун увидел, как человек в желтой накидке выскочил из дверей, наклонился над трупом и срезал с него кошелек и кинжал с драгоценной рукояткой. Человек этот вскинул голову и попытался ускользнуть в дом, когда увидел герцога Кельнского, но Оладан преградил ему дорогу. Хокмун приставил меч к шее вора.

— Как проехать в дом Малагиджи?

Человек вытянул вперед дрожащий палец и выдавил из себя охрипшим голосом:

— Вон туда, господа. Дом с куполом, на серебряной крыше которого слоновой костью выложены знаки зодиака. Вот по этой улице. Не убивайте меня. Я...

Он облегченно вздохнул, когда Хокмун повернул коня и поскакал по указанной ему улице.

Скоро они увидели дом с куполом и знаками зодиака на крыше. Хокмун остановился у ворот и постучал рукояткой меча. Голова его снова начала гудеть, и он инстинктивно чувствовал, что заклинания графа Брасса не смогут удерживать жизненную силу Черного Камня. Он понимал, что ему следовало бы прийти к дому волшебника с более учтивыми манерами, но на это не было времени, так как солдаты Гранбретани сновали взад и вперед по улицам. Над их головами две гигантские летучие мыши били крыльями, выскивая новые жертвы.

Ворота распахнулись, и четыре негра-великана, вооруженные пиками и одетые в пурпурные робы, преградили им путь. Хокмун попробовал проехать мимо них, но на него немедленно наставили пики.

— Какое у тебя дело к нашему господину Малагиджи? — спросил один из негров.

— Я ишу его помощи. Это дело большой важности. Мне угрожает смерть.

На ступеньках, ведущих в дом, появился человек. Он был одет в простую белую тогу. У него были длинные седые волосы и гладко выбритое лицо. Это было лицо старика, оно было все в морщинах, но кожа выглядела удивительно молодой.

— А почему Малагиджи должен помочь вам? — спросил человек. — Вы, как я вижу, с Запада. Люди Запада приносят в Хамадан лишь войну и разрушение. Уходите! Я не желаю иметь с вами никакого дела.

— Вы — лорд Малагиджи? — спросил Хокмун. — Но я стал жертвой именно этих людей. Помогите мне, и я помогу вам избавиться от них. Пожалуйста, я умоляю вас...

— Уходите! Я не желаю принимать никакого участия в ваших внутренних войнах!

Негры оттеснили их и захлопнули ворота.

В исступлении Хокмун принялся изо всех сил барабанить в ворота, но Оладан схватил его за руку и указал в другом направлении. По улице, направляясь к ним, скакали шестеро всадников в масках Волка. Ими командовал человек, чью резную причудливую маску Хокмун сразу же узнал.

— Ха! Близится твое время, Хокмун! — в восторге закричал барон Мелиадус и, выхватывая меч, ринулся вперед.

Хокмун развернул свою лошадь. Хотя ненависть его к Мелиадусу оставалась столь же сильной, что и прежде, он знал, что не может сразиться с ним сейчас. Так что Хокмун и Оладан направились обратно по улице, быстро теряя барона и его людей из виду.

Агоносвос через своего посланца, должно быть, передал барону, куда направляется Хокмун, и Мелиадус, вероятно, специально явился сюда со своими людьми, чтобы взять Хокмуна и заодно удовлетворить свое чувство мести.

Долго кружили по узким улочкам города Хокмун и Оладан, пока окончательно не оторвались от преследования.

— Мы должны уйти из города! — крикнул Хокмун Оладану. — Это наш единственный шанс. Может быть, позже нам удастся незамеченными проскользнуть обратно и убедить Малагиджи помочь нам...

Голос его затих, когда одна из отвратительных летучих мышей спикировала и опустилась прямо перед ними, наступая, вытянув вперед мощные лапы с когтями. Позади этой гигантской летучей мыши виднелись ворота, за ними была их свобода.

Хокмун настолько отчаялся от отказа Малагиджи, что, не задумываясь, бросился в атаку на боевого зверя, рубя мечом его когти и тесня назад. Зверь засвистел и ударил когтями, схватив Хокмуна за раненое плечо. Молодой герцог снова и снова рубил мечом и, в конце концов, отрубил лапу зверя. Широко открылся клюв, ударив Хокмуна сверху вниз. Лошадь попятилась, а Хокмун с силой делал выпад прямо вверх, целясь в большой стеклянный глаз. Меч вошел, как в тесто. Зверь закричал. Из раны полилась желтая жидкость.

Хокмун ударил еще. Покачнувшись, зверь стал падать на него. В самый последний момент Хокмуну удалось отвести коня — мгновением позже гигантская туша просто задавила бы его. Теперь он пришпорил коня и поскакал к холмам. Оладан следовал за ним с криком:

— Ты убил ее! Это неслыханно, лорд Дориан!

И крохотный человечек засмеялся свирепо и радостно.

Скоро они были среди холмов, присоединившись к сотням солдат, оставшихся в живых после битвы за город. Они ехали медленно, но в конце концов добрались до небольшой долины, где увидели уже знакомую колесницу. Там же сосредоточилось множество солдат, рядами лежавших на земле, а женщина с волосами цвета воронова крыла ходила между ними. Возле колесницы Хокмун заметил еще одно знакомое лицо. Это был Рыцарь в Черном и Золотом, и казалось, он поджидал именно Хокмуна.

Доехав до Рыцаря, Хокмун спешил. Подошла и Королева. Она облокотилась о свою колесницу, а в глазах ее все еще сверкал гнев, замеченный Хокмуном раньше.

Из-под шлема прозвучал красивый голос Рыцаря в Черном и Золотом, и речь его была до странности лаконична:

— Значит, Малагиджи отказался тебе помочь?

Хокмун покачал головой, без особого любопытства разглядывая женщину. Его переполняло разочарование, которое постепенно уступило место тому необузданному фатализму, спасшему их жизни, когда дорогу им пересекла гигантская летучая мышь.

— Теперь я — человек конченный, — произнес Хокмун. — Но по крайней мере я могу вернуться и попытаться найти способ уничтожить Мелиадуса.

— Наши желания совпадают, — сказала женщина. — Я — Королева Фраубра. Мой брат-предатель претендует на престол, пытаюсь добыть его с помощью этого Мелиадуса и его людей. Может быть, он уже захватил власть. Пока я еще не могу сказать точно, но, по-моему, противник превосходит нас, и вряд ли нам удастся отбить город.

— А если бы на это был хоть шанс, вы бы рискнули? — задумчиво посмотрел на нее Хокмун.

— Если бы даже не было никакого шанса, я все равно рискнула бы! — воскликнула женщина. — Но я не уверена, что мои солдаты последуют за мной.

В этот момент в лагере появились три всадника. Королева Фраубра окликнула их:

— Вы только из города?

— Да, — ответил один из них. — Там идет грабеж. Никогда еще не видел таких свирепых завоевателей, как эти с Запада. Их предводитель — такой большой мужчина — ворвался в дом Малагиджи и сделал его своим пленником.

— Что? — вскрикнул Хокмун. — Значит, Мелиадус взял волшебника в плен? Ах, значит для меня вообще не осталось ни единого шанса!

— Ерунда, — вмешался в разговор Рыцарь в Черном и Золотом. — Надежда есть. Пока Мелиадус держит Малагиджи живым — а этого можно ожидать, потому что волшебник знает много секретов, которые Мелиадус хотел бы изучить, — у тебя есть шанс. Ты должен вернуться в Хамадан вместе с армией Королевы Фраубры, занять город и освободить Малагиджи.

— Но есть ли у меня на это время? — пожал плечами Хокмун.— Черный Камень становится теплым. Это означает, что его жизненная сила возвращается: Скоро я стану просто безумным существом...

— Значит, терять тебе нечего, лорд Дориан,— вставил Оладан. Он положил свою мохнатую лапу-руку на плечо Хокмуна и дружески сжал его.— Вообще нечего терять.

Хокмун горько засмеялся, стряхивая с плеча руку друга.

— Да, ты прав. Нечего. Ну что ж, Королева Фраубра, а что скажешь ты?

Женщина в голубых доспехах ответила:

— Давайте поговорим с моим войском.

Чуть позже, стоя в боевой колеснице Королевы, Хокмун обратился с речью к утомленным битвой солдатам:

— Люди Хамадана, много сотен миль прошел я с Запада до этих мест. Почти все земли Запада захвачены гранбританцами. Мой отец погиб, замученный пытками тем самым бароном Мелиадусом, который сегодня ведет врагов вашей Королевы. Я видел, как целые нации и народы исчезали с лица земли, а оставшихся в живых либо добивали, либо брали в рабство. Я видел, как маленьких детей распинали на крестах и вешали на виселицах. Я видел, как храбрых воинов превращали в воющих собак.

Я знаю, что вы, должно быть, считаете бесполезным сопротивляться солдатам Темной Империи, но я знаю, что их можно победить. Лично я был командиром армии численностью всего в тысячу человек, и эта армия обратила в бегство войско Гранбритании, которое превосходило по меньшей мере в двадцать раз. Наша воля к жизни помогла нам совершить это — наше знание, что даже если мы убежим, нас все равно рано или поздно найдут и все равно мы умрем на потеху Лордов Темной Империи.

По крайней мере вы можете умереть храбро, как настоящие мужчины— и знайте, что есть шанс победить врагов, которые сегодня заняли ваш город...

Он продолжал говорить и постепенно усталые воины начали распрямлять спины. Некоторые что-то кричали ему в знак приветствия. Затем на колесницу поднялась Королева Фраубра и крикнула своим людям, чтобы они следовали за Хокмуном в Хамадан сразиться с врагом, когда он не ожидает такого удара, когда после победы солдаты напьются и будут драться при дележе добычи.

Слова Хокмуна позволили им воспрять духом, а Королева Фраубра логично показала им шанс на удачу. Они стали приводить в порядок доспехи, оружие, седлать своих лошадей.

— Мы нападём на них сегодня ночью,— крикнула Королева,— чтобы они не успели узнать о наших планах.

— Думаю, мне будет лучше отправиться с вами,— сказал Рыцарь в Черном и Золотом.

Той же ночью направились они в Хамадан, где солдаты-победители праздновали победу и ворота так и остались распахнутыми настежь и

практически не охраняемыми, а боевые звери, напоминающие гигантских летучих мышей, спали беспробудным сном, потому что желудки их были переполнены добычей.

Г л а в а 5

ЖИЗНЕННАЯ СИЛА ЧЕРНОГО КАМНЯ

Они ворвались в город и принялись рубить направо и налево, прежде чем противник осознал, что случилось. Вел их Хокмун. Голова у него раскалывалась, а Черный Камень сильно пульсировал посреди лба. Лицо у него было белое, перекошенное, на нем застыло такое непонятное выражение, что солдаты противника разбежались в стороны, когда лошадь вздымалась на дыбы, а Хокмун кричал страшным голосом:

— Хокмун! Хокмун! — нещадно убивая всякого, кто попадался на пути.

Чуть позади него скакал Рыцарь в Черном и Золотом, спокойно и неторопливо расправляясь с противником. Неподалеку сражалась и Королева Фраубра, наезжая на отряды захваченных врасплох солдат колесницей, а Оладан из Разбойничьих Гор привставал на стремянах и пускал во врага стрелу за стрелой.

Улица за улицей теснили они врага, войска Нагака и наемников в волчьих масках, по всему городу. Хокмун увидел купол дома Малагиджи и, перескочив на своей лошади через головы тех, кто преграждал ему путь, доскакал до стены, встав на спину лошади, ухватился за нее руками и перепрыгнул во двор.

Он чуть не упал, споткнувшись о тело распростертого негра, одного из телохранителей Малагиджи. Хокмун бросился к дому. Дверь была сорвана с петель, а внутри царил хаос.

Пробираясь через обломки мебели, Хокмун добрался до узкой лестницы. Несомненно, она вела в лабораторию волшебника. Он поднялся по лестнице до половины, когда дверь наверху распахнулась и из нее вышли два солдата в масках Волка, устремившись вниз, чтобы встретить его со шпагами наголо. Хокмун поднял меч, на лице его застыла злобная усмешка, глаза сверкали, и безумие, сквозившее в них, смешалось с яростью и отчаянием. Дважды, подобно молнии, сверкнул его меч, и два трупа покатались по ступенькам, а Хокмун ворвался в комнату. Там стоял Малагиджи, привязанный к стене, и на теле его были видны следы пыток.

Хокмун перерезал веревки и мягко опустил старика на кушетку, стоявшую в углу. Повсюду на скамейках находились алхимические аппараты и небольшие машины. Малагиджи пошевелился и открыл глаза.

— Вы должны помочь мне, сэр, — с трудом ворочая языком проговорил Хокмун. — Я пришел в этот дом, чтобы спасти вашу жизнь. Вы, по крайней мере, можете попробовать спасти мою.

Малагиджи приподнялся на кушетке, морщась от боли.

— Я уже сказал тебе — я ничего не собираюсь делать ни для одной из сторон. Можешь попытать меня, как это только что делали твои соотечественники, но я не...

— Черт побери! — выругался Хокмун. — Голова моя в огне. Если я дождусь до утра, можно считать, что мне крупно повезло. Вы не должны мне отказывать. Я прошел многие тысячи миль, чтобы получить вашу помощь. Я такая же жертва Гранбритании, как и вы. Больше. Я...

— Докажи это, и, возможно, я помогу тебе, — ответил Малагиджи. — Выгони из города захватчиков и возвращайся.

— Тогда будет слишком поздно. У камня есть своя жизненная сила. В любую минуту...

— Докажи это, — прервал его Малагиджи и откинулся на кушетке.

Хокмун приподнял свой меч. В отчаянии и слепой ярости он был готов убить старика. Но через мгновение повернулся и выскочил вон. Он сбежал по лестнице во двор и вскочил на спину своей лошади.

Наконец ему удалось найти Оладана.

— Как идет сражение? — крикнул Хокмун, стараясь перекричать шум битвы.

— Не слишком удачно, по-моему, не слишком. Мелиадус и Нагак перегруппировали свои силы и держат в руках большую часть города. Основные их силы располагаются на центральной площади, где Дворец. Королева Фраубра и твой друг Рыцарь атакуют их, но я боюсь, что это бесполезно.

— Поехали, посмотрим сами, — сказал Хокмун, дергая поводья и продираясь сквозь дерущихся воинов, убивая врагов.

Оладана не пришлось уговаривать, он следовал за Хокмуном и вскоре они оказались на центральной площади, где армии стояли лицом друг к другу. Впереди своих солдат держался барон Мелиадус и Нагак, у которого был глуповатый вид и который явно был лишь оружием в руках барона Темной Империи. Напротив них находились Королева Фраубра в своей боевой колеснице и Рыцарь в Черном и Золотом.

Когда Хокмун и Оладан въехали на площадь, они слышали громкий голос барона, звучавший над мерцающим светом факелов, что озаряли обе армии.

— Где этот предатель и трус Хокмун? Запрытался в нору?

Хокмун проехал через отряды воинов, отмечая, что их совсем немного.

— Я здесь, Мелиадус. Я пришел уничтожить тебя.

— Уничтожить меня? — рассмеялся Мелиадус. — Да знаешь ли ты, что живешь лишь потому, что таков мой каприз? Чувствуешь ли ты Черный Камень, Хокмун, камень, готовый пожрать твой мозг?

Непроизвольно Хокмун дотронулся до своего пульсирующего лба, ощутив под пальцами злое тепло Черного Камня. Он знал, что барон сказал правду.

— Так чего же ты хочешь, чего ждешь? — угрожающе спросил он барона.

— Я жду, чтобы предложить тебе договор. Скажи этим глупцам, что битва бессмысленна. Скажи, чтобы они сложили оружие, и тогда я сделаю так, чтобы тебя не постигла самая страшная из всех возможных судьба.

Только сейчас Хокмун осознал, что остается живым лишь потому, что такова воля или каприз его врагов. Мелиадус сдержал обещание немедленно отомстить ему в надежде, что сможет спасти Гранбретань от дальнейших потерь.

Хокмун остановился. В рядах его солдат царила напряженная тишина — все ждали, что он ответит. Он понимал, что от его решения зависит и судьба Хамадана. Он сидел на лошади, не зная, что же делать, как Оладан тихонько подтолкнул его под руку.

— Лорд Дориан, возьми-ка это, — прошептал он.

Хокмун взглянул вниз на предмет, что протягивал ему Оладан. Это был шлем. Сначала Хокмун не узнал его. Затем до него дошло, что это тот самый шлем, что Оладан стянул с головы Агносовоса. Хокмун вспомнил вид той отвратительной головы, что носила этот шлем, и его передернуло.

— Зачем? Эта вещь осквернена.

— Мой отец был волшебником, — напомнил Оладан. — Он научил меня своим секретам. Этот шлем обладает определенными свойствами. В него встроены приспособления, которые на время защитят тебя от Черного Камня. Прошу тебя, милорд, надень его поскорей.

— Как я могу быть уверен...

— Надень, и все узнаешь.

Снеохотой натянул Хокмун шлем волшебника, сняв свой. Шлем еле-еле влез на его голову и она, казалось, была сильно сдавлена, но он почувствовал, что Черный Камень пульсирует с меньшей силой. Он облегченно улыбнулся. Хокмун выхватил свой меч.

— Вот мой ответ, Мелиадус, — воскликнул он и, пришпорив коня, налетел на ошарашенного лорда Темной Империи.

Мелиадус выругался и принялся поспешно вытаскивать свой меч из ножен. Он едва успел это сделать, как меч Хокмуна ударил его по шлему Волка и сбил с головы. Показалось рассерженное и одновременно удивленное лицо барона. Позади Хокмуна раздались приветственные крики солдат, которых повели в бой Оладан, Королева Фраубра и Рыцарь в Черном и Золотом. Армия Хамадана смешалась с вражескими солдатами и начала теснить врагов к воротам Дворца.

Уголком глаза Хокмун приметил, как Королева Фраубра наклонилась из своей колесницы и полусогнутой рукой захватила шею брата, выбивая его из седла. Рука ее поднялась и мелькнула дважды, в ней сверкал окровавленный кинжал, и труп Нагака, упав на землю, был растоптан копытами лошадей солдат, следовавших за Королевой.

Хокмуна все еще вело вперед слепое сознание того, что шлем Агносовоса не сможет долго служить ему защитой. Он быстро орудовал в воздухе своим мечом, нанося барону Мелиадусу удар за ударом, которые барон

с такой же скоростью парировал. Лицо Мелиадуса было так же страшно перекошено, как и его маска, которую он потерял. Ненависть, горящая в его глазах, не уступала ненависти, горящей в глазах Хокмуна.

Мечи их звенели ритмично, в боевой гармонии, каждый удар парировался, каждый удар возвращался, и казалось, они будут продолжать и продолжать, пока один из них не упадет просто от страшной усталости. Но группа дерущихся солдат стала теснить Хокмуна, заставив ее отступить. Лошадь при этом поднялась на дыбы, а Хокмун в результате потерял стремяна, и Мелиадус, злобно усмехнувшись, направил свой меч в незащищенную грудь Хокмуна. Силы в этом ударе не было, так как расстояние между ними оказалось достаточно велико, но он сослужил свою службу, потому что из-за потерянных стремян хватило небольшого толчка, чтобы Хокмун упал с седла. Он рухнул на землю, как раз под копыта коня Мелиадуса.

Он сразу откатился в сторону, когда барон попытался просто раздавить его копытами своего коня, вскочил на ноги и с отчаяньем стал защищаться от града ударов, которыми осыпал его торжествующий гранбретанец.

Дважды меч Мелиадуса ударил по шлему Агоносвоса, довольно основательно сминая его. Хокмун почувствовал, что Черный Камень снова начал сильно пульсировать. Он беззвучно вскрикнул и вплотную схватился с бароном.

Пораженный неожиданным маневром, Мелиадус замешкался, и его попытка отразить удар Хокмуна не была успешной. Меч Хокмуна пропахал борозду на одной стороне лица Мелиадуса, и казалось, все лицо было как бы разрезано надвое. Хлынула кровь, а рот барона скривился от боли и удивления. Он попытался стереть кровь с глаз, в это время Хокмун схватил его за руку, державшую меч, и швырнул на землю. Мелиадус вырвался, попятился, потом бросился на Хокмуна и движением настолько молниеносным, что его нельзя было разглядеть, ударил со столь огромной силой, что оба меча сломались.

Мгновение оба противника, тяжело дыша, стояли, не двигаясь и глядя друг на друга, потом каждый выхватил из-за пояса длинный кинжал, и они принялись кружить, стараясь как можно лучше нанести решающий удар. Красивые черты лица Мелиадуса были искажены яростью, и если он останется жив, то на лице всегда будет след от удара Хокмуна. Кровь все еще текла из раны на нагрудную пластину его доспехов.

Хокмуна быстро охватывала усталость. Рана, полученная им накануне, беспокоила его, а голова горела в огне от боли, вызванной Черным Камнем. Он почти ничего не мог видеть из-за этой боли и дважды споткнулся, чудом успевая выпрямиться, когда Мелиадус стремился ударить его.

Затем оба двинулись навстречу друг другу и пытались нанести тот единственный смертельный удар, который бы раз и навсегда покончил бы с их враждой. Мелиадус целился в глаз Хокмуна, но не рассчитал удар и кинжал скользнул по шлему. Кинжал Хокмуна дважды наце-

ливался поразить шею барона, но каждый раз рука Мелиадуса хватала его за кисть и отворачивала кинжал.

Этот танец смерти затягивался, и они все еще боролись грудью в грудь, стараясь нанести решающий удар. Дыхание вырывалось из их легких с хрипом, тела ломило от усталости, но свирепая ненависть горела в их глазах и не могла угаснуть, пока один из них не упадет мертвым.

Битва вокруг них продолжалась, и войска Королевы Фраубры теснили вражескую армию. Теперь около них, бьющихся насмерть, не дрался никто, их окружали только трупы.

Разгоравшаяся заря окрашивала небо.

Рука Мелиадуса дрожала, когда Хокмун пытался отогнуть ее и заставить отпустить его кисть. Свободная рука Хокмуна слабела все больше, еле сдерживая натиск Мелиадуса, потому что это была раненая рука. В отчаянии Хокмун ударил своим закованным в железо коленом в живот барона, тоже закованный в железо. Мелиадус попятился. Нога его зацепилась за упряжь одной из лошадей, и он упал. Пытаясь подняться, он еще больше запутался, и глаза его наполнились ужасом, когда он увидел, как Хокмун, еле держась на ногах, приближается к нему.

Хокмун занес кинжал. В голове у него все поплыло. Он бросился на барона сверху, затем почувствовал, как на него обрушивается чудовищная слабость, и кинжал выпал из его руки.

Вслепую он попытался нащупать свое оружие, но сознание ускользало. С безнадежностью фаталиста он понял, что Мелиадус может убить его как раз в то мгновение, когда он победил его.

Г л а в а 6

СЛУГА РУННОГО ПОСОХА

Глядя сквозь прорезь шлема и моргая от яркого света, Хокмун открыл глаза. Голова его все еще горела, но ненависть и отчаяние, казалось, покинули его. Он чуть повернул голову и увидел рядом Оладана и Рыцаря в Черном и Золотом.

— Я не... умер? — слабым голосом спросил Хокмун.

— Вроде бы нет, — лаконично ответил Рыцарь. — Хотя, с другой стороны, может быть и да.

— Просто очень устал, — торопливо перебил его Оладан, кинув на Рыцаря недовольный взгляд. — Рану в твоей руке перевязали, и она скоро заживет.

— Где я? — спросил Хокмун. — Комната...

— Комната во Дворце Королевы Фраубры. Город в ее руках, враги убиты, захвачены в плен или бежали. Мы нашли тебя распростертым на теле барона Мелиадуса. Сначала мы подумали, что вы оба мертвы.

— Значит, Мелиадус мертв?

— Думаю, да. Когда мы вернулись за его телом, он исчез. Должно быть, его унесли его отступавшие солдаты.

— Ах, наконец-то он мертв,— с глубоким удовлетворением проговорил Хокмун.

Теперь, когда Мелиадус сполна заплатил за все свои преступления, Хокмун ощутил в своей душе мир и покой, несмотря на боль в голове, которая терзала его. Еще одна мысль пришла к нему:

— Малагиджи. Ты должен найти его. Скажи ему...

— Малагиджи скоро будет здесь. Когда он услышал о твоих подвигах, он сам решил прийти во Дворец.

— А он поможет мне?

— Не знаю,— ответил Оладан, вновь бросая взгляд на Рыцаря в Черном и Золотом.

Чуть позже вошла Королева Фраубра, а за ней шел волшебник с молодой кожей на старом лице, неся в руке предмет, покрытый тканью. Предмет этот размерами и очертаниями напоминал человеческую голову. — Лорд Малагиджи,— прошептал Хокмун, пытаюсь приподняться с кровати.

— Ты тот самый молодой человек, что преследовал меня последние два дня? Мне не видно твоего лица в этом шлеме.

Малагиджи говорил недружелюбно, и Хокмун вновь ощутил отчаянье.

— Я — Дориан Хокмун. Я доказал, что я — друг Хамадана. Мелиадус и Нагак уничтожены, вражеские армии ушли.

— Гмм? — Малагиджи нахмурился. — Мне рассказали о драгоценном камне в твоей голове. Я знаю о подобных существах и об их свойствах. Но в о з м о ж н о ли убрать их энергию, этого я сказать не могу.

— Мне сказали, что вы — единственный человек, способный сделать это,— сказал Хокмун.

— Был способен — да. Способен сейчас? Не знаю. Я старею.

Рыцарь в Черном и Золотом сделал шаг вперед и дотронулся до плеча Малагиджи.

— Ты знаешь меня, волшебник?

Малагиджи кивнул.

— Да, знаю.

— И ты знаешь ту Силу, которой я служу?

— Да. — Малагиджи нахмурился, переводя взгляд с Хокмуна на Рыцаря и обратно. — Но причем здесь этот молодой человек?

— Он тоже служит этой же Силе, хотя еще и не знает об этом.

Выражение лица Малагиджи стало решительным.

— Тогда я помогу ему,— решительно произнес он,— даже если это означает, что мне придется рискнуть собственной жизнью.

— Что все это значит? — приподнялся на постели Хокмун. — Кому я служу?

Вместо ответа Малагиджи снял покрывало с предмета, принесенного им. Это был шар, покрытый неровными рисунками, каждый из которых

сверкал собственным определенным цветом. Цвет и свет рисунков постоянно менялись, заставляя Хокмуна все время моргать.

— Прежде всего ты должен сосредоточиться, — сказал Малагиджи, поднося странный шар к голове Хокмуна. — Смотри пристально. Смотри, не отрывая глаз. Смотри, Дориан Хокмун, на все эти цвета...

Хокмун понял, что он уже больше не моргает и что даже не может оторвать взгляд от быстро меняющихся цветов в шаре. Его охватило чувство невесомости. Великолепного самочувствия. Он начал улыбаться, а потом все застлало туманом, и он, казалось, висел в этом теплом, мягком тумане вне пространства, вне времени.

С одной стороны, он полностью сохранил сознание, с другой — перестал ощущать окружающий мир.

Долгое время он оставался в таком состоянии, смутно понимая, что тело его, которое больше, по всей видимости, не являлось его частью, перемещали с одного места на другое.

Иногда нежные цвета тумана менялись от розоватых до небесно-голубых, но это было все, что он чувствовал. Он был спокоен, как никогда раньше, разве что в детстве, когда был совсем маленьким на руках матери.

Пастельные тона стали меняться на более темные, и чувство покоя постепенно им терялось, когда перед его глазами замелькали черные и ярко-красные молнии. Его затошнило, он ощутил страх и смертельную агонию и громко закричал...

Он открыл глаза, и в ужасе уставился на аппарат, стоявший перед ним. Это был точно такой же аппарат, что он видел в лабораториях Короля Гуона.

Может быть, он снова оказался в Лондре?

Черная, золотая и серебряная паутинки опять что-то шептали ему, но они не проникали в него, не ласкали его, как прежде, а, наоборот, сокращались и отдалялись от него, сжимаясь в плотный клубок. Хокмун осмотрелся и увидел Малагиджи, а за ним — лабораторию, ту самую, где он раньше спас волшебника от солдат Темной Империи.

Малагиджи выглядел утомленным, но на его старом лице можно было прочесть, тем не менее, чувство глубокого удовлетворения.

Он сделал шаг вперед, подошел к металлической коробке, собрал воедино машину Черного Камня, положил ее в эту коробку, захлопнул крышку, плотнее прижимая ее и запирая на ключ.

— Машина, — произнес Хокмун. — Как вам удалось достать ее?

— Я построил ее, — улыбнулся Малагиджи. — Я построил ее, герцог Хокмун, да! Это заняло у меня неделю интенсивной работы, пока ты лежал здесь, частично защищенный от воздействия другой машины, той, что находится в Лондре. Защищенный моими заклинаниями. Одно время я думал, что проиграл эту битву, но сегодня утром машина была завершена, но пока без единственного элемента...

— Какого?

— Ее жизненной силы. Это была критическая точка — смогу ли я правильно составить заклинание. Видишь ли, мне нужно было, чтобы вся жизненная сила Черного Камня заполнила твой мозг, а после этого оставалось лишь надеяться, что моя машина поглотит ее раньше, чем она пожрет твой мозг.

— Так оно и случилось, — с облегчением улыбнулся Хокмун.

— Да. По крайней мере сейчас ты можешь больше ничего не опасаться.

— Любые человеческие опасности я могу встречать смело и весело, — ответил Хокмун, поднимаясь с кушетки. — Я ваш должник, лорд Малагиджи. Если я могу хоть чем-нибудь послужить вам...

— Нет, мне ничего не нужно, — улыбнулся волшебник. — Мне достаточно радости, что у меня есть такая машина. — Он похлопал рукой по металлической коробке. — Возможно, когда-нибудь она мне пригодится. Кроме того...

Он нахмурился, глядя на Хокмуна.

— Что такое?

— А, ничего. — Малагиджи пожал плечами.

Хокмун дотронулся до головы. Черный Камень все еще был там, но на ощупь он был абсолютно холодным.

— Вы не удалили камень?

— Нет, хотя это и может быть сделано, если ты этого пожелаешь. Это будет обычная хирургическая операция — убрать его из твоей головы.

Хокмун был уже готов спросить, как это можно будет устроить, как новая мысль возникла у него.

— Нет, — произнес он после продолжительного молчания. — Нет, пусть остается как символ моей ненависти к Темной Империи. Я надеюсь, что скоро они научатся бояться этого символа.

— Значит, ты намереваешься продолжить борьбу с ними?

— Да, и с удвоенной силой после того, как вы освободили меня.

— Да, с этими силами надо бороться, — согласился Малагиджи. Он глубоко вздохнул. — А теперь я должен лечь отдохнуть. Я очень устал. Ты найдешь своих друзей во Дворце — они ждут тебя.

* * *

Хокмун спустился по лестнице и вышел во двор. Утро было теплое и яркое, пригревало солнышко. Он увидел Оладана, который улыбался на встречу ему всем своим мохнатым лицом. Рядом с ним высилась фигура Рыцаря в Черном и Золотом.

— Теперь ты полностью здоров? — спросил Рыцарь.

— Полностью.

— Отлично. Тогда я покину тебя. Прощай, Дориан Хокмун.

— Благодарю тебя за помощь, — сказал Хокмун вслед Рыцарю, направлявшемуся к своему боевому коню.

Но когда тот был уже готов вскочить в седло, Хокмун вспомнил и спросил:

— Подождите. Я должен узнать...

— Что такое? — Голова в шлеме медленно повернулась в его сторону.

— Это ведь ты убедил Малагиджи, что он должен помочь мне. Потому он справился с жизненной силой Черного Камня. Ты сказал ему, что я служу тем же Силам, которым служишь ты. Тем не менее, я не знаю никаких Сил, что властвовали бы надо мной.

— Когда-нибудь узнаешь.

— А что это за Силы, которым служишь ты?

— Я служу Рунному Посоху, — ответил Рыцарь в Черном и Золотом.

И вскочив в седло, он тронул поводья, чуть вонзив в бока лошади шпоры, и умчался через ворота раньше, чем Хокмун успел задать следующий вопрос.

— Рунный Посох, вот как? — прошептал Оладан, нахмурившись. — Я полагал, что это миф...

— Да, миф. Мне кажется, этот Рыцарь обожает загадочность. Вне всякого сомнения, он просто пошутил с нами. — Хокмун усмехнулся и хлопнул Оладана по плечу. — Если мы увидим его еще когда-нибудь, мы узнаем у него всю правду. А сейчас я зверски голоден. Как ты думаешь, хороший обед...

— Во Дворце Королевы Фраубры готовится банкет, — подмигнул Оладан. — Самый лучший из всех, что я когда-либо видел. И мне кажется, интерес Королевы к тебе можно объяснить не одной лишь признательностью за то, что ты помог ей вернуть трон.

— Вот как? Что ж, я все-таки надеюсь, что мне не придется ее разочаровать, друг Оладан, потому что я предназначен для женщины более чудесной, чем Фраубра.

— Разве такое возможно?

— Да. Пойдем, мой маленький друг, насладимся королевской пищей и будем готовиться к возвращению домой, на Запад.

— Неужели мы должны уехать так скоро? Мы здесь герои и, кроме того, мы ведь заслужили отдых, как ты считаешь?

— Оставайся и отдохни, — улыбнулся Хокмун. — Но мне надо сделать приготовления к свадьбе — моей свадьбе.

— Ох, ну ладно. — Оладан вздохнул в притворном разочаровании. — Такого события, конечно, я не могу пропустить. Придется мне, видимо, сократить мое пребывание в Хамадане.

* * *

На следующее утро Королева Фраубра лично проводила их до ворот Хамадана.

— Ты не хочешь подумать еще раз, Дориан Хокмун? Я предлагаю тебе трон, пытаясь захватить который погиб мой брат.

Хокмун посмотрел на запад. В двух тысячах миль и нескольких месяцах пути отсюда его ждала Ийссельда, не зная, добился ли он успеха в своем предприятии или стал жертвой Черного Камня. Граф Брасс тоже ожидал

его возвращения, а кроме того, было необходимо сообщить графу еще об одном бесславном деле Гранбретани. Несомненно, Боджентль вместе с Ийссельдой стояли сейчас на стене самой высокой башни Замка Брасс, глядя на дикие болота Камарга, утешая девушку, что ждала своего жениха, не зная даже, вернется он или нет.

Хокмун склонился с седла и поцеловал Королеву руку.

— Благодарю вас, Ваше Величество, для меня большая честь, что вы считаете меня достойным управлять страной вместе с вами, но существует обещание, которое я должен выполнить, — ради этого обещания я отказался бы от всех тронов земных — и я должен идти. Кроме того, мой меч необходим в борьбе против Темной Империи.

— Тогда иди, — печально сказала Королева. — Но помни Хамадан и его Королеву Фраубру.

— Я никогда не забуду.

Он пришпорил коня с голубой гривой и поскакал по каменистой равнине. Оладан позади него повернулся, послал Королеву Фраубре воздушный поцелуй, подмигнул и последовал за своим другом.

Дориан Хокмун, герцог Кельнский направлялся на Запад, никуда не сворачивая, чтобы познать там свою любовь.

АМУЛЕТ БЕЗУМНОГО БОГА

РОМАН

Дориан Хокмун, последний из рода герцогов Кельнских, не подчинился Черному Камню и спас от завоевания Темной Империей город Хамадан. Нанеся поражение армии своего заклятого врага барона Мелиадуса, Хокмун отправился на Запад, к осажденному Камаргу, где его ждала невеста — дочь графа Брасса Ийссельда. Вместе с Оладаном, зверочеловеком с Булгарских гор, Хокмун ехал верхом через Персию к Кипрскому морю в надежде отыскать там моряков, которые согласились бы перевезти их в Камарг. Но в Сирийской пустыне они заблудились, и после долгих скитаний, едва не умерев от жажды и усталости, они увидели гряды зеленых холмов. На склонах паслись дикие овцы, у подножия лежали развалины Сориандума. Тем временем набирала мощь грозная сила Темной Империи, а где-то пульсировал Рунный Посох, и его влияние растекалось на тысячи миль, меняло людские судьбы...

Из истории «Рунного Посоха»

Г л а в а 1 СОРИАНДУМ

Город был старым, опустошенным временем, местом источенных камней и обвалившейся каменной кладки, накренившихся башен и осыпавшихся стен. Дикие овцы ципали траву, проросшую меж потрескавшихся плит мостовой, среди колонн гнездились птицы с ярким оперением. Некогда город был прекрасен и одновременно ужасен, теперь же он стал прекрасным и мирным. Двое путешественников въехали в него в густой утренней дымке, когда меланхоличный ветер дул вдоль безмолвных древних улиц. Копыта лошадей стучали приглушенно, когда путешественники вели их между позеленевшими от времени башнями, мимо развалин, ярких от оранжевых, охровых и пурпурных цветов. И это был Сориандум, покинутый своим народом.

Люди и лошади стали одного цвета из-за покрывавшей их пыли, делавшей их похожими на ожившие статуи. Они продвигались медленно, удивленно разглядывая природу и красоту мертвого города.

Человек, шедший первым, был высок и худощав, и даже уставший, он шел грациозным шагом тренированного воина. Его длинные светлые волосы выгорели на солнце почти добела, а светло-голубые глаза светились безумным блеском. Но самым примечательным в его внешности был тусклый Черный Камень, вставленный в лоб как раз над глазами. Это было клеймо, которым наградили его изощренные ученые-колдуны Гранбритании. Звали его Дориан Хокмун, герцог Кельнский. Он был изгнан из собственных владений Темной Империей, собиравшейся править всем миром. Дориан Хокмун поклялся мстить самой сильной стране на его планете, истерзанной войнами.

У существа, что следовало за ним, висели за плечами большой костяной лук и колчан стрел. Оно было одето лишь в бриджи и сапоги из мягкой кожи, все его тело было покрыто жесткими рыжими волосами. Голова его только-только доставала до плеча Хокмуна. Это был Оладан, потомок колдуна и Великанши из Разбойничьих Гор.

Оладан похлопал себя по бокам, выбивая пыль, и в недоумении огляделся.

— Никогда не видел такого красивого города. Почему его покинули? Кто мог оставить такое место?

Хокмун, как это вошло у него в привычку, в минуты озадаченности, потер тусклый Черный Камень.

— Возможно, эпидемия, кто знает? Будем надеяться, что если это эпидемия, то от ее возбудителей ничего не осталось. Размышлениям я буду предаваться после, не сейчас. Я уверен, что слышал плеск воды — а это первое, что мне требуется. Пища — второе, сон — третье, а размышления, друг мой, это довольно отдаленное четвертое.

На одной из площадей они обнаружили стену из серо-голубого камня, на которой были высечены многочисленные фигуры. Из глаз одной каменной девы лилась чистая ключевая вода, с плеском падая в сделанную ниже выемку. Хокмун нагнулся и напился, вытирая запыленное лицо мокрыми руками. Затем отошел в сторону, чтобы позволить напиться Оладану, а после этого они напоили своих лошадей.

Сунув руку в одну из седельных сумок, Хокмун достал мятую и потрепанную карту, что дали ему в Хамадане. Палец его прошелся по ней, пока не остановился на слове «Сориандум».

— Мы не слишком отклонились от маршрута, — с облегчением улыбнулся он. — За этим холмом течет Евфрат, а за ним, примерно в неделю пути, лежит Тарабудус. Мы сегодня здесь отдохнем и переночуем, а утром продолжим свой путь. Со свежими силами мы сможем двигаться быстрее.

— Ага, — ухмыльнулся Оладан. — И ты, как я понимаю, обследуешь город, до того как мы его покинем. — Он плеснул воды на свою шерсть и нагнулся поднять лук и колчан. — А теперь займемся вторым, что нам требуется — пищей. На холме я видел дикого барашка. Сегодня вечером мы поужинаем жареной бараниной.

Он снова сел на лошадь и, выехав за сломанные городские ворота, скрылся. Хокмун же, сняв с себя одежду, погрузил руки в чистую воду и стонал от наслаждения, поливая себя прохладной ключевой водой. Потом он достал из седельной сумки чистую одежду и надел шелковую рубашку, подаренную ему хамаданской Королевой Фрауброй, и голубые хлопчатобумажные бриджи, расклешенные книзу. Радуюсь возможности освободиться от тяжелого облачения из железа и кожи, которое он надевал во время пути для защиты от нападения воинов Темной Империи, для завершения своего туалета Хокмун надел сандалии. Его единственной уступкой прежним опасениям был пристегнутый на боку меч.

Едва ли было возможно, чтобы кто-либо проследовал сюда за ними, и кроме того, город выглядел таким мирным, что Хокмун и представить не мог какой-либо опасности.

Он подошел к своей лошади, расседлал ее, прошел в тень полуразвалившейся башни и прилег, прислонившись спиной к стене, стал поджидать Оладана с обещанной бараниной.

Наступил полдень, и Хокмун начал гадать, что могло произойти с его другом. Он продремал еще час, и в нем зашевелилось беспокойство. Поднявшись, он оседлал свою лошадь.

Хокмун знал, что такому опытному лучнику, как Оладан, не могло понадобиться столько времени на преследование дикого барашка. И все же казалось, что вокруг не было никакой опасности. Вероятно, Оладан лег поспать часок-другой, прежде чем волочь тушу убитого барана. Даже если это единственное, что его задержало, ему все равно понадобится помощь, подумал Хокмун.

Он сел на коня и поехал по улицам к осыпавшейся наружной стене города, миновал ее и направился к холмам. Конь, казалось, почти восстановил свои силы, когда копыта его коснулись травы, и Хокмуну пришлось натянуть повод, направляя его к холмам легким галопом.

Перед ним появилось стадо диких овец, возглавляемое крупным вожаком, вероятно, тем самым, о котором говорил Оладан, но нигде не было видно никаких признаков зверчеловека.

— Оладан,— крикнул, озираясь по сторонам, Хокмун.— Оладан!

Но лишь приглушенное эхо ответило ему.

Хокмун нахмурился, перевел лошадь в галоп и поскакал на более высокий холм, надеясь с этого наблюдательного пункта разглядеть своего друга. Дикие овцы посыпались в стороны, когда конь понесся по пружинящей траве. Хокмун достиг вершины холма и, загородив рукой глаза от пылающего солнца, стал пристально осматривать окрестности. Нигде не было Оладана.

Он продолжал оглядываться, надеясь найти хоть какой-то след своего друга. Затем, когда он посмотрел на город, то заметил движение неподалеку от площади, где был источник. Обманули его глаза или он действительно увидел человека, что вошел в тень улицы, ведущей к восточной стороне

площади? Не мог ли Оладан вернуться другой дорогой? А если так, почему он не ответил на зов Хокмуна?

Теперь в голове Хокмуна появилось покалывающее ощущение ужаса, он все еще не мог поверить, что город представляет угрозу.

Он пришпорил коня, направляя его с холма, и перепрыгнул через участок разрушенной стены.

Копыта коня глухо стучали по пыльным мостовым, когда Хокмун ехал к площади, громко выкрикивая имя Оладана. Но отвечало ему только эхо. На площади не было никаких признаков присутствия крохотного горца.

Хокмун нахмурился, теперь он был уверен, что он и Оладан не единственные обитатели города. И все же никаких следов жителей не видно.

Он снова развернул коня. В этот момент его слух уловил звук, идущий сверху. Он поднял голову, пытаясь разглядеть, что же это такое, но тут он узнал этот звук. В отдалении над головой Хокмуна маячил черный силуэт. Затем на металле блеснуло солнце и звук стал отчетливее: лязганье и жужжанье гигантских бронзовых крыльев. Сердце у Хокмуна упало.

Предмет, спускавшийся с неба, был, безусловно, разукрашенным орнитоптером, выполненным в виде гигантского кондора. Он был покрыт голубой, алой и зеленой эмалью. Никакая другая страна на Земле не владела подобными аппаратами. Это была летучая машина Гранбритании.

Теперь исчезновение Оладана было вполне объяснимо: в Сориандуме находились воины Темной Империи. Было более чем вероятно, что они опознали Оладана и поняли, что Хокмун тоже где-то неподалеку. А Хокмун был самым ненавистным противником Темной Империи.

Г л а в а 2

ЮИЛЛАМ Д'АВЕРК

Хокмун свернул в тень, и орнитоптер не заметил его.

Могли ли гранбританцы следовать за ними весь путь через пустыню? Это казалось невероятным. И все же, чем же еще объяснить их присутствие в столь отдаленном месте?

Хокмун вытащил из ножен свой большой боевой меч и спешился. В одежде из тонкого хлопка и шелка он чувствовал себя более чем уязвимым, когда бежал по улицам в поисках убежища.

Теперь орнитоптер летел лишь в нескольких футах от самых высоких башен Сориандума, почти наверняка разыскивая Хокмуна, человека, отмстить которому за измену Темной Империи поклялся Король-Император Гуон. В битве при Хамадане Хокмун мог убить барона Мелиадуса, но Король Гуон быстроенько отправил бы за ним нового охотника.

Юный герцог Кельнский не ждал, что их путешествие будет безопасным, но и не рассчитывал, что их так быстро обнаружат.

Он подбежал к полуразрушенному зданию, чей прохладный дверной проем имел укрытие. Он вошел в здание и оказался в коридоре со стенами из бледного изрезанного камня, частично заросшего мягким мхом и цветущими лишайниками. С одной стороны коридора поднималась лестница. Хокмун, держа в руке меч, поднялся по ней на несколько пролетов, пока не оказался в комнате, куда через пролом в стене проникал солнечный свет. Распластавшись на полу подле стены и глядя через обвалившийся участок стены, Хокмун увидел большую часть города, увидел и орнитоптер, круживший в небе, то поднимавшийся, то опускавшийся к земле, пока пилот в маске Стервятника внимательно оглядывал окрестности.

Недалеко стояла башня из выцветшего зеленого гранита. Она находилась примерно в центре Сориандума, возвышаясь над городом. Некоторое время орнитоптер покружился над ней, и Хокмун подумал, что пилот считает эту башню его убежищем, но потом машина опустилась на плоскую, окруженную парашетом крышу башни. Появились еще люди и присоединились к пилоту.

Эти люди тоже были гранбретанцы. Все они были одеты, несмотря на жару, в тяжелые доспехи и плащи, а головы их прикрывали огромные металлические маски. Такова уж была извращенная природа людей Темной Империи — они при любых обстоятельствах не могли избавиться от масок. Казалось, у них была глубоко укоренившаяся психическая необходимость скрывать свои лица.

Маски были ржаво-красные и мрачно-желтые, выполненные в виде бешеных Кабанов со свирепыми рубиновыми глазами, горевшими на солнце, и огромными клыками из слоновой кости, изгибающимися из ухмыляющихся рыл.

Значит, они были солдатами, принадлежавшими Ордену Кабана, печально известного в Европе своей жестокостью. Их было шестеро, стоявших позади своего предводителя, высокого и стройного человека в маске из золота и бронзы. Эта маска была куда более тонкой работы и производила почти карикатурное впечатление. Человек опирался на двух своих спутников — одного, приземистого и грузного, и другого — гиганта с обнаженными руками и ногами почти нечеловеческой волосатости. «Болен или ранен их предводитель?» — гадал Хокмун. В том, как он опирался на своих воинов, Хокмуну почудилось нечто искусственное, нечто театральное. Хокмун подумал, что почти наверняка может сказать, кто предводитель Кабанов. Это был француз-ренегат, по имени Юиллам Д'Аверк, весьма опасный человек при всей своей притворной болезненности.

Теперь предводитель Кабанов заговорил с пилотом, который в ответ покачал головой. Видимо, он не увидел Хокмуна, но указал место, где тот оставил свою лошадь. Д'Аверк, если это был он, лениво сделал знак воину, тот исчез внизу и почти тотчас же появился с рычащим и отбивающимся Оладаном.

Хокмун видел, как двое в кабаньих масках потащили Оладана к парашету. Слабое утешение, но друг его был жив.

Затем предводитель вновь подал знак, и пилот-Стервятник нагнулся к своей кабине и достал похожий на колокол мегафон, передав его гиганту, на руку которого все еще опирался предводитель. Гигант поднес мегафон поближе к маске своего хозяина.

Город неожиданно наполнил скучающий, усталый голос предводителя Кабанов.

— Герцог Кельнский, мы знаем, что вы здесь, что вы находитесь в городе, потому что мы взяли в плен вашего слугу. Через час солнце сядет. Если к этому времени вы не сдадитесь, мы начнем медленно убивать этого парня.

Теперь Хокмун точно знал, что это — Д'Аверк. Никто другой не мог так выглядеть и так говорить. Хокмун увидел, что гигант вернул мегафон пилоту, а затем вместе со своим приземистым товарищем помог своему хозяину подойти к разрушенному парапету, чтобы Д'Аверк мог к нему прислониться и оглядеть улицы.

Хокмун сдержал первый порыв ярости и на глаз прикинул расстояние между башней и зданием, где он находился. Через пролом в стене он смог бы добраться до нескольких плоских крыш, которые могут привести его чуть ли не к самой стене башни. Снизу, как он видел, он легко мог бы добраться по стене до крыши. Но стоит ему покинуть свое убежище, как он будет замечен. Этим путем можно было бы воспользоваться с наступлением темноты, но, как они заявили, как только зайдет солнце, они начнут пытаться Оладана.

Загнанный в тупик, Хокмун ощупал Черный Камень, знак своего прежнего рабства в Гранбретани. Он знал, что если он сдастся, его либо убьют сразу, либо отправят в Гранбретань и там медленно замучают к удовольствию извращенных Лордов Темной Империи. Он подумал об Ийссельде, которой поклялся вернуться, о графе Брассе, которому обещал помочь в борьбе против Гранбретани, и подумал об Оладане, с которым они поклялись в вечной дружбе, когда маленький зверочеловек спас ему жизнь.

Мог ли он пожертвовать своим другом? Мог ли даже просто оправдать такой поступок, если логика и подсказывала ему, что его жизнь значит неизмеримо больше в борьбе против Темной Империи? Хокмун знал, что в подобных случаях логика бесполезна. Но он также знал, что и его жертва может оказаться бессмысленной, так как никаких гарантий не было, что предводитель Кабанов отпустит Оладана, если Хокмун сдастся.

Хокмун прикусил губу, крепко сжимая меч. Затем принял решение: протиснул тело через пролом в стене, цепляясь одной рукой за каменную кладку, другой махнул сверкающим на солнце мечом в сторону башни. Д'Аверк медленно поднял взгляд.

— Вы должны освободить Оладана раньше, чем я приду к вам! — крикнул Хокмун. — Поскольку мне известно, что все гранбретанцы лжецы. У вас, однако, есть м о е слово: если вы отпустите Оладана, я сдаюсь.

— Может, мы и лжецы, — откликнулся еле слышный ленивый голос, — но вовсе не дураки. Не думаю, что можно доверять вашему слову.

— Я — герцог Кельнский, — просто ответил Хокмун. — Я никогда не лгу.

Из-под маски Кабана послышался ироничный смехок.

— Вы, может, и наивны, герцог Кельнский, но Юиллам Д'Аверк не таков. Не могу ли я, однако, предложить компромисс?

— Какой именно? — осторожно поинтересовался Хокмун.

— Предлагаю вам пройти половину пути к нам, чтобы вы оказались в пределах досягаемости огненной пики нашего орнитоопера, и тогда я освобожу вашего слугу. — Д'Аверк нарочито откашлялся и оперся о парапет. — Что вы на это скажете?

— Едва ли это можно назвать компромиссом, — отозвался Хокмун. — Тогда вы сможете убить нас обоих без особого труда или опасности для себя.

— Мой дорогой герцог, Король-Император предпочитает получить вас живым. Вы ведь об этом знаете? На кон поставлены мои собственные интересы. Убив вас сейчас, я в лучшем случае заслужу баронство, так? Доставив вас живым к удовольствию Короля-Императора, я почти наверняка обрету княжество. Разве вы обо мне не слышали, герцог Дориан? Я — е с т о л о б и в ы й Юиллам Д'Аверк.

Аргументы Д'Аверка были весьма убедительны, но Хокмун не забыл о его репутации обманщика. Хотя и вправду он был более ценен для Д'Аверка живым, ренегат вполне мог решить, что целесообразней не рисковать уже обретенным и потому мог убить Хокмуна, как только тот окажется на расстоянии, достаточном для точного удара огненного копья.

На мгновение Хокмун задумался, потом вздохнул:

— Я сделаю, как вы предлагаете, сэр Юиллам. — И он приготовился перепрыгнуть узкую улочку, отделявшую его от крыши башни.

— Нет, герцог Дориан! — закричал вдруг Оладан. — Пусть они убивают меня! Моя жизнь ничего не стоит!

Хокмун вел себя так, будто не слышал своего друга, и прыгнул вперед и вниз, приземлившись на соседнюю крышу. Старая кладка содрогнулась от прыжка, и Хокмуну на миг показалось, что он упадет, так как крыша угрожающе затрещала. Но все обошлось, крыша выдержала. Хокмун осторожно пошел в направлении башни.

Оладан вновь закричал и начал биться в руках охранников.

Хокмун игнорировал его вопли, идя ровным шагом и свободно держа в руках меч, как будто забыл о нем.

Теперь Оладан вырвался и рванул по крыше башни, преследуемый двумя воинами. Хокмун увидел, как он метнулся к противоположному краю крыши, задержался там на мгновение и бросился через парапет.

Хокмун застыл от ужаса, едва понимая, что его друг пожертвовал собой ради него.

Затем он крепче сжал меч и поднял голову, прожигая взглядом Д'Аверка и его людей. Низко пригнувшись, он бросился к краю крыши, когда огненное копье стало разворачиваться в его сторону. Над его головой прозвучало

«вжжик» теплового удара копья, это искали его. Он перебросил тело через край крыши и повис на руках, глядя на улицу, лежащую далеко внизу.

Слева от него на весьма близком расстоянии находилось каменное изваяние. Перебирая руками, он дюйм за дюймом приблизился и смог ухватиться за ближайшую скульптуру: изваяния углом спускались по стене почти до самой земли. Но камень был выветрившийся. Выдержат ли изваяния его вес?

Раздумывать над этим Хокмун не стал. Не останавливаясь, он раскачался, держась за первое изваяние скульптуры. Камень начал крошиться, словно гнилой зуб. Хокмун перескочил на следующую, потом дальше, и полетели камни, с грохотом обрушиваясь на мостовую.

Хокмун спрыгнул на мостовую, мягко приземлившись в пыль. Теперь он побежал, но не от башни, а к ней. В нем не осталось ничего, кроме желания отомстить Д'Аверку.

Он нашел вход в башню и вбежал туда в тот самый момент, когда сверху спускались закованные в металл Д'Аверк и его люди.

Хокмуну удалось занять на винтовой лестнице такое место, что гранбретанцы могли нападать на него по одному. Первым появился Д'Аверк, резко остановившийся, когда увидел пылающего гневом Хокмуна. Он потянулся рукой в латной рукавице к своему длинному мечу.

— Вы поступили, как дурак, не воспользовавшись шансом, предоставленным вам глупой жертвой вашего друга, — презрительно бросил наемник в маске Кабана. — Теперь, нравится вам это или нет, нам придется убить вас. — Он начал кашлять в явной муке, согнувшись пополам и прислонясь к стене.

Он вяло подал знак стоявшему позади него приземистому воину — одному из тех, кто, как видел Хокмун, помогал ему.

— Ах, мой дорогой герцог Дориан, я должен извиниться... Моя немощ способна охватывать меня в любое время. Экардо, не будешь ли ты...

Мощно сложенный Экардо, крикнув, выступил вперед и выхватил из-за пояса боевой топор с короткой рукоятью. Другой рукой он вытащил меч и засмеялся от удовольствия.

— Спасибо, мастер. Давайте-ка посмотрим-поглядим, как запляшет этот безмассочный. — Он двинулся в атаку, ступая мягко, словно кот.

Хокмун принял стойку, готовый встретить удар Экардо.

Тот прыгнул с диким воем, рассекая топором воздух и со звоном ударяя по клинку Хокмуна. Короткий меч Экардо опустился вниз, и Хокмун, ослабевший от голода и жары, едва успел увернуться. И все же топор рассек бріджи, и на своей коже Хокмун ощутил его холодное прикосновение.

Меч Хокмуна выскользнул из-под топора и с треском обрушился на ухмыляющуюся кабанью маску Экардо, вышибив клык и сильно помяв рыло. Экардо выругался, его меч вновь начал опускаться, но Хокмун навалился на его руку с мечом, зажав ее между телом и стеной. Отпустив свой меч, он попытался выкрутить топор из руки Экардо.

Экардо бронированным коленом ударил Хокмуна в пах, но, несмотря на дикую боль, тот удержал позицию, поволок Экардо вниз по лестнице, резко толкнул и заставил упасть на пол силой инерции его же тела.

С глухим стуком Экардо ударился о каменные плиты, башня содрогнулась. Он не шевелился.

Хокмун взглянул на Д'Аверка:

— Ну, сэр, вы оправились?

Д'Аверк откинул свою разукрашенную маску, открыв взору светлые глаза и бледное лицо больного. Рот его кривился в легкой усмешке.

— Сделаю все, что в моих силах,— пообещал он. И когда он пошел в наступление, это были движения человека, находящегося в более чем хорошей форме.

На этот раз Хокмун взял инициативу на себя, сделав стремительный выпад, заставший, вернее, почти заставший его врага врасплох, поскольку был парирован весьма ловко. Ленивые манеры Д'Аверка опровергались его рефлексам.

Хокмун сообразил, что Д'Аверк так же опасен, как и мощный Экардо. Он также понял, что, поскольку Экардо лишь оглушен, он вскоре может присоединиться к Д'Аверку и тогда Хокмун рискует оказаться меж двух огней.

Фехтование было столь быстрым, что клинки казались единым пятном металла, и оба соперника не уступали друг другу. Из-под своей маски с откинутым забралом Д'Аверк улыбался с выражением тихого удовольствия. На взгляд постороннего, он выглядел как человек, который наслаждается чем-то приятным.

Утомленный путешествием через пустыню, голодный, Хокмун знал, что в таком темпе он долго не продержится. Он отчаянно искал брешь в великолепной обороне Д'Аверка. Раз его противник чуть споткнулся о выщербленную ступеньку. Хокмун мгновенно сделал выпад, но удар был отбит, а он получил царапину на предплечье.

Хокмун быстро уставал, наконец, он стал лишь обороняться, едва успевая отбивать удары, направляемые в глаза, в тело, в конечности. Он сделал один шаг назад, затем другой.

Когда он сделал второй шаг назад, он услышал за спиной стон и понял, что Экардо приходит в сознание. Теперь уже скоро Кабаны освежут его.

И все-таки это его почти не волновало. Ведь Оладан погиб. Фехтование Хокмуна стало диким, а улыбка Д'Аверка шире, когда он почувствовал приближение победы.

Предпочитая не иметь за спиной Экардо, Хокмун, не оборачиваясь, спрыгнул вниз. Плечо его наткнулось на чье-то другое, он резко развернулся, готовый лицом к лицу встретиться со звероподобным Экардо.

И тут от крайнего удивления меч чуть не выпал у него из рук,— Оладан!

Зверочеловек только что занес над головой Кабана его собственный меч.

— Да, я жив. Но не спрашивай меня, как это мне удалось. Это для меня самого тайна.— И он с громким клацаньем опустил меч на голову Экардо. Тот рухнул снова.

Времени для разговоров не было. Хокмун едва успел отразить удар Д'Аверка. В глазах у того тоже появилось изумление, когда он увидел Оладана.

Пронзив плечевой доспех француза, Хокмун прорвал оборону Д'Аверка. Тот отбил клинок Хокмуна в сторону и возобновил атаку. Но теперь Хокмун потерял преимущество своей прежней позиции. Жестокая маска Кабана ухмыльнулась ему, когда воины бросились вниз по лестнице.

Хокмун и Оладан отступили к дверям, надеясь вновь получить преимущество, но шансов на это было мало. Еще минут десять они продержались против подавляющего численного превосходства врага, убив пару гранбретанцев и еще троих ранив. Но они уже выдохлись. Хокмун едва держал меч.

Его остекленевшие глаза с трудом могли различать противников, приближавшихся как зверье к добыче. Он услышал победный приказ Д'Аверка:

— Взять их живыми!

Потом он рухнул под тяжестью металла, навалившегося на него.

Г л а в а 3 ПРИЗРАЧНЫЙ НАРОД

Закованных в цепи, так что они едва могли дышать, Оладана и Хокмуна унесли по бесчисленным лестницам в подвал большой башни, уходящей вниз настолько же, насколько и вверх.

Наконец воины-Кабаны добрались до помещения, служившего, очевидно, когда-то складом, но теперь используемого в качестве темницы. Там их бросили лицом вниз на холодный камень. Они так и лежали, пока ноги в сапогах не заставили их перевернуться. Свет от оплывшего факела в руке приземистого Экардо, чья помятая маска выглядела весело рычащим Кабаном, ослепил их. Д'Аверк с лицом, по-прежнему, открытым, стоял между Экардо и громадным волосатым воином, которого Хокмун видел рядом с Д'Аверком на крыше башни. Д'Аверк прижимал к губам парчовый плащ и тяжело опирался на плечо великана.

Он театрально откашлялся и улыбнулся своим пленникам:

— Боюсь, я скоро буду вынужден вас покинуть, господа. Для меня крайне вреден подземный воздух. Однако таким здоровым парням, как вы, он повредить не сможет. Заверяю вас, вам не придется находиться здесь больше одного дня. Я послал просьбу прислать орнитоптер побольше.

Он сможет отвезти вас на Сицилию, где теперь расположились мои главные силы.

— Вы уже прибрали и Сицилию? — спросил Хокмун.

— Да. Темная Империя не теряет времени даром. — С притворной скромностью Д'Аверк откашлялся в шарф. — Фактически я — завоеватель Сицилии. Именно благодаря моему руководству удалось так быстро покорить остров. Но в триумфе этом нет ничего особенного, потому что у Темной Империи есть много способных военачальников. За эти несколько последних лет мы сделали немало приобретений в Европе, да и на Востоке тоже.

— Но Камарг еще держится, — заметил ехидно Хокмун. — Это должно раздражать Короля-Императора.

— О, Камарг не сможет долго протянуть в осаде, — возразил Д'Аверк. — Мы сосредоточили на этой маленькой провинции свое о с о б о е внимание. Да может, он уже и пал.

— Никогда, пока жив граф Брасс, — улыбнулся Хокмун.

— Не спорю, — согласился Д'Аверк. — Но я слышал, что в последней битве он был тяжело ранен, а его помощник фон Вилак убит.

Хокмун не мог знать, лжет Д'Аверк или нет. Отразиться на своем лице чувствам он не позволил, но новость потрясла его. Неужели Камарг вот-вот падет? А если так, что станет с Ийссельдой?

— Эти новости встревожили вас, — задумчиво произнес Д'Аверк. — Но не волнуйтесь, герцог, когда Камарг падет, он будет под моей защитой. Я намерен просить эту провинцию в награду за то, что взял вас в плен. А вот этих моих веселых спутников, — продолжал он, указывая на своих звероподобных слуг, — я вызову до управления Камаргом во время моего отсутствия. Они разделяют всю мою жизнь — мои секреты, мои удовольствия. Будет только справедливо, если они разделят и мой триумф. Экардо я сделаю управляющим имениями, а вот Питера, как мне кажется, можно сделать графом.

Из-под маски гиганта раздалось животное хрюканье. Д'Аверк улыбнулся.

— Мозгов у Питера маловато, но сила его и верность несомненны. Вероятно, я заменю им графа Брасса.

— Вы — хитрое животное, Д'Аверк, — гневно зашевелился в цепях Хокмун. — Но я не дам вам довести меня до бешенства, если вы этого добиваетесь. Я дождусь своего часа и сбегу от вас. А если я сумею сделать это, то вы можете жить, страшась того часа, когда мы поменяемся ролями и вы окажетесь в моей власти.

— Боюсь, вы слишком оптимистичны, герцог, — с насмешкой в голосе произнес Д'Аверк. — Отдыхайте, наслаждайтесь покоем, так как, когда вы попадете в Гранбретань, его вам не видать.

И с усмешкой поклонившись, Д'Аверк вышел. За ним последовали и его люди, факельный свет померк, и Хокмун с Оладаном остались во тьме.

— Ах! — раздался через некоторое время голос Оладана. — Мне трудно воспринимать мое положение всерьез после того, что сегодня случилось. Я даже не уверен еще, не сон ли это, смерть или реальность?

— Что с тобой случилось, Оладан? — спросил Хокмун. — Как ты смог уцелеть после такого прыжка? Я думал, что ты разбился насмерть.

— Да, по всем правилам я должен был разбиться, — согласился Оладан. — Если бы меня во время падения не подхватили духи.

— Духи? Ты шутишь.

— Нет. Эти существа, похожие на духов, мягко подхватили меня из окон башни и опустили на землю. Размерами они такие же как люди, но едва осязаемы.

— Ты упал, ударился головой, и тебе почудилось.

— Может, ты и прав. — Оладан вдруг умолк. — Но если так, я все еще сплю. Посмотри налево.

Хокмун последовал совету и разинул рот, пораженный увиденным. Совершенно отчетливо он видел фигуру человека. И в то же время он мог отчетливо видеть и то, что находилось за этим человеком, будто смотрел он сквозь плотный туман.

— Классический образец духа, — пробормотал Хокмун. — Странное разделение сна...

От фигуры, стоявшей над ним, донесся мелодичный смех.

— Вы не спите, незнакомцы. Мы — такие же люди, как и вы. Просто масса наших тел несколько изменена, вот и все. Мы существуем не в том измерении, что вы. Но мы достаточно реальны. Мы — жители Сориандума.

— Так, значит, вы не покинули свой город, — обрадовался Оладан. — Но как вы достигли этого особого... состояния существования?

— Путем мысленного контроля, — засмеялся человек-призрак, — научного эксперимента, определенным владением временем и пространством. К сожалению, невозможно описать, как мы достигли этого состояния, потому что слова, которые я стал бы употреблять, ничего бы вам не сказали. Однако будьте уверены в одном — мы еще достаточно хорошо умеем судить о характере людей и узнаем в вас потенциальных друзей, а в тех, других, — потенциальных врагов.

— Ваших врагов? — переспросил Хокмун. — Как это так?

— Сейчас объясню. Но лучше позже.

Человек-призрак проплыл вперед, пока не склонился над Хокмуном. Юный герцог Кельнский ощутил странное давление на свое тело, потом его подняли. Человек этот выглядел неосязаемым, но оказался куда сильнее обыкновенного смертного. Из тени выступили еще двое, один подобрал Оладана, а другой осветил темницу мягким сиянием, достаточным тем не менее для того, чтобы в темнице стало светлей. Хокмун смог разглядеть, что люди-призраки были высокими и стройными, с тонкими красивыми лицами и глазами, которые казались слепыми.

Сперва Хокмун подумал, что жители Сориандума к тому же еще умеют проходить сквозь стены, но оказалось, что они пришли сверху, потому

что на половине высоты стены виднелось отверстие, а дальше — туннель. Вероятно, в отдаленном прошлом этот туннель служил своего рода желобом, по которому спускали мешки с провиантом.

Теперь люди-призраки поднялись в воздух к отверстию и вступили в туннель, проплыли по нему вверх, пока не оказались далеко от оставленной темницы, а впереди не появился свет — от луны или звезд.

— Куда вы нас несете? — спросил Хокмун.

— В более безопасное место, где сможем освободить вас от цепей, — ответил несший его.

Когда они достигли конца туннеля и ощутили прохладу ночного воздуха, то остановились, а тот, кто не был обременен тяжелой ношей, отправился вперед, чтобы удостовериться, что нет никаких гранбританских воинов. Он подал знак остальным, и они поплыли по разрушенным улицам безмолвного города, пока не добрались до простого трехэтажного дома, пребывавшего не в лучшем состоянии, нежели остальные, но не имевшем дверей.

Люди-призраки вознесли Хокмуна и Оладана до второго этажа и внесли в помещение через широкое окно.

Они очутились в комнате, лишенной всяких украшений, и люди-призраки мягко опустили друзей на пол.

— Что это за место? — спросил Хокмун, все еще не доверяя своим чувствам.

— Мы здесь живем, — ответил человек-призрак. — Нас не так уж много. Хотя мы и живем веками, мы не способны воспроизводиться. Мы утратили эту способность, когда стали теми, кто мы сейчас есть.

Теперь в комнате появились и другие фигуры и среди них несколько женских. У всех была та же грациозная и прекрасная внешность, пронцаемые тела молочного цвета и никто не носил одежды. Хокмун сразу ощутил, как его напряжение ослабло, и полностью поверил в их доброжелательность.

Один из пришедших принес с собой инструмент чуть больше указательного пальца Хокмуна. Он приложил этот инструмент к замкам на цепях. Щелкнув, один за другим замки открылись. Хокмун с Оладаном освободились от цепей.

Растирая затекшие мышцы, Хокмун сел.

— Благодарю вас, — сказал он. — Вы спасли меня от неприятнейшей участи.

— Мы счастливы оказаться полезными, — ответил один из них, чуть ниже ростом, чем остальные. — Я — Ринал, некогда Главный Советник Сориандума. — Улыбаясь, он вышел вперед. — И нам хотелось бы знать, не захотите ли вы, в свою очередь, помочь нам?

— Я был бы рад оказать вам любую услугу, — торжественно заявил Хокмун. — В чем дело?

— Мы также подвергаемся страшной опасности со стороны этих стран-ных воинов в звериных масках, — сообщил Ринал. — Ибо они планируют стереть Сориандум с лица земли.

— Стереть с лица земли? Но зачем? Этот город не представляет для них никакой угрозы и находится слишком далеко, чтобы стоило его оккупировать.

— Неверно, — возразил Ринал. — Мы подслушали их разговор и точно знаем, что Сориандум для них ценен. Здесь, на его месте, они хотят построить огромное здание, где будут размещаться десятки или сотни их летательных машин. Отсюда машины можно будет направлять во все земли, чтобы угрожать им и громить по мере надобности.

— Понятно, — пробормотал Хокмун. — Тогда это имеет смысл. Пото-му-то для выполнения такой задачи и был выбран Д'Аверк, бывший архитектор. Строительные материалы имеются на месте и могут быть использованы для строительства одной из баз для их орнитоптеров. Да и место здесь весьма удаленное, так что эту деятельность заметят немногие, если вообще заметят. Темная Империя будет обладать возможностью нанести внезапный удар, как только пожелает кого-либо атаковать. Их надо остановить.

— Надо, хотя бы ради нас, — продолжил его мысль Ринал. — Видите ли, мы с этим городом связаны, вероятно, даже больше, чем вы в состоянии понять. Он и мы существуем как единое целое. Если город погибнет — погибнем и мы.

— Но как мы сможем их остановить? И чем я могу быть вам полезен? В вашем распоряжении должны быть все средства и возможности утонченной науки. У меня же есть только меч, да и тот сейчас в руках Д'Аверка.

— Я говорил вам, что мы связаны с городом, — терпеливо стал разъяснять Ринал. — Это именно так. Мы не можем удалиться от города. Мы давным-давно избавились от таких неуклюжих вещей, как любые машины. Все они были погребены под холмом на расстоянии многих миль от города. Теперь же нам понадобилась одна определенная машина, а мы сами добраться до нее не можем. Вы же, со своей мобильностью, можете добыть ее для нас.

— Охотно, — согласился Хокмун. — Если вы дадите нам точное описание места ее нахождения, мы доставим ее вам. Лучше будет, если мы выйдем пораньше, пока Д'Аверк не прознал, что мы сбежали.

— Согласен, что это необходимо сделать как можно быстрее, — кивнул Ринал. — Но я не сказал вам еще об одном. Машины помещены в хранилище, тогда мы еще могли удалиться от города на некоторое расстояние, и чтобы защитить эти машины, мы поставили там охрану: машину, выполненную в виде зверя, ужасного создания, способного отпугнуть всякого, кто туда сунется. Но это металлическое страшилище может и убивать — и убьет любого, кто, не принадлежа к нашей расе, осмелится войти в пещеру.

— Как же мы тогда сможем добраться до нужной вам машины? — полюбопытствовал Оладан.

— Для этого есть только один способ, — вздохнул Ринал. — Вы должны сразиться с этим страшилищем и убить его.

— Ясно,— улыбнулся Хокмун.— Выходит, я выпутался из одного затруднительного положения, чтобы попасть в другое, едва ли менее опасное.

— Нет,— поднял руку Ринал.— Мы от вас ничего не требуем. Если вы считаете, что ваши жизни будут полезны другому делу, сразу же о нас забудьте и ступайте своей дорогой.

— Я обязан вам жизнью,— ответил на это Хокмун,— и совесть загрызет меня, если я уеду из Сориандума, зная, что ваш город будет разрушен, а раса уничтожена, и Темная Империя получит возможность учинить на Востоке еще больше хаоса, чем они уже натворили. Нет! Я сделаю все, что могу, хотя без оружия это и будет нелегко.

Ринал подал знак одному из людей-призраков. Тот уплыл из комнаты, но вскоре вернулся и принес иззубренный меч Хокмуна и лук со стрелами Оладана.

— Вернуть их нам было совсем нетрудно,— улыбнулся Ринал.— И у нас есть для вас еще своего рода оружие.— Он вручил Хокмуну устройство, использованное для открывания замков.— Когда большинство машин было нами укрыто в пещере, мы сохранили инструмент. Он способен открыть любой замок. Все, что нужно сделать, это нацелить его на замок. Он поможет вам войти в главное хранилище, где механический зверь охраняет машины Сориандума.

— И что нужно доставить? — спросил Оладан.

— Это небольшой прибор размером, примерно, с голову человека. У него такие же, как у радуги, цвета, и он светится. Выглядит он как кристалл, а на ощупь похож на металл. У него подставка из оникса, а на ней находится восьмиугольный объект. В хранилище может оказаться два таких прибора. Если сможете, принесите оба.

— А что он делает? — поинтересовался Хокмун.

— Когда вернетесь, увидите.

— Если мы с ним вернемся,— с видом философа мрачно поправил Оладан.

Г л а в а 4

МЕХАНИЧЕСКИЙ ЗВЕРЬ

Подкрепившись едой и вином, добытыми призрачными людьми у воинов Д'Аверка, Хокмун и Оладан пристегнули оружие и приготовились покинуть дом.

С помощью двух жителей Сориандума они были плавно опущены на мостовую.

— Да защитит вас Рунный Посох,— прошептал один из них.— Мы слышали, что вы служите ему.

Хокмун обернулся спросить, где они об этом слышали. Уже второй раз ему сообщали, что он служит Рунному Посоху, а он об этом ничего не знал. Но раньше, чем он успел спросить, человек-призрак исчез.

Нахмурившись, Хокмун направился к воротам города.

Углубившись в холмистую местность, расположенную в нескольких милях от Сориандума, Хокмун остановился сверить координаты. Ринал сказал, чтобы они отыскиали пирамиду, высеченную из гранита далекими предками Ринала. Хокмун увидел ее старый камень, отливающий под лунным светом серебром.

— Теперь идем на север, — сказал Хокмун, — и ищем холм, из которого выскли эту штуку.

Через полчаса они увидели холм. Он выглядел так, словно в незапамятные времена гигантский меч обрубил обращенный к ним склон. С тех времен на нем успела прорасти трава, так что склон выглядел очень естественно.

Оладан и Хокмун прошли по пружинящему дерну к месту, где на склоне рос кустарник. Раздвинув кусты, они различили в отвесном склоне узкое отверстие. Это был тайный вход в хранилище машин жителей Сориандума.

Протиснувшись через узкое отверстие, оба оказались в большой пещере. Оладан зажег принесенный с собой факел, и трепещущий свет открыл их глазам громадную пещеру, явно искусственного происхождения.

Помня инструкции, Хокмун прошел к противоположной стене пещеры и поискал на высоте плеч крохотную метку. Он увидел ее — надпись, сделанная незнакомыми буквами, и под ней — крошечное отверстие. Хокмун достал доверенный ему инструмент и направил его на отверстие.

Когда он нажал на ручку инструмента, в руке его появилось ощущение щекотки. Скала перед ним задрожала, мощный порыв ветра чуть не погасил факел. Стена засветилась, затем стала прозрачной и наконец исчезла совсем. «Она будет по-прежнему на месте, но перемещена в другое измерение», — объяснил им Ринал.

Осторожно держа оружие в руках, прошли они по большому туннелю, залитому зеленым светом, исходящим от стен, словно от расплавленного стекла.

Перед ними оказалась еще стена. На ней светилось единственное красное пятно, и на него Хокмун нацелил свой инструмент.

Вновь возник внезапный порыв ветра. На этот раз он чуть не сдул их, затем стена засветилась белым, превратилась в молочно-голубую и исчезла.

Этот участок туннеля тоже был молочно-голубым, а стена, что появилась перед ними, — черная. Когда она растаяла, они вошли в туннель из желтого камня и поняли, что перед ними главное помещение хранилища и сейчас появится сторож.

Раньше, чем приложить инструмент к белой стене, Хокмун остановился и сказал:

— Мы должны быть хитрыми и действовать быстро, потому что создание за стеной набросится на нас сразу же, как только нас почует.

Он оборвал фразу, когда до их ушей донесся приглушенный стеной звук — лязганье и грохот. Белая стена содрогнулась, словно по другую ее сторону кто-то швырнул в нее что-то очень тяжелое.

Оладан с сомнением взглянул на стену:

— Наверное, нам следует еще разок подумать. В конце концов, если мы без толку погибнем...

Но Хокмун нацелил свой инструмент, и стена начала менять цвет, когда в лицо им вновь ударил странный холодный ветер. Из-за стены донесся ужасающий вой боли и недоумения. Цвет стены стал розовым, и она исчезла, как и прежние, открыв их взорам машину-зверя!

На миг исчезновение стены задержало его, поэтому он не сделал никакого движения им навстречу. Он присел на металлических лапах, возвышаясь над ними и ослепляя блеском своей металлической чешуи. Вся его спина, кроме шеи, была утыкана острыми, как ножи, колючками. Тело напоминало обезьянье с короткими задними лапами и длинными передними, кончавшимися металлическими когтями. Глаза были фасеточные, как у мухи, пылающие отраженным светом, разложенным по спектру, а пасть была полна острых, как бритва, металлических зубов.

Позади зверя они увидели множество механизмов, уложенных вдоль стен правильными рядами. Помещение было громадным. Где-то посреди него, слева от себя, Хокмун заметил два кристаллических на вид прибора, что описал Ринал. Он молча указал на них Оладану и рванулся мимо чудовища.

Движение его пробудило зверя ото сна. Он пронзительно закричал и неуклюже двинулся к нему, выделяя странный металлический запах, покашавшийся Хокмуну отвратительным.

Уголком глаза Хокмун заметил, что когтистая гигантская лапа вот-вот схватит его. Он резко отклонился, налетел при этом на хрупкую машину, опрокинувшуюся на пол и разлетевшуюся вдребезги. Лапа загребла воздух в дюйме от его лица еще раз, но Хокмун уже шагнул в сторону.

Лязгнув металлом о металл, в морду зверя ударила стрела, но даже не оцарапала желто-черной чешуи.

Взревев, зверь кинулся искать второго врага, увидел Оладана и налетел на него.

Оладан бросился бежать, но действовал недостаточно быстро, потому что чудище успело схватить его лапой и поволокло в пасть. Хокмун закричал и ударил в пах мечом. Зверь фыркнул, отшвырнул своего пленника в сторону, и Оладан упал навзничь у двери то ли убитый, то ли оглушенный.

От ярости металлический монстр зафыркал, дергая вокруг себя когтистыми лапами. Он подпрыгнул и упал с грохотом, режущим барабанные перепонки, кинувшись на Хокмуна, который втиснулся между двумя машинами, используя их вместо прикрытия, и пытался подобраться к приборам, ради которых они сюда пришли. Теперь монстр

начал в поисках врага ломать машины. Хокмун остановился подле машины с колоколообразным соплом. Машина казалась оружием, на конце сопла был рычаг. Не раздумывая, Хокмун потянул за него. Машина издала слабый звук, но видимых результатов не последовало.

Зверюга почти добралась до него.

Хокмун решил драться до последнего, метнув меч в глаз чудовища, поскольку глаза казались ему самым уязвимым местом. Ринал говорил, что убить механического зверя невозможно ни в каком смысле этого слова. Если же его ослепить, то, может быть, у них появится шанс.

Но когда зверь попал под прямое действие колоколообразного сопла, он зашатался и захрипел. Очевидно, его поразил невидимый луч, влияющий, возможно, разрушающе на работу этого сложного механизма. Зверь двигался, шатаясь, и на мгновение Хокмун ощутил себя победителем, решив, что зверь умирает. Но чудовище встряхнулось и вновь перешло в наступление, двигаясь, правда, гораздо медленней.

Хокмун видел, что оно снова набирает силу. Удар нужно нанести сейчас, если он хочет получить хоть какой-то шанс. Он подбежал к зверю, тот медленно повернул голову. Хокмун вскочил на его короткую шею и, взобравшись по чешуе, уселся на плечах механического монстра. Тот с ревом попытался сбросить Хокмуна.

Хокмун нагнулся вперед и в порыве отчаянья ударил мечом сначала по одному, а потом по другому глазу. С резким звуком оба глаза разлетелись на мелкие осколки.

Зверь пронзительно закричал, схватившись лапами за глаза, дав тем самым возможность юному герцогу спрыгнуть со спины и броситься к нужным им приборам.

Механический монстр крушил все вокруг, металл гнулся и ломался, попадая под его лапы. Он, может, и ослеп, но силы не потерял.

Обогнув бушующего зверя, Хокмун подбежал туда, где лежал Оладан, взвалил товарища на плечи и побежал к выходу.

Механическое чудовище уловило звук его шагов и ринулось в погоню. Хокмун побежал быстрее, ему казалось, что сердце его готово вырваться из груди. Он мчался вперед по туннелям, минуя их один за другим, пока не добрался до пещеры с узким отверстием, что вело наружу. Металлическому монстру будет не под силу протиснуться в это отверстие.

Как только Хокмун протиснулся в отверстие и ощутил в своих легких свежий воздух, он расслабился и стал внимательно разглядывать лицо Оладана. Маленький зверочеловек дышал ровно, и кажется, у него ничего сломано не было. Только мертвенно-бледный синяк на его голове казался серьезным, объясняя, почему он до сих пор был без сознания. Когда Хокмун стал проверять, нет ли на его теле других повреждений, веки зверочеловека затрепетали и поднялись. С его губ слетел слабый звук.

— Оладан, ты цел? — обеспокоенно спросил Хокмун.

— Ох, голова горит, — закричал Оладан. — Где мы?

— В безопасности. А теперь постарайся подняться. Уже почти рассвело, а мы должны вернуться в Сориандум до рассвета, иначе нас увидят солдаты Д'Аверка.

Шатаясь, Оладан заставил себя подняться. Из пещеры доносился дикий вой и грохот механического зверя, пытавшегося добраться до них.

— В безопасности? — с сомнением переспросил Оладан. — Надолго ли?

Он указал на склон горы позади Хокмуна. Тот обернулся. Над поверхностью скалы, на которой уже была огромная трещина, показалась лапа — механический зверь пытался освободиться и последовать за своими врагами.

— Тем более нужно торопиться, — решил Хокмун, поднимая приборы и бегом направляясь в сторону Сориандума.

Они не прошли и полмили, как услышали позади себя страшный грохот. Оглянувшись, они увидели, что поверхность холма раскололась и показался механический зверь. Его вой эхом разносился по холмам, угрожая достичь Сориандума.

— Зверь ослеплен, — пояснил Хокмун. — Так что он не сможет сразу же последовать за нами. Наверное, если мы успеем добраться до города, он не будет для нас опасен.

Они прибавили ходу и вскоре оказались на окраине города.

Через некоторое время, когда окончательно рассвело, они уже крались по городским улицам, разыскивая дом призрачного народа.

Г л а в а 5

МАШИНА

Ринал с двумя жителями встретили их у дома и поспешно подняли к входному окну.

Когда взошло солнце и свет полился в окно, заставляя тем самым людей-призраков выглядеть еще менее осязаемыми, чем ночью, Ринал нетерпеливо достал из узла принесенные Хокмуном приборы.

— Они такие же, как я помню, — произнес он как бы про себя, и его бледное тело выступило на свет, чтобы получше рассмотреть доставленные предметы. Его призрачная рука погладила восьмиугольник на подставке из оникса. — Теперь нам нечего страшиться чужеземцев в масках. Мы сможем скрыться от них, когда пожелаем.

— Но я думал, — сказал Оладан, — что вы н и к а к не можете покинуть город.

— Это верно. Но с помощью этих приборов мы сможем, если повезет, взять весь город с собой.

Хокмун был готов и дальше расспрашивать Ринала, когда услышал шум на улице. Он боком подобрался к окну и выглянул на улицу. Там

он увидел Д'Аверка с двумя его звероподобными подручными и около двадцати воинов. Один из воинов показывал на их окно.

— Нас, должно быть, заметили,— вздохнул Хокмун.— Мы все должны убраться отсюда. С таким количеством мы драться не можем.

— Мы тоже не можем драться,— нахмурился Ринал.— Но если мы воспользуемся нашей машиной, вы окажетесь во власти Д'Аверка. Я в затруднении.

— Тогда воспользуйтесь машиной и предоставьте нам позаботиться о Д'Аверке.

— Мы не можем позволить вам умереть ради нас. Никак не можем после того, что вы для нас сделали!

— Используйте машину!

Но Ринал все еще не решался.

Хокмун услышал снаружи новый звук и вновь выглянул в окно.

— Они принесли лестницы и вот-вот заберутся. Используй машину, Ринал.

Еще один человек-призрак, женщина, сказала тихо:

— Используй машину, Ринал. Если то, что мы слышали, правда, то наш друг не должен пострадать от Д'Аверка, во всяком случае, в данный момент это маловероятно.

— Что вы имеете в виду? — спросил Хокмун.— Откуда вы это знаете?

— У нас есть друг, который не принадлежит к нашей расе,— ответила женщина.— Иногда он навещает нас, принося нам новости о внешнем мире. Он тоже служит Рунному Посоху.

— Это Рыцарь в Черном и Золотом? — перебил ее Хокмун.

— Да. Он рассказывал нам о тебе.

— Герцог Дориан! — воскликнул Оладан, указывая на окно. Первый из воинов-Кабанов показался в оконном проеме.

Хокмун прыгнул вперед и вогнал клинок в горло воина как раз между латым воротником и шлемом. С булькающим воплем солдат рухнул вниз. Хокмун схватил край лестницы, пытаясь отпихнуть ее в сторону, но ее крепко держали внизу. Еще один солдат поднялся до уровня окна, и Оладан двинул его по голове, сбивая вбок, но солдат вцепился в лестничную перекладину. Хокмун оставил попытки отпихнуть лестницу и рубанул солдата по пальцам в латных рукавицах. Тот выпустил перекладину и с грохотом свалился вниз.

— Машину,— в отчаянии крикнул Хокмун.— Используй ее, Ринал. Мы не сможем долго их сдерживать.

За спиной у него раздался музыкальный звук, и он ощутил легкое головокружение, когда его меч встретился с мечом следующего нападающего.

Затем все вокруг мелко завибрировало, и стены дома стали ярко-красного цвета. На улице кричали воины-Кабаны, но не от удивления, а от ужаса. Хокмун не мог понять, почему их так ужаснуло это зрелище.

Теперь он увидел, что вокруг все тоже окрасилось в алый цвет и весь город, казалось, трясся, распадаясь на куски, в унисон со звучанием машины. Внезапно и город и звук исчезли, и Хокмун стал мягко падать на землю.

Он услышал слабеющий голос Ринала:

— Мы оставили вам вторую машину. Это наш подарок вам против ваших врагов. Она обладает способностью перемещать целые районы земли в иное измерение пространства-времени. Наши враги теперь не получают Сориандум.

Хокмун с Оладаном приземлились и увидели, что вокруг нет никаких следов города. Была изрытая земля, выглядевшая так, будто ее недавно вспахали.

На некотором расстоянии от них находились солдаты Гранбретани, среди них был и Д'Аверк. Теперь Хокмуну стало понятно, почему они кричали от ужаса.

До города, наконец, добралась машина-зверь и напала на них. Всюду валялись раздавленные трупы солдат. Понуждаемые Д'Аверком, который выхватил свой меч, гранбретанцы пытались уничтожить напавшее на них чудовище.

Металлическая спина чудовища сотрясалась от ярости, а металлические когти разрывали доспехи и тела.

— Зверюга о них позаботится,— рассудил Хокмун.— Смотри, наши лошади.

Примерно в трехстах ярдах от них стояли их ошеломленные лошади. Хокмун и Оладан подбежали к ним и вскочили в седла. Они помчались от места, где был Сориандум, от резни, учиненной механическим зверем над Кабанами Д'Аверка.

* * *

Оба смельчака продолжили свой путь к побережью, имея странный подарок людей-призраков, заботливо завернутый и уложенный в седельную сумку Хокмуна:

Копыта лошадей легко стучали по жесткому дерну, и они быстро продвигались по холмам, пока, наконец, не выехали на широкую равнину, где протекал Евфрат.

На берегу широкой реки они устроили привал и обсудили, как лучше переправиться, так как течение на этом участке было довольно быстрым, и согласно карте Хокмуна, им придется проехать несколько миль на юг, пока они попадут к вероятному месту переправы.

Хокмун взглянул на воду: заходящее солнце окрасило ее в цвет крови. Из его груди вырвался долгий, почти беззвучный вздох, и Оладан с любопытством поднял голову от костра, который он разводил.

— Что тебя беспокоит, герцог Дориан? Любой подумал бы, что ты должен быть в хорошем настроении после нашего спасения.

— Меня беспокоит будущее, Оладан. Если Д'Аверк сказал правду и граф Брасс лежит раненый, а фон Вилак убит, притом, что Камарг осаждают полчища Темной Империи, боюсь, мы, вернувшись, не найдем ничего, кроме пепла и грязи, которые барон Мелиадус обещал оставить от Камарга.

— Давай подождем, пока не попадем туда,— ответил Оладан, желая обратить этот разговор в шутку.— Потому что Д'Аверк просто хотел разозлить тебя. Твой Камарг наверняка держится. Судя по тому, что ты рассказывал мне о могучей обороне и великой доблести этой провинции, я не сомневаюсь в том, что они все еще держатся против Темной Империи. Вот увидишь...

— Но увижу ли? — Взгляд Хокмуна упал на темнеющую землю.— Увижу ли, Оладан? Д'Аверк наверняка говорил правду, рассказывая о завоеваниях Гранбритании. Если Сицилия принадлежит им, то им должны принадлежать и части Италии и Испании. Разве ты не понимаешь, что это означает?

— За пределами Разбойничьих Гор я слаб в географии,— смутился Оладан.

— Это означает, что все пути к Камаргу блокированы, как по суше, так и по морю. Даже если мы найдем корабль, какие у нас будут шансы проскользнуть незамеченными через Сицилийский пролив? Те воды, должно быть, просто кишат кораблями Темной Империи.

— Но почему мы должны добираться до Камарга именно этим маршрутом? Как насчет того пути, которым ты воспользовался, когда двигался на Восток?

— Над большей частью этой территории я пролетел, а пробираться обратно тем же путем займет вдвое больше времени,— нахмурился Хокмун.— Кроме того, Гранбритань сделала там новые территориальные приобретения.

— Но территории, что находятся под их контролем, можно обойти,— возразил Оладан.— По крайней мере, на суше у нас будет хоть какой-то шанс, в то время как на море, по твоим словам, у нас нет ни единого.

— Да,— задумчиво согласился Хокмун,— но это значит, что придется пересечь Турцию — путешествие займет несколько недель. Но впрочем, мы, вероятно, сможем воспользоваться Черным морем, которое еще свободно от кораблей Темной Империи.— Он сверился с картой.— Да, через Черное море к Румынии, но путешествие, по мере того как мы будем приближаться к Франции, будет опасней, потому что там-то войска Темной Империи будут всюду. И все же ты прав, на этом маршруте у нас больше шансов добраться, может, даже убьем парочку гранбританцев и воспользуемся их масками для прикрытия. У нас перед ними одно преимущество — по лицу они не смогут отличить друга от врага. Если бы не тайные языки разных Орденов, мы смогли бы путешествовать в достаточной безопасности, обманывая наших врагов их же звериными масками и доспехами.

— Тогда, значит, меняем маршрут?

— Да. Утром направляемся на север.

Много долгих дней следовали они на север вдоль Евфрата, перейдя границу между Сирией и Туркией, и наконец добрались до небольшого тихого городка Бирачека, где Евфрат становился рекой Фират.

В Бирачеке настороженный хозяин постоялого двора, подозревая в них слуг Темной Империи, сперва заявил, что свободных мест у него нет, но когда Хокмун показал на Черный Камень посреди лба и заявил:

— Меня зовут Дориан Хокмун, последний герцог Кельнский. Я — заклятый враг Темной Империи, — хозяин постоялого двора, слышавший о нем даже в этом захолустном городишке, пустил их.

Они сидели в зале постоялого двора, потягивая сладкое вино и болтая с купцами торгового каравана, прибывшего в Бирачек незадолго до них.

Торговцы были смуглыми людьми с иссиня-черными волосами и блестящими от жира бородами. Одеты они были в кожаные рубашки и широкие юбки-кильты из шерстяной ткани яркой расцветки, поверх этой одежды они носили вязанные плащи тоже из шерсти с геометрическими узорами пурпурного, желтого и красного цветов. Эти плащи, как сказали они путешественникам, показывали, что они люди Енахана, купца из Анкары. На поясе каждого висела кривая сабля с богато изукрашенной рукоятью и клинком, покрытым гравировкой, который носили они без ножен. Эти торговцы так же привыкли драться, как и меняться товарами.

Их предводитель Селим, с ястребиным носом и пронзительными голубыми глазами, перегнулся через стол, неторопливо беседуя с герцогом Кельнским и Оладаном.

— Вы слышали, эмиссары Темной Империи много платят расточительному Калифу Стамбула за разрешение расположить в городских стенах крупные силы воинов в обычных масках?

— Мне мало известно, что происходит в мире, — покачал головой Хокмун. — Но я вам верю. Это в обычаях Темной Империи: брать сначала золотом, а потом силой. Когда золото становится бесполезным, они применяют силу и оружие.

— Я так и думал, — кивнул Селим. — Значит, вы считаете, что Туркия не в такой уж безопасности от западных волков?

— Ни одна часть света, даже Амарек, не находится в безопасности от их честолюбия. Они мечтают покорить земли, которых, может, и не существует, кроме как в сказках. Они планируют завоевать Азиакомуниста, хотя для начала им надо ее найти. Восток и Аравия — всего лишь лагерные стоянки на пути их армий.

— Но могут ли они обладать такой мощью? — спросил пораженный Селим.

— Они обладают такой мощью, — ответил Хокмун. — Но они также обладают и безумием, которое делает их жестокими, хитрыми и изобретательными. Я видел Лондру, столицу Гранбретани, и ее архитек-

тура — это ночные кошмары, воплощенные в сталь и камень. Я видел самого Короля-Императора в его Тронном Шаре, заполненном молочной жидкостью,— сморщенного, бессмертного, владеющего юношеским золотым голосом. Я видел лаборатории ученых-колдунов — неисчислимые пещеры с пространнейшими машинами, многие из которых, должно быть, изобретены самими гранбританцами. И я говорил с их знатью, узнал об их амбициях и уверен, что они более безумны, чем ты или любой другой человек способны вообразить. Они лишены человечности, питают мало чувств друг к другу и вовсе никаких к тем, кого расценивают как низшую расу, то есть ко всем, кто не из Гранбритании. Они распинают мужчин, женщин, детей и даже животных, украшая и отмечая дороги от старых завоеваний к новым.

Селим, откинувшись назад, отмахнулся:

— Э, бросьте, герцог Дориан, вы преувеличиваете...

Впиваясь в глаза Селима своим взглядом, Хокмун произнес с силой:

— Вот что я скажу тебе, торговец из Турции, я не могу преувеличивать зло Гранбритании!

— Я верю вам,— нахмурился Селим, содрогнувшись.— Но мне хотелось бы не верить. Потому что как может столь маленькая страна, вроде Турции, устоять против такой мощи и жестокости?

— Не могу предложить вам никакого решения,— вздохнул Хокмун.— Вам следует сплотиться и не позволять им ослаблять вас золотом и постепенным вторжением в ваши земли. Но я бы напрасно упражнялся в риторике и тратил бы слова, если бы пытался убедить вас в этом, так как из-за своей жадности люди не увидят истины и опасности за блеском монет. Сопровитвляйтесь им, сказал бы я, честью и честной смелостью, мудростью и идеализмом. И все же те, кто сопротивляются им, оказываются побежденными и подвергаются пыткам, видят, как их жен насилюют и разрывают на части у них на глазах, а их детей превращают в свою забаву воины, которые бросают их в костры, предназначенные сжигать целые города. Но если вы не будете сопротивляться, если избежите смерти в битве, то с вами все равно может произойти то же самое, или же вы станете рабами. Я говорил о честности, и она запрещает мне поощрять вас к храброй и благородной битве и воинской смерти. Я жажду уничтожить их — я их заклятый враг — и у меня есть могучие союзники и немалое везение, но даже я чувствую, что не смогу вечно избегать их мести, хотя уже несколько раз мне удавалось это сделать. Я могу только посоветовать тем, кто хочет хоть что-то спасти от завоеваний Короля Гуона, применять хитрость. Применяйте хитрость, друг мой, это единственное наше оружие против Темной Империи.

— Вы имеете в виду притвориться, будто служишь им? — задумчиво спросил Селим.

— Я так и поступал. Пока что я жив и временно свободен.

— Я запомню твои слова, человек с Запада.

— Запомни их в с е,— предупредил его Хокмун.— Потому что самый трудный компромисс — это когда ты решаешь с д е л а т ь в и д, что ты пошел на компромисс. Обман часто превращается в реальность задолго до того, как человек это поймет.

— Я понял тебя,— погладил бороду Селим и оглядел помещение. Пляшущие тени факелов, казалось, таили угрозу.— Хотел бы я знать, долго ли еще ждать? Сколько областей Европы принадлежит им?

— Ты что-нибудь слышал о провинции, называемой Камарг?

— Камарг? Страна рогатых оборотней, не так ли? И получеловеческих чудовищ, которая как-то сумела устоять против Темной Империи. Ее возглавляет металлический великан. Медный¹ Граф...

— Многое, слышанное тобой, легенда,— улыбнулся Хокмун.— Граф Брасс — из плоти и крови, а чудовищ в Камарге немного. Единственные рогатые звери — это болотные быки и лошади. И Камарг все еще сопротивляется Темной Империи? Не слышал ли ты, как дела у графа Брасса и его помощника фон Вилака, или его дочери Ийссельды?

— Я слышал, что граф убит и его помощник тоже. Но о девушке ничего не слышал и, насколько знаю, Камарг еще держится.

— Твои сведения недостаточно определены,— потер Черный Камень Хокмун.— Я не могу поверить, что Камарг все еще держится, если граф Брасс погиб. Если погибнет граф Брасс, погибнет и провинция.

— Ну, я говорю лишь о слухах, рожденных от других слухов,— ответил Селим.— Мы, торговцы, уверены только в том, что говорят местные сплетни, но большая часть того, что мы слышим о Западе, смутна и неясна. Ты прибыл из Камарга, не так ли?

— Он стал моим приемным отечеством,— ответил Хокмун,— если он еще существует.

— Не будь таким подавленным, герцог Дориан,— положил руку на плечо друга Оладан.— Ты сам сказал, что сведения Селима не заслуживают доверия. Подожди, пока мы будем поближе к нашей цели, потом потеряешь надежду.

Хокмун сделал над собой усилие, стараясь избавиться от дурного настроения, и потребовал еще вина и отварной баранины с прекрасным горячим хлебом. Хотя он и сумел казаться более веселым, мозг его не отдыхал от мыслей о том, что все, кого он любил, погибли, а дикая красота земель Камарга превратилась теперь в выжженную пустыню.

Г л а в а 6

КОРАБЛЬ БЕЗУМНОГО БОГА

Путешествуя с Селимом и его товарищами до Анкары, а оттуда до порта Зонгулдак на Черном море, Оладан и Хокмун оказались в состоянии с помощью документов, что достал им хозяин Селима, попасть на борт

¹ Б р а с с — медный (от *англ.*).

«Улыбающейся девушки», единственного корабля, готового взять их с собой в Симферополь, страну, именуемую Крымией. «Улыбающаяся девушка» не была красивым кораблем, не казалась она также и счастливой. Капитан и экипаж были грязными, а нижние палубы источали тысячи неприятных запахов. И все же они были вынуждены дорого заплатить за возможность плыть на этом корабле, и их каюта была немногим менее грязной, чем трюмная вода, над которой они располагались. Капитан Мусо с длинными жирными усами и бегающими глазками не вселял доверия, равно как и бутылка красного крепленого вина, казавшаяся навечно приклеенной к волосатой лапе старшего помощника.

Хокмун философски рассудил, что, по крайней мере, корабль этот вряд ли привлечет внимание пиратов и по той же причине не станет объектом интереса кораблей Темной Империи, и поднялся на борт вместе с Оладаном незадолго до отплытия.

«Улыбающаяся девушка» тяжело отвалила от причала во время раннего утреннего отлива. Когда ее латанные паруса поймали ветер, она лениво взяла курс на норд-норд-ост и поплыла под темнеющим, набухшим дождем небом. Утро было прохладное и серое, напитанный дождем воздух приглушал звуки и мешал разглядеть что-нибудь вдаль.

Закутавшись в плащ, Хокмун стоял на полубаке и смотрел, как за кормой исчезает Зонгулдак.

К тому времени, как порт скрылся из виду, полил дождь, и снизу поднялся Оладан, подойдя по кренящейся палубе к Хокмуну.

— Насколько было можно, герцог Дориан, я почистил нашу каюту, хотя все равно будет вонять из других помещений этого дурно пахнущего корабля. Кроме того, вряд ли это отпугнет жирных крыс, которых я видел.

— Мы это перенесем, — стоически ответил Хокмун. — Мы вынесли худшее, а плаванье продлится всего два дня. — Он взглянул на старпома, вышедшего, шатаясь, из рубки. — Хотя я был бы счастливее, если бы капитан и офицеры этого корабля оказались менее способными пить. — Он улыбнулся. — Если старпом выпьет еще, а капитан подольше проваляется на койке, мы можем сделаться командующими этой посудиной.

Оба путешественника продолжали стоять на палубе под дождем, глядя на север и гадая, что может выпасть на их долю за оставшийся долгий путь до Камарга.

Корабль шел, и волны швыряли его, словно щепку, а ветер угрожал подняться до штормового. Спотыкаясь, время от времени на мостик выбирался капитан, чтобы наорать на своих людей, обругать их и побоями загнать на ванты зарифить парус. Хокмуну и Оладану приказы капитана казались абсолютно бессмысленными.

К вечеру Хокмун отправился на мостик к капитану. Мусо посмотрел на него своими бегающими глазками.

— Добрый вечер, сударь,— поздоровался он, чихая и вытирая свой длинный нос рукавом.— Надеюсь, плавание проходит для вас удовлетворительно?

— Да, спасибо. Как мы идем?

— Достаточно хорошо, сударь,— ответил капитан, поворачиваясь так, чтобы не смотреть на Хокмуна.— Достаточно хорошо. Не надо ли мне распорядиться на камбузе, чтобы приготовили для вас ужин?

— Хорошо,— кивнул Хокмун.

Внизу под мостиком появился тихо напевающий и, очевидно, вдрызг пьяный старпом.

Внезапно в борт корабля ударил шквал, и корабль опасно накренился. Хокмун вцепился в леера, чувствуя, что они в любой момент могут порваться в его руках. Казалось, капитан Мусо не обратил на шквал никакого внимания, старпом же ничком валялся на палубе, бутылка выпала из его рук, а тело все больше скатывалось к краю падубы.

— Надо помочь ему,— сказал Хокмун.

— Ничего с ним не случится,— рассмеялся Мусо,— ему море по колено.

Тело старпома было уже у самого фалышборта, голова и плечи перевалились за борт. Хокмун спрыгнул с мостика, чтобы подхватить и втащить обратно бесчувственное тело, когда корабль накренился на другой борт и палубу окатили соленые волны.

Хокмун посмотрел на спасенного им человека. Тот лежал на спине с закрытыми глазами, шевеля руками, словно напевая песню.

Хокмун рассмеялся, покачал головой и крикнул шкиперу:

— Вы правы, ему море по колено.

Он отвернулся и ему показалось, что он заметил в море свет. Этот свет быстро потускнел, хотя Хокмун и был уверен, что видел не слишком далеко судно.

— Капитан, вы видите что-нибудь вон там? — крикнул он, подходя к борту около мостика и внимательно вглядываясь в темноту.

— Похоже, плот,— прокричал в ответ Мусо.

Скоро Хокмун смог разглядеть это нечто получше, когда волны прибили его поближе к кораблю. Это действительно оказался плот с цепляющимися за него людьми.

— Судя по их виду — потерпевшие кораблекрушение,— небрежно заметил Мусо.— Бедолаги.— Он пожал плечами.— А, ладно, не наше дело.

— Капитан, мы должны их спасти,— заявил Хокмун.

— Мы никогда не сможем этого сделать при таком освещении. Кроме того, мы теряем время. В этом плаваньи я не везу никакого груза и пассажиров, кроме вас, и я должен быть в Симферополе вовремя, чтобы взять груз раньше, чем его захватят другие.

— Мы должны их спасти,— твердо заявил Хокмун.— Оладан, канат!

Зверочеловек из Разбойничьих Гор отыскал канат и торопливо пригнул его. Плот был еще виден, пассажиры на нем лежали ничком, вцепившись в невидимый выступ плота. Иногда плот исчезал в огромной

водяной впадине, через несколько секунд появлялся вновь на приличном расстоянии от корабля. Разрыв между ними все время увеличивался, и Хокмун понимал, что у него очень мало времени, чтобы спасти людей, пока до плота можно было еще добраться. Прикрутив один конец каната к мачте и обвязавшись другим концом вокруг пояса, он снял плащ, отстегнул меч и бросился в море.

Хокмун сразу понял, в какую опасность попал. Было почти невозможно плыть против огромных волн, и казалось, что волна ударит его о борт корабля, оглушит и он пойдет ко дну. Но он боролся изо всех сил, продираясь сквозь воду, стараясь не дать ей попасть в рот и глаза, и искал взглядом плот.

Вот он! Теперь и пассажиры на нем увидели корабль, поднялись и, крича, размахивали руками.

Подплывая, Хокмун время от времени видел силуэты людей, но не мог ясно разглядеть их. Двое, казалось, боролись с волнами, а третий в это время сидел, выпрямившись и наблюдая за ними.

— Держитесь! — крикнул Хокмун, перекрывая грохот волн и вой ветра. Собрав все свои силы, он заработал руками еще упорнее и вскоре оказался поблизости от плота, который швыряло в диком хаосе черно-белой воды.

Он ухватился за край плота и увидел, что двое и впрямь дрались всерьез. Он увидел также, что на них были маски с рылами Кабанов. Это были солдаты Гранбретани.

* * *

На какой-то момент Хокмуна подмывало предоставить их своей судьбе. Но если он так поступит, он окажется не лучше них. Он решил сделать все, чтобы спасти их, а потом решить, как с ними распорядиться.

Хокмун попытался взобраться на плот, но вода и канат вокруг пояса мешали ему.

— Помогите мне, — выдохнул Хокмун, — или я не смогу помочь вам.

Человек поднялся и, качаясь, двинулся через плот к Хокмуну, пока ему не загородили дорогу дерущиеся. Пожав плечами, он схватил их за выступающие части доспехов, на миг остановился, пока плот в очередной раз не погрузился в воду, а затем просто столкнул в море.

— Хокмун, друг мой дорогой! — раздался голос из-за маски Кабана. — Как я счастлив видеть вас. Вот, я помог вам. Я облегчил наш плот.

Хокмун попытался было схватить одного из тех, кого столкнули, но не смог до него дотянуться. В своих тяжелых доспехах и масках они пошли ко дну. Хокмун завороченно следил, как с кажущейся медлительностью их закованные в металл тела погружались в воду.

Он обжег взглядом оставшегося, который протягивал ему с плота руку.

— Вы убили своих друзей, Д'Аверк. У меня возникла хорошая мысль — отправить вас вслед за ними.

— Друзей? Мой дорогой Хокмун, они были чем-то вроде слуг, но ни в коей мере не были друзьями.— Д'Аверк сжался, когда плот швырнула новая волна, из-за которой Хокмун чуть не выпустил из рук скользкие бревна.— Нет, не друзей. Они были достаточно верными, но невыносимо скучными. И они сделали из себя дураков. А я не мог такое терпеть. Дайте руку и позвольте помочь вам подняться на борт моего небольшого суденышка. Оно не очень, но...

Хокмун позволил Д'Аверку помочь ему взобраться на плот, затем повернулся и помаhal рукой в сторону корабля, едва видимого сквозь туман. Он почувствовал, как натянулся канат, когда Оладан начал сматывать его.

— Просто счастье, что вы проплывали мимо,— хладнокровно заметил Д'Аверк, пока их медленно подтягивали к борту корабля.— Я считал себя ничем не лучше утопленника, а все свои славные замыслы — просто утопленными. И тут, кто, как бы вы думали, проплывает на великолепном корабле — сам благородный герцог Кельнский. Судьбе было угодно вновь столкнуть нас, герцог.

— Да, но я охотно оттолкну вас, как вы оттолкнули ваших друзей, если вы не придержите язык и не поможете мне с канатом,— проворчал Хокмун.

Наконец плот ткнулся в борт «Улыбающейся девушки». Вниз по полусгнившему борту сполз веревочный трап. Хокмун стал подниматься и с облегчением перевалился через фальшборт на палубу.

Когда Оладан увидел появившуюся над бортом голову следующего человека, он выругался и схватился за меч, но Хокмун остановил его.

— Он — наш пленник, мы вполне можем оставить его живым, так как позже, если мы попадем в плен, он может нам пригодиться.

— Ах, как разумно,— с восхищением в голосе произнес Д'Аверк и закашлялся.— Простите меня, но боюсь, перенесенные испытания сильно ослабили меня. Смена белья, стакан горячего грога, хороший отдых, и я вновь стану человеком.

— Вам повезет, если мы позволим вам гнить в трюме,— иронично заметил Хокмун.— Отведи его в нашу каюту, Оладан.

* * *

Теснясь в крошечной каюте, Хокмун и Оладан наблюдали, как Д'Аверк снял с себя маску, доспехи и насквозь промокшую одежду.

— Как вы оказались на плоту, Д'Аверк? — спросил Хокмун, когда тот суетливо вытерся досуха. Хокмуна даже привело в замешательство то хладнокровие, хотя и внешнее, с каким держался этот человек. Герцог восхищался этим качеством и даже спрашивал себя, не нравится ли ему в каком-то смысле Д'Аверк. Наверное, дело было в честности, с которой тот признавался в своем честолюбии, в нежелании оправдывать свои действия, даже если это было убийство.

— Длинная история, дорогой мой друг. Наша троица — Экардо, Питер и я — предоставила остальным солдатам возиться с тем слепым чудовищем, которое вы на нас напустили, и сумела добраться до безопасного места в холмах. Затем прибыл орнитоптер, который я посылал за другим, побольше, и начал кружить над холмами, пораженный, вероятно, впрочем, как и мы, исчезновением целого города. Кстати, вы должны объяснить мне это. Мы посигналили пилоту, и он приземлился... Мы уже сообразили, что оказались в несколько затруднительном положении. — Д'Аверк умолк. — Здесь есть какая-нибудь пища?

— Шкипер приказал доставить с камбуза ужин, — сообщил Оладан. — Продолжайте.

— Мы оказались втроем без лошадей в довольно пустынной местности. Вдобавок мы не сумели удержать вас, когда вы попали к нам, и насколько мы понимали, пилот был единственным, кто об этом знал...

— Вы убили пилота? — догадался Хокмун.

— Именно. Это было необходимо. Затем мы сели в его машину, надеясь добраться до ближайшей базы.

— Что же случилось? Вы не знали, как управлять машиной?

— Вы вновь угадали, — улыбнулся Д'Аверк. — Мое знание этих машин ограничено. Подняться в воздух мы сумели, но затем эта дрянь не желала слушаться штурвала. Не успели мы хоть что-то сообразить, как она понесла нас Рунный Посох знает куда. Должен признаться, я испугался за свою безопасность. Это чудовище вело себя все более неустойчиво, пока наконец не начало падать. Мне удалось направить его так, что оно приземлилось на мягком речном берегу. Экардо и Питер стали устраивать истерики. Поссорились между собой, становились совершенно невыносимыми в манерах и крайне трудноуправляемыми. Однако нам удалось построить плот, и мы намеревались спуститься вниз по реке, пока не доберемся до какого-нибудь порта.

— Это тот самый порт?

— Да.

— Тогда как же вы попали в море?

— Отлив, друг мой, — ответил Д'Аверк с грациозным движением руки. — Течения. Я не представлял, что мы находимся столь близко к устью реки. Нас понесло с пугающей скоростью и увлекло далеко за пределы суши. На этом плоту, на этом проклятом плоту мы провели несколько дней с Питером и Экардо. Они обвиняли друг друга в нашем бедственном положении, хотя винить следовало скорее меня. О, не могу передать вам, герцог Дориан, насколько это было трудное испытание.

— Вы заслужили и худшее, — буркнул Оладан.

В дверь каюты постучали. Оладан поднялся и впустил обсыпанного перхотью матроса с подносом, на котором стояли три чаши с мясом.

Хокмун принял у матроса поднос и вручил Д'Аверку чашу и ложку. Тот на миг задумался, потом набил полный рот. Казалось, он ел с огромной выдержкой. Закончив есть, он поставил чашу на поднос.

— Вкусно,— заметил Д'Аверк,— вполне приемлемо для корабельной кухни.

Хокмун, которого затошнило от вида этой дряни, передал Д'Аверку свою чашу, а Оладан и свою.

— Благодарю вас,— отказался Д'Аверк.— Я ценю умеренность. Для меня вполне достаточно.

Хокмун улыбнулся, восхищаясь хладнокровием француза.

Пища для нас, очевидно, показалаась столь же отвратительной, как и для них, но голод его был так велик, что он тем не менее съел содержимое своей чаши и не без щегольства.

Теперь Д'Аверк потянулся, играя мышцами, так не соответствующими его напускной немощи.

— А теперь,— зевнул он,— если вы простите меня, господа, я посплю. У меня было несколько довольно трудных дней.

— Ложитесь на мою постель,— предложил Хокмун, указывая на свою койку, но не говоря о том, что там гнездятся полчища клопов.— Я посмотрю, нет ли у шкипера гамака.

— Благодарю вас,— отозвался Д'Аверк, и тон его был столь серьезен, что Хокмун от двери обернулся:

— За что?

Д'Аверк нарочито закашлялся, потом поднял глаза и произнес прежним насмешливым тоном:

— Да ясно за что, мой дорогой герцог. За спасение моей жизни, конечно.

К утру шторм стих, и, хотя море еще и волновалось, оно все же было гораздо спокойнее, чем накануне.

Хокмун встретился с Д'Аверком на палубе. Тот был одет в куртку и штаны зеленого бархата, доспехов на нем не было. Увидев Хокмуна, он поклонился.

— Хорошо ли вам спалось? — осведомился Хокмун.

— Великолепно,— ответил Д'Аверк, глаза которого были полны веселья, и Хокмун догадался, что клопы неплохо потрудились над ним.

— Сегодня к вечеру мы должны прибыть в порт,— сообщил Хокмун.— Вы будете моим пленником, заложником, если хотите.

— Заложником? Вы полагаете, Темную Империю волнует, жив я или нет? Ведь я потерял для них полезность.

— Увидим,— ответил Хокмун, коснувшись Черного Камня.— Если вы попытаетесь бежать, я убью вас. Убью столь же хладнокровно, как вы убили своих людей.

— Я обязан вам жизнью,— откашлялся в платок Д'Аверк.— Так что она ваша, берите ее, если требуется.

Хокмун нахмурился. Для него Д'Аверк был слишком хитер, чтобы он мог понять его. Он уже начал сожалеть о своем решении. Француз мог оказаться куда большей обузой, чем он рассчитывал.

— Герцог Дориан!— К ним спешно подошел Оладан и, задыхаясь, указал вперед.— Там парус, и он направляется в нашу сторону.

— Опасность для нас невелика,— улыбнулся Хокмун.— Пиратам у нас пожить нечем.

Но через некоторое время Хокмун заметил следы паники среди экипажа. Когда мимо проплелся капитан, спотыкаясь, Хокмун схватил его за руку:

— Капитан Мусо, в чем дело?

— Опасность, сударь,— прохрипел тот.— Страшная опасность. Разве вы не видите паруса?

Хокмун пристальней взгляделся в море и увидел, что корабль нес единственный парус. На нем был нарисован герб, но он не мог разобрать, какой именно.

— Они же наверняка не потревожат нас,— сказал он.— С какой стати им рисковать, атакуя на нас, на это старое корыто, ведь вы же сами говорили, что не везете никакого груза.

— Им наплевать, везем что-либо мы или нет, сударь. Они нападают на все, что попадаете им на глаза. Они вроде китов-убийц, герцог Дориан, им приятно не захватывать сокровища, а убивать, уничтожать.

— Кто они? — спросил Д'Аверк.— Судя по парусу, это не гранбританский корабль.

— Даже гранбританский корабль не стал бы нападать на нас,— заикаясь, выговорил Мусо.— Нет. Это корабль с экипажем из тех, кто принадлежит к культу Безумного Бога. Они из Мусковии и в последние месяцы стали посещать эти воды.

— Они, кажется, и в самом деле собираются напасть на нас,— сказал Д'Аверк.— С вашего разрешения, герцог Дориан, я спущусь вниз, надежду доспехи и возьму меч.

— Я тоже возьму оружие и заодно принесу твое,— сказал Оладан.

— Сражаться нет смысла,— заявил размахивающий бутылкой старпом.— Лучше всего сейчас же броситься в море.

— Да,— согласился Мусо, глядя вслед Оладану и Д'Аверку, ушедшим за оружием.— Он прав. Мы в меньшинстве. Они разорвут нас на части. А если возьмут в плен, то будут много дней пытать.

Хокмун начал было возражать капитану, затем, услышав всплеск, обернулся: старпом исчез, верный сказанному. Хокмун бросился к борту, но ничего не увидел.

— Не пытайтесь помочь ему,— посоветовал капитан.— Из нас всех он самый мудрый.

Корабль настигал их, на его черном парусе была нарисована пара огромных красных крыльев, а в центре изображено лицо со зверским выражением, воющее, словно в приступе маниакального смеха. На палубах толпились десятки обнаженных людей, на которых не было ничего, кроме поясов для мечей и обитых металлом ошейников. До них долетел странный звук, понять который вначале Хокмун не мог. Он вновь взглянул на парус и понял, что это за звук.

Это был дикий безумный смех, такой, словно грешники веселились в аду.

— Корабль Безумного Бога,— сказал капитан Мусо.— Теперь мы погибли.

Г л а в а 7

КОЛЬЦО НА ПАЛЬЦЕ

Хокмун, Оладан и Д'Аверк стояли плечом к плечу у левого борта корабля, наблюдая, как странное судно подходит ближе и ближе.

Экипаж их корабля столпился вокруг своего капитана, стараясь держаться как можно дальше от атакующих.

Глядя на выкаченные глаза и пену на губах безумцев на приближающемся корабле, Хокмун думал о том, что шансы их более чем безнадежны. С корабля Безумного Бога протянулись абордажные крючья и вонзились в мягкое дерево «Улыбающейся девушки». Троица, собравшаяся защищаться, тут же стала рубить крючья и канаты, и им удалось отсечь большую часть их.

Хокмун ужаснулся, увидев, что нападающий корабль навис над ними. У бортов скопились люди, совершенно на вид безумные, кое-кто из них уже вскарабкался на фальшборт, готовясь перепрыгнуть на палубу «Улыбающейся девушки», держа в руках абордажные крючья. Воздух был наполнен их смехом, на лицах была написана жажда крови.

Первый налетел на Хокмуна, сверкнув обнаженным телом, с поднятым мечом. Меч Хокмуна поднялся, чтобы пронзить нападающего, и тот упал. Еще один поворот меча — тело скрылось в пучине. В несколько секунд корабль наполнился обнаженными воинами, раскачивающимися на канатах, совершающими дикие прыжки, лезущими вверх по вантам. Трое обороняющихся остановили первую волну, рубя все вокруг себя, пока даже воздух не стал казаться кроваво-красным, но постепенно им пришлось отступить от края борта, когда безумцы хлынули на палубу, сражаясь неумело, но с наводящим страх пренебрежением к собственной жизни.

Хокмун отделился от своих товарищей и не знал, живы они или убиты. Скачущие воины бросались на него, но он стиснул меч покрепче и размахивал им вокруг себя, создавая круг сверкающей стали. С ног до головы его покрывала кровь, только глаза, голубые и немигающие, сверкали из-под забрала шлема.

И все время люди Безумного Бога смеялись — смеялись даже тогда, когда им срубали головы.

Хокмун понимал, что его в конце концов одолеет усталость. Меч в его руках уже стал тяжел, и колени у него дрожали. Прислонившись спиной к переборке, он рубил и колот кажущуюся единой толпу хохочущих безумцев, чьи мечи старались оборвать его жизнь.

Один был обезглавлен, другой лишился руки, но каждый удар отнимал у Хокмуна силы. Затем, когда он отразил сразу два удара, ноги у него подогнулись, и он опустился на одно колено. Смех стал громче, победоносней, когда люди Безумного Бога надвинулись на него, чтобы убить.

Он отчаянно рубанул вверх, схватил за запястье одного из нападавших и вырвал у того меч, так что теперь у него было два клинка. Используя приобретенный меч, чтобы колоть, а свой — рубить, он сумел подняться, пинком отбросил еще одного нападавшего и вырвался из толпы, бросившись на мостик. На верхней ступеньке трапа он развернулся, чтобы встретить нападающих, толпой устремившихся за ним. Теперь на его стороне было преимущество. Он увидел, что Оладан и Д'Аверк висят на вантах, ухитряясь держать противников на расстоянии. Он взглянул на корабль Безумного Бога. Тот был прикреплен к «Улыбающейся девушке» абордажными крючьями, но на нем никого не было. Экипаж покинул его. У Хокмуна появилась идея.

Он резко повернулся, убегая от воинов, прыгнул на перила и схватился за канат, свисающий с салинга. А затем оттолкнулся.

Он молил только, чтобы канат оказался достаточно длинным, потом выпустил канат, нырнув, казалось, за борт корабля. Его цепкие руки едва успели ухватиться за фальшборт вражеского судна, и он упал. Подтянувшись на палубу, он стал перерубать абордажные крючья, крича:

— Оладан! Д'Аверк! Быстро ко мне!

Оба увидели его и полезли выше, чтобы уйти по ненадежной рее грот-мачты, пока люди Безумного Бога пытались схватить их.

Корабль Безумного Бога уже отвалил от «Улыбающейся девушки», и расстояние между ними быстро увеличивалось.

Д'Аверк прыгнул первым, перелетев к вантам корабля с черным парусом и уцепившись за канат рукой, какое-то время раскачивался, пока не обрел равновесие.

Оладан последовал за ним, перерезая канат и перемахнув расстояние, разделявшее два корабля, но сорвался с каната и навзничь упал на палубу.

Несколько безумцев последовали за ними, и кое-кто сумел добраться до палубы своего корабля. Смеясь, набросились они на Хокмуна, считая Оладана мертвым.

Хокмун защищался с трудом. Один клинок рассек ему руку, другой попал по лицу ниже забрала. Вдруг в самую кучу обнаженных воинов сверху рухнуло тело человека, который принялся рубить вокруг себя почти с таким же маниакальным рвением, что и они.

Это был Д'Аверк в доспехах и маске с рылом Кабана, с ног до головы залитый кровью врагов. В тылу нападавших появился Оладан, оправившийся от падения.

Вскоре все до одного безумцы были перебиты. Другие прыгали с палубы «Улыбающейся девушки» в море, пытаясь добраться до своего корабля.

Д'Аверк бросился на полубак и схватился за штурвал корабля Безумного Бога, обрывая найтовы и отворачивая от пытавшихся подплыть к кораблю безумных пиратов.

— Ну,— вздохнул Оладан, вложив меч в ножны и оглядывая свои порезы,— мы, кажется, легко отделались и получили лучший корабль.

— При удаче мы окажемся в порту раньше «Улыбающейся девушки»,— усмехнулся Хокмун.— Надеюсь, она по-прежнему поплывет в Крымю, потому что у нее на борту все наше имущество.

Д'Аверк умело разворачивал корабль к северу. Единственный парус выгнулся, поймав ветер, и судно оставило плывущих за ним безумцев далеко позади. Они продолжали смеяться, даже когда тонули.

* * *

После того, как они помогли Д'Аверку закрепить руль так, чтобы корабль хорошо держался на курсе, путешественники занялись обследованием содержимого трюмов захваченного судна. Он был набит сокровищами, награбленными, очевидно, с десятков кораблей, но хватало и бесполезных вещей: сломанного оружия, корабельных инструментов и тюков с тканями. То тут, то там валялся гниющий труп или расчлененное тело.

Сначала путешественники решили избавиться от трупов, заворачивая их в плащи или собирая части тела в тряпки и выбрасывая за борт. Работа эта вызывала у них отвращение и заняла долгое время, потому что некоторые останки были погребены под горами вещей.

Вдруг Оладан прекратил работать, неподвижным взглядом уставившись на отрубленную руку, ставшую уже высохшей, как у мумии. Он неохотно поднял ее, разглядывая кольцо на мизинце. Потом взглянул на Хокмуна:

— Герцог Дориан...

— В чем дело? Не трудись сберечь кольцо. Просто избавься от этой штуки.

— Нет. Дело в самом кольце. Посмотрите на его странный узор.

Хокмун нетерпеливо пересек тускло освещенный трюм и ахнул, так как узнал кольцо.

— Нет! Этого не может быть!

Кольцо принадлежало Ийссельде. Его надел ей на палец граф Брасс в знак обручения с Дорианом Хокмуном.

Онемев от ужаса, Хокмун взял ссохшуюся руку с выражением полного недоумения.

— Что такое? — спросил Оладан.— Что тебя так встревожило?

— Это ее кольцо. Оно принадлежало Ийссельде.

— Но как она могла оказаться в стольких сотнях миль от Камарга, плывущей по этому морю? Это невозможно, герцог Дориан.

— Кольцо принадлежало ей.— Хокмун завороченно смотрел на руку, внимательно изучая ее, потом понял.— Но рука — нет. Видишь, это кольцо едва подошло на мизинец. Граф Брасс надел ей кольцо на средний палец

и даже на нем оно сидело свободно. Нет, это рука вора.— Он стащил с пальца драгоценное кольцо и отбросил руку.— Наверное, кто-то был в Камарге и украл кольцо...— Он покачал головой.— Это невероятно. Но как еще объяснить?

— Может быть, она путешествовала в этих краях, может быть, даже искала тебя,— предположил Оладан.

— Она была бы глупой, если бы так поступила. Но это как раз возможно. Однако, если дело обстояло именно так, где Ийссельда сейчас?

Оладан собрался было ответить, как вдруг сверху раздался тихий ужающий смех. Они посмотрели вверх.

На них глядело ухмыляющееся лицо. Каким-то образом один из безумцев умудрился догнать корабль. Теперь он собирался прыгнуть на них.

Хокмун едва успел выхватить свой меч, как тот прыгнул. Металл ударил о металл.

Оладан выхватил меч, а Д'Аверк бросился вперед, готовый проткнуть безумца, но Хокмун закричал:

— Нет! Берите его живым. Надо взять его живым!

Пока Хокмун отражал удары безумца, Оладан и Д'Аверк навалились на того сзади, схватив его за руки. Дважды он стряхивал нападавших, но потом, лягаясь, упал, и они связали его куском каната. Он уже лежал неподвижно, по-прежнему смеясь, с пеной у рта и невидящими глазами.

— Что толку от него живого? — с вежливым любопытством осведомился Д'Аверк.— Почему бы не перерезать ему глотку и покончить с ним?

— Вот почему,— ответил Хокмун, показывая кольцо.— Кольцо, которое мы только что нашли. Оно принадлежало Ийссельде, дочери графа Брасса. Я хочу знать, как оно попало на этот корабль.

— Странно,— нахмурился Д'Аверк,— я считал, что девушка в Камарге и ухаживает за отцом.

— Так значит, граф ранен?

— Да,— улыбнулся Д'Аверк,— но Камарг все еще держится. Я пытался смутить ваш дух, герцог Дориан. Я не знаю, насколько тяжело ранен граф Брасс, но он все еще жив. И этот его мудрец, Боджентль, помогает ему командовать войсками.

— И вы ничего не слышали об Ийссельде? Ничего о том, что она покидала Камарг?

— Нет,— нахмурился еще больше Д'Аверк.— Но я, кажется, припоминаю... Ах да, в армии графа Брасса служил человек. По-моему, к нему нашли подход и уговорили похитить девушку, но попытка оказалась неудачной.

— Откуда вы знаете?

— Хуан Минага, тот человек, исчез. Надо полагать, граф Брасс казнил его, когда раскрыл измену.

— Мне трудно поверить, что Минага стал предателем. Я немного знал его, он был капитаном кавалерии.

— Был взят нами в плен при второй атаке Камарга,— улыбнулся Д'Аверк.— По-моему, он был германец, а в наших руках оказались его родственники...

— Вы шантажировали его!

— Его шантажировали, но не приписывайте мне эту честь. Я лишь слышал об этом во время совещания в Лондре, собранном Королем Гуоном, чтобы проинформировать нас о ходе кампаний, что мы ведем в Европе.

— Но что, если Минага преуспел, но не сумел добраться до ваших людей с Ийссельдой в руках и был по дороге перехвачен людьми Безумного Бога...

— Они никогда бы не забрались так далеко,— с сомнением покачал головой Д'Аверк,— как, например, на юг Франции. Попади они туда, о них сразу же стало бы известно.

— Тогда как же все объяснить?

— Давайте спросим у этого джентльмена,— предложил Д'Аверк, ткнув носком сапога безумца, чьи смешки стали почти неслышны.

— Будем надеяться, что от него можно будет добиться хоть чего-то вразумительного.

— Я думаю, мы добьемся этого при помощи боли,— сказал Д'Аверк,

— Сомневаюсь,— ответил Хокмун.— Они не знают страха. Надо попробовать другой метод.— Он с отвращением посмотрел на связанного безумца.— Оставим его на время, пока он немного успокоится.

Они поднялись на палубу, закрыв за собой крышку люка. Солнце начало садиться и уже было видно побережье Крыма — черные скалы четко выделялись на фоне пурпурного неба, вода была спокойна и пестро окрашена тускнеющими солнечными лучами, а ветер постоянно дул на север.

— Будет лучше поправить наш курс,— предложил Д'Аверк,— мне кажется, мы немного забираем на север.— Он подошел к штурвалу, отвязал его и повернул на несколько румбов к югу.

Хокмун рассеянно кивнул, глядя, как Д'Аверк, откинув большую кабанью маску, опытной рукой направляет курс корабля.

— На сегодняшнюю ночь нам придется встать на якорь подле берега, а утром войти в порт,— сказал Оладан.

Хокмун не ответил. Голова его была забита вопросами, на которые он не мог найти ответа. Приключения последних двадцати четырех часов истощили запас его душевных и физических сил, а тревога о невесте могла довести до безумия, не менее жуткого, чем у человека в трюме.

Поздно ночью они изучали лицо человека, которого пленили, под светом подвешенных под потолком фонарей, раскачивающихся вместе с кораблем и отбрасывающих перемещающиеся тени на стенки трюма

и кучи награбленного имущества. Где-то взвизгнула крыса, но никто не обратил на это внимания. Все немного отдохнули и чувствовали себя менее напряженно.

Хокмун опустился на колени рядом со связанным человеком и прикоснулся к его лицу. Глаза мгновенно открылись и уставились на окружающих его людей. Безумия в них больше не было, скорей они казались озадаченными.

— Как тебя зовут?— спросил Хокмун.

— Кориантум из Керчи. Кто вы? Где я?

— Тебе следовало бы знать,— ответил Оладан.— На борту собственного корабля. Разве ты не помнишь? Ты и твои приятели напали на наше судно. Был бой. Мы спаслись от вас, а ты поплыл за нами и пытался нас убить.

— Я помню, как поднимали парус,— недоуменно произнес Кориантум,— и больше ничего.— Он попытался подняться.— Почему я связан?

— Потому что ты опасен,— отозвался Д'Аверк.— Ты безумен.

Кориантум рассмеялся чистым естественным смехом:

— Я безумен? Чушь!

Трое путешественников переглянулись. И вправду, в этом человеке, казалось, и намека не было на безумие. Лицо Хокмуна отразило понимание:

— Какое последнее событие ты помнишь?

— К нам обращался с речью капитан.

— И что он сказал?

— Что мы должны принять участие в церемонии — выпить особый напиток... Больше ничего особенного... — Кориантум нахмурился.— Мы выпили напиток...

— Опиши ваш парус?

— Парус? Зачем?

— Было в нем что-то особенное?

— Насколько я помню — нет. Это синяя парусина. Вот и все.

— Ты — торговый моряк?

— Да.

— И это твоё первое плавание на этом корабле?

— Да.

— Когда ты законтрактовался?

На лице Кориантума появилось выражение нетерпения:

— Прошлым вечером, друг мой,— в день Коня по керченскому счету.

— А по универсальному счету?

— В одиннадцатый день третьего месяца,— наморщил нос моряк.

— Три месяца назад,— констатировал Д'Аверк.

— Э... — Кориантум внимательно посмотрел на француза.— Три месяца? Что вы хотите этим сказать?

— Вас одурманили,— пояснил Хокмун.— Одурманили, а потом использовали для выполнения самых отвратительных актов пиратства, о каких я когда-либо слышал. Ты что-нибудь знаешь о культе Безумного Бога?

— Немного. Я слышал, что его исповедуют где-то на Украине и что его последователи в последнее время стали выбираться за пределы своего края — даже в открытое море.

— Ты знал, что на нашем корабле знак Безумного Бога? Что несколько часов назад ты смеялся в безумной жажде крови? Посмотри на свое тело...— Хокмун нагнулся и перерезал веревку.— Ощупай себя.

Кориантум из Керчи медленно встал, дивясь собственной наготе, провел медленно по шее и коснулся ошейника.

— Я... я не понимаю. Это фокус?

— Очень злой фокус, но совершенный не нами,— ответил Оладан.— Вас опоили дурманом, пока вы не обезумели, потом приказали убивать и собирать ту добычу, что вы могли собрать. Ваш «торговый капитан», несомненно, был единственным человеком, знавшим, что с вами будет, и почти наверняка на борту его сейчас нет. Ты что-нибудь помнишь? Например, инструкции относительно того, куда вам плыть?

— Нет.

— Несомненно, капитан собирался появиться на борту позже и направить корабль в тот порт, которым пользуются корабли Безумного Бога,— сказал Д'Аверк.— Может быть, есть корабли, регулярно вступающие в контакт с другими кораблями, если все они набиты такими же дураками, как этот.

— Где-то на борту должен быть большой запас дурмана,— заметил Оладан.— Они, вероятно, принимали его постоянно. Только потому, что мы связали этого парня, у него не было возможности принять его.

— Как ты себя чувствуешь?

— Ощущаю слабость, будто из меня высосали всю жизнь и чувства.

— Ясное дело,— сказал Оладан.— Этот дурман, вне сомнения, убил бы вас в конце концов. Чудовищно! Взять невинных людей, скармливать им снадобье, превращающее их в безумцев и, в конечном итоге, их уничтожающее, и пользоваться ими для убийств и грабежей, и еще отнять добычу. Я полагал, культ Безумного Бога исповедуют честные фанатики, но, кажется, его контролирует более холодный разум.

— Во всяком случае, не моряк,— согласился Хокмун.— Однако я хотел бы знать, где можно найти человека, ответственного за это. Он один может знать, где Ийссельда.

— Для начала я предложил бы поднять парус,— сказал Д'Аверк.

— Мы вплывем в порт с приливом. Когда увидят наш парус, нас примут не очень любезно. Мы также можем воспользоваться попавшими в наши руки сокровищами. Мы же теперь богачи!

— Вы все еще мой пленник,— напомнил Хокмун.

— Но ведь мы в самом деле можем распоряжаться всеми этими со-
кровищами, поскольку владевшие всем этим мертвы, кроме того, часть
мы можем отдать на хранение какому-нибудь честному человеку, чтобы
он роздал деньги людям, кто потерял своих родных, плававших на этом
корабле матросами.

— И что дальше? — спросил Оладан.

— А дальше мы вновь поднимем парус и станем ждать, когда капитан
или хозяин этого корабля разыщет его.

— Можно ли быть уверенным, что он сделает это? Что, если он про-
слышит о нашем визите в Симферополь?

Хокмун мрачно улыбнулся:

— Тогда ему еще больше захочется отыскать нас.

Г л а в а 8

СЛУГА БЕЗУМНОГО БОГА

И вот добыча была продана в Симферополе, а некоторая ее часть
использована для закупки провианта, нового снаряжения и лошадей,
а остальное было передано на хранение купцу, которого им реко-
мендовали как самого честного человека во всей Крымии. Немного
отстав от захваченного корабля, в порт припделась и «Улыбающаяся
девушка», и Хокмун поспешил купить молчание Мусо по поводу ко-
рабля с черным парусом. Он забрал свое имущество, включая и се-
дельную сумку с подарком Ринала, и вместе с Оладаном и Д'Аверком
поднялся на борт корабля. С вечерним приливом они отбыли из порта.
Кориантума они оставили у купца, чтобы он окончательно пришел
в себя.

* * *

Больше недели почти при полном штиле дрейфовал их корабль. По
расчетам Хокмуна, их весьма близко принесло к проливу, соединяющему
Черное и Азовское моря неподалеку от Керчи, где был завербован Ко-
риантум.

Д'Аверк целыми днями валялся в гамаке, подвешенном им для себя
на палубе, и время от времени кашлял, жаловался на скуку. Оладан
часами сидел на клотике, обозревая море, а Хокмун расхаживал по мостику,
размышляя, был ли смысл в его плане, исключая, конечно, необходимость
узнать, что произошло с Ийссельдой. Он даже начал сомневаться, что
кольцо принадлежало ей, подумав, что в Камарге за эти годы было сделано,
возможно, еще несколько таких колец.

Однажды утром на горизонте показался парус, двигавшийся с северо-
запада. Оладан первым заметил его и крикнул Хокмуну, зовя его на
палубу. Хокмун поднялся наверх и огляделся. Это мог быть тот самый
корабль, что они ожидали.

— Спускайтесь вниз! — крикнул он. — Все вниз!

Оладан мгновенно спустился по вантам, Д'Аверк, моментально ставший активным, выпрыгнул из гамака и побежал к трапу, ведущему в трюм. Они собрались в темноте центрального трюма и стали ждать...

Казалось, прошла вечность, прежде чем они услышали глухой удар дерева о дерево и поняли, что корабли встали борт о борт. Это могло оказаться и другое судно, не имевшее отношения к страшным делам и просто проявившее любопытство к судну, что дрейфовало, похоже, без экипажа.

Немногим позже они услышали шаги по палубе прямо над собой: медленная размеренная походка человека, прошедшего по палубе туда и обратно. Потом наступила тишина, означавшая, что человек вошел в каюту или поднялся на мостик.

* * *

Напряжение возросло, когда вновь раздались шаги, направляясь на этот раз прямо к центральному трюму.

Хокмун заметил силуэт, вглядывающийся в темноту трюма, где притаились они. Человек постоял, затем стал спускаться по трапу. Пока он шел, Хокмун прокрался вперед.

Когда человек добрался до конца трапа, Хокмун прыгнул, схватив его за горло. Это был великан, ростом больше двух метров, с огромной черной лохматой бородой и длинными волосами, заплетенными в косички. Поверх рубашки у него был надет медный нагрудник. От удивления он зарычал и резко развернулся, протавив за собой Хокмуна. Великан был невероятно силен. Его пальцы поднялись к рукам Хокмуна и стали отдиравать их от своего горла.

— Скорей, помогите мне удержать его! — закричал Хокмун, и его друзья кинулись вперед, набросились на великана и повалили его.

Д'Аверк вытащил меч. В своей кабаньей маске он выглядел весьма опасным, когда деликатно приложил острое меча к шее великана и потребовал:

— Имя? — Голос его глухо прогремел из-под маски.

— Капитан Шасаров. Где мой экипаж? — Чернобородый великан прожигал их взглядом, нисколько не смущенный своим пленением. — Где мой экипаж?

— Вы хотите сказать: безумцы, отправленные вами убивать, — уточнил Оладан. — Они все утонули, кроме одного, кто рассказал нам о ваших подлых делишках.

— Дураки! — выругался Шасаров. — Вас всего трое. Вы считаете, что поймали меня в ловушку, когда у меня полно бойцов на другом корабле.

— Мы, как вы могли заметить, разделились с одним кораблем, полным бойцов, — посмеиваясь, заявил Д'Аверк. — Так что теперь, когда у нас есть опыт в подобной работе, мы сможем успешно справиться и с другим.

На миг в глазах Шасарова блеснул страх, затем лицо его отвердело.

— Я вам не верю. Те, кто плавал на том корабле, жили только для того, чтобы убивать. Как вам удалось?

— Ну, удалось вот,— ответил Д'Аверк. Он повернул огромную голову к Хокмуну: — Поднимемся на палубу и приведем наш план в исполнение?

— Минутку.— Хокмун нагнулся к Шасарову.— Я хочу его допросить. Шасаров, ваши люди когда-нибудь брали в плен девушку?

— У них есть приказ не убивать девушек, а приводить ко мне.

— Зачем?

— Не знаю. Мне приказали отправлять девушек к нему, я и отсылал.— Шасаров засмеялся.— Вы не удержите меня надолго. Самое большее через час вы будете убиты. Мои люди заподозрят неладное из-за моего долгого отсутствия.

— Почему вы никого не привели с собой? Наверное, потому что они не безумцы и у них вызвало бы отвращение то, что они здесь увидели бы.

— Когда я крикну, они явятся,— пожал плечами Шасаров.

— Возможно,— согласился Д'Аверк,— поднимайтесь, пожалуйста.

— Эти девушки,— продолжал свое Хокмун,— куда вы их отсылали и к кому?

— На материк, конечно, к своему хозяину, Безумному Богу.

— Так значит, вы не обманываете своих людей, заставляя их верить, что эти пиратские налеты и убийства совершаются последователями культа, которому вы служите?

— Да, я служу ему, хотя и не принадлежу к культу. Его последователи хорошо платят мне за морские рейды и отправку им добычи.

— Почему же так?

— У культа нет моряков,— фыркнул Шасаров.— Поэтому один из них и придумал такой способ добывания денег, хотя я и не знаю, зачем им деньги, и обратился ко мне.— Он поднялся на ноги.— Идемте поднимемся на палубу. Будет забавно посмотреть, что вы станете делать.

Д'Аверк кивнул остальным, и они прошли в темноту трюма и принесли длинные незажженные факелы, по одному на каждого. Д'Аверк подтолкнул Шасарова, чтобы тот поднимался вслед за Оладаном.

Они медленно поднялись на палубу, появившись, наконец, на ярком солнце, и увидели стоящее рядом с ними большое красивое судно.

Люди на борту судна сразу же поняли, что произошло, и двинулись было вперед, но Хокмун ткнул мечом в ребра Шасарова и крикнул:

— Не двигаться или мы убьем вашего капитана!

— Убейте меня и они убьют вас! — загремел Шасаров.— Кто играет?

— Молчать! — приказал Хокмун.— Оладан, зажигай факелы.

Оладан стукнул кресалом о камень над первым факелом, и тот вспыхнул ярким пламенем. От него он зажег остальные и вручил каждому из своих спутников по факелу.

— Итак,— заговорил Хокмун,— этот корабль облит оливковым маслом. Как только мы коснемся палубы факелом, она запылает. Все судно будет мгновенно охвачено огнем, ваше, кстати, тоже. Так что мы рекомендуем вам не предпринимать никаких действий для спасения вашего капитана.

— Так значит, все мы сгорим,— заметил Шасаров.— Вы также безумцы, как и те, кого вы перебили.

— Оладан, приготовь ялик,— покачал головой Хокмун.

Оладан отправился на корму к самому дальнему люку, развернул над ним лебедку, откинул крышку люка и исчез внутри, прихватив с собой канат.

Хокмун заметил, что на втором корабле люди угрожающе зашевелились, и качнул факелом... Жар от него придавал его лицу вид темно-красной маски, пламя свирепо отражалось в глазах.

Оладан появился на палубе и начал работать одной рукой с лебедкой, держа в другой факел. Из люка стало что-то медленно выползать, с трудом проходя в широкое отверстие.

Шасаров удивленно хмыкнул, увидев огромный ялик, в котором стояли три лошади, выглядевшие испуганными и ошеломленными, когда их сначала подняли на палубу, а потом оставили качаться над морем.

Оладан закончил работу и прислонился к мачте, вспотевший и тяжело отдувающийся, но сначала удостоверился, что факел на достаточном расстоянии от палубы.

— Хитроумный план,— нахмурился Шасаров.— Все продумано, но вас всего лишь трое. Что вы намерены делать теперь?

— Повесить вас,— ответил Хокмун.— На глазах вашего экипажа. У меня было две причины расставить вам капкан. Первая — мне нужны были сведения. Вторая — должно свершиться правосудие.

— Чье правосудие? — взревел Шасаров, глаза его наполнились ужасом.— Зачем впутываться в дела других? Мы не причинили вам никакого вреда. Чье правосудие?

— Правосудие Хокмуна,— ответил побледневший герцог Кельнский. Лучи солнца попали на Черный Камень, и тот, казалось, ожил.

— Воины! — пронзительно закричал Шасаров.— Воины! Атакуйте их! Спасите меня!

— Если вы придете ему на помощь,— крикнул в ответ Д'Аверк,— мы убьем его и подожжем корабль. Вы ничего не добьетесь. Если хотите спасти собственные жизни и свой корабль, отваливайте от нашего борта и оставьте нас. Мы ссорились только с этим человеком.

Как он и ожидал, экипаж не питал особой привязанности к Шасарову и, когда под угрозой оказались их собственные шкуры, не испытывал большого желания броситься ему на помощь. И все-таки они не обрубали

абордажные крючья, а ждали и смотрели, что будут делать дальше эти трое, захватившие в плен их капитана.

Хокмун поднялся на салинг. С собой он нес веревку с завязанной петлей. Достигнув верха, он перекинул ее через рею, так что она закачалась над самой водой, крепко привязал ее и вернулся на палубу.

Наступила тишина. Шасаров понял, что ждать от своих людей помощи он не может. За кормой раскачивался ялик с лошадьми и грузом провизии. При полном отсутствии ветра чуть слышно скрипели тали. Факелы горели в руках троих путешественников.

Шасаров закричал и попытался вырваться, но три меча остановили его, ткнувшись остриями в горло, грудь и живот.

— Вы не сможете... — начал было он, но осекся, увидев на их лицах непреклонную решимость.

Оладан поднял меч и, зацепив им петлю, подтянул ее наверх. Д'Аверк подтолкнул вперед Шасарова, а Хокмун, взяв петлю в руки, расширил ее, чтобы надеть на шею Шасарова. Когда петля обвила его шею, Шасаров взревел и нанес удар Оладану, сидевшему на борту. С криком удивления маленький зверочеловек опрокинулся и полетел в воду. Хокмун охнул и бросился посмотреть, не нужна ли Оладану помощь. Шасаров повернулся к Д'Аверку и выбил у него из руки факел, но Д'Аверк помахал мечом под носом у Шасарова, отступив на шаг.

Пиратский капитан плюнул ему в лицо и прыгнул на борт, лягнув при этом Хокмуна, пытавшегося его остановить, а затем прыгнул вниз.

Петля затянулась, а нок-рея согнулась под тяжестью тела, потом выпрямилась, и тело капитана Шасарова дико заплесало вверх вниз. Шея его сломалась, и он умер.

Д'Аверк бросился к горящему факелу, но было поздно: палуба, пропитанная маслом, загорелась. Тогда он стал затапывать пламя.

Хокмун бросился за канатом, чтобы сбросить его Оладану, но тот, насквозь промокший, уже вошел на корабль, ничуть, похоже, не пострадав от вынужденного купания.

Экипаж другого корабля зароптал и стал продвигаться ближе. Хокмун недоумевал, почему они не отваливают.

— Отваливайте! — крикнул он. — Спасти своего капитана вы уже не можете и вам угрожает пожар!

Но они не двинулись.

— Пожар, идиоты! — Оладан указал туда, где Д'Аверк отступал от пламени, которое взвилось вверх и лизало мачты и надстройку.

— Давайте перебираться в нашу лодочку, — усмехнулся Д'Аверк.

Хокмун бросил в воду свой факел и повернулся к нему:

— Почему они не отваливают?

— Сокровища, — засмеялся Д'Аверк, когда они спустили ялик на воду, а испуганные лошади зафыркали, учуяв огонь. — Они думают, что на борту остались сокровища.

Как только ялик оказался на воде, они опустились в него по канатам и обрубали конец, связывавший их с объатым черным пламенем кораблем. Он казался сплошной массой пламени и маслянистого дыма. На фоне огня четким контуром качалось тело Шасарова, дергаясь то в одну, то в другую сторону, словно стараясь избежать пламени.

Они подняли на ялике парус, и бриз наполнил его, унося прочь от горящего судна. Позади него они увидели пиратский корабль с загоревшимся парусом. Видимо, на него попали искры с горящего судна. Кое-кто из экипажа занимался тушением огня, в то время, как другие обрубали концы абордажных крючьев. Трудно было сказать, захватит ли пожар и это судно.

Вскоре ялик был уже на таком расстоянии, что разглядеть что-либо было невозможно. Прямо по курсу ялика была видна земля. Земля Крымии, а за ней — Укрании.

И где-то на Укрании они найдут Безумного Бога, его последователей, а возможно, и Ийссельду.

В то время, как Хокмун и его друзья плыли к скалистому берегу Крымии, армии Темной Империи обступили со всех сторон маленькую страну Камарг по приказу Короля-Императора Гуона, который приказал во что бы то ни стало сокрушить этих непокорных, посмевавшихся сопротивляться Гранбретани. По Серебряному мосту, протянувшемуся на тридцать миль над морем, двигались орды Темной Империи, Кабаны и Волки, Грифы и Псы, Богомолы и Лягушки, в доспехах необычного вида и с оружием, ярко сверкавшим на солнце. В своем Тронном Шаре, свернувшись как зародыш, Король Гуон сгорал от ненависти к Хокмуну, графу Брассу и остальным, кем он почему-то не мог повелевать, как повелевал почти всем миром. Казалось, будто им помогает какая-то таинственная сила, и они подчиняются ей, а не ему, Королю-Императору. А этого он вынести не мог... Но, увы, многое зависело от этих непокоренных, этих немногих свободных — Хокмуна, Оладана, вероятно, Д'Аверка, таинственного Рыцаря в Черном и Золотом, Ийссельды, графа Брасса и некоторых других. Потому что на них пал выбор Рунного Посоха...

Из истории «Рунного Посоха»

Г л а в а 1 ОЖИДАЮЩИЙ РЫЦАРЬ

Когда они приблизились к голым скалам, обозначившим берег, Хокмун с любопытством взглянул на Д'Аверка, откинувшего свою кабанью маску и с улыбкой глядевшего на море. Д'Аверк почувствовал взгляд Хокмуна и спросил:

— Вы, кажется, озадачены, герцог Дориан? Неужели вы недовольны исходом нашего плана?

— Да,— кивнул Хокмун.— Но я думаю о вас, Д'Аверк. Вы попали в эту авантюру случайно, и в ней для вас нет никакой выгоды. Я уверен, вы не испытывали большого энтузиазма, воздавая Шасарову по заслугам, и вы, конечно же, не разделяете моего отчаянного желания узнать о

судьбе Ийссельды. Но тем не менее, вы даже не сделали никакой попытки бежать.

— А зачем мне бежать? — еще шире заулыбался Д'Аверк. — Моей жизни вы не угрожаете. Вернее, вы мне ее спасли. И в данный момент, как мне кажется, моя судьба теснее связана с вашей, чем с судьбой Темной Империи.

— Но вы не преданы ни мне, ни моему делу.

— Я предан, мой дорогой герцог, как я уже однажды имел честь объяснять вам, делу, которое, всего вероятней, поможет моим собственным амбициям. Должен признать, что я изменил свои взгляды относительно безнадежности вашего дела. Вы, по-моему, наделены таким чудовищным везением, что иногда я склонен думать, будто победа над Темной Империей у вас в кармане. Если это окажется возможным, я вполне готов присоединиться к вам, и с большим энтузиазмом.

— А может быть, вы дожидаетесь часа, когда сможете вновь взять меня в плен для ваших хозяев, поменявшись со мной местами?

— Никакое отрицание вас не убедит, — улыбнулся Д'Аверк. — Так что я не буду и стараться.

Загадочный ответ снова заставил Хокмуна нахмуриться.

Словно для того, чтобы сменить тему разговора, Д'Аверк закашлялся и, согнувшись от тяжелого приступа, лег на дно лодки.

— Герцог Дориан! Смотри! На берегу! — крикнул в этот момент Оладан.

Хокмун присмотрелся. Под контурами утеса он смог различить полосу галечника. На берегу был виден всадник, неподвижный, глядящий на них так, будто поджидал их с определенным сообщением.

Дно ялика заскребло по песку. Хокмун узнал всадника, ожидавшего в тени утеса.

Хокмун выпрыгнул из лодки и приблизился к всаднику. С головы до ног тот был закован в пластинчатые доспехи, склонив голову в шлеме, словно погрузившись в размышления.

— Вы знали, что я окажусь здесь? — спросил Хокмун.

— Мне подумалось, что вы можете пристать к берегу именно в этом месте, — ответил Рыцарь в Черном и Золотом. — Поэтому я ждал.

— Понятно. — Хокмун посмотрел на него, не зная, что говорить и делать дальше. — Понятно.

К ним подошли Оладан и Д'Аверк.

— Вы знаете этого джентльмена? — спросил Д'Аверк.

— Старый знакомый, — отозвался Хокмун.

— Вы — сэр Юиллам Д'Аверк, — звучно произнес Рыцарь в Черном и Золотом. — Я вижу, вы все еще носите одежды Гранбритании.

— Они соответствуют моему вкусу, — ответил Д'Аверк. — Но вы не представились.

Рыцарь в Черном и Золотом, не обратив никакого внимания на его слова, поднял тяжелую руку в латной рукавице и указал на Хокмуна:

— Вот тот, с кем я должен поговорить. Вы ищете свою нареченную, герцог Дориан, и ваша дорога ведет к Безумному Богу.

— Ийссельда — пленница Безумного Бога?

— В переносном смысле — да. Но вы должны отыскать Безумного Бога по другой причине.

— Ийссельда жива? Она жива? — настойчиво вопрошал Хокмун.

— Жива. — Рыцарь в Черном и Золотом переместился в седле, потом продолжал: — Но вы должны уничтожить Безумного Бога раньше, чем она вновь станет вашей. Вы должны уничтожить Безумного Бога и сорвать с его шеи Красный Амулет — ибо Красный Амулет по праву ваш. Две вещи украл Безумный Бог, и обе вещи ваши по праву: амулет и девушка.

— Ийссельда, разумеется, моя, но я ничего не знаю ни о каком амулете, у меня никогда его не было.

— Это — Красный Амулет, и он ваш. Безумный Бог не имеет никакого права носить его, вот почему амулет и превратил его в безумца.

— Если только в этом заключаются свойства Красного Амулета... — улыбнулся Хокмун, — пусть он носит его на здоровье.

— Это не тема для шуток, герцог Дориан. Красный Амулет превратил его в безумца, потому что он украл его у слуги Рунного Посоха. Но если Красный Амулет носит слуга Рунного Посоха, то благодаря ему он может получить громадную силу, передающуюся от Рунного Посоха. Только незаконно владеющий им превращается в безумца и только законный хозяин может обрести его. Следовательно, я не могу забрать его так же, как и никто другой, кроме Дориана Хокмуна фон Кельн, слуги Рунного Посоха.

— Вы вновь называете меня слугой Рунного Посоха, а я до сих пор не знаю, какие я должен исполнять обязанности, не знаю даже, не является ли все это плодом воображения, а вы — сумасшедшим.

— Думайте, что хотите. Однако нет никакого сомнения, не так ли, что вы ищете Безумного Бога и что вы больше всего на свете хотите его найти?

— Найти Ийссельду, его пленницу.

— Если вам так нравится. Тогда мне не нужно уговаривать вас выполнить вашу задачу.

— С тех пор, как я отправился из Хамадана, произошла серия случайных совпадений, — нахмурился Хокмун. — Едва ли вероятная.

— Там, где действует Рунный Посох, нет места случайным совпадениям. Иногда узор замечен, иногда — нет. — Рыцарь в Черном и Золотом повернулся в седле и указал на тропу, прорубленную по краю утеса. — Мы можем подняться здесь. Разобьем лагерь и отдохнем. А утром начнем путешествие к замку Безумного Бога.

— Вы знаете, где он находится? — нетерпеливо спросил Хокмун.

— Да.

В голову Хокмуна пришла еще одна мысль:

— А не устроили ли вы пленение Ийссельды, чтобы заставить меня искать Безумного Бога?

— Ийссельда была захвачена в плен предателем из армии ее отца, Хуаном Минагой, который собирался отвезти ее в Гранбретань. Но по дороге его отвлекли воины Темной Империи, которые хотели отнять у него пленницу, чтобы приписать эту честь себе. Пока они дрались, Ийссельда убежала и присоединилась к каравану беженцев из Италии, сумев попасть несколько позже на корабль, направлявшийся в Прованс по Адриатическому морю. Но корабль этот оказался рабовладельческим судном, возившим девушек в Аравию и залив Сидра, и он был атакован пиратским судном с Карпат.

— В такую историю трудно поверить. Что же было дальше?

— Потом карпатцы решили получить за нее выкуп, не зная, что Камарг обложен, и лишь позже узнали о невозможности получить с ее отца деньги. Тогда они решили отвезти ее в Стамбул и продать там, но, прибыв туда, обнаружили, что в порту полно кораблей Темной Империи. Испугавшись, они поплыли дальше в Черное море, где их корабль атаковали те, чье судно вы недавно сожгли...

— Остальное я знаю. Та рука, что мы нашли, принадлежала пирату, присвоившему кольцо Ийссельды. Но эта история, Рыцарь, едва ли похожа на правду. Совпадение...

— Я сказал тебе: там, где действует Рунный Посох, нет места совпадений. Иногда узор кажется проще, чем в другое время.

— Она невредима? — вздохнул Хокмун.

— Относительно.

— Я не понимаю, что вы хотите этим сказать.

— Подожди, пока не прибудешь в замок Безумного Бога.

Хокмун попытался еще расспрашивать Рыцаря в Черном и Золотом, но загадочный человек оставался совершенно безмолвным. Он сидел на своем коне, углубившись в собственные мысли. Хокмун пошел помочь Оладану и Д'Аверку вывести из лодки лошадей, которые нервничали, и выгрузить остальное имущество. Хокмун подивился тому, что его помятая седельная сумка еще цела, несмотря на все их приключения.

Когда они все выгрузили, Рыцарь в Черном и Золотом молча повернул коня и направился показывать дорогу по другой тропе.

Трое путешественников, однако, были вынуждены спешиться и следовать за ним помедленней. Несколько раз люди и лошади оступались, непрочко державшиеся камни летели вниз к галечному пляжу, оставшемуся внизу. Но наконец они добрались до вершины и взглянули на широкую равнину, протянувшуюся, казалось, без конца и края.

— Утром мы отправимся этой дорогой к Пульсирующему мосту, — указал на запад Рыцарь в Черном и Золотом. — За ним лежит Украина, а замок Безумного Бога находится во многих днях пути вглубь страны. Будьте осторожны, так как воины Темной Империи появились и в этих местах.

Он смотрел, как они разбивают лагерь. Д'Аверк поднял на него взгляд:

— Разве вы, сэр, не присоединитесь к нам? — почти сардоническим тоном осведомился он.

Но огромная голова, скрытая шлемом, осталась склоненной, и как воин, так и конь оставались неподвижными, словно статуя, всю ночь, как бы следя за ними, а может и впрямь следили за ними, чтобы они не отправились в другую сторону.

Хокмун лежал в палатке, глядя на силуэт Рыцаря в Черном и Золотом, гадая, было ли это создание человеком и были ли его интерес и забота, проявляемые по отношению к нему, в конечном итоге дружественными, а не враждебными. Он вздохнул. Он только хотел найти Ийссельду, спасти ее и отвезти в Камарг. И самому успеть попасть туда, чтобы удостовериться, что провинция все еще держится против сил Темной Империи. Но его жизнь осложнялась этой странной тайной Рунного Посоха и особой судьбой, которую он должен был воплощать так, чтобы она подходила к «замыслу» Рунного Посоха. И все-таки Рунный Посох был вещью или разумом? Может быть, он был разумом? Он был величайшей силой, к которой можно было апеллировать, давая клятву. Считалось, что он управляет человеческой историей. Почему же, недоумевал Хокмун, Посох нуждался в слугах, если, в конечном счете, все люди служат ему?

Но, вероятно, не все люди. Вероятно, время от времени возникали силы, вроде Темной Империи, которые противодействовали замыслу Рунного Посоха. И тогда, вероятно, Рунному Посоху нужны были слуги.

Хокмун запутался. Глубокие рассуждения и философствования такого рода были ему несвойственны. Вскоре он заснул.

Г л а в а 2

ЗАМОК БЕЗУМНОГО БОГА

Они ехали два дня, пока не приблизились к Пульсирующему мосту, раскинувшемуся над морем и протянувшемуся между двух утесов, разделенных несколькими милями.

Пульсирующий мост был зрелищем поразительным, потому что он, казалось, был сделан не из твердого вещества, а из множества пересекавшихся разноцветных лучей, сплетенных таинственным способом. Там были нити голубые и золотые, блестящие, ярко-зеленые и алые, пульсирующие желтые. Весь мост пульсировал, как будто был живым органом, а под ним море пенилось на острых скалах.

— Что это? — спросил Хокмун у Рыцаря в Черном и Золотом. — Наверняка ведь не природное явление.

— Древний артефакт, — ответил воин, — сделанный забытой расой при помощи забытой науки. Это было где-то между эпохой выпадения Дождя Смерти и становлением княжеств. Кто они были, как возникли, как погибли, мы не знаем.

— Вы-то наверняка знаете,— весело заявил Д'Аверк.— Вы меня разочаровываете. Я считал вас всезнающим.

Рыцарь в Черном и Золотом промолчал. Свет от Пульсирующего моста отражался на их коже и доспехах, окрашивая их в разные цвета. Лошади поднялись на дыбы и ими стало трудно управлять, когда всадники направили их к огромному мосту.

Конь Хокмуна брыкался и храпел, но Хокмун натянул поводья, принуждая его двигаться вперед. Наконец копыта коня коснулись Пульсирующего моста, и он стал спокойнее, поняв, видимо, что мост его выдержит.

Рыцарь в Черном и Золотом уже пересекал мост, все его тело казалось окруженным огнем многоцветной ауры, и Хокмун тоже увидел странный свет, как бы проползший по телу его коня, а затем заливший его самого. Оглянувшись, он увидел, что Д'Аверк и Оладан сияют, словно существа с другой планеты, пока они медленно продвигались по Пульсирующему мосту.

Далеко внизу, сквозь перекрещивающиеся лучи было слабо видны серые скалы и море, пенящееся вокруг скал. В ушах Хокмуна нарастал гудящий звук, музыкальный и приятный, заставляющий, казалось, все его тело вибрировать в унисон с вибрацией моста.

Они пересекли мост, и Хокмун ощутил себя посвежевшим, словно несколько дней отдыхал. Он сказал Рыцарю об этом, и тот с ним согласился.

— Да, мне говорили, что это еще одно свойство Пульсирующего моста.

И они поехали дальше. Теперь между ними и логовом Безумного Бога лежала только суша.

* * *

На третий день пути начал моросить мелкий дождь, от которого они простудились и пали духом. Их лошади брели по бескрайним, насквозь промокшим украинским степям, и казалось, что нет конца этому серому миру.

На шестой день Рыцарь в Черном и Золотом поднял голову и остановил коня, сделав знак остальным остановиться. Похоже, он прислушивался.

Вскоре Хокмун тоже расслышал звук. Это была дробь лошадиных копыт. Затем на небольшом пригорке слева от них появилось несколько десятков всадников в папах и бурках, с длинными пиками за спиной и саблями.

Они, кажется, пребывали в панике и, не заметив четверых друзей, пронеслись мимо с фантастической скоростью, нахлестывая лошадей нагайками.

— Что случилось? — крикнул Хокмун.— От кого вы так бежите?
Один из всадников, не снижая скорости, обернулся в седле.

— Армия Темной Империи! — крикнул он и понесся дальше. Хокмун нахмурился.

— Стоит ли нам продолжать двигаться в этом направлении? — спросил он Рыцаря. — Или следует поискать другую дорогу?

— Безопасного пути нет, — ответил Рыцарь в Черном и Золотом. — С таким же успехом мы можем выбрать и эту дорогу.

Еще через полчаса они увидели дым. Это был густой маслянистый дым, стлавшийся по земле. Хокмун знал, что означает такой дым, но не стал ничего говорить своим спутникам, пока они не подъехали к городку и не увидели на главной площади пирамиду из голых трупов: мужчин, женщин, детей и животных, в беспорядке набросанных друг на друга и горящих.

Именно этот костер и придавал дыму столь специфический запах, и Хокмун знал одну лишь расу, которой были свойственны подобные забавы. Всадники были правы. Поблизости находились солдаты Темной Империи. Все говорило о том, что городок был взят и уничтожен имперским батальоном.

Они обогнули городок, так как ничем не могли помочь, и в мрачном молчании продолжили путь, остерегаясь теперь любого признака гранбританских войск.

Оладан, повидавший не так уж много жестокостей Темной Империи, был больше всех потрясен увиденным зрелищем.

— Ведь обыкновенные смертные не могут... — повторил он, — не могут...

— Они вовсе не считают себя обыкновенными, — заметил Д'Аверк. — Они считают себя полубогами, а своих правителей — богами.

— И это оправдывает в их глазах все их аморальные действия, — подхватил Хокмун. — И кроме того, они любят разрушать, сеять страх, пытаться и убивать. У них, как у росوماхи, стремление убивать сильнее стремления жить. На этом острове выросла раса безумцев, мысли и действия которых чужды тем, кто не рожден в Гранбритании.

Угнетающий дождик продолжал моросить, когда они оставили далеко позади городок с горящей пирамидой.

— Теперь до замка Безумного Бога рукой подать, — сообщил Рыцарь в Черном и Золотом.

* * *

На следующее утро они выехали на широкую плоскую равнину к небольшому озеру, над которым стелился серый туман. За озером возвышался мрачный серый силуэт замка из грубо отесанного камня, стоявшего на противоположном берегу.

На полпути к замку они увидели несколько сгрудившихся на берегу лачуг и привязанных к сваям лодок. Рядом сушились сети, но людей не было видно.

День был холодный, мрачный и гнетущий, и вокруг деревни, озера и замка царила таинственная атмосфера. Трое путников следовали за Ры-

царем в Черном и Золотом весьма неохотно, когда тот направился вдоль берега к замку.

— Что это за культ Безумного Бога? — прошептал Оладан. — Сколько у него ревнителей? Столь же они свирепы, как и те, с кем мы сражались на корабле? Правильно ли оценивает Рыцарь их силу и доблесть?

Хокмун пожал плечами: он думал только об Ийссельде. Он оглядел громадный темный замок, прикидывая, где она может быть заключена.

Когда они подъехали к рыбацкой деревушке, то поняли, почему в ней было так тихо. Все жители деревни, до последнего человека, были перебиты, зарублены мечами или топорами. Некоторые клинки все еще торчали в черепках мужчин и женщин.

— Темная Империя! — воскликнул Хокмун.

Но Рыцарь в Черном и Золотом отрицательно покачал головой.

— Не их работа и не их оружие, кроме того, не их стиль.

— Тогда... кто же? — прошептал дрожа Оладан. — Культ?

Рыцарь не ответил. Вместо этого он остановил коня и, спешившись, подошел, тяжело ступая, к ближайшему труп. Другие тоже спешили, осторожно оглядываясь вокруг. Туман с озера наползал на них, словно злая сила, пытавшаяся поймать их в западню. Рыцарь указал на труп.

— Все они были ревнителями культа. Некоторые ловили рыбу, снабжая замок, другие жили в самом замке. Например, эти из замка.

— Передрались между собой? — предположил Д'Аверк.

— В некотором смысле, да, — ответил Рыцарь.

— Что ты хочешь этим сказать? — начал было Хокмун, но резко повернулся, когда из лагуны послышался леденящий крик визг. Все схватились за оружие, готовые отразить нападение с любой стороны.

Но когда нападение произошло, вид нападавших заставил Хокмуна на мгновение опустить меч.

Они бежали между домами, поднимая мечи и топоры. На них были нагрудники и кожаные юбки-кильты, глаза горели свирепым огнем. Зубы оскалены в зверином рычании, а на губах выступила пена.

Но не это поразило Хокмуна и его спутников. Их поразили пол нападавших, так как все бежавшие на них, маниакально визжавшие воины, все как один, были женщинами необыкновенной красоты.

Медленно принимая защитную стойку, Хокмун отчаянно искал среди них Ийссельду и ощутил невероятное облегчение, не найдя ее.

— Так вот зачем Безумный Бог требовал, чтобы к нему отсылали женщин, — ахнул Д'Аверк. — Но почему?

— Он, насколько я понимаю, — извращенный Бог, — пояснил Рыцарь в Черном и Золотом, поднимая меч, чтобы отразить нападение первой женщины-воина.

Хокмун отчаянно защищался от клинков женщин с безумными лицами, но никак не мог заставить себя убивать их. Они оставляли много открытых мест для ударов его меча, но каждый раз, как ему предоставлялась воз-

возможность поразить их, он сдерживался. Точно так же, кажется, вели себя и его спутники. В миг передышки он огляделся, и у него возникла идея.

— Медленно отступайте! — крикнул он друзьям. — Делайте, как я! Я хочу превратить это в победу, но в победу бескровную.

Четверка постепенно отошла назад, пока их не остановили шесты, на которых сушились рыбацкие сети. Хокмун обошел первый шест и схватился за конец сети, все еще отражая удары. Оладан догадался о его замысле и схватился за другой конец. Хокмун крикнул:

— Давай!

И они набросили на женщин сеть.

Сеть схватила большинство, но некоторым удалось расцезать ее, и, вырвавшись на свободу, женщины продолжали атаковать.

Д'Аверк и Рыцарь в Черном и Золотом, поняв замысел Хокмуна, тоже швырнули сеть, накрыв тех, кто сумел избежать ее в первый раз. Хокмун и Оладан швырнули еще одну сеть, окончательно запутав женщин. В конце концов, все женщины оказались опутаны крепкими рыбацкими сетями и мужчины смогли осторожно и постепенно разоружить их.

Хокмун тяжело дышал, когда, подняв один меч, швырнул его в озеро.

— Наверное, Безумный Бог не такой уж безумный. Обучи женщин сражаться, и они всегда будут иметь преимущество перед солдатами-мужчинами. Это, несомненно, часть большого замысла...

— Ты имеешь в виду, что его добыча денег при помощи пиратства необходима для финансовой поддержки пополняющейся армии женщин? — спросил Оладан, присоединившись к нему и кидая в воду очередной меч.

— Это кажется вероятным, — согласился Д'Аверк, наблюдая за их работой. — Но почему женщины убили тех, других?

— Это мы сможем выяснить, когда доберемся до замка, — сказал Рыцарь в Черном и Золотом. — Мы... — Он оборвал фразу, так как часть сетей лопнула и женщина-воин набросилась на них, выставив вперед лопну.

Д'Аверк обхватил ее за талию, но она лягалась и визжала. Оладан сделал шаг вперед и, развернув меч, ударил ее эфесом по голове.

— Как бы сильно это не оскорбляло мои рыцарские чувства, — произнес Д'Аверк, опуская обмякшую девушку на землю, — я думаю, вы продемонстрировали наилучший способ иметь дело с этими смазливими девицами, Оладан, вернее убивицами. — И подойдя к сетям, он начал методически, с ленцой лишать чувств женщин, борющихся с сетями. — По крайней мере, — рассудил он, — мы их не убили, но и не дали им убить себя. Великолепное равновесие.

— Хотел бы я знать, — мрачно сказал Хокмун, — есть ли еще.

— Ты думаешь о Ийссельде? — спросил Оладан.

— Да, я думаю о Ийссельде. Едем.— Хокмун вскочил в седло.— К замку Безумного Бога!

Он пустил лошадь галопом и помчался вдоль берега к громадному серому силуэту. Другие последовали за ним помедленнее. Первым скакал Оладан, за ним Рыцарь в Черном и Золотом, и наконец ленивым галопом продвигался Д'Аверк, выглядевший для стороннего наблюдателя беззаботным юношей, что выехал на утреннюю прогулку.

Хокмун приблизился к замку и замедлил скачку, натянув поводья и заставив остановиться своего коня, когда они достигли подъемного моста.

Внутри замка все было тихо, и только легкий туман вился вокруг его башен. Подъемный мост был опущен, и вокруг него валялись трупы часовых.

Где-то на верху самой высокой башни каркнул ворон и улетел, хлопая крыльями над водой озера. Сквозь серые тучи пробилось солнце. Было такое впечатление, что солнце здесь никогда не показывалось. Все выглядело так, словно из своего мира они перешли в иной, где вечно царили смерть и безнадежность.

Как открытая пасть зияла перед Хокмуном арка входа в замок. Клубы тумана образовали причудливые очертания, и всюду стояла гнетущая тишина. Хокмун глубоко вдохнул холодный влажный воздух, вытащил меч, прищипорил коня и поскакал по мосту, перепрыгнул через трупы и вступил в замок Безумного Бога.

Г л а в а 3 ДИЛЕММА ХОКМУНА

Огромный двор замка был завален телами. Некоторые принадлежали воинам-женщинам, но большей частью это были трупы мужчин, и на всех был надет ошейник Безумного Бога. Кровь засохла на булыжниках.

Конь Хокмуна захрапел, учуяв запах смерти и крови, но Хокмун заставил его двигаться дальше, страшась увидеть среди мертвецов Ийссельду. Он спешил, переворачивал трупы женщин и внимательно рассматривал их окоченевшие лица, но ни одна даже отдаленно не напоминала Ийссельду.

Во двор въехал Рыцарь в Черном и Золотом, за ним — Оладан и Д'Аверк.

— Ее здесь нет,— произнес Рыцарь,— она находится в замке.

Хокмун поднял мрачное лицо. Его рука, державшая лошадь в поводу, дрожала.

— Он ничего с ней не сделал, Рыцарь?

— Это ты должен увидеть сам, герцог Дориан,— ответил Рыцарь, указывая на главные двери замка.— Вон там находится двор Безумного Бога. Короткий коридор ведет в главный зал, и там он сидит, поджидая тебя...

— Он знает обо мне?

— Он знает, что однажды придет законный владелец Красного Амулета и предъявит свои права на него...

— Меня нисколько не волнует амулет, а только Ийссельда. Где она, Рыцарь?

— Внутри. Она там. Иди и предъяви свои права на то, что принадлежит тебе по праву — на амулет и на девушку. И то, и другое важно для замыслов Рунного Посоха.

Хокмун повернулся, побежал к двери и исчез в темноте замка.

* * *

Внутри было невероятно холодно. С потолка коридора капала ледяная вода, и по стенам расплзались пятна плесени. С мечом в руках Хокмун крался по коридору, ожидая нападения.

Но ничего не произошло. Он добрался до громадной деревянной двери, примерно метров на шесть выше его роста, и остановился.

Из-за двери доносился странный гроыхающий звук, глухое бормотанье, заполняющее, казалось, все помещение, находящееся за дверью. Хокмун осторожно нажал на дверь, и она подалась. Он просунул в дверь голову и увидел необыкновенную сцену.

Зал имел странно искаженные пропорции. В некоторых местах его потолки были очень низкими, в других поднимались метров на пятнадцать. Окон не было вообще. Освещался зал факелами, беспорядочно укрепленными на стенах.

В центре зала на полу, где валялось несколько давно прирезанных человек, стояло большое кресло черного дерева, обитое инкрустированными медными полосами. Перед ним, свисая с относительно низкой части потолка, покачивалась большая клетка, в каких обычно держат прирученных птиц. Правда, эта была намного больше. В ней Хокмун заметил сгорбившуюся человеческую фигуру.

Зал был пуст, и Хокмун вошел, потихоньку приблизившись к клетке.

Именно из нее, понял он, и доносилось горестное бормотание, и все же это казалось невозможным: слишком велика была громкость. Хокмун решил, что такое происходит из-за хорошей акустики зала.

Он подошел к клетке и смог лишь смутно разглядеть сгорбившуюся фигуру, потому что было очень плохое освещение.

— Кто вы? — спросил Хокмун. — Пленник Безумного Бога?

Стенания прекратились, и фигура шевельнулась. До Хокмуна донесся глухой, резонирующий, меланхоличный голос:

— Да, пожалуй, можно сказать и так. Самый несчастный пленник из всех.

Теперь Хокмун смог получше разглядеть это существо. У него была длинная жилистая шея, тело его тоже было длинным и худым. Голову его покрывали длинные нечесанные седые волосы, свалывшиеся и грязные, еще у него была борода клином, тоже грязная, тянувшаяся от подбородка

до ступней. Нос у него был большой, орлиный, в глубоко посаженных глазах светился огонек меланхолического безумия.

— Могу ли я вас спасти? — спросил Хокмун. — Не могу ли отогнуть прутья клетки?

— Дверь клетки не заперта. — Человек пожал плечами. — Моя тюрьма — не решетка. Я попал в капкан внутри своего стонущего черепа. О, горе мне!

— Кто вы?

— Я был известен как Стальников из великого семейства Стальниковых.

— И Безумный Бог заточил вас?

— Да. Заточил. Именно так, заточил. — Пленник в незапертой клетке повернул свою огромную печальную голову и пристально взглянул на Хокмуна. — Кто вы?

— Я — Дориан Хокмун, герцог Кельнский.

— Германец?

— Кельн некогда был частью страны, называвшейся Германией.

— Я боюсь германцев. — Стальников забился в угол клетки подальше от Хокмуна.

— Вам незачем бояться меня.

— Да? — Стальников засмеялся, и безумный смех заполнил зал. — Да? — Он сунул руку под жакет и вытащил что-то, висевшее на шее на длинном шнурке. Предмет запылал изнутри темно-красным огнем, словно громадный рубин, и Хокмун увидел, что на нем стоит знак Рунного Посоха. — Да? Значит, ты не тот германец, что должен прийти похитить мою силу?

— Красный Амулет! — ахнул Хокмун. — Как вы его добыли?

— Да ясно как, — ответил Стальников, поднимаясь с пола клетки и жутко улыбаясь Хокмуну. — Тридцать лет назад я снял его с трупа воина, которого мои слуги подстерegli и убили, когда он проезжал по этим землям. — Он погладил амулет, и красный свет ударил в глаза Хокмуна, так что он едва мог видеть. — Это и есть Безумный Бог. Это и есть источник моего безумия и моей силы. Это и держит меня в плену.

— Вы Безумный Бог? Где моя Ийссельда?

— Ийссельда? Девушка? Новая девушка с белокурыми волосами и мягкой белой кожей? Почему ты спрашиваешь?

— Она моя!

— Тебе не нужен амулет? — Безумный Бог рассмеялся, смех его заполнил весь зал, вибрируя во всех трещинах. — Тогда ты получишь ее, германец!

Он хлопнул в свои скрюченные ладоши, тело его задвигалось, как у отпущенной на свободу марионетки, клетка закачалась.

— Ийссельда, девочка моя! Выйди, Ийссельда, и послужи своему господину.

Из глубины зала, где потолок почти соприкасался с полом, появилась девушка. Хокмун видел ее силуэт, но не мог быть вполне уверен, что это

Ийссельда. Он вложил меч в ножны и двинулся вперед. Да... движения, осанка — это была Ийссельда.

Едва он узнал ее, на губах появилась улыбка, и он протянул руки обнять ее.

Вдруг раздался животный визг, и девушка бросилась на него, протягивая к его глазам пальцы с металлическими когтями. Лицо ее исказила гримаса злости, тело ее было укрыто одеждой, усыпанной торчащими наружу шипами.

— Убей его, хорошенькая Ийссельда, — смеялся Безумный Бог. — Убей его, мой цветочек, и мы наградим тебя его потрохами.

Хокмун поднял руки отразить когти, и тыльная сторона рук его была сильно изрезана. Он поспешно отступил.

— Нет, Ийссельда, нет. Я же твой нареченный Дориан...

Но безумные глаза не узнавали его, изо рта текла слюна. Девушка снова секанула стальными когтями, и Хокмун поспешно отпрыгнул, моля взглядом, чтобы она узнала его.

— Ийссельда...

Безумный Бог засмеялся, ухватившись за прутья решетки и с нетерпением глядя на них:

— Убей его, мой цыпленочек! Разорви ему глотку!

Хокмун почти рыдал, отпрыгивая и уворачиваясь от сверкающих когтей Ийссельды.

— Какой силе она подчиняется? — крикнул он Стальникову. — Что побеждает ее любовь ко мне?

— Она подчиняется власти Безумного Бога, как подчиняюсь ей я, — ответил Стальников. — Красный Амулет всех делает своими рабами.

— Только в руках злого существа... — Хокмун метнулся в сторону, когда на него в очередной раз кинулась Ийссельда. Он увернулся и бросился к клетке.

— Он превращает в зло всех, кто его носит, — смеясь, заявил Стальников. — Всех.

— Всех, кроме слуг Рунного Посоха!

Голос прозвучал от двери в зал и принадлежал Рыцарю в Черном и Золотом. Голос был звучный и авторитетный.

— Помогите мне, — попросил Хокмун.

— Не могу, — ответил Рыцарь в Черном и Золотом, стоя неподвижно, опершись на свой грозный меч, направленный острием вниз.

Хокмун споткнулся и почувствовал, как когти Ийссельды впились в его спину. Он поднял руки, чтобы схватить ее, и закричал от боли, когда шипы вонзились в его ладони, но он сумел освободиться от когтей, отшвырнуть ее и метнулся к клетке, где Безумный Бог верещал от восторга.

Хокмун прыгнул и ухватился за прутья решетки, лягнув по пути Стальникова. Клетка беспорядочно закачалась и начала крутиться. Внизу прыгала Ийссельда, пытаясь достать Хокмуна своими когтями.

Стальников отступил к стене клетки, его безумные глаза наполнил ужас, когда Хокмун сумел открыть клетку и войти в нее, закрыв за собой дверцу. Снаружи Ийссельда выла от неутоленной жажды крови, свет от амулета превращал ее глаза в алые.

Теперь Хокмун и в самом деле заплакал, глядя на свою любимую. Потом он обратил взор, полный ненависти, на Безумного Бога.

Глухой, все еще траурный голос Стальникова разнесся по залу. Он держал в руке амулет, направляя его свет на Хокмуна.

— Назад, смертный... Повинуйся мне, повинуйся власти амулета..

Хокмун зажмурился, ощутив слабость. Глаза его остановились на пылающем амулете, и он застыл на месте, чувствуя, как сила этой штуки отнимает его силу.

— Теперь,— произнес Стальников,— теперь ты отдашь себя своему убийце.

Но Хокмун собрал всю свою волю и сделал шаг вперед. Бородатая челюсть Безумного Бога отвалилась от крайнего удивления.

— Приказываю тебе именем Красного Амулета...

От двери донесся звучный голос Рыцаря в Черном и Золотом:

— Он — тот, кем Красный Амулет управлять не может. Единственный. Он — законный владелец...

— Назад! — На этот раз Стальников произнес это голосом, не столь сильным и уверенным. Он добрался до дверцы клетки и пинком распахнул ее.

Оскалив белые зубы и подняв прекрасное лицо, искаженное безумием, Ийссельда сумела ухватиться за прутья клетки и теперь цеплялась за нее снаружи. Спина Безумного Бога была обращена к ней. Красный Амулет по-прежнему светил в глаза Хокмуна.

Когтистая лапа Ийссельды метнулась вперед, цапнув Стальникова по затылку. Он завопил и прыгнул на пол. Ийссельда увидела Хокмуна и забралась в клетку.

Хокмун понимал, что сейчас не время пытаться образумить свою взбесившуюся нареченную. Собрав в комок всю свою волю, он нырнул мимо ее падающей лапы и прыгнул, опустившись на неровные каменные плиты, и некоторое время лежал, переводя дух.

Когда Ийссельда спрыгнула на пол, он с трудом поднялся. Безумный Бог забрался в большое кресло напротив клетки, влез на его спинку и сел, словно на насесте. Красный Амулет болтался у него на шее, отбрасывая красный свет на лицо Хокмуна. По плечам Безумного Бога стекала кровь из раны, нанесенной Ийссельдой.

Когда Хокмун добрался до кресла и взобрался на подлокотник, Стальников в ужасе заверещал:

— Умоляю тебя, оставь меня... Я не причиню тебе никакого вреда.

— Ты уже причинил мне достаточно вреда,— мрачно заметил Хокмун, вынимая меч.— Много вреда. Вполне достаточно, чтобы сделать вкус мести весьма сладким, Безумный Бог...

Стальников забрался еще выше. Он закричал Ийссельде:

— Ийссельда, стой! Стань прежней! Я приказываю тебе именем Красного Амулета!

Хокмун обернулся, замерев, увидел, что Ийссельда остановилась и выглядит, как человек, сбитый с толку. Губы ее в ужасе раздвинулись, когда она разглядела предметы, укрепленные на ее пальцах, шипы, что покрывали ее платье.

— Что случилось? Что со мной сделали?

— Тебя загишпотизировало вон то чудовище,— сквозь зубы процедил Хокмун, махнув мечом в направлении съездившегося от страха Стальникова.— Но я отомщу за все, что он с тобой сделал!

— Нет,— завопил Стальников.— Это нечестно!

Ийссельда разрыдалась.

Стальников лихорадочно оглядывался:

— Где мои слуги? Где мои воины?

— Ты заставил их перебить друг друга для собственного развлечения,— сообщил ему Хокмун.— А тех, кто остался жив, мы взяли в плен.

— Моя армия женщин! Я хотел, чтобы красота покорила всю Укранию! Вернуть себе наследие Стальниковых!

— Вот это наследие,— проговорил Хокмун, поднимая меч.

Стальников резко спрыгнул со спинки кресла и бросился бежать к выходу из зала, но его загораживал Рыцарь в Черном и Золотом.

Во тьме зала Стальников шмыгнул в щель и исчез.

Хокмун слез с кресла и повернулся взглянуть на Ийссельду, в рыданиях лежавшую на полу. Он подошел к ней, мягко снял окровавленные стальные когти с ее пальцев, длинных и нежных. Она подняла голову:

— О, Дориан, как ты нашел меня? О, любовь моя!..

— Благодаря Рунному Посоху,— ответил за Хокмуна Рыцарь.

— Вы, по крайней мере, настойчивы и последовательны в своих притязаниях, Рыцарь,— засмеялся Хокмун.

Рыцарь в Черном и Золотом не ответил, он стоял в дверях как статуя, безликий и высокий.

Хокмун нашел застежки страшного платья девушки и принялся снимать его.

— Найди Безумного Бога,— велел Рыцарь.— Помни, Красный Амулет — твой. Он даст тебе силу.

— И наверное, превратит меня в безумца,— нахмурился Хокмун.

— Нет, дурень. Он твой по праву.

Хокмун замолк, на него произвел впечатление тон Рыцаря. Ийссельда коснулась руки Хокмуна.

— Остальное я могу сама.

Хокмун поднял меч и всмотрелся в темноту зала, где исчез Стальников, Безумный Бог.

— Стальников!

Где-то в глубочайшей нише зала мелькнуло красное пятнышко света. Хокмун пригнул голову и вошел в нишу. Он услышал звук рыдания, которое скоро заполнило все вокруг. Все ближе и ближе подбирался Хокмун к источнику красного света. Все громче и громче становилось рыдание. Наконец, красное свечение разгорелось очень ярко, и в его свете он увидел носителя амулета, стоявшего у стены из грубо отесанного камня с мечом в руке.

— Тридцать лет я ждал тебя, германец, — произнес Стальников на удивление спокойным голосом, — я знал, что ты должен явиться и разрушить мои планы, уничтожить мои идеалы, погубить все, над чем я трудился. И все-таки я надеялся отвратить угрозу. Наверное, я еще могу.

С громким кличем поднял он меч и рубанул по Хокмуну.

Хокмун легко парировал удар, развернув клинок так, что меч вылетел из руки Безумного Бога, и направил свой меч в сердце Стальникова.

Какое-то время Хокмун мрачно смотрел на перепуганного безумца. Свет от Красного Амулета окрашивал их лица в алый цвет. Стальников откашлялся, будто собирался просить о пощаде, потом плечи его обвисли.

Хокмун вогнал свой острый клинок в сердце Безумного Бога. Потом он круто повернулся и, оставив труп и Красный Амулет, ушел.

Г л а в а 4

СИЛА АМУЛЕТА

Хокмун набросил свой плащ на голые плечи Ийссельды. Девушка дрожала, рыдая от радости встречи с Хокмуном. Неподалеку все также неподвижно возвышался Рыцарь в Черном и Золотом.

Пока Хокмун обнимал Ийссельду, огромное тело Рыцаря пришло в движение, пересекло зал и вступило в темноту, где лежал Безумный Бог Стальников.

— О, Дориан, я не могу тебе пересказать все ужасы, что я пережила за эти месяцы. Попадала в плен то к одной, то к другой банде. Я даже не знаю, где нахожусь сейчас, как называется это адское место. Я ничего не помню о недавних днях, кроме слабой памяти о кошмаре, где я боролась с собой, против желания убить тебя.

— Это был всего лишь кошмар, — привлек ее к себе Хокмун. — Давай уйдем отсюда. Мы вернемся в Камарг и будем в безопасности. Скажи мне, что стало с твоим отцом и другими?

— Разве ты не знаешь? — Глаза ее расширились. — Я думала, ты сперва вернулся туда, а потом отправился искать меня...

— Я ничего не знаю, кроме разных слухов. Как там Боджентль, фон Вилак, граф Брасс?

— Фон Вилак был убит огненным копьём в битве с войсками Темной Империи, — опустила она глаза, — на северных границах. Граф Брасс...

— Что с ним?

— Когда я видела его в последний раз, мой отец лежал на смертном ложе, и даже целительные способности Боджентля были бессильны вернуть ему здоровье. Все выглядело так, будто он потерял всякие чувства, будто не желал больше жить. Он говорил, что Камарг должен скоро пасть, считал тебя погибшим, когда ты не вернулся в срок, необходимый для дороги туда и обратно.

— Я должен срочно попасть в Камарг, хотя бы только для того, чтобы вернуть графу волю к жизни. С твоим исчезновением у него вообще ничего не осталось.— Глаза Хокмуна вспыхнули.

— Если он еще жив,— тихо произнесла она, словно не веря такой возможности.

— Он должен быть жив. Если Камарг еще сражается, то граф Брасс жив.

Из коридора донесся топот сапог. Хокмун толкнул Ийссельду в спину и выхватил меч.

Дверь распахнулась, и в проеме появился тяжело дышащий Оладан, а за ним — Д'Аверк.

— Солдаты Темной Империи,— произнес Оладан.— Их больше, чем мы сможем одолеть. Они, должно быть, обследуют окрестности и замок в поисках уцелевших.

— Я пытался их вразумить, делая вид, что имею право им приказывать,— прошел мимо маленького зверочеловека Д'Аверк,— поскольку звание у меня выше, чем у их предводителя.— Он пожал плечами.— Но, кажется, у Д'Аверка больше нет никакого влияния на войска Ганбретани. Тот проклятый пилот, видимо, прожил достаточно долго, чтобы успеть рассказать поисковой партии о моей неловкости, позволившей вам бежать. Теперь я такой же отверженный, как и вы...

— Входите оба и закройте эту громадную дверь на засов,— нахмурился Хокмун.— Она должна выдержать их натиск.

— Это единственный вход? — спросил Д'Аверк, оценивающе разглядывая дверь.

— По-моему, да,— ответил Хокмун.— Но на этот счет можно будет побеспокоиться попозже.

Из тени появился Рыцарь в Черном и Золотом. В одной руке, одетой в латную рукавицу, болтался на шнурке Красный Амулет. Шнурок был запачкан кровью.

Рыцарь держал амулет осторожно, не дотрагиваясь до камня, и протянул его Хокмуну, пока Д'Аверк и Оладан спешно закрывали дверь и задвигали засов.

— Вот,— произнес Рыцарь,— он твой.

— Я не желаю его,— отпрянул Хокмун,— не возьму его. Это злая вещь. Многих он заставил умереть, других свел с ума. Даже этот бедняга Стальников стал его жертвой. Оставь его себе. Найди другого, достаточно глупого, чтобы носить его.

— Носить его должен ты, — ответил из-под шлема спокойный голос. — Только ты можешь носить его.

— Не буду! — взмахом руки Хокмун указал на Ийссельду. — Эта вещь довела нежную девушку до того, что она стала бешеным зверем. Все, кого мы видели в рыбацкой деревне, убиты силой Красного Амулета. Все, кто напал на нас, сведены с ума его силой. Все, кто лежит во дворе замка, уничтожены Красным Амулетом. — Он вышиб его из руки Рыцаря. — Я не возьму его! Если Рунный Посох сводит людей с ума, я не стану иметь с ним никакого дела!

— Его влияние становится разлагающим из-за того, что люди недостойные захватывают его, — произнес Рыцарь в Черном и Золотом все тем же низким и равнодушным голосом. — Это — твой долг как избранника Рунного Посоха — принять дар. Тебе он не принесет вреда. Тебе он не даст ничего, кроме силы.

— Силы уничтожать людей и превращать их в безумных?

— Силы делать добро и сражаться с ордами Темной Империи!

Хокмун презрительно усмехнулся. Со стороны двери донесся сильный грохот, и он понял, что воины Гранбритании обнаружили их убежище.

— Нас превосходят в численности, — сказал Хокмун. — Даст ли Красный Амулет нам силу сбежать от них, когда есть лишь один путь, вон через ту дверь?

— Он поможет тебе, — ответил Рыцарь, нагибаясь и поднимая за шнурок амулет.

Дверь затрещала под ударами солдат Гранбритании.

— Если Красный Амулет может сделать столько добра, — поинтересовался Хокмун, — то почему ты не прикасаешься к нему?

— Мне не положено его касаться. Он может сделать со мной то, что он сделал с несчастным Стальниковым. — Рыцарь двинулся вперед. — Вот, возьми его, именно за ним ты сюда и пришел.

— Я пришел сюда спасти Ийссельду. Я это сделал.

— Именно из-за этого она сюда и попала.

— Так значит, это был трюк, чтобы заманить меня сюда?

— Нет, это было частью узора. Но ты говоришь, что явился сюда спасти ее, и все же отказываешься от средства выбраться с ней из замка. Коль скоро сюда вломятся десятка два, а то и больше свирепых бойцов, они уничтожат нас всех. А участь Ийссельды будет худшей, чем наша...

Дверь еле держалась на петлях. Оладан и Д'Аверк отступили с мечами наготове. Выражение тихого отчаяния светилось в их глазах.

— Еще минута и они ворвутся, — сказал Д'Аверк. — Прощай, Оладан, и ты тоже, Хокмун. Вы были менее скучными спутниками, нежели некоторые...

— Я не знаю... — поглядел Хокмун на Амулет.

— Доверься моему слову, — посоветовал Рыцарь в Черном и Золотом. — Я спасал тебя в прошлом. Разве стал бы я делать это, чтобы уничтожить тебя сейчас?

— Уничтожить — нет. Но амулет предаст меня злой силе. Откуда я знаю, что именно ты посланник Рунного Посоха? У меня есть лишь твое слово, что я служу ему, а не темному делу.

— Дверь ломается, — закричал Оладан. — герцог Дориан, нам понадобится ваша помощь! Дайте Рыцарю скрыться и Ийссельде тоже! Дайте, если он может!

— Быстрей, — поторопил Рыцарь, протягивая амулет Хокмуну. — Возьмите его и хотя бы спасите девушку.

На миг Хокмун заколебался, а потом принял амулет. Он лег в его ладонь так, будто был изготовлен специально для его руки. Казалось, красный свет амулета запылал еще ярче и залил своим светом весь зал. Хокмун почувствовал, как в него вливается сила. Все его тело наполнилось ощущением благополучия. Когда он двигался, то делал это очень быстро. Его мозг, казалось, больше не омрачали события дня. Он улыбнулся и надел на шею запятнанный кровью шнурок, нагнулся поцеловать Ийссельду и испытал разлившееся по всему телу восхитительное ощущение. Потом с мечом наготове он повернулся лицом к орущим воинам Гранбретани, которые почти сломали дверь в зал.

И вот дверь рухнула, и за ней действительно стояли, пригнувшись, тяжело дышащие псы Гранбретани в тигриных масках, сверкающих металлом и эмалью, полудрагоценными камнями. Их оружие было готово, чтобы свежевать новые жертвы, эту крохотную и жалкую на вид группу людей.

Предводитель солдат шагнул вперед:

— Столь много трудов ради столь немногих. Братья, заставим их заплатить за наши усилия.

И началась резня.

Г л а в а 5 БОЙНЯ В ЗАЛЕ

— О, клянусь Рунным Посохом, — проговорил Хокмун, — какая во мне сила!

Он прыгнул вперед, огромный боевой меч со свистом рассек воздух и перерубил шею ближайшего воина, ударил, отражая нападение воина слева и сшиб его с ног, взмахнул мечом и рассек доспехи воина справа.

Всюду вокруг него летел в разные стороны искореженный металл. Свет от амулета бросал алые блики на закрытые масками головы солдат Темной Империи, когда Хокмун повел своих друзей в атаку.

Свет Красного Амулета ошеломлял их, и они поднимали неуклюжие от брони руки, чтобы защитить глаза, пытаясь обороняться и дивясь той скорости, с какой Оладан, Хокмун и Д'Аверк двинулись на них. За ними последовал и Рыцарь в Черном и Золотом, его громадный двуручный меч свистел, а движения его на вид были очень легки.

Лязгало оружие, кричали гранбританские солдаты, когда четверо друзей погнались их из зала. И все это время Ийссельда держалась у четверки за спиной.

Хокмуна атаквали шестеро с топорами. Они попытались приблизиться к нему, чтобы помешать орудовать мечом, но герцог Кельнский пнул ногой одного, локтем отпихнул другого и обрушил меч прямо на маску третьего, расколов и шлем и череп. От такой тяжелой работы меч скоро затупился, и Хокмуну пришлось использовать его как топор. Он вырвал новый меч из руки одного из солдат, но и свой оставил при себе. Новым мечом он колол, а своим рубил.

— Ах,— прошептал он в разгаре битвы,— Красный Амулет стоит своей цены.

Амулет болтался на его шее, превращая его вспотевшее мстительное лицо в маску красного демона.

Уже последние солдаты бросились к двери, пытаясь избежать смерти, но Рыцарь в Черном и Золотом и Д'Аверк преградили им путь, рубя их.

Мельком Хокмун заметил Ийссельду. Она уткнулась лицом в ладони, словно отказываясь быть свидетельницей кровавого разгрома, учиненного ее друзьями.

— Ах, как сладко убивать эту падаль! — воскликнул Хокмун.— Не отворачивайся, Ийссельда! Это наша победа!

Но девушка не внимала его словам и не отнимала рук от лица.

Пол зала был завален трупами перебитых воинов Гранбритании. Хокмун тяжело дышал и осматривался, не видя больше, кого можно убить еще. Он отбросил отнятый у врага меч, вложил в ножны свой, жажда битвы оставила его. Он нахмурился, подняв к глазам Красный Амулет и разглядывая его, изучая выгравированный на нем узор украшенного рунами Посоха.

— Так,— прошептал он,— твоя первая помощь мне — это помощь в убийстве. Я благодарен, но все же мне хотелось бы знать, не ближе ли твоя сила ко злу, чем к добру.— Свет Красного Амулета стал меркнуть. Хокмун поднял взгляд на Рыцаря в Черном и Золотом. Амулет потускнел.— Что это значит?

— Он черпает свою силу с большого расстояния и не может поддерживать ее постоянно. Потом он снова станет ярким,— ответил Рыцарь и помолчал, прислушиваясь и склонив набок голову.— Я слышу новые шаги, эти воины были лишь частью отряда.

— Тогда пойдем и встретим их,— произнес Д'Аверк с низким поклоном, взмахом руки приглашая Хокмуна пройти вперед.— После вас, друг мой. Вы, кажется, экипированы лучше всех, чтобы встретить их первым.

— Нет,— возразил Рыцарь.— Пойду я. На время сила амулета иссякла. Идем.

Они осторожно пробрались через выбитую дверь, последними шли Хокмун и Ийссельда. Она посмотрела на него твердым взглядом.

— Я рада, что ты убил их, — сказала она. — Хотя мне крайне неприятно было видеть, что смерть является столь неблагоприятно.

— Они живут неблагоприятно, — мягко возразил Хокмун. — И заслуживают смерти. Это единственный способ иметь дело с теми, кто служит Темной Империи. Теперь мы должны встретиться с другими. Будь храброй, любовь моя, потому что сейчас мы встретимся с величайшей опасностью.

Рыцарь в Черном и Золотом уже вступил в схватку с первыми из подкрепления, навалившись тяжестью своего закованного в броню тела так, что они падали назад в узкий коридор, теряя присутствие духа, и ни один из четверки не был даже задет.

Солдаты Темной Империи вырвались на заваленный трупами двор. Четверо сражавшихся против них, когда они появились при свете дня во дворе, имели устрашающий вид.

Все еще моросил нудный дождик, воздух был по-прежнему прохладен, он оживил Хокмуна и его друзей, а недавняя победа заставляла их чувствовать себя непобедимыми. Солдаты Темной Империи заколебались, нападать ли им, хотя и имели численное преимущество. Рыцарь в Черном и Золотом ткнул пальцем в сторону подъемного моста.

— Убирайтесь! — приказал он глухим и низким голосом. — Или мы уничтожим вас, как уничтожили ваших собратьев.

Хокмун гадал, в самом ли деле верит Рыцарь в то, что они без помощи Красного Амулета смогут разбить столь превосходящего врага.

Но прежде чем смог ответить себе, он увидел: по подъемному мосту пронеслась новая группа воинов. Они схватили оружие из рук валявшихся трупов.

Это женщины-воины Безумного Бога освободились из сетей!

— Покажи им амулет, покажи, — шепнул Рыцарь Хокмуну. — Они привыкли подчиняться только ему. Именно он смутил их души, а не Безумный Бог.

— Но ведь свет его померк, — отозвался Хокмун.

— Неважно. Покажи им амулет.

Хокмун сорвал амулет с шеи и помахал им перед лицами озверевших женщин.

— Стойте! Именем Красного Амулета я приказываю вам напасть на них... — И он указал на солдат Темной Империи. — Вперед! Я поведу вас!

Он прыгнул вперед, его меч взлетел, рассекая переднего солдата прежде, чем тот что-либо понял.

Женщины превосходили в численности солдат Гранбретани и охотно потрудились над их уничтожением, настолько охотно, что Д'Аверк крикнул:

— Пусть заканчивают они, а мы можем уйти!

— Это же наверняка только одна стая псов Темной Империи, — пожал плечами Хокмун. — Поблизости должны быть и другие.

— Следуйте за мной, — командовал Рыцарь в Черном и Золотом. — Я полагаю, пришла пора выпустить зверей Безумного Бога.

Глава 6

ЗВЕРИ БЕЗУМНОГО БОГА

Рыцарь в Черном и Золотом провел их в ту часть двора, где в мостовой находилось два больших железных люка. Прежде чем они смогли, ухватившись за железные кольца, вделанные в крышки, поднять тяжелые крышки, им пришлось разобрать гору трупов. Крышки лязгали о камень, открыв длинный каменный спуск, ведущий во мрак.

Оттуда доносился теплый запах, который был для Хокмуна особым знаком. Он остановился у спуска, так как был уверен, что запах этот означает опасность.

— Не бойтесь,— твердо произнес Рыцарь.— Проходите. Там вы обретете способ скрыться из этого места.

Хокмун стал медленно спускаться. Остальные последовали за ним.

Свет, скудно сочившийся сверху, дал возможность увидеть длинное помещение. Он не мог разобрать, что там, и собрался обследовать помещение, но Рыцарь за его спиной сказал:

— Не сейчас. Сначала двери. Они в своих стойлах.

Хокмун сообразил, что длинное помещение было своего рода конюшней со стойлами по обеим сторонам. Сейчас в этих стойлах что-то шевелилось, фыркало, а одна дверь вдруг содрогнулась, когда на нее навалилась тяжелая туша.

— Не лошади,— решил Оладан,— и не волы. Для меня, герцог Дориан, они пахнут кошками.

— Да,— кивнул Хокмун, ощупывая эфес меча.— Это кошачий запах. Но как кошки могут помочь нам выбраться отсюда?

Д'Аверк снял со стены факел, чиркнул кремнем, зажигая его. Факел загорелся, и в его свете Хокмун разглядел предмет в дальнем конце помещения. Это оказалась громадная колесница, достаточно большая, чтобы увезти их всех. В нее можно было впрячь четырех животных.

— Откройте стойла и запрягите кошек,— велел Рыцарь в Черном и Золотом.

— Запрячь в колесницу кошек? — повернулся к нему Хокмун.— Прихоть, разумеется, подходящая для Безумного Бога, но мы — нормальные смертные, Рыцарь. Кроме того, судя по издаваемым ими звукам, эти кошки — дикие. Если мы откроем стойла, они на нас бросятся.

Словно в подтверждение его слов из одного стойла раздался громкий воющий рев, он был подхвачен другими зверями, и конюшня наполнилась таким звериным воем, что стало невозможно слышать друг друга.

Когда стало несколько тише, Хокмун пожал плечами и шагнул к выходу.

— Найдем наверху лошадей и пойдем на риск с более привычными рысиками, чем эти.

— Неужели ты все еще не научился доверять моей мудрости? — упрекнул его Рыцарь.— Разве не сказал я тебе о Красном Амулете правду?

— Я должен полностью испытать эту правду,— отпаривал Хокмун.

— Ведь те безумные женщины подчинились Красному Амулету?

— Подчинились.

— Звери Безумного Бога равным образом приучены подчиняться тому, кто владеет Красным Амулетом. Что я приобрету, солгав тебе, Дориан Хокмун?

— Я стал подозрителен ко всему с тех пор, как повстречался впервые с Темной Империей, — пожал плечами Хокмун. Затем он подошел к двери ближайшего стойла и положил руку на тяжелый деревянный засов. — Я устал препираться и готов подвергнуть испытанию твои уверения.

Дверь стойла распахнулась от удара гигантской лапы изнутри, как только он отодвинул засов. Показалась кошачья голова, крупнее, чем у быка, более свирепая на вид, чем у тигра. Рычащая кошачья голова с узкими желтыми глазами и длинными желтыми клыками. Когда кошка, мягко ступая, вышла из стойла, из горла ее вырвался глухой рык, ее горящие глаза внимательно разглядывали их, и они увидели вдоль спины животного ряд шипов футовой длины того же цвета, того же материала, что и ее клыки. Шипы тянулись до основания хвоста, который, в отличие от хвоста обыкновенной кошки, заканчивался колечками.

— Ожившая легенда! — ахнул Д'Аверк, теряя на мгновение бесстрастность. — Один из мутантных боевых ягуаров Азиакоммуниста. Я видел их изображения в одном старом бестиарии, утверждающем, что они существовали тысячу лет назад, и из-за того, что они были продуктом извращенного биологического эксперимента, их нельзя было разводить.

— Верно, они не размножаются, — подтвердил Рыцарь в Черном и Золотом. — Но продолжительность их жизни разве что не бесконечна.

Огромная голова повернулась теперь к Хокмуну, колющий хвост бил по полу из стороны в сторону, глаза были прикованы к амулету на его шее.

— Прикажи ей лечь! — сказал Рыцарь.

— Лежать! — приказал Хокмун.

Зверь мгновенно растянулся на полу, а глаза, казалось, утратили свою свирепость. Хокмун улыбнулся.

— Приношу свои извинения, Рыцарь. Отлично, давайте выпустим остальных. Оладан, Д'Аверк...

Его друзья двинулись открывать засовы в остальных трех стойлах, а Хокмун обнял Ийссельду за плечи.

— Эта колесница понесет нас домой, любовь моя. — Вдруг он вспомнил: — Рыцарь, мои седельные сумки! Они все еще на моем коне, если эти псы их не украли.

— Ждите здесь, — ответил Рыцарь. — Я посмотрю.

— Я сам посмотрю, — возразил Хокмун. — Я знаю где.

— Нет, — отрезал Рыцарь, — пойду я.

Хокмун ощутил смутное подозрение:

— Почему?

— Силой, которая может управлять зверями, обладаешь лишь ты со своим амулетом. Если тебя здесь не будет, они могут наброситься на оставшихся и уничтожить их.

Хокмун неохотно отступил и следил, как Рыцарь поднимается вверх.

Из своих стойл наружу выбрались еще три кошки, похожие на первую как две капли воды. Хокмун подошел к ближайшей и положил руку на ее толстую шею, ощупывая жесткую щетинистую шерсть. Звери ростом не превышали лошадей, но были гораздо массивней и несравненно опасней. Было ясно, что выведены они не за тем, чтобы возить колесницу, а убивать.

— Подтолкните-ка колесницу и давайте запряжем этих тварей.

Д'Аверк и Оладан вытащили вперед колесницу. Она была сделана из черной бронзы и зеленого золота и хранила запахи древности. Ниша ярма была отделана новой кожей. Они продели упряжь через головы на плечи животных, и мутантные ягуары шевелились, лишь иногда прижимая уши, когда люди слишком сильно затягивали ремни.

Когда все было готово, Хокмун показал Ийссельде, чтобы она поднялась на колесницу.

— Надо подождать возвращения Рыцаря,— сказал он,— потом можно отправляться.

— Где он? — спросил Д'Аверк.

— Пошел за моим снаряжением.

— Что-то это занимает у него слишком много времени,— пожал плечами Д'Аверк и опустил на лицо свой огромный шлем.— Лично я буду просто счастлив, когда мы покинем это местечко. Оно пахнет смертью и злом.

— Ты это унюхал, Д'Аверк? — Оладан посмотрел наверх, **выхватывая** одновременно меч.

Наверху стояло шесть воинов Темной Империи в масках Ордена Ласки. Их длинномордые маски, казалось, трепетали от предвкушения удовольствия, предстоявшего им.

— Быстро в колесницу! — скомандовал Хокмун, когда солдаты начали спускаться.

В передней части колесницы имелся приподнятый облучок, на котором мог стоять кучер, а рядом на козлах, некогда использовавшихся для дро-тиков, лежал кнут. Хокмун вскочил на облучок, схватил кнут и щелкнул им над головами своих «лошадок».

— Подъем, красотики, подъем! — Кошки поднялись.— А теперь вперед!

С креном колесница прыгнула вперед, когда могучие звери рванули ее вверх по спуску. Солдаты в масках Ласок пронзительно закричали, когда на них помчались гигантские кошки, утыканные шипами. Некоторые пытались отпрыгнуть, но большинство не успело и свалилось, визжа, когда по ним прошли когтистые лапы и обитые железом колеса.

Необыкновенная упряжка вырвалась на серый дневной свет, рассеивая на своем пути новых солдат-Ласок, прибежавших на помощь братьям по Ордену.

— Где Рыцарь? — крикнул Хокмун, перекрывая раздававшиеся со всех сторон вопли. — Где мои седельные сумки?

Но ни Рыцаря в Черном и Золотом, ни коня Хокмуна не было видно.

Воины Темной Империи бросались на колесницу, Хокмун стегал их кнутом. За спиной у него Оладан и Д'Аверк расправлялись с ними своими мечами.

— Гони через ворота! — крикнул Д'Аверк. — Они могут в любой момент одолеть нас!

— Где Рыцарь? — Хокмун озибался вокруг.

— Наверняка ждет нас снаружи, — отчаянно закричал Д'Аверк, — гоните, герцог Дориан, иначе мы обречены!

Через головы мельтешащих солдат Хокмун вдруг увидел своего коня. Седельные сумки были сняты, и он никак бы не смог узнать, кто это сделал.

— Где Рыцарь в Черном и Золотом? — в панике закричал он — Я должен его найти! Содержимое этих сумок означает жизнь или смерть для Камарга!

Оладан схватил его за плечи и настойчиво произнес:

— А если мы не уберемся отсюда, это будет означать нашу смерть и может быть, нечто худшее для Ийссельды!

Хокмун чуть с ума не сошел от нерешительности, но когда слова Оладана проникли в его сознание, он испустил громкий вопль и стегнул кошек, послав их рысью через ворота по подъемному мосту и галопом вдоль озера. Они мчались так, будто за ними гнались все армии Гранбретани.

Двигаясь намного быстрее, чем двигались бы лошади, звери Безумного Бога несли колесницу прочь от темного замка и озера, покрытого туманом, прочь от рыбацкой деревни с лачугами и трупами, по грязной дороге, идущей между утесами, и вновь на широкую равнину, где дорога кончилась, а почва была мягкой, но ягуары-мутанты без труда пересекли эту равнину.

— Если у меня и есть жалобы, — заявил Д'Аверк, отчаянно цеплявшийся за борта подпрыгивающей колесницы, — так только на то, что мы двигаемся слишком быстро.

Оладан попытался было усмехнуться сквозь стиснутые зубы. Он скрючился на дне колесницы, держа Ийссельду и пытаясь защитить ее от чересчур сильных толчков.

Хокмун не ответил. Он крепко сжимал в руках поводья и не уменьшал скорости. Лицо его было бледно, глаза горели гневом, так как он был уверен, что его обманул человек, уверявший, что он — его главный союзник в борьбе против Темной Империи, обманул, внешне неподкупный, Рыцарь в Черном и Золотом.

Г л а в а 7

СТЫЧКА В ТАВЕРНЕ

— Хокмун, стой, ради Рунного Посоха! Стой, парень! Ты сумасшедший! — Д'Аверк, более встревоженный, чем обычно, потянул Хокмуна за рукав, когда тот вновь хлестнул запыхавшихся зверей.

Колесница мчалась уже несколько часов, пересекла без остановки две реки, а теперь прорывалась сквозь лес. Наступила ночь. В любую минуту они могли врезаться в дерево, что на такой скорости означало неминуемую гибель. Даже могучие шипастые кошки устали, но Хокмун продолжал их нахлестывать.

— Хокмун, ты обезумел!

— Я предан! — ответил Хокмун. — Я предан! В тех сумках лежало спасение Камарга, и Рыцарь в Черном и Золотом украл его. Он обманул меня. Дал мне брелок с ограниченными силами в обмен на машину с силами, что были беспредельными для моих целей! Вперед, звери, вперед!

— Дориан, послушайся его! Ты убьешь нас всех, — заговорила, заливаясь слезами, Ийссельда. — Ты убьешь себя! Как тогда ты сможешь помочь графу Брассу и Камаргу?

Колесница подпрыгнула и, затрещав, опустилась на землю. Никакая нормальная повозка не смогла бы выдержать такого удара, а пассажиров он протряс до мозга костей.

— Дориан, ты сошел с ума! Рыцарь не предал нас. Он нам помогал. Наверное, его одолели солдаты Темной Империи и похитили у него твои седельные сумки.

— Нет, я почувствовал предательство, когда он пошел наверх. Он пропал, а с ним и подарок Ринала.

Но ярость Хокмуна начала остывать, и он больше не хлестал уставших кошек.

Постепенно скорость колесницы упала, когда усталые звери поддались желанию отдохнуть.

Д'Аверк забрал вожжи из рук Хокмуна, и молодой воин, не оказав сопротивления, опустился на дно колесницы и уткнулся лицом в ладони.

Д'Аверк остановил зверей, и они сразу же опустились на землю, тяжело и шумно отдуваясь.

Ийссельда погладила Хокмуна по голове:

— Дориан, все, что нужно Камаргу для его спасения, — это ты. Я не знаю, что это была за вещь, но я уверена, что для нас она бесполезна. И у тебя есть Красный Амулет. От него наверняка будет польза.

Уже наступила ночь, лунный свет сочился сквозь ажурную решетку древесной листвы. Д'Аверк и Оладан слезли с колесницы, растирая ушибленные места, и отправились на поиски хвороста для костра.

Хокмун поднял голову. Свет луны упал на его лицо и вставленный в лоб Черный Камень. Меланхоличным взглядом посмотрел Хокмун на Ийссельду, хотя губы и пытались сложиться в улыбку.

— Благодарю тебя, Ийссельда, за твою веру в меня, но боюсь, что для того, чтобы выиграть битву со всей Гранбританью, понадобится нечто большее, чем Дориан Хокмун, а измена Рыцаря заставила меня отчаяться еще больше...

— Нет никаких доказательств измены, мой дорогой.

— Да, но я почувствовал, что он собирается покинуть нас, прихватив с собой машину. Он тоже чувствовал, что я знаю. Я не сомневаюсь, что она у него, а он теперь уже слишком далеко. Мне нет необходимости подозревать, для какой цели взял он ее, благородной или неблагородной. Возможно, его цель поважнее моей, но даже этим я не могу оправдать его действий. Он обманул меня. Он меня предал.

— Если он служит Рунному Посоху, то может знать больше тебя, может желать сохранить эту вещь, может думать, что она спасет тебя.

— У меня нет никаких доказательств, что он служит Рунному Посоху. При том, что знаю я, он может служить и Темной Империи, так что в этом случае я оказываюсь их орудием.

— Ты стал очень подозрителен, любимый.

— Я был вынужден стать таким,— вздохнул Хокмун.— Я и останусь таким, пока не будет разгромлена Темная Империя или же я сам не буду уничтожен.— И он прижал ее к своей груди, положил голову на плечо и проспал так всю ночь.

Утро было холодное, но очень солнечное. Мрачное настроение Хокмуна исчезло после глубокого сна, да и все они, казалось, пребывали в лучшем расположении духа, чем накануне. Все проголодались, включая и мутантных ягуаров, сидевших с высунутыми языками и жадными и свирепыми глазами. Оладан с утра пораньше смастерил себе лук и несколько стрел и отправился в лес попытать счастья.

Д'Аверк театрально покашливал, надевая свой громадный кабаньей шлем, который он уже успел надраить куском ткани, найденной им в колеснице.

— Этот западный воздух ничего хорошего не приносит моим легким,— заметил он.— Я предпочел бы поскорей оказаться на востоке и лучше всего — в Азиаккоммуниста, где, как я слышал, существует благородная цивилизация. Вероятно, такая цивилизация оценила бы мои таланты и дала бы мне то высокое положение, которого я заслуживаю.

— Вы оставили какую-либо надежду на награду от Короля-Императора? — усмехнулся Хокмун.

— Моя награда будет такой же, какую он пообещал вам,— горько ответил Д'Аверк.— Если бы только этот проклятый пилот не выжил... И потом меня видели, когда я сражался рядом с вами в замке Безумного Бога... Нет, друг Хокмун, боюсь, что мои амбиции относительно Гранбритании следует считать нереальными.

Появился Оладан, спотыкавшийся под тяжестью двух оленей, по одному на каждом плече. Они вскочили помочь ему.

— Двух — двумя выстрелами, — гордо заявил Оладан. — К тому же стрелы были сделаны наспех.

— Мы не сможем съесть одного оленя, не говоря уж о двух, — сказал Д'Аверк.

— Звери, — лаконично пояснил Оладан. — Их надо кормить или, бьюсь об заклад, Красный Амулет или не Красный Амулет, но они закусят нами еще до того, как кончится день.

Оленя побольше они разрубили на четыре части и бросили кошкам, которые проглотили мясо, глухо урча. Затем друзья занялись изготовлением вертела, чтобы зажарить второго оленя.

Когда они, наконец, принялись за еду, Хокмун вздохнул и улыбнулся.

— Говорят, что хорошая еда прогоняет все заботы, но до сих пор я в это не верил, — сказал он. — А сейчас чувствую себя родившимся заново. Это — первый вкусный завтрак, который я мог съесть за несколько последних месяцев. Свежая оленина, да еще в лесу, а, какое удовольствие!

Д'Аверк, брезгливо отиравший пальцы, но тем не менее с большим изяществом проглотивший большое количество мяса, заметил:

— Восхищаюсь вашим здоровьем, Хокмун. Хотел бы я иметь такой отличный аппетит.

— А я хотел бы иметь ваш, — засмеялся Оладан, — поскольку вы съели достаточно, чтобы продержаться целую неделю.

Д'Аверк неодобрительно взглянул на него.

Ийсельда, по-прежнему закутанная в плащ Хокмуна, вздрогнула и положила кость, которую обгрызала.

— Хотела бы я знать, — сказала она, — не могли бы мы как можно быстрее найти какой-нибудь городок. Есть вещи, что мне нужны, и я бы их купила.

— Конечно, дорогая. — Хокмун выглядел смущенным. — Хотя это и будет достаточно трудно. Если эти края кишат солдатами Темной Империи, было бы лучше податься на юго-запад к Камаргу. Вероятно, в Карпатии можно будет найти такой городок. Сейчас мы должны находиться почти на ее границах.

Д'Аверк ткнул пальцем в сторону колесницы и зверей.

— Нас плохо примут, если мы прибудем куда-либо вот на такой колеснице, — заметил он. — Наверное, если один из нас отправится в ближайшее селение... Но, впрочем, что мы используем вместо денег?

— У меня есть Красный Амулет. Его можно обменять.

— Дурак! — стал вдруг смертельно серьезным Д'Аверк и прожег Хокмуна взглядом. — Этот амулет — твоя жизнь и наша. Это наша единственная защита, единственное средство управлять этими зверями. Мне кажется, ты ненавидишь не сам амулет, а налагаемую им ответственность.

— Может быть,— пожал плечами Хокмун.— Наверное, я был дураком, предложив такое, и все-таки это изделие мне не нравится. Я видел то, чего не видели вы. Я видел, что сделал этот амулет с человеком, который носил его тридцать лет.

— В этом споре, друзья, нет необходимости,— вмешался Оладан.— Ибо я предвидел, что нам могут понадобиться деньги, и выковырял несколько глаз у солдат Темной Империи, пока ты, герцог Дориан, с большой яростью приканчивал врагов в зале замка.

— Глаз,— с гримасой отвращения отвернулся Хокмун, потом улыбнулся, увидев, что Оладан держит пригоршню драгоценных камней, вытасненных им из масок солдат.

— Ну,— сказал Д'Аверк,— нам отчаянно нужны припасы, а леди Ийсельде нужна кое-какая одежда. У кого из нас меньше всего шансов привлечь внимание, если он отправится в городок, когда мы до него доберемся?

Хокмун бросил на него сардонический взгляд:

— Да, конечно, у вас, сэр Юиллам, без всяких аксессуаров Темной Империи, поскольку у меня, как вы уже указывали, есть ярлык на лбу, а Оладан невыгодно отличается мохнатым лицом. Но вы все еще мой пленник...

— Вы огорчаете меня, герцог. Я думал, мы союзники, объединившиеся против общего врага, соединенные кровью и спасением жизней друг друга.

— Мою, помнится, вы не спасали.

— Прямо, я полагаю, нет, но все же...

— И я не намерен давать вам пригоршню драгоценных камней и отпускать на свободу,— продолжал Хокмун мрачным тоном.— Кроме того, сегодня я не слишком доверчив.

— У вас будет мое слово чести,— легко произнес Д'Аверк, но глаза его при этом несколько отвердели.

Хокмун нахмурился.

— Он показал себя нашим другом в стольких схватках,— тихо заметил Оладан.

— Простите меня, Д'Аверк,— вздохнул Хокмун.— Ладно, когда мы достигнем Карпатии, вы купите все, что нам нужно.

— Этот проклятый воздух,— закашлялся Д'Аверк.— Он сведет меня в могилу.

Они отправились дальше, и шипастые кошки продвигались вперед более спокойным шагом, чем накануне, но все равно быстрее, нежели лошади. К полудню большой лес остался позади, а к вечеру они увидели горы Карпатии. Как раз в это время Ийсельда указала на север, привлекая их внимание к крошечным фигуркам приближавшихся всадников.

— Они нас заметили,— сказал Оладан.— И, кажется, собираются скакать наперерез.

Хокмун подстегнул огромных зверей.

— Быстрее! — крикнул он, и колесница сразу же стала набирать скорость.

Чуть позже, перекрывая стук колес и грохот колесницы, Д'Аверк крикнул:

— Это всадники Темной Империи, вне сомнений. Если я не ошибся, Орден Моржа.

— Должно быть, Король-Император планирует крупное вторжение на Украину,— откликнулся Хокмун.— Никакой другой причины для присутствия такого количества солдат Темной Империи я не вижу. Это означает, что почти наверняка он упрочил все свои завоевания к югу и западу.

— Надеюсь, кроме Камарга,— вымолвила Ийссельда.

Гонка продолжалась, всадники приближались, направляясь, как и прежде, наперерез движению колесницы.

Хокмун мрачно улыбнулся при мысли о том, что всадникам кажется, будто они их настигают.

— Готовь лук, Оладан,— посоветовал он.— Скоро появится возможность потренироваться в стрельбе по движущейся мишени.

Когда всадники в громадных ухмыляющихся масках Моржей, сделанных из черного дерева и слоновой кости, приблизились, Оладан натянул лук, прицелился и пустил стрелу. Всадник упал. В колесницу метнули несколько дротиков, но они не долетели.

От стрел Оладана рухнуло еще трое из Ордена Моржа, пока они не отстали наконец, и ягуары приволокли свою колесницу к подножью Карпатских гор.

Через пару часов стемнело, и путешественники решили, что пора разбить лагерь.

Через три дня путники глядели на скалистый склон и понимали, что придется бросить колесницу и зверей, если они хотят перебраться через хребет. Выбора не было, придется идти пешком.

Местность становилась все более трудной для ягуаров, забираться вверх для них стало почти невозможно, таща за собой колесницу. Путешественники попытались найти проход, потеряли на этом еще два дня, но так и не найдя его, оставили эту затею.

В то же время, если за ними гнались, преследователи давно должны были их обнаружить. Друзья несколько не сомневались, что в Хокмуне узнали человека, который должен быть уничтожен, согласно приказу Короля-Императора. Следовательно, воины Темной Империи, заинтересованные в продвижении по служебной лестнице, будут рьяно искать его.

Оставив позади освобожденных от упряжи зверей, они стали карабкаться по крутым склонам, спотыкаясь, падая и вновь поднимаясь на ноги.

Когда они приблизились к карнизу, тянувшемуся, как казалось, на некотором расстоянии вокруг горы и сулящему более безопасный путь, они услышали звон оружия и увидели тех же всадников в масках Моржей, что преследовали их на равнине.

— На таком расстоянии их дробтики обязательно достанут нас,— мрачно произнес Д'Аверк.— А укрытия нет никакого.

Но Хокмун только улыбнулся:

— Есть кое-что, о чем вы забыли! Агу их, звери мои! Убейте их, мои кошечки! Подчиняйтесь мне, именем Красного Амулета!

Мутантные ягуары обратили свои взоры на всадников, которые уже торжествовали победу, увидев свои жертвы подставленными под удар. Едва ли они заметили шипастых кошек. Их предводитель поднял свой дротик.

И кошки прыгнули.

Когда воздух наполнился воплями ужаса, а по тихим горам разнеслось эхо, от которого леденела кровь, Ийссельда даже не обернулась. Звери Безумного Бога сначала убили Моржей, а потом съели их.

На следующий день путешественники перевалили через хребет и вышли к зеленой долине с городком из красного кирпича, выглядевшим весьма мирно.

* * *

Д'Аверк посмотрел на городок и протянул руку Оладану.

— Камешки, друг мой Оладан, если позволишь. Клянусь Рунным Посохом, я чувствую себя почти голым в рубашке и бриджах! — Он взял камни, подбросил их на ладони, подмигнул Хокмуну и отправился в городок.

Они лежали в траве и смотрели, как он, насвистывая, спускается к улице и идет по ней. Затем он исчез.

Они ждали четыре часа. Лицо Хокмуна стало мрачнеть, и он бросал негодующие взгляды на Оладана, поджавшего губы и пожимавшего плечами.

А потом появился Д'Аверк, но с ним были еще люди. Хокмун в ужасе понял, что это воины Темной Империи, солдаты страшного Ордена Волка, Ордена барона Мелиадуса, которого он убил. Узнали Д'Аверка и захватили его в плен? Нет, напротив, казалось, Д'Аверк был с ними в наилучших отношениях. Он помахал сопровождавшим его, круто повернулся и стал подниматься на холм, где они ждали. На спине у него был большой узел. Хокмун пребывал в недоумении, так как воины с волчьими мордами отправились обратно, позволив Д'Аверку уйти свободно.

— Умеет же он зубы заговаривать, этот Д'Аверк,— ухмыльнулся Оладан.— Должно быть, он убедил их, что он мирный путешественник. Несомненно, Темная Империя использует здесь, в Карпатии, мягкий подход.

— Вероятно,— произнес не совсем убежденным тоном Хокмун.

Подойдя к ним, Д'Аверк швырнул узел на землю и развязал его, демонстрируя рубашки, бриджи и множество продуктов: сыры, колбасы, хлеб, холодное мясо и так далее. Он вернул Оладану большую часть взятых камней.

— Мне удалось купить все это достаточно дешево,— пояснил он, а потом нахмурился, заметив мрачное выражение лица Хокмуна.— В чем дело, герцог Дориан? Недовольны? К сожалению, достать платье я не смог, но бриджи и рубашка должны подойти ей, я полагаю.

— Солдаты Темной Империи,— отозвался Хокмун, показывая пальцем в сторону городка.— Вы, кажется, были с ними весьма любезны.

— Признаюсь, мне было несколько не по себе,— ответил Д'Аверк.— Но как они говорят, они здесь затем, чтобы рассказать народу Карпатии о выгодах правления Темной Империи. Очевидно, Король Карпатии принимает одного из вельмож Темной Империи. Обычная тактика: сначала золото, потом — насилие. Они задали мне несколько вопросов, но особой подозрительности не проявили. Они говорят, что воюют в Шекии и почти покорили эту страну, если не считать одного-двух городов.

— Вы не упоминали о нас?

— Конечно, нет.

Несколько успокоенный, Хокмун расслабился. Д'Аверк подобрал ткань, в которую был завернут узел:

— Вот, смотрите: четыре плаща с капюшонами, какие носят в этих местах святые люди. Они достаточно хорошо закрывают лица. Я слышал, что примерно в две пути отсюда есть городок побольше. Там торгуют лошадьми. Мы сможем добраться туда и купить себе лошадей. Хорошая мысль?

— Да,— медленно кивнул Хокмун.— Нам нужны лошади.

Городок назывался Зорванем и кишел разного рода людьми, пришедшими сюда продать или купить лошадь. За городской чертой находились загоны, и здесь можно было присмотреть для себя любую лошадь, начиная с породистых и кончая тяжеловозами.

Они прибыли слишком поздно вечером, чтобы купить что-то сразу, и зашли на постоялый двор на краю города недалеко от загонов, чтобы рано поутру купить то, что нужно, и сразу же убраться. То тут, то там встречались небольшие группы солдат Темной Империи, но те не обращали внимания на святых людей в капюшонах, смешавшихся с толпой: в округе было несколько депутатий от разных монастырей.

В сумраке зала постоялого двора они заказали горячего вина и мяса и совещались над купленной ими картой, обсуждая наилучший маршрут через Францию.

Чуть позже дверь трактира с треском распахнулась и ворвался холодный ночной воздух. Сквозь разговор и смех они услышали резкие интонации голоса человека, приказывающего хозяину подать ему и его товарищам вина и намекающего, кроме того, что неплохо бы найти и женщину.

Хокмун поднял голову и сразу насторожился. Вошедшие принадлежали к Ордено Кабана, к которому относился и Д'Аверк. Их приземистые бронированные тела и тяжелые маски шлемов делали их в полумраке зала похожими как раз на тех животных, чьи маски они носили, будто столь много Кабанов научилось ходить на задних ногах, да еще и говорить.

Трактирщик явно нервничал, несколько раз прочистив горло, спросил их, какое вино они предпочитают.

— Крепкое и много! — крикнул в ответ вожак. — То же относится и к бабам! Где ваши бабы? Надеюсь, они получше, чем ваши лошади? Давай, парень, по-быстрому. Мы провели весь день, покупая лошадей и помогая процветанию вашего городишки, теперь твоя очередь оказать нам услугу.

Очевидно, воины-Кабаны явились сюда, чтобы купить лошадей для войск Темной Империи, вероятно, для тех, кто занимался сейчас покорением Шекии, находившейся как раз через границу.

Хокмун, Ийссельда, Д'Аверк и Оладан натянули свои капюшоны поглубже и потягивали вино, не поднимая голов.

В зале обслуживали клиентов три служанки, двое слуг и сам хозяин. Когда одна из девушек проходила мимо воина-Кабана, тот схватил ее и прижал к ее щеке свою маску.

— А ну, поцелуй своего поросеночка, девочка моя! — прорычал он.

Она попробовала вырваться, но он держал крепко. Теперь во всем зале воцарилась тишина.

— Выйдем со мной, — продолжал солдат. — У меня период течки.

— О, нет, отпустите меня, — зарыдала девушка. — На следующей неделе я выхожу замуж.

— Замуж? — расхохотался вожак. — Ну, так давай я тебя научу паре вещей, чтобы ты смогла показать их своему мужу.

Девушка рыдала и продолжала отбиваться. Никто в зале не шелохнулся.

— Пошли, — хрипло сказал солдат. — Выйдем.

— Нет, ни за что, пока не выйду замуж!

— И это все? — засмеялся солдат в маске Кабана. — Тогда я женюсь на тебе, уж если тебе так этого хочется. — Он вдруг грозно обернулся к четверке, сидевшей с надвинутыми капюшонами: — Вы ведь святые люди и не откажетесь поженить нас?

И прежде чем Хокмун и остальные сообразили, что происходит, он схватил Ийссельду, сидевшую ближе всего к краю скамьи, и рывком поднял ее на ноги.

— Пожени нас, святой человек или... Клянусь Рунным Посохом! Какой ты святой!

Капюшон Ийссельды слетел с ее головы, открыв замечательные волосы.

Хокмун поднялся. Теперь оставалось лишь одно — драться. Д'Аверк и Оладан тоже встали.

Одновременно выхватили они мечи, спрятанные под рясами. Одновременно бросились они на бронированных солдат, крикнув женщинам, чтобы они уходили.

Воины-Кабаны были пьяны и захвачены врасплох, чего нельзя было сказать о нападавших. Меч Хокмуна скользнул между нагрудным панцирем и латным воротником вожака и убил его раньше, чем тот успел вытащить свой меч. Оладан с размаху рубанул по едва защищенным ногам второго,

подрезая ему коленные сухожилия. Д'Аверк отсек руку тому, кто успел снять латные рукавицы.

Теперь сражение шло во всем зале, тогда как мужчины и женщины без оружия бросились к лестнице и дверям, а некоторые столпились посмотреть на верхней галерее.

Оладан, отказавшись в такой тесноте от нормального боя, вскочил на спину громадного солдата и пытался кинжалом выколоть тому глаз и убить его. Спотыкаяющийся, полуослепленный солдат неуклюже топтался, стараясь сбросить со спины неожиданного всадника.

Д'Аверк бился с довольно умелым воином, теснившим его к лестнице. Хокмун отчаянно отбивался от громадного солдата, который каждый раз, промахнувшись по нему, отсекал от столов большие куски дерева.

Хокмун попытался сбросить плащ, стеснявший его движения, одновременно уклоняясь от ударов топора. Он шагнул в сторону, запутался в складках плаща и упал. Секирник зарычал и занес топор для последнего удара.

Топор обрушился и распорол складки плаща, но Хокмуна там уже не было: он, упав, успел откатиться. Хокмун вскочил на ноги и, пока секирник вытаскивал из деревянного пола застрявший в нем топор, со всего маха рубанул по шее секирника. Солдат застонал и оглушенный, упал на колени. Хокмун рывком откинул его маску, открыв красное искаженное лицо, и пырнул в распыленный рот, вонзив меч так глубоко в горло, что из шлема хлынула кровь. Хокмун вытащил меч, и шлем, лязгнув, закрылся.

Поблизости от Хокмуна Оладан пытался отделаться от своего противника, который, схватив за руку, стаскивал его со спины. Хокмун равнулся вперед и обеими руками вогнал свой меч прямо ему в живот, пронзив и доспехи, и кожаный колет, и плоть. Солдат завопил, рухнул на пол и остался лежать, корчась.

Хокмун и Оладан пришли на помощь Д'Аверку, рубя своими мечами его противника, пока тот не упал мертвым.

Оставалось прикончить лишь того, кому Д'Аверк отсек руку. Тот лежал и плакал, истекая кровью, и все старался приставить руку на место.

Тяжело переводя дыхание, Хокмун посмотрел на результаты резни, учиненной ими.

— Неплохая ночная работа для святых людей, — произнес он.

Д'Аверк задумчиво глядел на него.

— Может быть, — сказал он, — настало время сменить наше обличье на более полезное для нас.

— О чем это вы?

— Здесь достаточно частей Кабанных доспехов, чтобы обеспечить нас всех. К тому же у меня есть свои. Я говорю на тайном языке Кабана. При некотором везении мы сможем путешествовать под маской тех, кого боимся больше всего в Темной Империи — ее собственных солдат. Мы гадали, как пробраться через страны, где Гранбретань упрочила свои завоевания. Ну, вот и способ.

Хокмун впал в глубокую задумчивость. Предложение Д'Аверка было диким, но у него были и свои достоинства, особенно учитывая то, что Д'Аверк знал все ритуалы своего Ордена.

— Наверное, вы правы, Д'Аверк, — сказал Хокмун. — Тогда мы сможем проехать там, где местность больше всего заполнена силами Темной Империи и получим шанс попасть в Камарг скорее, чем путешествуя в собственном обличье и по тайным тропам. Отлично, так мы и сделаем.

И они принялись стаскивать доспехи с трупов.

— В молчании трактирщика и горожан мы можем быть уверены, — заметил Д'Аверк. — Они же не захотят, чтобы узнали, что здесь было убито шестеро солдат Темной Империи.

Оладан, баюкающий свою вывихнутую руку, со вздохом сказал, наблюдая за их работой:

— Жаль. Это был подвиг, достойный того, чтобы его записали в анналы.

Г л а в а 8

ЛАГЕРЬ ТЕМНОЙ ИМПЕРИИ

— Выводок Горных Великанов! Я ж до смерти задохнусь раньше, чем мы куда-нибудь доберемся! — раздался приглушенный гротескным шлемом голос Оладана, когда он попытался освободиться от его громадной тяжести. Они, все четверо, сидели в комнате над трактиром, примеряя доставшиеся им трофеи.

Хокмун тоже находил это добро неудобным. Помимо того, что трофеи не подходили ему по размеру, они вызывали у него отчетливые ощущения клаустрофобии. В прежние времена, когда он маскировался в волчьи доспехи барона Мелиадуса, он носил нечто подобное, но кабаньи доспехи отличались большей тяжестью и были менее удобны. А уж о Ийссельде и говорить не приходилось, ей было хуже всех. Лишь Д'Аверк, к ним привыкший, надел свои собственные и с некоторым удовольствием глядел на их первую встречу с мундиром его бывшего Ордена.

— Неудивительно, что вы жалуетесь на плохое здоровье, — язвительно заметил ему Хокмун. — Удивительно, как это вы вообще живы. Лично я не знаю ничего менее благоприятствующего здоровью, чем эти доспехи. У меня есть большое искушение плюнуть на ваш план.

— Пока мы едем, — заверил его Д'Аверк, — вы к ним привыкнете. Сначала будет немного душновато, немного тесновато, а потом вы вдруг обнаружите, что без них чувствуете себя голым.

— Я предпочел бы быть голым, — запротестовал Оладан, срывая с себя злобную маску Кабана, которая, лязгнув, упала на пол. — Точно предпочел бы.

— Поосторожней, — погрозил ему пальцем Д'Аверк, — нам не нужны новые повреждения.

Оладан пнул шлем еще раз.

Еще через сутки они ехали по Шекии. Не было никаких сомнений, что Темная Империя захватила эту страну, потому что повсюду городки и деревни лежали в запустении, вдоль всех дорог висели распятые тела, в воздухе было темно от стерв. Ликов, а на земле, где они пиروвали, и того темней. Ночь была так светла, будто солнце висело над горизонтом постоянно. Это горели погребальные костры деревень, хуторов, городов, вилл и городков. А черные орды Темной Империи с факелами в одной руке и мечами в другой носились по разоренной земле, словно демоны ада.

Уцелевшие прятались, склоняясь перед четверкой, когда те в своих масках проезжали сквозь мир ужаса, двигаясь как можно быстрее, чтобы их никто не заподозрил. Они были просто еще одной небольшой стайкой убийц и грабителей в глазах жителей, и ни друг, ни враг не подозревали о их настоящих лицах.

Настало утро, утро с гонимыми по небу облаками черного дыма, согретое далекими пожарами, утро покрытых пеплом полей и растоптанных посевов. Утро, похожее на любое другое под пятой Грانبретани.

Навстречу путешественникам по дороге двигалась группа всадников в плащах, закрывавших и тела, и головы. Они ехали на могучих вороных конях и сутулились в седлах, будто провели в седлах много дней.

Когда они приблизились, Хокмун шепнул:

— Наверняка это воины Темной Империи, и похоже, они интересуются нами.

Предводитель всадников откинул капюшон и открыл громадную маску Кабана, большего размера и более изукрашенную, чем у Д'Аверка. Он натянул поводья своего черного жеребца, и его люди остановились позади него.

— Молчите все,— прошептал Д'Аверк.— Говорить буду я.

Он направился к группе остановившихся всадников. Предводитель издал странные хрюкающие звуки, которые, должно быть, были речью, тайным языком Ордена Кабана. Хокмун был поражен, услышав, как похожие звуки стали исходить из горла Д'Аверка. Так они разговаривали некоторое время. Д'Аверк показывал назад, на дорогу, а предводитель дергал шлемом-маской в другую. Затем он вновь прищипорил своего коня и, проехав со своими людьми мимо нервничавшей троицы, продолжил путь.

— Чего он хотел? — спросил Хокмун.

— Хотел знать, не видели ли мы какой-нибудь живности,— ответил Д'Аверк.— Они служат чем-то вроде фуражиров, выехали поискать провиант для находящегося впереди лагеря.

— Что это за лагерь?

— Он сказал — большой, находится примерно в четырех милях отсюда. Они готовятся к штурму последнего города, что еще держится,— Брадичла. Я знаю этот город, там была прекрасная архитектура.

— Значит, мы недалеко от Остерланда, — сказала Ийссельда. — За Остерландом — Италия, а за Италией — Прованс, родина.

— Верно, — подтвердил Д'Аверк. — Вы превосходно знаете географию. Но пока мы не дома, и впереди самая опасная часть пути.

— Как же нам поступить лагерем? — спросил Оладан. — Обогнем или попробуем проехать сквозь него?

— Это громадный лагерь, — сообщил Д'Аверк. — Лучше всего, я думаю, проехать через него, возможно, даже провести в нем ночь и попытаться хоть что-то узнать о планах Темной Империи. К примеру, не слыхали ли они что-нибудь о нас? Где мы? И так далее.

— Я не думаю, что это слишком уж опасно, — раздался из-под шлема приглушенный голос Хокмуна, — но все же не стал бы делать этого. Но, если мы попытаемся обогнуть лагерь, это может вызвать подозрения. Ладно, придется поступить, как вы советуете.

— А нам не придется снимать маски, Дориан? — поинтересовалась Ийссельда.

— Этого не бойтесь, — успокоил ее Д'Аверк. — Настоящий гранбрета-нец даже спит в маске. Они терпеть не могут открывать свое лицо.

Хокмун заметил усталость в голосе Ийссельды и понял, что вскоре они должны будут сделать привал и отдыхать им придется во вражеском лагере.

* * *

Они были готовы к тому, что лагерь окажется громадным, но к такому зрелищу он. готовы не были. В отдалении виднелся город Брадичла с его видимыми даже отсюда шпилями и фасадами.

— Город замечательной красоты, — вздохнул Д'Аверк. Он покачал головой. — Какая жалость, что завтра город падет. Они обезумели, вздумав сопротивляться такой орде.

— Эта армия невероятных размеров, — согласился Оладан. — Зачем такая громадина для городка столь небольших размеров?

— Цель Темной Империи — скорость завоевания, — пояснил ему Хокмун. — Я видел армии и побольше, использованные для взятия меньших городов. Но в таких случаях лагерь растягивается на много миль и организация его несовершенна. Так что нам легко будет в нем затеряться.

То тут, то там поставлены были пологи, хижины, шатры, горели костры, на которых готовилась пища. Были сделаны загоны для лошадей, мулов и волов. Рабы, подгоняемые солдатами из Ордена Муравья, волокли по грязи громадные боевые машины. Развевались по ветру штандарты, и повсюду были воткнуты в землю знамена. Издали все это походило на первобытное скопище зверей, когда цепь Волков прошла по вытоптанному полю или несколько Кротов (одного из инженерных орденов) толпились вокруг костра. Повсюду можно было видеть Ос, Ворон, Хорьков, Крыс, Лис, Тигров, Кабанов, Мух, Барсуков, Козлов, Росомах, Выдр и даже нескольких Богомоллов, избранных гвардейцев.

Хокмун опознал несколько знамен: знамя Адаза Промпа, толстого Гранд Констебля Ордена Пса; разукрашенный штандарт Бренала Фарну, показывающий, что он — барон Гранбретани и Гранд Констебль Ордена Крыс; развевающийся штандарт Шенегара Тротта, графа Суссекского. Хокмун догадался, что этот город был обречен пасть последним в продолжительной кампании, потому-то армия и была столь велика, что находилась под командованием столько полководцев столь высокого ранга. Он разглядел Шенегара Тротта, которого проносили в носилках к его шатру. На нем была усыпанная драгоценностями одежда, бледная серебряная маска, исполненная в виде карикатурного подобия человеческого лица.

Шенегар Тротт походил на изнеженного аристократа, страдавшего размягчением мозга, но Хокмун видел его в битве при броде Вайзна на Рейне, видел, как вместе с конем он погрузился в воду и проскакал по дну реки, чтобы появиться на вражеском берегу. Вот это-то качество во всех вельможах Темной Империи и приводило в недоумение. Они выглядели размякшими, ленивыми и ни в чем себе не отказывающими, но одновременно они были столь же сильные, как и звери, какими они прикидывались, а часто и похрабрее этих зверей. Однажды Шенегар Тротт отсек конечность у ребенка и съел ее, а мать заставил смотреть на это.

— Ну,— глубоко вздохнул Хокмун,— давайте проедем через лагерь и устроимся как можно ближе к выезду из него. Надеюсь, утром мы сумеем ускользнуть.

Они медленно ехали через лагерь. Время от времени какой-нибудь Кабан приветствовал их, и Д'Аверк отвечал. Наконец они добрались до другого конца лагеря и там спешились. Они привезли с собой снаряжение, взятое ими у убитых солдат, и теперь разложили его, ни у кого не вызывая подозрений. К тому же они не носили каких-либо особых знаков различия. Д'Аверк смотрел, как трое остальных трудятся. Он пояснил, что иначе нельзя, поскольку невиданно, чтобы воин его звания помогал другим.

Подошла группа инженеров из Ордена Барсука, ходившая по лагерю с тележкой, заполненной запасными топорищами, эфсами мечей, наконечниками стрел, копий и прочим. У них также была точильная машина.

— Есть для нас работа, братья Кабаны? — спросили они, останавливаясь около вновь прибывших,

— Надо заточить.— Хокмун храбро вытащил затупившийся меч.

— А я потерял лук и стрелы,— добавил Оладан, глядя на кучку луков и стрел.

— А что с вашим товарищем? — спросил один в маске Барсука.— У него повсе нет меча.— И он указал на Йиссельду.

— Так дай ему новый, дурак! — рявкнул Д'Аверк повелительным тоном, и Барсук немедленно подчинился.

Когда они получили оружие, а мечи были заточены, Хокмун ощутил как к нему возвращается уверенность. Он был доволен проявленным ими хладнокровием.

Только Йиссельда казалась еще более удрученной, ощупывая большой меч, пристегнутый к поясу.

— Еще чуть-чуть груза, и я рухну на колени,— сказала она.

— Лучше всего посиди в палатке,— посоветовал Д'Аверк.— Там, по крайней мере, ты сможешь снять часть снаряжения.

Д'Аверк казался расстроенным, глядя, как Оладан и Хокмун разжигают костер для приготовления пищи.

— Что беспокоит вас, Д'Аверк? — спросил Хокмун, поднимая голову и глядя на него через глазницы маски.— Садитесь. Скоро будет готова еда.

— Я носом чую что-то не то,— пробормотал Д'Аверк.— Вообще-то я совсем не убежден в нашей полной безопасности.

— Почему? Вы думаете, Барсуки нас заподозрили?

— Вовсе нет.— Д'Аверк взглянул на вечернее небо и оглядел лагерь. Небо потемнело, а воины укладывались спать. Движения стало гораздо меньше. На стенах города воины становились подле столбцов башен, готовые оказать сопротивление врагу, которому, если не считать Камарга, никто не мог сопротивляться.— Вовсе нет,— повторил Д'Аверк как бы про себя.— Но я был бы спокойнее, если бы...

— Если бы что?

— Пойду, прогуляюсь немного по лагерю, посмотрю, какие услышу сплетни.

— Стоит ли? Кроме того, если к нам подойдут другие солдаты из Ордена Кабана, мы не сможем поговорить с ними.

— Я ненадолго. Укройтесь пока в палатке.

Хокмун хотел остановить Д'Аверка, но не знал, как это сделать, не привлекая внимания посторонних. Он следил, как Д'Аверк шагает по лагерю.

И в этот момент голос за его спиной произнес:

— Хорошая тут у вас колбаса, братья?

Хокмун обернулся. Спрашивал воин в маске Волка.

— Ничего,— спокойно ответил Оладан.— Хочешь попробовать?— Он отрезал кусок колбасы и протянул солдату в волчьей маске.

Солдат отвернулся, поднял маску и сунул кусок в рот, опустил маску и вновь повернулся к ним.

— Спасибо,— поблагодарил он.— Я много дней путешествовал и почти ничего не ел. Наш командир здорово гонит. Мы только что прибыли. Мчались быстрее, чем летучий француз.— Он засмеялся.— Всю дорогу от самого Прованса.

— Из Прованса? — невольно переспросил Хокмун.

— Да. Бывал там?

— Пару раз. Мы уже взяли Камарг?

— Да, считай что взяли. Командир думает, что это дело нескольких дней. Практически у них нет руководителя, провизия на исходе. Оружие, что у них было, убило миллион наших, но уже не убьет много других. Раньше мы проскачем по их трупам.

— А что случилось с графом Брассом, их руководителем?

— Убит или, как я слышал, ничем не лучше покойника. Их боевой дух с каждым днем падает. К тому времени, как мы туда вернемся, я думаю, все будет кончено. Буду только рад. Я застрел там на много месяцев. Это — первая перемена обстановки с тех пор, как мы начали эту проклятую кампанию. Спасибо за колбасу, братья! Хороших убийств завтра!

Хокмун смотрел, как солдат-Волк ушел в темноту, освещаемый светом лагерных костров. Он вздохнул и вошел в палатку.

— Ты слышала? — спросил он Ийссельду.

— Слышала. — Она сняла шлем и поножи и расчесывала волосы. — Мой отец, кажется, еще жив. — Она говорила очень сдержанным тоном, но Хокмун даже в темноте палатки различал слезы на ее глазах.

— Не бойся, Ийссельда, — сказал он, взяв ее лицо в ладони. — Еще несколько дней, и мы будем рядом с ним.

— Если только успеем застать его живым.

— Он нас ждет и будет жить.

* * *

Потом Хокмун вышел из палатки, Оладан сидел у затухающего костра, обхватив руками колени.

— Д'Аверк слишком долго гуляет, — сказал он.

— Да, — сдержанно согласился Хокмун, глядя на далекие стены города. — Хотелось бы знать, не попал ли он в беду.

— Скорее всего бросил нас. — Оладан оборвал фразу, когда из темноты появилось несколько фигур.

С остановившимся дыханием Хокмун понял, что это воины в масках Кабанов.

— Быстро в палатку, — шепнул он Оладану.

Но было уже поздно. Один из Кабанов заговорил с Хокмуном, обратившись к нему на хрюкающем тайном языке Ордена. Хокмун кивнул и поднял руку, словно отвечая на приветствие, надеясь, что речь Кабана была лишь приветствием, но тон Кабана стал более настойчивым. Хокмун попытался скрыться в палатке, но его задержали.

Кабан снова заговорил. Хокмун закашлялся, притворяясь больным и показывая на свое горло. Но тогда Кабан сказал:

— Я спросил тебя, б р а т, не выпьешь ли ты с нами. Сними маску!

Хокмун знал, что ни один член любого Ордена не станет требовать от другого снять маску, если только он не подозревает, что тот носит ее незаконно. Он шагнул назад и выхватил меч.

— Сожалею, что не хочу пить с тобой, б р а т, но буду счастлив сразиться с тобой.

С мечом наготове рядом с ним встал Оладан.

— Кто вы? — прорычал Кабан. — Почему носите доспехи другого Ордена? Какой смысл в этом?

Хокмун откинул забрало своего шлема, открыв свое бледное лицо и Черный Камень во лбу.

— Я — Хокмун, — просто произнес он и напал на пораженных солдат.

Они отняли жизнь у пяти солдат Гранбретани, прежде чем шум схватки привлек внимание всего лагеря. Галопом примчались всадники. Вокруг себя Хокмун слышал крики и гул голосов. Рука его поднималась и падала в темноте давки, пока в нее не вцепилась добрая дюжина рук, и он почувствовал, что его одолевают. Древко копья попало в его шею, он упал в грязь.

Оглушенного, его подняли и подтащили к высокой фигуре, сидевшей на лошади на некотором расстоянии от основной массы солдат. Маска его была поднята, и Хокмун имел возможность разглядеть его.

— А, приятная встреча, герцог Кельнский, — произнес глухой музыкальный голос всадника, мгновенно узнавший Хокмуном, но он никак не мог в это поверить. — Мое долгое путешествие оказалось не напрасным, — продолжал он, оборачиваясь к своему спутнику, тоже сидевшему на лошади.

— Я рад, милорд, — отвечал тот. — Надеюсь, теперь я восстановлю свое доброе имя в глазах Короля-Императора?

От звука этого голоса голова Хокмуна дернулась, и он повернулся взглянуть на спутника человека, названного милордом. Когда он узнал искусно выделанную маску Д'Аверка, глаза Хокмуна вспыхнули.

— Так значит, вы предали нас? — заплетающимся языком крикнул Хокмун. — Еще одно предательство? Неужели все предают дело Хокмуна? — Он попытался вырваться и схватить Д'Аверка за горло, но его крепко держали.

— Как вы наивны, герцог Дориан, — засмеялся Д'Аверк и начал устало кашлять.

— Других взяли? — спросил всадник. — Девушку и зверочеловека?

— Да, ваше превосходительство.

— Тогда отведите их в мой стан. Я хочу взглянуть на них поближе. Сегодня удачный день.

Г л а в а 9

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЮГ

Когда Хокмуна и его спутников поволокли по грязи и глине мимо горящих костров, любопытствующих глаз, сквозь шум и суматоху туда, где на ветру колыхалось большое знамя, над лагерем разразилась гроза.

Молния наискось расколола небо, вслед за ней ударил гром. Снова сверкнула молния, освещая лежащий перед ними павильон и знамя. Хокмун

узнал это зная и попытался сказать об этом Ийссельде и Оладану, но его грубо втолкнули в павильон, где в резном кресле сидел человек, а рядом с ним стоял Д'Аверк. Человек в кресле носил маску Волка. А зная говорило о том, что этот человек — Гранд Констебль Ордена Волка, один из величайших вельмож во всей Гранбритании, Первый Вождь Армий Темной Империи, подвластной Королю Гуону, барон Кройденский — человек, которого Хокмун считал мертвым, потому что был уверен, что сам убил его.

— Барон Мелиадус! — прохрипел Хокмун. — Так вы не умерли в Хамадане?

— Да, не умер, Хокмун, хотя вы сильно меня ранили. Я спасся.

— Немногим из ваших людей это удалось, — тонко улыбнулся Хокмун. — Мы разбили вас, наголову разгромили.

Мелиадус повернул свою разукрашенную волчью маску и приказал стоявшим поблизости капитанам:

— Принесите цепи. Принесите много цепей, прочных и очень тяжелых, опутайте ими этих псов и заклепайте цепи. Я не желаю никаких замков, которые можно отомкнуть. На этот раз я гарантирую, что их доставят в Гранбритань. — Он поднялся с кресла и подошел посмотреть сквозь глазницы своей маски на Хокмуна. — Вас часто вспоминают при дворе Короля Гуона, изыскивая такие изощренные, такие роскошные камни для вас, предатель. Ваша смерть займет год или два, и каждый миг станет мучителен для ума, духа и тела. Мы истратим на вас, Хокмун, всю нашу изобретательность.

Он отошел и, протянув руку в черной латной рукавице, поднял за подбородок искаженное ненавистью лицо Ийссельды. Она отвернула лицо, глаза ее наполнились гневом и отчаяньем.

— Что же касается вас, то я предлагал вам честь стать моей женой. Теперь чести вам не будет, но мужем вашим я все же буду, пока не устану от вас или не сломается ваше тело.

Волчья маска повернулась, оглядывая Оладана с головы до ног.

— Что же касается этого создания, нечеловека, и все же достаточно дерзкого, чтобы ходить на двух ногах и говорить, то он будет ползать и скулить как зверь, каковым и является, и станет вести жизнь, подобающую животному...

Оладан плюнул в усыпанную драгоценностями маску.

— В вас я найду превосходный образец, — язвительно ответил он барону.

Мелиадус круто повернулся, подобрав полы плаща, и тяжело захромал к креслу.

— Я придержу вас, пока мы не окажемся у Тронного Шара, — произнес Мелиадус не совсем твердым голосом. — Я был терпелив, останусь таковым еще несколько дней. С первыми лучами солнца мы отправимся в путь, возвращаясь в Гранбритань. Но мы сделаем небольшой крюк, чтобы стать свидетелями окончательного падения Камарга. Я, знаете ли, провел там

целый месяц, смотрел, как гибнут его солдаты, как одна за другой рушатся башни. Осталось совсем недолго. Я приказал задержать последнюю атаку до моего возвращения. Думаю, вам хочется увидеть свою родину... изнасилованной. — Он засмеялся, склонив голову набок, чтобы лучше видеть их. — Вот и цепи.

Появились члены Ордена Барсука, неся огромные железные цепи, жаровню, молоток и заклепки.

Когда Барсуки принялись за работу, Хокмун, Оладан и Ийссельда пытались сопротивляться, но вскоре под тяжестью цепей были повержены на пол.

Затем цепи заклепали, и Хокмун понял, что никакой человек не мог надеяться вырваться из таких уз.

Когда работа была завершена, барон Мелиадус подошел взглянуть на результат.

— Мы поедем по суше до Камарга, потом — до Бордо, где нас будет ждать корабль. Не могу, к сожалению, предложить орнитоптер. Большую часть из них мы используем, чтобы сровнять с землей Камарг, герцог Дориан, — сообщил барон Хокмуну.

Тот закрыл глаза — это был единственный жест, которым он мог выразить презрение к врагу.

* * *

На следующее утро их швырнули в открытый фургон, даже не накормив предварительно. Усиленный отряд барона тронулся в путь. Время от времени Хокмун мог видеть своего врага, оказавшегося бок о бок с Д'Аверком во главе колонны.

Погода по-прежнему была грозовой и гнетущей. Несколько дождевых капель ударило Хокмуна по лицу и попало в глаза. Он был столь тяжело скован, что едва мог шевельнуть головой и стряхнуть влагу.

Фургон подскакивал и дергался по ухабам, а оставшиеся далеко позади войска Темной Империи начали штурм осажденного города.

Хокмун думал о том, что со всех сторон его предали. Он доверился Рыцарю в Черном и Золотом, а тот украл у него седельные сумки; он доверился Д'Аверку и оказался в руках барона Мелиадуса. Он вздыхал, думая, что и Оладан предал бы его, имей он такую возможность.

Почти с облегчением впал он в то состояние, что охватило его много месяцев назад после его поражения и захвата в плен гранбретанцами, когда он повел армию против барона Мелиадуса в Германии. Лицо его застыло, глаза сделались тусклыми, и он перестал думать.

Ему требовалось усилие, чтобы ответить, когда Ийссельда заговаривала с ним. У него не было для нее никаких слов утешения, так как он знал, что таких слов, которые могут убедить и утешить ее, просто нет. Иногда Оладан пытался острить, но остальные не отвечали, и он замкнулся в молчании. Только тогда, когда в их рты заталкивали еду, они проявляли признаки жизни.

Так проходили дни, пока караван приближался к Камаргу. Много месяцев предвкушали они это возвращение на родину, но теперь дожидались его без радости. Хокмун понимал, что он потерпел поражение на избранном им пути, не сумев спасти Камарг, и был преисполнен презрения к самому себе.

Когда они проезжали по Италии, барон Мелиадус как-то крикнул:

— Еще пара ночевок, и мы будем у Камарга! Мы только что пересекли границу Франции!

Г л а в а 1 0

ПАДЕНИЕ КАМАРГА

— Посадите их,— приказал барон Мелиадус,— чтобы они смогли все увидеть.

Он нагнулся со своего коня, заглядывая в фургон.

— Усадите их прямо,— велел он своим солдатам, которые потели, надрываясь с тремя неподвижными телами, все еще облаченными в доспехи и закованными в тяжеленные цепи.— Они плоховато выглядят,— добавил барон.— А я-то считал, что они весьма крепки духом.

К барону подъехал Д'Аверк, кашляя и немного сутулясь в седле.

— Вы все еще в неважном состоянии, Д'Аверк. Разве мой аптекарь не приготовил вам те лекарства, что вы просили?

— Приготовил, милорд барон,— слабо ответил Д'Аверк,— но они принесли мне мало пользы.

— А должно бы, учитывая смесь трав, указанную вами.— Мелиадус обратил внимание на своих пленников.— Видите, мы остановились на этом холме, чтобы вы лучше видели свою родину.

Хокмун прищурился от света полуденного солнца, узнавая болотистые земли своего любимого Камарга, протянувшиеся, казалось, до самого горизонта.

Ближе к ним он увидел большие мрачные башни Камарга, силу города, с их странными машинами невероятной мощи, чьи тайны были известны лишь графу Брассу. А неподалеку стояла лагерем черная масса солдат, подобных миллионам муравьев, готовых рвануться вперед. Собранные отовсюду отборные силы Темной Империи.

— О,— раздалось рыдания Ийссельды,— они никогда не смогут устоять против такого количества войск.

— Разумная оценка, моя дорогая,— похвалил ее барон Мелиадус.— Вы абсолютно правы.

Он и его свита остановились на холме, где скопились войска Гранбретани. Хокмун видел пехоту, кавалерию, инженеров, ряды за рядами; он увидел боевые машины огромных размеров, громадную огненную пушку; в воздухе носились орнитоптеры в таких количествах, что силуэты их загромождали солнце, когда они пролетали над скоплением войск. Все виды оружия были брошены против Камарга. Все металлы присутствовали

здесь: медь и железо, бронза и сталь, прочные сплавы, что могли противостоять жалу огненного копья, золото и серебро, платина и свинец. Стервятники маршировали рядом с Лягушками, Лошади — с Кротами; тут были Волки и Кабаны, Олени и Дикие Кошки, Орлы и Вороны, Барсуки и Хорьки. Шелковые знамена трепетали во влажном воздухе, яркие от цветов четырех десятков вельмож со всех концов Гранбретани. Тут были желтые и пурпурные, черные и красные, голубые и зеленые, ярко-розовые, и солнце отражалось в драгоценных камнях ста тысяч глаз и заставляло сверкать их злобно и мрачно.

— Ага, — рассмеялся барон Мелиадус, — такой армией команду я. Если бы граф Брасс не отказался бы нам помочь в тот день, вы все были бы почетными союзниками Темной Империи Гранбретань. Но из-за того, что вы нам сопротивлялись, вы будете наказаны. Вы полагали, что вашего оружия, ваших башен и стоической храбрости будет достаточно, чтобы устоять против мощи Гранбретани. Не достаточно, Дориан Хокмун, не достаточно! Смотрите, вот моя армия, набранная мною, свершит мою месть. Смотрите, Хокмун, и знайте, каким дураком вы были, да и все остальные! — Он откинул голову и долго смеялся. — Трепещите, Хокмун, и вы тоже, Ийссельда, трепещите, как трепещут сейчас в башнях ваши собратья, зная, что эти башни должны пасть, зная, что уже завтра Камарг станет грязью и пеплом. Я уничтожу Камарг, даже если мне понадобится для этого принести в жертву всю мою армию!

И Хокмун, и Ийссельда затрепетали, хотя и не из страха, а от горя при угрозе разрушения, которую произнес безумный барон Мелиадус.

— Граф Брасс умер, — заявил далее барон, поворачивая коня и направляясь к своей свите. — А теперь умирает Камарг. — Он взмахнул рукой. — Вперед! Пусть они увидят резню!

Фургон вновь начал двигаться, подсакивая на выбоинах. С несчастным видом сидели пленники, глаза их были печальны.

Д'Аверк продолжал ехать рядом с фургоном, нарочито кашляя.

— Лекарство аптекаря барона не плохое, — наконец сказал он, ни к кому не обращаясь. — Оно должно бы исцелить болезни всех солдат.

И с этим загадочным заявлением он пустил лошадь в галоп в сторону головы колонны, чтобы скакать рядом со своим хозяином.

* * *

Хокмун увидел, как из башен ударили странные лучи и попали в наступавшие на них сомкнутые ряды, оставляя шрамы дымящейся земли там, где до этого были люди. Он увидел, как начала выезжать из ворот кавалерия Камарга, занимая свои позиции, — тонкая цепочка потрепанных гвардейцев на рогатых лошадях с огненными копьями в руках. Он увидел простых мирных жителей с мечами в руках, выходящих следом за кавалерией. Но не увидел ни графа Брасса, ни фон Вилака, ни философа Боджентля. Воины Камарга шли в последний бой без своих предводителей.

До него донеслись слабые звуки их боевых криков, прорывавшихся сквозь рев и вой атакующих, треск пушки и визг огненных копий; он услышал лязганье доспехов и звон металла; ощутил запахи человека, зверя и оружия, пробирающихся по грязи. А потом он увидел, как наваливаются черные орды, когда в воздухе перед ними выросла стена огня, а над ними пролетели фламинго с седоками, которые целились огненными копьями в орнитоптеры.

Хокмун жаждал освободиться, ощутить в руке меч и под собой коня, собрать уцелевших бойцов Камарга, которые могли драться даже без предводителя, хотя по численности они были лишь каплей среди моря их противников. Он извивался в цепях и, в ярости от своей беспомощности, громко ругался.

Наступил вечер, а битва все продолжалась. Хокмун видел, как старую башню пронзило миллионом вспышек из пушки Темной Империи, видел, как она дрогнула и с грохотом рухнула, мгновенно превратившись в груды камней. Черные орды торжествующе взвыли.

Жар битвы достиг даже троих пленников, сидящих в фургоне, и опалил их лица. Вокруг них сидели, смеясь и болтая, часовые-Волки, уверенные в победе. Их хозяин скакал в гуще войск, чтобы лучше руководить битвой, и они притащили бурдюк с воткнутыми в него соломинками, чтобы можно было сосать вино, не снимая масок. По мере того, как сгущалась ночная тьма, болтовня их и смех стихали, пока, странное дело, они не заснули.

— Не похоже на бдительных Волков, — заметил по этому поводу Олдан. — Значит, они сверхуверены.

— Да, — вздохнул Хокмун, — но нам от этого не легче. Эти проклятые цепи так крепко заклепали, что у нас нет никакой возможности бежать.

— Что такое? — спросил кто-то голосом Д'Аверка. — Хокмун больше не оптимист? Право, в это трудно поверить.

— Проваливайте, Д'Аверк, — посоветовал Хокмун, когда тот вынырнул из темноты. — Возвращайтесь лизать задницу своему хозяину.

— Я принес вот это, — обиженным тоном сказал Д'Аверк, — чтобы посмотреть, не поможет ли оно вам. — Он продемонстрировал объемистый предмет в своей руке. — В конце концов, ведь это мое лекарство оказало столь благотворное действие на часовых.

— Что это у вас в руке? — сузились глаза Хокмуна.

— Большая редкость. Я нашел ее на поле боя. Судя по всему, она принадлежала какому-то крупному командиру, так как сейчас таких вещей встречается мало. Это своего рода огненное копьё, хотя и достаточно небольшое, так что его можно держать в одной руке.

— Я о них слышал, — кивнул Хокмун, — но нам-то какая польза от этого? Мы, как вы можете заметить, в цепях.

— Да, я это заметил. Однако, если вы пойдете на риск, я, быть может, сумею вас освободить.

— Это новая ловушка, Д'Аверк, которую вы состряпали вместе с ба-роном?

— Я обижен, Хокмун. Почему вы так думаете?

— Потому что вы предали нас в руки барона Мелиадуса. Вы, должно быть, загодя приготовили нам западню, когда говорили с теми солдатами-Волками на карпатской дороге. Вы отправили их отыскать их хозяина и устроили нашу поездку в тот лагерь, где нас легче всего захватить в плен.

— Ну да, это выглядит именно так,— согласился Д'Аверк,— хотя можно все происшедшее расценить и иначе. Воины-Волки опознали меня и последовали за нами. Позже они отправились предупредить своего хозяина. В лагере мне удалось подслушать разговор, в котором я узнал, что Мелиадус прибыл отыскать вас. Вот я и решил, что хоть кто-то должен остаться на свободе, и поспешил к барону, чтобы рассказать ему о вас.— Д'Аверк с делал паузу.— Как вам нравится такой вариант?

— Ловкая выдумка.

— Ну да, это выглядит ловкой выдумкой. Итак, Хокмун, времени мало. Мне надо попытаться пережечь ваши цепи этой штукой, или вы предпочитаете держаться за свои места, чтобы следить за развитием событий?

— Пережигайте цепи,— решил Хокмун.— По крайней мере, имея свободные руки, я смогу придушить вас, если вы лжете.

Д'Аверк поднял небольшое огненное копьё и направил его под углом на скованные руки Хокмуна. Затем он коснулся штырька, и из дула вырвался луч концентрированного тепла. Хокмун почувствовал, как боль обожгла руку, но стиснул зубы. Боль стала сильнее, и он понял, что скоро закричит, но раздалось клацанье и одно из звеньев цепи распалось. Правая рука освободилась. Он потерял ее и чуть не закричал, когда коснулся того места, где доспех был прожжен насквозь.

— Скорей,— торопил его Д'Аверк.— Вот, держите этот конец натянутым. Теперь будет легче.

Наконец Хокмун освободился от цепей. Они занялись освобождением Оладана и Йиссельды. К тому времени, когда они закончили, Д'Аверк страшно нервничал.

— У меня здесь ваши мечи,— сообщил он.— И новые маски, и лошади. Вы должны следовать за мной. И поспешим, пока не вернулся барон Мелиадус. Я, по правде говоря, думал, что он уже вернулся.

В темноте ночи они прокрались туда, где были привязаны кони, надели маски, пристегнули мечи и забрались в седла.

В это время они услышали, как по склону холма поднимаются лошади, услышали возгласы замешательства и гневный рев, который мог принадлежать лишь обманутому барону.

— Быстро! — прошипел Д'Аверк.— Мы должны быстро скакать в Камарг.

Они вонзили шпоры в бока лошадей и с места перешли в дикий галоп, несясь с холма к полю боя.

— Дорогу! — орал Д'Аверк. — Дорогу! Должен проехать отряд! Подкрепление!

Солдаты разбегались в разные стороны, когда они с шумом пронеслись через весь лагерь. Отовсюду неслась брань в их адрес.

— Дорогу! — кричал Д'Аверк. — Послание Главному Командору! — Он повернул голову к Хокмуну и крикнул ему: — Мне скучно все время повторять одно и то же вранье! — И он снова заорал: — Дорогу! Снадобье для пораженных чумой!

Позади послышался топот других лошадей, когда барон Мелиадус со свитой пустились вдогонку.

Теперь беглецы видели, что бой все еще продолжается, но не с прежней интенсивностью.

— Дорогу! — ревел Д'Аверк. — Дорогу барону Мелиадусу!

Лошади перескакивали через скопления людей, огибали боевые машины, все ближе и ближе подбираясь к башням Камарга. Позади беглецов раздавались крики барона Мелиадуса.

Они уже достигли рубежа, где лошади скакали по трупам гранбретанцев, главные силы которых остались далеко позади.

— Срывайте маски! — закричал Д'Аверк. — Это наш единственный шанс! Если они вовремя узнают вас или Ийссельду, они сдержат свой огонь. Если же нет...

Из темноты ударил яркий луч огненного копья, едва не поразивший Д'Аверка. Позади в них целились люди Мелиадуса. Хокмун вцепился в ремешки своей маски, отстегнул ее наконец и отшвырнул прочь.

— Стойте! — послышался голос почти настигшего их барона. — Вы погибнете от рук своих же, дураки! Стойте, идиоты!

Со стороны Камарга летели огненные лучи, освещая ночь красным светом. Лошади мчались по трупам, а это не совсем удобная почва для передвижения. Д'Аверк пригнулся к самой шее своей лошади. Ийссельда и Оладан последовали его примеру, а Хокмун выхватил меч и крикнул:

— Воины Камарга! Это Хокмун! Хокмун вернулся!

Огненные копья продолжали их обстреливать, а они подъезжали все ближе к одной из башен. Д'Аверк выпрямился в седле.

— Камаргцы! Я привел вам Хокмуна, который по... — И по нему плеснуло огнем. Он скинул руки, вскрикнул и начал валиться с коня. Хокмун поспешил к нему и подхватил, не давая упасть. Доспехи Д'Аверка были раскалены докрасна, местами даже расплавлены, но Д'Аверк вроде бы был жив. С его покрывшихся волдырями губ слетел слабый смех: — Вот образец несерьезного отношения к жизни — связать ее с вашей...

Спутники его в замешательстве остановили своих коней. Позади них барон Мелиадус и его свита тоже остановились.

— Оладан, возьми поводья его лошади, а я буду поддерживать его в седле. Посмотрим, нельзя ли подобраться к башням ближе.

Вновь хлестнуло пламя, но на этот раз с другой стороны.

— Стой, Хокмун!

Хокмун пропустил этот приказ мимо ушей и поскакал дальше, медленно выбирая дорогу сквозь смерть и грязь и поддерживая Д'Аверка.

Когда из башни вырвался огромный луч света, он крикнул:

— Воины Камарга! Это Хокмун и Ийссельда, дочь графа Брасса!

Свет растаял. Конники барона уже неподалеку от них. Ийссельда от усталости качалась в седле. Хокмун приготовился отражать нападение Волков Мелиадуса.

И вдруг появилось десятка два бронированных гвардейцев, несущихся на рогатых лошадях, которые окружили четверку друзей.

Один из гвардейцев повнимательней присмотрелся к Хокмуну, и глаза его вспыхнули от радости.

— Это милорд Хокмун! Это Ийссельда! Ну, теперь удача будет сопутствовать нам.

На некотором расстоянии от них барон Мелиадус и его свита остановились, а потом повернули обратно.

Они появились в Замке Брасс утром, когда бледный свет солнца упал на лагуны и дикие быки поднимали головы от водопоя и смотрели, как они проезжают мимо. Ветер шевелил тростник, заставляя его волноваться и делая похожим на море, а холм, на котором стоял город, был усеян виноградниками и садами, полными фруктов, только-только начавших созревать. На вершине холма стоял Замок Брасс, старый, но крепкий и, казалось, не изменившийся от войн, бушевавших на границах провинции.

Они поднялись по извилистой белой дороге, въехали во двор, где радостные слуги выбежали принять у них лошадей, а затем вошли в зал, полный трофеями графа Брасса. Зал был странно холоден и пуст, если не считать одинокой фигуры подле большого камина. Хотя человек этот и улыбался, глаза его были полны страха, а лицо сильно постарело с тех пор, как Хокмун видел его. Это был мудрый сэр Боджентль, поэт-философ.

Боджентль обнял Ийссельду и стиснул руку Хокмуна.

— Как граф Брасс? — спросил Хокмун.

— Физически он здоров, но потерял волю к жизни. — Боджентль сделал знак слугам помочь Д'Аверку. — Отнесите его в комнату в северной башне. Я займусь им, как только смогу. Идемте, — предложил он, — увидите сами.

Они оставили Оладана и Д'Аверка и по старой каменной лестнице поднялись на площадку, где по-прежнему находились апартаменты графа Брасса. Боджентль открыл дверь, и они вошли.

В спальне стояла простая солдатская кровать, большая и квадратная, с белыми простынями и незамысловатыми подушками. На подушках покоилась большая голова, казалось, высеченная из металла. В рыжих волосах появилось намного больше седины, бронзовое лицо стало бледней, но медные усы остались прежними. И густые брови, тяжело нависшие над глубоко посаженными глазами золотисто-карего цвета, тоже не изменились. Глаза, не мига, уставились в потолок, а губы, сжатые в твердую линию, не шевелились.

— Граф Брасс, — тихо позвал Боджентль, — посмотрите...

Но глаза продолжали смотреть в потолок. Хокмун выступил вперед и посмотрел прямо в его лицо, и Ийссельда сделала то же самое.

— Граф Брасс, ваша дочь Ийссельда вернулась. И Дориан Хокмун вместе с ней.

— Граф Брасс, ваша дочь Ийссельда вернулась,— подтвердил Дориан. С губ слетел слабый громыхающий шепот:

— Новые призраки. Я думал, лихорадка прошла, Боджентль.

— Так оно и есть. Это не призраки.

Теперь глаза наконец обратились на них:

— Я, наконец, умер и соединился с вами, дети мои!

— Вы не в земле и не умерли,— ответил Хокмун.

Ийссельда нагнулась и поцеловала отца:

— Вот тебе, отец, земной поцелуй.

Постепенно твердая линия губ начала изгибаться, пока сперва не появилась слабая улыбка, а потом — улыбка во все лицо. Потом тело под одеялом приподнялось, и граф Брасс сел на постели.

— Ах, это правда! Я уже совсем потерял надежду! Какой же я дурак, что потерял надежду! — Теперь он засмеялся, наполнившись вдруг невесть откуда взявшейся жизненной силой.

Боджентль был поражен:

— Граф, я думал, васъѣ смерти отделяет всего лишь небольшой шагок.

— Так оно и было, дорогой Боджентль, но я, как видите, резко отступил. Отпрыгнул, и отпрыгнул очень далеко. Как идет осада, Хокмун?

— Плохо для нас, граф Брасс. Но, держу пари, все теперь пойдет лучше, когда мы все вместе.

— Да, Боджентль, распорядитесь принести мои доспехи. И где мой меч?

— Вы, должно быть, еще слабы, граф Брасс...

— Тогда прикажите подать мне поесть. Пусть принесут побольше еды. Я подкреплюсь, пока мы разговариваем.— И граф вскочил с постели обнять свою дочь и ее нареченного.

* * *

Пока Хокмун, граф Брасс, Ийссельда и Боджентль завтракали в зале, где их встретил Боджентль, Хокмун рассказывал графу Брассу об их приключениях. В свою очередь, граф рассказал о своих несчастьях в борьбе, как оказалось, почти со всей мощью Темной Империи. Он поведал о последнем бое фон Вилака, о том, как храбро погиб старый воин, унеся с собой жизни пары десятков солдат Гранбритании, как ранили его самого, как узнал он об исчезновении Ийссельды и потерял желание жить.

В зал спустился Оладан, и его представили графу Брассу. Он сообщил, что Д'Аверк тяжело ранен, но Боджентль, который уже оказал ему помощь, надеется на его выздоровление.

В целом, возвращение домой было радостным, правда, омраченным тем обстоятельством, что на границах гвардейцы сражались за свою жизнь, рубясь в заведомо проигранной битве.

К этому времени граф Брасс облачился в свои медные доспехи и пристегнул огромный двуручный меч. Подобно башне, он возвышался над всеми, когда встал и заявил:

— Идемте, Хокмун и сэр Оладан! Мы должны сразиться на поле боя и повести наши войска к победе.

— Два часа назад я думал, что вы без пяти минут покойник, — вздохнул Боджентль, — а теперь вы отправляетесь в бой. Вы еще недостаточно оправились.

— Болезнь моя была болезнью духа, а не плоти, и теперь она исцелена, — прорычал граф Брасс. — Лошадей! Прикажите подать наших лошадей, сэр Боджентль!

Несмотря на то, что отдыхать было некогда, Хокмун ощутил прилив новых сил и последовал за графом. Он послал Ийссельде воздушный поцелуй, и они оказались во дворе замка, садясь на коней, что понесут их на поле битвы. Быстро летели они по тайным тропам, проложенным через болота, где гуляла стада гигантских алых фламинго, взлетающих при их приближении. Они видели табуны рогатых лошадей, уносящихся прочь. Граф Брасс взмахнул рукой в рукавице:

— Такую страну стоит защищать всем, что у нас есть. Такой мир надо сохранить.

Вскоре они услышали шум битвы и выехали туда, где Темная Империя наступала на башни. Они натянули поводья и остановились, увидев то, что случилось. Это было ужасно.

Пораженный граф Брасс сказал:

— Это невозможно.

И тем не менее это было правдой.

Башни пали. Каждая превратилась в кучку камней, которые еще дымилась. Уцелевших защитников теснили назад, хотя они дрались очень храбро и достойно.

— Это — падение Камарга, — внезапно постаревшим голосом произнес граф Брасс.

Г л а в а 1 1

ВОЗВРАЩЕНИЕ РЫЦАРЯ

Их увидел один из капитанов и подъехал. Доспехи его были иссечены в клочья, меч сломан, но лицо сияло радостью.

— Граф Брасс! Наконец-то! Скорее, сударь, мы должны собрать воинов, чтобы прогнать псов Темной Империи!

Хокмун видел, как граф заставил себя улыбнуться, выхватил свой огромный двуручный меч и сказал:

— Да, капитан. Посмотрите, нельзя ли найти пару герольдов, чтобы сообщить всем, что граф Брасс вновь на поле боя.

Когда граф Брасс и Хокмун появились на поле, сильно теснимые солдаты Камарга подняли торжествующий крик и удержали свои позиции, а местами даже отбросили гранбретанцев. Граф Брасс и следующие за ним Хокмун и Оладан скакали в самой гуще воинов. Граф вновь стал непобедимым человеком.

— Посторонись, ребята! — призывал он. — Посторонись! Дай мне добраться до врага!

Вывхавив свой потрепанный штандарт у ближайшего всадника, он уравновесил его на сгибе локтя и, размахивая мечом, помчался на скопище звериных масок.

Рядом несли Хокмун, и вместе они составляли угрюмую, почти сверхъестественную пару: один в пламенеющих доспехах из меди, другой, со сверкающим Черным Камнем во лбу. Их мечи поднимались и обрушивались на врагов. А когда к ним присоединился еще человек — с лицом, покрытым шерстью, небольшого роста, со сверкавшей саблей, разящей, словно молния, — они стали казаться троичей, вернувшейся из древних мифов, настолько угнетая боевой дух гранбретанцев, что те повалили назад.

Хокмун всюду искал Мелиадуса, поклявшись, что на этот раз убьет его, но того нигде не было.

Руки в латных рукавицах пытались стащить его с седла, но меч его проникал через глазницы, раскалывая шлемы и срубая головы.

День близился к вечеру, а конца сражению видно не было. Хокмуна начало в седле, он смертельно устал от битвы и пребывал в полуобморочном состоянии от множества мелких порезов и ушибов. Конь его был убит, но прошло не менее получаса, пока он понял, что сидит на мертвой лошади, так велика была вокруг него давка. Тогда Хокмун спрыгнул с седла и продолжал драться пешим.

Он понимал, что сколько бы он ни убил и сколько бы ни убили другие, число врагов превосходит все их наличные силы. Постепенно их теснили дальше и дальше.

— Ах, — произнес он про себя, — если бы у нас было несколько сот свежих солдат, мы выиграли бы эту битву. Клянусь Рунным Посохом, нам нужна подмога!

Вдруг по его телу пробежало странное электрическое ощущение, и он ахнул, осознав, что с ним происходит, когда он воззвал к Рунному Посоху. Красный Амулет, заплывший на его шее, отбрасывал алый свет на доспехи его врагов и вливал силу в его усталое тело. Он засмеялся и с фантастической мощью принялся рубить вокруг себя, вырубая среди воинов, обступивших его, круг. Его меч сломался, тогда он выхватил пику у налетевшего на него всадника, сдернул с седла ее владельца и, действуя пикой, как мечом, вскочил на чужого коня и возобновил бой.

— Хокмун! Хокмун! — закричал он, пользуясь старинным боевым кличем своих предков. — Хей, Оладан! Граф Брасс! — Он пропахал себе дорогу среди воинов в звериных масках, разделявших его и друзей. Штандарт графа Брасса все еще покачивался на сгибе локтя.

— Гоните их назад! — заорал Хокмун. — Гоните их назад к границе!

Хокмун появлялся всюду, он был приносящим смерть вихрем. Он проносился, словно смерч, сквозь ряды гранбретанцев, и там, где он проносился, оставались лишь трупы. Среди врагов поднялся ропот, и они начали колебаться.

Вскоре они отступили, а некоторые даже просто бежали с поля боя. И вот тогда появился барон Мелиадус, приказывающий им остановиться, повернуться и драться.

— Назад! — кричал он. — Нельзя бояться столь небольшого числа людей! — Но прилив гранбретанцев уже превратился в отлив, которым был подхвачен и барон Мелиадус и унесен назад своими отступающими солдатами.

В ужасе бежали они от бледнолицего Рыцаря, чей меч сокрушал их повсюду. Во лбу его сиял Черный Камень, а на шее грозным алым светом озарял лицо Красный Амулет. Его свирепый конь становился на дыбы над их головами. Кроме того, они слышали, как он выкрикивал имя мертвого, что он сам был мертвым Дорианом Хокмуном, который сражался против них при Кельне и чуть не разбил их там, который бросил открытый вызов самому Королю-Императору, который чуть не убил барона Мелиадуса и фактически громил его. Хокмун! Это было единственное имя, которого страшилась Темная Империя.

— Хокмун! Хокмун! — Человек высоко поднял меч, и конь его вновь взвился на дыбы. — Хокмун!

Одержимый силой Красного Амулета, Хокмун преследовал бегущих врагов и дико смеялся от безумного торжества. Позади него скакал граф Брасс, ужасающий в своей медно-красной броне; с меча его стекала кровь убитых врагов; Оладан, ухмыляющийся сквозь шерсть, сверкая яркими глазами, с саблей, липкой от крови; а за ними — торжествующие солдаты Камарга, горстка бойцов, глумящаяся над разгромленной ими армией.

Сила амулета стала ослабевать, и Хокмун почувствовал, как возвращается боль, ощутил смертельную усталость, но теперь это значения не имело, поскольку они отогнали врага к границе, отмеченной разрушенными башнями, и следили за бегством гранбретанцев.

— Наша победа, Хокмун! — счастливо засмеялся Оладан.

— Да, но не такая, какую мы можем закрепить, — нахмурился граф Брасс. — Мы должны отойти, перегруппировать наши силы, найти какой-то более безопасный опорный пункт, потому что еще раз нам их не разбить на открытом месте.

— Вы правы,— кивнул Хокмун.— Теперь, когда башни пали, нам нужно другое защищенное место, и мне в голову приходит лишь одно...— Он взглянул на графа.

— Да, Замок Брасс,— согласился граф.— Мы должны послать вестников во все села и деревни Камарга и собрать народ с их добром и припасами в Эйги-Морт, под защиту Замка...

— Сумеет ли содержать столь много народа в длительную осаду?

— Увидим,— ответил граф, наблюдая, как в отдалении начинается перегруппировываться армия.— Но, по крайней мере, они получат хоть какую-то защиту, когда войска Темной Империи хлынут в наш Камарг.

Когда он повернул коня и направился к замку, в глазах графа стояли слезы.

* * *

Стоя на балконе своих покоев в восточной башне, Хокмун наблюдал, как люди гнали свой скот под защиту старого города Эйги-Морт. Для большей части скота в амфитеатре построили отделение. Солдаты переносили провиант и помогали народу разбираться с нагруженными телегами. К вечеру все, кроме небольшого числа, были в укрытии. Хокмун молил, чтобы не случилось эпидемии или паники, потому что в этом случае с таким количеством народа было бы трудно управиться.

К нему присоединился Оладан и показал на северо-восток.

— Смотри,— сказал он,— летающие машины.

И Хокмун увидел злобещие силуэты вылетающих из-за горизонта орнитоптеров Темной Империи, верный признак, что армия Гранбретани тронулась в путь.

С наступлением ночи они увидели костры близко расположившихся войск.

— Завтра,— произнес Хокмун,— может произойти наше последнее сражение.

Они спустились в зал, где Боджентль разговаривал с графом Брассом. С привычным изобилием был сервирован стол. Когда Хокмун и Оладан вошли в зал, собеседники обернулись.

— Как Д'Аверк? — спросил Хокмун.

— Лучше,— ответил Боджентль.— У него великолепная конституция. Говорит, что хотел бы сегодня поесть. Я сказал, что ему можно.

Вошла Ийссельда.

— Я говорила с женщинами,— сообщила она,— и они заверили меня, что теперь все надежно укрылись за стенами Замка. Если мы заберем скот, у нас хватит провизии, чтобы продержаться целый год.

— Чтобы решить исход этой битвы,— печально улыбнулся граф Брасс,— потребуется меньше года. А как в городе боевой дух?

— Висок,— отозвалась она.— Сейчас, когда все знают о вашей сегодняшней победе и что вы оба живы, висок.

— Что ж, это к лучшему, — с тяжелым вздохом произнес граф Брасс, — если они не знают, что завтра погибнут. Ну, если не завтра, то послезавтра. Мы не сможем долго продержаться против такой массы солдат, моя дорогая. Большая часть наших фламинго погибла, так что с воздуха у нас нет никакой защиты. Большинство наших гвардейцев пало, а те войска, что у нас остались, почти совсем не обученные.

— А мы-то думали, — вздохнул Боджентль, — что Камарг никогда не сдастся.

— Вы чересчур уж уверены, что такое произойдет, — прозвучал с лестницы голос, и Д'Аверк, бледный и одетый в свободную желтовато-коричневую одежду, хромя, вошел в зал. — В таком настроении вы обязательно проиграете. Вы могли бы попробовать, по крайней мере, хотя бы поговорить о победе.

— Вы правы, сэр Юиллам, — усилием воли граф Брасс сменил настроение. — И мы можем съесть кое-что из поставленной на стол прекрасной пищи, чтобы придать себе сил для предстоящей нам завтра битвы.

— Как вы себя чувствуете, Д'Аверк? — спросил Хокмун, когда они сели за стол.

— Достаточно хорошо, — легкомысленно ответил Д'Аверк. — Думаю, что сумею проглотить немного подкрепляющего. — И он начал заваливать свою тарелку мясом.

Они ели почти все время в молчании, наслаждаясь едой, которую, как некоторые из них чувствовали, они отвеживают в последний раз.

Когда на следующее утро Хокмун выглянул из окна, то увидел, что болотистые земли полностью заняты людьми. За ночь Темная Империя подкралась к стенам очень близко и теперь готовилась к атаке.

Хокмун быстро оделся, дополнив свой туалет доспехами, и скоренько спустился в зал, где застал Д'Аверка, уже одетого в латные доспехи, Оладана, чистившего свой клинок, и графа Брасса, обсуждавшего с двумя своими оставшимися капитанами проблемы предстоящей кампании.

Атмосфера в зале царила напряженная, все говорили друг с другом вполголоса.

Появилась Ийссельда и тихонько позвала:

— Дориан...

Он обернулся и взбежал по лестнице на площадку, где она стояла, заключил ее в объятия, крепко прижал к себе и нежно поцеловал в лоб.

— Дориан, — произнесла она, — давай поженимся прежде...

— Да, — спокойно согласился он. — Давай найдем Боджентля.

Они нашли философа в его покоях, где он читал книгу. Он оторвался от нее, когда они вошли, и улыбнулся молодой паре. Они сообщили ему, что они от него хотели бы, и он отложил книгу.

— Я надеялся на торжественную церемонию, — сказал он, — но я понимаю...

Он велел им соединить руки и опуститься перед ним на колени. Потом произнес над ними слова собственного сочинения, которые всегда употреблял при бракосочетании с тех пор, как он и его друг граф Брасс прибыли в Замок Брасс.

Когда церемония была завершена, Хокмун встал и снова поцеловал Йиссельду. А потом сказал:

— Позаботьтесь о ней, Боджентль,— и покинув комнату, присоединился к своим друзьям, уже выходящим во двор Замка.

* * *

Когда они садились на своих лошадей, на двор Замка вдруг упала огромная тень, и послышался скрежет и лязг, который мог издавать только орнитоптер Темной Империи. Из пушки орнитоптера вылетел язык пламени и лизнул булыжники двора, едва не задев Хокмуна и заставив его коня встать на дыбы.

Граф Брасс поднял огненное копьё, которое он уже взял, коснулся штырька, и яркий огонь ударил вверх по летящей машине. Они услышали вопль пилота и увидели, как крылья машины перестали работать. Снижаясь под углом, она исчезла по полю зрения и, как они услышали, в конце концов, врезалась в склон холма.

— Нужно установить в башнях посты с огненными копьями,— сказал граф Брасс.— У них будет больше шансов нанести орнитоптерам ответный удар. Ну, господа, в бой!

И они покинули Замок и проскакали по городу, увидев огромный прилив ратников, уже хлынувших на стены города, где воины Камарга отчаянно пытались отбить их натиск.

Орнитоптеры, сделанные в форме гротескных металлических птиц, кружили над городом, поливая улицы огнем, и воздух наполнился криками горожан, ревом огненных копий и звоном металла о металл. Над Замком Эйги-Морт висел черный дым, и местами уже горели дома.

Хокмун провел отряд и протолкался сквозь толпу перепуганных женщин и детей, чтобы добраться до стен и присоединиться к войскам. Граф Брасс, Оладан и Д'Аверк были повсюду, помогая сопротивляться силам, которые старались одержать верх над защитниками Камарга.

С одной части стены раздался отчаянный крик и вслед за ним победный. Хокмун бросился на крики, видя, что в обороне пробита брешь и сквозь нее хлынули солдаты Темной Империи в волчьих и медвежьих масках.

Хокмун встретил их, и они мгновенно приостановились, помня о его подвигах накануне. Он больше не обладал сверхчеловеческой силой, которую придавал ему Красный Амулет, но использовал возникшую панику, чтобы выкрикнуть боевой клич своих предков:

— Хокмун! Хокмун! — и рванулся на них с мечом, пробивающим кость, металл и плоть, и погнал их назад через брешь.

Они сражались весь день, удерживая Замок, хотя численность защитников стремительно падала, а когда наступила ночь, войска Темной Империи отошли. Хокмун понимал, как понимали и все остальные, что завтрашний день будет днем их поражения.

Граф Брасс, Хокмун и все остальные устало направили своих коней по извилистой дороге к Замку. На сердце у них становилось тяжелее, когда они думали о невинных жертвах этого дня и обо всех жертвах, которых убьют завтра, если им повезет умереть в бою.

Вдруг позади себя они услышали топот копыт чужого коня и, обернувшись с мечами наготове, увидели фигуру высокого всадника, направляющегося вверх по склону холма к замку. На нем был высокий шлем, полностью закрывающий лицо, а его доспехи были черного и золотого цветов. Хокмун нахмурился:

— Что надо здесь этому изменнику и вору?

Рыцарь в Черном и Золотом остановил коня подле них. Из-под шлема донесся его глухой вибрирующий голос:

— Приветствую вас, защитники Камарга. Вижу, день для вас был неудачным. Завтра барон Мелиадус разгромит вас окончательно.

— Ни к чему так много говорить об очевидном, Рыцарь.— Хокмун отбел лицо платком.— Что на этот раз ты явился украсть?

— Ничего,— ответил Рыцарь.— Я явился кое-что отдать.— Он протянул руку за спину и вытащил помятые седельные сумки Хокмуна.

Настроение Хокмуна поднялось, он нагнулся взять их, открыл одну и посмотрел, что внутри. В сумке лежал предмет, так давно завернутый в плащ и подаренный ему Риналом. Он размотал плащ и увидел, что кристалл цел.

— Но зачем ты вообще забирал его? — спросил Хокмун.

— Давайте проедем в Замок Брасс, и там я все объясню,— ответил Рыцарь.

* * *

В зале Рыцарь остановился около камина, а остальные сели в кресла, приготовившись слушать.

— Я покинул вас в замке Безумного Бога,— начал Рыцарь,— потому что знал — с помощью зверей Безумного Бога вы вскоре сможете выбраться оттуда. Но, кроме того, я предвидел, что впереди вас ждут другие опасности, и подозревал о вашем возможном попадании в плен. Учитывая это, я решил забрать с собой предмет, подаренный вам Риналом, и сохранить его в безопасном месте, пока вы не вернетесь в Камарг.

— А я-то решил, что вы, Рыцарь, вор,— сокрушенно заметил Хокмун.— Я сожалею, Рыцарь.

— Но что за предмет, о котором так много разговоров? — спросил граф Брасс.

— Древняя машина,— пояснил Рыцарь,— сделанная с помощью одной из самых утонченных наук, какие когда-либо существовали на земле.

— Оружие? — среагировал граф Брасс на такое заявление.

— Нет. Это устройство, которое может искривлять целые области времени и пространства и перемещать их в другие измерения. Пока машина существует, она может делать это, но если она по несчастной случайности будет уничтожена, тогда этот район вернется немедленно в то же время и пространство, откуда был перемещен.

— А как она действует? — поинтересовался Хокмун, вспомнив, что он об этом ничего не знает.

— Это трудно объяснить, поскольку ни одного из слов, что мне придется употребить, вы не знаете, — сказал Рыцарь.

— Но Ринал показал мне, как ею пользоваться, и я могу с ней работать, — сказал Хокмун.

— Но для какой цели? — спросил Д'Аверк. — Чтобы переместить беспокойного барона и его войска в какой-нибудь лимб, откуда они не смогут нас больше потревожить?

— Нет, — ответил Рыцарь. — Я объясню...

Двери вдруг распахнулись, и в зал влетел потрепанный солдат.

— Мессир, — крикнул он графу Брассу. — Барон Мелиадус с флагом парламентаря. Он желает вести с вами переговоры у городских стен.

— Мне нечего сказать ему, — ответил граф Брасс.

— Он говорит, что намерен атаковать ночью, что он может за час снести стены, потому что держит для этого резервное войско. Он говорит, если вы выдадите ему вашу дочь, Хокмуна, Д'Аверка и сами предадитесь в его руки, он проявит к остальным снисхождение.

На мгновение граф Брасс задумался, но вмешался Хокмун:

— Такую сделку бессмысленно обдумывать, граф Брасс. Мы оба знаем о большой склонности барона к вероломству. Это всего лишь попытка деморализовать народ, чтобы облегчить себе победу.

— Но если то, что он говорит, правда, а я не сомневаюсь, что так оно и есть, — вздохнул граф, — то за час он снесет стены и мы все погибнем.

— По крайней мере с честью, — произнес Д'Аверк.

— Да, — согласился граф Брасс с легкой иронической улыбкой, — по крайней мере, с честью. — Он повернулся к солдату. — Скажи барону Мелиадусу, что мы не желаем с ним разговаривать.

Солдат поклонился.

— Слушаюсь, милорд, — сказал он и покинул зал.

— Нам лучше вернуться на стены, — устало сказал граф Брасс, поднимаясь, и в этот момент вошла Ийссельда.

— Ах, отец, Дориан, вы оба живы и не ранены!

Хокмун обнял ее.

— Но теперь мы должны вернуться на стены, — мягко сказал он. — Вот-вот Мелиадус начнет новую атаку.

— Подождите, — потребовал Рыцарь в Черном и Золотом, — Я еще не изложил вам свой план.

Глава 12

ПОБЕГ В ЛИМБ

Услышав ответ гонца, барон Мелиадус лишь улыбнулся.

— Отлично, — сказал он своей свите, — пусть уничтожат весь город и возьмут живыми ровно столько его жителей, чтобы хватило поразвлечь нас в день победы.

Он развернул коня в ту сторону, где резервные войска ожидали его команды.

— Вперед! — приказал он, наблюдая, как они потекли, словно река, к обреченному городу с Замком за его стенами.

На городских стенах он видел костры, немногочисленных, ожидающих атаки солдат, наверняка уверенных, что они сегодня умрут. Он видел грациозные контуры Замка, так хорошо некогда защищавшего город, и засмеялся. Внутри него разлилась приятная теплота, потому что он жаждал этой победы с тех самых пор, как его выгнали вон из этого Замка.

А сейчас его войска достигли стен, и он пришпорил коня, заставляя его двинуться вперед, чтобы лучше видеть битву.

Потом он нахмурился. Казалось, что-то случилось со светом, потому что контуры города и Замка будто заколебались и стали размытыми.

Он поднял маску и протер глаза, потом снова посмотрел.

Силуэт Замка Брасс и Эйги-Морта, казалось, светились сначала розовым, затем — бледно-красным, потом — алым, и барон Мелиадус почувствовал головокружение. Он облизал пересохшие вдруг губы.

В атаке оставались солдаты, зароптали глухо и отпрянули прочь от этого места. Весь город, Замок и холм вместе со стенами, окружавшими город, стали теперь пламенно-голубыми. Голубизна начала таять, а вместе с ней таял и исчезал Замок Брасс и Эйги-Морт. Дунул пронзительный ветер, заставив покачнуться в седле барона Мелиадуса.

— Эй, кто-нибудь! Что там случилось? — крикнул барон.

— Это место исчезло, — ответил голос потрясенного человека.

— Исчезло? Невозможно! Как могут исчезнуть целый город и холм? Они на месте! Они просто воздвигли дымовую завесу!

На громадной скорости барон Мелиадус понесся туда, где недавно стояли городские стены, ожидая встретить преграду, но ничто не преградило ему путь, а конь его топтал глину, выглядевшую так, будто ее только что вспахали.

— Они сбежали от меня! — взвыл он. — Но как? Какая наука помогает им? Какая сила, превосходящая нас, может быть у них?

Войска спешно стали поворачивать назад, некоторые просто бежали. Но барон Мелиадус спешился, вытянул руки, пытаясь нащупать исчезнувший город. Он закричал от бешенства и зарыдал от бессильной ярости, упав на колени в грязь и грозя кулаком в сторону, где совсем недавно возвышался Замок Брасс.

— Я найду тебя, Хокмун, тебя и твоих дружков! Я привлеку к этим поискам все лучшие знания, какие только есть в Гранбритании. И если понадобится, я последую за вами, в какое место вы бы ни бежали, будь оно на этой земле или за ее пределами, и вы узнаете мою месть. Я клянусь в этом Рунным Посохом!

Он поднял взгляд, так как услышал стук копыт коня, проскакавшего мимо. Ему показалось, что он увидел мелькнувшего всадника в черных и золотых доспехах, показалось, что он услышал ироничный смех, а затем все исчезло.

Барон Мелиадус встал с колен и огляделся, ища своего коня.

— О Хокмун,— выдавил он сквозь стиснутые зубы.— Я настигну тебя, о Хокмун!

Снова поклялся он Рунным Посохом, как и в то далекое роковое утро. И его клятва привела в движение новый рисунок узора истории. Вторая его клятва усилила этот узор то ли в пользу Мелиадуса, то ли в пользу Хокмуна и связала судьбы их всех еще сильнее.

Барон Мелиадус нашел свою лошадь и вернулся в лагерь. Завтра он поспешит в Гранбритань, а там устремится в лабиринты лабораторий Ордена Змеи, раньше или позже он обязательно найдет дорогу к исчезнувшему Замку Брасс, так пообещал он себе.

* * *

Ийссельда в удивлении смотрела в окно, лицо ее светилось радостью. Хокмун улыбнулся и привлек ее к себе.

Позади них граф Брасс, откашлявшись, сказал:

— По правде говоря, я несколько обеспокоен этим — этой наукой. Куда, тот парень говорил, мы попали по этой н а у к е?

— В какой-то другой Камарг, отец,— ответила Ийссельда.

Вид из окна был в туманной дымке, хотя город и холм были достаточно осязаемы, а остальное — не особенно. За пределами города им было видно голубое свечение, сквозь которое они видели лагуны и волнующийся, словно море, тростник, но все это было неестественного цвета, не зеленое или желтое, а всех цветов радуги. Кроме того, не ощущалось материальности Замка и его окружения.

— Он говорил, что мы можем исследовать это место,— проговорил Хокмун.— Так что, должно быть, этот Камарг более осязаем, чем выглядит.

— Мне думается,— откашлявшись, сказал Д'Аверк,— я лучше останусь здесь. Что скажешь, Оладан?

— Мне думается, что я тоже,— усмехнулся Оладан,— во всяком случае, пока не привыкну к этому месту.

— Ну и я с вами,— засмеялся граф Брасс.— И все-таки мы в безопасности. Да и люди тоже. У нас есть за что быть благодарными.

— Да,— задумчиво согласился Боджентль,— но мы не должны недооценивать научную мощь Гранбритании. Если есть способ последовать за нами сюда — они найдут его,— будьте в этом уверены.

— Вы совершенно правы, Боджентль,— кивнул Хокмун и указал на подарок Ринала, что лежал сейчас посреди стола, очерченный странным бледно-голубым сиянием, лившимся из окон,— нам надо хранить вот это в самом надежном подземелье. Помните, что говорил Рыцарь — если его уничтожить, мы сразу же окажемся в своем собственном времени и пространстве.

— Я присмотрю за тем, чтобы он был в безопасности,— сказал Боджентль, подойдя к столу и осторожно беря в руки кристалл.

Когда он вышел, Хокмун вновь повернулся к окну, ощупывая Красный Амулет.

— Еще Рыцарь сказал, что вернется с сообщением и заданием для меня,— сказал он.— Теперь я не сомневаюсь, что служу Рунному Посоху; когда Рыцарь придет за мной, я буду должен покинуть Замок Брасс, покинуть это измерение и возвратиться в наш мир. Ты должна быть готова к этому, Ийссельда.

— Давай не будем думать и говорить об этом сейчас,— попросила она,— а отпразднуем нашу свадьбу.

— Конечно,— ответил он с улыбкой,— давай займемся этим.

Но полностью прогнать знание того, что где-то, отделенный тонким барьером, существует по-прежнему их мир, он не мог, и опасность, исходившая от Темной Империи, существовала по-прежнему. Хотя он и ценил данную ему передышку, время, что можно было провести рядом с любимой женщиной, все равно он знал, что скоро должен будет вернуться и вновь сразиться с силами Гранбретани.

Но этот краткий миг, краткую передышку он получил и будет хоть сколько-то счастлив.

МЕЧ ЗАРИ

РОМАН

Сорвав Красный Амулет с шеи Безумного Бога и оставив себе этот могущественный талисман, Дориан Хокмун, последний из герцогов Кельнских, вместе с друзьями Юилламом Д'Аверком и Оладаном с Булгарских гор вернулся в Камарг, осажденный старым врагом Хокмуна — бароном Мелиадусом Кройденским. Граф Брасс, его дочь Ийссельда и философ Боджентль с тревогой ожидали их возвращения. Хорошо защищенный Камарг мог пасть со дня на день — столь могучей стала Темная Империя. Барон Мелиадус не знал пощады... И лишь при помощи древней машины, способной высвобождать огромную энергию и проходить сквозь пространство и время, друзьям удалось спастись. Они нашли убежище в другом измерении Земли, где не существовало ужасной Гранбретани. Но если волшебная машина будет разрушена, они вновь окажутся в хаосе своего мира... А пока они жили в радостном спокойствии и ничто не напоминало о той страшной участи, которой они избежали. Однако Хокмун все чаще задумывался о судьбе, постигшей его мир, все чаще вспоминал данную им клятву...

Из истории «Рунного Посоха»

Г л а в а 1 ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД

Угрюмые всадники взбирались по покрытой грязью горной тропинке и кашляли от густого черного дыма, поднимающегося из долины.

Был вечер, солнце садилось, и на голые склоны дальних скал ложились длинные гротескные тени всадников. В наступающих сумерках казалось, что гигантские двуглавые существа парят на фоне гор.

У каждого всадника было знамя, покрытое пятнами в многочисленных сражениях; на каждом была надета звериная маска из металла, усыпанная драгоценными камнями; на каждом были тяжелые доспехи из стали, меди и серебра, помятые и перепачканные кровью, на доспехах были выбиты

девизы владельцев, на оружии каждого была засохшая кровь невинных жертв.

Всадники остановились. Маска Волка повернулась к маске Мухи, Обезьяна поглядела на Козла, Крыса, казалось, ухмыльнулась Псу — и усмешка была победной. Звери Темной Империи, каждый из которых — военачальник тысяч, посмотрели на долины и на море за холмами, потом оглянулись на пылающий внизу город, где в это время их солдаты пытали и убивали людей.

Солнце село. Наступила ночь, и на черном металле масок воинов появились отблески пожара.

— Ну что же, милорд,— сказал барон Мелиадус, Гранд Констебль Ордена Волка, Командующий Армии Завоевателя, глубоким, музыкальным голосом, глухо прозвучавшим из-под маски,— теперь мы завоевали всю Европу.

Майгель Хольст, худой герцог Лондрский, Гранд Констебль Ордена Козла, засмеялся:

— Да, всю Европу! Не осталось ни одного дюйма, не принадлежащего нам. И большую часть Востока мы тоже захватили.

Козлиная маска закивала как бы в удовлетворении, рубиновые глаза, отразив пламя, угрожающе сверкнули.

— Скоро,— весело выкрикнул Адаз Промп, Гранд Констебль Ордена Пса,— весь мир будет с нами! Вось!

Бароны Гранбритании, хозяева континента, искусные тактики и отважные воины, не боящиеся за собственную жизнь, развращенные в душе и безумные в мыслях, ненавистники всего, что не было еще уничтожено, приверженцы власти без нравственности и силы без правосудия, удовлетворенно мрачно посмеивались, глядя на последний европейский город, посмеивший сопротивляться им. Этот древний город рушился и умирал. Назывался он — Афины.

— Вось,— произнес Джерек Нанкенсин, Гранд Констебль Ордена Мухи,— кроме спрятавшегося Камарга...

И тут барон Мелиадус перестал смеяться и сделал движение, будто собираясь ударить своего сподвижника-военачальника.

Сверкающая драгоценностями маска Мухи, которую носил Джерек Нанкенсин, слегка повернулась к Мелиадусу, и раздавшийся из-под нее голос явно подзадорил собеседника:

— Разве недостаточно, барон, того, что вы их изгнали?

— Нет! — взревел Волк Волков. — Недостаточно!

— Причинить вам вред они не могут, — прошелтал Бреналь Фарну из Ордена Крысы. — Наши ученые установили, что они сейчас находятся в другом измерении, в каком-то другом пространстве-времени. Добраться до них мы не можем, как, кстати, и они до нас. Так давайте же наслаждаться нашей победой и оставим мрачные мысли о Хокмуне и графе Брассе...

— Не могу!

— А может, тебя преследует другое имя, брат барон?

Джерек Нанкенсин явно дразнил барона, который был его соперником во многих любовных приключениях.

— Имя светловолосой Ийссельды? Может, тобой движет любовь, милорд? Нежная любовь?

Какое-то время Волк молчал, но рука его стиснула рукоять меча и побелела от напряжения. Затем, взяв себя в руки, он заговорил своим глубоким музыкальным голосом, стараясь быть небрежным:

— Месть, дорогой барон Джерек Нанкенсин,— единственное, что движет моими чувствами...

— Какой ты страстный человек, барон,— сухо отозвался Джерек Нанкенсин.

Внезапно Мелиадус резко вложил свой меч в ножны и наклонился за своим знаменем, древко которого было воткнуто в землю.

— Они оскорбили нашего Короля-Императора, нашу страну и меня. Я, безусловно, поразвлекусь с девушкой, но отнюдь не нежные чувства будут мною руководить...

— Ну, конечно, нет,— прошептал Джерек Нанкенсин с намеком иронии в голосе.

— Что же касается остальных, то с ними я тоже поразвлекусь в подземной тюрьме Лондры. Дориан Хокмун, граф Брасс, философ Боджентль, Оладан из Разбойничьих Гор и Юиллам Д'Аверк — все они будут страдать много лет. И в этом я клянусь Рунным Посохом.

Позади них послышался какой-то звук. Они оглянулись и, взглядевши в ночь, освещенную пожаром, увидели, как вверх по холму поднимаются крытые носилки, которые несут пленные афиняне, прикованные к ручкам носилок. На носилках восседал Шенегар Тротт, граф Суссекский. Граф Шенегар вообще был чуть ли не противником ношения масок, на его лишенной драгоценных камней маске было вырезано его собственное лицо, правда, несколько карикатурное. Он не принадлежал ни к какому Ордену, и его терпели при дворе Короля-Императора только потому, что он был несметно богат и обладал почти сверхъестественной силой. Правда, при взгляде на ленивые повадки графа и его усыпанную драгоценностями одежду, создавалось впечатление, что граф — напыщенный дурак. Впечатление, впрочем, было ложным. Он заслужил большее доверие Короля-Императора Гуона, чем даже барон Мелиадус, потому что он был блестящим советником.

Граф явно слышал последнюю часть их беседы, так как насмешливо произнес:

— Опасно давать такие клятвы, милорд барон. Ведь последствия их могут быть неприятны для того, кто клянется...

— Я дал клятву, зная, что произойдет со мной, если я ее не выполню. Не беспокойтесь, граф Шенегар, я найду их.

— Я пришел напомнить вам, милорды,— продолжил Шенегар Тротт,— что наш Король-Император горит нетерпением видеть нас и слышать, что теперь уже вся Европа находится в его владении.

— Я немедленно скачу в Лондру,— ответил Мелиадус.— К тому же там я смогу посоветоваться с нашими учеными-колдунами и найти средство, чтобы обнаружить моих врагов. Прощайте, милорды!

Натянув поводья своей лошади, он развернул ее и поскакал вниз с холма. Его товарищи молча наблюдали за ним.

Звериные маски сдвинулись ближе, отражая отблеск пожара.

— Его безумие может погубить нас всех,— прошептал один из оставшихся.

— Какая разница? — усмехнулся Шенегар Тротт.— Ведь вместе с нами будет погублено и все остальное...

Шутка эта была встречена взрывом смеха. Этот смех, родившийся из-под звериных, усыпанных драгоценностями масок, был безумен, в нем слышалась такая же ненависть к себе, как и ко всему остальному миру.

Именно в этом и заключалась великая сила Лордов Темной Империи — ничто на Земле они не ценили, ни в себе, ни вне себя. Победоносные войны и опустошение, ужас и пытки были единственным их развлечением, средством заполнить свой досуг, пока часы их жизни не останавливались. Война была для них самым естественным способом существования...

Г л а в а 2

ТАНЕЦ ФЛАМИНГО

На заре, когда стая гигантских алых фламинго поднялась из своих тростниковых гнезд и затанцевала в небе свои прекрасные танцы, граф Брасс стоял на краю болота и задумчиво глядел на лужицы и островки, которые казались ему иероглифами какого-то древнего ма-нускрипта.

С недавних пор он решил заняться онтологией, изучая птиц, тростники и лагуны и пытаясь тем самым подобрать ключ к этому загадочному миру.

Он был уверен, что этот пейзаж зашифрован. В нем он мог найти ответ на вопрос, который сам не мог точно сформулировать: может быть, ему удалось бы сделать открытие и он наконец понял бы, откуда в нем возникает ощущение опасности, которая, подобно болезни, истощает его и психически, и физически.

Поднялось солнце, осветив воду своим бледным светом. Услышав какой-то шум, граф Брасс обернулся и увидел свою дочь Ийссельду, золотоволосую мадонну лагун, почти колдовское существо в развевающемся голубом наряде, верхом на белой рогатой камаргской ло-

шади и с загадочной улыбкой на губах, как будто она знала какую-то тайну, значение которой не могла оценить.

Граф Брасс попытался избежать встречи, быстро направившись вдоль берега, но она уже заметила его и скакала, махая ему рукой.

— Отец, ты поднялся так рано! И уже не первый раз.

Граф кивнул и вновь повернулся, глядя на воду и тростник, и затем вдруг перевел взгляд на танцующих птиц, как бы намереваясь застичь их врасплох и каким-то непостижимым инстинктивным чувством понять секрет их странных, почти неуловимых движений.

Ийссельда прыгнула с лошади и встала рядом с ним.

— Это не наши фламинго,— сказала она.— Но как похожи! Ты видишь?

Граф Брасс только хмыкнул. Затем он, взяв ее за руку, повел по берегу лагуны.

— Как прекрасно,— прошептала она.— Восход...

Граф нетерпеливо дернул плечом.

— Ты не понимаешь... — начал он и замолк.

Он понимал, что она никогда не сможет увидеть пейзаж его глазами. Он попробовал хоть как-то описать ей свои ощущения, но она быстро потеряла интерес к разговору, даже не попыталась вникнуть в смысл того шифра, который он-то видел всюду: в воде, в тростнике, деревьях, живой жизни, которая в великом множестве развивалась в Камарге — в этом Камарге, так же, впрочем, как и в том, который они покинули.

Для него все здесь существовало в том порядке, который кто-то задумал, а ей приятно было любоваться пейзажем, было чем восхищаться и говорить о его «дикой красоте».

Один лишь Боджентль, его старый друг, поэт и философ, понимал то, что он имел в виду. Но даже Боджентль считал, что дело тут не в ландшафте, а в определенном складе ума графа.

— Вы совсем измучились и устали,— говорил Боджентль.— Ваш мозг перенапряжен и видимый вами мир — результат перегрузок вашего восприятия...

Граф Брасс резко прекращал подобные споры, надевал на себя медную кольчугу и уезжал один к неудовольствию семьи и друзей. Он проводил долгие часы, исследуя этот новый Камарг, который был так похож на его собственный.

— Он — человек дела, как и я,— говорил Ийссельде ее муж Дориан Хокмун.— Боюсь, что его ум обратился внутрь себя самого в поисках какой-либо реальной проблемы, которую можно разрешить.

— О, реальные проблемы всегда кажутся неразрешимыми,— отвечал ему Боджентль, и на этом беседа обычно заканчивалась, потому что Хокмун тоже уходил один, положив руку на рукоять своего меча.

В Замке Брасс царила напряженная атмосфера, и даже жители были встревожены: они были рады тому, что избежали ужасов Темной Империи, но не были уверены в том, что обосновались на этой земле на постоянное

житье, хоть земля эта так похожа на ту, что они покинули. Вначале, когда они только появились здесь, земля эта казалась им лишь слабым подобием Камарга, но постепенно все стало более привычным, как будто их воспоминания наложились на окружающий пейзаж, так что почти не осталось никакой разницы. Море и равнины тянулись, казалось, без конца и края. В лагунах гнездились алые фламинго, в степях обитали стада диких быков и рогатых лошадей, которых можно было приручить под седло, но где-то в глубине сознания у крестьян жила мысль о том, что Темная Империя все-таки найдет способ настичь их и здесь рано или поздно.

Для Хокмуна и графа Брасса, а может, и для Юиллама Д'Аверка, Боджентля и Оладана, мысль эта не была столь пугающей. Бывали моменты, когда они даже приветствовали бы нападение из того мира, который им пришлось оставить.

Пока граф Брасс изучал пейзаж и тщился разгадать его секрет, Дориан Хокмун, не жалея своего коня, скакал по тропинкам вдоль лагун, пугая лошадей и быков и заставляя фламинго взлетать в небо.

Однажды, когда он возвращался на потной от усталости лошади после одного из своих бесчисленных путешествий по берегам фиолетового моря, он увидел, что фламинго парят в воздушных потоках, то опускаясь, то вновь взмывая в воздух. Был полдень, а танцевали фламинго только на заре. Гигантские птицы казались чем-то встревоженными, и Хокмун решил выяснить, что случилось.

Он пришпорил усталую лошадь и поскакал по тропинке, извивавшейся вдоль болота, пока не увидел, что они кружатся над небольшим островком, покрытым зарослями тростника.

Он пристально уставился на островок, и ему показалось, что он заметил в тростнике какое-то движение. Промелькнуло нечто красное, похожее на куртку человека.

Сначала Хокмун решил, что это, видимо, просто крестьянин выслеживает какую-то дичь, но потом ему пришло в голову, что, будь это крестьянин, он бы наверняка махнул Хокмуну бы рукой, чтобы тот не подъезжал слишком близко и не пугал добычу.

Удивившись, Хокмун вновь дал шпоры коню и въехал в воду, потом поплыл по лагуне к островку. Могучее тело животного раздвигало тростник, смыкавшийся у него за спиной. Вновь Хокмун заметил, как мелькнуло что-то красное. Теперь он уже не сомневался, что это был человек.

— Эй! — крикнул он. — Кто здесь?

Ответа не последовало. Вместо этого тростник закачался еще сильнее, когда человек пробежал сквозь него, уже отбросив всякую предосторожность.

— Кто ты? — крикнул Хокмун, и ему пришло в голову, что Темная Империя добралась до них наконец-то и что всюду в тростниках спрятаны солдаты, готовые атаковать Замок Брасс.

В погоне за человеком в красной куртке, который уже пробрался сквозь тростник и сейчас плыл по лагуне, Хокмун прищипорил в очередной раз своего коня.

— Стой! — закричал Хокмун, но человек продолжал плыть.

Лошадь Хокмуна вновь оказалась в воде и тоже поплыла, оставляя за собой белый пенный след. Уже выбравшийся на берег человек оглянулся, увидел, что Хокмун почти настиг его, и выхватил сверкающий клинок, изиючно выполненный, но невероятно длинный.

Хокмуна поразило, что у человека не было лица! Его голова под массой светлых и длинных волос была ровной! Хокмун судорожно вздохнул, вытаскивая меч из ножен. Может, это какой-то неземной обитатель этого мира?

Как только лошадь выбралась на берег, Хокмун спрыгнул с седла, держа наготове меч, и встал, широко раздвинув ноги и глядя на своего противника. Внезапно он засмеялся, сообразив, в чем дело. На лицо человека была надета маска из тонкой кожи. Прорези для рта и глаз были сделаны еле-еле и, конечно, не заметны на большом расстоянии.

— Почему ты смеешься? — нетвердым голосом спросил человек в кожаной маске. — Тебе не следует смеяться, мой друг, потому что ты скоро умрешь.

— Кто ты? — спросил Хокмун. — Пока что я вижу, что ты хвастунишка.

— Я — лучший боец и фехтовальщик, чем ты, — ответил человек. — Тебе стоит сдаться мне прямо сейчас.

— Мне очень жаль, что я не могу принять на веру твои слова о нашем мастерстве, твоем и моем, — улынулся Хокмун. — Как же получилось, что столь великий мастер так плохо одет?

И мечом он указал на испачканную красную куртку, порванные брюки и поношенные сапоги. Даже к столь блистательному клинку не было ножен, и он вытащил его из петли на поясе, где висел также и кошелек. Пальцы человека были унизаны кольцами, со стеклом вместо камней, а кожа его выглядела серой и нездоровой. Высокое тело было костлявым явно от недоедания.

— По-моему, ты — нищий, — издевательски произнес Хокмун. — Где ты украл свой меч, нищий?

Он даже вскрикнул от изумления, когда незнакомец сделал неожиданный выпад и тут же отступил. Движение было невероятно быстрым, и Хокмун почувствовал укол в щеку, а подняв руку, обнаружил, что из царапины идет кровь.

— Хочешь, чтобы я заколол тебя? — презрительно хмыкнул незнакомец. — Вложи в ножны свой тяжелый меч и сдавайся мне в плен.

Теперь уже Хокмун засмеялся в восторге.

— Прекрасно! Наконец-то мне достался достойный противник. Ты даже не представляешь, как я тебе рад, друг мой. Сколько времени прошло с тех пор, как я слышал звон хорошей стали!

И с этими словами он напал на незнакомца в кожаной маске.

Равные по силе, они бились целый час, не нанеся друг другу ни одной раны, и тогда Хокмун решил сменить тактику и стал отступать к воде.

Думая, что Хокмун устал, человек в кожаной маске, казалось, обрел еще большую уверенность в своих силах. Меч его замелькал быстрее, так что Хокмуну пришлось призвать на помощь все свое искусство, чтобы отражать удары.

А потом он сделал вид, что поскользнулся в грязи, и упал на одно колено. Обманутый незнакомец мгновенно прыгнул вперед, делая выпад. Клинок Хокмуна отразил удар, плашмя стукнув противника по руке. Тот взвыл, и меч вылетел из его руки. Хокмун вскочил и наступил на оружие, приставив свой меч к горлу незнакомца.

— Трюк, недостойный настоящего бойца,— проворчал тот.— Ну, хорошо, что дальше?

— Твое имя? — потребовал Хокмун.— Для начала я узнаю твое имя, потом взгляну на твое лицо, потом ты расскажешь, что ты здесь делаешь, и, наконец, самое главное, я желаю знать, как ты вообще сюда попал.

— Мое имя ты слышал,— ответил человек с нескрываемой гордостью.— Меня зовут Эльвереза Тозер.

— Еще бы не знать! — изумленно ответил герцог Кельнский.

Г л а в а 3 ЭЛЬВЕРЕЗА ТОЗЕР

Эльвереза Тозер был не тем человеком, которого ожидал увидеть Хокмун, даже если бы его предупредили, что к ним в гости прибудет величайший драматург Гранбретани — писатель, чьими произведениями наслаждались и восхищались по всей Европе — даже те, кто во всем остальном презирал и ненавидел Гранбретань. Автор произведений «Король Сталин», «Трагедия Катиньки и Карма», «Последний из Бралдунов», «Аннала», «Крициль и Адульф», «Комедия стали» в последнее время куда-то исчез, о нем ничего не было слышно, но Хокмун думал, что это как-то связано с войной. Он всегда представлял себе Тозера богато одетым, уверенным в каждом своем движении, полным гордости и жизненного огня. Вместо этого он встретил одетого в лохмотья человека, который, казалось, более умело обращался с мечом, чем со словом, человека тщеславного и хвастливого, нечто среднее между дураком и шутом.

Подталкивая Тозера мечом и ведя его по тропинке среди болот к Замку Брасс, Хокмун размышлял над этим очевидным парадоксом. Может быть, этот человек врал, но тогда с какой стати он представился знаменитым драматургом?

Насвистывая флигельную песенку, Тозер шел впереди, казалось, ничуть не обеспокоенный неожиданным поворотом судьбы.

— Одну минуту,— сказал Хокмун, остановился и потянулся за поводьями своей лошади, которая шла за ними. Тозер повернулся. На нем все еще была маска. Хокмун был так поражен, услышав это имя, что совершенно забыл приказать Тозеру снять ее с лица.

— Красиво здесь,— произнес Тозер, осматриваясь вокруг.— Хотя, насколько я понимаю, народу маловато.

— Да,— удивившись этим словам, согласился Хокмун,— да... — Потом показал в сторону лошади.— Думаю, нам лучше поехать верхом. Забирайтесь-ка в седло, мастер Тозер.

Тозер сел в седло позади Хокмуна, тот подобрал поводья и пустил лошадь мелкой рысью.

Они въехали в городские ворота и по кривым улочкам направились к Замку Брасс.

Спешившись во дворе Замка, Хокмун кинул поводья груму и рукой показал на главный вход в Замок.

— Вперед, с вашего разрешения,— сказал он Тозеру.

Едва заметно пожав плечами, Тозер вошел в дверь, прошел в главный зал сопровождаемый Хокмуном и поклонился двум мужчинам, что стояли у камина в дальнем конце зала. В камине ярко пылал огонь. Хокмун тоже приветствовал обоих мужчин.

— Господа, я взял пленного.

— Вижу.— Красивое, несколько угрюмое лицо Д'Аверка оживилось.— Означает ли это, что войска Гранбретани уже у наших стен?

— Насколько я понимаю, этот — единственный,— сообщил Хокмун.— Он утверждает, что его зовут Эльвереза Тозер...

— Вот как? — Прежде спокойные глаза Боджентля загорелись любопытством.— Автор «Крициль и Адульф»? Трудно поверить в такое.

Тонкая рука Тозера потянулась к маске и занялась застегивками.

— Я знаю тебя, сэр,— сказал он.— Мы встречались лет десять назад, когда я приезжал со своей пьесой в Малагу.

— Припоминаю. Мы обсуждали сборник поэм, который ты только что опубликовал и которым я так восхищался.— Боджентль покачал головой.— Ты действительно Эльвереза Тозер, но...

Маска упала и обнаружилось худое, изможденное лицо с длинным острым носом и с редкой бородкой, которая не скрывала слабовольного подбородка. Кожа была нездорового цвета, и на ней были видны следы оспинок.

— Лицо я тоже припоминаю, хотя тогда оно было более округлым. Но что же случилось с тобой, сэр? — спросил Боджентль слабым голосом.— Может быть, ты скрываешься от своих соотечественников?

— Ах! — вздохнул Тозер, бросая на Боджентля испытующий взгляд.— Может быть. Не найдется ли здесь стакана вина, сэр? После поединка с вашим воинственным другом я испытываю сильную жажду.

— Что? — вмешался Д'Аверк.— Вы дрались?

— Бой был насмерть, — упрямо подтвердил Хокмун. — Я чувствую, что мастер Тозер грибыл к нам в Камарг с недобрыми намерениями. Я обнаружил его в тростнике на болотах к югу от Замка. Я думаю, что он просто шпион.

— А с какой стати Эльвереза Тозер, самый великий драматург мира, будет шпионом?

Эти слова Эльвереза Тозер постарался произнести с как можно большим отвращением, но прозвучали они неубедительно.

Боджентль годжал губы и дернул шнурок звонка, призывая слуг.

— А вот об этом ты скажешь сам, сэр, — ответил Д'Аверк. Потом притворно закашлялся. — Прости меня, небольшая простуда. В этом замке полно сквозняков.

— Сквозняки, — задумчиво произнес Тозер. — Сквозняк, который может помочь нам забыть другой сквозняк, если вы понимаете, что я хочу сказать. Сквозняк...

— Да, да, — торопливо проговорил Боджентль и повернулся к слуге, только что вошедшему в зал. — Кувшин вина для нашего гостя, — приказал он. — Вы будете есть, мастер Тозер?

— Я буду есть хлеб Вавилона и марокканское мясо, — мечтательно сказал Тозер. — Потому что все фрукты, которые могут подать мне глупцы, просто...

— В этот час мы можем предложить тебе сыра, — иронически заметил Д'Аверк.

— «Аннала», акт шестой, сцена пятая, — отозвался Тозер. — Ты помнишь эту сцену?

— Помню, — кивнул Д'Аверк. — Она всегда казалась мне слабей остальных.

— Тоньше, — возвышенно возразил Тозер. — Значительно тоньше.

Вернулся слуга с вином, и Тозер, не стесняясь, налил себе полный бокал.

— Литературный поиск не всегда очевиден для масс, — возвестил он. — Через сто лет люди будут воспринимать последний акт «Аннала» не как небрежное и торопливое суждение, увиденное глупым критиком, а как сложную структуру, которая...

— Я сам считаю себя немного писателем, — прервал его Боджентль, — но должен признаться, что и я не вижу всех тонкостей. Может быть, ты объяснишь?

— Как-нибудь в другой раз, — небрежно ответил Тозер, помахивая в воздухе рукой. Он допил вино и налил себе следующий бокал.

— А пока что, — требовательно сказал Хокмун, — может быть, ты объяснишь нам свое появление в Камарге? Ведь мы, в конце концов, считали, что достичь нас невозможно, а сейчас...

— Не волнуйтесь, вы так и останетесь недостижимы, если, конечно, не иметь в виду меня. Я перенесся сюда силой своей мысли.

Д'Аверк скептически поскреб подбородок.

— Силой своей м ы с л и ? Как это?

— Старинная дисциплина, которой научил меня великий философ, что обитает в недоступных долинах Йеля... — Тозер рыгнул и налил себе еще вина.

— Йель — это юго-западная провинция Гранбретани? — спросил Боджентль.

— Да, отдаленная, почти незаселенная страна, где живут чернокожие варвары, строящие свои жилища прямо в земле. После того как моя пьеса «Крициль и Адульф» вызвала неудовольствие некоторых придворных, я решил, что будет мудро на некоторое время удалиться, и оставил врагам все свое добро, все свои деньги и всех своих любовниц. Что понимаю я в политике? Откуда должен был я знать, что кое-какие места пьесы отражают интриги, которые плетутся при дворе?

— Значит, тебя изгнали? — спросил Хокмун, пристально вглядываясь в выражение лица Тозера.

Его рассказ мог быть очередной выдумкой, рассчитанной на то, чтобы войти к ним в доверие.

— Более того, я чуть не лишился жизни. Но грубое существование едва меня не прикончило...

— И ты встретил этого философа, который научил тебя путешествовать через измерения? И ты прибыл сюда в поисках убежища?

Хокмун внимательно наблюдал за реакцией Тозера на свои вопросы.

— Нет, ах, да, — ответил драматург. — Честно говоря, я и сам не знал, куда попаду.

— Я думаю, тебя послал сюда Король-Император, чтобы ты нас уничтожил, — заявил Хокмун. — Я думаю, мастер Тозер, что ты лжешь нам.

— Лгу? Что такое ложь? И что такое правда? — Тозер глупо ухмыльнулся и икнул.

— Правда, — угрюмо ответил Хокмун, — это веревка и петля на твоей шее. Я думаю, мы тебя повесим.

Он потер рукой Черный Камень, вставленный в его лоб.

— Мне довольно хорошо известны хитрости Темной Империи. Слишком часто становился я их жертвой, чтобы меня можно было обмануть еще раз. — Хокмун взглянул на остальных. — Я считаю, мы должны повесить его прямо сейчас.

— Но я единственный, кто сюда проник! Клянусь вам! — Теперь уже Тозер явно нервничал. — Я признаюсь, дорогие сэры, что меня направили сюда. Если бы я отказался, то потерял бы свою жизнь в подземных тюремных катакомбах Великого Дворца. Когда я овладел секретом старика, я вернулся в Лондру, думая, что благодаря своим новым знаниям смогу договориться с теми придворными, которые были мною недовольны. Я всего лишь хотел, чтобы мне вернули мое прежнее положение в обществе и возможность писать для публики. Однако, когда я рассказал им о своем новом знании, они мгновенно пригрозили

лишить меня жизни, если я не отправлюсь сюда и не уничтожу то, что сделало возможным ваше путешествие сквозь измерения... Вот я и прибыл и должен признаться, что очень рад удрать из их цепких лап. Я не очень-то хотел рисковать своей шкурой и причинять вам вред, но...

— Выходит, они не оставили себе никаких гарантий, что ты исполнишь то, что тебе приказали? — спросил Хокмун. — Это странно.

— Откровенно говоря, — ответил Тозер, опустив глаза, — я думаю, что они вообще не поверили в эти мои возможности. Я полагаю, они просто хотели испытать, лгу я или нет. Когда я согласился и в то же мгновение исчез, они, вероятно, были просто потрясены.

— Непохоже, чтобы Лорды Темной Империи проглядели такую возможность, — растягивая слова, проговорил Д'Аверк. Лицо его было мрачным. — И тем не менее, если тебе не поверили мы, то вполне возможно, что не поверили и они. И все-таки я не совсем убежден, что ты рассказал правду.

— И ты сообщил им об этом старике? — поинтересовался Боджентль. — Тогда они смогут узнать секрет и без тебя!

— Вовсе нет, — ухмыльнулся Тозер. — Я сказал им, что сам наткнулся на решение этого вопроса, когда провел в одиночестве несколько месяцев.

— Неудивительно, что они не приняли тебя всерьез, — произнес Д'Аверк.

Тозер выглядел обиженным и снова отхлебнул вина.

— Мне трудно поверить, что ты совершил это путешествие, используя лишь силу мысли, — признался Боджентль. — Ты уверен, что не пользовался никакими другими средствами?

— Никакими.

— Мне это совсем не нравится, — мрачно заявил Хокмун. — Даже если он говорит правду, Лорды Гранбретани уже задумались над тем, чтобы проследить его маршрут. Почти вне всякого сомнения, они наткнутся на этого старика и тоже овладеют средством проникновения сюда всей своей силой. И тогда мы обречены!

— Да, тяжелые времена настали, — проговорил Тозер, вновь наполняя вином свой кубок. — Помните ли вы «Короля Сталина», акт четвертый, сцена вторая — «Дикие дни, дикие всадники, и копоть войны, закрывшая мир!»? Ах, я был провидцем и сам этого не знал!

Он явно был пьян.

Хокмун пристально уставился на слабовольного пьянчужку, все еще не в силах поверить, что это — великий драматург Тозер.

— Я вижу, ты удивляешься моей бедности. — Тозер говорил заплетавшимся языком. — Она — результат нескольких строчек из «Крициль и Адульф», я ведь тебе уже говорил. О, злая судьба! Несколько строк, начертанных с самыми добрыми побуждениями, и вот я здесь, и мне угрожает петля на шею. Ты, конечно, помнишь сцену и эти строки? «Двор и король насквозь прогнили...» Акт первый, сцена первая. По-

жалейте меня, господа, и не вешайте. Великий писатель, уничтоженный своим собственным гением.

— Этот старик,— сказал Боджентль,— на кого он был похож? Где он точно жил?

— Старик? — Тозер жадно проглотил еще несколько глотков вина.— Этот старик немного напоминал мне Иони из «Комедии стали». Акт второй, сцена шестая...

— Так на кого он был похож? — нетерпеливо перебил его Хокмун.

— Все свободные часы он проводил с какими-то ужасными машинами, и он старел, служа им. И жил он только для своей науки. И кольца сделал он... — Внезапно он как будто протрезвел и зажал рот рукой.

— Кольца? Какие кольца? — мгновенно отреагировал Д'Аверк.

— Прошу, конечно, прощения, но вам придется ненадолго отпустить меня,— сказал Тозер, поднимаясь и стараясь при этом сохранять горделивый вид.— Вы не покажете мне, где тут... А то я выпил слишком много вина на пустой желудок.

Это было похоже на правду, потому что лицо его приобрело зеленоватый оттенок.

— Ну, хорошо,— сказал Боджентль.— Я покажу.

— Раньше, чем он уйдет,— прозвучал голос от самого входа в зал,— попросите его снять кольцо со среднего пальца левой руки.

Голос был чуть приглушен, а тон несколько ироничен. Хокмун сразу узнал этот голос и резко повернулся.

Тозер судорожно вздохнул и схватился рукой за кольцо.

— Что ты об этом знаешь? — спросил он.— Кто ты такой?

— Герцог Дориан,— ответил пришелец,— называет меня Рыцарем в Черном и Золотом.

Весь закованный в черно-золотые доспехи, выше любого из них, в черном с золотом шлеме, закрывавшем целиком голову, Рыцарь поднял руку и указал на Тозера металлическим пальцем:

— Отдай герцогу это кольцо.

— Но это просто стекло, не драгоценность. Просто безделушка...

— Он что-то говорил о кольцах,— вставил Д'Аверк.— Так это благодаря кольцу он смог сюда попасть.

Тозер все еще пребывал в нерешительности: от волнения и выпитого вина лицо его приняло глупое выражение.

— Говорю же вам, оно из стекла и не имеет никакой цены...

— Рунным Посохом приказываю тебе! — страшным голосом произнес Рыцарь.

Быстрым движением Эльвереза Тозер сорвал кольцо и швырнул его на каменный пол. Д'Аверк наклонился и подобрал его. Потом стал разглядывать.

— Это не хрусталь,— произнес он,— и не стекло. Что-то очень зна-
комое...

— Оно вырезано из того же камня, что и машина, которая доставила вас сюда, — ответил Рыцарь в Черном и Золотом. Он расправил пальцы в перчатке, и на его мизинце сверкнуло точно такое же кольцо. — И оно обладает теми же свойствами — может перемещать человека в другое измерение.

— Я так и думал, — сказал Хокмун, — что не силой мысли перенесся он сюда, а с помощью куска хрустала. Сейчас-то я точно тебя повешу! Где ты достал кольцо?

— Мне дал его один человек... Майган из Лландара. Клянусь, это правда. У него еще есть. Он может сделать еще! — закричал Тозер. — Умоляю тебя, не вешай меня. Я укажу тебе, как найти этого старика.

— Нам надо знать это, — задумчиво сказал Боджентль, — поскольку надо будет добраться до него раньше, чем это сделают Лорды Темной Империи. Нам нужен он и его тайны — для нашей безопасности.

— Что? Значит, мы должны отправиться в Гранбретань, — удивился Д'Аверк.

— Это совершенно необходимо, — ответил ему Хокмун.

Г л а в а 4

ФЛАНА МИКОСЕВААР

Сидя на концерте, Флана Микосеваар, графиня Кэнберри, поправила свою золотую маску и бездумно огляделась вокруг, воспринимая всю аудиторию как массу ярких пятен. В центре бального зала оркестр играл дикую и сложную мелодию, одну из последних работ величайшего композитора Гранбретани Лондона Джона, почившего двести лет назад.

На графине была витиевато исполненная маска Цапли с глазами, сделанными из множества драгоценных редких камней. Платье на ней — тяжелое, переливающееся разнообразнейшими оттенками в зависимости от освещения. Она была вдовой Азровака Микосеваара, того самого, что погиб от руки Дориана Хокмуна в битве за Камарг. Микосеваар, создавший Легион Стервятников для борьбы на Европейском континенте и имевший своим девизом «Смерть прежде жизни», не был оплакан Фланой Кэнберрийской. У нее не было никаких недобрых чувств к его убийце. В конце концов, Микосеваар был ее двенадцатым мужем. С тех пор она переменяла уже нескольких любовников, так что воспоминания об Азроваке Микосевааре стали весьма туманными, впрочем, как и все ее воспоминания об остальных мужчинах, потому что Флана была забывчивым созданием, мало отличающим одного мужчину от другого.

У нее была привычка избавляться от надоевших ей мужчин, будь то мужа или любовники. Скорее инстинкт, чем интеллект, предохранял ее от убийства наиболее могущественных из них. Нельзя сказать, что она совсем была неспособна любить, потому что любить она могла страстно, непрестанно заботясь о предмете своей любви, но ее не хватало надолго. Ненависть была ей так же непонятна, как и преданность. В общем, она

была безразличным животным, о котором одни говорили, как о кошечке, другие — как о пауке, хотя изяществом и красотой она едва ли напоминала насекомое. И многие ненавидели ее и мечтали отомстить: одни — за уведенного мужа, другие — за отравленного брата. Привести же в исполнение свои планы мести они не могли только потому, что она была родственницей Короля-Императора Гуона, этого бессмертного монарха, который существовал вечно в своем похожем на утробу Тронном Шаре в огромном Тронном Зале своего Дворца.

Она была также объектом пристального внимания других людей, так как оставалась единственной живой родственницей монарха, и определенные круги при дворе считали, что, если уничтожить Гуона, можно сделать ее Королевой-Императрицей, которая будет служить их интересам.

Не подозревая ни о каких интригах, графиня Кэнберри и глазом не моргнула бы, если бы ей о них сказали, потому что она была лишена такого порока, как любопытство. В жизни она стремилась лишь удовлетворять любые свои желания, пытаясь тем самым найти избавление от странной душевной меланхолии, в которой не могла разобраться.

Многие вертелись вокруг нее и искали ее благосклонности с единственной целью — снять с нее маску и посмотреть, что можно прочесть на ее лице. Они не могли предположить, что лицо ее, прекрасное, с гладкой кожей, с легким румянцем на щеках, с большими золотистыми глазами, хранило загадочное и отрешенное выражение, которое скрывало куда больше и лучше, чем ее золотая маска.

Музыка закончилась, зашуршала ткань, маски поворачивались, кивали, люди жестикуютировали. Изящные женские маски стали собираться вокруг военных шлемов, что принадлежали капитанам Гранбретани, недавно вернувшимся из походов. Графиня поднялась со своего места, но не подошла к ним. Смутно она припоминала несколько масок, особенно была ей знакома маска Мелиадуса из Ордена Волка, который пять лет назад был ее мужем и развелся с ней. Там же находился и Шенегар Тротт, возлежавший на высоких подушках носилок, которые держали голые девушки-рабыни с континента, в своей маске — пародии на человеческое лицо. Еще она увидела герцога Лакаедо Про Фленна, которому едва сравнялось восемнадцать лет и перед которым уже пали десять городов, в маске ухмыляющегося Дракона. Она подумала, что знает и остальных, поняла, что все они — могущественные военачальники, вернувшиеся отпраздновать свои великие победы, разделить между собой завоеванные территории и получить поздравления от своего Короля-Императора.

Они много смеялись и горделиво расправляли плечи, в то время как женщины лытели им. Все, кроме ее бывшего мужа, который, стоя в стороне, разговаривал со своим шурином Тарагором, Ректором Дворца Времени, и с человеком, носящим маску Змеи, бароном Каланом

Витальским, Гранд Констеблем Ордена Змеи и Главным Ученым Короля-Императора.

Пользуясь тем, что лицо ее прикрыто маской и никто не видит его выражения, Флана нахмурилась, так как вспомнила, что Мелиадус всегда избегал Тарагорма.

Г л а в а 5

ТАРАГОРМ

— Как поживаешь, брат Тарагорм? — спросил Мелиадус с фальшивой сердечностью в голосе.

— Хорошо, — ответил человек, женившейся на его сестре.

И с удивлением подумал, с чего это вдруг Мелиадус пытается проявить дружелюбие, когда каждому было известно, что он терпеть его не может. Огромная маска ученого тяжело поднялась вверх. Маска эта представляла собой часы из меди, покрытой эмалью, с жемчужным циферблатом и стрелками из филигранного серебра в коробке, из которой торчал маятник, спускающийся до самой груди Тарагорма. Коробка была сделана из какого-то прозрачного материала, похожего на стекло с голубым оттенком, и сквозь нее можно было видеть золотой маятник, качающийся взад-вперед. Механизм часов балансировался очень сложной конструкцией, позволявшей приспособливаться к каждому движению Тарагорма. Они отбивали час, полчаса и четверть часа, а в полдень и полночь играли восемь тактов из произведения Шоневена «Антипатия времени».

— А как, — продолжал Мелиадус в той же дружелюбной манере, — поживают часы в твоём Дворце? Тик-такают и тук-тукают, а?

Тарагорму даже понадобилось какое-то время, чтобы осознать, что брат его жены пытается шутить. Он не ответил. Мелиадус откашлялся.

— Я слышал, ты экспериментируешь с машиной, — вмешался в разговор барон Калан в маске Змеи, — которая может путешествовать во времени, лорд Тарагорм. Так получилось, что я тоже провожу эксперименты — с двигателем...

— Я хотел бы спросить тебя, брат, о твоих экспериментах, — прервал Калана Мелиадус, обращаясь к Тарагорму. — Как далеко они продвинулись?

— Достаточно далеко, брат.

— Вы уже путешествовали во времени?

— Лично я — нет, другие тоже.

— Мой двигатель, — продолжал неутомный Калан, — может продвигать корабли с невообразимой скоростью на огромные расстояния. Теперь мы сможем завоевать любые земли на земном шаре, как бы далеко они не находились...

— Когда, — спросил Мелиадус, продвигаясь ближе к Тарагорму, — вы добьетесь того, что люди смогут путешествовать в прошлое или будущее?

Барон Калан пожал плечами и отвернулся.

— Я должен вернуться в свои лаборатории,— сказал он.— Король-Император поручил мне как можно скорее закончить мою работу. До свидания, милорды.

— До свидания,— безразличным тоном отозвался Мелиадус.— Послушай, брат, ты должен больше рассказать мне о твоей работе. Может, даже показать, как далеко вы продвинулись.

— Должен? — шутливо осведомился Тарагорм.— Но моя работа засекречена. Я не могу пригласить тебя во Дворец Времени без разрешения Короля Гуона. Сначала ты должен получить его.

— Думаю, для меня вовсе не обязательно такое разрешение?

— Нет человека достаточно великого, чтобы он мог действовать без благословения нашего Короля-Императора.

— Но тут дело чрезвычайной важности, брат,— произнес Мелиадус почти умоляющим, отчаянным тоном.— Наши враги скрылись, возможно, в другое измерение. Они представляют угрозу безопасности нашей Гран-бретани!

— Ты говоришь о той кучке мужланов, которых не смог победить в битве за Камарг?

— Они были почти побеждены — только наука или колдовство спасли их от нашей кары. Никто не упрекает меня за неудачу...

— Кроме тебя самого? Сам себя ты не упрекаешь?

— Нет. Я просто хочу покончить с этим делом, вот и все. Я хочу избавить Императора от его врагов. Что здесь непонятного?

— Я слышал, как шептались о том, что это скорее твое личное дело, чем общее, что ты даже пошел на глупые компромиссы, только чтобы отомстить тем, кто жил в Камарге.

— Это всего лишь одно из мнений, брат,— ответил Мелиадус, с трудом сдерживая свой бурный гнев.— Я боюсь только за благосостояние Империи.

— Тогда расскажи Королю-Императору Гуону об этих опасениях, и, быть может, он разрешит тебе посетить мой Дворец.

Тарагорм отвернулся, в этот момент часы в его маске стали отбивать текущий час, что сделало дальнейшую беседу двух родственников невозможной. Мелиадус сделал движение, как бы намереваясь последовать за Тарагормом, потом передумал и быстро вышел из зала.

Окруженная молодыми лордами, каждый из которых старался привлечь ее внимание, графиня Флана Микосеваар наблюдала, как барон покидает зал. По его нетерпеливой походке она поняла, что барон раздосадован. Потом она о нем забыла и вновь стала прислушиваться к комплиентам, вернее, к голосам, которые напоминали ей любимые старые мелодии.

После разговора с Мелиадусом Тарагорм беседовал с Шенегаром Троттом.

— Утром я должен предстать перед Король-Императором, — сообщил Шенегар Тротт Ректору Дворца Времени. — Он собирается дать мне какое-то поручение, о котором пока, кроме него, никто не знает. Мы должны все время заниматься делом, лорд Тарагорм, а?

— Вот это правильно, граф Шенегар, иначе мы просто умрем от скуки.

Г л а в а 6

АУДИЕНЦИЯ

На следующее утро барон Мелиадус нетерпеливо ждал у дверей Тронного Зала Короля-Императора. Еще вечером он попросил аудиенции, и ему было назначено на одиннадцать часов. Сейчас было уже двенадцать, а двери все не открывались, чтобы впустить его. Двери, подымавшиеся в полумрак высокого потолка, были украшены драгоценными камнями, изображавшими сцены из древней жизни. Пятьдесят стражников в масках Богомоллов охраняли эти двери, стоя совершенно неподвижно. Мелиадус ходил взад-вперед перед ними, позади него сверкали коридоры необычайного Дворца Короля-Императора.

Мелиадус пытался побороть свое неудовольствие тем, что Король-Император не принял его немедленно. В конце концов, разве не он был Верховным Главнокомандующим Европы? И разве не под его непосредственным руководством армии Гранбритании завоевали континент? И разве не он повел все те же армии на Восток и прибавил еще больше территорий к владениям Темной Империи? Зачем же Король-Император оскорбляет его таким образом? Мелиадус, первый воин Империи, должен иметь преимущество перед всеми остальными смертными. Он заподозрил заговор против себя. Из того, что говорили Тарагорм и остальные, было ясно, что они считают его человеком, который больше заботится о личных удобствах. Они дураки, если не понимают, какую опасность представляет Хокмун, граф Брасс и Юиллам Д'Аверк. Если они избегнут заслуженной кары, то это подхлестнет других к восстанию и мятежам, замедлит завоевание Темной Империей всего мира. И ведь, конечно, Король Гуон не станет слушать тех, кто наговорил на него? Король-Император мудр, Король-Император справедлив. А если нет, то тогда он не мог и управлять...

Мелиадус отбросил в ужасе такие мысли.

Наконец усыпанные драгоценностями двери начали открываться, пока не образовалась щель, достаточная, чтобы пропустить одного человека, и в этой щели показалась дородная фигура в маске, изображавшей гротескную пародию на лицо человека.

— Шенегар Тротт! — воскликнул Мелиадус. — Так, значит, это из-за тебя я столь долго ждал?

В свете коридора серебряная маска Тротта блестела:

— Прошу прощения, барон Мелиадус. Я глубоко сожалею. Пришлось обсуждать слишком много деталей. Но теперь все в порядке. Поручение, барон! Я получил поручение, дорогой мой! И какое поручение, ха-ха!

И раньше, чем Мелиадус успел спросить, что же это все-таки за поручение, Тротт ускользнул.

Из Тронного Зала сейчас же прозвучал молодой вибрирующий голос, голос самого Короля-Императора.

— Теперь ты можешь пойти ко мне, барон Мелиадус.

Стражники разомкнули ряды и дали возможность барону Мелиадусу войти в Тронный Зал.

В гигантском, ослепительно освещенном зале висели яркие знамена пятисот самых знатных фамилий Гранбритании, по обеим сторонам зала стояла еще тысяча застывших, словно статуи, стражников. Мимо них и прошел Мелиадус, барон Кройденский, и отвесил униженный поклон.

Вокруг всего зала до самого сводчатого потолка шли изящные галереи. Доспехи солдат Ордена Богомола сверкали золотым и зеленым. Поднявшись на ноги, барон Мелиадус увидел на некотором расстоянии Тронный Шар Короля-Императора, белую точку на фоне золотых и пурпурных стен. Медленно направившись вперед, Мелиадус потратил двадцать минут, чтобы оказаться перед шаром, и вновь униженно склонился. В шаре, наполненном вязкой колеблющейся жидкостью белого цвета, где иногда мелькали кроваво-красные прожилки, свернулся клубком сам Король-Император Гуон, сморщенное, древнее, похожее на зародыш существо. Существо, которое, правда, было бессмертным и у которого, казалось, живыми были только глаза — черные, пронизательные и угрожающие.

— Барон Мелиадус, — зазвучал нежный голос, вырванный из горла прекрасного юноши, чтобы Король Гуон мог говорить.

— Ваше Величество, — прошептал Мелиадус, — я благодарен вам за ту доброту, с которой вы согласились выслушать меня.

— И с какой целью добивались вы этой аудиенции, барон?

Тон был несколько ироничный, немного нетерпеливый.

— Или ты снова хочешь услышать похвалы твоей службе в Европе?

— Благородный сир! Я хотел предупредить тебя, что в Европе нам все еще угрожает опасность...

— Что? Ты не завоевал для нас весь континент?

— Ты знаешь, что завоевал, Великий Император, от одного берега до другого. Мало осталось в живых людей, которые не стали бы нашими рабами. Но я говорю о тех, кто от нас бежал...

— Хокмун и его друзья!

— Они, о Великий Король-Император!

— Ты изгнал их. Они не представляют для нас опасности.

— Пока они живы, они нам угрожают, благородный сир, потому что их бегство может подать надежду другим, а надежду мы должны уничтожать всюду, чтобы рабы не сопротивлялись нашему правлению.

— С мятежами ты прекрасно справляешься. Они для тебя привычны. Мы боимся, барон Мелиадус, что ты предаешь интересы своего Короля-Императора ради личной выгоды...

— Сир, моя личная выгода — это твоя личная выгода. Твоя личная выгода — это моя личная выгода, о Великий Король-Император, и они неотделимы. Разве я не самый преданный из твоих слуг?

— Может быть, ты и веришь в это, барон Мелиадус, может, ты и считаешь себя самым преданным слугой...

— Что вы хотите сказать, о Могущественный Монарх?

— Мы хотим сказать, что твоя навязчивая идея с этим герцогом Хокмуном и кучкой грубиянов, его друзей, необязательно должна сочетаться с нашими личными выгодами. Они не вернутся, а если и осмелятся, ну что ж, тогда мы с ними и посчитаемся. Мы боимся, что тобой движет одна только месть и что именно жажда мести помutilа твой разум так, что ты решил: вся наша Темная Империя находится под угрозой тех, кому ты мечтаешь отомстить.

— Нет! Нет! О Повелитель Всего! Я клянусь, что это не так!

— Оставь их в покое, Мелиадус. Разберешься с ними, если они вернутся.

— Великий Король, они представляют принципиальную угрозу для Империи. Существуют другие могучие силы, иначе откуда бы они достали машину, которая унесла их прочь, когда мы уже совсем было победили? Сейчас я не могу представить доказательства, но если вы разрешите мне работать вместе с Тарагормом, использовать его знания, чтобы открыть, где прячутся Хокмун и его друзья, — тогда я найду эти доказательства и вы наконец полностью мне поверите!

— Мы сомневаемся, Мелиадус, мы сомневаемся!

В мелодичном голосе проскользнули упрямые нотки.

— Но если это не мешает другим придворным обязанностям, которые мы намереваемся поручить тебе, то можешь навестить Дворец лорда Тарагорма и попросить его помощи в попытках обнаружить твоих врагов.

— Ваших врагов, о Повелитель Всего!

— Посмотрим, барон, посмотрим!

— Благодарю вас за доверие ко мне, о Великий Король. Я...

— Аудиенция не закончена, барон Мелиадус, потому что мы не сказали тебе еще о тех обязанностях при дворе, о которых упомянули.

— Я буду счастлив выполнить их, благородный сир.

— Ты говорил, что мы не в безопасности от Камарга. А мы верим в то, что нам могут угрожать из других мест. Говоря яснее, мы обеспокоены, что Восток породил нового врага, который может стать таким же могущественным, как и наша Темная Империя. Может, это имеет нечто общее с твоими подозрениями о Хокмуне и о его союзниках, о которых ты упо-

минал, потому что вполне возможно, что мы встретим этих союзников сегодня на приеме в нашем дворце...

— Великий Король-Император, если только это так...

— Дай нам говорить, барон Мелиадус!

— Прошу прощения, благородный сир.

— Прошлой ночью перед воротами Лондры появилось двое незнакомцев, которые выдали себя за эмиссаров Империи Азиакоммуниста. Их прибытие было загадочным и указывало на то, что у них есть методы передвижения, нам неизвестные. Они сказали нам, что отбыли из своей столицы всего два часа назад. По нашему мнению, они пришли сюда, как и мы бы пришли в те страны, в территориях которых были бы заинтересованы, чтобы шпионить, разведать наши силы. Мы, в свою очередь, должны попытаться выяснить их силы, поскольку придет время, если даже и не скоро, когда мы будем воевать с ними. Несомненно, наши победы на Севере и Среднем Востоке стали известны им, и они обеспокоены. Мы должны узнать о них все, что возможно, попытаться убедить их, что не собираемся причинять им вред, попытаться убедить их взять и наших эмиссаров в их страну. Если только это будет возможно, мы хотим, чтобы одним из эмиссаров был ты, Мелиадус, поскольку у тебя большой опыт в такого рода дипломатии, больший, чем у кого бы то ни было.

— Это неприятные известия, Великий Император.

— Да, но мы должны постараться извлечь все возможные выгоды из этих событий. Ты будешь их гидом, ты будешь любезен с ними, ты попробуешь заставить их разговаривать об их силах и размерах их территорий, о количестве войск под началом их монарха, о силе их оружия и методах транспортировки. Этот визит, как ты сам можешь видеть, барон Мелиадус, представляет куда большую угрозу, чем исчезнувший замок графа Брасса.

— Возможно, благородный сир...

— Нет, бесспорно, барон Мелиадус!

Острый язычок выглянул из сморщенного рта.

— Это — твоя главная задача. И если только у тебя останется какое-нибудь свободное время, можешь посвятить его своей вендетте.

— Но, Великий Король-Император...

— Выполни хорошо наше поручение, барон Мелиадус. Не разочаруй нас.

Тон был по-настоящему угрожающим. Язычок дотронулся до крохотного драгоценного камня, который плавал у самого рта, и Шар начал тускнеть, пока не приобрел видимость твердой черной сферы.

Барон Мелиадус глубоко задумался. Беседа с Королем Гуоном не оправдала его надежд. Угрюмый и злой, он медленно повернулся и пошел по залу к выходу из Дворца. Полученное поручение отнюдь не доставляло ему удовлетворения.

Глава 7

ЭМИССАРЫ

Барон Мелиадус никак не мог избавиться от ощущения, что Король-Император потерял доверие к нему, что Гуон намеренно скрывает от него свои планы в отношении обитателей Замка Брасс. Правда, Король достаточно убедительно доказал, почему Мелиадусу следует заняться этими странными эмиссарами из Азиакоммуниста, и даже польстил ему, намекнув, что лишь Мелиадус может справиться с этим делом и позднее может стать не только Первым лордом Европы, но и Главнокомандующим Азиакоммуниста. Но Азиакоммуниста интересовала барона куда меньше, чем Замок Брасс, потому что он чувствовал, что можно отыскать доказательства того, что Замок Брасс представляет большую угрозу Империи, тогда как у монарха не было никаких доказательств, что Азиакоммуниста может им чем-нибудь угрожать.

Одев свой самый яркий наряд и самую красивую маску, барон Мелиадус шел по сверкающим дворцовым коридорам к залу, где лишь вчера разговаривал со своим шурином Тарагормом. Сейчас этот зал будет использован для приема посланников Востока.

Как представитель Короля-Императора, барон Мелиадус должен был гордиться вне всякой меры, потому что сейчас он был вторым человеком в государстве после Короля, но даже и это не могло вытеснить из его головы мысли о мести.

Он вошел в зал под звуки фанфар, прозвучавших с галерей. Представители знатнейших фамилий Гранбретани собрались здесь, одетые в прекрасные, ослепительные одежды.

О прибытии эмиссаров Азиакоммуниста еще не было объявлено. Барон Мелиадус подошел к помосту, где стояли три золотых трона, поднялся по ступенькам и уселся на тот, что был в середине. Море дворян склонилось перед ним, и зал замер в ожидании. До сих пор Мелиадус еще не встречался с эмиссарами. До настоящего момента их сопровождал Биель-Фонг из Ордена Богомола, личной охраны Императора.

Мелиадус оглядел зал, заметив присутствие Тарагорма, графини Кэнберри, Адаза Промпа и Майгеля Хольста, Джерека Нанкенсина и Бренала Фарну. Он озабоченно нахмурился на мгновение, не понимая, кого не хватает. Затем понял, что из всех великих дворян-военачальников отсутствует лишь Шенегар Тротт. Он вспомнил, что толстый граф говорил о каком-то поручении. Значит, он уже отправился его выполнять? И почему же Мелиадусу не было ничего известно об отсутствии Тротта? Значит, он действительно потерял доверие своего Короля-Императора? Смущенный вихрем мыслей, пронесшихся в мозгу, Мелиадус повернулся, когда фанфары загрели еще раз, и двери зала раскрылись, пропуская две невероятно одетые фигуры.

Машинально Мелиадус поднялся, чтобы приветствовать их, пораженный их гротескным и варварским видом— это были гиганты более семи футов роста, передвигавшиеся как автоматы. Были ли они настоящими людьми?— пришло в голову Мелиадусу. А может, это были чудовищные создания Трагического Тысячелетия? Может быть, народ Азиакоммуниста не имел отношения к человеческой расе?

Как и гранбританцы, они носили маски (если конструкцию на их плечах можно было назвать масками), так что невозможно было сказать, человеческие у них лица или нет. Это были длинные маски из кожи, ярко раскрашенные голубым, зеленым, желтым и красным, и нарисованы на них были дьявольские черты лица— сверкающие глаза и полные зубов рты. Тяжелые меховые плащи свисали до самого пола, а их одежда тоже, казалось, была из кожи и тоже была разрисована, но не лицами, а человеческими конечностями и различными органами, напомнив Мелиадусу картинку из анатомического атласа.

Герольд возвестил об их прибытии:

— Лорд Комиссар Као Шаланг Гатт, Наследный Представитель Президента-Императора Джон Ман Шена Азиакоммуниста и Избранный Принц Орды Солнца.

Первый из эмиссаров сделал шаг вперед, его меховой плащ распахнулся, показывая плечи, которые были по меньшей мере футов четырех в ширину, и рукава куртки из многоцветного шелка. В правой руке он сжимал посох, изготовленный из золота с вставленными в него драгоценными камнями, который вполне мог оказаться самим Рунным Посохом, судя по тому, как бережно он с ним обращался.

— Лорд Комиссар Оркай Неонг Фун, Наследный Представитель Президента-Императора Джон Ман Шена Азиакоммуниста и Избранный Принц Орды Солнца.

Второй человек, если это был человек, сделал шаг вперед. Одет он был точно так же, но в руке у него не было посоха.

— Я приветствую благородных эмиссаров Президента-Императора Джон Ман Шена и предоставляю всю страну нашу, Гранбритань, в их распоряжение.

Мелиадус раскинул руки широко в стороны.

Человек с посохом остановился перед помостом и начал говорить со странным напевным акцентом на языке Гранбритании, и действительно казалось, что и Европа, и Ближний Восток были ему незнакомы.

— Мы благодарим вас от всей души за прием, оказанный нам, и молим сообщить имя могущественного человека, который обращается к нам сейчас.

— Я — Барон Мелиадус из Кройдена, Гранд Констебль Ордена Волка, Верховный Главнокомандующий Европы, Депутат Бессмертного Короля-Императора Гуона Восемнадцатого, Властелина Гранбритании, Европы и Средиземноморья, Гранд Констебля Ордена Богомола, Вершителя Судеб, Создателя Истории, Могущественного Принца Всего Сущего. Я привет-

ствую вас так, как он сам приветствовал бы вас, говорю так, как говорил бы он, действую согласно всем его повелениям. Будучи бессмертным, он не может выйти из чудесного Тронного Шара, который сохраняет его и сам день и ночь находится под охраной Тысячи Стражников.

Мелиадус решил, что лучше всего будет сделать упор на неуязвимость Короля-Императора, чтобы произвести на эмиссаров впечатление, если они вдруг случайно решат, что есть возможность покуситься на его жизнь. Мелиадус указал на два одинаковых трона по обеим сторонам его собственного.

— Прошу вас садиться, и мы попробуем немного развлечь вас.

Два порождения гротеска взошли по ступенькам и с некоторым трудом взгромоздились на два золотых трона. Банкет предусмотрен не был, потому что жители Гранбретани считали принятие пищи личным делом каждого и с ужасом воспринимали мысль о том, что нужно при всех снять маску и выставить на показ свое обнаженное лицо. Только трижды в год снимали они свои маски и одежды в самом Тронном Зале, где устраивали недельную оргию в присутствии Короля Гуона, который смотрел на них жадными глазами. Они принимали участие в отвратительных и кровавых церемониях, произносили слова, которые никто из них не употреблял ни в какое другое время. Но до ближайшего из этих празднеств было еще далеко.

Барон Мелиадус хлопнул в ладоши, люди разошлись в обе стороны, потом вбежали акробаты, гимнасты и клоуны, а с галерей зазвучала дикая музыка. Человеческие пирамиды закачались, согнулись и внезапно рухнули, образовав при этом еще более сложные конструкции. Клоуны кривлялись, прыгали и шутили друг с другом довольно опасно, чего, впрочем, от них и ждали. Акробаты и гимнасты кувыркались вокруг них с фантастической скоростью, ходили по проволокам, натянутым между верхними галереями, летали на трапециях, подвешенных высоко над головами зрителей.

Флана Кэнберрийская не смотрела на акробатов и не находила ничего смешного в шутках клоунов. Ее прекрасная маска Цапли была обращена к незнакомцам, и она разглядывала их с необычайным для нее любопытством, смутно сознавая, что она совсем не прочь узнать их получше. Перед ней открывалась уникальная возможность обогатить еще больше свой опыт, особенно если, как она подозревала, они не были людьми.

Мелиадус, который никак не мог избавиться от мысли, что Король относится к нему с предубеждением и что его друзья-дворяне строят против него козни, изо всех сил старался быть как можно любезнее с гостями. Когда он хотел, то мог производить впечатление (как когда-то произвел впечатление на графа Брасса) своим важным видом, умом и мужественностью. Но сегодня вечером это было для него пыткой, и говорил он с усилием, которое было заметно.

— Нравятся ли вам эти забавы, милорды Азиакоммуниста? — спрашивал он и получал в ответ лишь легкий кивок. — Разве эти клоуны не великолепны?

И Као Шаланг Гатт, у которого в руках был посох, сделал легкое движение руками.

— Какое искусство! Мы привезли их, этих гимнастов, с наших территорий в Италии, а канатоходцы были когда-то собственностью герцога Кракова. Наверное, развлечения при дворе вашего Императора ничуть не хуже?

А тот, которого звали Оркай Неонг Фун, слегка ерзал на стуле, как будто ему было неудобно сидеть.

Барону Мелиадусу казалось, что эти странные создания считали себя выше него и им скучны его попытки быть любезным. Ему становилось все труднее и труднее поддерживать беседу, но пока играла музыка, ничего другого в голову не приходило.

В конце концов он хлопнул в ладоши.

— Достаточно, уберите плясунов. Дайте побольше экзотики.

И он чуть расслабился, когда в зал вошли сексуальные гимнасты и начали свое представление, возбуждая жадный аппетит Лордов Темной Империи. Он усмехнулся, узнал кое-кого и указал на них гостям.

— Вот этот был когда-то Принцем Венгрии, а те двое — близнецы, сестры Короля Турции. Вон ту блондинку я сам взял в плен, а лежит на ней болгарский конюх. Очень многих я инструктировал сам.

Но хотя половые развлечения и расслабили издерганные нервы барона Мелиадуса, эмиссары Президента-Императора Джон Ман Шена остались, казалось, такими же бесстрастными.

Наконец представление было закончено, и сексуальные гимнасты тоже ушли, казалось, к явному облегчению эмиссаров. Барон Мелиадус, заметно посвежевший, усомнился, были ли эти незнакомцы вообще из плоти и крови, и приказал начинать бал.

— А сейчас, господа, — произнес он, поднимаясь, — давайте пройдемся по залу, и я познакомлю вас с теми, кто будет счастлив оказанной честью.

Двигаясь на негнущихся ногах, эмиссары из Азиакоммуниста последовали за бароном, на голову возвышаясь над самым высоким человеком в зале.

— Не хотите ли потанцевать? — спросил Мелиадус.

— Сожалею, но мы не танцуем, — безжизненным голосом ответил Као Шаланг Гатт.

И так как этикет требовал, чтобы гости танцевали перед всеми присутствующими, танцев не было вообще. Мелиадус весь кипел. Чего ожидал от него Король Гуон? Как мог он иметь дело с такими автоматами?

— Разве у вас в Азизкоммуниста нет танцев? — спросил барон, и голос его дрожал от сдерживаемого гнева.

— Не такие, какие предпочитаете вы, — ответил Оркай Неонг Фун, и хотя голос его был таким же безжизненным, снова барону Мелиадусу

было дано понять, что такие пустяки ниже достоинства дворян Азиакоммуниста. Барон подумал, что ему все труднее оставаться вежливым с этими гордыми иноземцами. Скрывать свои чувства Мелиадус не привык, в особенности перед какими-то чужаками. Он представил себе, что получит максимум удовольствия, когда ему поручат командовать армией, которая направится в поход на Дальний Восток.

Барон Мелиадус остановился перед Адазом Промпом, который поклонился гостям.

— Хочу представить вам одного из могущественных воинов, графа Адаза Промпа, Гранд Констебля Ордена Пса, Принца Парижа и Протектора Мюнхена, командира ста тысяч. — Узорная маска склонилась вновь. — Граф Адаз командовал силами, которые сумели завоевать весь европейский континент за два года. Тогда как мы думали, что это займет у нас лет двадцать, — продолжал Мелиадус. — Его Псы неуязвимы.

— Барон мне льстит, — проговорил Адаз Промп. — Уверен, милорды, что в вашей Азиакоммуниста более могущественные воины.

— Возможно, не знаю. Похоже, ваша армия так же свирепа, как и наши драконьи гончие, — ответил Као Шаланг Гатт.

— Драконьи гончие? А кто они такие? — спросил барон Мелиадус, вспомнив наконец, чего от него требовал Король Гуон.

— Разве у вас в Гранбритании их нет?

— Может быть, мы по-разному называем их? Не могли бы вы их описать?

Као Шаланг сделал легкое движение своим посохом.

— Они примерно в два раза больше человека, нашего человека, у них семьдесят зубов, похожих на ножи из кости. Покрывают они густой шерстью, и когти у них, как у кошек. Мы используем их, чтобы охотиться за другими рептилиями, еще не тренированными для войны.

— Понимаю, — пробормотал барон Мелиадус, думая, что с такими чудовищами придется применять иную тактику ведения войны. — И много таких драконьих гончих вы натренировали?

— Много, — отрезал гость.

Они продолжали продвигаться по залу, знакомясь с дворянами и их женами, и у каждого из дворян был заготовлен вопрос, похожий на заданный Адазом Промпом, чтобы Мелиадусу было легче получить нужную информацию. Но было совершенно очевидно, что, с готовностью признавая силу и мощь своего оружия, они ничего не собирались говорить ни о численности армий, ни о действии своего оружия. Мелиадус понял, что ему потребуется не один вечер, чтобы заполучить нужные сведения, если это вообще окажется возможным.

— У вас, должно быть, очень мудрая наука, — сказал он, пока они продвигались сквозь толпу. — Может быть, даже более продвинувшаяся вперед, нежели наука Гранбритании.

— Может быть, — ответил Оркай Неонг Фун. — Но я так мало знаю о вашей науке. Интересно будет сравнить.

— Конечно, интересно,— согласился Мелиадус.— Например, я слышал, что ваша летательная машина пронесла вас на несколько тысяч миль за весьма короткий срок.

— Это была не летательная машина,— возразил Оркай Неонг Фун.

— Нет? Но тогда как...

— Мы называем ее «Земная повозка» — она продвигается сквозь землю...

— И как же это происходит? Как вам удается...

— Мы не ученые,— прервал его вопросы Као Шаланг Гатт.— Мы не разбираемся в том, как работают наши машины. Этим занимаются низшие касты.

Барон Мелиадус, вновь ощутив их пренебрежение, остановился перед прекрасной маской Цапли графини Фланы Микосеваар. Он представил ее, и она присела в глубоком реверансе.

— Какой ты высокий,— произнесла она своим загадочным горловым шепотом, обращаясь к одному из эмиссаров.— Очень высокий.

Барон Мелиадус сделал попытку отправиться дальше, несколько смущенный поведением графини, впрочем, он почти ожидал такого. Он представил ее, только чтобы заполнить паузу, возникшую после последних слов эмиссара. Но Флана протянула руку и дотронулась до плеча Оркай Неонг Фуна.

— И у тебя такие широкие плечи,— добавила она.

Эмиссар ничего не ответил. Он просто стоял как вкопанный.

«Оскорбился он или нет?» — подумал Мелиадус. Ему было бы даже приятно, если бы оскорбился. Он не думал, что эмиссар станет жаловаться, поскольку понимал, что в его интересах оставаться в хороших отношениях с дворянами Гранбритании. Точно так же Гранбритании на этой стадии развития отношений было выгодно оставаться в хороших отношениях с Азиатоммуниста.

— Могу ли я как-нибудь развлечь тебя? — спросила Флана, делая неопределенное движение.

— Благодарю, но в настоящий момент мне ничего не приходит в голову,— ответил эмиссар, и они проследовали дальше.

Удивленная Флана смотрела, как они шли по залу. Никогда ее еще не отвергали, и она была заинтригована. Она решила исследовать эти возможности дальше, позднее, когда предоставится удобный случай. Они были странными, эти молчаливые создания, с их неуклюжими движениями. Она подумала, что они похожи на металлических людей. Интересно, могло ли хоть что-нибудь пробудить в них какие-то эмоции? Их большие маски разрисованной кожи качались над толпой, а Мелиадус в этот момент представлял им Джерека Нанкенсина и его жену, графиню Фалисливу Нанкенсин, которая в молодости сражалась бок о бок с мужем.

Когда обход зала был завершен, барон Мелиадус вернулся на свой золотой трон. Он все более раздражался из-за отсутствия Шенегара Тротта, гадая, почему Король Гуон не захотел сказать ему, куда направился граф.

Он хотел как можно скорее избавиться от своих обязанностей и поспешить в лабораторию Тарагорма, чтобы узнать, чего добился Ректор Дворца Времени и появилась ли возможность обнаружить, в каком времени-пространстве укрылся страстно ненавидимый им Замок Брасс.

Г л а в а 8

МЕЛИАДУС ВО ДВОРЦЕ ВРЕМЕНИ

Рано утром после бессонной ночи барон Мелиадус отправился к Тарагорму во Дворец Времени.

В Лондре было всего несколько открытых улиц. Коттеджи, дворцы, публичные дома, бараки соединялись закрытыми переходами, которые в богатых частях города сверкали более яркими расцветками, как будто стены были сделаны из покрытого эмалью стекла, а в более бедных — из скользкого темного камня.

Мелиадуса несли по этим переходам в крытых носилках голые девушки-рабыни с нарумяненными телами. Это были единственные рабы, которых Мелиадус подпускал к себе. В его намерения входило посетить Тарагорма до того, как проснутся эмиссары из Азиаккоммуниста. Конечно, вполне могло быть, что они представляли страну, которая помогает Хокмуну и остальным, но доказательств у Мелиадуса не было. Если его надежды на открытие Тарагорма оправдаются, тогда он сможет получить эти доказательства и предоставить их Королю Гуону и таким образом оправдать себя в его глазах. Возможно, и избавиться от этой неприятной роли гида при эмиссарах.

Проходы стали шире и послышались странные звуки — глухой шум и регулярный металлический стук. Мелиадус знал, что это звуки часов Тарагорма.

С приближением ко Дворцу Времени шум стал оглушающим: тысячи гигантских маятников раскачивались с разной скоростью, механизмы жужжали и звенели, били колокольчики и гонги, играли цимбалы, кричали механические птицы и говорили механические голоса. Это была неизменно сложная конструкция, так как сам Дворец представлял из себя один сплошной часовой механизм, регулирующий действия всех остальных часов. Над всем этим невообразимым шумом раздавался мерный, еще более громкий стук, а над самой крышей раскачивался гигантский маятник в Зале Маятника, где Тарагорм проводил большинство своих экспериментов.

Наконец носилки Мелиадуса добрались до относительно небольшой бронзовой двери, и механические люди тут же выскочили, загораживая проход, а механический голос, перекрывая шум часов, требовательно спросил:

— Кто беспокоит лорда Тарагорма во Дворце Времени?

— Барон Мелиадус, его брат, с разрешения Короля-Императора,— ответил Мелиадус, вынужденный кричать.

Еще очень долго двери не открывались, значительно дольше, чем было необходимо, решил барон Мелиадус. Затем они медленно отворились, пропуская его носилки.

Они очутились в зале с изогнутыми металлическим стенками, похожими на заднюю крышку часов, и шум усилился. Зал был наполнен грохотом. В голове у Мелиадуса все пошло кругом, и, если бы не шлем, он зажал бы уши руками. Он решил, что еще немного, и он окончательно оглохнет.

Рабыни пронесли носилки в другой зал, стены которого были обиты гобеленами и изображениями часов всевозможных конструкций. Ткань несколько смягчала шум. Рабыни опустили носилки, барон Мелиадус откинул занавески руками в перчатках и вышел, ожидая появления своего шурина.

И вновь прошло слишком много времени, пока появился, неторопливо выходя из дверей в дальнем конце зала, кивая головой в маске, его родственник.

— Очень рано, брат,— произнес Тарагорм.— Мне очень жаль, что я заставил тебя ждать, но я еще не завтракал.

Мелиадус подумал, что Тарагорму, как всегда, не хватает такта. Он резко сказал:

— Извини, брат, но мне не терпелось посмотреть твою работу.

— Я польщен. Сюда, брат.

Тарагорм повернулся и вышел в ту же дверь, что и вошел. Мелиадус вплотную последовал за ним.

Они прошли несколько коридоров, тоже обитых гобеленами, и подошли к закрытой на засов большой двери. Тарагорм снял засов, дверь открылась, внезапно задул ветер, и послышался звук гигантского барабана, бьющего регулярно, но очень медленно.

Машинально барон Мелиадус взглянул вверх и увидел качающийся в воздухе маятник — пятьдесят тонн меди — в форме сверкающего солнца. Именно этот маятник и создавал ветер, поднявший плащ Мелиадуса, словно пару тяжелых шелковых крыльев. В огромном Зале Маятника располагалось множество машин в различных стадиях завершения, столов, на которых лежало лабораторное оборудование, инструменты из меди, бронзы и серебра, тонкая, как паутинка, золотая проволока, какие-то сети с драгоценными камнями, вставленными внутрь, водяные часы, хронометры, астролбии, песочные часы, настольные часы, разобранные механизмы, каретник, солнечные часы. И всюду над ними работали рабы Тарагорма — пленные ученые и инженеры самых разных национальностей, кое-кто из них имел репутацию гения.

Пока Мелиадус разглядывал все это, в одном конце Зала возникла пурпурная вспышка, в другом рассыпались зеленые искры, неизвестно откуда поднимался алый туман. Он увидел, как какой-то черный механизм

обратился в пыль, а человек, возившийся с ним, закашлялся, упал и исчез.

— И что это такое было? — лаконично спросил кто-то подле него. Мелиадус повернулся и увидел, что это Калан Витальский. Главный Ученый Короля-Императора тоже навестил Тарагорма.

— Эксперимент с ускорением времени, — ответил Тарагорм. — Мы можем создавать этот процесс, но не можем управлять им, до сих пор ничего не получается. Смотрите...

Он указал на большую овальную машину из вещества, похожего на стекло.

— Тут мы добиваемся похожего эффекта, но с противоположным знаком, и опять, к сожалению, не можем контролировать его. Человек, которого вы видите рядом с машиной, — тут он показал на фигуру, которую Мелиадус принял за одного из механических людей, что преградили ему дорогу у самого входа во Дворец Времени, — стоит неподвижно уже неделю!

— А как насчет путешествия во времени? — спросил Мелиадус.

— Вон там, — ответил Тарагорм, — видите этот ряд серебряных коробок? Каждая из них — это сделанный нами прибор, который может путешествовать во времени — назад или вперед, но мы еще не уверены в расстояниях. Однако все живое слишком страдает при подобных перемещениях. Несколько рабов и животных, которых мы отправляли, остались в живых, но они не только испытали ужасную боль, но и тело у них деформировалось.

— Если бы мы только поверили Тозеру, — сказал Калан, — то, возможно, у нас уже был бы способ путешествовать во времени. Нам не следовало над ним насмехаться, но кто бы мог подумать, что этот хвастливый дурак действительно открыл секрет путешествия во времени!

— Что, что?

Мелиадус ничего не слышал о Тозере.

— Драматург Тозер? Я думал, что он давно умер. Что он мог знать о путешествии во времени?

— Он появился не так давно, пытаясь восстановить свое положение при дворе Короля-Императора, и стал рассказывать, что он научился путешествовать во времени, узнал этот секрет от одного старика на Западе. Силой мысли — как он сам это называл. Мы привели его сюда, и, посмеиваясь, попросили доказать справедливость его слов и отправиться в другое время. И после этого, барон Мелиадус, он исчез!

— Вы... вы даже не попытались задержать его?

— Невозможно было в это поверить, — вставил Тарагорм, — ты бы поверил?

— Я бы принял меры предосторожности, прежде чем испытал бы его.

— Мы думали, что в его интересах вернуться. Кроме того, мы не хватаемся за соломинку, брат.

— Что ты хочешь этим сказать... брат? — спросил Мелиадус.

— Хочу сказать, что мы работаем над чистой наукой, проводим серии экспериментов и опытов, в то время как ты требуешь немедленных результатов, чтобы осуществить планы мщения в отношении Замка Брасс.

— Я воин, брат, человек действия. Меня не устраивает сидеть и играть в игрушки или корпеть над книгами.

Очень довольный своим ответом, который поставил на место Тарагорма, Мелиадус вернулся к вопросу о Тозере.

— Ты говоришь, он узнал этот секрет от старика на Западе?

— Так он сказал, — вмешался Калан. — Но я думаю, что солгал. Он говорил, что все дело в силе мысли, но мы не сочли его способным на такую дисциплину ума. Тем не менее, факт остается фактом, он потускнел и исчез на наших глазах.

— Почему вы мне не рассказали об этом?.. — простонал Мелиадус.

— Тогда ты все еще был на континенте, — ответил Тарагорм. — Кроме того, мы не считали, что это может заинтересовать такого человека действия, как ты, брат.

— Но его знание могло бы помочь в вашей работе, — произнес Мелиадус. — Как безразлично говорите вы о потере такой блестящей возможности!

— Что можно сейчас с этим поделать, — пожал плечами Тарагорм. — Мы двигаемся вперед потихоньку...

Раздался слабый взрыв, закричал человек, и слабая красная вспышка осветила комнату.

— ...и скоро мы победим время так же, как побеждаем пространство, — закончил Тарагорм.

— Через тысячу лет, возможно! — выкрикнул Мелиадус. — Запад? Старик на Западе? Мы должны найти его. Как его имя?

— Тозер сказал нам, что его зовут Майган — колдун большой мудрости. Но, как я уже говорил, я считаю, что он лгал. В конце концов, что есть на Западе кроме опустошения? Никто не живет там кроме мутантов, со времени Трагического Тысячелетия.

— Мы должны отправиться туда, — сказал Мелиадус. — Мы должны перевернуть там все вверх дном, нельзя упускать ни одного шанса...

— Только не я — я не собираюсь ехать в эти дикие горы за чем-то необычным, — замахал руками Калан. — У меня хватает работы и здесь, надо снабдить корабли новыми двигателями, которые помогут нам завоевать весь остальной мир, как мы завоевали Европу. Кроме того, я полагаю, что и у тебя есть свои обязанности при дворе, барон Мелиадус, эти наши гости...

— К черту гостей! Я трачу на них слишком много драгоценного времени...

— Скоро я смогу предоставить в твое распоряжение столько времени, сколько тебе будет нужно, брат, — сказал Тарагорм. — Еще совсем немного...

— Ха! Тут мне нечего делать! Все эти твои коробки и взрывающиеся машины эффектны, но для меня они бесполезны. Играй в свои игры, брат, играй в свои игры. Спасибо тебе за прием. До встречи!

Ощущая огромное облегчение, что ему больше не надо быть вежливым по отношению к ненавистному шурину, Мелиадус повернулся, вышел из Зала Маятника и прошел через все коридоры к своим носилкам.

Пока его несли к его собственному дворцу, Мелиадус обдумывал все, что услышал. При первой же возможности ему надо будет избавиться от обязанностей при дворе и уехать на Запад, выяснить маршрут Тозера и найти старика, у которого можно будет не только узнать секрет времени, но и обнаружить наконец средства отомстить обитателям Замка Брасс.

Г л а в а 9

ПРЕЛЮДИЯ В ЗАМКЕ БРАСС

Во дворце Замка Брасс сам граф Брасс и Оладан из Разбойничьих Гор оседлали рогатых коней и выехали из ворот. Они проскакали по городу и вырвались на простор. Такие прогулки вошли у них в привычку, и они совершали их каждое утро.

Граф Брасс был значительно менее мрачен, нежели раньше, и даже перестал бродить всюду один — так на него повлияло появление Рыцаря в Черном и Золотом.

Эльвереза Тозер оставался пленником в одной из башен Замка Брасс и казался вполне довольным, когда Боджентль принес ему бумагу, перья и чернила и попросил написать пьесу. Он даже пообещал Тозеру небольшую аудиторию.

— Хотел бы я знать, как дела у Хокмуна, — произнес граф, когда они ехали рядом, оживленно разговаривая. — Жаль, что не я вытянул соломинку.

— Я тоже хотел бы сопровождать его, — ответил Оладан. — Повезло Д'Аверку. Жалко, что было всего два кольца — Рыцаря и Тозера. Если они вернутся и привезут еще, то тогда мы сможем еще и повоевать с Темной Империей...

— И все-таки, друг Оладан, посетить Гранбретань и попытаться разыскать Майгана из Лландара в Йеле — опасная затея.

— Я часто слышал поговорку, что лучше прятаться в львином логове, чем рядом с ним.

— А еще лучше жить в стране, где нет львов, — слегка улыбнулся граф.

— Ну, я надеюсь, что лев их не сожрет, — нахмурился Оладан. — Может, это и глупо с моей стороны, но я все-таки им завидую.

— У меня такое чувство, что завидовать скоро не придется, — сказал граф Брасс, направляя свою лошадь по узкой тропинке в тростнике. —

Мне почему-то кажется, что наша безопасность находится под большой угрозой, причем с многих сторон.

— Как раз это меня не особенно волнует,— отозвался Оладан.— Но я боюсь за Ийсселду, Боджентля и жителей города, потому что они не приспособлены к жизни, которая нам доставляет настоящее наслаждение.

Они ехали вдоль берега моря, наслаждаясь тишиной и безлюдьем и одновременно сучая по шуму битвы и действию.

Граф Брасс начал уже подумывать, не лучше ли разбить хрустальную машину, которая удерживает их в этом месте, чтобы вновь оказаться в том мире, что они покинули, и драться до победного конца, даже если у них и не было ни малейшего шанса одержать победу над силами Темной Империи.

Г л а в а 1 0

ВИДЫ ЛОНДРЫ

Над крышами Лондры появился орнитофтер. Это была большая машина, рассчитанная на четыре-пять человек, с металлическими крыльями и корпусом.

Мелиадус свесился с борта и показал вниз, гости его тоже наклонились. Казалось, если они наклонятся еще больше, их длинные маски просто свалятся с их плеч.

— Перед вами Дворец Короля Гуона, где вы остановились,— проговорил Мелиадус, указывая на безумное великолепие обители Короля-Императора. Он возвышался над всеми остальными строениями и стоял немного в стороне от них в самом центре города. Четыре его башни, сверкая глубоким золотым цветом, даже сейчас возвышались над ними. Орнитофтер поднялся выше всех других зданий города. На ярусах Дворца было вырезано множество барельефов, изображающих извращения и жестокость, столь любимые Темной Империей. Гигантские гротескные статуи находились по углам парапетов, готовые в любую минуту упасть вниз.

Дворец был раскрашен во всевозможные цвета, какие только существовали на белом свете, и был задуман так, чтобы глаза начинали болеть почти сразу после первого взгляда на него.

— Дворец Времени,— указал Мелиадус на богато отделанный Дворец.— Мой собственный дворец.— Угрюмое черное здание, отделанное серебром.— Река, которую вы видите, это, конечно, Таймза.

Движение на реке было большое. На ее кроваво-красных водах качались баржи из бронзы, слоновой кости и корабли из черного дерева, обитые драгоценными металлами и украшенные полудрагоценными камнями, с громадными белыми парусами, на которых были вышиты и нарисованы эмблемы.

— Дальше слева,— продолжал барон, ненавидя ту глупую роль, что ему приходилось исполнять,— наша Висящая башня. Видите, создается впечатление, что она свисает прямо из воздуха и не стоит на земле. Это — результат эксперимента одного нашего волшебника, который смог приподнять эту башню над землей на несколько футов, но не смог сдвинуть ее выше ни на дюйм. Потом оказалось, что он не может и вернуть ее на землю. Так с тех пор она и висит.

Он показал им набережные, вдоль которых огромные военные корабли Гранбритании выгружали из своих трюмов награбленное добро. Квартал Гололиких, где жили отбросы общества, не носящие масок, купол огромного театра, где когда-то ставились пьесы Тозера; Храм Волка, ставку его собственного Ордена, с чудовищной гротескной каменной волчьей головой, которая закрывала собой всю крышу; несколько других Храмов с такими же звериными головами из камня, весящими много тонн.

Весь этот скучный день они летали над городом, спускаясь вниз только лишь для заправки орнитоптера горючим и замены пилотов, и с каждым часом Мелиадус становился все более нетерпеливым. Он показал им все достопримечательности и чудеса этого старинного неприятного города, стараясь, как приказал ему Король-Император, поразить гостей могуществом Гранбритании.

Наступил вечер, и садящееся солнце отбрасывало на город сплошные тени. Барон Мелиадус вздохнул с облегчением и приказал пилоту направить орнитоптер на посадочную площадку на крыше дворца.

Они опустились, и оба эмиссара неуклюже выбрались из машины, ступая, словно автоматы.

Они прошли к верхнему входу во Дворец и стали опускаться по винтовой лестнице, пока не оказались вновь в залитых светом коридорах, где их встретила почетная стража — шестеро высших военачальников Ордена Богомола. Гостей проводили в отведенные для них покои, чтобы они могли поесть и отдохнуть.

Барон Мелиадус откланялся и поспешил прочь, пообещав, что завтра они будут обсуждать достижения науки Гранбритании.

Быстро идя по освещенным переходам, он чуть было не столкнулся с родственницей Короля-Императора Фланой, графиней Кэнберри.

— Милорд!

Он посторонился, давая ей пройти, потом сказал:

— Миледи, прими мои извинения.

— Ты очень торопишься, милорд?

— Да, Флана.

— Ты даже, кажется, в плохом настроении.

— В плохом.

— И ты не хочешь утешиться?

— У меня есть дела.

— Дела надо делать на свежую голову, милорд.

— Возможно.

— Если ты остудишь свои страсти...

Он было вновь двинулся вдоль коридора, потом остановился, вспомнив, как может Флана утешить. Возможно, она права. Возможно, сейчас она была нужна ему. С другой стороны, он должен сделать приготовления к экспедиции на Запад, чтобы отправиться, как только эмиссары отбудут. Но они останутся по крайней мере еще на несколько дней. К тому же прошлую ночь он провел из рук вон плохо, и настроение у него было скверное. По меньшей мере он может...

— Возможно,— повторил он, но тон у него был задумчивый.

— Тогда поспешим в мои апартаменты, милорд,— произнесла она с легким нетерпением.

Со все увеличивающимся желанием Мелиадус взял ее за руку.

— Ах, Флана.— прошептал он.— Ах, Флана.

Г л а в а 11

МЫСЛИ ГРАФИНИ ФЛАНЫ

Причины, что побудили графиню Флану искать общества барона Мелиадуса, были сложными, поскольку она, в основном, была заинтересована заполучить не барона, а двух неуклюжих гигантов с Востока.

Она спросила его о них, когда они, пресыщенные любовными ласками, лежали в ее громадной постели. И он поведал ей о своих обидах, о ненавистном поручении и проклятых эмиссарах, рассказал ей о своих сокровенных тщеславных желаниях, заключающихся в мести его врагам, убийцам ее мужа, обитателям Замка Брасс. Открыл ей способ, который Тозер выведет на Западе, в забытой Богом провинции Йель.

Еще он шептал ей о своих страхах, о том, что может потерять свою власть и престиж, что Король-Император теперь больше доверяет другим, таким, как, например, Шенегар Тротт.

— Эх, Флана,— закончил Мелиадус, прежде чем погрузился в беспокойный сон,— если бы ты только была Королевой, то вместе мы смогли бы повести нашу Империю к блистательной судьбе.

Но Флана почти не слышала его, потому что он не успокоил ее душу и даже не удовлетворил ее тело. Все ее мысли были только об эмиссарах, которые, как ей сообщил Мелиадус, спали всего лишь в двух ярусах от нее. Наконец, она поднялась с постели, оставив Мелиадуса храпеть и стонать в тяжелом сне, оделась, натянула маску и выскользнула из комнаты. Она продвигалась по коридорам вверх, поднимаясь по лестницам, пока не подошла, наконец, к дверям, которые охраняли воины-Богомолы. Маски стражников вопросительно повернулись в ее сторону.

— Вы знаете, кто я,— сказала она.

Они знали и отошли от двери. Она нажала на ручку и вошла в волнующую темноту покоев, занятых эмиссарами Азиакоммуниста.

Глава 12

РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Лишь лунный свет заливал комнату, падая на кровать, где зашевелилась какая-то фигура, а рядом лежали доспехи, одежда и маска человека, что лежал в постели.

Она подошла ближе.

— Милорд? — прошептала она.

Внезапно человек вскочил и сел на постели, она увидела его испуганное лицо и изумленно прошептала:

— Я тебя знаю!

— Кто ты? — Он выпрыгнул из-под шелковых простыней и, абсолютно голый, освещенный лунным светом, побежал и схватил ее.

— Женщина!

— Да, — проворковала она. — А ты — мужчина. И вовсе не гигант, просто высокого роста. В маске и доспехах ты казался на целый фут выше.

— Чего ты хочешь?

— Я пришла, чтобы развлечь тебя, сэр, и чтобы развлечься самой. Но я разочарована, потому что считала, что ты — создание нечеловеческое. Сейчас я знаю, что ты — тот самый человек, которого я видела в Тронном Зале два года назад. Мелиадус тогда представлял тебя Королю-Императору.

— Значит, ты была там в тот день?

Он еще крепче сжал ее одной рукой, другой потянулся к ее маске, чтобы сорвать ее и зажать рот. Она лизнула его пальцы, погладила мышцы другой руки. Рука, лежавшая на ее губах, расслабилась.

— Кто ты? — прошептал он. — Знают ли другие?

— Я — Флана Микосеваар, графиня Кэнберри. Никто не подозревает тебя, храбрый Дориан. И я не собираюсь звать стражников, потому что политика меня не интересует и еще меньше мне жаль Мелиадуса. Более того, я признательна тебе за то, что ты избавил меня от надоедливого дурака.

— Ты вдова Микосеваара?

— Да, а тебя я сразу узнала по Черному Камню, который ты попытался спрятать, когда я вошла. Ты — герцог Дориан Хокмун фон Кельн и находишься здесь в чужом обличье, чтобы раскрыть планы своих врагов.

— Мне кажется, я должен буду убить тебя, мадам.

— Я не собираюсь предавать тебя, герцог Дориан. По крайней мере не сразу. И пришла предложить тебе себя для удовольствия. Вот и все. Ты снял с меня маску.

Она вскинула на него золотистые глаза и посмотрела на красивые черты его лица.

— Теперь тебе остается снять с меня все остальное...

— Мадам, — хрипло произнес он, — я не могу. Я женат.

Она рассмеялась.

— И я тоже была замужем бесчисленное число раз.

Когда он заглянул в ее глаза, на лбу у него выступила испарина, мускулы всего тела напряглись.

— Мадам... я... я... не могу...

Послышался какой-то звук, и она обернулась.

Дверь, разделявшая апартаменты, открылась, и на пороге появился высокий молодой человек, который нарочито закашлялся, потом поклонился.

— Мой друг, мадам, — сказал Юиллам Д'Аверк, — человек, я бы сказал, высокоморальный. Однако, если я могу помочь...

Она подошла к нему и оглядела с ног до головы.

— Ты кажешься здоровяком, — сказала она.

Он отвел взгляд.

— Ах, мадам, ты так добра. Но я не такой уж и здоровый человек. С другой стороны, — тут он взял Флану под руку и увлек ее в свою комнату, — я сделаю все, что в моих силах, чтобы доставить тебе удовольствие, прежде чем верное сердце моего друга не выдержит искушения...

Дверь закрылась, а Хокмун остался стоять посреди своей комнаты. Его трясло.

Он уселся на край постели, ругая себя, что не спал одетым, но утомительный осмотр города окончательно вымотал его и заставил забыть о предосторожности подобного рода. Когда Рыцарь в Черном и Золотом изложил ему свой план, то он показался опасным, ненужно опасным. Конечно, они должны узнать, не попался ли старик из Йеля в лапы Гранбретани, прежде чем отправятся искать его в Йеле. Но сейчас, казалось, шансы на получение такой информации были равны нулю.

Стража наверняка видела, как вошла графиня. Даже если они убьют ее или просто не выпустят, стражники что-то заподозрят. Они находились в городе, где каждый мечтал об их уничтожении. У них не было ни одного союзника и не было никакой надежды скрыться, если их настоящая личность будет раскрыта.

Хокмун напряг свой мозг, пытаясь придумать хоть какой-то план, который позволял бы им исчезнуть из города до того, как поднимется тревога, но все казалось ему безнадежным.

Тогда Хокмун принялся натягивать на себя тяжелую одежду и доспехи. Единственное оружие, которое было у него при себе, был золотой посох, что дал ему Рыцарь, чтобы завершить впечатление о благородном дворянине из Азиаккоммуниста. Он взвесил его на руке, с сожалением вспоминая о своем мече.

Продолжая мерить комнату шагами, он все время старался придумать что-то, но у него ничего не получалось.

Он все еще продолжал метаться взад-вперед, когда наступило утро и Юиллам Д'Аверк просунул голову в дверь, ухмыляясь.

— Доброе утро, Хокмун. Неужели ты так и не отдохнул, человеке? Прими мои сожаления. Я тоже. Графиня — весьма требовательное существо. Однако я рад, что ты готов. Нам надо поторопиться.

— Что ты имеешь в виду, Д'Аверк? Я думал всю ночь и никак не мог придумать, что нам делать и как отсюда выбраться...

— Я говорил с Фланой Кэнберрийской и узнал все, что надо было узнать, потому что Мелиадус, очевидно, избрал ее своей поверенной. Она даже согласилась помочь нам сбежать отсюда.

— Как?

— В ее личном орнитоптере. Мы даже можем забрать его, если захотим.

— Можно ли доверять ей?

— Выхода у нас нет. Послушай, у Мелиадуса пока что не было времени на поиски этого Майгана из Лландара. Это судьба, но именно наше появление задержало его. Он знает, что Тозер выведал свой секрет у старика на Западе, и он собирается найти этого старика. У нас есть шанс разыскать Майгана раньше него. Часть пути мы сможем пролететь на орнитоптере Фланы, которым я сумею управлять, а остальную часть проделать пешком.

— Но у нас нет оружия, нет даже нормального платья.

— Оружие и костюмы я смогу взять у Фланы, маски, кстати, тоже. У нее в покахх тысячи трофеев ее прошлых побед.

— Мы должны отправиться к ней немедленно.

— Нет. Мы должны дожидаться ее возвращения.

— Почему?

— Потому, друг мой, что Мелиадус может еще спать в ее апартаментах. Имей терпение. Нам везет. Молись, чтобы счастье нам не изменило!

Чуть погода вернулась Флана, сняла маску и поцеловала почти без всяких колебаний Д'Аверка, как могла бы поцеловать молодая девушка своего любовника. Черты лица ее казались мягче, а в глазах было такое выражение, будто она нашла какую-то особенность в любви Д'Аверка, какую никогда не испытывала прежде — может быть, нежность, которая не была достоинством мужчин Гранбретани.

— Он ушел, — сообщила Флана. — И у меня, Юиллам, возникла мысль оставить тебя здесь для себя одной. Много лет мною владело неугасимое желание, которого не могла я ни выразить, ни тем более удовлетворить. Ты очень близко подошел к тому, что мне все стало ясно...

Он наклонился и легко поцеловал ее в губы, и голос его звучал искренне, когда он произнес:

— И ты тоже, Флана, многое дала мне...

Она неуклюже выпрямилась в своих тяжелых одеждах, натянула на голову маску, а он сказал ей:

— Пойдем, нам надо успеть, пока во Дворце еще не проснулись.

Хокмун последовал примеру Д'Аверка, надел маску, и вновь оба мужчины стали похожи на карикатуры людей, вновь превратились в эмиссаров из Азиакоммуниста.

Теперь уже Флана вывела их из дверей, провела мимо стражников из Ордена Богомоллов, которые не последовали за ними, и повела по сверкающим коридорам, пока они не добрались до ее комнат.

— Они доложат, что мы вошли к тебе,— сказал Д'Аверк.— Тебя подозреют, Флана.

Она сбросила маску Цапли и улыбнулась.

— Нет,— ответила она и пошла по мягкому ковру, покрывавшему пол, к полированному деревянному сундуку, усыпанному бриллиантами. Она подняла крышку и достала длинную трубку.

— В этой трубке,— сообщила она,— яд. Тот, кто хоть раз вдохнул его, мгновенно сойдет с ума и, до того как умрет, будет бегать и дико кричать. Стражники пробегут много коридоров, пока умрут. Я пользовалась этим и раньше. И всегда успешно.

Она говорила об убийстве так нежно, что Хокмун не выдержал и его затрясло.

— Все, что мне надо сделать,— продолжала она,— это просунуть один конец трубки в замочную скважину и нажать на другой конец.

Она положила эту странную трубку на крышку сундука и провела их через анфиладу прекрасно убранных, эксцентрично обставленных комнат в помещение с широким окном, которое выходило на большой балкон. Там, на балконе, аккуратно сложив крылья, стоял орнитооптер Фланы в форме красивой, алой с серебром цапли.

Она поспешно прошла в другую часть комнаты и отдернула занавеску. Там, сваленные в кучу, валялись ее трофеи — одежда, маски и оружие всех ее бывших мужей и любовников.

— Выбирайте то, что вам нужно, и поторопитесь,— шепнула она.

Хокмун выбрал толстую куртку из голубого бархата, чулки из черной оленьей кожи, широкий кожаный пояс с прикрепленным к нему прекрасно сбалансированным мечом и кинжалом в ножнах. Маску он взял убитого им врага Аэровака Микосеваара — маску Стервятника.

Д'Аверк оделся в темно-желтый костюм, ярко-голубой плащ, ботинки из оленьей кожи и выбрал себе меч, почти такой же как у Хокмуна. Он тоже взял маску Стервятника, считая, что двое, принадлежащие к одному Ордену, скорее не обратят на себя внимания, путешествуя вместе. Сейчас они выглядели как самые настоящие благородные дворяне Гранбретани.

Флана открыла дверь-окно, и они вышли на балкон, поеживаясь от холода раннего утра.

— Прощайте,— прошептала Флана,— мне надо вернуться к охране. Прощай, Юиллам Д'Аверк, я надеюсь, что мы еще встретимся. Прощай!

— Я тоже надеюсь на это, Флана,— с необычной для него нежностью ответил Д'Аверк.— Прощай!

Он забрался в орнитооптер и включил двигатель. Хокмун торопливо последовал за ним.

Крылья машины забили по воздуху, и с металлическим лязганьем она поднялась в угрюмое небо Лондры, поворачивая на Запад.

Глава 13

НЕДОВОЛЬСТВО КОРОЛЯ ГУОНА

Самые противоречивые чувства боролись в душе барона Мелиадуса, когда он вошел в Тронный Зал Короля-Императора, преклонил колена и начал свой долгий путь к Тронному Шару.

Белая жидкость Шара волновалась больше, чем обычно, и это встревожило барона. Он не так боялся гнева Короля, который мог лишить его могущества и славы, как опасался препятствий в поисках старика-колдуна, живущего где-то на Западе. Барон приблизился к Тронному Шару и взволнованно поглядел на похожий на зародыш образ своего Императора.

— Великий Король-Император, это ваш слуга Мелиадус...

Он упал на колени и склонился до земли.

— Слуга? Ты не особенно хорошо служишь мне, Мелиадус!

— Виноват, благородный сир, но...

— Но?

— Но я не знал, что они собираются отбыть прошлой ночью.

— Ты обязан был почувствовать, что у них на уме, Мелиадус.

— Почувствовать? П о ч у в с т в о в а т ь, что у них на уме, благородный сир?

— Ты теряешь свой инстинкт, Мелиадус. Когда-то ты действовал по его подсказке и не ошибался. Сейчас планы глупой мести заполонили твой мозг, и ты остаешься слепым ко всему остальному. Мелиадус, эти эмиссары убили шестерых моих лучших стражников. Как они их убили, я не знаю, может быть, при помощи какого-то колдовского заклинания, но они убили их и каким-то способом покинули Дворец, а затем вернулись к своей машине, на которой прибыли сюда. Они о нас многое узнали, а мы, Мелиадус, не узнали почти ничего.

— Кое-что мы знаем об их вооружении.

— Вот как? Люди могут лгать, разве ты этого не знаешь, Мелиадус? Люди могут лгать. Мы не довольны тобой. Мы поручили тебе важное дело, а ты выполнил его лишь частично. И без должного внимания. Ты провел время во Дворце Тарагорма, оставил эмиссаров без наблюдения, а должен был постоянно заниматься ими. Ты дурак, Мелиадус! Дурак!

— Сир, я...

— И все это твое глупое помешательство на этой кучке разбойников, что живут в Замке Брасс. Может, ты желаешь обладать этой девушкой? Не по этой ли причине ты ищешь их с такой настойчивостью?

— Я боюсь, что они угрожают Империи, благородный сир...

— Азиаткоммуниста тоже угрожает нашей Империи, барон Мелиадус, настоящими мечами и настоящими кораблями, которые могут двигаться

сквозь землю. Барон, ты должен забыть о своей вендетте или мы предупреждаем тебя, что ты вызовешь очень большое наше неудовольствие.

— Но, сир...

— Мы тебя предупредили, барон Мелиадус. Выкинь из головы Замок Брасс. Вместо этого попытайся узнать, в каком месте их встретила машина, как они умудрились покинуть город. Реабилитируй себя в наших глазах, Мелиадус, верни себе свою былую славу.

— Да, сир,— ответил барон Мелиадус, едва сдерживая гнев и злобу.

— Аудиенция окончена, Мелиадус.

— Благодарю вас,— произнес Мелиадус, и кровь застучала в его висках.

Он попятился из Тронного Зала.

Отойдя на расстояние, предусмотренное этикетом, он повернулся и быстро пошел прочь. Он двигался, словно слепой, быстрым строевым шагом, и его пальцы побелели, сжимая рукоять меча, настолько сильно он стиснул ее.

Он шел, пока не достиг большого Зала приемов Дворца, где дворяне ожидали аудиенции Короля-Императора, спустился по лестнице к воротам, выходящим на улицу, подал знак девушкам поднести носилки, уселся в них, тяжело откинулся на подушки и приказал нести себя в свой черный с серебром дворец.

Сейчас он ненавидел Короля-Императора. Сейчас он презирал это создание, что так унизило его, оскорбило, обесчестило. Король Гуон — дурак, если даже не понимает потенциальной опасности Замка Брасс. Такой дурак не достоин править, не достоин командовать рабами, а уж тем более бароном Мелиадусом, Гранд Констеблем Ордена Волка.

Мелиадус не станет следовать глупым правилам Короля Гуона, он будет делать то, что считает нужным, а если Король Гуон будет возражать, он его свергнет.

Чуть позже Мелиадус выехал из своего дворца верхом. Он ехал впереди двадцати всадников, доверенных людей, которые были полны решимости следовать за ним всюду, даже в Йель.

Г л а в а 1 4

ПУСТЫНИ ЙЕЛЯ

Орнитоптер графини опускался ниже и ниже, почти задевая верхушки высоких сосен и путаясь крыльями в ветках берез. Наконец он сел в мягкий вереск за лесом.

День стоял холодный, и ветер свистел в вереске, насквозь пронизывая их легкую одежду.

Дрожа от холода, выбрались они из летательного аппарата и огляделись. Никого вокруг не было.

Д'Аверк сунул руку в карман куртки и достал кусок кожи, на котором была нарисована карта.

— Нам надо идти в том направлении, — махнул он. — Только сначала надо затащить орнитоптер в лес и спрятать его.

— Почему бы не оставить его здесь? Шансов, что кто-то найдет его, почти нет.

— Я не хочу, чтобы графине был причинен хотя бы малейший вред, — серьезно произнес Д'Аверк. — Если орнитоптер обнаружат, Хокмун, у нее могут быть серьезные неприятности. Пойдем.

И они поволокли металлический аппарат в лес и забросали его ветками. Он доставил их так далеко, сколько у него хватило горючего. Теперь им придется продолжить путь пешком. Четыре дня они шли через леса и степи, и земля становилась все менее плодородной по мере приближения к Йелю. На пятый день вдалеке показались горы Йеля. Вершины их были скрыты розовыми облаками, а равнины и холмы внизу казались желтыми.

Это был дикий и красивый пейзаж — никогда раньше Хокмун не видел столь необычной красоты.

— Значит, в Гранбретани еще остались места, радующие глаз, — вздохнул изумленно Хокмун.

— Да, красиво, — согласился Д'Аверк. — Даже дух захватывает. Где-то здесь нам надо найти Майгана. Судя по карте, Лландар находится далеко в горах.

— Тогда поспешим. — Хокмун поправил свой пояс, на котором висел меч. — Поспешим. Преимущество перед Мелиадусом у нас небольшое, но возможно, он уже сейчас на пути в Лландар.

Неуклюже балансируя, Д'Аверк почесал одну ногу о другую.

— Все это хорошо, но боюсь, мои сапоги долго не протянут. В своей дурацкой гордости я выбрал их за красоту, а не за крепость. Теперь я понимаю, что совершил ошибку.

— Я слышал, в этих краях много диких лошадей. Молись, чтобы мы их нашли и парочку укротили.

Но лошадей они не нашли, а земля была каменистой и твердой. Небо над головой пылало необычным сиянием.

Д'Аверк и Хокмун начали понимать, почему население Гранбретани было таким суеверным, когда разговор заходил об этих краях: и в небе, и на земле Йеля было нечто неестественное.

Наконец они добрались до гор.

Вблизи горы были желтого цвета, но с вкраплениями темно-красного и зеленого, гладкие и угрюмые. Странные звери выскакивали из-под их ног, когда они взбирались на скалы, и диковинные, похожие на людей существа с волосатыми телами и совершенно лысыми головами наблюдали за ними из-за скал.

— Когда-то они были людьми, эти создания, — проговорил Д'Аверк. — Их предки жили в этих местах. Но люди Трагического Тысячелетия хорошо поработали.

— Откуда ты знаешь?

— Я читал книги. Именно в Йеле больше, чем во всех остальных областях Гранбритании, ощущались последствия Трагического Тысячелетия. Потому-то он так и пустынен — люди больше не желают приходить сюда.

— Кроме Тозера и этого старика из Лландара, Майгана.

— Да, если Тозер говорит правду. Мы все еще, быть может, гонимся за синицей в небе, Хокмун.

— Но у Мелиадуса те же сведения!

— Почему Тозер не мог наврать и ему?

Ночь была близка, когда горные создания высыпали из своих пещер и напали на Хокмуна и Д'Аверка.

Они были закутаны в грязные меха, у них были птичьи клювы и кошачьи лапы. Их огромные глаза блестели, клювы раскрывались, обнажая зубы и издавая какие-то звуки. Насколько путники могли видеть в темноте, их было шестеро — трое мужчин и трое женщин.

Хокмун выхватил меч, поправляя маску Стервятника, как он поправил бы обычный шлем, и прислонился спиной к скале.

Д'Аверк встал рядом, и в этот момент мутанты напали на них.

Хокмун ударил первого, оставив широкую кровавую полосу у него на груди. С воплем существо отскочило.

Второго убил Д'Аверк, пронзив его сердце. Хокмун аккуратно перерезал горло третьему, но когтистая лапа четвертого уже цеплялась за его левую руку. Он боролся, напрягая мышцы и пытаясь выхватить кинжал, и одновременно отбивался мечом от противника, старавшегося достать его с другой стороны.

Хокмун закашлялся и ощутил приступ тошноты, потому что от этих зверей ужасающе пахло. Ему в конце концов удалось вытащить кинжал и всадить его в руку или лапу противника. Создание завизжало и отпустило его.

В ту же секунду Хокмун глубоко вонзил кинжал в глаз существа и повернулся, чтобы отразить нападение следующего.

Было еще темно, и невозможно было определить, сколько мутантов еще осталось.

Д'Аверк размахивал мечом направо и налево, что-то орал в боевом азарте.

Хокмун поскользнулся на покрытом кровью камне и покачнулся, опираясь левой рукой о скалу. В ту же секунду один из зверей с шипением прыгнул на него, схватив в медвежьи объятия, прижимая обе его руки к туловищу, а клюв его стукнул по маске и с клацаньем закрылся.

Хокмун напряг все силы, чтобы разорвать кольцо, мотнул головой, сбросил с себя маску, оставив ее в птичьем клюве, с усилием откинул руки создания в стороны и боднул того головой в грудь. Существо в удивлении попятилось, не понимая, что маска Стервятника была, как оказалось, не частью Хокмуна.

Хокмун мгновенно пронзил его сердце мечом и повернулся к Д'Аверку, на которого надели двое.

Хокмун отрубил голову одному и уже совсем было собрался прикончить и второго, как тот закричал и убежал во тьму ночи, прижимая к телу кусок куртки Д'Аверка.

Они уничтожили всех, кроме одного.

Д'Аверк, слегка раненный в грудь когтями, оторвавшими кусок его куртки, тяжело дышал. Хокмун оторвал от своего плаща лоскут и перевязал его.

— Ничего страшного,— сказал Д'Аверк. Он сорвал маску Стервятника и отшвырнул ее.— Она пригодилась мне, но я предпочитаю от нее избавиться, раз уж ты расстался со своей. Черный Камень в твоей голове спутать ни с чем нельзя, так что и у меня нет больше причин маскироваться.— Он ухмыльнулся.— Я ведь говорил тебе, Трагическое Тысячелетие произвело на свет уродливых созданий, друг Хокмун.

— Охотно верю тебе,— улыбнулся Хокмун.— Пойдем, нам лучше подыскать себе местечко для лагеря. Тозер отметил на этой карте безопасное место. Вытащи-ка ее, и попробуем разобраться при звездном свете.

Д'Аверк сунул руку в карман куртки, и вдруг лицо его исказилось.

— Ох, Хокмун, не так уж нам и везет!

— Что случилось, друг мой?

— В той части куртки, что оторвало это чудовище, был карман, а в кармане — карта, которую дал Тозер. Мы заблудимся, Хокмун!

Хокмун выругался, вложил меч в ножны и нахмурился.

— Ничего не поделаешь,— сказал он,— придется нам выследить этого зверя. Он был слегка ранен и, возможно, оставил кровавую дорожку. Возможно, он просто бросил карту по дороге в свое логово. Надеюсь, нам не придется следовать в его нору и там искать средство, как достать нашу карту!

— А стоит ли? — в свою очередь нахмурился Д'Аверк.— Разве мы не сможем вспомнить, куда идти?

— Вряд ли. Пойдем, Д'Аверк.

Хокмун начал карабкаться на скалу в том направлении, куда исчезло странное создание. Д'Аверк неохотно последовал за ним.

К счастью для них, небо было ясное и ярко светила луна, так что Хокмун мог разглядеть пятна на камне, которые не могли быть ничем иным, как кровью. Дальше он заметил еще несколько подобных пятен.

— Сюда, Д'Аверк,— позвал Хокмун.

Его друг вздохнул, пожал плечами и пошел вперед.

Поиски продолжались до зари, пока Хокмун окончательно не потерял след. Он выпрямился и покачал головой. Они высоко взобрались по горному склону и хорошо видели две долины, что расстилались внизу. Хокмун запустил пальцы в свои светлые волосы и вздохнул.

— Никаких признаков жизни. А я так надеялся.

— Сейчас мы еще в худшем положении, — произнес Д'Аверк, потирая усталые глаза. — Мало того, что карты нет, так мы еще сбились со своего пути.

— Прости, Д'Аверк, я думал, что так будет лучше. — Плечи Хокмуна поникли, потом вдруг лицо его просветлело, и он показал рукой: — Вон там! Я видел, как что-то двигалось. Пойдем.

И он скрылся за краем скалы. Д'Аверк услышал испуганный крик, и наступила тишина.

Он выхватил меч и бросился за своим другом, не понимая, что могло произойти.

А потом он увидел источник удивления Хокмуна. Далеко внизу, в долине, расположился город, весь из металла, со сверкающими поверхностями красного, золотого, оранжевого, голубого и зеленого цветов, с изгибающимися металлическими дорогами и остроконечными металлическими башнями.

Даже отсюда было видно, что город пустынен и медленно разрушается.

Хокмун стоял, глядя на город и указывая на него рукой. Их ночной противник спускался по склону горы и направлялся в город.

— Наверное, он там живет, — предположил Хокмун.

— Мне бы вовсе не хотелось идти за ним, — пробормотал Д'Аверк. — Может, там еще остался ядовитый воздух, от которого спадает с лица кожа и начинается рвота перед смертью.

— Отравленного воздуха больше не существует, Д'Аверк, и ты это знаешь. Он может держаться совсем недолго, а потом исчезает. А здесь, похоже, его и вовсе не было целые столетия.

Хокмун начал упрямо спускаться с горы в погоне за врагом, который все еще сжимал в руке карман с картой Тозера.

— Ох, ну ладно! — простонал Д'Аверк. — Помирать, так вместе. Он стал спускаться вслед за своим другом.

— Ты — дикий и нетерпеливый человек, герцог фон Кельн!

Из-под их ног срывались мелкие камешки. Существо, которое они преследовали, явно заторопилось. Хокмун и Д'Аверк, непривычные к такому лазанию по скалам, спустились осторожно, к тому же от сапог Д'Аверка мало что осталось.

Они видели, как зверь вошел в тень металлического города и исчез.

Через некоторое время и они достигли города и с некоторым трепетом посмотрели вверх, на громадные металлические конструкции, которые нависали над ними, отбрасывая вниз угрожающие тени.

Хокмун заметил еще несколько кровавых пятен и начал пробираться вперед между подпорками и балками, щуря глаза в тусклом освещении.

А затем раздался какой-то треск и шипение, какой-то вой... и существо бросилось на него, вцепилось когтями в горло и впивалось

все сильней и сильней. Он почувствовал, как когти рвут его кожу. Он поднял руки и попробовал разжать звериные лапы и почувствовал, как зверь ударил его клювом.

Затем раздался дикий крик, переходящий в хрипение, и когти отпустили его горло.

Еле держась на ногах, Хокмун повернулся и увидел Д'Аверка с мечом в руке, который разглядывал поверженного врага.

— У этого отвратительного создания совсем нет мозгов, — весело произнес Д'Аверк. — Как глупо с его стороны было напасть на тебя, забыв, что я иду сюда.

Он изящно поклонился и поднял кусок своей куртки, который выпал из лапы мертвого существа.

Хокмун вытер кровь с горла. Когти не слишком глубоко проникли под кожу.

— Несчастное существо, — медленно и тихо проговорил он.

— Только без глупостей, Хокмун! Ты знаешь, что меня тревожит, когда ты начинаешь говорить подобным образом. Вспомни, они напали на нас первыми.

— Хотел бы я знать, зачем они это сделали? В этих горах им должно хватать пропитания — тут полно съедобных зверей. Зачем же им понадобились именно мы?

— Либо мы были самым близким для них мясом, — предположил Д'Аверк, осматривая искореженный металл, что окружал их, — либо они научились ненавидеть людей.

Одним изящным движением он вложил меч в ножны и стал пробираться сквозь лес металлических подпорок, которые поддерживали башни и улицы города. Везде валялись отбросы и гниющие останки животных.

— Давай обследуем город, раз мы уже здесь, — сказал Д'Аверк, вскарабкавшись на одну из балок. — Можем остановиться здесь на ночь.

— Этот город здесь помечен, — сверился Хокмун с картой. — Его название — Халапандер. Находится совсем недалеко к востоку от того места, где в своей пещере живет этот загадочный философ.

— Как недалеко?

— Примерно один день пути по этим горам.

— Тогда давай здесь отдохнем и завтра утром отправимся в путь, — предложил Д'Аверк.

На мгновение Хокмун нахмурился. Потом пожал плечами:

— Ну, хорошо.

Он тоже стал взбираться по балкам, пока они не достигли одной из странных изгибающихся металлических улиц.

— Пойдем вон в ту башню, — предложил Д'Аверк.

И они направились по уходящей под уклон улице в башню, которая сверкала на солнце бирюзовым и алым цветами.

Глава 15

ПОКИНУТАЯ ПЕЩЕРА

В основании башни была небольшая дверь, которая валялась внутри башни, будто выбитая ударом гигантского кулака. Переступив порог, Хокмун и Д'Аверк принялись напряженно вглядываться в темноту, пытаясь разглядеть внутренности башни.

— Смотри,— проговорил Хокмун,— лестница или нечто похожее.

Они пробрались через обломки и увидели, что это была не лестница, ведущая наверх, а нечто вроде уходящего вверх подъема, похожего на тот, которым соединяются все дома этого странного города.

— Насколько я могу вспомнить,— сказал Д'Аверк — этот город был построен перед самым Трагическим Тысячелетием и полностью отдан в распоряжение ученых. По-моему, он назывался научно-исследовательским городком. Здесь собирались ученые со всего света. Идея заключалась в том, что новые открытия могут быть сделаны лишь совместными усилиями. Если мне не изменяет память, в легенде говорилось, что здесь было сделано множество странных изобретений, хотя, конечно, большая часть секретов безвозвратно утеряна.

Они шли вверх и вверх, пока подъем не привел их на широкую платформу, полностью закрытую стеклянным колпаком. Большинство стекол треснуло или попросту вылетело. С платформы открывался обзор всего города.

— Несомненно, они использовали ее, чтобы наблюдать за всем происходящим в Халапандере,— заметил Хокмун.

Он огляделся.

Повсюду валялись обломки инструментов, назначения которых он не знал. Сквозь толстый слой пыли, лежавшей на предметах, угадывались какие-то символы, совсем не похожие на буквы современного алфавита.

— Какое-то помещение, откуда можно было контролировать действия остального города.— Д'Аверк поджал губы и мотнул головой.— И ты сам можешь убедиться, насколько это верно. Посмотри, Хокмун.

В город въезжала группа всадников в шлемах-масках и доспехах армии Темной Империи.

— Думаю, это Мелиадус,— сказал Хокмун, постукивая пальцами по рукояти своего меча.— Он не может знать точно, где находится Майган, но он прознал, что Тозер посетил этот город, и с ним наверняка едут следопыты, которые быстро обнаружат пещеру Майгана. Отдохнуть, Д'Аверк, мы сейчас не сможем. Нам надо спешить.

— Ужас.— Д'Аверк кивком головы подтвердил его слова.

Они вышли. Рискуя, что их заметят всадники Темной Империи, они бежали по широким внешним улицам со всей быстротой, на которую были способны.

— Не думаю, что нас заметили,— сказал Д'Аверк, когда они покинули город.

Они стали карабкаться в гору, скользя и спотыкаясь от волнения, стремясь найти старого волшебника раньше Мелиадуса.

Наступила ночь, но они продолжали путь. Они умирали от голода, поскольку ели в последний раз перед тем, как спуститься в долину Лландара, и силы их были на исходе.

Но они все же шли и шли, пока не оказались в долине, отмеченной на карте, как место, где жил волшебник Майган.

— Воины Темной Империи почти наверняка остановились на ночь, — заулыбался вдруг Хокмун. — У нас есть время повидать Майгана, взять его кристаллы и скрыться до их появления.

— Будем надеяться, — скептически заметил Д'Аверк и начал сверяться с картой.

— Там, наверху, — сказал Д'Аверк, — должна быть пещера Майгана, но я ничего похожего не вижу.

— На карте она обозначена в середине склона вот той горы, — сказал Хокмун. — Давай заберемся и взглянем.

Они пересекли долину, перепрыгнув через небольшой чистый ручеек, который вытекал из трещины в скале и уносился вдаль. Здесь всюду виднелись следы пребывания человека, потому что к ручейку была протоптана тропинка, а на берегу стояло деревянное приспособление, которым явно пользовались, чтобы доставать воду.

Они пошли по тропинке, ведущей вверх по склону горы. В самой горе были выбиты отверстия для рук и ног. Казалось, они были сделаны за века до того, как здесь появился Майган.

Друзья стали карабкаться вверх.

Подъем был трудным, но они в конце концов достигли края скалы, где стоял громадный валун. Позади него находилось темное отверстие, вход в пещеру.

Хокмун сделал шаг вперед, намереваясь войти, но Д'Аверк предостерегающе поднял руку.

— Лучше поберегись, — произнес он, вытаскивая из ножен свой меч.

— Старик не может причинить нам вреда, — возразил Хокмун.

— Ты устал, мой друг, и слишком утомлен, иначе понял бы, что старик, обладающий такой мудростью, о которой говорил Тозер, имеет в своем распоряжении средства причинить нам немалый вред. Он не любит людей, говорил нам Тозер, и нет никаких оснований полагать, что он примет нас за друзей.

Хокмун молча согласился с ним, вытащил меч и уж потом шагнул вперед.

Пещера была темной и, по-видимому, в ней никого не было. Но потом они заметили свет в дальнем ее конце. Подойдя ближе, они увидели крутой поворот и оказались во второй пещере, значительно больше первой. В ней находилась масса разнообразных предметов: приборы, похожие на те, что они видели в Халапандере, пара глиняных горшков, посуда, химические препараты и многое другое. Источник света находился в шаре, расположенном в центре пещеры.

— Майган! — позвал Д'Аверк, но ответа не было.

Они обыскали всю пещеру, думая, что в ней может быть еще один проход в следующую, но ничего не нашли.

— Он ушел! — в отчаянии воскликнул Хокмун, нервно потирая Черный Камень на своей голове. — Ушел, Д'Аверк, и кто знает, куда. Может, после визита Тозера он решил, что теперь ему небезопасно оставаться здесь, и ушел жить в другое место?

— Не думаю, — отрезвил его Д'Аверк. — Наверняка он бы забрал с собой все свое имущество, разве не так?

Он огляделся, осматривая пещеру.

— А в этой постели кто-то совсем недавно спал. Нигде нет пыли. Возможно, Майган направился по каким-то своим делам и скоро вернется. Мы должны обождать его здесь.

— А что нам делать с Мелиадусом? Если, конечно, это был он.

— Нам остается лишь надеяться, что ему понадобится много времени, чтобы узнать обо всех передвижениях Тозера и найти эту пещеру.

— Если он настроен так воинственно, как тебе говорила Флана, тогда он не заставит себя ждать, — произнес Хокмун.

Он подошел к широкой скамье, где стояли различные мясные блюда, овощи и травы, и жадно начал поглощать пищу. Д'Аверк последовал его примеру.

— Мы подождем его здесь и заодно отдохнем, — сказал Д'Аверк. — Это единственное, что нам остается, друг мой.

Прошел день и следующая ночь, но старик не возвращался. С каждым часом Хокмун нервничал все больше.

— А если его схватили? Предположим, Мелиадус наткнулся на него в горах?

— Если бы такое произошло, Мелиадус неизбежно приволок бы его сюда, и мы бы заслужили признательность старика, освободив его из рук солдат Темной Империи, — с нарочитой твердостью отбивался Д'Аверк.

— Если не ошибаюсь, мы с тобой видели двадцать человек, вооруженных копьями. Победить столько мы не сможем, Д'Аверк!

— Ты в плохом настроении, Хокмун. Раньше мы с тобой побеждали и не такое количество!

— Да, — согласился Хокмун, но было видно, что путешествие изрядно утомило его.

Возможно, и обман при дворе Короля Гуона дался ему не так легко, как Д'Аверку, для которого подобные ситуации были родной стихией.

Наконец Хокмун не выдержал нервного напряжения и вышел через первую пещеру на край скалы. Казалось, что-то просто потянуло его, потому что он посмотрел вниз и увидел их.

Теперь они уже были достаточно близко, чтобы можно было разглядеть детали. Сомнений больше не было.

Во главе отряда действительно ехал Мелиадус. Его узорная волчья маска свирепо блеснула, когда он поднимался наверх, и он увидел Хокмуна в тот момент, когда тот смотрел вниз.

Громкий, ревуший голос эхом прокатился по горам. Это был голос, полный ярости и восторга, голос волка, учуявшего свою добычу.

— Хокмун! — завопил Мелиадус. — Хокмун!

Он спрыгнул с седла и начал резво карабкаться на скалу.

— Хокмун!

Позади него двигались хорошо вооруженные воины. Хокмун понимал, что шансов победить всех Волков весьма мало. Он повернулся и крикнул Д'Аверку:

— Д'Аверк, здесь Мелиадус! Скорее, он поймает нас в этих пещерах, как в капкане! Нам надо забраться на вершину горы!

Из пещеры выбежал Д'Аверк, на ходу пристегивая пояс с мечом, на секунду задумался, потом согласно кивнул.

Хокмун побежал по склону горы, выискивая опоры для рук, чтобы подняться выше. Одно из копий ударилось в камень совсем близко от его руки, другое — у его ног, но он продолжал карабкаться вверх. Может быть, на вершине горы им удастся выстоять.

— Хооооокмууун! — эхом пронесся вопль мстительного Мелиадуса. — Хооооокмууун!

Хокмун продолжал взбираться наверх, стирая руки о камень, ранив ноги, но не останавливаясь, рискуя всем, только чтобы достичь вершины. Д'Аверк не отставал от него ни на шаг.

Когда наконец они достигли вершины, то увидели расстилающееся перед ними горное плато. Если бы только они попробовали пересечь его, копеносцы, без сомнения, нагнали и убили бы их.

— Сейчас, — утрумо выдохнул Хокмун. — Мы будем драться.

— Наконец-то, — ухмыльнулся Д'Аверк, — а то я думал, ты совсем потерял голову, друг мой.

Они взглянули вниз и увидели, что Мелиадус уже добрался до валуна, прикрывающего вход в пещеру, и ринулся внутрь, послав своих воинов догонять ненавистных ему врагов. Несомненно, он рассчитывал обнаружить в пещере и остальных: Оладана, графа Брасса, а возможно, и Ййссельду, которую, о чем Хокмун знал, барон любил очень сильно.

Скоро воины-Волки добрались до края скалы, и Хокмун ударил первого из них ногой в шлем. Воин, однако, не упал, а обхватил ногу Хокмуна, явно пытаясь при его помощи взобраться наверх или, на худой конец, свалиться вниз вместе с Хокмуном.

Д'Аверк быстро прыгнул вперед и вонзил меч в плечо воина. Тот застонал, отпустил ногу Хокмуна, попытался ухватиться за камень на краю скалы, но промахнулся и полетел вниз, раскинув руки и издавая протяжный крик, который долго висел в воздухе, пока воин не рухнул на дно долины.

На край скалы уже взбирались остальные воины. Д'Аверк мощно атаковал одного из них, а на долю Хокмуна досталось двое.

Они бились по всему узкому краю площадки скалы, а долина лежала в сотнях футов внизу.

Хокмун убил одного из своих противников ударом в горло, аккуратно пронзил второму живот, но на него напали еще двое. И так они бились целый час, стараясь удержать своих противников у края скалы, рубясь с теми, кто все-таки забирались.

Затем их окружили со всех сторон и мечи уперлись в их тела, словно гигантские зубы акул, и откуда-то снизу донесся угрожающий голос Мелиадуса:

— Сдавайтесь, господа, или вас изрубят в куски, я обещаю.

Хокмун и Д'Аверк опустили оружие, с безнадежностью поглядев друг на друга.

Оба они очень хорошо знали, что ненависть к ним Мелиадуса безгранична. Он ненавидел их страстной, страшной, сжигающей его самого ненавистью. Сейчас, когда они стали его пленниками в его стране, шансов на побег у них не было.

Мелиадус, казалось, тоже понимал это, потому что сдвинул свою волчью маску и ухмыльнулся.

— Мне неизвестно, как вы попали в Градбретань, Хокмун и Д'Аверк, но я знаю, что вы оба — дураки! Значит, вы тоже искали этого старика? Зачем, хотел бы я знать? У вас уже есть то же, что есть у него.

— Возможно, это не единственное, что мы хотели получить, — ответил Хокмун, стараясь говорить как можно более туманно, потому что, чем меньше Мелиадус знал, тем больше шансов обмануть его у них оставалось.

— Не единственное? Ты хочешь сказать, что у него есть и другие приборы, полезные Империи? Спасибо, что сказал нам, Хокмун. Стариком придется заняться особо.

— Старик ушел, Мелиадус, — не задумываясь, соврал Д'Аверк. — Мы предупредили его, что сюда можешь прийти ты.

— Ушел? Вот как? Я в этом не уверен. Но если это так, то ты, конечно, знаешь, куда он ушел, сэр Юиллам.

— Ничуть, — ответил Д'Аверк, в бешенстве глядя на воинов, которые связывали его и Хокмуна.

— Это мы увидим, — вновь усмехнулся Мелиадус. — Я очень ценю, что ты дал мне повод начать пытку, небольшую правда, здесь и сейчас. Это будет еще не месть, а так, развлечение. Позже, когда мы вернемся в мой дворец, можно будет использовать все богатые возможности... К тому времени, наверное, я уже буду знать тайну путешествия во времени-пространстве.

Для себя же он решил, что таким способом сумеет восстановить свою репутацию в глазах Короля-Императора и получить прощение Гуона за то, что оставил Лондру без его разрешения.

Он протянул руку в перчатке и почти с любовью потрепал по щеке Хокмуна.

— Ах, Хокмун, скоро ты почувствуешь мое наказание, с к о р о...

Хокмун затрясся, потом набрал воздуха и плюнул в волчью маску, которую Мелиадус вновь надвинул.

Мелиадус взвыл от ярости, отшатнулся, рука его непроизвольно поднялась к маске, затем откинулась в сторону и ударила Хокмуна в губы.

— Еще одно мгновение мук тебе за это, Хокмун! А эти мгновения будут длиться веками, я тебе обещаю!

— Я еще должен найти старика,— продолжал, успокоившись, барон.— Подозреваю, что он бродит где-то поблизости. Мы бросим вас в пещеру, проверив, конечно, все узлы, поставим у входа парочку стражников, просто на тот случай, если вам вдруг удастся каким-то чудом избавиться от веревок, и отправимся на его поиски. Тебе больше некуда бежать, Хокмун, и тебе тоже, Д'Аверк. Наконец-то вы принадлежите мне! Вы мои! Обмотайте их всеми веревками, что у нас есть! Охраняйте их хорошенько, потому что они — игрушки Мелиадуса!

Он внимательно смотрел, как их дополнительно связали и втащили в ближайшую пещеру. Около входа Мелиадус поставил трех воинов и стал спускаться с остальными, пребывая в самом отличном настроении.

Теперь уже скоро, думал он, все его враги попадут в его руки, и он при помощи ужасных пыток сможет выведать все секреты. Тогда Король-Император будет знать, что он говорил правду.

А если Король-Император станет думать о нем плохо, какая разница? Планы Мелиадуса предусматривали и такую возможность.

Г л а в а 1 6

МАЙГАН ИЗ ЛЛАНДАРА

Спустилась ночь, и снаружи стало темно. Хокмун и Д'Аверк лежали, крепко связанные в первой пещере.

Хокмун пытался бороться с веревками, но результатом его усилий было лишь вращение глаз и поворот шеи. Д'Аверк пребывал в таком же положении.

— Ну что ж, мой друг, мы были недостаточно осторожны,— произнес Д'Аверк самым веселым тоном, на какой был способен.

— Да,— согласился Хокмун.— Голод и усталость заставляют даже самых мудрых совершать глупости. Нам следует винить лишь самих себя.

— Мы заслуживаем всего, что получили,— с сомнением в голосе продолжал Д'Аверк.— Но наши друзья? Нам надо думать о побеге, Хокмун, сколь невозможным он бы ни казался.

— Да,— вздохнул Хокмун.— Если только Мелиадусу удастся добрать-ся до Замка Брасс... — Его всего передернуло.

Из недавнего разговора со столь выдающимся дворянином Гранбритани он сделал вывод, что барон настроен даже более агрессивно, чем раньше.

Можно было догадываться о том, что послужило для этого причиной.

Произошло ли это потому, что он несколько раз терпел поражение от обитателей Замка Брасс? Не бросило ли тень на его победу в Европе внезапное исчезновение Замка Брасс? Догадаться Хокмун не мог. Он только знал, что его старинный враг был еще более ожесточен, чем обычно. Что он может сделать в столь неуравновешенном состоянии, предугадать было невозможно.

Хокмун чуть повернул голову и нахмурился — ему показалось, что он услышал какой-то шум, донесшийся до него из второй пещеры, правда с того места, где он лежал, почти ничего не было видно.

Он завертел головой еще сильнее, услышал, что звук повторился. Д'Аверк прошептал, не разжимая губ, чтобы не услышали стражники: — Могу поклясться, что там кто-то есть...

Потом на них упала тень, и они увидели лицо глубокого старика, которое казалось вырезанным из камня. Его белые, как лунь, волосы придавали его фигуре сходство со львом.

Старик нахмурился, оглядывая связанных людей. Он поджал губы и взглянул на спины трех стражников, стоявших у входа, потом снова перевел взгляд на Хокмуна и Д'Аверка. Он не произнес ни слова, просто скрестил руки на груди. Хокмун заметил, что его пальцы были унизаны перстнями с хрусталем. Кольца были даже на больших пальцах, и лишь мизинец левой руки оставался свободным. Вне всякого сомнения, это был Майган из Лландара. Но как он проник в пещеру?

Каким-то потайным ходом?

В отчаянии Хокмун посмотрел на него, беззвучно шепча мольбу о помощи.

Старик улыбнулся и чуть наклонился вперед, чтобы можно было расслышать, что шепчет Хокмун.

— Прошу тебя, сэр, если ты — Майган из Лландара, то знай, что мы — твои друзья и пленники твоих врагов.

— А откуда мне знать, что ты говоришь правду? — спросил Майган тоже шепотом.

Один из стражников пошевелился и начал поворачиваться, несомненно что-то почувствовав. Майган отпрянул в дальнюю пещеру, стражник фыркнул:

— Что это вы там шепчетесь? Обсуждаете, что с вами сделает барон? А? Ты даже представить себе не можешь, какие развлечения он придумал для тебя, Хокмун.

Хокмун промолчал.

Когда стражник снова отвернулся, Майган, усмехаясь, подошел и наклонился над пленниками.

— Так ты — Хокмун?

— Ты слышал обо мне?

— Немного. Если ты — Хокмун, то, возможно, говоришь правду, потому что, хотя я и из Гранбретани, у меня нет особой любви к лордам, что правят в Лондре. Но откуда ты знаешь, кто мои враги?

— Барон Мелиадус из Кройдена узнал о твоём секрете, который ты сообщил Тозеру, когда он совсем недавно гостил у тебя.

— Гостил? Он вытянул из меня этот секрет, стянул одно из колец, пока я спал, и воспользовался им, чтобы скрыться. Насколько я могу догадываться, ему было необходимо помириться со своими господами из Лондры.

— Ты прав, Тозер рассказал им о своей новообретенной силе, утверждая, что это — сила мысли, продемонстрировал то, что мог, и оказался в Камарге.

— Вне всякого сомнения, абсолютно случайно. Он понятия не имел, как правильно пользоваться кольцом.

— И мы тоже так поняли.

— Я верю тебе, Хокмун, и боюсь этого Мелиадуса.

— Ты освободишь нас, чтобы мы смогли убежать отсюда и защитить тебя от него?

Старик исчез из поля зрения Хокмуна, пробормотав:

— Сомневаюсь, что мне нужна ваша защита.

— Интересно, что он задумал? — произнес Д'Аверк, который до этого намеренно хранил молчание.

Майган появился вновь с длинным ножом в руке. Он принялся резать веревки, стягивающие Хокмуна, пока герцог фон Кельн не оказался в состоянии распутать их, продолжая осторожно наблюдать за поведением стражников у входа.

— Дай мне нож, — шепнул он и, взяв нож из рук Майгана, принялся освобождать Д'Аверка.

Они услышали голоса, доносящиеся снаружи.

— Барон Мелиадус возвращается, — произнес один из стражников. — По-моему, он в неважном настроении.

Хокмун бросил взволнованный взгляд на Д'Аверка, и они мгновенно оказались на ногах.

Один из стражников повернулся и от удивления вскрикнул. Друзья бросились вперед. Хокмун не дал стражнику даже выхватить меч. Рука Д'Аверка обвила горло стражника и выхватила меч из его руки. Острое лезвие поднялось и опустилось раньше, чем стражник успел вскрикнуть.

Хокмун швырнул своего противника на землю, уперся ногой в его живот, вытащил кинжал, прикрепленный к его поясу, откинул маску и убил врага ударом в горло. Тем временем Д'Аверк, избавившись от своего противника, стоял над его трупом, переводя дыхание.

Из темноты пещеры их окликнул Майган.

— Я вижу, у вас на пальцах такие же хрустальные кольца, как у меня. Знаете ли вы, как ими пользоваться?

— Мы знаем лишь, как вернуться в Камарг! Поворот налево...

— Да? Ну, хорошо, Хокмун, я помогу тебе. Ты должен повернуть кольцо сначала направо, потом налево. Прodelай это шесть раз, а затем...

Громадный силуэт Мелиадуса появился у входа в пещеру.

— Ох, Хокмун, ты все еще пытаешься скрыться от меня! И старик! Хватайте их скорее!

Оставшиеся в живых воины Мелиадуса начали врываться в пещеру. Отчаянно защищаясь, Хокмун и Д'Аверк отступили.

— Незнакомцы, назад! — в ярости закричал Майган и рванулся вперед, подняв над головой свой длинный нож.

— Нет! — вскричал Хокмун. — Биться должны мы! Майган, отойди в сторону! Ты беззащитен перед такими, как он!

Но Майган не последовал его совету. Хокмун попытался оттащить его, но увидел, как старик рухнул под ударами меча.

В пещере царила полная неразбериха. Визг стали перемежался с яростными криками дерущихся.

Хокмун оттащил раненого Майгана во вторую пещеру, отражая удары, которые сыпались на них обоих.

Неожиданно он очутился перед самим Мелиадусом, который держал меч обеими руками. Хокмун ощутил какой-то укол в плечо, и рукав его стал пропитываться кровью. Он парировал второй удар, затем сделал выпад и ранил Мелиадуса в руку.

Барон застонал и попятился.

— Давай, Д'Аверк! — выкрикнул Хокмун. — Поворачивай кольцо! Это наша единственная надежда на спасение!

Д'Аверк стал возиться с кольцами. Мелиадус яростно взвыл и вновь пошел на него. Хокмун поднял меч, чтобы защитить друга. И вдруг Мелиадус исчез. Исчезла пещера. Хокмун стоял один на плоской равнине которая простиралась во все стороны. Был полдень, судя по тому, что гигантское солнце висело на небе. Равнина напоминала торфяную, она слегка пружинила под ногами, и от нее пахло весной.

Где он оказался? Значит, Майган обманул его? Где он сам и где Д'Аверк?

Внезапно на равнине начала прорезаться фигура Майгана из Лландара. Он лежал на земле, зажимая рукой самую опасную из своих ран. Из других текла кровь. Его лицо было искажено от боли. Хокмун спрятал в ножны свой меч и бросился к старику.

— Майган...

— А, Хокмун... Боюсь, я умираю. Но по крайней мере, я повлиял на твою судьбу. Рунный Посох...

— Мою судьбу? Что ты хочешь сказать? При чем здесь Рунный Посох? Я так много слышал об этом загадочном предмете, но ни один человек не сказал мне, почему все это должно меня касаться...

— Когда придет время, ты узнаешь. А сейчас...

Внезапно перед ними возник Д'Аверк, в крайнем изумлении оглядываясь кругом.

— Смотри-ка, сработало! Клянусь Рунным Посохом! А я уж думал, нам больше не выкрутиться.

— Ты... ты должен найти... — Майган начал кашлять.

Кровь появилась из его рта, заливая подбородок.

Хокмун приподнял голову старика.

— Не пытайся говорить, Майган. Ты тяжело ранен. Может, когда мы вернемся в Замок Брасс...

— Вы не можете, — покачал головой Майган.

— Не можем? Но почему? Кольца прекрасно перенесли нас сюда. Поворот налево...

— Нет. После того как вы использовали кольца подобным образом, их надо переставить перед следующим употреблением.

— Как?

— Этого я не скажу!

— Не скажешь? Ты хочешь сказать — не знаешь?

— Нет. В мои намерения входило перенести вас на эту землю, где ты должен выполнить то, что уготовила тебе судьба. Ты должен найти... О-о-о, какая боль!

— Ты нас обманул, старик, — вмешался Д'Аверк. — Ты просто хотел, чтобы мы помогли тебе в каких-то собственных планах. Но ты умираешь! Мы не можем тебе сейчас помочь. Скажи нам, как вернуться в Замок Брасс, и мы добудем какого-нибудь врача, который попытается спасти тебя.

— Вы оказались здесь не из-за моего эгоистического каприза и не ради каких-либо моих целей. Я путешествовал всюду, бывал во многих местах и многих эрах при помощи колец. Я знаю историю. Я много знаю. Я знаю, чему ты служишь, Хокмун, я знаю, что наступило время тебе присутствовать здесь.

— Где? — в отчаянии спросил Хокмун. — В какое время ты нас перенес? Как называется эта земля? Насколько я вижу, здесь вообще ничего нет, кроме этой плоской равнины.

Но Майган стал снова кашлять кровью и по всему было видно, что конец его близок.

— Возьмите мои кольца, — произнес он, тяжело дыша. — Они могут вам пригодиться. Но сначала найдите Нарлин и Меч Зари — это к югу отсюда. Когда дело будет сделано, поверните на север и ищите город Дмарг и... Рунный Посох.

Он опять закашлялся, все его тело сотрясла судорога, затем он вытянулся на земле и умер.

Хокмун взглянул на Д'Аверка.

— Рунный Посох? Неужели мы в Азиакоммуниста, где, по слухам, находится этот предмет?

— Это было бы достаточно смешно, если вспомнить наш обман, — сказал Д'Аверк, прижимая платок к ране на ноге. — Возможно, мы именно туда и попали. Мне все равно. Мы далеко от этого дурацкого Мелиадуса

и кровожадной банды. Солнышко светит. Тепло. Если позабыть о наших пустячных ранах, мы легко отделались.

Оглядевшись вокруг, Хокмун вздохнул.

— Как раз в этом я не уверен. Если эксперимент Тарагорма увенчается успехом, они найдут способ добраться до Камарга. Я предпочел бы быть там, а не здесь.— Он задумчиво повертел кольцо на пальце.— Хотел бы я знать...

Д'Аверк протянул руку в предупреждающем жесте:

— Нет, Хокмун, не надо пробовать. Я склонен верить старику. Кроме того, он неплохо к тебе относился. И наверняка не желал тебе ничего плохого. Возможно, он и хотел рассказать, где мы оказались, дать более точные указания, как добраться до нужных мест. Если мы попытаемся вертеть кольца сейчас, то неизвестно, где, в конечном итоге, сможем очутиться, может, даже в той пещере, где остался Мелиадус.

— Может быть, ты прав,— согласился Хокмун.— Но что нам делать сейчас, Д'Аверк?

— Прежде всего надо снять кольца, как сказал нам Майган. Затем мы отправимся на юг, в это место... как он его назвал?

— Нарлин. Это может быть не место, а имя человека или какой-то неизвестный предмет. Идем.

Он наклонился над трупом Майгана из Лландара и принялся снимать перстни с его пальцев.

— Из того, что я видел в его пещере, я почти уверен, что он нашел эти кольца в мертвом городе Халапандере. По крайней мере, все оборудование его жилища — оттуда. Должно быть, это одно из изобретений ученых, сделанное как раз перед наступлением Трагического Тысячелетия.

Но Хокмун почти не слышал своего друга. Он пристально всматривался вдаль.

— Смотри! — неожиданно произнес он.

Дул легкий ветерок. Далеко по равнине катилось что-то большое и яркое, и оттуда вылетали молнии.

Подобно Дориану Хокмуну, делу Рунного Посоха служил Майган из Лландара; правда, в отличие от герцога, его действиями не руководил слепой случай. Йельский колдун перенес Хокмуна в необычную пустынную страну, сообщив ему, что исполняет волю Рунного Посоха, так много судеб передлелось — Камарга и Гранбредани, Азиакоммуниста и Амарека; Хокмуна и Д'Аверка, Д'Аверка и Фланы, Фланы и Мелиадуса, Мелиадуса и Короля Гуона, Короля Гуона и Шенегара Тротта, Шенегара Тротта и Хокмуна... Множество судеб слились, чтобы служить делу Рунного Посоха — делу, которое началось в тот момент, когда Мелиадус поклялся Рунным Посохом отомстить обитателям Замка Брасс и тем самым предопределил дальнейший ход событий. Парадоксы и насмешки судеб, встречающиеся тут и там в ткани истории, становились все яснее для тех, чьи судьбы вплелись в ее узор. И пока Хокмун недоумевал, в каком месте и времени он оказался, ученые Короля Гуона создали более мощные военные машины, которые помогали силам Темной Империи еще быстрее шагать по планете, окрашивая ее в цвет крови...

Из истории «Рунного Посоха»

Г л а в а 1 З Е Н А К - Т Е Н Г

Хокмун и Д'Аверк смотрели на приближавшийся странный предмет, потом усталым движением вытащили мечи из ножен. Висевшие на них лохмотья были покрыты кровью, бледные лица измучены тяготами последнего сражения, а в глазах было мало надежды.

— Ах, как пригодилась бы мне сейчас волшебная сила амулета,— горько произнес Хокмун, вспомнив о своем Красном Амулете, который он по совету Рыцаря оставил в Замке Брасс.

— Лично мне пригодилась бы самая обычная энергия простого смертного после хорошего отдыха,— улыбнулся Д'Аверк.— Как бы то ни было, нам придется сделать все, что в наших силах, герцог Дориан.

Он выпрямился и расправил плечи.

Гремящая сфера подъезжала все ближе, ударяясь о торфяной грунт. С воющим звуком она стала останавливаться и замерла неподалеку от них.

Затем что-то зажужжало, и в центре ее появилась щель, которая становилась все шире, казалось, что она сейчас расколется пополам. Из щели появился белый дым, который облаком стал спускаться на землю.

Постепенно облако начало рассеиваться, сквозь его пелену все четче вырисовывалась высокая фигура человека, хорошо сложенного, с длинными светлыми волосами, скотатыми серебряной пряжкой. Тело у него было бронзового цвета. Он был одет в короткую юбку светло-коричневого цвета с разрезом. Казалось, у человека не было никакого оружия.

Хокмун устало посмотрел на него.

— Кто ты? — спросил он. — Что ты хочешь?

Человек, появившийся из сферы, улыбнулся.

— Этот вопрос мне следует задать вам, — ответил он со странным акцентом. — Я вижу, вы принимали участие в битве и один из ваших товарищей мертв. Он кажется мне слишком старым, чтобы быть воином.

— Кто ты? — снова спросил Хокмун.

— А ты упрям, воин. Я — Зенак-Тенг из семьи Тенга. Скажи мне, с кем вы здесь бились? С Чарки?

— Это имя ничего мне не говорит. Здесь мы ни с кем не бились, — вступил Д'Аверк. — Я могу сказать, что мы путешественники. Наши противники находятся далеко отсюда. Мы пришли сюда, спасаясь от них...

— Но ваши раны выглядят совсем свежими. Вы не откажетесь сопроводить меня обратно в Тенг-Кампи?

— Это твой город?

— У нас нет городов. Присоединяйтесь ко мне. Мы можем помочь вам перевязать ваши раны, может быть, даже и оживить вашего друга.

— Невозможно! Он же мертв.

— Мы часто можем оживить мертвых, — спокойно ответил Зенак-Тенг. — Так вы поедете со мной?

— Почему бы и нет? — пожал плечами Хокмун.

Он и Д'Аверк подняли тело мертвого Майгана и направились к сфере. Зенак-Тенг шел впереди.

Они увидели, что внутри сферы находится нечто вроде кабины, где с удобством могли разместиться несколько человек. Несомненно, это был привычный способ передвижения для обитателей этой земли, потому что Зенак-Тенг даже не показал им как сесть поудобнее.

Он нажал какую-то кнопку на панели управления, и щель стала закрываться. Сфера с бешеной скоростью понеслась по мягкому торфу, так что окружающий пейзаж был почти не виден, сливаясь в одно пятно. Равнина простиралась без конца и без края. Не было видно ни деревьев, ни холмов, ни рек.

Зенак-Тенг не отрывал взгляда от какого-то прибора, который, вероятно, позволял ему видеть, в каком направлении они мчатся. Обе руки его лежали на рычаге, с помощью которого он, несомненно, управлял страннным экипажем.

Один раз они проскочили мимо группы движущихся предметов, но они были слишком далеко, чтобы можно было разглядеть их сквозь тусклые стены сферы. Хокмун показал на них рукой.

— Чарки,— ответил Зенак-Тенг.— Если повезет, они на нас не упадут.

Предметы были серого цвета, похожие на темный камень, со множеством ног и щупалец. Хокмун не мог решить, были ли они живыми существами, машинами или ни тем, ни другим.

Прошел час, и, наконец, сфера начала замедлять свой бег.

— Мы приближаемся к Тенг-Кампу,— сообщил Зенак-Тенг.

Чуть погодя сфера остановилась, бронзовый человек облегченно вздохнул.

— Отлично,— сказал он.— Я выяснил то, что было надо. Чарки питаются в юго-западном направлении и не подойдут слишком близко к Тенг-Кампу.

Он дотронулся до рычажка, и, покачнувшись, сфера стала опускаться на землю.

Земля, казалось, разверзлась и затем поглотила их. Сфера опустилась еще немного, потом остановилась. Неожиданно вспыхнул яркий свет, и они увидели, что находятся в небольшом подземном помещении, где сфера еле умещалась.

Они вышли из аппарата, неся Майгана, прошли в дверь и оказались в другой комнате, где находились люди, одетые так же, как Зенак-Тенг.

— Кто такие Чарки? — спросил Д'Аверк, морщась от боли, которую начали причинять ему его раны.

— Чарки — наши враги, созданные для уничтожения человеческой жизни. Они высасывают энергию из спрятанных Кампов нашего народа. А теперь пойдете сюда.

Они прошли в небольшую кабину, которая начала медленно вращаться. Хокмун и Д'Аверк прислонились к ее стенкам, ощущая головокружение, но их мучения скоро закончились. Зенак-Тенг провел их в устланную богатыми коврами комнату с множеством удобной и приятной на вид мебели.

— Это мои покои,— сказал он.— Сейчас я пойду за врачами моей семьи, которые, возможно, помогут вашему другу. Извините меня.

С этими словами он вышел в другое помещение.

Через какое-то время он вернулся, улыбаясь.

— Мои братья скоро придут.

— Надеюсь, — с дрожью в голосе произнес Д'Аверк.— Мне никогда не нравилось общество трупов...

— Пойдемте в другую комнату — там вы можете перекусить.

Они оставили тело Майгана на полу и перешли в соседнюю комнату, где на столе были приготовлены еда и питье.

Следуя примеру Зенак-Тенга, они уселись на подушки и набросились на пищу. Она была превосходна, и они сами не заметили, как уничтожили почти все, что было на столе.

Пока они ели, в комнату вошли двое, похожие лицом на Зенак-Тенга.

— Слишком поздно, — проговорил один из них. — Мне очень жаль, но мы не можем оживить вашего старика. Раны... прошло столько времени.

Зенак-Тенг с извиняющимся выражением посмотрел на Хокмуна и Д'Аверка.

— Боюсь, вы навсегда потеряли своего товарища.

— Тогда, быть может, вы похороните его подобающим образом? — почти с облегчением спросил Хокмун.

— Ну, конечно, мы сделаем все, что необходимо.

Оба врача ушли, примерно на полчаса, и вернулись, когда Хокмун и Д'Аверк заканчивали трапезу. Первый врач представился как Бралан-Тенг, второй — как Полад-Тенг. Оба были братьями Зенак-Тенга и занимались практической медициной. Они осмотрели раны Хокмуна и Д'Аверка и перевязали их. Очень скоро оба почувствовали себя гораздо лучше.

— А теперь расскажите мне, как вы попали на землю Камппов, — сказал Зенак-Тенг. — На нашей равнине редко встретишь незнакомцев — все боятся Чарки. Расскажите мне, что происходит в остальном мире...

— Я думаю, ты не поймешь наш ответ на свой вопрос, — ответил Хокмун. — Не думаю, что мы сможем и рассказать тебе о том, что происходит в остальном мире...

И он постарался объяснить так хорошо, насколько мог, где находится их мир, как они попали сюда. Зенак-Тенг слушал их очень внимательно.

— Да, — сказал он, — ты прав. Я мало что понял из твоих слов. Я никогда не слышал ни о Европе, ни о Гранбретани, и то приспособление, что ты описал, неизвестно нашей науке. Но я верю тебе. Иначе как смог бы ты столь быстро оказаться на земле Камппов?

— Что такое Камппы? — спросил Д'Аверк. — Ты говорил, что это не города.

— Так оно и есть. Это — семейные дома, принадлежащие одному клану. В нашем случае подземный дом принадлежит семье Тенг. Ближайшие семьи — Он, Сек и Ненг. Много лет назад их было значительно больше, неизмеримо больше, но Чарки обнаружили их и уничтожили...

— Так что же, в конце концов, эти Чарки? — спросил Хокмун.

— Чарки — наши старинные враги. Они созданы теми, кто когда-то пытался уничтожить все дома на этой равнине. Этот наш враг полностью

уничтожил самого себя каким-то экспериментом со взрывами, но его создания — Чарки — продолжают блуждать по равнине. В их распоряжении ужасные средства, чтобы уничтожить нас и высосать нашу жизненную силу.

И Зенак-Тенг задрожал.

— Они питаются вашей жизненной силой? — нахмурился Д'Аверк. — Что это значит?

— Жизненная сила — это то, что дает нам жизнь, то, что само есть жизнь... они высасывают ее и обрекают нас на медленную смерть, а мы даже не в состоянии пошевелиться...

Хокмун хотел было задать еще вопрос, но передумал. Разговор на эту тему был явно болезненно неприятен для Зенак-Тенга. Поэтому он задал другой вопрос:

— А что это за равнина? Она не кажется мне естественной.

— Так оно и есть. Когда-то здесь были наши посадочные площадки, потому что мы, Сто семей, были в свое время сильны и могущественны, пока не пришел враг, что создал этих Чарки. Он хотел получить наши приборы и наше могущество для себя. Его звали Сенатор Кенсей. Он привел с востока Чарки с единственной целью — полностью уничтожить наши Семьи. И они их уничтожили за исключением немногих. Но Чарки обнаружат и оставшихся.

— По-моему, вы потеряли всякую надежду. — Тон Д'Аверка был почти обвиняющим.

— Мы просто реально смотрим на жизнь, — без всякого воодушевления отозвался Зенак-Тенг.

— Завтра мы хотели бы отправиться в путь, — сказал Хокмун. — У вас есть карты или что-нибудь в этом роде, чтобы помочь нам добраться до Нарлина?

— У меня есть карта, хотя и довольно грубая. Нарлин был большим торговым городом на побережье. Это было много веков назад. Не знаю, что с ним стало. — Зенак-Тенг поднялся. — Я покажу вам комнату, которую для вас приготовили. Там вы сможете провести ночь, а затем со свежими силами начать ваше долгое путешествие.

Г л а в а 2

ЧАРКИ

Хокмун проснулся от звуков боя. На секунду он подумал, что ему приснилось все происшедшее с ними и что они все еще находятся в пещере и Д'Аверк бьется с Мелиадусом.

Он вскочил с постели и схватился за меч, который лежал на стуле вместе с его одеждой. На соседней постели сидел только что проснувшийся Д'Аверк с изумленным выражением на лице.

Хокмун быстро начал одеваться. Из-за двери доносились крики, бряцание оружия, вой и стоны. Одевшись, они подошли к двери и чуть приоткрыли ее.

Хокмун был поражен. Красивые, бронзовые воины Тенг-Камппа с ожесточением нападали друг на друга и не с мечами, а с топорами, железными прутьями, самым разнообразным набором кухонной утвари и научных приборов вместо настоящего оружия. Лица их были по-зверинному перекошены, на губах пузырилась пена, глаза светились безумием. Казалось, что они все сошли с ума.

По коридору медленно плыл темно-голубой дым, ощущался неприятный запах, незнакомый Хокмуну. Слышались звуки разбиваемого стекла и корещащегося металла.

— Клянусь Рунным Посохом, Д'Аверк! — воскликнул Хокмун. — У меня такое впечатление, что они все сошли с ума!

Внезапно несколько дерущихся нажали на дверь, распахнув ее внутрь, и друзья неожиданно для себя оказались в самой гуще схватки. Но никто не атаковал ни его, ни Д'Аверка. Люди продолжали убивать друг друга, не обращая внимания на двух чужестранцев.

— Идем, — сказал Хокмун и вышел из комнаты, держа в руке меч.

Когда голубой дым попал в его легкие, он закашлялся. Его глаза тоже попали под воздействие дыма. Повсюду царил хаос. Множество трупов валялось по всему коридору.

С большим трудом добрались до двери в покои Зенак-Тенга. Двери были заперты. Хокмун настойчиво постучал рукоятью своего меча.

— Зенак-Тенг, это Хокмун и Д'Аверк. Ты дома?

За дверью послышалось какое-то движение, затем она распахнулась. Зенак-Тенг с глазами, расширенными от ужаса, пригласил их войти, потом торопливо закрыл и запер за ними дверь.

— Чарки, — произнес он. — Наверное, поблизости был еще один отряд. Я не смог выполнить своих обязанностей. Их нападение было неожиданным. Мы обречены!

— Но я никого не вижу! — недоуменно ответил Д'Аверк. — Твои родственники убивают друг друга.

— Да. Именно так Чарки и побеждают нас. Они испускают какие-то мозговые излучения, от которых мы сходим с ума и видим своих врагов в наших ближайших друзьях и родственниках. И пока мы деремся, они входят в Кампп. Скоро они будут здесь...

— Голубой дым, что это такое? — спросил Д'Аверк.

— Чарки здесь ни при чем. Он выходит из наших разбитых генераторов. У нас не осталось энергии, даже если бы мы и захотели сопротивляться.

Откуда-то сверху донесся ужасный шум и треск, сотрясший все помещение.

— Чарки, — прошептал Зенак-Тенг. — Скоро их излучение достигнет меня, даже меня...

— А почему оно не достигло тебя до сих пор? — требовательно спросил Д'Аверк.

— Некоторые из нас обладают большей способностью противостоять им. Вы, очевидно, вообще не подвержены их воздействию. Другие же поддаются быстро.

— Разве мы не можем убежать? — Хокмун огляделся. — Та сфера, на которой мы сюда прибыли...

— Слишком поздно, слишком поздно...

Д'Аверк схватил за плечи Зенак-Тенга:

— Пойдем, будь мужчиной, мы еще успеем уйти, если поторопиться. Ты умеешь управлять сферой.

— Я должен умереть вместе со своей семьей, которую я не сумел защитить.

Вряд ли сейчас было можно узнать в этом человеке с потускневшими глазами того Зенак-Тенга, который встретился им всего сутки назад.

Хокмун принял решение, поднял меч и ударил его рукоятью по голове Зенак-Тенга. Тот свалился на пол.

— Идем, Д'Аверк, — угрожающе проговорил он. — Отнесем его в сферу.

Кашляя все сильнее от сгустившегося голубого дыма, они вышли из комнаты и стали пробираться по коридорам, неся бесчувственное тело Зенак-Тенга к летательному аппарату.

Теперь уже трясся весь коридор, причем так сильно, что они были вынуждены остановиться, чтобы не упасть. А затем...

— Стена! Она рушится! — закричал Д'Аверк, отступая назад. — Быстрой, Хокмун, бежим обратно!

— Мы должны добраться до сферы! — упрямо произнес Хокмун. — Мы должны идти вперед!

Теперь уже начали отваливаться целые куски потолка, и серые создания — Чарки — вползали сквозь трещины в стене в коридор. Они имели длинные щупальца с присосками,двигающимися, как губы при поцелуе.

Испытывая брезгливость, Хокмун ударил ближайшее создание своим мечом. Оно отступило, потом слегка пыхтя, как будто всего лишь раздраженное его поведением, вновь стало приближаться.

На этот раз Хокмун ударил по отростку изо всех сил. С другой стороны комнаты раздался вой и резкое шипение. Создание казалось удивленным, что нечто может противостоять ему. Взмахив Зенак-Тенга на плечо, Хокмун нанес еще один удар по щупальцу, затем перепрыгнул через него и побежал по рушащемуся коридору.

Д'Аверк тоже перепрыгнул через щупальце и помчался вслед Хокмуну. Теперь стена уже рухнула окончательно, и сразу стали видны множество машущих рук, пульсирующая голова и лицо, которое было пародией на человеческое. Оно ухмылялось пустой, идиотской ухмылкой.

— Оно хочет, чтобы мы его приласкали! — мрачно пошутил Д'Аверк, уворачиваясь от тянувшегося к нему щупальца. — Неужели ты разочаруешь его, Хокмун?

Хокмун был занят тем, что торопливо открывал дверь, ведущую в помещение, где находилась сфера. Зенак-Тенг, которого он спустил на пол, принялся стонать, обхватив голову руками.

Хокмун открыл дверь, снова взвалил Зенак-Тенга на плечо и подошел к сфере.

Она была безмолвна и не переливалась разными цветами, но входная щель была открыта. Хокмун вскарабкался по лестнице и бросил Зенак-Тенга на кресло водителя. Д'Аверк не отставал от него ни на шаг.

— Включай свою штуковину, — велел он Зенак-Тенгу, — или нас сожрут эти Чарки.

Он указал мечом на гигантское создание, которое уже почти протиснулось вслед за ними в помещение.

Несколько щупалец проникли в сферу. Одно из них слегка тронуло Зенак-Тенга, и он застонал. Хокмун вскрикнул и рубанул по щупальцу. Оно упало на пол. Но другие уже болтались в воздухе, обхватывая бронзового человека, которому это все было, как казалось, безразлично. Хокмун и Д'Аверк вместе кричали ему, чтобы он привел в действие сферу, отчаянно сражаясь с ищущими щупальцами.

Хокмун вытянул левую руку и схватил Зенака-Тенга за шею.

— Закрой щель, Зенак-Тенг, закрой сферу!

Непроизвольным движением Зенак-Тенг повиновался, нажав на рукоятку, и сфера начала слегка жужжать и сверкать разными красками.

Щупальца пытались сопротивляться и не дать отверстию закрыться. Три из них присосались к Зенак-Тенгу, который застонал и обмяк. И снова Хокмун отрубил щупальца, а сфера наконец закрылась.

Одно за другим щупальца были раздавлены, и Хокмун облегченно вздохнул. Он повернулся к бронзовому человеку:

— Мы свободны!

Но Зенак-Тенг тупо смотрел прямо перед собой, а руки его безжизненно свисали вдоль тела.

— Бесполезно, — медленно произнесли губы, — он забрал мою жизненную силу...

И с этими словами он свалился на пол.

Хокмун наклонился и положил руку ему на грудь, стараясь нащупать сердце. В ужасе он задрожал.

— Он холодный, Д'Аверк! Невыразимо холодный!

— Но он жив?

Хокмун покачал головой.

— Мертв!

Сфера все еще быстро поднималась, и Хокмун смотрел на панель управления с отчаянием, не умея отличить один прибор от другого, не осмеливаясь дотронуться ни до одного рычага.

Хокмун уселся за панель управления и взялся за рычаг, который держал Зенак-Тенг, когда вез их в свой Кампп. Он передвинул рычаг и удовлетворенно отметил, что сфера подчиняется.

— Думаю, что смогу ею управлять, — сообщил он своему другу. — Но как она останавливается или открывается, понятия не имею.

— Пока мы удаляемся от этих чудовищ, меня это не особо волнует, — отозвался Д'Аверк, улыбаясь. — Поверни на юг, Хокмун. Тогда мы хотя бы будем двигаться в том направлении, которое нам нужно.

Хокмун развернул сферу на юг, и они долгое время катили по торфяной равнине, пока вдаль не показался лес.

— Интересно, — сказал Д'Аверк, когда Хокмун указал ему на деревья, — как поведет себя сфера, когда мы доберемся до леса... Она явно не предназначена для подобной дороги.

Г л а в а 3

РЕКА СЭЙВ

Сфера ударилась о деревья, и раздался громкий треск ломаемых веток и скрежет металла. Если бы борта сферы и ее стенки не были хорошо обиты, Д'Аверк и Хокмун скончались бы на месте.

Наконец сфера остановилась, закачалась из стороны в сторону и внезапно развалилась пополам, выбросив Хокмуна и Д'Аверка на землю.

— Ну что ж, — сказал Хокмун. — Мы опять вышли сухими из воды. Вставай, Д'Аверк, нам надо идти вперед. На юг.

— Я считаю, что неплохо бы и отдохнуть, — сказал Д'Аверк, вытягиваясь на траве и глядя вверх на ветви деревьев.

Сквозь них проникал солнечный свет, окрашивая окружающий мир в золотой и изумрудный цвета. Резко пахло березой и елью, а с ближайшего ствола на них глянула белочка. Глаза ее иронично блеснули. Вокруг валялись обломки сферы среди изогнутых корней и палых листьев. Несколько небольших деревьев были вырваны с корнем. Стволы чуть толще — погнулись. Хокмун понял, что им действительно здорово повезло. Только сейчас его начало трясти, это была реакция организма на происшедшие события. Он уселся на траву, отведя взгляд от обломков сферы и от трупов Зенак-Тенга, видневшегося среди них.

Д'Аверк лежал на спине рядом с ним. Из своей разорванной, повидавшей виды куртки он достал туго свернутый кусок пергамента — карту, которую дал им Зенак-Тенг прошлой ночью, прежде чем они отправились спать. Почти все отметки жилищ Камппов были перечеркнуты, показывая, очевидно, что их уничтожили Чарки.

Д'Аверк показал на место в углу карты.

— Здесь. Вот лес, а к северу отсюда помечена река Сэйв. Эта стрелка указывает на юг, в направлении Нарлина. Насколько я понимаю, мы можем попасть в город по реке.

— Тогда давай отправимся к реке, — кивнул Хокмун, — как только отдохнем. Чем скорее мы доберемся до Нарлина, тем лучше, потому что там мы, по крайней мере, узнаем, в каком времени и месте находимся. Нам не повезло, что Чарки напали именно сегодня. Если бы нам удалось расспросить Зенак-Тенга, мы бы давно узнали, куда попали.

Они мирно поспали в лесу час или больше, потом поднялись и направились на север к реке. Кустарник становился все гуще, деревья росли все плотнее, холмы становились все более пологими. К вечеру они страшно устали, настроение у них испортилось, так что они почти не разговаривали.

Хокмун порылся в кошельке, прикрепленном к поясу, и нашел трут. Они шли еще с полчаса, пока не подошли к ручейку, что вливался в небольшое озеро. Рядом с озером была небольшая полянка. Озеро было окружено высокими берегами. Хокмун сказал:

— Тут мы и заночуем, Д'Аверк, поскольку я не в силах идти дальше.

Д'Аверк согласно кивнул и опустился на колени, жадно глотая чистую воду.

— Тут глубоко, — произнес он, поднимаясь и вытирая рот.

Хокмун разжигал огонь и ничего не ответил.

Вскоре огонь разгорелся.

— Может, нам стоит поохотиться? — лениво проговорил Д'Аверк. — Похоже, я проголодался. Ты ничего не знаешь о жизни в лесу, Хокмун?

— Немного, — ответил Хокмун, которому было не до шуток. — Но я не голоден, Д'Аверк.

С этими словами он улегся на землю и заснул.

Ночь была холодной. Хокмун проснулся от ужасного, дикого крика Д'Аверка. Хокмун мгновенно вскочил на ноги, уставившись в направлении, указываемом Д'Аверком, и выхватив меч из ножен. Он тоже вскрикнул, ужаснувшись тому, что увидел.

Из вод озера поднималось чудовище — рептилия со сверкающими черными глазами и чешуей, черной, как сама ночь. С боков чудовища стекала вода. Его пасть, широко раскрытая, демонстрировала белые огромные зубы. С громким шлепающим звуком выбралось оно из воды и двинулось на них.

Хокмун попятился, ощущая себя никчемным карликом в сравнении с этим чудовищем. Голова рептилии моталась вверх-вниз, зубищи клацнули подле самого лица Хокмуна, гниlostное дыхание зверя почти душило его.

— Беги, Хокмун, беги! — крикнул Д'Аверк, и они вместе что было сил рванулись к лесу.

Но чудовище уже вылезло из воды и бросилось за ними в погоню. Из горла его вырвался ужасный квакающий звук. Хокмун и Д'Аверк,

держась за руки, чтобы не потеряться, почти ничего не различая, мчались во тьме.

Вновь раздался квакающий звук, и на сей раз длинный, мягкий язык, свистнув, словно кнут, обхватил Д'Аверка вокруг пояса.

Д'Аверк закричал и ударил по языку мечом. Хокмун тоже нанес мечом удар по корпусу чудовища. Однако язык неумолимо продолжал тащить Д'Аверка к разверстой пасти. Хокмун понял, что бесполезно пытаться спасти Д'Аверка таким способом. Он отпрыгнул в сторону, затем взял свой меч и изо всех сил опустил на толстый черный язык. Ткань языка стала медленно расходиться, и оттуда хлынула дурно пахнущая кровь. Прозвучал дикий вопль, и чудовище завертелось на месте, ломая и круша деревья на своем пути. Хокмун схватил Д'Аверка за руку, рывком поднял его и сбросил с его пояса кончик отрубленного языка.

— Спасибо... — Д'Аверк тяжело дышал, но даже в такой ситуации не унывал. — Мне начинает нравиться эта страна, Хокмун, в ней, кажется, еще больше всякой дряни, чем в нашей собственной!

Кряхтя, квакая и вопя от невыносимой боли, чудовище из озера все-таки продолжало их преследовать.

— Оно опять совсем близко! — закричал Хокмун. — Нам не удалось удрать!

Они повернулись, напряженно вглядываясь в темноту. Все, что им удалось увидеть, — это яростно блестящие громадные глаза, нависшие над ними. Хокмун взвесил на руке меч, проверяя, как он сбалансирован.

— У нас только один шанс, — сказал он и метнул меч в глаз чудовища.

Раздался еще один квакающий звук, а потом сверкающие глаза исчезли, и друзья услышали, как чудовище тяжело пробирается обратно к озеру.

Хокмун облегченно перевел дух.

— Я не убил его, но оно, несомненно, решило, что мы — не такая уж легкая добыча, как ему показалось с первого взгляда. Идем скорее, Д'Аверк, давай доберемся до реки. Я хочу уйти из этого леса.

— А с чего ты взял, что на реке нам будет легче? — иронически проговорил Д'Аверк, когда они вновь стали пробираться в направлении реки, ориентируясь по мху, растущему на деревьях.

Через два дня они подошли к опушке леса и остановились на холме, полого спускавшемся в долину, по которой величаво катила свои воды река. Вне всякого сомнения, это и была река Сэйв.

Путники были покрыты грязью, небриты, одежда их окончательно порвалась и давно превратилась в лохмотья. Д'Аверк был по пояс гол. Из оружия у них оставался лишь кинжал Хокмуна и меч Д'Аверка.

Они побежали вниз по холму, спотыкаясь о корни, отводя в сторону ветви, хлеставшие по лицу, не замечая ничего, лишь бы скорее достичь реки. Куда эта река приведет их, они не задумывались, но их единст-

венным желанием было как можно быстрее уйти из леса и от его чудовищных обитателей, которые повстречались им за эти два дня.

С разбега бросились они в воду и принялись с ожесточением соскребать грязь со своих тел, ухмыляясь друг другу.

— Ах, прекрасная вода! — воскликнул Д'Аверк. — Ты ведешь нас к поселениям, городам и цивилизации — по крайней мере, это будет более привычно и более приятно, чем то, что может дать нам лес!

Хокмун улыбнулся, не совсем соглашаясь с шуткой Д'Аверка, но прекрасно понимая его чувства.

— Мы построим плот, — сказал он. — Нам повезло, что река течет на юг. Все, что нам придется сделать, — это довериться течению и приплыть к месту назначения!

— И можно ловить рыбу, Хокмун, готовить вкуснейшие блюда. Я не привык к корням, ягодам и травам, которыми мы кормились в последние дни, бррр!

— Я научу тебя ловить рыбу, Д'Аверк. — Хокмун рассмеялся и хлопнул своего друга по спине...

Г л а в а 4

ВАЛЬОН ИЗ СТАРВЕЛЯ

Через четыре дня они уже проплыли на своем плоту вниз по реке большое расстояние. По берегам расстилались пологие холмы и росли поля дикой пшеницы.

Питались Хокмун и Д'Аверк рыбой, пойманной в реке, пшеницей и фруктами, которые они подбирали по берегам. Они стали чувствовать себя все спокойнее и спокойнее по мере приближения к Нарлину.

Они походили на матросов, потерпевших кораблекрушение, в своем изодранном платье и с густыми бородами, становившимися день ото дня все длинней. В глазах у них уже не было прежнего ужасного выражения голода и усталости, и настроение у них было лучше, чем когда-либо.

На четвертый день в полдень они увидели корабль и, вскочив на ноги, бешено замахали руками, стараясь привлечь внимание людей на корабле.

— Может, это корабль из Нарлина! — закричал Хокмун. — Может быть, они разрешат нам отработать проезд до Нарлина!

У корабля были высокие борта. Он был сделан из богато украшенного дерева. Цвета он был в основном красного, с золотыми, желтыми и голубыми полосками по краям. По конструкции это была двухмачтовая шхуна, но у нее были длинные весла, которые использовались, чтобы идти против течения. На шхуне развевались сотни разноцветных флагов, а люди на корабле носили такие же яркие одежды.

Корабль подошел к плоту. Бородатое лицо через борт уставилось на них:

— Кто вы?

— Путешественники не из этих мест. Можем ли попасть на ваш борт и отработать свой проезд до Нарлина? — спросил Д'Аверк.

— Да, это можно, — засмеялся бородач. — Забирайтесь, господа. — Вниз скинули веревочную лестницу, и Хокмун и Д'Аверк вскарабкались на борт и встали на палубу.

— Это «Речной Ястреб», — сообщил им бородач. — Слышали о таком?

— Я же сказал тебе, что мы не отсюда, — ответил Хокмун.

— Да... Ну что ж, его владелец — Вальон из Старвеля — о нем, я надеюсь, вы слышали?

— Нет, — произнес Д'Аверк, — но мы признательны ему за то, что ради нас он изменил свой курс. — Он улыбнулся. — А теперь, друг мой, скажи, чем мы сможем отработать свой проезд до Нарлина?

— Ну что ж, если у вас нет денег...

— Нет...

— Тогда вам лучше спросить у самого хозяина, что он собирается делать с вами.

Бородач провел их по палубе на корму, где, скучая, стоял человек, даже не поглядевший в их сторону.

— Лорд Вальон... — почтительно произнес бородач.

— В чем дело, Ганах?

— Эти двое, которых вы взяли на борт, говорят, что у них нет денег и что они хотят отработать проезд до Нарлина...

— Что ж, пусть работают, Ганах, если им этого хочется.

Вальон слабо улыбнулся.

— Пусть работают.

Он не взглянул в глаза ни Хокмуну, ни Д'Аверку и продолжал меланхолично смотреть на реку. Махнув рукой, он дал понять, что разговор окончен.

Хокмун почувствовал себя неуютно и огляделся. Команда молча смотрела на них со слабыми улыбками на губах.

— Что за шутки? — спросил он, видя, что, ясно, что-то не в порядке.

— Шутки? — переспросил Ганах. — Никаких шуток. Господа, станете ли вы грести на веслах, чтобы попасть в Нарлин?

— Если в результате этой работы мы попадем туда, — с некоторой неохотой произнес Д'Аверк.

— Вообще-то это грязная работа, — сказал Хокмун, — но если с нашей картой все правильно, то до Нарлина не так уж далеко. Покажи нам, куда идти, друг Ганах.

Ганах повел их по палубе, пока они не дошли до банок, на которых сидели гребцы. Тут Хокмун остановился, пораженный видом гребцов. Все они выглядели чрезвычайно истощенными и неимоверно грязными.

— Я не понимаю, — начал он.

— Скоро поймешь, — засмеялся Ганах.

— Кто эти гребцы? — ужаснувшись, спросил Хокмун.

— Они рабы, господа, и вы тоже сейчас рабы. Никто еще не поднимался на борт «Речного Ястреба» без выгоды для нас, а так как у вас нет денег, мы сделаем вас рабами, которые будут грести на нашем корабле. Вниз!

Д'Аверк выхватил меч, Хокмун — кинжал. Ганак отпрыгнул в сторону, подавая сигнал своей команде.

— Возьмите их, ребята. Научите их новым фокусам, потому что они, кажется, не понимают, что должны делать рабы.

Вдоль банок с гребцами, позади них, карабкались матросы, держа в руках сверкающие сабли, а второй отряд наступал на них спереди.

Д'Аверк и Хокмун приготовились умереть, но не в одиночестве, а прихватив с собой какое-то количество матросов, но над ними появилась фигура и опустила деревянный брус на веревке, который, ударив их несколько раз по голове, сбросил в яму для гребцов.

Человек с дубиной ухмыльнулся и спрыгнул вниз. Ганак засмеялся и хлопнул его по плечу.

— Хорошая работа, Орииндо. Этот трюк — самое лучшее из всего, что у нас есть, и главное, не проливается ни капли крови.

Матросы спрыгнули вниз, отняв у оглушенных людей оружие и привязав их руки к веслам.

Когда Хокмун пришел в себя, они с Д'Аверком сидели бок о бок на жесткой банке, Орииндо сидел на палубе над ними, свесив ноги. Это был мальчик примерно лет шестнадцати. На губах у него застыла насмешливая улыбка.

Он крикнул кому-то наверху:

— Очнулись. Теперь мы можем начать двигаться в Нарлин.

Потом подмигнул Хокмуну и Д'Аверку.

— Начнем, господа. С вашего разрешения, начнем грести.

Казалось, он подражал голосу, который слышал.

— Вам повезло, — добавил он, — мы поворачиваем и поплывем вниз по течению. Ваша первая работа будет легкой.

— Благодарю тебя, молодой человек, — иронически склонился над веслом Хокмун. — Мы ценим твою заботу.

— Я стану давать вам советы и дальше, потому что по натуре я человек добрый, — произнес Орииндо, вскакивая и отправляясь куда-то.

Потом появилось лицо Ганака, он стукнул по плечу Хокмуна острым багром.

— Нажимай сильнее, приятель, или ты почувствуешь на своей спине вот эту штуку.

Ганак исчез. Остальные гребцы принялись за работу, и Хокмуну с Д'Аверком пришлось последовать их примеру. Они гребли большую часть дня, и пот их смешивался с потом других, а ровно в полдень им дали на обед по миске болтушки. От этой работы у них, казалось, развалилась спина, и они представили себе, что значит грести вверх по течению, если

все остальные гребцы шептались о том, как им легко, с облегчением и признательностью.

Ночью они отложили весла и улеглись на жесткие банки не в состоянии даже съесть вторую миску тошнотворной еды, которая была еще хуже предыдущей.

Д'Аверк и Хокмун слишком устали, чтобы разговаривать, но сделали слабую попытку избавиться от привязывающих их веревок. Это оказалось невозможным. Друзья были привязаны крепчайшими морскими уздами.

На следующее утро их разбудил голос Ганака.

— Всем начать грести! Эй вы, ублюдки! Это я вам говорю, господа! Гребите! Гребите! В поле зрения корабль, и если мы его упустим, то вы пострадаете не от моего гнева, а от самого лорда Вальона!

Грязные тела остальных рабов мгновенно встрепнулись от этой угрозы, и Хокмун с Д'Аверком тоже принялись гнуть спины вместе с остальными, разворачивая огромный корабль против течения.

Сверху доносились звуки шагов бегущих матросов, готовивших корабль к битве. Голос Ганака ревел с кормы, отдавая распоряжения и командуя именем своего хозяина, лорда Вальона.

Хокмун думал, что не выдержит и умрет. Слишком тяжело было напряжение работы. Сердце его бешено стучало, а мышцы, казалось, лопнут от напряжения. Он был идеально сложен и очень силен, но эти нагрузки были совершенно непривычны для него. Все его тело заливал пот, волосы прилипли к лицу, а рот был открыт, жадно заглатывая воздух.

— Ох, Хокмун,— едва дыша, простонал Д'Аверк.— Я-не-готовил-себя-к-такой-жизни...

Но Хокмун даже не мог ответить из-за боли в груди и в руках.

Раздался резкий звук, когда один корабль ударился о другой. Ганак взвыл.

— Гребцы! Бросайте весла!

Хокмун и остальные повиновались немедленно и без сил склонились на свои весла, а наверху послышались звуки битвы. Раздавалось бряцание мечей, слышались крики умирающих, но для Хокмуна это все было далеким сном. Он понимал, что если останется гребцом на корабле лорда Вальона, то умрет.

Затем он вдруг услышал наверху какой-то вскрик, и на него рухнуло тяжелое тело. Оно извивалось, махало руками и ногами, потом затихло. Это был свирепо выглядевший рыжеволосый матрос. В груди его зияла огромная рана. Он с усилием вдохнул, дернулся всеми частями тела и умер. Из его руки вывалился нож.

Хокмун неожиданно устоял на него, потом в голове у него прояснилось, и он начал соображать. Он вытянул ногу и увидел, что может дотянуться до ножа. Постепенно, со многими остановками он подвинул

его ближе и запихнул под банку. Измученный, он опять опустился на весла.

Тем временем звуки битвы стихли. Хокмун вернулся к действительности, ощутил запах горящего дерева и начал в панике оглядываться, пока не сообразил, в чем дело.

— Это горит другой корабль, — с иронией в голосе заметил Д'Аверк. — Мы на борту пиратской шхуны, друг Хокмун. — Он усмехнулся. — Это вредное занятие, а у меня такое слабое здоровье.

Хокмун довольно самокритично подумал про себя, что Д'Аверк лучше приспособился к ситуации. Он вздохнул и расправил свои плечи, насколько это было возможно.

— У меня есть нож, — начал было он шепотом.

— Знаю, — быстро закивал Д'Аверк. — Видел. Быстро ты сообразил, Хокмун. Ты, в конце концов, не так уж плох. Я-то думал, что ты больше ни на что не способен.

— Отдохнем до зари, — ответил Хокмун, — а потом убежим.

— Хорошо, — согласился Д'Аверк. — Надо поберечь наши силы. Крепись, друг Хокмун, скоро мы снова будем свободны.

Всю остальную часть дня они гребли вниз по течению, остановившись лишь в полдень, чтобы съесть миску болтушки. Один раз Ганак спрыгнул вниз и ткнул Хокмуна в плечо багром.

— Ну, друзья мои, еще день, и ваше желание сбудется. Завтра мы пришьвартуемся в Старвеле. Это часть Нарлина — самая лучшая. Город, окруженный стеной, в котором живут принцы реки, из коих лорд Вальон — самый могущественный.

— И все они — пираты? — спросил Д'Аверк.

— Поосторожнее, незнакомец, — нахмурился Ганак. — Это наше право брать то, что находится на реке. Река принадлежит лорду Вальону и другим лордам.

Он выпрямился и отошел. Они гребли до самой ночи, а потом по приказу Ганака остановились. Сегодняшний день показался легче. Тело его и мышцы привыкли к напряженному труду, но он все еще был очень усталым.

— Нам придется спать по очереди, — сказал он Д'Аверку, когда они поглощали свою болтушку. — Сначала ты, потом я.

Д'Аверк кивнул и тут же заснул.

Становилось все холоднее, и Хокмун с трудом удерживался, чтобы не заснуть. Он услышал, как пробили часы в первый раз, потом во второй. С облегчением принялся он расталкивать Д'Аверка. Д'Аверк заворчал, но Хокмун уже заснул, вспоминая слова друга о том, что на заре, если им повезет, они будут свободны. Но самое трудное — оставить корабль незамеченными.

Он проснулся, ощущая в себе странную легкость, и понял, что у него развязаны руки. Настроение у него сразу поднялось. Видимо, Д'Аверк поработал ночью. Уже почти наступила заря.

Он повернулся к другу, тот ухмыльнулся и подмигнул ему.

— Готов? — повернулся Д'Аверк.

— Да, — тяжело вздохнул Хокмун, с завистью поглядев на нож в руке Д'Аверка. — Если бы у меня было оружие, я отплатил бы Ганаку за те мгновения...

— Сейчас на это нет времени, — сказал Д'Аверк. — Мы должны исчезнуть как можно быстрее.

Они осторожно поднялись со своего места и выглянули на палубу.

В дальнем ее конце на часах стоял матрос, а на корме все в той же скучающей позе абстрактного наблюдателя стоял лорд Вальон. Его лицо было повернуто в темноту ночной реки.

Матрос стоял к ним спиной, и Вальон тоже, казалось, не собирался поворачиваться. Они осторожно подтянулись и выбрались на палубу, направляясь к носу шхуны.

Но именно в это мгновение Вальон повернулся и произнес своим замогильным голосом:

— Что это? Побег двух рабов?

Хокмун задрожал. Инстинкт этого человека был необычаен, потому что было ясно, что видеть их он не мог. Его голос, хотя спокойный и глубокий, разнесся по всему кораблю. Часовой повернулся и закричал.

Несколько матросов появилось из нижних палуб, перекрывая им путь с одной стороны. Они резко свернули. Хокмун побежал в направлении кормы и лорда Вальона. Матрос выхватил свой кортик и замахнулся на него. Хокмун нырнул под руку матроса, схватил его за талию и швырнул вверх. Матрос упал на палубу и остался неподвижен. В ту же секунду Хокмунзмахнул длинным кортиком и отрубил ему голову. Затем повернулся и посмотрел на лорда Вальона.

Пират, казалось, был безразличен к тому, что опасность была так близко. Он продолжал глядеть на Хокмуна холодным взглядом.

— Ты — глупец, — медленно сказал он, — потому что я — лорд Вальон.

— А я Дориан Хокмун, герцог фон Кельн! Я боролся и побеждал Лордов Темной Империи, устоял против их самого могущественного колдовства, что может доказать этот камень в моей голове! Я не боюсь тебя, лорд Вальон, презренный пират!

— Тогда бойся их! — прошептал Вальон, указывая костлявым пальцем на что-то позади Хокмуна. Тот быстро обернулся и увидел множество матросов, наступавших на него, и Д'Аверка, вооруженного лишь ножом.

Хокмун бросил ему длинный кортик.

— Задержи их, Д'Аверк! Я расправлюсь с их вожаком!

С этими словами он прыгнул на верхнюю палубу, схватился за рею и перевалился на мостик, где лорд Вальон, вне себя от изумления, отступил на несколько шагов.

Хокмун прыгнул к нему, протягивая руки. Вальон вытащил меч из-под просторного плаща, но не делал попытки напасть, а лишь отступал.

— Раб! — прошептал лорд, и черты лица его исказились презрением. — Раб!

— Я не раб, ты скоро сможешь убедиться в этом!

Хокмун нырнул под меч и попытался ухватиться за странного пиратского капитана. Вальон быстро отступил в сторону, все так же продолжая просто держать свой меч перед собой.

Видимо, нападение Хокмуна было беспрецедентным, потому что Вальон просто не понимал, что ему делать. Ему помешали, вывели из какого-то мрачного трансa. Он посмотрел на Хокмуна так, будто все это ему только снилось.

Хокмун снова прыгнул, избегая вытянутого меча. И вновь Вальон отступил в сторону.

Внизу Д'Аверк, прижавшись спиной к верхней палубе, с трудом сдерживал натиск матросов, которые запрудили узкий проход. Он крикнул Хокмуну:

— Поспеши, друг Хокмун, или скоро меня изрубят на куски!

Хокмун ударил кулаком в лицо Вальона, ощутив, как его кулак попал в холодную сухую плоть, и увидел, как голова лорда откинулась назад, а меч выпал из его руки. Хокмун мгновенно подобрал меч, восхищаясь его легкостью и удобством, потом поднял находящегося в бессознательном состоянии Вальона на ноги и направил меч в его живот.

— Назад, негодяи! — хрипло крикнул он. — Назад, или ваш господин умрет!

Пораженные матросы начали пятиться, оставив три трупа возле ног Д'Аверка. К месту происшествия торопливо бежал Ганак. На нем была лишь юбка, а в руке он держал кортик без ножен. Когда он увидел Хокмуна, челюсть у него отвалилась.

— Д'Аверк, может быть, ты хочешь присоединиться ко мне? — почти весело прокричал Хокмун.

Д'Аверк взобрался на палубу по небольшому трапу, потом перелез на мостик. Он ухмыльнулся Хокмуну.

— Хорошо сработано, друг мой!

— Мы подождем до зари, — крикнул Хокмун, — а потом вы, матросы, направите корабль к берегу. Когда это будет сделано и мы станем свободными, тогда, быть может, мы и отпустим вашего господина живым!

— Ах, ты — глупец, если осмеливаешься так обращаться с лордом Вальоном! — взвыл Ганак. — Разве ты не знаешь, что он — самый могущественный из лордов Старвеля?

— Я ничего не знаю о твоём Старвеле, приятель, но я смотрел в лицо опасности в Гранбритании и смог проникнуть в самое сердце Темной Империи, и я сомневаюсь, что ваши угрозы более страшны, чем те. Страх — это эмоция, которую я редко ощущаю, Ганак. Но запомни — тебе я отомщу, дни твои сочтены!

— Тебе привалило такое счастье, что ты заметно поглупел,— засмеялся Ганак.— Раб! Месть — привилегия лорда Вальона!

Заря уже начала окрашивать горизонт. Хокмун не обратил никакого внимания на слова Ганака, будто не слышал.

Прошла, казалось, целая вечность, пока солнце наконец взошло, позолотив далекие деревья на берегу. Они стояли на якоре весьма близко к левому берегу, неподалеку от небольшой бухточки, которая находилась всего в полумиле от них.

— Прикажи, чтобы гребли, Ганак! — крикнул Хокмун.— К левому берегу!

Ганак пробурчал что-то, но не сделал даже движения, чтобы выполнить приказ.

Рука Хокмуна тут же сжала горло Вальона. Лорд начал приходить в себя. Хокмун вплотную прижал меч к его животу.

— Ганак! Я могу сделать так, что Вальон умрет медленно!

Внезапно из горла лорда-пирата вырвался иронический смешок:

— Умрет медленно... умрет медленно...

Хокмун удивленно уставился на него.

— Да, я знаю, куда нужно направить удар, чтобы ты умирал как можно медленнее и как можно болезненней.

Больше Вальон не произнес ни слова, лишь пассивно стоял.

— Ну, Ганак! — крикнул Д'Аверк,— Не медли!

Ганак глубоко вздохнул.

— Гребцы! — крикнул он и стал отдавать приказания.

Весла закрипели в уключинах, спины гребцов согнулись, корабль медленно направился к берегу реки Сэйв.

Хокмун внимательно наблюдал за Ганакom, опасаясь, что тот постарается как-нибудь обмануть его, но Ганак не двигался с места, только иногда что-то ворчал.

Они подходили все ближе и ближе к берегу, и Хокмун начал успокаиваться. Они почти были на свободе. На суше им легко удастся избежать погони матросов, которые к тому же скорее предпочтут оставаться на корабле.

Вдруг он услышал окрик Д'Аверка и заметил его жест. Взглянув вверх в указанном направлении, Хокмун увидел человека, машущего веревкой над его головой.

Это был Ориндо с неизменной усмешкой на губах и с дубинкой в руках.

Хокмун отпустил Вальона и поднял обе руки вверх, защищаясь от удара. Дубинка тяжело ударила Хокмуна по руке. От удара он попятился. Д'Аверк бросился вперед и обхватил Ориндо за пояс, прижав к бокам обе его руки.

Внезапно освободившийся Вальон опрометью кинулся в свою каюту, издав при этом какой-то бессловесный звук.

Д'Аверк, не выпуская Ориндо, выругался:

— Дважды попасться на одну и ту же удочку! За это мы заслуживаем смерти!

По трапу под предводительством Ганака взбирались воюющие матросы. Хокмун сделал выпад в сторону Ганака, но бородач парировал удар, взмахнув своей саблей и нацелившись в ноги Хокмуна. Тот был вынужден отступить, и Ганак взобрался на мостик и очутился лицом к лицу с ним. На губах его играла свирепая улыбка.

— А сейчас, раб, посмотрим, как ты будешь драться с человеком!

— Не вижу здесь человека, — ответил Хокмун, — лишь какого-то зверя!

И он засмеялся, когда Ганак снова попробовал проткнуть его своей саблей, мгновенно парируя удар великолепным мечом, что он забрал у Вальона.

Они бились, двигаясь по всему мостику, а Д'Аверку удавалось удерживать остальных на узком трапе. Ганак был прекрасным бойцом, но его сабля не шла ни в какое сравнение с изумительным мечом лорда-пирата.

Быстрым выпадом Хокмун ранил Ганака в плечо, чуть откинувшись, когда сабля стукнулась о рукоять меча, чувствуя, что оружие чуть не вылетело из его руки, и вторым выпадом ранил Ганака в левую руку.

Бородач взвыл от боли и в еще большей ярости накинулся на Хокмуна.

И снова выпад, на этот раз Хокмун поразил его правую руку. Кровь тотчас же залила обе загорелые руки бородача. Он вновь кинулся на Хокмуна, но это уже была паника.

Следующим ударом Хокмун пронзил его сердце, чтобы Ганак не мучился более. Острые меча вошло в тело, словно нож в масло, скользнуло по кости, и жизнь оставила Ганака.

Но остальные матросы уже оттеснили Д'Аверка назад и окружили его, размахивая своими кортиками. Хокмун перепрыгнул через труп Ганака и бросился вперед, убив одного ударом в горло, а второго — ударом в сердце. Они даже не успели заметить его появления.

Встав спиной к спине, Хокмун и Д'Аверк сдерживали безумный натиск, но, казалось, долго им не продержаться, потому что количество матросов все увеличивалось.

Вскоре весь мостик был завален трупами, и Хокмун и Д'Аверк, получившие несколько ран кортиками, все продолжали биться. Мельком Хокмун заметил лорда Вальона, который стоял у фокмачты и смотрел на происходящее своими глубоко посаженными холодными глазами, смотрел неотрывно, словно стараясь запомнить лицо Хокмуна на всю жизнь.

Хокмуна передернуло, потом вновь все его внимание переключилось на битву. Кортик плашмя ударил его по голове, и он пошатнулся, тяжело опершись на Д'Аверка, который потерял равновесие. Они свалились на палубу и, продолжая отбивать удары, попытались подняться. Хокмун пронзил одному из матросов живот, второго ударил кулаком в наклонившееся над ним лицо. Потом умудрился подняться на колени.

Вдруг матросы отступили от них, глядя в сторону реки. Хокмун вскочил на ноги, Д'Аверк за ним.

Матросы внимательно вглядывались в еще один корабль, что появился из бухточки. Это тоже была шхуна. Ветерок раздувал ее белые паруса, черный с голубым корпус блестел под лучами восходящего солнца, а по обеим сторонам палубы выстроились вооруженные матросы.

— Вне всякого сомнения, какой-нибудь пират-соперник, — заметил Д'Аверк и, воспользовавшись замешательством, пронзил ближайшего к нему матроса и побежал к трапу, ведущему с мостика.

Хокмун последовал его примеру, и снова принялись они отражать нападение, спиной к спине прижавшись к мачте. Правда, половина матросов побежала к лорду Вальону за приказами.

С другого корабля донеслись какие-то слова, но расстояние было слишком велико, чтобы их можно было разобрать.

Хокмун услышал лишь глубокий голос Вальона, произнесший всего одно слово, но в обычно бесстрастном его голосе явно была слышна ненависть.

Это слово было «Бьючард».

А потом матросы вновь бросились на них, и Хокмун почувствовал, как кортик полоснул его по шее. Он повернулся в сторону своего противника и сделал выпад мечом. Лезвие вошло пирату в рот, проникая еще дальше и дальше, в мозг. Жалости не было места в сердце Хокмуна. Он быстро вытащил меч из тела матроса и пронзил сердце ближайшего к нему врага. Они продолжали биться, черная с голубым шхуна подплывала к ним все ближе.

На мгновение в голове у Хокмуна возник вопрос: друг это или враг? Затем времени на раздумья у него не осталось: горящие жаждой мести матросы толпой ринулись на них, размахивая кортиками.

Г л а в а 5

ПАЛ БЬЮЧАРД

Когда черно-голубой корабль стукнулся о борт их шхуны, Хокмун услышал голос Вальона:

— Оставьте рабов! Отражайте натиск псов Бьючарда!

Пираты Вальона оставили задыхающихся от усталости Д'Аверка и Хокмуна и бросились к борту, через который на палубу «Речного Ястреба» прыгали матросы с черно-голубого корабля. Они были вооружены тяжелыми боевыми топорами и саблями и дрались организованно и с большим искусством.

Хокмун оглянулся, ища взглядом лорда Вальона, но тот исчез, возможно, скрылся на нижних палубах.

— На сегодня мы помахали мечами достаточно,— повернулся Хокмун к Д'Аверку.— Что ты скажешь, друг мой, если мы займемся менее кровавым делом — освободим эти несчастные создания за веслами?

С этими словами он прыгнул с верхней палубы и, наклонившись, начал перерезать узлы, привязывавшие руки рабов к веслам.

Они удивленно глядели на него, не понимая, в чем дело и что здесь вообще делают Д'Аверк и Хокмун.

— Вы свободны,— сказал им Хокмун.

— Свободны,— повторил за ним Д'Аверк и добавил: — Послушайтесь нашего совета и бегите с этого корабля, так как неизвестно, кто одержит верх в этой битве.

Рабы поднялись, разминая затекшие конечности, а затем один за другим стали прыгать в воду, перейдя на другую сторону палубы.

Д'Аверк наблюдал за ними с состраданием.

— Жаль, что мы не можем помочь рабам-гребцам с другого борта,— сказал он.

— Почему нет? — спросил Хокмун и показал на небольшую дверцу.— Если я не ошибаюсь, эта дверь ведет в проход под палубой.

Он повернулся к двери спиной и что было сил ударил ногой. Несколько ударов, и дверь распахнулась. Они пошли по проходу, слыша шум битвы наверху.

Д'Аверк остановился и пропорол своим кортиком мешок, что лежал на его пути. Из мешка ручьем посыпались драгоценности.

— Награбленное добро,— произнес он.

— У нас на это нет времени,— ответил Хокмун, но Д'Аверк только ухмыльнулся.

— Я и не собираюсь брать их себе, но мне бы ужасно не хотелось, чтобы они достались Вальону... Если он выиграет это сражение. Взгляни... — И Д'Аверк указал на большой круглый люк под своими ногами.— Если я не ошибаюсь, то, открыв его, можно впустить в корабль часть реки, друг мой!

— Действуй,— кивнул Хокмун,— а я пойду освобождать рабов с другого борта!

Он оставил Д'Аверка и прошел по проходу к двери, с которой он быстро снял слабые запоры. Дверь распахнулась внутрь, и в нее ввалились двое дерущихся. Один был с атакующего корабля, второй — пират с «Речного Ястреба». Быстрым движением меча Хокмун убил пирата. Человек в черно-голубом удивленно посмотрел на него:

— Ты — один из тех, кто дрался на капитанском мостике?

— Что у тебя за корабль? — спросил Хокмун.

— Корабль Бьюхарда,— ответил человек, вытирая рукой потное лицо.

Он произнес это имя так, будто других объяснений и не требовалось.

— А кто такой Бьюхард?

— Заклятый враг Вальона,— засмеялся человек,— если тебе это интересно. Он видел, как вы деретесь, и это произвело на него громадное впечатление.

— Ничего удивительного,— усмехнулся Хокмун.— Сегодня я дрался, как никогда. И что в этом особенного? Я дрался за собственную жизнь!

— Да, в этом случае, все мы становимся превосходными бойцами,— согласился человек.— Меня зовут Кулард, и я твой друг, если ты враг Вальона.

— Тогда лучше предупреди своих товарищей. Мы топим этот корабль! — Он показал в темноту прохода, где Д'Аверк открывал крышку люка.

Кулард быстро кивнул и вышел.

— Встретимся позже,— крикнул он,— если останемся живы, друг! Хокмун пробрался к гребцам и перерезал им путы, что их связывали.

Наверху люди Бьюхарда, казалось, теснили пиратов. Хокмун ощутил, как корабль внезапно дернулся, и увидел Д'Аверка, торопливо бегущего к нему.

— Думаю, лучше поспешить на берег,— сказал Д'Аверк, улыбаясь и показывая пальцем в сторону рабов, исчезающих за бортом.— Последуем их примеру.

— Я предупредил людей Бьюхарда о том, что должно произойти,— кивнул Хокмун.— Думаю, сейчас мы рассчитались с Вальоном.— Он сунул меч лорда-пирата под мышку.— Постараемся не потерять этот клинок — лучшего меча я еще в руках не держал. С таким оружием любой станет превосходным бойцом.

Они взобрались на палубу и увидели, что люди Бьюхарда, которые совсем было оттеснили пиратов к противоположному борту, начали отступать.

Кулард явно сообщил им о встрече с Хокмуном.

Друзья перепрыгнули на соседний корабль. Гребцов на нем не было. Хокмун понял, что на корабле Бьюхарда гребцы были свободными людьми и составляли часть боевой команды. Он решил, что это более разумно и менее хлопотно, чем использование рабов. В этот момент его окликнул голос с «Речного Ястреба»:

— Эй, ты, с Черным Камнем! Ты собираешься потопить мой корабль?

Хокмун повернулся и увидел молодого человека приятной наружности, одетого в черный кожаный костюм и голубой плащ с высоким воротником, выпачканный кровью. В одной его руке был боевой топор, в другой — меч. Этим мечом он и указывал на Хокмуна с палубы «Речного Ястреба».

— Мы уходим,— отозвался Хокмун.— Можешь не беспокоиться за свой корабль.

— Подожди минутку!

Человек, одетый в черное, перепрыгнул на свой корабль и направился к ним.

— Я — Пал Бьючард, и это мой корабль, — сказал он. — Много недель поджидал я «Речного Ястреба», и у меня почти наверняка ничего бы не получилось, если бы вы не перебили большую часть команды и не отвлекли их внимание, дав мне возможность подойти незамеченным.

— Да, — сказал Хокмун, — но я не хочу принимать в этом участие и вмешиваться в ваши личные дела...

— Ты меня обижаешь, сэр. Потому что я поклялся освободить реку от лордов-пиратов Старвеля. Я — самый страшный их враг.

Люди Бьючарда перепрыгивали на свой корабль, обрубая кортиками абордажные крючья и веревки. Течение начало крутить «Речной Ястреб», корма его уже заметно осела. Несколько пиратов бросилось в воду, но среди них не было видно Вальона.

— Куда же делся их храбрый предводитель? — поинтересовался Д'Аверк, внимательно оглядывая корабль.

— Он как крыса, — ответил Бьючард, — несомненно, он удрал, как только понял, что сегодняшний день сложился не в его пользу. Вы очень помогли мне, господа, потому что Вальон — самый худший из пиратов.

И Д'Аверк, никогда не терявшийся, когда речь шла о вежливости и о его выгоде, ответил:

— И мы признательны тебе, капитан Бьючард, за своевременное прибытие. Мы уже считали, что погибли. Теперь, кажется, мы в расчете.

Он приятно улыбнулся.

— Благодарю, — наклонил Бьючард голову. — Однако если я могу говорить откровенно, то вам обоим неплохо было бы привести себя в порядок. Вы оба ранены, ваша одежда... одежда ваша, господа... Короче говоря, для меня будет большой честью, если вы согласитесь быть моими гостями в каюте, пока мы на корабле, и дома, когда мы прибудем в город.

Хокмун задумался. Молодой капитан ему нравился.

— А в каком городе ты живешь, сэр?

— В Нарлине. Где же еще?

— Откровенно говоря, мы и направлялись в Нарлин, пока нас не обманул Вальон, — начал было Хокмун.

— Тогда тем более вы должны отправиться со мной. Если только я смогу быть вам чем-то полезным...

— Благодарю тебя, капитан Бьючард, — сказал Хокмун. — Твоя помощь нам пригодится, спасибо тебе за приглашение. И может, по пути ты расскажешь нам то, что нам хотелось бы знать.

— С удовольствием. — Бьючард указал рукой на дверь на юте корабля. — Моя каюта, господа. Прошу вас.

Сквозь иллюминаторы каюты капитана Бьючарда им был виден пенный след, который оставлял корабль, плывущий по течению.

— Если нам повстречаются два-три пиратских корабля, у нас почти нет никаких шансов устоять против них,— произнес Бьючард.— Вот почему мы идем с такой скоростью.

Корабельный повар внес последнюю перемену блюд и поставил их перед ними. На тарелках лежало несколько сортов мяса, рыба и овощи, фрукты и вино. Хокмун старался сдерживаться и не есть с жадностью, что было достаточно тяжело после испытанных ими лишений. Он попробовал от каждого блюда понемножку, понимая, что после длительной голодовки его желудок может оказаться неспособен воспринимать такую обильную пищу.

— Это праздничный пир,— весело сказал Бьючард,— потому что я очутился за Вальоном много месяцев.

— Кто такой Вальон? — спросил Д'Аверк перед тем как отправить в рот очередную порцию еды.— Он кажется весьма странным существом.

— Я бы никогда и представить себе не мог, что бывают такие пираты,— вставил Хокмун.

— Он пират по традиции,— стал объяснять Бьючард.— Его предки всю жизнь были пиратами, нападали на речные суда в течение столетий. Долгое время купцы платили огромные пошлины лордам Старвеля, но несколько лет назад они начали противиться Вальону. Затем сразу несколько купцов, и я в том числе, решили построить новые корабли, такие же, как у пиратов, и нападать на них по всей реке. Я командую таким кораблем. Купец по профессии, я вынужден заняться военным делом, пока Вальон и ему подобные не перестанут грабить Нарлин.

— И как твои дела? — спросил Хокмун.

— Трудно сказать. Вальон и остальные лорды все еще неприступны в своем обнесенном стенами Старвеле. Старвель — это город в городе. До сих пор нам всего лишь удавалось немного сократить их пиратские набеги. До открытой стычки дело еще не доходило.

— Ты сказал, Вальон — пират по традиции... — начал Д'Аверк.

— Да. Его предки пришли в Нарлин много веков назад. Они были могущественны, а мы — относительно слабы. Легенда говорит, что предок Вальона, Батач Герандиум, пользовался волшебными силами, которые помогали ему во всем. Пираты построили стену вокруг Старвеля — забрали себе более четверти всего города — и с тех пор там и живут.

— А как реагирует Вальон на атаки, подобные тем, что мы видели сегодня? — Хокмун сделал глоток вина.

— Он мстит всеми возможными способами, но, несмотря на это, они уже стали осторожней, чем раньше. Сделать предстоит еще многое. Я бы

убил Вальона, если бы смог. Это бы сломило сопротивление всей их пиратской организации, я в этом полностью уверен, но пока что он мне ни разу не попадался. У него какое-то уникальное чувство опасности — ему всегда удается избежать ее, даже до того, как она ему реально начинает угрожать.

— Желаю тебе счастья и удачи в задуманном, — проговорил Хокмун. — А сейчас скажи нам, капитан Бьючард, знаешь ли ты что-нибудь о клинке, который называют Мечом Зари? Нам сказали, что его можно найти в Нарлине?

— Да, я, конечно, слышал, — удивился Бьючард. — О нем говорится в той самой легенде, о которой я упоминал, — о предке Вальона Батач Герандиуме. Говорили, что волшебная сила Герандиума была заключена в его мече. С тех самых пор Батач стал Богом — пираты преклоняются перед ним и приносят дары ему в Храме, который носит его имя — Храм Батач Герандиума. Они суеверны, эти пираты. Их поступки и действия часто недоступны таким простым и логичным умам, как купеческие.

— А где сейчас этот меч? — спросил Д'Аверк.

— Ну как же, говорят именно этому мечу пираты и молятся в Храме. Он для них олицетворяет власть, так же как сам Батач Герандиум. Вы хотите получить этот меч, господа?

— Я не... — начал Хокмун.

— Да, капитан, — быстро перебил Хокмуна Д'Аверк, — у нас есть родственник — очень мудрый ученый с севера. Он слышал об этом мече и хочет его исследовать. Вот он и послал нас сюда, чтобы мы разузнали, нельзя ли его купить...

Бьючард весело, от души рассмеялся.

— Можно купить, друзья мои! Правда, цена будет велика — кровь полумиллиона воинов! Пираты станут биться до последнего, защищая Меч Зари. Это как раз то, что они ценят превыше всего.

Хокмун почувствовал, как у него портится настроение. Неужели умирающий Майган послал их сюда выполнить невыполнимое поручение?

— Ну, хорошо, — произнес Д'Аверк. — Бог с ним... — Он философски пожал плечами. — Тогда нам остается лишь надеяться, что ты победишь, в конце концов, Вальона и распродашь с молотка его имущество.

— Не думаю, что такое произойдет при моей жизни, — улыбнулся Бьючард. — Пройдет много лет, прежде чем Вальона удастся победить окончательно.

Он поднялся из-за стола.

— Извините меня, я выйду на несколько минут. Я должен посмотреть, как идут дела на палубе.

Когда он вышел, Хокмун нахмурился:

— Что дальше, Д'Аверк? Мы застряли в этой непонятной стране и не можем получить того, для чего здесь оказались.

Он достал кольца Майгана из кошелька и задумчиво подбросил их на ладони. Теперь их было одиннадцать, потому что они с Д'Аверком сняли свои кольца перед путешествием по реке.

— Нам повезло, что у нас еще остались эти кольца. Может, нам стоит использовать их сейчас и перемещаться из измерения в измерение, надеясь добраться до Камарга в конечном итоге?

— Мы внезапно можем оказаться при дворе Короля Гуона, — фыркнул Д'Аверк, — или перед каким-нибудь чудовищем. Я считаю, мы должны отправиться в Нарлин и провести там некоторое время — посмотрим, так ли трудно достать пиратский меч, как об этом говорят.

Вошел Бьючард. Он улыбался.

— Меньше чем через час, друзья мои, мы пришвартуемся в Нарлине, — сообщил он. — Полагаю, вам понравится наш город.

Затем, ухмыльнувшись, добавил:

— По крайней мере, та часть, что свободна от лордов-пиратов.

Хокмун и Д'Аверк стояли на палубе корабля Бьючарда и смотрели, как прекрасно он входит в гавань. Солнце ярко сияло на чистом голубом небе. Под его лучами сверкал город. Было жарко. Здания города, по большей части, были низенькими, редко более четырех этажей, но они были богато украшены и выстроены в стиле рококо.

Набережная была заполнена повозками, с которых что-то сгружали или что-то нагружали. Люди работали не покладая рук, раздетые до пояса при такой жаре.

Повсюду стояли шум и суета, и Бьючард, казалось, погрузился в знакомый ему мир, когда провел Хокмуна и Д'Аверка вниз по сходящим своей шухун и сквозь начавшую собираться толпу.

Со всех сторон люди приветствовали Бьючарда.

— Как поживаешь, капитан?

— Нашел Вальона?

Наконец Бьючард остановился, добродушно посмеиваясь.

— Ну что ж, друзья, горожане Нарлина! — закричал он. — Вижу, что должен вам все рассказать, иначе вы нас не пропустите. Да, мы потопили корабль Вальона!

Толпа вздохнула, как один человек, и наступила мертвая тишина. Бьючард вскочил на ящик и поднял руку.

— Мы потопили корабль «Речной Ястреб», но нам никогда бы даже не удалось догнать его, если бы не эти люди, что стоят рядом со мной.

Д'Аверк взглянул на Хокмуна с наигранным смущением. В удивлении уставились на них горожане, как будто не в состоянии поверить, как эти два человека, одетые в лохмотья, могли быть кем-то другим, кроме рабов.

— Вот два героя, — продолжал Бьючард. — Они вдвоем сопротивлялись целой команде, убили Ганака, верного лейтенанта Вальона, и сделали корабль легкой добычей для нас. А потом они потопили «Речного Ястреба».

Теперь толпа взорвалась громкими приветствиями.

— Узнайте же их имена, жители Нарлина. Помните их, как друзей города, и пока они здесь, ни в чем не отказывайте им. Это — Дориан Хокмун, герцог Кельнский, и сэр Юиллам Д'Аверк. Никогда еще вы не видели душ, более храбрых, более блестящих!

— А что Вальон? — крикнул кто-то из толпы. — Он мертв?

— Он от нас удрал, — с сожалением ответил Бьючард. — Он сбежал, как крыса. Но мы когда-нибудь все равно доберемся до него!

— Или он до тебя, Бьючард!

Слова эти произнес богато одетый человек, который вышел вперед, растолкав толпу.

— Все, что ты сделал, лишь разозлит его! Много лет платил я пошлину людям Вальона, и они разрешали мне мирно торговать по всей реке. Но сейчас ты и многие, подобные тебе, говорят «Не плати пошлину», и я не плачу, но я не знаю покоя все эти дни, не могу спать от страха, что Вальон сделает с нашими кораблями. А он обязательно отомстит. И мстить он станет не тебе одному! Что будет со всеми нами, с теми, кто хочет лишь мира и покоя? Ты всех нас поставил в опасное положение!

— Если я не ошибаюсь, — засмеялся Бьючард, — именно ты, Верониг, первым начал жаловаться на пиратов, крича, что ты не вынесешь их высоких пошлин, которые они требуют, и поддержал нас, когда мы создали Лигу борьбы против Вальона. Ну что ж, Верониг, мы с ними боремся, и это трудно. Надеемся, Верониг, на нашу победу, и мы победим, не бойся!

Снова весело зашумела толпа, но на этот раз веселье было не столь радостным. Люди начали быстро расходиться.

— Вальон отомстит, Бьючард, — повторил Верониг. — Дни твои сочтены. Ходят слухи, что лорды-пираты собирают все свои силы, что до сих пор только играли с нами. Если они того пожелают, то могут вырезать весь Нарлин.

— И уничтожат источник своего существования? Это будет слишком большой глупостью с их стороны.

Бьючард пожал плечами, как бы показывая, что разговор окончен.

— Может быть, это и будет глупостью, но не глупее твоего поведения, — возразил Верониг.

— Тебе следует бросить заниматься делами, Верониг, — улыбнувшись, покачал головой Бьючард. — Тяготы купеческой жизни не для тебя.

Толпа уже почти рассеялась. Сейчас на лицах людей, которые только что радовались одержанной победе и приветствовали героев, было выражение тревоги.

Бьючард спрыгнул с ящика и обнял своих новых друзей за плечи.

— Пойдемте, не станем больше слушать беднягу Веронига. Он может омрачить любую радость своим брюзжанием. Пойдемте ко мне домой,

там вы сможете отдохнуть и освежиться, а завтра мы отправимся в городские лавки и попробуем подобрать вам какую-нибудь одежду.

Он повел их по переполненным народом улицам, выбирая маршрут подлиннее, идя вдоль улиц, которые были заполнены матросами и воинами, купцами и рабочими, пожилыми женщинами и хорошенькими девушками, лавочниками, продающими свой товар, всадниками, медленно пробирающимися среди пешеходов. Он провел их по пологому холму и вывел на площадь, которая выходила к морю.

Бьючард остановился на минуту, глядя на море. В солнечном свете оно пылало.

— Вы ведете торговлю и за морем,— указал на него Д'Аверк.

Бьючард отстегнул свой тяжелый плащ и перебросил его через руку. Он распахнул воротник рубашки и, улыбаясь, покачал головой.

— Никто не знает, что находится за этим морем, может быть, ничего. Мы торгуем только на побережье, на две-три сотни миль в обе стороны. Здесь очень много богатых городов, не слишком сильно пострадавших от последствий Трагического Тысячелетия.

— Понятно. А как вы называете свой континент? Правильно ли мы решили, что это — Азиакоммуниста?

— Никогда не слышал, чтобы его так называли,— нахмурился Бьючард,— но я не ученый. Я слышал разные названия моей страны: Иаршай, Амареки, Гиштай... — Он пожал плечами.— Я даже не знаю, как он расположен по отношению к другим континентам остального мира...

— Амареки! — воскликнул Хокмун.— Но я всегда считал, что это легендарное место обитания сверхъестественных существ...

— А я всегда думал, что Рунный Посох находится в Азиакоммунисте! — засмеялся Д'Аверк.— Оказывается, нельзя, друг Хокмун, слишком много внимания уделять легендам! Может быть, Рунного Посоха вообще не существует?

— Может быть,— кивнул Хокмун.

— Рунный Посох, легенды,— нахмурился Бьючард.— О чем вы говорите, господа?

— Мы говорим о том, что рассказывал нам тот самый ученый,— торопливо ответил Д'Аверк.— Это слишком скучно, чтобы объяснять подробно.

— Я ненавижу скуку, друзья мои,— пожал плечами Бьючард,— ненавижу.— И он вновь повел их по улицам.

Теперь они оказались за чертой торгового города на холме, где дома были обнесены высокими стенами, а на улицах толкалось гораздо меньше народу.

У ворот одного из таких домов Бьючард и остановился.

— Приветствую вас в моей обители,— сказал он и постучал в ворота.

Распахнулось решетчатое окошко, и появились глаза. Затем ворота распахнулись, и слуга поклонился Бьючарду.

— Дobre пожаловать домой, господин. Успешным ли было путешествие? Сестра ждет.

— Очень успешным, Петр! Ага, значит, Джулиана ждет нас! Вам понравится Джулиана, друзья мои!

Г л а в а 7

ПЛАМЯ

Джулиана оказалась красивой молодой девушкой с волосами цвета воронова крыла и живыми манерами, которые немедленно нашли отклик в Д'Аверке. Во время обеда он изо всех сил флиртовал с ней и был восхищен, когда на этот флирт отвечали тем же.

Бьючард улыбался, слушая, как они перекидываются остроумными репликами, но Хокмуну было тяжело наблюдать за ними, потому что с болью в сердце вспоминал он о своей Нйссельде, о своей жене, которая ждала его за тысячи миль отсюда, а возможно, и за тысячи лет. Друзья не знали, перенесли ли их лишь в пространстве, или еще и во времени.

Бьючард, казалось, заметил грустный взгляд Хокмуна и попытался развеселить его шутками и анекдотами о своих стычках и приключениях с пиратами, что населяли Старвель.

Хокмун слушал внимательно и отвечал что-то, но никак не мог избавиться от мыслей о любимой жене, дочери графа Брасс, и от волнений за ее судьбу.

Удалось ли Тарагорму усовершенствовать свои машины? Нашел ли Мелиадус другие способы, чтобы попасть в Замок Брасс?

Чем дольше тянулся обед, тем меньше Хокмун поддерживал светскую болтовню. Наконец, он поднялся и вежливо поблагодарил хозяина.

— Прошу простить меня, капитан Бьючард,— почти прошептал он,— но я очень устал. Время, что мы провели на корабле, сегодняшняя битва...

Джулиана и Юиллам Д'Аверк даже не заметили, что он поднялся, настолько были поглощены друг другом.

Бьючард быстро встал, и на лице его отразилась тревога.

— Конечно, конечно, извини меня, мастер Хокмун, за мою забывчивость...

— Ты не был забывчив, капитан,— слабо улыбнулся Хокмун.— Твое гостеприимство просто бесконечно, однако...

Рука Бьючарда потянулась к звонку, но прежде чем он успел вызвать слугу, раздался громкий стук в двери его дома.

— Войдите! — резко произнес Бьючард.

Слуга, что впустил их в дом, стоял в дверях, тяжело дыша.

— Капитан Бьючард! На набережной пламя! Горит корабль!

— Корабль? Какой корабль?

— Твой корабль, капитан! Тот, на котором ты сегодня вернулся домой!

— Коляску, Петр! — приказал Бьючард. — Скорее коляску!

Через несколько минут коляска, запряженная четырьмя лошадьми, подкатила к дверям. Бьючард взобрался в нее, нетерпеливо ожидая, когда Хокмун и Д'Аверк присоединятся к нему. Джулиана тоже попыталась было войти в коляску, но брат покачал головой.

— Нет, Джулиана, мы не знаем, что происходит на набережной. Пожди здесь.

Коляска сорвалась с места и понеслась с угрожающей скоростью. Узкие улицы освещались фонарями, воткнутыми в корзины на балконах домов, и коляска отбрасывала на стены черные тени, пролетая по улицам города.

Наконец, они добрались до набережной. Бьючард выпрыгнул из коляски. Хокмун и Д'Аверк последовали за ним. Он бежал к причалу, расталкивая всех на пути. На самом берегу он остановился, и голова его поникла.

— Безнадежно, — в отчаянии прошептал он. — Корабль не спасти. Наверняка это работа Вальона...

Верониг с потным лицом, багровым в свете пожара, вышел из собравшейся толпы.

— Вот видишь, Бьючард! Вальон мстит! Я предупреждал тебя!

Они обернулись на стук копыт приближающейся лошади и увидели, что к ним подъехал всадник.

— Бьючард! — выкрикнул он. — Пал Бьючард, который утверждает, что потопил «Речного Ястреба»?

— Я — Бьючард! — поднял он голову. — Что тебе нужно?

На всаднике были сверкающие доспехи, в левой руке он сжимал свиток, который сейчас развернул.

— Я — человек Вальона, его посланник!

Он бросил свиток к ногам Бьючарда, который даже не двинулся, чтобы поднять его.

— Что это? — спросил Бьючард, сквозь стиснутые зубы.

— Это счет, Бьючард. Счет за пятьдесят людей и сорок рабов, за корабль и всю его оснастку, а еще двадцать пять тысяч магаров ценностей, что были на корабле. Вальон тоже может быть купцом, если пожелает!

Бьючард посмотрел на всадника. Свет от горящего корабля бросал тени на его лицо. Он ударил по свитку ногой, сбросив его в темные воды реки.

— Ты хочешь напугать меня? — твердо произнес Бьючард. — Ну, что ж, передай Вальону, что я не собираюсь оплачивать его счет и что я не испугался. Скажи ему, «если он тоже может быть купцом», что он и его жадные предки должны Нарлину сумму куда большею, чем проставлено в его счете. Я буду продолжать получать этот долг.

Всадник открыл было рот, словно собирался ответить, потом передумал, плюнул на землю и, развернув лошадь, ускорился во тьму.

— Теперь он убьет тебя, Бьючард, — проговорил Верониг почти что тоном победившего. — Он убьет тебя. Надеюсь, он понимает, что не все мы такие дураки, как ты!

— А я надеюсь, что не все мы такие дураки, как ты, Верониг, — презрительно ответил Бьючард. — Если Вальон угрожает мне, это означает, что я напугал его!

Он прошел к коляске и остановился, ожидая, когда Д'Аверк и Хокмун взберутся в нее. Потом он вошел сам, захлопнул дверь и постучал рукояткой своего меча в крышу, давая знак кучеру отправляться домой.

— Ты уверен, что Вальон действительно так слаб, как ты предполагаешь? — с сомнением в голосе спросил Хокмун.

— Я уверен, что он куда сильнее, чем я предполагаю, — хмуро улыбнулся ему Бьючард. — По моему мнению, Вальон все еще не может оправиться от изумления, что вы сегодня утром осмелились атаковать его корабль. Но ведь совсем необязательно говорить об этом Веронигу, как ты считаешь?

— У тебя много отваги, капитан! — восхитился Хокмун.

— Скорее отчаяния, друг Хокмун!

— Думаю, что понимаю, что ты имеешь в виду, — кивнул Хокмун.

Всю остальную часть пути они молчали.

Ворота были распахнуты, они проехали прямо ко входу в дом. У дверей их поджидала бледная Джулиана.

— С тобой все в порядке, Пал? — спросила она, как только он вышел из коляски.

— Ну конечно, ты напрасно волнуешься, Джулиана.

Она повернулась и прошла в столовую, где со стола было еще не убрано.

— Дело не в том, что сгорел корабль, не это меня напугало, — произнесла она.

Она посмотрела на брата, потом на Д'Аверку и, наконец, на Хокмуна. Глаза ее были широко раскрыты от волнения.

— Пока вас не было, нас посетил один человек.

— Человек? Какой? — спросил Бьючард, обнимая сестру за дрожащие плечи.

— Он... он пришел один... — начала она.

— И что такого примечательного в человеке, который пришел один? Где он сейчас?

— Это был Вальон из Старвеля, Пал. Он... — Она руками закрыла лицо. — Он потрепал меня по щеке, посмотрел на меня своими холодными нечеловеческими глазами, он говорил таким голосом...

— Что он сказал? — внезапно вмешался Хокмун. Тон его был угрожающим. — Что он сказал, леди Джулиана?

— Он сказал, что он просто играет с Палом, что он слишком горд, чтобы тратить на него свое время и силы, но если Пал не объявит завтра на городской площади, что прекращает беспокоить лорда своими глупыми шутками, то его жестоко накажут. Он сказал, что ожидает завтра до полудня этого заявления Пала.

— Он пришел сюда, в мой собственный дом,— нахмурился Бьючард,— и высказал свое презрение. Пожар корабля был всего лишь демонстрацией, а кроме того, удобным поводом вытащить меня из дома. Он говорил с тобой, Джулиана, чтобы показать, что может добраться до самых близких мне людей, когда он того пожелает.— Он вздохнул.— Теперь уже не остается никаких сомнений, что он угрожает не только моей жизни, но и тем, кто мне близок. Этого трюка я ожидал, вернее почти ожидал, но все же... — Он взглянул на Хокмуна, и в глазах его внезапно появилась усталость.— Возможно, все-таки я свалил в конце концов дурака, мастер Хокмун. Возможно, Верониг прав. Я не могу биться с Вальоном, пока он сидит в безопасности за стенами Старвеля. У меня нет оружия, подобного тому, что он использует против меня.

— Я не имею права давать тебе советы,— спокойно ответил ему Хокмун,— но я могу предложить тебе свои услуги, свои и Д'Аверка, в твоей борьбе, если ты, конечно, решишь продолжить ее.

Бьючард взглянул прямо в глаза Хокмуна, а потом рассмеялся, плечи его расправились.

— Дориан Хокмун, что я должен буду думать о себе, если откажусь от помощи двух таких бойцов, как вы? Да, я буду продолжать борьбу. И завтрашний день проведу, отдыхая, не обращая ни малейшего внимания на предупреждения Вальона. Тебя, Джулиана, я оставляю здесь под охраной. Я пошлю за отцом и попрошу его прийти сюда вместе со стражниками, которые станут охранять вас обоих. Хокмун, Д'Аверк и я...

Он указал на порванную одежду, что была на друзьях.

— Я обещал вам новые костюмы и думаю, нужны еще хорошие ножны для такого меча, мастер Хокмун, вернее, бывшего меча Вальона. Мы станем вести себя завтра как ни в чем не бывало. Мы покажем Вальону и, что еще более важно, жителям города, что нас его угрозы не пугают.

— Думаю, это единственный путь,— кивнул Д'Аверк,— если ты хочешь поддержать боевой дух сограждан. Тогда, даже если ты умрешь, ты умрешь героем и вдохновишь тех, кто последует за тобой.

— Надеюсь, что не умру,— улыбнулся Бьючард,— ведь я так люблю жизнь! Но посмотрим, друзья мои, посмотрим...

Г л а в а 8

СТЕНЫ СТАРВЕЛЯ

Следующий день выдался таким же ярким, как и предыдущий. Когда Пал Бьючард и его новые друзья шли по улицам Нарлина, было заметно, что все уже знали об ультиматуме Вальона и гадали, что сделает Бьючард.

Бьючард же улыбался встречным знакомым, целовал ручки некоторым дамам, раздавал приветствия, ведя Хокмуна и Д'Аверка к центру города. Они направились к богатой лавке.

То, что она находилась всего в нескольких шагах от стен Старвеля, вполне устраивало Бьючарда.

— Мы войдем в лавку после полудня, — сказал он. — Но до этого позавтракаем в таверне, которую я вам с удовольствием рекомендую. Она совсем неподалеку от нашей центральной площади и многие влиятельные люди нашего города посещают ее. Пусть видят, что мы отдыхаем, и нас ничто не волнует. Мы будем болтать о разных пустяках и вовсе не станем упоминать имя Вальона, независимо от того, будут ли люди пытаться говорить о нем или нет.

— Ты хочешь слишком многого, капитан Бьючард, — ответил Д'Аверк.

— Возможно, но у меня есть ощущение, что очень многое зависит от сегодняшних событий — даже больше, чем я могу сейчас представить. Я делаю крупную ставку.

Хокмун кивнул, соглашаясь, но ничего не сказал. У него тоже было ощущение, что что-то должно произойти сегодня. Инстинкт Бьючарда только подтверждал его ощущения.

Они посетили таверну, съели там завтрак, выпили вина и делали вид, что не замечают, что находятся в центре внимания, ловко избегая всяких разговоров по поводу ультиматума Вальона.

Прошел полдень, а Бьючард все сидел и болтал со своими друзьями еще целый час, потом поднялся, поставил кубок с вином на стол и сказал:

— А теперь джентльмены, отправимся к купцу, о котором я вам говорил...

На улицах было необычно мало народу, пока они спокойным шагом шли по ним, все более приближаясь к центру города. Но множество занавесок на окнах приподнималось, когда они проходили мимо, множество людей глядело на них из окон, и Бьючард ухмылялся, словно наслаждаясь необычностью ситуации.

— Мы — единственные актеры сегодня на сцене, друзья мои, — сказал он. — Мы должны хорошо сыграть свои роли...

Минутой позже Хокмун, наконец, увидел стены Старвеля. Они возвышались над крышами Нарлина, белые и гордые. Никаких ворот нигде не было видно.

— Тут есть несколько небольших входов, но ими мало пользуются. Вместо ворот построены гигантские подземные каналы и доки. Они, конечно, ведут прямо к реке, — пояснил им Бьючард.

Он свернул на боковую улочку и указал рукой на вывеску.

— Вот, друзья, и лавка.

Они вошли в помещение, заваленное кипами одежды, костюмов, плащей, курток, брюк, мечей и кинжалов всевозможного вида, лоша-

диной упряжью, шлемами, сапогами, поясами и множеством других предметов. Хозяин, обслуживавший какого-то покупателя, был человек средних лет, крепко сложенный и добродушный на вид, с красным лицом и седыми волосами. Он улыбнулся Бьючарду, и покупатель обернулся. Это был юноша, глаза которого расширились, когда он увидел троичу, вошедшую в лавку. Юноша что-то пробормотал и сделал движение, собираясь уйти.

— Разве ты больше не хочешь этот меч, мастер? — удивился купец. — Я спущу цену еще на полсмайгара, но не больше.

— В другой раз, Пайер, в другой раз, — торопливо ответил юноша, быстро поклонился Бьючарду и стремительно вышел.

— Кто это был? — улыбнулся Хокмун.

— Сын Веронига, — ответил Бьючард и рассмеялся. — Кажется, сын унаследовал трусость своего отца.

К ним подошел Пайер.

— Добрый день, капитан Бьючард. Честно говоря, я даже не ожидал видеть тебя здесь сегодня в моей лавке. Ты, конечно, не сделал того заявления, что от тебя ждали?

— Нет, Пайер, не сделал.

Пайер улыбнулся.

— У меня было такое чувство, что ты его не сделаешь, капитан. Однако сейчас ты в большой опасности. Вальон будет вынужден выполнить свои угрозы, не так ли?

— Пусть попробует, Пайер!

— Он скоро это сделает, капитан. Терять время он не станет. Ты уверен, что это было мудро — столь близко подойти к стенам Старвеля?

— Я должен был показать, что не боюсь Вальона, — ответил Бьючард. — Кроме того, почему из-за него я должен менять свои планы? Я обещал своим друзьям, которых ты видишь, что они смогут выбрать себе одежду у самого лучшего купца Нарлина.

Пайер улыбнулся и махнул рукой, как бы прекращая разговор на эту тему.

— Желаю тебе удачи, капитан. А сейчас, господа, что бы вы хотели?

Хокмун взял красивый алый плащ, тронул пальцами золотую пряжку на нем.

— Мне многое здесь нравится, и я многое хотел бы, — сказал он. — У тебя хорошая лавка, мастер Пайер.

Пока Бьючард беседовал с купцом, Хокмун и Д'Аверк медленно обходили лавку, выбирая для себя то рубашку, то сапоги. Прошло около двух часов, прежде чем они наконец подобрали по своему вкусу все, что им было нужно.

— Почему бы вам не пройти в примерочную и не переодеться? — предложил Пайер. — Я думаю, вы все хорошо выбрали, господа.

Хокмун и Д'Аверк скрылись за занавеской примерочной.

Хокмун выбрал себе темно-сиреневую рубашку, куртку из мягкой светлой кожи, пурпурный шарф, шелковые брюки и пурпурный же плащ, который он застегнул прямо у шеи. Брюки он заправил в сапоги из такой же кожи, что и куртка, которую он оставил незастегнутой. Широкий кожаный пояс стянул его талию.

Д'Аверк выбрал себе красную рубашку и брюки того же цвета, черную кожаную куртку и такие же сапоги, доходившие почти до колен. Плащ он выбрал тоже пурпурный. Он уже собирался затянуть пояс, когда из лавки послышался крик.

Хокмун мгновенно раздвинул занавески примерочной.

Внезапно лавка заполнилась людьми — явно пиратами Старвеля. Они окружили Хокмуна, который даже не успел выхватить меч.

Хокмун повернулся и схватил свой меч, который лежал поверх кучи лохмотьев, что они сняли, затем кинулся в лавку и наткнулся на Пайера, который пытался, отступая и махая руками. Из горла текла кровь.

Хокмун убил одного из пиратов выпадом в сердце, отразил удар другого.

— Не пытайся драться с нами, — взревел один из пиратов, тот самый, который хотел нанести ему удар. — Нам нужен только Бьючард!

— Тогда вам придется убить нас, прежде чем вы сможете его взять! — крикнул Д'Аверк, присоединившийся к Хокмуну.

— Бьючард должен быть наказан лордом Вальоном за оскорбление, — ответил ему пират и сделал выпад.

Д'Аверк отпрыгнул назад и в то же мгновение неуловимым движением нанес удар, выбив оружие из руки пирата. Тот взревел и бросил в него кинжал, который держал в другой руке, но Д'Аверк отбил и это нападение и ударом в горло убил пирата.

Теперь уже половина пиратов отделилась от основной группы и напала на Хокмуна и Д'Аверка, тесня их к дверям в примерочную.

— Они уведут Бьючарда! — с отчаянием в голосе воскликнул Хокмун. — Мы должны помочь ему!

Он страстно кинулся на разбойников, пытаясь прорубить себе дорогу к выходу, но вдруг услышал, как позади него Д'Аверк закричал:

— Еще один отряд — через черный ход!

Это было последнее, что услышал Хокмун, потому что меч плашмя опустился на его голову, и он рухнул на грудь рубашек.

Он пришел в себя, чувствуя, что задыхается. В лавке было темно и странно тихо.

Шатаясь, он поднялся на ноги, все еще сжимая в руке меч. Первое, что он увидел, — труп Пайера, лежавший рядом, среди груды тканей. Затем он увидел тело Д'Аверка, распластанное на кипе оранжевой материи. Кровь покрывала почти все его лицо.

Хокмун подошел к другу, сунул руку под куртку и с облегчением обнаружил, что сердце Д'Аверка бьется. Видимо, Д'Аверка, как и его, просто оглушили. Несомненно, пираты оставили их живыми намеренно, чтобы было кому рассказать жителям Нарлина о том, что происходит с теми, кто, как Пал Бьючард, оскорбляет лорда Вальона.

Спотыкаясь, Хокмун добрал в конец лавки и нашел там ведро воды. Он оторвал кусок какой-то ткани и обер лицо Д'Аверка. Кровь сочилась из неглубокого пореза на виске.

Д'Аверк заворочался, открыл глаза и посмотрел на Хокмуна.

— Бьючард! — сказал он. — Мы должны спасти его, Хокмун!

— Да, но сейчас он за стенами Старвеля, — холодно кивнул Хокмун.

— Об этом не знает никто, кроме нас, — ответил Д'Аверк, с трудом сядя на пол. — Если нам удастся спасти его, а потом обо всем рассказать жителям города, как это повлияет на них?

— Ну хорошо, — отозвался Хокмун, — мы пойдем в Старвель и давай молиться, чтобы Бьючард был еще жив. — Он сунул меч в ножны. — Нам надо как-то вскарабкаться на эту стену, Д'Аверк. Для этого нам потребуются определенного рода специальные приспособления.

— Уверен, что мы найдем все необходимое в этой лавке. Пойдем, нам надо действовать быстро. Уже смеркается.

Хокмун по привычке потрогал Черный Камень в своей голове. Он снова подумал о Ийссельде, графе Брасс, Оладане и Боджентле. Как бы было хорошо забыть о Бьючарде, о поручении Майгана, о легендарном Мече Зари и волшебном Рунном Посохе. Потом он вздохнул и выпрямился. Они не могут бросить Бьючарда. Необходимо спасти его.

Он представил себе стены Старвеля, что были совсем рядом. Возможно, никто раньше и не пытался перелезть через них, потому что они были высоки и, несомненно, прекрасно охранялись. Однако им придется попробовать это сделать.

Г л а в а 9

ХРАМ БАТАЧ ГЕРАНДИУМА

Заткнув за пояса по дюжине кинжалов, Хокмун и Д'Аверк начали свое восхождение по стене Старвеля.

Хокмун взбирался первым. Обернув рукоятку кинжала тряпкой, он выскивал в стене трещины, засовывал туда лезвие, молясь только об одном — чтобы его не услышали часовые и чтобы кинжал не выскользнул или не согнулся.

Медленно-медленно вползали они вверх по стене, пробуя каждый кинжал. Один раз Хокмун почувствовал, что кинжал поддается под тяжестью его тела. Тогда он полностью повис на кинжале, что был

наверху, и тот тоже начал сгибаться. Улица была сорока футами ниже. В отчаянии выхватил он из-за пояса еще один кинжал и принялся лихорадочно искать трещину в стене. Найдя ее, он резким движением вогнал туда кинжал и повис на нем. Кинжал, что был под ногой, полетел вниз и стукнулся о мостовую. Хокмун висел на одном кинжале, не будучи в состоянии двинуться ни вверх, ни вниз. Д'Аверк срочно пытался найти подходящую трещину. Наконец ему это удалось, и Хокмун облегченно перевел дыхание. Теперь они уже были у самого верха стены. Еще несколько футов и... Они не имели ни малейшего представления, что ждет их наверху.

Возможно, все их попытки совершенно напрасны...

Может быть, Бьючард уже мертв? Теперь уже не было никакого смысла задумываться над этим вопросом.

Хокмун стал двигаться еще более осторожно, когда достиг края стены. Он услышал шаги наверху и понял, что это стражник. Шаги замерли в отдалении, и Хокмун продолжил подъем.

Когда он уже переваливался на стену, шаги послышались вновь — они звучали значительно быстрее. Хокмун поднял голову и посмотрел прямо в лицо насмерть пораженного пирата.

В ту же секунду Хокмун, рискнув всем, вспрыгнул на стену. Пират в это время вытаскивал свой меч. Хокмун изо всех сил дернул пирата за лодыжки.

Часовой чуть вскрикнул, пытаясь сохранить равновесие, а потом беззвучно рухнул вниз.

Тяжело дыша, Хокмун протянул руку и помог Д'Аверку вскарабкаться на стену. Навстречу им по стене торопливо бежали еще два стражника. Друзья атаковали их, и почти одновременно оба стражника упали и остались лежать без движения.

Других часовых не было видно. Хокмун показал на лестницу, что шла вниз. Д'Аверк кивнул, и они быстро спустились по ней в Старвель.

Внизу было тихо и спокойно. Казалось, это был город мертвых. Далеко, в самом центре Старвеля, горел сигнальный огонь, но весь остальной город был погружен по тьму. Свет проникал только из некоторых неплотно занавешенных окон.

Неожиданно дверь ближайшего с ними дома распахнулась, и на миг они увидели переполненную людьми комнату. Там было полно пьяных, на улицу вывалились несколько человек, которые ругались и спорили о чем-то. Один из них упал на мостовую, другие вернулись в дом. Дверь закрылась, и пират не шелохнулся.

Дома Старвеля по архитектуре были проще, чем дома в остальном Нарлине. Они не были так богато отделаны, и если бы Хокмун не знал, он решил бы, что Старвель — просто бедный пригород. Но Бьючард говорил им, что лорды-пираты хранят все свои богатства на кораблях, в подвалах домов и в своем загадочном Храме Батач Герандиума, где, по слухам, и находился Меч Зари.

Друзья осторожно шли по улицам с мечами наготове. Даже если предположить, что Бьючард еще жив, неизвестно было, где его держат, но что-то притягивало их к сигнальному огню в центре города.

Друзья направились к сигнальному огню и услышали отдаленный рокот барабанов. Звук приближался, наполняя воздух, эхом отдаваясь в пустых темных улицах. Вскоре в грохоте барабанов стала различаться тяжелая поступь шагов и стук копыт.

— Что это? — прошептал Д'Аверк.

Он осторожно выглянул из-за угла дома, потом быстро втянул голову.

— Они едут сюда, — прошептал он, — скорее назад!

Хокмун и Д'Аверк отступили в темноту, глядя на процессию, проходящую мимо по направлению к центру города.

Впереди ехал сам Вальон. Его лицо было бесстрастно, глаза без всякого выражения смотрели вперед. Позади него шли барабанщики, отбивая медленный мерный ритм, а позади них двигалась еще одна группа вооруженных богато одетых всадников — явно остальные лорды Старвеля. Их лица тоже были бесстрастны, они восседали в седлах, словно статуи. Но внимание друзей привлекла не сама процессия, а тот, кто следовал за ней. Бьючард.

Руки и ноги его были распростерты на каркасе из гнутой китовой кости. Каркас этот лежал на тележке, запряженной шестью лошадьми, которых вели под уздцы шесть пиратов, одетых в ливреи. Лицо Бьючарда было бледно, а обнаженное тело было покрыто каплями пота. Ему явно было очень больно, но губы его были упрямо стиснуты. На его теле и щеках красовались странные символы. Мышцы были напряжены в тщетном усилии освободиться от пут, что впились в его щиколотки и кисти, но связан он был со знанием дела.

Д'Аверк сделал движение, словно намереваясь выпрыгнуть вперед, но Хокмун удержал его.

— Нет, — шепнул он, — нам надо проследить, куда они направляются. Возможно, позднее нам представится куда лучший шанс спасти Бьючарда.

Они осторожно последовали за процессией. Она продвигалась вперед медленно, пока не достигла широкой площади, освещенной сигнальным огнем, который сверкал над входом в высокое здание странной ассиметричной архитектуры. Казалось, оно образовалось само собой из какой-то стекловидной вулканической породы. Выглядело оно зловеще.

— Вне всякого сомнения — Храм Батач Герандиума, — прошептал Хокмун. — Мне хотелось бы знать, зачем его сюда привезли?

— Пойдем и выясним, — ответил Д'Аверк, а процессия в это время вливалась внутрь здания через широкий вход.

Они быстро перебежали площадь, стараясь держаться в тени, и затаились возле двери. Она была полуоткрыта, и, очевидно, никому в

голову не пришло выставить охрану. Возможно, пираты считали, что никто не осмелится войти сюда, если у него не было на то права.

Быстро оглядевшись по сторонам и определив, что за ними никто не наблюдает, Хокмун подошел к двери и слегка толкнул ее. Он оказался в полутемном коридоре. Впереди слышались звуки хора.

Хокмун стал осторожно продвигаться по коридору. Д'Аверк не отставал от него ни на шаг.

Не доходя до поворота, Хокмун остановился. В ноздри ему ударил странный неприятный запах, который был одновременно и знаком ему, и не знаком. Его передернуло, и он сделал шаг назад. Лицо Д'Аверка исказило отвращение.

— Гмм... что это такое?

— Что-то очень знакомое, — покачал головой Хокмун, — может быть, запах крови. И все же не только крови...

Д'Аверк взглянул на Хокмуна широко раскрытыми глазами. Казалось, он собирается предложить Хокмуну не ходить дальше, но потом он расправил плечи и крепче ухватился за рукоять своего меча. Он снял шарф и замотал им рот и нос, закинув концы шарфа за спину щегольским движением, которое напомнило Хокмуну прежнего Д'Аверка. Дориан ухмыльнулся, но тоже обмотал лицо шарфом.

Затем они вновь двинулись вперед, завернув за угол.

Из двери в дальнем конце открывшегося коридора исходило алое сияние, напоминавшее цвет крови. Казалось, оно пульсировало в ритме пения, которое сейчас сделалось громче и в котором сейчас уже проскальзывали угрожающие нотки. Омерзительный запах тоже стал сильнее.

Пение точно так же раздражало их слух, как запах раздражал обоняние. В пении слышалось нечто фальшивое, режущее слух, действующее на нервы. Полуослепленные, они тем не менее продолжали идти вперед, пока не добрались до центрального зала Храма.

Зал был почти круглым, но высота потолка в нем изменялась крайне неравномерно, зал как бы повторял внешний контур здания, которое казалось скорее природным созданием, чем исполненным руками человека. Стекловидные стены отражали лучи света, так что весь зал был залит красным сиянием.

Свет исходил из источника, находившегося высоко под потолком. Это заставило Хокмуна посмотреть наверх.

Он узнал ее немедленно, эту вещь, которая находилась наверху и, казалось, привлекала внимание всех присутствующих. Не было никакого сомнения, что именно за этой вещью и послал его Майган перед смертью, истратив последние силы на то, чтобы дать ему инструкции.

— Меч Зари, — прошептал Д'Аверк. — Но ведь не может же такая ужасная вещь играть столь большую роль в наших судьбах!

Лицо Хокмуна стало хмурым. Он только пожал плечами.

— Сейчас нам не до этого. Нам нужен он. Взгляни... — И он вытянул вперед руку.

Под мечом была распростерта ниц дюжина людей. Они все были привязаны к нескольким рамам из китовой кости. Рамы эти были расположены полукругом. У пленников были перерезаны вены, и люди медленно истекали кровью.

Д'Аверк отвернулся от этого зрелища, но потом вновь заставил себя повернуться. На его лице были написаны ужас и глубокое отвращение.

— Клянусь Рунным Посохом! — прошептал он. — Это же варварство!

Несчастные истекали кровью. У тех, кто еще был жив, лица были перекошены от страха и страдания. Их кровь стекала в громадную яму внизу, высеченную в скале из обсидиана.

В этой яме двигались какие-то существа, поднимавшиеся на поверхность к свежим каплям крови, затем снова уходившие в глубину. Черные существа, плавающие в бассейне крови.

Глубока ли она? Сколько тысяч жертв погибло, чтобы заполнить ее? Какими странными свойствами она обладала, если кровь в ней не свертывалась?

Вокруг ямы стояли лорды-пираты Старвеля. Лица их были обращены вверх, к Мечу Зари, и они, раскачиваясь, пели. Прямо под Мечом, изогнув тело в тщетном усилии освободиться, висел на отдельной раме Бьючард.

Вальон держал нож, и не было никакого сомнения в том, как он собирается его использовать. Бьючард презрительно посмотрел на Вальона и что-то сказал — Хокмун не расслышал, что именно. Нож блеснул, как будто уже запачканный кровью, пение стало громче, и сквозь него зазвучал монотонный голос Вальона.

— Меч Зари, в котором обитает дух нашего Бога и предка. Меч Зари, который сделал Батач Герандиум неуязвимым и дал нам все, что мы имеем. Меч Зари, который делает мертвых живыми, дает жизнь живущим, светится, напившись человеческой крови. Меч Зари, прими это наше жертвоприношение и знай, что мы всегда будем преклоняться пред тобой, потому что, пока ты находишься у нас, в Храме Батач Герандиума, Старвель никогда не падет! Прими эту жертву, нашего врага, этого выскочку, прими Пала Бьючарда из той касты, что называется купцами!

Бьючард снова что-то сказал, презрительно скривив губы, но слов было не разобрать за истерическим пением возбужденных лордов-пиратов.

Нож начал медленно придвигаться к телу Бьючарда, и Хокмун не смог удержаться.

С губ его произвольно сорвался боевой клич его предков. Со стоном пронесся дикий птичий крик, и слышались слова:

— Хокмун! Хокмун!

Пение резко оборвалось, и лорды-пираты повернулись. Глаза Вальона чуть не выскочили из орбит от ярости, и он сбросил с плеч плащ, вынимая из ножен меч, который был точной копией того, что Хокмун отобрал у него. Вальон швырнул нож в кровь, заполняющую яму, и сделал шаг вперед, держа свой меч.

— Глупец! Разве ты не знаешь, что ни один посторонний не имеет права войти в Храм Батача и что, сделав это, он никогда не выйдет обратно, пока вся кровь, капля за каплей, не будет из него выпущена?

— Это из твоего тела сегодня будет выпущена кровь, Вальон! — вскричал Хокмун и напал на своего врага. Но внезапно, откуда ни возмись, появились двадцать человек, преградили ему путь к Вальону. Двадцать мечей против одного.

Он яростно бросился на них. Горло ему перехватило от ужасного запаха, глаза слепил блеск клинков. Мельком увидел он Бьюхарда, извивающегося в своих путах. Хокмун сделал выпад — человек угад бездыханным, сделал следующий — и второй попятился в сторону и рухнул в яму с кровью, нанеся третий удар — и на пол упала отрубленная рука.

Д'Аверк бился рядом с ним, и пока им удавалось удерживать пиратов на расстоянии.

Какое-то время казалось, что одна лишь их ярость обеспечит им успех, что они прорвутся сквозь ряды воинов и спасут Бьюхарда. Хокмун прорубил себе кровавый коридор в гуще людей и уже добрался до Бьюхарда. Но вдруг поскользнулся на самом краю ямы, и нога по щиколотку ушла в густую жидкость. Почувствовав какое-то омерзительное прикосновение, Хокмун выдернул ногу из ямы, но в ту же секунду его схватили пираты.

Он откинул голову и произнес:

— Мне очень жаль, Бьючард, я поторопился, но у нас не было времени, совсем не было времени.

— Вам не следовало идти за мной! — в отчаянии закричал Бьючард. — Сейчас и вас постигнет моя участь и вы станете пищей для чудовищ, живущих в яме! Вам не следовало идти за мной, Хокмун!

Глава 10 НЕОЖИДАННЫЙ ДРУГ

— Боюсь, друг Бьючард, наш союз оказался недолговечным.

Даже в столь отчаянном положении Д'Аверк не мог удержаться от шутки.

Он и Хокмун были распростерты по обе стороны от Бьюхарда на рамах из китовой кости. Внизу черные чудовища беспокойно ныряли и снова поднимались к поверхности. Сверху Меч Зари отбрасывал красный

отблеск на весь зал, на лица лордов-пиратов, поднятые вверх в ожидании мщения Вальона. Лорды с видом победителей взирали на обнаженные тела будущих жертв, разрисованные такими же странными символами, что и тело Бьючарда.

В яме раздавались странные чавкающие звуки, а существа, что там плавали, явно ждали, когда наконец им перепадет свежая кровь. Хокмуна трясло, и он еле удерживался от рвоты. Голова у него раскалывалась, а тело ощущало жуткую слабость из-за непривычной позы. Он подумал о Ийссельде, о своей жене, о своих попытках победить Темную Империю. Теперь уже не никогда не увидит он своей жены, не вдохнет полной грудью живительный воздух Камарга, никогда уже не примет участия в войне против Гранбретани.

И все это он потерял в напрасной попытке спасти чужого, почти незнакомого ему человека, чья битва с лордами-пиратами Старвеля была неважной и неинтересной для него по сравнению с битвой против Темной Империи.

Правда, сейчас уже было слишком поздно думать об этом, потому что предстояло умереть. Он умрет страшной смертью, истечет кровью, словно свинья, чувствуя, как остатки сил вытекают из его окровавленного тела с каждым биением пульса, с каждым ударом сердца.

— Ты уже больше не издашь свой боевой клич, мой раб, — улыбнулся Вальон. — Ты молчишь. Неужели тебе не о чем просить меня? Чтобы я подарил тебе жизнь? Снова сделал тебя своим рабом? Не желаешь ли ты попросить прощения за то, что потопил мой корабль, убил моих матросов, оскорбил меня самого?

Хокмун плюнул в него, но промахнулся.

— Я жду, когда мне доставят новый нож, — пожал плечами Вальон. — Когда его принесут и благословят, я перережу твои вены здесь и вот здесь, чтобы ты медленно умирал и мог видеть, как твоей кровью кормятся те, что в яме. Ваши обескровленные трупы будут доставлены мэру Наркина — дяде Бьючарда, если я не ошибаюсь, — как свидетельство того, что мы в Старвеле не любим, когда нам не подчиняются.

Через зал прошел пират и встал на колени перед Вальоном, подавая ему длинный острый нож. Вальон взял его, и пират попятился.

Теперь Вальон что-то шептал над ножом, часто поглядывая на Меч Зари, затем он взял нож в правую руку и приставил острие к паху Хокмуна.

— Теперь сначала, — произнес Вальон и начал петь литанию, которую они пели до этого.

Хокмун почувствовал, как рот его наполняется слюной из-за тщетных попыток освободиться из крепко держащих его пут. Монотонное пение становилось все громче и громче, пока не стало почти истеричным.

—...Меч Зари, которых мертвых делает живыми, дает жизнь живущим...

Кончик ножа защекотал бедро Хокмуна.

—...который светится, напившись человеческой кровью...

Невольно Хокмун подумал, что Меч приобретает свою способность светиться от крови. Острие ножа царапало внутреннюю поверхность бедра.

—...Знай, что мы всегда будем преклоняться пред тобой...

Вдруг Вальон перестал исторгать из себя заклинание и изумленно вскрикнул, глядя куда-то поверх Хокмуна. Тот тоже вскинул голову и вскрикнул.

Меч Зари опускался вниз!

Он опускался медленно, и скоро Хокмун мог разглядеть, что он висит на своего рода паутине из тонких металлических тросов и в этой паутине находилось еще что-то — фигура человека.

На человеке был высокий шлем с забралом, который скрывал его лицо. Его доспехи были всего лишь двух цветов — черного и золотого, а на боку висел большой обоюдоострый меч.

Хокмун не верил глазам. Он узнал этого человека — если это вообще был человек.

— Рыцарь в Черном и Золотом! — вскричал Хокмун.

— К твоим услугам, — прозвучал из-под забрала иронический ответ.

Вальон закричал от ярости и бросил нож в Рыцаря. Нож стукнулся о доспехи Рыцаря и упал в яму.

Одной рукой в перчатке Рыцарь держал Меч Зари, другой — аккуратно перерезал веревки, стягивающие Хокмуна.

— Ты... ты осквернил самое для нас священное. — Вальон говорил таким тоном, словно не мог поверить в происходящее. — Почему Бог тебя не наказал? Наш Бог — Батач Герандиум — отомстит. Это его Меч, в нем скрыт его дух.

— Мне лучше знать, — ответил Рыцарь. — Это Меч Хокмуна. Когда-то Рунный Посох решил использовать твоего предка Батач Герандиума в своих интересах, дав ему власть над этим розовым Мечом, но сейчас ты потерял эту власть, а приобрел ее Хокмун!

— Я тебя не понимаю, — недоуменно произнес Вальон. — Кто ты? Откуда пришел? Может быть, ты... ты не сам Батач Герандиум?

— Может быть, — пробормотал Рыцарь. — Я могу быть многими людьми... многими вещами...

Хокмун взмолился про себя, чтобы Рыцарь успел вовремя освободить их от веревок. Вальон скоро опомнится. Хокмун ухватился за раму, когда с его кистей спали веревки, вырвал у Рыцаря кинжал, который тот протянул ему, и принялся перерезать веревки на ногах. Вальон тряс головой.

— Это невозможно. Какой-то кошмар. — Он повернулся к остальным лордам-пиратам. — Вы видите его, человека, который находится рядом с нашим Мечом?

Они тупо закивали, затем один из них побежал к выходу из зала.

— Я приведу людей, — сказал он.

Тогда Хокмун прыгнул к ближайшему лорду-пирату и вонзил ему в горло кинжал Рыцаря. Затем быстро выхватил меч из ножен лорда.

Хокмун стоял, ярко освещенный светом, исходящим от Меча, а Рыцарь в Черном и Золотом разрезал веревки, стягивающие его друзей.

Вальон попятился в изумлении. Он никак не мог поверить в происходящее.

— Этого не может быть... этого не может быть...

Д'Аверк встал рядом с Хокмуном, а вскоре к ним присоединился и Бьючард. Все трое были нагими, и у Д'Аверка и Бьючарда не было никакого оружия.

Ошеломленные нерешительностью своего предводителя, пираты оставались на месте и не двигались. Позади трех нагих мужчин Рыцарь в Черном и Золотом дернул Меч Зари, подтягивая его ближе к полу.

Вальон дико закричал и впелся в Меч, висящий в паутине.

— Он мой! Он мой по праву!

Рыцарь в Черном и Золотом покачал головой.

— Он принадлежит Хокмуну — Хокмуну по праву!

Вальон прижал Меч к груди:

— Он его не получит! Убейте их!

Со всех сторон в зал сбегались матросы. Лорды-пираты наконец сбросили с себя оцепенение и схватились за оружие. Все они начали наступать с четырех сторон на людей, стоявших около ямы. Рыцарь в Черном и Золотом достал свой громадный меч и, словно секирой, взмахнул им в воздухе, убив сразу нескольких пиратов и заставив остальных отступить.

— Возьмите их мечи,— быстро сказал он.— Сейчас нам придется драться.

Бьючард и Д'Аверк мгновенно подхватили мечи и вслед за Рыцарем пошли вперед.

Казалось, тысячи людей заполнили зал, и глаза каждого сверкали жадной убийства.

— Ты должен забрать Меч у Вальона, Хокмун,— закричал Рыцарь, перекрывая шум битвы.— Если ты этого не сделаешь, все мы погибнем!

Их прижали к самому краю черной ямы. Хокмун бросил взгляд назад и в ужасе закричал:

— Они поднимаются сюда!

Хищники подплыли к самому краю кровавой ямы. Хокмун умудрился разглядеть их. Они были той же породы, что и чудовище из лесного озера, но меньшего размера. Видимо, принесенные сюда много веков назад предками Вальона, они приспособились к условиям обитания в крови!

Он почувствовал, как длинный язык дотронулся до его обнаженного тела, и его охватил ужас. То, что ожидало их сзади, придало ему новые силы, и он с неопишуемой страстностью и неукротимой яростью набросился на пиратов, прорываясь к Вальону. Тот стоял поблизости, все еще прижимая к груди Меч Зари, окутывавший его неземным розовым сиянием.

Почувствовав опасность, Вальон что-то крикнул и бросился на Хокмуна, высоко подняв Меч. Но то, чего он ждал, не произошло. Хокмун отступил в сторону, парировал удар и пошатнулся, полуослепленный светом Меча. Вальон закричал и снова занес розовый Меч. Хокмун нырнул под удар и сделал своим клинком резкий выпад, ранив Вальона в плечо. Изумленно вскрикнув, Вальон нанес следующий удар, и снова незнакомец легко ушел от удара.

Вальон остановился, изучая Хокмуна, на лице его застыло выражение ужаса и крайнего изумления.

— Как это может быть? — шептал он. — Как это может быть?

Хокмун засмеялся.

— Не спрашивай меня, Вальон, потому что для меня это такая же загадка, как и для тебя. Но мне было приказано забрать у тебя Меч.

И с этими словами он сделал выпад, который лорд отразил Мечом Зари.

Во время боя они поменялись местами, и теперь уже Вальон оказался спиной к яме с кровью. Хокмун увидел, как чудовище, роняя капли крови с туловища, принялось выбирать на пол зала. Хокмун снова напал на пирата, оттесняя его к яме. Он увидел, как длинный язык обхватил ногу Вальона, услышал, как пират в ужасе закричал и попытался отрубить язык своим Мечом.

Тогда Хокмун сделал шаг вперед, нанес удар кулаком в лицо Вальона, а второй рукой выхватил Меч Зари из руки лорда-пирата. Вальон упал, и чудовище потащило его в кровавую яму.

— Спаси меня, Хокмун! — тянул к нему руки Вальон. — Спаси меня, умоляю тебя, Хокмун!

Но глаза Хокмуна оставались холодными. Он, положив обе руки на рукоять Меча Зари, смотрел, как волокут Вальона.

Раздался долгий протяжный крик, который завершился шепотом ужаса, и Вальон исчез в яме.

Хокмун повернулся, держа в руке тяжелый Меч и удивляясь свету, от него исходящему. Он взял его обеими руками и посмотрел, как обстоят дела у его друзей. Они стояли тесной группой, отражая натиск множества врагов.

Рыцарь увидел, что Меч в руках Хокмуна, и что-то крикнул, но Хокмун не расслышал его слова. Пользуясь своим новым оружием, Хокмун убил несколько человек, он пытался пробиться к своим друзьям.

Жуткие существа все вылезали из ямы, расплзаясь по всему залу, И Хокмун понял, что положение их практически стало безнадежным, поскольку они оказались в ловушке между сотнями пиратов с одной стороны и существами из ямы — с другой.

И снова Рыцарь в Черном и Золотом что-то крикнул ему, но Хокмун никак не мог услышать, что он кричит. Он бился, отчаянно стараясь пробиться к Рыцарю, отрубая руки, ноги, парируя удары и все ближе подбираясь к своему загадочному помощнику.

Вновь зазвучал голос Рыцаря, и на этот раз Хокмун услышал:

— Вызови их! — прогремел голос Рыцаря. — Вызови Легион Зари, Хокмун, иначе мы погибли!

Хокмун нахмурился:

— Что ты хочешь сказать?

— По приобретенному тобой праву ты можешь командовать Легионом. Вызови его! Именем самого Рунного Посоха, в ы з о в и е г о!

Хокмун парировал очередной удар и разрубил противника надвое. Свет Меча, казалось, померк, но, может, его стало хуже видно из-за света множества факелов, что внесли в зал.

— Вызови своих людей, Хокмун! — отчаянно закричал Рыцарь в Черном и Золотом.

Хокмун пожал плечами и совершенно неверящим тоном выкрикнул:

— Я вызываю Легион Зари...

Ничего не произошло. Хокмун ничего и не ожидал. В легенды он не верил.

Но неожиданно он заметил, что пираты начали что-то кричать. Неизвестно откуда появились странные люди, испускавшие розовое сияние. Они яростно бились, убивая множество пиратов.

Хокмун с облегчением вздохнул и с интересом принялся разглядывать странных людей.

Незнакомцы были упряты в вычурно сделанные доспехи и выглядели людьми из другого мира. Вооружены они были копьями, украшенными пучками раскрашенных волос, и дубинками с причудливым орнаментом.

Тела у них были коричневого цвета, лица раскрашены, большие черные глаза сверкали, а с губ срывался странно стонущий боевой клич.

Пираты сопротивлялись отчаянно. Но когда один из воинов, сверкающих розовым светом, погибал, тело его исчезало, а на месте погибшего вставал другой воин, ничем не отличающийся от убитого. Хокмун попробовал проследить, откуда они появляются, но у него ничего не получилось.

Тяжело отдуваясь, Хокмун присоединился к своим друзьям. Голые тела Д'Аверка и Бьюхарда были покрыты неглубокими ранами во многих местах. Они стояли, глядя, как Легион Зари расправляется с оставшимися пиратами.

— Это — солдаты, которые служат Мечу, — пояснил Рыцарь в Черном и Золотом. — С их помощью предок Вальона внушал страх в Нарлине и его окрестностях. Но сейчас этот Меч восстает против Вальона, отбирая то, что однажды дал ему.

Хокмун почувствовал, как что-то прикоснулось к его обнаженной щиколотке, повернувшись и в ужасе закричал:

— Чудовища! Я совсем забыл о них!

Он ударил по вытянутому языку Мечом и попятился.

В ту же секунду между ним и чудовищем появились сияющие воины. Они кололи копьями и ударяли дубинками, пока от чудовищ не осталась лишь черная масса, просто пятно на полу.

— Сделано! — произнес, как бы сам себе не веря, Бьючард. — Мы победили! Власть Старвеля сломлена!

Он наклонился и поднял меч.

— Пойдем, друг Хокмун, поведем твоих воинов сквозь этот город. Убьем всех, кто попадется нам на пути. Сожжем все, чтобы и воспоминания не осталось о силе и могуществе Старвеля...

— Да... — начал было Хокмун, но Рыцарь в Черном и Золотом отрицательно покачал головой.

— Нет, не для убийства пиратов командуешь ты своим Легионом, Хокмун. Он твой для того, чтобы ты вершил дело Рунного Посоха.

Хокмун стоял в нерешительности.

Рыцарь положил руку на плечо Бьючарда.

— Сейчас большинство злодеев лордов-пиратов погибло. Вальон умер, и никто не мешает тебе и твоим людям вернуться в Старвель и закончить начатое. Но Хокмун и его Меч нужны для более великих дел. Скоро ему надо будет уйти.

Тогда Хокмун почувствовал злость.

— Я, конечно, очень благодарен тебе, Рыцарь в Черном и Золотом, за помощь. Но хочу напомнить тебе, что меня вообще не было бы здесь, если бы не твои и Майгана из Лландара хитрости. Он, правда, уже мертв. Мне надо вернуться домой в Замок Брасс к моей любимой. Я сам себе хозяин, Рыцарь, — сам себе хозяин! Я с а м буду решать свою судьбу!

И тогда Рыцарь в Черном и Золотом рассмеялся:

— Ты все еще сама невинность, Дориан Хокмун. Поверь мне, Рунный Посох твой хозяин! Ты считаешь, что ты решился пробраться в этот Храм, чтобы помочь другу. Но именно таким способом и вершит Рунный Посох свои дела! Ты никогда не осмелился бы пойти в самое логово пиратов только для того, чтобы добыть Меч Зари, в легенду о котором ты даже не верил. Но ты рискнул прийти сюда, чтобы спасти Бьючарда. Паутина, которую плетет Рунный Посох, — весьма сложный узор. Люди никогда не сознают истинной причины своих действий, если в дело замешан он. А сейчас ты должен выполнить вторую часть своей миссии в Амареке. Ты должен отправиться на север — ты можешь плыть вдоль берега, поскольку я уверен, что Бьючард одолжит тебе корабль, и найти Дмарг, город Великих Добродетельных Людей, потому что они нуждаются в твоей помощи. Там ты найдешь доказательство, что Рунный Посох существует.

— Меня не интересуют загадки, Рыцарь. Я хочу знать, что стало с моей женой и моими друзьями. Скажи, по крайней мере, в одном ли времени мы существуем?

— Да, — ответил Рыцарь, — местное время совпадает с европейским. Но ты же знаешь, Замок Брасс находится не там...

— Знаю.— Хокмун задумчиво нахмурился.— Ну что ж, Рыцарь, может, я и соглашусь взять корабль у Бьючарда и отправиться в Дмарг. Может быть...

— Пойдем,— кивнул Рыцарь,— оставим это грязное место и отправимся в Нарлин. Там мы сможем обсудить с Бьючардом все, что нам нужно.

— Все, что я имею, Хокмун, твое,— улыбнулся Бьючард.— Ты сделал слишком много и для меня, и для всего нашего города. Ты спас мне жизнь и помог уничтожить вековых врагов Нарлина. Ты можешь требовать хоть двадцать кораблей, если пожелаешь.

Хокмун был погружен в глубокое раздумье. У него возникла идея обмануть Рыцаря в Черном и Золотом.

Глава 11 РАССТАВАНИЕ

На следующее утро Бьючард проводил их до набережной. Весь город праздновал победу. Прошлой ночью солдаты Нарлина наводнили Старвель и вырезали всех до единого пиратов.

Бьючард положил руку на плечо Хокмуна.

— Мне бы хотелось, чтобы ты остался, друг Хокмун. Наш праздник продлится еще несколько недель, и ты со своим другом должен бы присутствовать на нем. Мне будет печально пировать без вас, потому что настоящие герои Нарлина — вы.

— Нам просто повезло, капитан Бьючард. Удачный случай соединил наши судьбы. Ты избежал от своих врагов, а мы получили то, за чем сюда и направлялись.— Хокмун улыбнулся.— Но теперь нам пора уходить.

— Ну, раз надо, значит, надо,— кивнул Бьючард.

Он посмотрел на Хокмуна и откровенно ухмыльнулся:

— Надеюсь, ты понимаешь, что я не слишком верю в историю о твоём родственнике-ученом, который так интересовался этим Мечом?

Хокмун рассмеялся.

— Нет, но с другой стороны, капитан, я не могу рассказать ничего другого. Я и сам не знаю, для чего мне нужен этот Меч... — Он потрогал ножны, в которые сейчас был вложен Меч Зари.— Рыцарь в Черном и Золотом говорит, что все это — часть общей судьбы. Все, что хочу я,— это немного любви, немного покоя и мести тем, кто разгромил мою родину. Но я нахожусь здесь, на этом континенте, за тысячи миль от близких мне людей и должен отправиться на поиски еще одного города — и не могу сказать, что с большой охотой. Возможно, что все мы поймем, в чем тут дело, когда-нибудь.

Бьючард серьезно посмотрел на него:

— Я думаю, ты служишь великому делу, Хокмун. Я думаю, твоя судьба — благородная судьба.

Хокмун засмеялся.

— Я тем не менее не ишу благородной судьбы — всего лишь спокойной.

— Возможно, — ответил Бьючард, — возможно. А сейчас, друг мой, для тебя приготовили самый лучший наш корабль. Он прекрасно снаряжен и на нем множество провианта. Самые лучшие моряки Нарлина хотят плыть с тобой, и сейчас они на борту. Счастья тебе в этом твоём деле, Хокмун, и тебе тоже, Д'Аверк.

Д'Аверк кашлянул в кулак.

— Если Хокмун говорил, что служит, сам того не желая, своей «Великой судьбе», то что же тогда остается говорить его лучшему другу, то есть мне? Может, я еще больший глупец, чем он? Я плохо себя чувствую, у меня слабое здоровье, я хронически болен. Тем не менее меня таскают по всему свету, заставляя служить этому мифическому Рунному Посоху. Правда, это все же помогает убить время.

Хокмун улыбнулся, потом повернулся и взошел по сходням на корабль. Рыцарь в Черном и Золотом сделал нетерпеливый жест.

— Дмарг, — произнес он. — Ты должен искать свой Рунный Посох в Дмарге, Хокмун.

— Да, — ответил Хокмун. — Я слышу тебя, Рыцарь.

— Меч Зари очень нужен Дмаргу, — продолжал Рыцарь в Черном и Золотом. — А ты нужен, чтобы управлять им.

— Тогда я сделаю так, как ты хочешь, Рыцарь, — весело отозвался Хокмун. — Ты поплывешь с нами?

— У меня есть другие дела.

— Мы, конечно, еще встретимся.

— Конечно.

Д'Аверк кашлянул и поднял руку.

— Тогда прощай, Рыцарь, спасибо тебе за помощь.

— Спасибо и вам, — невозмутимо ответил Рыцарь.

Хокмун отдал приказ убрать сходни и начать грести.

Корабль взял курс в открытое море. Хокмун наблюдал, как фигуры Бьючарда и Рыцаря в Черном и Золотом становятся все меньше, а потом он повернулся к своему верному другу и улыбнулся ему.

— Ну, Д'Аверк, знаешь ли ты, куда мы направляемся?

— Насколько я понял — в Дмарг, — с невинным видом произнес Д'Аверк.

— В Европу, Д'Аверк. Мне безразлична судьба, в которую меня все время тычут носом. Я хочу снова видеть свою жену. Мы переплывем море, Д'Аверк, и попадем в Европу. Там мы сможем воспользоваться кольцами, которые перенесут нас в Замок Брасс. И я снова увижу Ийсельду.

Д'Аверк ничего не сказал. Он просто поднял вверх голову и взглянул на белые паруса, которые раздувались под легким ветерком. Корабль набирал скорость.

— Что ты на это скажешь, Д'Аверк? — усмехнулся Хокмун, хлопнув друга по спине.

— Скажу, что неплохо будет провести какое-то время в Замке Брасс и как следует отдохнуть.

— Ты говоришь это каким-то странным тоном, друг... — Хокмун нахмурился.— В чем дело?

Д'Аверк взглянул на него искоса, и взгляд этот был под стать странному тону.

— Да, да.. Может быть, я просто не так уж уверен, как ты, Хокмун, что корабль этот найдет путь к Европе. Может быть, я просто больше, чем ты, верю в Рунный Посох...

— Ты... ты веришь в такие пустые легенды? Предполагалось, что Амарек — это место, где живут не люди, а полубоги. Тебе не кажется, что это не совсем так?

— Мне кажется, что ты слишком много говоришь о том, что Рунного Посоха не существует. Мне кажется, что твое желание видеть Ийссельду слишком на тебя действует.

— Возможно.

— Ну что ж, Хокмун,— сказал Д'Аверк, глядя на море.— Время покажет, насколько силен Рунный Посох.

Хокмун бросил на него удивленный взгляд, потом пожал плечами и пошел по палубе.

Д'Аверк улыбнулся и покачал головой, глядя на своего друга.

Потом он снова обратил свой взгляд на белые паруса, гадая, увидит ли он когда-нибудь Замок Брасс...

ЗАГАДКА РУЧНОГО ПОСОХА

РОМАН

Опытные, безжалостные воины, они не задумывались о смысле жизни, растлевшие душой, с помутившимся разумом, они не дорожили своей жизнью и ненавидели все то, в чем билась хоть малейшая искра жизни. Бароны Темной Империи пронесли знамя Короля-Императора Гуона через весь Европейский континент и завоевали все земли Грэнбретани. Лишенные всякого понятия о нравственности, они отправились дальше, завоевывать другие земли. Казалось, нет в мире силы, которая смогла бы остановить этот смертоносный поход. На своем пути завоеватели не встречали никакого сопротивления, с гордой усмешкой и холодным презрением они собирали дань с поработанных народов. В покоренных странах народ потерял надежду обрести свободу. Те немногие, которые еще верили, что найдутся смельчаки бросить вызов силам Темной Империи, даже не осмеливались произнести вслух слова, символизирующие эту надежду: Замок Брасс.

Замок Брасс оставался единственной непокоренной цитаделью, где жили герои, которые бросили вызов мощным силам Темной Империи. Лютой ненавистью ненавидел главнокомандующий армии, покорившей почти весь мир, мрачный барон Мелиадус, магистр Ордена Волка, этих смельчаков: особенно Дориана Хокмуна, герцога Кельнского, женившегося на дочери графа Брасса, Ийссельде, обладать которой хотел сам барон.

Но герои Замка Брасс не разгромили армии Грэнбретани, они исчезли, переместились с помощью древней машины-кристалла в другое измерение. Обитатели Замка Брасс: Дориан Хокмун, граф Брасс, Оладан из Булгарских Гор, Д'Аверк и небольшая группа верных воинов — скрылись от своих врагов. И народ Земли, сначала ожидавший героев Камарга, потерял надежду.

Новые опасные приключения ожидали их в том, другом измерении. Колдуны-ученые Темной Империи настойчиво искали пути проникновения в другое измерение и были близки к разгадке тайны. Таинственный Рыцарь в Черном и Золотом дал совет Хокмуну и Д'Аверку отправиться на поиски волшебного Меча Зари, только он поможет им победить Темные Силы Гранбритании. Этот легендарный Меч связан с Рунным Посохом, повелевающим судьбами людей Земли.

Дориану Хокмуну удалось овладеть Мечом Зари, и Рыцарь посоветовал ему отправиться в поход вдоль побережья Амарека к городу Дмаргу, где требовалась сила и мощь Меча. Но Хокмуна охватило сомнение. Он сгорал от нетерпения увидеть прекрасную Йиссельду. И, не послушав совета верного друга, он вместе с Д'Аверком отправился в Европу.

Барон Мелиадус был в ярости от того, что Король-Император не позволил ему отомстить смельчакам Замка Брасс. Барон считал это блажью повелителя. Поведение Мелиадуса не ускользнуло от всевидящего ока Короля, и барон впал в немилость. А между тем его соперник Шенегар Тротт, граф Суссекский, стал пользоваться большей милостью Императора. Кроме того, барон Мелиадус, преследовавший врагов в пустынном Йеле, потерпел неудачу и потерял свою добычу. Кипя гневом, он вернулся в Лондру и обратил свою ненависть на бессмертного правителя Короля-Императора Гуона.

Из истории «Рунного Посоха»

Глава 1 В ТРОННОМ ЗАЛЕ КОРОЛЯ ГУОНА

Огромные двери распахнулись, и барон Мелиадус, вернувшийся из Йеля, вошел в Тронный Зал своего Короля-Императора, чтобы доложить о своих неудачах и о своих открытиях.

Когда Мелиадус вступил в Зал, чей потолок казался столь высоким, что казался на одном уровне с небом, и чьи стены отстояли столь далеко друг от друга, что вмещали, казалось, всю страну, дорогу ему преградил двойной ряд стражи. Эти стражники, состоявшие в личном королевском Ордене Богомоллов, носили громадные, усыпанные дра-

гоценными камнями маски насекомых и, казалось, не очень-то хотели пропускать его.

Мелиадус с трудом взял себя в руки и ждал, пока стража раздвинется и даст ему возможность пройти. Затем он вошел в Зал, стены которого были увешаны знаменами пятисот знатнейших семейств Гранбритании и инкрустированы мозаикой из драгоценных камней, изображавшей эпизоды из истории Гранбритании. Он прошел по проходу, образованному тысячей неподвижно стоящих воинов-Богомоллов, к Тронному Шару, который находился чуть ли не в миле от входа.

Подойдя к Шару, он пал ниц.

Твердая черная сфера, казалось, на мгновение дрогнула, когда барон Мелиадус поднялся, затем черноту Шара пронизали мгновенно мелькнувшие алые и белые прожилки, медленно перешедшие в более темный цвет. Субстанция, похожая на молоко, смешанное с кровью, взбаламутилась, затем стала прозрачной, открыв крошечную, похожую на человеческий эмбрион фигуру, свернувшуюся в центре Шара. С лица этой гротескной фигуры твердо смотрели черные и острые глаза, в которых светился древний бессмертный разум. Это был Гуон, Король-Император Гранбритании и Гранд Констебль Ордена Богомоллов, обладатель абсолютной власти над десятками миллионов людей, правитель, что жил вечно и чьим именем барон Мелиадус завоевал всю Европу и земли за ее пределами.

Из Тронного Шара донесся золотой голос юноши, умершего тысячу лет назад:

— А, наш порывистый барон Мелиадус!

Мелиадус вновь поклонился и почтительно произнес:

— К вашим услугам, Повелитель Всего.

— Что вы можете нам сообщить, торопливый лорд?

— Об успехе, Великий Император. О доказательствах справедливости моих подозрений.

— Вы нашли пропавших эмиссаров из Азиакоммуниста?

— К сожалению, нет, благородный сир...

Барон Мелиадус даже не догадывался, что именно в этом обличье Хокмун и Д'Аверк проникли в столицу Темной Империи. В курсе дела была лишь Флана Микосеваар, которая помогла им скрыться.

— Тогда почему же вы здесь, барон?

— Я выяснил, что Хокмун, который, как я настаиваю, по-прежнему является величайшей угрозой нашей безопасности, посещал нашу страну. Я отправился в Йель и нашел там его и Юиллама Д'Аверка, а также волшебника Майгана из Лландара. Им известна тайна путешествия во времени. Прежде чем мы смогли задержать их, они исчезли. Могучий Монарх, если они могут приходить в нашу страну и уходить из нее, когда пожелают, то мы не сможем чувствовать себя в безопасности, пока они не уничтожены. Я хотел предложить, чтобы мы немедленно направили все усилия наших ученых, в особенности Тараорма

и Калана, на поиск этих ренегатов и их уничтожение. Они угрожают нам...

— Барон Мелиадус, какие новости об эmissарах из Азиакоммуниста?

— Пока что никаких, Могучий Король-Император, но...

— С несколькими партизанами, барон Мелиадус, наша Империя может справиться, но если нашим берегам угрожает сила, которая столь же велика, если не больше, чем наши собственные силы, более того, обладающая неизвестными нам научными секретами, то такого, как вы сами понимаете, мы можем и не пережить... — Золотой голос произносил слова с ядовитым терпением.

— У нас нет доказательств, — нахмурился барон, — что такое вторжение планируется, о Монарх Всего Мира...

— Согласен. Но равным образом у нас нет и доказательств, что Хокмун и его банда обладают способом причинить нам сколько-нибудь сильный вред. — В жидкости, заполняющей Тронный Шар, вдруг промелькнули искорки леденящей голубизны.

— Великий Король-Император, дайте мне время и средства...

— Мы — Империя, которая постоянно расширяет свои границы. И мы желаем распространяться еще дальше, барон Мелиадус. Было бы неверно останавливаться на достигнутом, не правда ли? Это не в наших обычаях. Мы гордимся нашим влиянием на Земле, и мы желаем распространить его еще дальше. Вы, кажется, не рветесь исполнять наши честолюбивые замыслы, которые заключаются в том, чтобы нести ужас во все стороны света. Мы боимся, что вы стареете...

— Но, Повелитель Всего, отказываясь противодействовать тем силам, что хотя и слабы, но могут разрушить наши замыслы, мы тоже можем предать нашу судьбу!

— Мы негодуем по поводу инакомыслия, барон Мелиадус. Ваша личная ненависть к Хокмуну, твое желание обладать Ийссельдой Брасс представляют собой предательство. Мы будем помнить о твоих эгоистичных интересах, барон, потому что, если ты будешь продолжать в том же духе, мы будем вынуждены избрать другого вместо тебя и освободить тебя от службы, да, даже освободить тебя от Орденана...

Руки барона Мелиадуса, одетые в латные рукавицы, непроизвольно метнулись к маске. Б ы т ь б е з м а с к и! Величайший позор, величайший ужас, ибо угроза подразумевала именно это. Вступить в ряды низких слоев общества в Лондре — в касту не носящих масок! Мелиадус внутренне содрогнулся и едва заставил себя заговорить.

— Я согласен с вами, о Император Земли, — удалось ему наконец выдать из себя.

— Мы не хотели бы видеть такого великого военачальника уничтоженным несколькими помрачившими его разум мыслями. Если ты желаешь полностью восстановить нашу милость, то выясни средства, при помощи которых отбыли эmissары Азиакоммуниста.

Барон Мелиадус рухнул на колени, кивая громадной волчьей маской и раскинув в стороны руки. Завоеватель Европы пал, конечно, ниц перед своим Королем, но в мозгу его зрели мятежные мысли, и он возносил благодарность духу своего Ордена за то, что маска скрывала его лицо и потому ярость его не была видна.

Пятясь, он отступил от Тронного Шара, а пронизывающие глаза Короля-Императора с таящейся в них саркастической усмешкой продолжали разглядывать его. Цепкий язык Гуона коснулся драгоценного камня, плававшего около его сморщенной головы, и белая жидкость взбаламутилась, сверкнула всеми цветами радуги, а потом постепенно обрела черный цвет.

Мелиадус повернулся и начался долгий обратный путь к гигантским дверям. Барону казалось, что все глаза за неподвижными масками Богомолов следят за ним со злорадным весельем.

Пройдя в двери, он свернул налево и зашагал по извилистым коридорам Дворца, ища покои графини Фланы Микосеваар из Кэнберри, вдовы Азровака Микосеваара, возглавлявшего некогда Орден Стервятников. Графиня Флана была теперь не столько вдовой Главы Ордена Стервятника, сколько единственной живой родственницей Короля Гуона, его кузиной.

Г л а в а 2

МЫСЛИ ГРАФИНИ ФЛАНЫ

На лакированном столе перед ней лежала филигранно выполненная маска Цапли, а сама она смотрела в окно на извивающиеся спиралями шпили города Лондры, и ее бледное прекрасное лицо хранило выражение печали и замешательства.

Когда она отвернулась, богатые шелка и драгоценные камни на ее платье отразили свет красного солнца. Она подошла к шкафу и открыла его. Там все еще находились странные костюмы, хранимые ею с тех пор, как два человека покинули ее покои много дней назад. Это были доспехи, которыми воспользовались Хокмун и Д'Аверк, когда они выдавали себя за эмиссаров Азиакоммуниста. Она стояла и раздумывала, пытаясь представить, где они и что с ними, особенно с Д'Аверком, который, как она гадалась, полюбил ее.

Флана, графиня Кэнберри, имела дюжину мужей и неисчислимо множество любовников и избавлялась от них тем или иным способом, как другая женщина могла бы избавиться от пары использованных чулок. Флана никогда прежде не знала любви, никогда не испытывала эмоций, известных большинству людей.

Но каким-то образом Д'Аверк, этот щеголеватый рыцарь, вечно прикидывающийся больным, пробудил в ней эти чувства. Наверное, прежде она держалась отдельно от прочих, потому что была нормальной, в то время как другие, что окружали ее при дворе, были безумны. Она была нежной и способной на любовь без привкуса эгоизма, тогда как Лорды

Темной Империи ничего не понимали в подобных чувствах. Вероятно, Д'Аверк, нежный, чувствительный, тонкий, пробудил ее от апатии, вызванной не отсутствием, а величием души.

Теперь, когда графиня Флана пробудилась, она не могла игнорировать убожество и грубость своего окружения, тяжело переживала разлуку с любимым.

Она удалилась в свои покои, избегая общества остальных. Хотя эта уловка уменьшала до некоторой степени ее контакты с окружающими, она давала благодатную почву для печали.

В комнату вошла служанка и в нерешительности остановилась на пороге. Флана машинально протянула руку за своей маской.

— В чем дело?

— Барон Мелиадус Кройденский, миледи. Он говорит, что должен вас видеть. По крайне неотложному делу.

Флана надела маску и пристроила ее поудобнее.

С минуту она обдумывала слова служанки, потом пожала плечами. Что изменится, если она несколько минут уделит Мелиадусу? Наверное, какие-то новости о Д'Аверке, которого, как она знала, барон ненавидел. Достаточно немного хитрости, и она сможет выведать, что ему известно.

Но что, если Мелиадус пожелает заняться с ней любовью?

Она просто отвергнет его.

— Пригласи барона,— сказала графиня Флана.

Г л а в а 3

ХОКМУН ИЗМЕНЯЕТ КУРС

Огромные паруса выгнулись по ветру, когда корабль неся по морской глади. Небо было ясным, а море — спокойным. Громадный простор с ажурными волнами... Весла сушились... Боцман, одетый в оранжево-черный костюм, поднялся на палубу, где, вглядываясь в океан, стоял Хокмун.

Золотистые волосы Хокмуна развевались на ветру. За спиной вился плащ из бархата винного цвета. Красивые черты лица герцога Кельнского портил лишь Черный Камень, вставленный в середину лба. Он степенно вскинул руку в знак приветствия.

— Я отдал приказ плыть вдоль побережья в восточном направлении, сэр,— доложил боцман.

— Кто посоветовал вам плыть этим курсом, боцман?

— Да никто, сэр. Просто я подумал, что раз вы направляетесь в Дмарг...

— Мы направляемся не в Дмарг. Скажи об этом рулевому.

— Но тот страшный воин — Рыцарь в Черном и Золотом, как вы его называли,— он же говорил...

— Он мне не хозяин, боцман. Мы теперь направляемся через море — к Европе.

— К Европе, сэр?! После того как вы спасли Нарлин, мы отвезем вас куда угодно, но понимаете ли вы, какое огромное расстояние мы должны проплыть, чтобы достичь Европы, какие моря нам придется пересечь, какие шторма...

— Да, понимаю. Но все равно мы поплывем в Европу.

— Как скажете, сэр.— Нахмурившись, боцман повернулся, чтобы передать приказ рулевому.

Из своей каюты под главной палубой появился Д'Аверк и по трапу поднялся наверх. Хокмун улыбнулся ему.

— Хорошо спалось, друг Д'Аверк?

— Настолько хорошо, насколько это возможно на борту этого плавающего корыта, качающегося в разные стороны. Я и в лучшие-то времена был склонен страдать от бессонницы, Хокмун, но несколько минут мне удалось подремать. Я полагаю, что это — самое лучшее, чего я мог ожидать.

— Когда я час назад посмотрел на тебя, ты храпел,— засмеялся Хокмун.

— Так, значит, ты слышал, как я тяжело дышал, да? — поднял брови Д'Аверк.— Я старался вести себя как можно тише, но простуда, которую я подхватил, поднявшись на борт этого корабля, вызывает у меня определенные затруднения.— И он поднес к носу квадрат льняного платка.

Одет был Д'Аверк в шелк — свободная голубая рубашка, алые расклешенные брюки, тяжелый широкий кожаный пояс, на котором висели его меч и кинжал. Свое горло он обмотал длинным шарфом пурпурного цвета, а его длинным волосам не позволяла спадать на лоб повязка того же цвета, что и брюки. Его тонкие, почти аскетические черты лица хранили свое обычное пренебрежительное выражение.

— Правильно ли я понял ваш разговор с боцманом? — спросил Д'Аверк.— Ты приказал направляться в Европу?

— Да.

— Значит, ты все еще намерен добраться до Замка Брасс и забыть то, что сказал тебе Рыцарь в Черном и Золотом? Забыть, что твоя судьба посылает вот этот клинок,— Д'Аверк показал на большой розовый меч на боку Хокмуна,— в Дмарг служить делу Рунного Посоха?

— Я обязан быть верным себе и своим родным до того, как стану служить символу тайны, в существовании которой я весьма сильно сомневаюсь.

— Раньше ты не поверил бы в силу этого клинка, Меча Зари,— с иронией заметил Д'Аверк,— и все же ты видел, как он вызвал воинов спасти наши жизни.

На лице Хокмуна появилось упрямое выражение.

— Да,— с неохотой признал он,— но я все равно намерен, если это возможно, вернуться в Замок Брасс.

— Невозможно знать, в этом он измерении или нет.

— Я могу лишь надеяться, что он в этом измерении.— В голосе Хокмуна звучала категоричность, которой он старался показать свое нежелание обсуждать дальше этот уже окончательно решенный для него вопрос. Д'Аверк вновь поднял брови, затем опустил вниз и стал прогуливаться по палубе, насвистывая.

Пять дней плыли они по спокойному океану, подняв все паруса, чтобы обеспечить себе максимальную скорость.

На шестой день боцман поднялся к стоявшему на носу корабля Хокмуну и сказал:

— Видите там темное небо на горизонте, сэр? Это шторм, и мы направляемся прямо к нему.

Хокмун присмотрелся в указанном боцманом направлении.

— Говоришь, шторм? У него какой-то странный вид.

— Да, сэр. Приказать зарифить паруса?

— Нет, боцман. Мы будем плыть дальше, пока не получим лучшее представление о том, к чему направляемся.

— Как скажете, сэр.— Боцман, качая головой, спустился на палубу.

Спустя несколько часов впереди корабля возникла огненная стена, протянувшаяся через море от горизонта до горизонта. Небо над ними было, как и прежде, голубым, светило солнце, ветер слегка стих. Было впечатление, что они плыли по озеру, берега которого поднимались со всех сторон и исчезали высоко в небе. Экипаж пребывал в замешательстве, и в голосе боцмана, когда он вновь предстал перед Хокмуном, звучали нотки страха.

— Уберем паруса, сэр? Я никогда прежде не слышал о подобном явлении, экипаж нервничает, сэр, и я, признаться, тоже. Никогда не испытывал ничего похожего.

— Совершенно верно, явление странное, сверхъестественное,— сочувственно кивнул Хокмун.

— Именно так и говорят матросы, сэр.

Собственный инстинкт побуждал Хокмуна двигаться вперед и встретиться лицом к лицу с тем, что его ожидает, но он нес ответственность за экипаж корабля, каждый член которого вызвался плыть с ним добровольно в благодарность за избавление их родного города Нарлина от власти лорда-пирата Вальона, прежнего владельца Меча Зари.

— Ладно, боцман,— вздохнул Хокмун.— Уберем паруса и переждем ночь. Если нам повезет, к утру это явление прекратится.

— Благодарю вас, сэр.— Боцман явно испытывал большое облегчение.

Хокмун вгляделся в высокие стены. Были ли это облака или что-то еще? Воздух стал прохладнее, и хотя по-прежнему сияло солнце, казалось, его лучи миновали огненные стены.

Все было недвижимо. Хокмун гадал, мудро ли он поступил, направившись прочь от Дмарга. Насколько он знал, никто, кроме древних, никогда

не переплывал этот океан. И можно было лишь гадать, какие неведомые ужасы таились в нем.

Наступила ночь, а огненные стены были все еще видны в отдалении. Их темно-красные и пурпурные цвета пронзали темноту ночи. Казалось, что эти цвета не имели ничего общего с обычным спектром.

Хокмун начал испытывать беспокойство.

Утром оказалось, что стены приблизились к кораблю и стали охватывать его слева и справа. Хокмун стал опасаться, что они попали в ловушку, расставленную какими-то сверхъестественными силами.

Одетый в толстый плащ, который, правда, не очень-то спасал от холода, он расхаживал по палубе. Появился и Д'Аверк, укутанный по меньшей мере в три плаща и все же дрожащий.

— Свежее утро, Хокмун.

— Да,— пробормотал герцог Кельнский.— Что ты об этом думаешь, Д'Аверк?

— Довольно мрачный вид,— покачал головой француз.— А вот и боцман.

Оба повернулись, чтобы приветствовать боцмана. Тот тоже был плотно укутан в широкий кожаный плащ, обыкновенно употреблявшийся для защиты от воды во время шторма.

— Есть какие-либо соображения, боцман? — спросил Д'Аверк.

Боцман пожал плечами и обратился к Хокмуну:

— Матросы, сэр, что бы ни случилось, будут с вами до конца, сэр. Если понадобится, они умрут, служа вам.

— Они, как я понимаю, в мрачном настроении,— улыбнулся Д'Аверк,— но невозможно винить их за это.

— В самом деле, сэр,— круглое честное лицо боцмана выражало отчаяние,— может быть, приказать поставить паруса, сэр?

— Так будет лучше, чем сидеть и ждать,— подтвердил Хокмун.— Поднимайте паруса.

Боцман выкрикнул приказ, и матросы полезли по вантам, ставя паруса и закрепляя концы. Постепенно паруса наполнились ветром, и с кажущейся неохотой корабль начал двигаться к странным багрово-красным стенам, похожим на облака.

Корабль вплотную подошел к стене. Видимость резко ухудшилась, багровые комья влажной и плотной ваты надвигались на людей. Отовсюду слышались странные воющие звуки... Матросы, едва сдерживая страх, застыли в ожидании. Хокмун с тревогой вглядывался в то, что ожидало их впереди.

А затем в один миг стены исчезли.

Хокмун ахнул.

Со всех сторон их окружало спокойное море. Все было, как прежде, и матросы стали издавать радостные вопли, но Хокмун заметил, что лицо Д'Аверка оставалось мрачным. Хокмун тоже ощущал, что опасность, вероятно, еще не миновала. Он ждал, стоя наготове у фальшборта.

А затем из моря появилось громадное чудовище.

Мгновенно радостные крики сменились воплями ужаса. На поверхности воды появились одна за другой еще несколько гигантских рептилий с зияющими красными пастью и тройными рядами зубов. Вода струилась по их чешуе, а горящие глаза были полны безумной страшной злобы.

Раздался оглушающий звук хлопающих крыльев, и гигантские монстры один за другим поднялись в воздух.

— Нам конец, Хокмун,— с философским спокойствием произнес Д'Аверк, вынимая меч.— Даже жаль, что не довелось напоследок увидеть Замок Брасс и сорвать последний поцелуй с губ тех женщин, которых мы любили.

Он негодовал на то, что умрет в этом пустынном океане и никто из его близких не узнает, где и как он погиб...

Г л а в а 4

ОРЛАНД ФАНК

Тени гигантских рептилий проносились над палубой. Шумом их крыльев был заполнен воздух. Хокмун с холодной отвлеченностью смотрел, как одно из чудовищ, разинув пасть, снижалось, и он приготовился, зная, что его жизни пришел конец. Но чудовище вновь поднялось в воздух, лишь задев мачту.

С напряженными нервами и готовыми лопнуть мышцами Дориан Хокмун выхватил Меч Зари, который не мог держать в руках и при этом остаться в живых никакой другой человек. Но он также понимал, что даже его волшебный меч бессилен против этих гнусных тварей, которым достаточно нанести по кораблю лишь несколько ударов, чтобы отправить его на дно.

Корабль раскачивался на волнах, поднятых взмахами громадных крыльев. Воздух был пропитан зловонным запахом гнусных рептилий.

— Почему они не нападают? — нахмурился Д'Аверк.— Они, похоже, играют с нами в какую-то игру.

— Вероятно,— кивнул Хокмун, выдавив слова сквозь стиснутые зубы.— Может быть, им приятно позабавиться немного, перед тем как уничтожить нас.

Когда очередная громадная тень опустилась, Д'Аверк подпрыгнул и рубанул мечом по крылу, но тварь взмыла в воздух, уклонившись от удара.

— Фу! — сморщил нос Д'Аверк.— Ну и вонь! Такое никак не может пойти на пользу моим легким.

Твари сменили тактику. Они нанесли по кораблю несколько ударов своими крыльями. Корабль содрогался, и матросы громко закричали, падая с вантов на палубу. Хокмун и Д'Аверк еле удерживались на ногах, цепляясь за фальшборт, чтобы не оказаться в воде.

— Они поворачивают корабль! — озадаченно воскликнул Д'Аверк. — Нас вынуждают повернуть!

Хокмун мрачно молчал. Скоро корабль оказался развернутым примерно градусов на девяносто, а потом чудища поднялись в воздух повыше и закружили в высоте, словно обсуждая, что делать дальше.

Рептилии отлетели далеко от корабля, чуть ли не на милю, потом вновь повернули к кораблю. Построившись клином, твари сильно захлопали крыльями. Поднялся такой ветер, что Хокмун и Д'Аверк не смогли удержаться на ногах и оказались прижатыми к доскам палубы.

Паруса корабля выгнулись по ветру, и пораженный Д'Аверк воскликнул:

— Так вот что они делают! Они гонят корабль туда, куда им приказано направить его! Это невероятно!

— Мы направляемся обратно к Амареку, — произнес, тщетно пытаясь подняться с палубы, Хокмун. — Хотел бы я знать...

— Чем они питаются? — прокричал сквозь шум ветра Д'Аверк. — Дыхание их чересчур зловонно! Уф-ф!

Все матросы забились в веселые ячейки и в ужасе смотрели на ужасающих рептилий, которые хлопали крыльями над самыми их головами, наполняя паруса ветром.

— Наверное, их детенышей надо кормить, а те, возможно, предпочитают сырое мясо, — высказал предположение Хокмун.

— То, что ты говоришь, — Д'Аверк выглядел оскорбленным, — может быть, и верно, друг Хокмун. Но все же с твоей стороны было бестактно высказывать вслух подобную мысль.

Хокмун криво усмехнулся.

— Если их гнездовье находится на суше, — сказал он, — есть шанс побороться с ними. Здесь же, в открытом море, шансы наши равны нулю.

— Вы оптимист, герцог Кельнский...

Больше часа гнали корабль по морю необыкновенные пресмыкающиеся. Скорость была просто головокружительна. Вдруг Хокмун, не произнеся ни слова, показал вперед.

— Остров! — воскликнул Д'Аверк. — На этот счет ты оказался прав!

Это был небольшой островок, лишенный растительности. Склоны его резко поднимались к центру, как будто островок был вершиной какой-то горы, еще не полностью погрузившейся в воду.

Тут Хокмуна взволновала новая опасность.

— Скалы! Мы направляемся прямо на них! Матросы! По местам! Рулевой!..

Но он сам уже метнулся к рулю, схватил его и отчаянно попытался спасти корабль от столкновения со скалами.

Д'Аверк присоединился к нему. Остров вырастал в размерах прямо на глазах, в ушах уже гремел шум прибоя — барабанный бой их гибели!

Когда утесы острова уже почти возвышались над кораблем, он стал медленно отворачиваться. Их обдало брызгами пенного прибоя, а потом они услышали ужасающий треск. Стало ясно, что скалы раскололи правый борт ниже ватерлинии.

— Каждый спасается сам! — крикнул Хокмун и бросился к борту. Д'Аверк последовал за ним. Корабль накренился и встал на нос, словно живое существо. Хокмун и Д'Аверк, с секунду поколебавшись, прыгнули в черные бурлящие волны моря.

Отягощенный своим огромным мечом, Хокмун почувствовал, что его тянет на дно. Сквозь бурлящую вокруг воду он видел несколько барахтающихся матросов.

Шум прибоя стал теперь глуше. Несмотря на то что его тянуло на дно, он и не подумал избавиться от Меча Зари. Вместо этого он постарался собрать все свои силы, чтобы выплыть наверх, таща за собой тяжелый клинок.

Наконец он заметил смутный силуэт корабля над собой. Море выглядело более спокойным, а ветер и вовсе стих, грохот прибоя уменьшился до шепота и странное безмолвие пришло на смену царившей только что какофонии звуков. Хокмун доплыл до плоской скалы на берегу и забрался на нее.

Затем он огляделся.

Рептилии все еще кружили в небе, но очень высоко. Вдруг они поднялись еще выше, с минуту парили в небе и устремились к воде.

Одна за другой, с громким всплеском твари врезались в волны. Корабль застонал, когда волны, поднятые ими, докатились до него, а Хокмуна чуть не смыло с безопасной скалы.

Чудища исчезли в глубине.

Хокмун смахнул воду с одежды и выплюнул изо рта пучок водорослей.

Что будут делать чудовища дальше? Намереваются ли они оставить свою добычу в живых, уничтожая ее лишь тогда, когда им понадобится живое мясо?

Хокмун услышал, как его окликнули, и, обернувшись, увидел Д'Аверка и полдюжины матросов, пробирающихся к нему по качающимся под ногами камням.

— Ты видел, как эти твари скрылись, Хокмун? — Д'Аверк был ошеломлен.

— Да. Хотел бы я знать, вернутся ли они.

Д'Аверк мрачно посмотрел в направлении, где исчезли рептилии. Потом пожал плечами.

— Я предлагаю двинуться вглубь острова, сняв предварительно с корабля все, что удастся спасти, — сказал Хокмун. — Сколько людей осталось в живых? — Он повернулся к стоящему позади Д'Аверка боцману.

— Думаю, большинство, сэр. Нам повезло. Посмотрите...

— Отправьте на корабль несколько человек, пока он не развалился,— велел Хокмун.— Пришвартуйте на берегу фалы и начинайте выгружать припасы.

— Слушаюсь, сэр. А если вернутся чудовища?

— Этим придется заняться, когда мы их увидим,— ответил Хокмун.

Несколько часов подряд Хокмун наблюдал за тем, как на берег выгружалось все, что можно.

— Как ты думаешь, можно будет отремонтировать корабль? — спросил Д'Аверк.

— Возможно. Теперь, когда море спокойно, мало шансов, что он будет разбит о скалы. Но на ремонт нужно время.— Хокмун потер тусклый Черный Камень в середине лба.— Пошли, Д'Аверк, обследуем остров.

Они стали подниматься по скалам, направляясь по пологому склону к вершине острова. Место это казалось лишенным какой-либо жизни. Самое большее, на что они могли надеяться, это обнаружить лужи пресной воды, а на берегу могли оказаться выброшенные волнами устрицы. Шансы выжить в этом бесплодном скоплении скал казались ничтожно малыми.

Они добрались до вершины и остановились, тяжело дыша от затраченных усилий.

— Другая сторона столь же бесплодна, как и эта,— сказал, показывая вниз, Д'Аверк.— Интересно... — Он оборвал фразу и ахнул: — Клянусь глазами Березанта! Человек!

Хокмун взглянул в направлении, указанном Д'Аверком.

И правда, вдоль берега двигалась какая-то фигура. Пока они смотрели, человек поднял голову и весело помахал рукой, приглашая спуститься к нему.

Едва ли уверенные в том, что это не мираж, оба друга стали медленно спускаться. Незнакомец стоял, уперев руки в бока, широко расставив ноги, и улыбался им.

Человек был одет по странной и архаичной моде. На мускулистый торс была натянута кожаная безрукавка, оставлявшая обнаженными его руки и грудь. Копну рыжих волос прикрывала вязаная шапочка, довольно изящно украшенная пером из хвоста фазана. Брюки были ужасающего клетчатого узора, а на ногах красовались стоптанные штиблеты с пряжками. На спине при помощи веревки был прикреплен нигантский боевой топор со стальным топорищем, заляпанным грязью. Лицо человека было костистым и красным, а в глядевших на них голубых глазах проглядывало лукавство.

— Ну, так значит, вы, должно быть, те самые Хокмун и Д'Аверк? — проговорил человек со странным акцентом.— Мне говорили, что вы, наконец, появитесь.

— А вы кто, сэр? — несколько надменно поинтересовался Д'Аверк.

— Да я же Орланд Фанк, разве вы не узнали? Орланд Фанк к вашим услугам, дорогие сэры.

— Вы живете на этом острове? — спросил Хокмун.

— Я жил здесь, но в данный момент не живу уже, вы должны об этом знать. — Фанк снял шапочку и вытер тыльной стороной ладони лоб. — Нынче я путешествую, как и вы сами...

— А кто рассказал вам о нас? — полюбопытствовал Хокмун.

— У меня есть брат. Он любит носить довольно пижонские чернo-золотые доспехи...

— Рыцарь в Черном и Золотом! — воскликнул Хокмун.

— Его действительно называют столь пустым титулом, как я слышал. Не сомневаюсь, что он не упоминал о своем грубом и шустром братце.

— Не упоминал.

— Меня зовут Орланд Фанк из местечка на Оркнее, знаете...

— С Оркнея! — Рука Хокмуна произвольно рванулась к мечу. — Разве это не часть Гранбритании? Остров на Далеком Севере!

— Скажите оркнейцу, что он принадлежит Темной Империи, — засмеялся Фанк, — и он перегрызет вам глотку зубами! — Он сделал как бы извиняющийся жест и пояснил: — Там это, знаете ли, любимый способ разделяться с врагами. Мы не очень-то утонченный народ.

— Так значит, Рыцарь в Черном и Золотом тоже с Оркнея... — начал было Д'Аверк.

— Помилуйте, какое там! Это он-то с Оркнея? С его пижонскими доспехами и изысканными манерами? — Орланд Фанк от души расхохотался. — Нет, он не оркнеец! — Фанк отер потрепанной шапочкой слезы с глаз. — Почему вы так подумали?

— Вы же сказали, что он ваш брат.

— Так оно и есть. Можно сказать, что он мой духовный брат. Наверное, даже и физический. Я это уже забыл. Видите ли, прошло столько лет с тех пор, как мы впервые встретились.

— И что вас свело?

— Можно сказать, общее дело. Разделяемый нами идеал.

— А не был ли это Рунный Посох? — пробормотал себе под нос Хокмун столь тихим голосом, который едва ли громче шепота морского прибора.

— Может быть.

— Ты, друг Фанк, вдруг внезапно стал неразговорчивым, — заметил Д'Аверк.

— Да. Мы с Оркнея — народ неразговорчивый, — улыбнулся Орланд Фанк. — Правда, я там считаюсь чем-то вроде болтуна. — Он, казалось, не обиделся.

— Те чудовища и странные облака, которые мы видели, — это имеет отношение к Рунному Посоху? — поинтересовался Хокмун, указывая себе за спину.

— Я не видел никаких чудовищ и никаких облаков. Я сам лишь недавно прибыл сюда.

— Нас пригнали к этому острову гигантские рептилии, — пояснил Хокмун. — И теперь я начинаю понимать, почему. Не сомневаюсь, что они тоже служили Рунному Посоху.

— Может быть и так, — согласился Орланд Фанк. — Это, как вы понимаете, не мое дело, лорд Дориан.

— Ведь именно Рунный Посох вызвал крушение нашего корабля? — свирепо спросил Хокмун.

— Не могу сказать, — ответил Фанк, накрывая шапочкой копну рыжих волос и почесывая подбородок. — Я знаю только, что я здесь для того, чтобы дать вам лодку и сообщить, где можно найти ближайшую обитаемую землю.

— У вас есть для нас лодка? — поразился Д'Аверк.

— Да. Не роскошное, но тем не менее пригодное для плавания судно. Вас двоих оно должно вместить.

— Нас двоих! У нас пятьдесят матросов! — Глаза Хокмуна вспыхнули. — О, если Рунный Посох желает, чтобы я служил ему, ему следовало бы устраивать дела получше! Я могу сказать, что все, чего удалось ему достичь, это мой яростный гнев!

— Ваш гнев лишь утомит вас, — мягко сказал Фанк. — Я думал, вы направляетесь в Дмарг послужить делу Рунного Посоха. Мой брат говорил мне...

— Твой брат настаивал, чтобы я плыл в Дмарг. Но я должен быть верен и другим, Орланд Фанк. Верен жене, которую не видел много месяцев, тестю, который ждет моего возвращения, своим друзьям...

— Обитателям Замка Брасс? Да, я слышал о них. В данный момент они в безопасности, если это может служить вам утешением.

— Ты знаешь это наверняка?

— Да. Их жизнь течет безо всяких происшествий, если не считать неприятностей с Эльверезой Тозером...

— С Тозером? Что еще с ним стряслось?

— Как я понял, он вернул себе кольцо и скрылся. — Орланд Фанк сделал рукой летательный жест.

— Куда?

— Куда? Кто знает. Вы на себе испытали кольца Майгана.

— Эти предметы не заслуживают доверия.

— Так и я понял.

— Во всяком случае, они хотя бы избавились от Тозера.

— Я не знаю такого человека.

— Талантливый драматург, — пояснил Хокмун, — с моралью... э...

— Гранбретанца? — предположил Фанк.

— Именно. — Хокмун нахмурился и пристально посмотрел на Фанка. — Ты меня не обманываешь? Мои близкие и друзья действительно в безопасности?

— В данный момент их безопасности ничто не угрожает.

— Где лодка? — вздохнул Хокмун. — И что ты скажешь по поводу моего экипажа?

— Я владею немного умением кораблестроителя. Я помогу им починить корабль, так что они смогут вернуться в Нарлин.

— Почему мы не можем плыть вместе с ними? — спросил Д'Аверк.

— Как я понял, вы очень нетерпеливы, — невинно произнес Фанк, — и вы отправились бы с острова, как только предоставится малейшая возможность. Чтобы отремонтировать корабль, понадобится много времени.

— Мы отправимся на вашей лодочке, — решил Хокмун. — Похоже, если мы этого не сделаем, Рунный Посох или какая-то там другая сила, что заставила нас оказаться на этом острове, позаботится, чтобы у нас и дальше возникали всяческие неудобства.

— Как я понимаю, это весьма вероятно, — чуть улыбаясь про себя, согласился Фанк.

— А как ты покинешь остров, если мы заберем твою лодку? — спросил Д'Аверк.

— Я поплыву с моряками до Нарлина. У меня масса свободного времени.

— Далеко ли отсюда до материка? И как мы будем плыть? — спросил Хокмун. — Ты можешь одолжить нам компас?

— Расстояние невелико, — пожал плечами Фанк, — и компас вам не понадобится. Вам следует лишь дожждаться подходящего ветра.

— Что ты имеешь в виду?

— Ветры в этих краях несколько своеобразны. Вы скоро поймете, о чем я говорю.

Покорившись судьбе, Хокмун пожал плечами.

Когда Орланд Фанк направился вдоль берега, они последовали за ним.

— Похоже, мы не такие уж хозяева собственной судьбы, как нам хотелось бы, — ехидно пробормотал про себя Д'Аверк, когда в поле их зрения появилась небольшая лодка.

Г л а в а 5 ГОРОД СВЕЯЩИХСЯ ТЕНЕЙ

Лежа на дне лодки, Хокмун хмурился, а Д'Аверк, стоя на носу, насвистывал какой-то мотивчик, не обращая внимания на обдающие его брызги. Уже целый день ветер гнал суденышко по определенному курсу.

— Теперь я понимаю слова Фанка по поводу ветра, — проворчал Хокмун, — это не естественный бриз. И мне не нравится быть марионеткой в руках каких-то сверхъестественных сил...

Д'Аверк усмехнулся и показал вперед:

— Вероятно, у нас появится возможность передать твои жалобы этим силам. Смотри — видна земля.

Хокмун неохотно поднялся и увидел на горизонте землю.

— Итак, мы возвращаемся в Амареки,— рассмеялся Д'Аверк.

— Если бы только это оказалась Европа и там была бы Ийссельда,— вздохнул Хокмун.

— Или Лондра и Флана — для моего утешения.— Д'Аверк пожал плечами и принялся кашлять.— И все же к лучшему, что она не обручилась с большим, даже умирающим человеком.

Постепенно стали различимы очертания побережья: неровные утесы, холмы, пляжи и несколько деревьев. Затем к югу они увидели странное сияние золотого света. Оно, казалось, пульсировало в такт ударам гигантского сердца.

— Похоже, опять нечто сверхъестественное,— сказал Д'Аверк.

Ветер задул сильнее и лодочка повернула к золотому свету.

— А мы направляемся прямо к нему,— простонал Хокмун.— Я уже начинаю уставать от подобного.

Теперь стало ясно, что они входят в залив между материком и длинным островом. Именно на дальнем конце этого острова пульсировало золотое сияние.

Берег по обеим сторонам был пологим, его составляли пляжи и покрытые деревьями холмы. Никаких признаков жизни не было видно.

Когда они приблизились к источнику света, он стал тускнеть, пока не осталось лишь слабое свечение. Скорость лодки снизилась, но они все еще продвигались. А затем они увидели город такой красоты и утонченности, что лишились дара речи. Столь же огромный, как и Лондра, если не больше; его здания венчались симметричными шпилями, куполами и башнями, и все они светились тем же странным светом, но каждое здание имело свой собственный оттенок — розовый, желтый, синий, зеленый, фиолетовый и вишневый, словно это были краски, созданные из света, а потом смешанные с золотом. Город казался обиталищем богов, а не человеческих существ.

Лодка вплыла в порт, протянувшийся до самого города, причалы переливались теми же тонкими оттенками цветов, которые они видели на зданиях.

— Это похоже на мечту... — прошептал Хокмун.

— Мечту о рае,— подхватил Д'Аверк без всякой иронии.

Лодка подплыла к лестнице, которая спускалась к воде, и остановилась.

— Я полагаю,— пожал плечами Д'Аверк,— именно тут мы и высадимся. Нас могло занести и в менее приятное местечко.

Хокмун кивнул с серьезным видом, потом спросил:

— Кольца Майгана все еще у тебя в сумке, Д'Аверк?

— Они в безопасности! — похлопал себя по боку Д'Аверк.— А что?

— Мне просто хотелось быть уверенным, что, если опасность станет слишком велика, мы сможем воспользоваться кольцами.

Д'Аверк понимающе кивнул, потом сморщил лоб:

— Странно, что нам не пришло в голову воспользоваться ими на острове...

Лицо Хокмуна отразило недоумение друга.

— Да, да... — Потом он в негодовании поджал губы. — Несомненно это было результатом влияния сверхъестественных сил на наш разум! Как мне надоели все эти сверхъестественные штучки!

Д'Аверк приложил к губам палец и надел на лицо маску неодобрения.

— Что за выражения в подобном месте!

— Надеюсь, его обитатели столь же приятны на вид.

— Если только здесь есть обитатели, — ответил, оглядываясь вокруг, Д'Аверк.

Они поднялись по лестнице и добрались до набережной. Перед ними возвышались странные здания, между которыми протянулись широкие улицы.

— Давай войдем в город, — решительно предложил Хокмун, — и как можно скорей выясним, зачем нас сюда призвали. Тогда, наверное, нам позволят вернуться в Замок Брасс.

Когда они пошли по ближайшей улице, им показалось, что отбрасываемые зданиями тени действительно светились жизнью и своим собственным светом. Хокмун коснулся одной из башен, ее субстанция оказалась непохожей ни на что, к чему он прикасался ранее. Это был не камень, и не дерево, и даже не сталь, потому что она слегка подалась под его пальцами и заставила их затрепетать. Его, кроме того, удивила теплота, пробежавшая по руке и заполнившая тело.

— Это скорее плоть, чем камень, — покачал он головой.

Д'Аверк тоже коснулся рукой здания.

— Да, похоже на плоть или какое-то растение. Материал определенно кажется органическим.

Они двинулись дальше. Каждая вторая улица расширялась и становилась площадью. Хокмун и Д'Аверк пересекли площадь, разглядывая здания, казавшиеся бесконечно высокими и исчезающими в странном золотом тумане.

Голоса их стали тише, словно они не решались нарушать безмолвие великого города.

— Ты заметил, — прошептал Хокмун, — что здесь нет никаких окон?

— И никаких дверей, — добавил Д'Аверк. — Я уверен, что этот город был построен не для людей и что строили его не люди!

— Наверное, какие-то существа, что жили в Трагическом Тысячелетии, — предположил Хокмун, — Существа вроде призрачного народа Со-риандума.

Д'Аверк кивнул.

Впереди них странные тени собрались тесней, и когда друзья пересекали их, в них поднималось ощущение полного благополучия. Вопреки своим страхам Хокмун начал улыбаться. Вокруг них кружились светящиеся тени. Хокмуну пришло в голову, что, возможно, это жители города.

Друзья оказались на громадной площади, которая, несомненно, была центром города. Посреди площади вздымалось цилиндрическое здание, которое, несмотря на то что оно было самым большим зданием города, выглядело также и самым изящным. По стенам его переливались разноцветные огни, а у его подножия Хокмун заметил и кое-что еще.

— Смотри, Д'Аверк, лестница, ведущая к двери!

— Хотел бы я знать, что нам следует делать? — прошептал Д'Аверк.

— Войти, конечно, — пожал плечами Хокмун. — Терять нам нечего.

— Наверное, мы найдем ответ на этот вопрос внутри, — улыбнулся его друг. — После вас, герцог Кельнский.

Двое друзей поднялись по лестнице и добрались до дверного проема. Хокмун храбро шагнул в него, и Д'Аверк сразу же последовал за ним.

Г л а в а 6 ДЖЕЭМИЯ КОНАЛИАС

Ноги их, казалось, погружались в пол, а светящиеся тени обволакивали обоих друзей, пока они продвигались в мерцающей тьме башни.

Коридоры наполнило сладкое звучание — нежное, похожее на нежную колыбельную. Музыка еще более усилила ощущение благополучия, пока они все глубже погружались в странную органическую субстанцию.

Неожиданно они оказались в небольшой комнате, наполненной тем же золотым пульсирующим излучением, что они видели с лодки.

Этот свет исходил от ребенка.

Это был мальчик восточной наружности со смуглой кожей. Он был одет в одежду, так густо украшенную камнями, что ткани просто было не видно.

Мальчик улыбнулся, и его улыбка соответствовала окружающему его мягкому свету. Было невозможно не полюбить его.

— Герцог Дориан Хокмун фон Кельн, — нежно произнес мальчик, склонив голову. — Юиллам Д'Аверк, я восхищался и вашими картинами, и вашими зданиями, сэр.

— Вы знаете о них? — Д'Аверк был поражен.

— Они великолепны. Почему вы не создаете новых?

— Я... я полагаю, — Д'Аверк смущенно откашлялся, — что потерял навыки. И потом война...

— Ах да, конечно. Темная Империя. Потому-то вы здесь.

— Я так и предполагал...

— Меня зовут Джээмия Коналиас, — снова улыбнулся мальчик. — И это единственные достоверные сведения обо мне, которые я могу вам сообщить. Этот город называется Дмарг. Жители его во внешнем мире называются Великими Добродетельными Людьми. По-моему, вы уже встретили некоторых из них.

— Светящиеся тени? — спросил Хокмун.

— Да, светящиеся тени.
— Они разумны? — поинтересовался Хокмун.
— Безусловно. Вероятно, даже более чем разумны.
— И этот город, Дмарг, — утвердительно произнес Хокмун, — и есть легендарный город Рунного Посоха?

— Да.

— Странно, что все легенды указывают на то, что Рунный Посох находится не на континенте Амарек, а в Азиакоммуниста, — заметил Д'Аверк.

— Наверное, это не случайно, — улыбнулся мальчик. — Такие легенды чрезвычайно удобны.

— Понятно.

Джеэмия Коналиас спокойно улыбался.

— Как я понимаю, вы явились увидеть Рунный Посох?

— Очевидно, — ответил Хокмун, будучи не в состоянии испытывать гнев в присутствии этого ребенка. — Сначала ваш Рыцарь в Черном и Золотом велел нам отправиться сюда, а потом, когда мы заколебались, нас познакомили с его братом — неким Орландом Фанком...

— Ах да, — улыбался Джеэмия Коналиас, — Орланд Фанк. Я испытываю особую симпатию к этому слуге Рунного Посоха. — Он чуть нахмурился. — Но я чуть не забыл. Сперва вам нужно освежиться и встретиться с собратом-путешественником. Он опередил вас всего на несколько часов.

— Мы его знаем?

— По-моему, у вас бывали в прошлом кое-какие контакты. Сюда. — Мальчик почти выплыл из своего кресла.

— Кто же этот наш знакомый, что прибыл в Дмарг? — шепнул Хокмуну Д'Аверк.

Г л а в а 7

ШИРОКО ИЗВЕСТНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

Они проследовали за Джеэмией Коналиасом по извилистым коридорам. В помещениях теперь стало светлей, потому что светящиеся тени — Великие Добродетельные Люди, как назвал их мальчик, — исчезли. Надо полагать, их задачей было привести Хокмуна и Д'Аверка к цели их путешествия.

Наконец они вошли в зал побольше, где находился длинный стол, сделанный, надо полагать, из той же субстанции, что и стены, и скамьи из того же материала. Стол был накрыт. На нем стояли блюда с относительно простой пищей — рыбой, хлебом и овощами.

Но их внимание привлекла фигура, что находилась в другом конце зала. Увидев этого человека, они непроизвольно схватились за рукояти мечей, а на лицах появилось выражение гневного удивления.

Наконец Хокмун смог выдавить сквозь стиснутые зубы:

— Шенегар Тротт!

Толстая фигура тяжело двинулась к ним. Простая серебряная маска явно была пародией на черты, скрываемые под ней.

— Добрый день, господа. Хокмун и Д'Аверк, как я понимаю?

— Ты представляешь, кто эта тварь? — обратился Хокмун к Д'Аверку.

— Путешественник из Европы, по-моему.

— Это граф Суссекский, правая рука Короля Гуона. Он изнасиловал пол-Европы! Зло, что причинил он людям, уступает лишь злу, в котором повинен барон Мелиадус.

— Бросьте, — проговорил Тротт мягким и веселым голосом. — Давайте не станем оскорблять друг друга. Мы здесь на нейтральной территории. Вопросы войны — другое дело. Но поскольку в данный момент они нас не волнуют, я предложил бы, чтобы мы вели себя как цивилизованные люди и не оскорбляли своей перебранкой нашего юного хозяина.

— Как ты прибыл в Дмарг, граф Шенегар? — гневно спросил Хокмун.

— На корабле, герцог Кельнский. Наш барон Калан, с которым, как я понимаю, вы встречались... — Тротт засмеялся, когда Хокмун машинально коснулся Черного Камня во лбу, который несколько лет назад поместил туда барон Калан. — ... Он изобрел новый вид двигателя, несущего наши корабли по морю с громадной скоростью. Наш мудрый Король-Император поручил мне отправиться в Амареку, завязать дружественные отношения с правителями здешних держав...

— Вы хотите сказать — разведать их силы и слабости, прежде чем вы на них нападете! — вскипел Хокмун. — Нельзя доверять слугам Темной Империи!

Мальчик развел руками, и на его лице появилось печальное выражение.

— Мы здесь в Дмарге добиваемся всего лишь равновесия. В конечном итоге, оно — цель и причина существования Рунного Посоха, который содержится здесь. Умоляю вас, поберегите ваш гнев для поля битвы и направьте ваши силы на опробование приготовленной для вас пищи.

— Но я должен предупредить, — произнес Юиллам Д'Аверк более спокойным, чем Хокмун, тоном, — что Шенегар Тротт здесь не для того, чтобы принести мир. Куда бы он ни отправлялся, он приносил лишь зло и разрушение. Приготовьтесь к этому, ибо он считается самым хитрым лордом Гранбретани.

Мальчик, казалось, смутился и лишь повторным жестом пригласил их к столу.

— Садитесь, пожалуйста...

— А где ваш флот, граф Шенегар? — спросил Д'Аверк, усаживаясь на скамью и придвигая к себе блюдо с рыбой.

— Флот? — с невинным видом переспросил Тротт. — Я не упоминал о флоте — лишь о своем корабле, который пристал в нескольких милях от города.

— Тогда это должен быть и вправду большой корабль, — пробурчал Хокмун, откусывая хлеб, — потому что не похоже на графа Темной Империи отправляться в путешествие, не подготовившись к завоеванию.

— Вы забываете, что в Гранбретани есть ученые и исследователи, — возразил, словно обидевшись, Тротт. — Мы ищем знания, истину и разум. Да ведь все наши действия подчинены лишь одному — объединить враждующие государства Европы и добиться разумного мира во всем мире, чтобы знание развивалось быстрее.

Д'Аверк ничем не отреагировал на эту сентенцию, лишь закашлял более нарочито, чем обычно.

И тут Тротт сделал нечто совершенно беспрецедентное для вельможи Темной Империи. Он бодро сдвинул маску на затылок и принялся за еду. В Гранбретани считалось весьма неприличным открывать свое лицо, а уж тем более есть на людях. Тротт, как было известно Хокмуну, считался в Гранбретани личностью эксцентричной. Остальная знать терпела его только из-за его громадного состояния, искусства полководца, а также за то, что, вопреки его изнеженной плоти, он был воином большой личной храбрости.

Лицо, открывшееся их взорам, оказалось таким же, как и карикатурная маска. Оно выглядело белым, пухлым и умным. Глаза лишены всякого выражения, но было понятно, что Шенегар Тротт способен вложить в них любое.

Они ели в молчании. Лишь мальчик не притрагивался к еде, хотя и сидел вместе с ними.

Хокмун указал на объемистые посеребренные доспехи графа.

— Зачем же вы путешествуете в таком тяжелом снаряжении, граф Шенегар, если у вас мирная исследовательская миссия?

— Как же я мог предугадать, — улыбнулся граф, — с какими опасностями мне придется столкнуться в этом странном городе? Ведь вполне логично предположить, что путешествовать нужно хорошо подготовленным.

Д'Аверк сменил тему, словно понимая, что от гранбретанца невозможно добиться ничего, кроме столь гладких ответов.

— Как протекает война в Европе? — спросил он.

— В Европе нет никакой войны, — последовал ответ Тротта.

— Никакой войны! Тогда почему же мы находимся здесь, изгнанные со своих собственных земель? — ехидно поинтересовался Хокмун.

— Никакой войны нет, потому что вся Европа пребывает в мире под покровительством нашего доброго Короля Гуона, — пояснил Шенегар Тротт, а потом подмигнул почти по-приятельски, что заставило Хокмуна замолчать.

— То есть исключая Камарг, — продолжал Тротт, — который, как известно, полностью исчез. Мой собрат — пэр барон Мелиадус — был крайне взбешен этим обстоятельством.

— Я в этом не сомневался,— сказал Хокмун.— А он все еще мечтает отомстить нам?

— Именно так. Когда я покидал Лондру, ему угрожала опасность вернуться в посмешище для всего двора.

— Кажется, вы испытываете не много симпатии к барону? — высказал предположение Д'Аверк.

— Вы меня верно поняли,— подтвердил граф Шенегар.— Я как раз спорил с ним. Хотя я и верен своей родине и своему Королю, но я не всегда согласен с тем, что делалось от их имени. В самом деле, даже с тем, что делал сам. Я выполнял приказ. Я — патриот.— Шенегар Тротт пожал своими массивными плечами.— Я предпочел бы сидеть дома, читать книги и писать мемуары. Я, знаете ли, некогда считался многообещающим поэтом.

— Но теперь вы пишете лишь эпитафии, да и то огнем и кровью,— бросил Хокмун.

Казалось, граф Шенегар вовсе не обиделся. Вместо этого он рассудительно ответил:

— У вас своя точка зрения, у меня — своя. Я верю в конечную разумность нашего дела, в то, что объединение всего мира — самое важное дело, что личные интересы, какими бы благородными они ни были, должны быть принесены в жертву большим принципам.

— Это обычный вежливый ответ гранбретанца,— заявил Хокмун, которого невозможно было переубедить.— Именно те же аргументы приводил графу Брассу барон Мелиадус, перед тем как собирался изнасиловать и похитить дочь графа.

— От барона Мелиадуса я уже отмежевался,— возразил граф Тротт.— При каждом дворе есть свой злодей, чьи принципы состоят лишь в удовлетворении личных интересов.

Казалось, Шенегар Тротт адресует свои речи не Хокмуну и Д'Аверку, а мальчику, в молчании слушающему их беседу.

Закончив есть, Тротт отодвинул от себя блюдо и снова натянул на лицо маску.

— Благодарю вас за гостеприимство, сэр. А теперь вы обещали мне, что я смогу посмотреть и повосхищаться Рунным Посохом. Мне доставит великую радость возможность оказаться перед этим легендарным символом тайны...

Хокмун и Д'Аверк предупреждающе посмотрели на мальчика, но он, похоже, даже не заметил этого.

— Сейчас уже поздно,— ответил Джезмия Коналиас.— Мы посетим Зал Рунного Посоха завтра. А пока отдохните здесь, вот за этой дверью.— Он указал через зал:— Там вы найдете все, что нужно для сна. А я навещу вас утром.

— Спасибо за ваше предложение,— поднялся и поклонился Шенегар Тротт,— но мои люди станут волноваться, если я не вернусь ночевать на свой корабль. Я явлюсь к вам завтра.

— Как пожелаете,— согласился мальчик.

— Нам следовало бы поблагодарить вас за гостеприимство,— произнес Хокмун,— но позвольте еще раз вас предупредить, что Шенегар Тротт не может быть тем, за кого себя выдает.

— Такое упорство достойно восхищения.— Шенегар Тротт махнул рукой в латной рукавице в шутливом жесте прощания и беззаботной походкой покинул зал.

— Боюсь, мы будем неважно спать, зная, что наш враг в Дмарге,— сказал Д'Аверк.

— Не бойтесь,— улыбнулся мальчик.— Великие Добродетельные Люди помогут вам отдохнуть и защитят от любой опасности. Спокойной ночи, господа. Я увижусь с вами завтра.

Мальчик легкой походкой вышел из зала, а Хокмун и Д'Аверк отправились в комнаты, где им были приготовлены постели.

— Боюсь, Шенегар Тротт намерен причинить вред мальчику,— сказал Хокмун.

— Нам следует быть начеку и защитить его,— отозвался Д'Аверк.— Спокойной ночи, Хокмун.

После того как Д'Аверк нырнул в свою комнату, Хокмун открыл дверь к себе. В комнате роились светящиеся тени и звучала неземная музыка колыбельной, которую он уже слышал. Почти сразу же Хокмун крепко заснул.

Г л а в а 8 УЛЬТИМАТУМ

Хокмун проснулся поздно, чувствуя себя основательно отдохнувшим, но потом заметил, что светящиеся тени казались взволнованными. От них исходил холодный синий свет, и они кружились, словно в приступе страха.

Хокмун быстро поднялся с постели и пристегнул пояс с мечом. Он нахмурился. Опасность, которой он страшился, должна была вот-вот возникнуть или уже возникла.

В комнату к Хокмуну влетел Д'Аверк:

— Как, по-твоему, Хокмун, что случилось?

— Не знаю. Не замышляет ли Шенегар Тротт какое-нибудь вторжение? Может, мальчик попал в беду?

А потом светящиеся тени холодом обволокли обоих друзей, и они почувствовали, что их стремительно уносят. Они пронеслись через зал, где накануне ужинали, с невероятной скоростью полетели по коридорам, пока не оказались вне здания.

Скорость полета упала, и Хокмун с Д'Аверком, которые едва переводили дух, оказались парящими в воздухе высоко над главной площадью.

Д'Аверк побледнел, поскольку ноги его не имели опоры, а светящиеся тени стали еще менее материальны, но все же друзья не падали.

Внизу на площади были видны очень крохотные фигурки, которые двигались в направлении башни.

— Это же целая армия! — воскликнул Хокмун. — Их, должно быть, не меньше тысячи. Вот достойный ответ Шенегара Тротта и вот чего стоят его утверждения по поводу мирного характера его миссии. Он вторгся в Дмарг! Но зачем?

— Разве тебе это еще не ясно, друг мой? — мрачно поинтересовался Д'Аверк. — Тротт ищет Рунный Посох. Когда он добудет его, он станет властелином всего мира!

— Но он не знает, где Посох находится.

— Вот потому-то он, вероятно, и собирается захватить башню. Видишь, воины уже внутри.

Окруженные со всех сторон золотистыми тенями и светом, друзья в ужасе смотрели на открывшуюся им картину.

— Мы должны спуститься, — сказал наконец Хокмун.

— Но ведь нас всего лишь двое против тысячи! — указал ему Д'Аверк.

— Да, но если Меч Зари вновь вызовет Легион Зари, то мы сумеем их одолеть! — возразил Хокмун.

Словно уловив смысл его слов, Великие Добродетельные Люди стали снижаться. Хокмун ощутил, как его сердце клубком подкатилось к горлу, когда они быстро падали вниз, на площадь, уже целиком заполненную одетыми в маски воинами Темной Империи — членами Легиона Сокола, который, подобно Легиону Стервятников, составлен был из отщепенцев. Бешеные глаза Соколов глядели вверх, словно предвкушая кровавый пир. Клювы казались готовыми растерзать плоть двух врагов Темной Империи, а мечи, палицы, топоры и копья в их руках были похожи на когти, готовые рвать добычу.

Светящиеся тени опустили Хокмуна и Д'Аверка неподалеку от входа в башню, и у них только-только хватило времени выхватить мечи, прежде чем на них налетели Соколы.

Но тут у входа в башню появился Шенегар Тротт и окликнул своих солдат:

— Стойте, Соколы мои. Нет надобности в кровопролитии. Мальчик у меня.

Хокмун и Д'Аверк увидели, как он поднял за одежду брыкающегося в его руках Джеэмию Коналиаса и держал его, показывая своим солдатам.

— Я знаю, что этот город полон сверхъестественных созданий, которые попытаются остановить нас, — объявил граф, — и потому я взял на себя смелость гарантировать нашу безопасность, пока мы здесь находимся. Если тронут хоть одного из нас, я перережу мальчишке горло от уха до уха. — Шенегар Тротт рассмеялся. — Я иду на такое, только чтобы избежать любого рода нападения...

Хокмун сделал движение, чтобы вызвать Легион Зари, но Тротт осуждающе погрозил ему пальцем.

— Вы станете причиной гибели ребенка, герцог Кельнский!

С гневом глядя на него, Хокмун опустил руку и обратился к мальчику:

— Я же предупреждал тебя о его вероломстве...

— Да... — Мальчик полузадыхался, брыкаясь в руках Тротта. — Боюсь, мне следовало бы обратить больше внимания на ваши слова, сэр...

Граф Шенегар засмеялся. Его маска сверкала в золотистом свете.

— А теперь говори, где находится Рунный Посох!

Мальчик показал на цилиндрическую башню.

— Зал Рунного Посоха внутри.

— Показывай! — Шенегар Тротт обернулся к своим воинам. — Хорошенько следите за этой парочкой. Я предпочел бы взять их живыми. Король-Император будет доволен, когда мы вернемся и с героями Камарга, и с Рунным Посохом. Если они шевельнутся, крикните мне, и я отхвачу у мальчишки ухо-другое. — Он вынул кинжал и поднес его к лицу мальчика. — Большинство из вас пусть следуют за мной!

Шенегар Тротт исчез, а шестеро воинов остались охранять Хокмуна и Д'Аверка. Остальные последовали за своим предводителем.

— Если бы мальчик обратил внимание на то, что мы ему говорили! — нахмурился Хокмун. Он чуть двинулся, и Соколы предупреждающе зашевелились. — Как нам спасти его да еще Рунный Посох впридачу от лап Тротта?

Вдруг пораженная охрана уставилась вверх, взгляд Д'Аверка устремился в том же направлении.

— Кажется, нас выручат, — улыбнулся Д'Аверк.

Возвращались светящиеся тени.

Раньше чем Соколы успели среагировать, тени обволокли друзей и спокойно подняли их вверх. В замешательстве воины пытались им помешать, размахивая мечами, а потом повернулись и помчались в башню предупредить своего предводителя, что пленники освободились.

Все выше и выше поднимались Великие Добродетельные Люди, неся Хокмуна и Д'Аверка в золотистое марево, превратившееся в густой золотой туман, так что им больше не было видно друг друга, не говоря уже о том, чтобы наблюдать происходящее внизу.

Казалось, они провели в воздухе не один час, прежде чем начали понимать, что золотой туман становится реже.

Г л а в а 9 РУННЫЙ ПОСОХ

Когда золотой туман рассеялся, взору Хокмуна предстала феерия всевозможных цветов — волн и лучей, создающих в воздухе странные конфигурации и исходящих из одного центра.

Прищурив глаза от этого интенсивного света, Хокмун осмотрелся. Он и Д'Аверк парили под самым потолком зала, чьи стены казались выложенными листьями полупрозрачного изумруда и оникса. В центре зала возвышался помост, к которому со всех сторон вели лестницы. И именно

от предмета, находящегося на помосте, исходили световые лучи и волны. Узоры — звезды, круги, конусы и более сложные фигуры — постоянно смещались, но источник их оставался недвижим. Это был небольшой посох длиной примерно с короткий меч, густого черного цвета, тусклый, а в нескольких местах явно обесцвеченный.

«Это ли Рунный Посох?» — недоумевал Хокмун. Он казался слишком невзрачным, чтобы быть предметом, о мощи которого ходило столько легенд. Хокмун представлял, что он должен быть высотой с человека, ярких цветов — а эту штуковину он мог унести в одной руке!

Внезапно в другой стороне зала открылась дверь и внутрь ввалились солдаты. Это были Шенегар Тротт и его телохранители из Легиона Сокола. Мальчик все так же трепыхался в руках Шенегара, и смех графа Суссекского заполнил весь зал.

— Наконец-то! Он мой! Даже Король-Император не посмеет ни в чем отказать мне, коль скоро в моих руках будет Рунный Посох!

Хокмун принюхался. В воздухе появился горько-сладкий запах. И зал теперь начал заполнять мягкий гудящий звук. Великие Добродетельные Люди опустили Хокмуна и Д'Аверка на лестницу ниже Рунного Посоха. И тут граф Шенегар увидел их.

— Как?!

Хокмун прожег его взглядом и, подняв левую руку, указал в сторону графа.

— Отпусти ребенка, Шенегар Тротт!

Граф Суссекский вновь рассмеялся, мгновенно оправившись от неожиданности.

— Сперва скажите мне, как вам удалось попасть сюда раньше меня.

— При помощи Великих Добродетельных Людей — тех сверхъестественных созданий, которых ты так боялся. Но у нас есть и другие друзья, граф Шенегар.

Кинжал Тротта блеснул и очутился в миллиметре от носа мальчика.

— Тогда я был бы последним идиотом, упустив свой единственный шанс на свободу, не говоря уже об успехе!

— Предупреждаю тебя, граф, — произнес Хокмун, — этот клинок — не обыкновенное оружие! Смотри, как он пылает розовым светом!

— Да, он очень красив. Но сможет ли он остановить меня до того, как я выковыряю глаз мальчишке, как изюминку из пирога?

Д'Аверк оглядел странный зал, который пронизывали постоянно меняющиеся узоры из света. Светящиеся тени, казалось, глядели теперь на них из-под потолка.

— Кажется, это пат, Хокмун, — прошептал Д'Аверк. — Мы больше не получим никакой помощи от светящихся теней, судя по их виду. Очевидно, они не способны принимать участие в междоусобных человеческих делах.

— Если ты отпустишь мальчика, я подумаю о том, чтобы позволить тебе покинуть Дмарг невредимым, — пообещал Хокмун.

— Неужели? — засмеялся Шенегар Тротт.— И вы сможете выгнать из города армию, вы двое?

— У нас есть союзники,— напомнил ему Хокмун.

— Возможно. Но у меня есть другое предложение: сложите мечи и позвольте мне забрать Рунный Посох. Когда я его возьму, вы сможете получить мальчишку.

— Живого?

— Живого.

— Как можно доверять такому человеку, как Шенегар Тротт? — поинтересовался Д'Аверк, ни к кому не обращаясь.— Он убьет мальчика, а потом разделается с нами. У вельмож Гранбретани нет привычки держать слово.

— Если бы только у нас были бы какие-то гарантии,— прошептал в отчаянии Хокмун.

В этот момент позади них раздался знакомый голос, и они удивленно обернулись.

— У тебя нет иного выбора, Шенегар Тротт, как освободить ребенка! — прогремел из-под черно-золотого шлема Рыцарь.

— Да, мой брат верно говорит... — С другой стороны появился Орланд Фанк со своим гигантским боевым топором на затылке.

Г л а в а 1 0

ДУХ РУННОГО ПОСОХА

Шенегар Тротт, граф Суссекский, снова засмеялся и покачал головой:

— Ну, теперь вас четверо, но это ничуть не меняет ситуацию. У меня за спиной тысяча солдат, а мальчишка в моих руках. Будьте добры, господа, посторонитесь. Дайте мне забрать Рунный Посох.

Костистое лицо Орланда Фанка расплылось в широкой усмешке, а Рыцарь в Черном и Золотом лишь переступил бронированными ногами. Хокмун и Д'Аверк вопросительно взглянули на них.

— Я полагаю, в ваших аргументах есть одна слабость,— произнес Орланд Фанк.

— О нет, сэр, никакой.— Шенегар Тротт направился к посоху.

— А я бы сказал, что есть...

— Тогда какая же? — Шенегар Тротт остановился.

— Вы исходите из того, что можете удержать мальчика, не так ли?

— Я могу убить его прежде, чем вы сможете его отнять.

— Да, но вы исходите из того, что у ребенка нет никаких средств вырваться от вас, не так ли?

— Освободиться, трепыхаясь, он не сможет! — Одной рукой Шенегар Тротт поднял ребенка за одежду и удовлетворенно захохотал.— Видите!

И тут из груди пораженного гранбританца вырвался крик удивления — мальчик, казалось, просто вытек из его рук, заструившись через весь зал длинной полоской света. Черты его были все еще видны, но странно удлинились и потеряли четкость. Музыка в зале стала громче, а запах сильнее.

Шенегар непроизвольно делал хватательные движения, стараясь достать мальчика, но схватить того было так же невозможно, как и пульсирующие в воздухе светящиеся тени.

— Клянусь Шаром Гуона, он не человек! — завизжал в бессильной ярости Тротт. — Он не человек!

— А он на это и не претендовал, — мягко заметил Орланд Фанк и весело подмигнул Хокмуну. — Теперь ты и твой друг готовы к хорошей драке?

— Готовы, — усмехнулся в ответ Хокмун. — Конечно, готовы.

В это время мальчик, вернее, то, что осталось от него, протянулся над их головами и коснулся Рунного Посоха. Узоры в воздухе изменились, стали насыщенней и разнообразней, так что все лица пересекали меняющиеся полосы света.

Орланд Фанк следил за этими полосами с величайшим вниманием, и когда оказалось, что мальчик словно поглощен Рунным Посохом, лицо оркнейца стало печальным, даже сожаляющим.

Вскоре в зале не осталось и следа мальчика, а Рунный Посох теперь засветился черным светом, обрел, казалось, душу.

— Кто же он, Орланд Фанк? — воскликнул Хокмун.

— Кто? — моргнул Фанк. — Да ясно, кто — Дух Рунного Посоха. Он редко материализуется в человека. Вам оказана особая честь.

Шенегар Тротт все еще визжал от ярости, но потом вдруг успокоился, когда из-под опущенного забрала прогремел вновь голос Рыцаря в Черном и Золотом:

— Теперь тебе пора подготовиться к смерти, граф Суссекский!

— Вы опять ошибаетесь! — как безумный расхохотался Шенегар Тротт. — Вас четверо, а нас — тысяча. Вы умрете до того, как я стану обладателем Рунного Посоха!

Рыцарь повернулся к Хокмуну:

— Герцог Кельнский, нет ли у вас желания вызвать подмогу?

— С удовольствием, — усмехнулся Хокмун и поднял высоко в воздух розовый меч: — Я в ы з ы в а ю Л е г и о н З а р и!

И сразу зал заполнился розовым светом, в лучах которого цветные узоры несколько поблекли. Окрашенные розовым сиянием, в зале появились сто свирепых воинов.

Внешность каждого из них была варварской, словно они прибыли сюда из более раннего, скорее, первобытного общества. Они были вооружены громадными шипастыми дубинами, украшенными резьбой, и копьями с привязанными на конце пучками крашенных волос. Их коричневые тела и лица были вымазаны краской, одеждой служили лишь набедренные

повязки из цветной ткани. На руках и ногах были привязаны сыромятными ремнями пластины, служившие для защиты от ударов. Большие черные глаза воинов были печальны. И они пели стонущую погребальную песнь.

Это были Воины Зари.

Даже закаленные в боях и видавшие всякое солдаты Легиона Сокола в ужасе закричали. Шенегар Тротт невольно шагнул назад.

— Я советовал бы вам сложить оружие и сдаться на милость победителя,— мрачно произнес Хокмун.

— Никогда! — замотал головой Тротт.— Нас все равно больше, чем вас!

— Тогда приступим,— сказал Хокмун и стал опускаться по лестнице навстречу врагам.

Шенегар Тротт выхватил огромный меч и принял боевую стойку. Хокмун рубанул его Мечом Зари, но Тротт увернулся и сделал выпад, меч едва не пропорол живот Хокмуна. Поскольку Тротт был закован в латы, а Хокмун был одет лишь в шелк, преимущество было на стороне Тротта.

Погребальная песнь Воинов Зари сменилась грозным боем, когда вслед за Хокмуном они бросились вперед и принялись бить и колоть вокруг себя дубинами и копьями. Свирепые солдаты-Соколы доблестно встретили их.

Но гранбретанцы явно были деморализованы, когда обнаружили, что на месте каждого убитого Воина Зари появляется новый.

Д'Аверк, Орланд Фанк и Рыцарь в Черном и Золотом спускались по лестнице, почти синхронно взмахивая перед собой клинками и тесня солдат-Соколов.

Шенегар Тротт распорол Хокмуну рукав рубашки. Хокмун же сумел нанести мечом удар по маске графа, прогнув ее так, что она стала еще более гротескной.

Но неожиданно Хокмун получил удар по затылку. Он обернулся и увидел солдата-Сокола, который ударил его древком топора. Теряя сознание, Хокмун успел увидеть, что Воины Зари тают. Похоже, они не могли драться, если их властелин выбывал из борьбы.

Падая на ступени лицом вниз, Хокмун услышал смех Шенегара Тротта.

Г л а в а 11

СМЕРТЬ БРАТА

Хокмун расслышал отдаленный шум битвы, помотал головой и попытался прогнать красно-черный туман. Он попробовал встать, но понял, что его придавило по меньшей мере четыре трупа. Его друзья хорошо постояли за себя.

С трудом выбравшись из-под груды тел, Хокмун увидел, что Шенегар добрался до Рунного Посоха. Там же сражался Рыцарь в Черном и Золотом,

который явно был тяжело ранен. Шенегар Тротт поднял громадную булаву и обрушил ее на шлем Рыцаря. Тот зашатался, и шлем сплюснулся.

Хокмун набрал воздуха в легкие и хриплым голосом заорал:

— Легион Зари! Вернись ко мне! Легион Зари!

И тогда воины, светящиеся розовым, возникли вновь, рассекая ряды уже торжествовавших Соколов.

Хокмун, шатаясь, стал подниматься по лестнице, не в состоянии разобратся, кто еще жив из его друзей. Но в этот момент тело в черно-золотых доспехах повалилось на него. Хокмун поддержал Рыцаря, насколько это было в его силах, но по ощущению тяжести тела он понял, что в теле внутри доспехов уже нет жизни.

Он начал открывать забрало, желая увидеть лицо того, кто столь долго направлял его судьбу, но смог сдвинуть забрало меньше, чем на дюйм, настолько погнула его булава Шенегара Тротта.

— Рыцарь...

— Рыцарь убит! — Шенегар Тротт сорвал с себя маску и протянул руку к Рунному Посоху, с победоносным видом глядя через плечо на Хокмуна. — Через мгновение умрешь и ты, Дориан Хокмун!

С воплем ярости Дориан Хокмун выронил мертвое тело и взлетел по лестнице к своему врагу. Оставив попытку схватить Рунный Посох, Шенегар Тротт обернулся и поднял свою булаву.

Хокмун нырнул под удар и приблизился к Тротту, сцепившись с ним на верхней ступеньке. Повсюду вокруг них шла кровавая резня.

Борясь с графом, Хокмун краем глаза разглядел Д'Аверка, который, стоя на лестнице с неподвижно висящей левой рукой, отчаянно бился с пятью воинами-Соколами. Рубашка Д'Аверка превратилась в кровавые лохмотья. Выше него дрался Орланд Фанк, вращая над головой свой громадный топор и испуская дикий страшный клич.

Тротт сопел сквозь толстые губы, и Хокмун был поражен его силой.

— Ты умрешь, Хокмун, ты должен умереть, чтобы Рунный Посох стал моим!

— Он никогда не станет твоим! Им не может владеть ни один человек! — Внезапным сильным рывком Хокмун прорвал оборону Тротта и ударил того прямо в лицо. Граф завизжал и вновь бросился вперед, но Хокмун поднял обутую в сапог ногу и пнул графа в грудь, заставив скатиться вниз с помоста. Хокмун вновь поднял Меч Зари. И ослепленный яростью, Шенегар Тротт наткнулся прямо на его острие. Бросив последний взгляд на столь вожделенный Рунный Посох, граф умер с непристойным ругательством на устах.

Хокмун выдернул меч и осмотрелся. Его Легион Зари заканчивал свою работу, добывая последних врагов, а Д'Аверк и Орланд Фанк устало расположились на лестнице несколькими ступенями ниже.

Вскоре немногочисленные стоны были оборваны, наступила тишина, если не считать мелодичного слабого гудения и тяжелого дыхания троих, что остались живы.

Когда умер последний гранбританец, Легион Зари исчез.

Хокмун посмотрел на труп Шенегара Тротта и нахмурился.

— Одного мы уничтожили. Но если сюда был послан один, то последуют и другие. Дмарг больше не в безопасности от Темной Империи... и...

Фанк чихнул и вытер нос рукавом.

— Именно тебе и надлежит гарантировать безопасность Дмарга и безопасность остального мира, если уж на то пошло.

— Как я могу сделать это? — саркастически усмехнулся Хокмун.

Фанк открыл рот, чтобы ответить, но тут глаза его вспыхнули — он увидел огромное тело Рыцаря в Черном и Золотом.

— Брат! — охнул Фанк и начал спускаться, шатаясь, по лестнице. Он выронил топор и обнял неподвижное тело. — Брат...

— Он мертв, — мягко проговорил Хокмун. — Он пал от руки Шенегара Тротта, защищая Рунный Посох, а я убил Тротта...

Фанк заплакал.

Хокмун и Д'Аверк стояли рядом, глядя на воина. Весь Зал Рунного Посоха был завален трупами. Даже узоры в воздухе, казалось, обрели красноватую расцветку, а горько-сладкий запах не мог заглушить запах смерти.

Хокмун вложил Меч Зари в ножны.

— Что теперь, хотел бы я знать? — произнес он. — Мы выполнили задачу, которую нас просили выполнить. Мы успешно защитили Рунный Посох. Теперь-то мы можем вернуться в Европу?

И тут позади них раздался голос. Это был нежный голос ребенка — Джезмии Коналиаса. Обернувшись, Хокмун увидел, что тот стоит на месте Рунного Посоха, держа его в руке.

— Теперь, герцог Кельнский, ты возьмешь то, что заслужил по праву, — сказал мальчик. В его узких глазах светилось веселье. — Ты возьмешь с собой Рунный Посох и вернешься в Европу, чтобы там решить судьбу Земли.

— В Европу! Я думал, его нельзя увозить из Дмарга!

— Не всякому. Ты как избранник Рунного Посоха можешь взять его. — Мальчик вытянулся в направлении Хокмуна, и в его руке был Рунный Посох. — Возьми его. Защищай его. И моли, чтобы он защитил тебя...

— А как нам его использовать? — поинтересовался Д'Аверк.

— Как символ. Пусть все люди знают, что Рунный Посох с вами, что он на вашей стороне. Скажите всем, что барон Мелиадус посмел поклясться Рунным Посохом и таким образом привел в движение величайшие силы в истории. Вторгнись в Гранбритань, если сможешь, или погибни, попытавшись сделать это. Скоро произойдет последняя великая битва между Мелиадусом и Хокмуном и руководить ею будет Рунный Посох.

Хокмун молча принял Посох. Он был холодным на ощупь, мертвым и очень тяжелым, хотя вокруг него все еще переливались цветные узоры.

— Благодарю тебя, — тихо сказал Хокмун.

— Великие Добродетельные Люди помогут вам вернуться домой,— продолжал мальчик.— Прощай, Хокмун.

— Прощай. Куда ты отправишься теперь?

— Туда, где мое место.

И вдруг мальчик снова стал изменяться, превращаясь в струю золотистого цвета, но еще сохраняя некоторое подобие человеческого облика. Потом он влился в Рунный Посох, который сразу же стал теплым, полным жизни и света.

С легкой дрожью Хокмун спрятал Рунный Посох за пазуху.

Когда они выходили из зала, Д'Аверк заметил, что Орланд Фанк все еще тихо плачет.

— Ты все еще горюешь о человеке, который был тебе братом? — спросил его Д'Аверк.

— Да. Но еще больше я горюю о своем сыне.

— Сыне? Что с ним?

Орланд Фанк ткнул пальцем в сторону Хокмуна, который шел позади них.

— Он у него.

— О чем это ты?

— Так и должно быть,— тяжело вздохнул Фанк.— Я знаю это. Но я все-таки человек, я могу плакать. Я говорю о Джезми Коналиасе.

— О мальчике! О Духе Рунного Посоха!

— Да, он был моим сыном или мной самим... Я никогда полностью не понимал этих вещей...

КНИГА ВТОРАЯ

Предание гласит: тот, кто связан клятвой с Рунным Посохом, тот должен или победить или погибнуть. Это подтверждают события, последовавшие за словами клятвы. Барон Мелиадус дал клятву отомстить обитателям Замка Брасс. Он поклялся, что дочь графа Брасса Ийссельда будет принадлежать ему. В тот роковой день нити истории сплели новый узор. Барона Мелиадуса обуяли новые желания. Хокмун попался в очередную ловушку. История близилась к развязке, но не для всех она оказалась счастливой...

Из истории «Рунного Посоха»

Глава 1 ШЕПОТ В ТАЙНЫХ ПОКОЯХ

Веранда была обращена к кроваво-красной реке Таймзе, что несла свои воды через самое сердце Лондры между мрачных безумных башен.

Пролетел, лязгая металлом, орнитоптер, яркая металлическая птица, а баржи из бронзы и слоновой кости везли по реке грузы с побережья и обратно. Грузы были богатые — награбленное добро, пленные мужчины, женщины и дети, которых везли в Лондру, чтобы они стали рабами. Навес из тяжелого пурпурного бархата, украшенный кисточками из алого шелка, защищал сидящих на веранде от нескромных взоров сверху, а тень, отбрасываемая навесом, не давала возможности разглядеть их с реки.

На веранде стояли медный стол и два позолоченных кресла с голубой плюшевой обивкой. На богато инкрустированном платиновом подносе красовались кувшин из темного стекла, наполненный вином, и пара таких же бокалов. По обеим сторонам двери, ведущей на веранду, стояли обнаженные девушки с густо нарумяненными лицами. Румяна же укрывали и их груди, и гениталии. Всякий, знакомый с двором Лондры, сразу узнал бы девушек-рабынь барона Мелиадуса Кройденского, ибо единственной их одеждой были румяна и пудра. Такова была воля их хозяина.

Одна из девушек, устремившая неподвижный взгляд на реку, была блондинкой, почти наверняка из Кельна в Германии, который был владением барона Мелиадуса. Другая девушка была темноволосой,

несомненно, из какого-нибудь городка на Ближнем Востоке, присоединенного Мелиадусом к своим владениям при помощи окровавленного меча.

В одном из позолоченных кресел сидела женщина, с ног до головы завернутая в богатую парчу. На ней была серебряная маска, выполненная в форме цапли. В другом кресле сидел человек в костюме из объемистой черной кожи. Увенчивала его огромная маска, изображающая морду черного оскалившегося волка. Он опустил в свой бокал золотую трубочку, вставил один конец трубочки в крохотное отверстие маски там, где был его рот, и стал медленно потягивать вино.

Мужчина и женщина молчали, звуки доносились лишь из-за пределов веранды — шум проплывающих мимо барж, шлепки волн, разбегавшихся от них, визг или смех девушек на реке.

Наконец человек в маске Волка начал говорить тихим вибрирующим голосом. Женщина не повернула головы, показала, что слышит, но продолжала смотреть на кроваво-красную воду, цвет которой был обусловлен миазмами, изливавшимися в реку из стоков.

— Ты, Флана, знаешь, что сама находишься под некоторым подозрением. Король Гуон думает, что ты могла иметь какое-то отношение к таинственному безумию, что охватило стражников в ту ночь, когда исчезли эмиссары из Азиакоммуниста. Несомненно, я не улучшаю своего собственного положения, встречаясь с тобой подобным образом, но я думаю лишь о нашем любимом отечестве — только о славе Гранбретани... — Говоривший сделал паузу, ожидая ответа, но не дождался. — Совершенно очевидно, Флана, что нынешняя ситуация при дворе — не лучшая для Империи. Я, конечно, как истинный сын Гранбретани, ценю эксцентричность, но существует разница между эксцентричностью и старческим ма-размом. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Флана Микосеваар вновь промолчала.

— Я полагаю, — продолжал мужчина, — что нам нужен новый правитель — Императрица. Есть только один живой человек, что находится в прямом родстве с Гуоном — единственный, кого примут все в качестве законного сюзерена, законного наследника Трона Темной Империи.

Никакого ответа.

Мужчина в волчьей маске нагнулся вперед:

— Флана?

Маска Цапли повернулась, смерив взглядом морду оскалившегося Волка.

— Флана, ты могла бы стать Королевой-Императрицей Гранбретани. Если я стану при тебе регентом, мы сможем гарантировать безопасность нашей страны и завоеванных территорий, сделать Гранбретань еще более великой — сделать нашим весь мир!

— А что делать с миром, когда он станет принадлежать нам, Мелиадус? — прервала наконец молчание Флана Микосеваар.

— Наслаждаться им, пользоваться им, Флана!

— Разве нельзя устать от насилий, грабежей и убийств? От пыток и разрушений?

Казалось, Мелиадус озадачен ее замечанием.

— Заскучать можно, конечно, от чего угодно, но есть и другое — эксперименты Калана и Тарагорма, если уж на то пошло. Имея в своем распоряжении ресурсы всего мира, наши ученые смогут сделать что угодно. Они смогут даже построить для нас корабли для плавания через космос, подобные тому кораблю, на котором, по словам легенды, древние доставили на наш земной шар Рунный Посох! Мы сможем отправиться к новым мирам и завоевать их — противопоставить свой ум и искусство всей Вселенной! Гранбританская экспансия может продолжаться миллион лет!

— И мы ищем всего лишь приключений и острых ощущений, Мелиадус?

— Да, а почему бы и нет? Вокруг нас лишь хаос и нет никакого смысла в существовании, а есть только одна выгода в прожитой жизни и она состоит в том, чтобы открыть все ощущения, какие способны испытать человеческие душа и тело. Это ведь наверняка займет миллион лет?

— Верно, это наше кредо, — кивнула Флана. Она вздохнула. — Поэтому я полагаю, что могу согласиться с твоими планами, Мелиадус, так как то, что ты предлагаешь сделать, не более скучно, чем все остальное. — Она пожала плечами. — Ладно, я буду твоей Королевой, когда я тебе понадобится, а если Король Гуон обнаружит нашу измену, что ж, умереть будет облегчением.

Слегка потеряв свой апломб от такого замечания, Мелиадус поднялся из-за стола.

— Ты никому ничего не скажешь, Флана, пока не придет время?

— Я ничего не скажу.

— Хорошо. Теперь я должен навестить Калана. Мой замысел привлеч его, поскольку это означает большой простор для его экспериментов, если мы победим. Тарагорм тоже со мной...

— Ты доверяешь Тарагорму? Ваша вражда хорошо известна.

— Да, я ненавижу Тарагорма, а он — меня. Это правда, но теперь это ненависть с обратным знаком, ибо, как ты помнишь, наша вражда началась, когда он женился на моей сестре, с которой я сам хотел обвенчаться. Но моя сестра скомпрометировала себя с ослом — и Тарагорм обнаружил это. После чего, как ты, вероятно, слышала, рабы убили мою сестру и осла. Мы с Тарагормом совместно разделились с рабами и во время этого эпизода несколько восстановили прежние отношения. Моему брату по браку можно доверять. Он чувствует, что Король Гуон весьма сильно препятствует его исследованиям.

Все это время их голоса не поднимались выше шепота, так что даже рабыни у двери не могли их расслышать.

Мелиадус поклонился Флане, щелкнул пальцами, подавая своим рабам сигнал принести носилки, и вышел.

Флана продолжала глядеть на воду, едва ли думая о замысле Мелиадуса, а скорее грезя вместо этого о красивом Д'Аверке и о будущих временах, когда они смогут вновь встретиться. Д'Аверк унесет ее подальше от Лондры и всех ее интриг, наверное, в его собственные поместья во Франции, которые она, разумеется, если станет Королевой, сможет ему вернуть.

Вероятно, для нее все же будет выгодно стать Королевой-Императрицей. Тогда она сможет выбрать себе мужа и, конечно, этим мужем станет Д'Аверк. Она простит ему все его преступления против Гранбретани, наверное, даже простит его друзей — Хокмуна и всех остальных.

Но если Мелиадус и сможет согласиться отменить смертный приговор Д'Аверку, то он ни за что не согласится пощадить остальных.

Наверное, ее замысел был глупым. Она вздохнула. Ей, в общем-то, было все равно. Даже сомнительно, что Д'Аверк все еще жив. В то же время она не видела никакой причины не принять хотя бы пассивное участие в заговоре Мелиадуса, несмотря на то, что имела представление об ужасных последствиях неудачи. Мелиадус, должно быть, дошел до крайней степени отчаяния, раз замышлял свергнуть своего законного правителя. За две тысячи лет правления Гуона ни один гранбританец не смел и подумать о свержении Короля. Флана даже не знала, возможно ли это.

Она вздрогнула. Если она станет Королевой, то не изберет для себя бессмертия — особенно если это означало стать таким же сморщенным существом, как Гуон.

Г л а в а 2

РАЗГОВОР У МАШИНЫ МЕНТАЛЬНОСТИ

Барон Калан Витальский, Гранд Констебль Ордена Змеи, и барон Мелиадус Кройденский стояли в главной лаборатории — огромном зале с высоким потолком, где проводились многие эксперименты. Странные машины производили разные звуки и источали разные запахи, а вокруг них трещали и сверкали миниатюрные разноцветные молнии, так что все в этом зале напоминало преисподнюю, в которой хозяйничали черти. То тут, то там человеческие существа были присоединены к машинам — ученые производили свои эксперименты над человеческим разумом и телом. Подопытные вопили, стонали или кричали так, что это напоминало вопли умалишенных. Это весьма раздражало экспериментаторов, которые запикивали им во рты кляпы или перерезали голосовые связки, в общем, находили какой-нибудь способ добиться тишины.

Калан положил бледную старческую руку, на которой проступали похуже на змей вены, на плечо Мелиадуса и показал на стоящую поблизости неработающую машину.

— Помните эту машину ментальности? Мы использовали ее для проверки разума Хокмуна?

— Да,— буркнул Мелиадус.— Именно она и заставила нас поверить, что он благонадежен.

— Мы исходили из известного нам, не учитывая факторы, которых не могли предвидеть,— отозвался Калан, защищая себя и свою машину.— Но я не потому упомянул о своем маленьком изобретении. Сегодня утром меня попросили использовать ее.

— Кто?

— Сам Король-Император. Он вызвал меня в Тронный Зал и сообщил, что желает проверить одного из придворных.

— Кого?

— А как по-вашему, милорд, кого?

— Меня?! — возмутился Мелиадус.

— Именно. Я думаю, что он сомневается в вашей преданности, милорд барон.

— Как по-вашему, насколько сильно?

— Не очень сильно. Похоже, на уме у Гуона было только одно — что вы, быть может, чересчур сосредоточиваетесь на своих личных замыслах и недостаточно внимания уделяете интересам престола. Я думаю, он скорее всего хотел бы знать, насколько сильна ваша личная преданность и не оставили ли вы свои личные помыслы...

— Ты намерен подчиниться его приказу, Калан?

— Ты предлагаешь мне игнорировать приказ? — пожал плечами Калан.

— Нет. Но что же нам делать?

— Мне, конечно, придется поместить тебя в машину ментальности, но я полагаю, что сумею получить результаты, соответствующие по большей части нашим интересам.— Калан засмеялся тихо звучащим смехом из-под маски.— Начнем, Мелиадус?

Мелиадус с неприязнью взглянул на машину. В верхней ее части на системе подвесок, напоминающих эшафот, висел огромный колокол.

Калан включил рубильник и сделал рукой жест сожаления.

— Раньше мы держали машину в ее собственном зале, но пространства в последнее время стало не хватать. Это-то и есть одна из основных моих жалоб. От нас требуют столь многого, а дают так мало пространства для наших опытов.

Из машины послышался звук, похожий на дыхание какого-то гигантского зверя. Калан тихо засмеялся и сделал служителям в змеиных масках знак, чтобы они подошли и помогли ему в работе с машиной.

— Будь добр, Мелиадус, встань под колокол, мы тотчас же опустим его.

Мелиадус неохотно занял место под колоколом, и тот начал опускаться, пока полностью не закрыл его. Мягкие, похожие на плоть стенки корчились, заключая в себя его тело. Затем Мелиадус ощутил, что в его череп всадили

раскаленную иглу и что она проникает в мозг глубже и глубже. Он попробовал было закричать, но голос его не слушался. Начались видения-галлюцинации и воспоминания о прошедшей жизни, главным образом о битвах и кровопролитиях. Перед его глазами часто вставало ненавистное лицо Дориана Хокмуна, искаженное в миллионе страшных обликов, а также прекрасное лицо женщины, которую он желал более всех других женщин — Ийссельды Брасс. Постепенно прошла вечность — его жизнь, — пока он не вспомнил все, что с ним происходило. Все, о чем он когда-либо думал или мечтал, но не последовательно, а в порядке возрастания важности. И надо всем довлела страсть к Ийссельде, его ненависть к Хокмуну и его замыслы о свержении власти Гуона.

Колокол поднялся, и Мелиадус снова увидел маску Калана. По какой-то неизвестной причине Мелиадус ощущал себя психически очистившимся и испытывал подъем духа.

— Ну, Калан, что ты обнаружил?

— На данном этапе ничего такого, чего бы я не знал. Для получения полных результатов потребуется час-другой. — Он хихикнул. — Император здорово был позабавился, если бы их увидел.

— Надеюсь, он их не увидит.

— Он увидит, Мелиадус, что твоя ненависть к Хокмуну становится меньше и что твоя любовь к Императору постоянна и глубока. Разве не говорят, что любовь и ненависть идут рука об руку? Так что твоя ненависть к Гуону превратится в любовь при небольшом вмешательстве с моей стороны, конечно.

— Хорошо. Давай теперь обсудим остальное в моем плане. Во-первых, мы должны найти способ вернуть Замок Брасс в это измерение или же найти путь туда. Во-вторых, мы должны суметь вдохнуть жизнь в Черный Камень, что находится посреди лба Хокмуна, и таким образом добиться, чтобы он вновь оказался в нашей власти. И наконец, мы должны изобрести оружие и все прочее, что дало бы нам возможность победить Гуона.

— Конечно, — согласился Калан. — Уже есть новые металлы, новые методы, изобретенные мною для создания кораблей...

— Кораблей, на каких отплыл Тротт?

— Да. Эти двигатели гонят суда быстрее и дальше, чем все устройства, изобретенные раньше. Пока что корабли Тротта — единственные, оснащенные ими. Тротт должен вскоре прислать нам сообщение.

— Куда он отправился?

— Я не уверен, что знаю точно, но на приличное расстояние, по меньшей мере в несколько тысяч миль. Вероятно, в Азиакоммуниста...

— Это кажется вероятным, — согласился Мелиадус. — И все же давай забудем о Тротте и обсудим детали нашего плана. Тарагорн тоже работает над устройством, которое должно помочь нам добраться до Замка Брасс.

— Наверное, будет лучше всего, если Тарагорм сосредоточится на этой линии исследования, поскольку это его специальность, а я постараюсь активизировать Черный Камень,— предложил Калан.

— Наверное,— задумчиво произнес Мелиадус.— Сначала, вероятно, я посоветуюсь со своим братом по браку. Я покидаю тебя, но скоро вернусь.

С этими словами Мелиадус призвал своих рабынь с носилками. Он махнул на прощание Калану и приказал девушкам нести его во дворец.

Г л а в а 3

ТАРАГОРМ ИЗ ДВОРЦА ВРЕМЕНИ

В странном Дворце Тарагорма, выстроенном в форме гигантских часов, воздух был заполнен лязганьем, жужжанием и тиканьем маятников и маятников. Тарагорм в своей огромной маске-часах, показывающих время столь же точно, как и прочие часы во Дворце, взял Мелиадуса за руку и провел его через Зал Маятника туда, где невысоко над головой Мелиадуса громадная медная чаша, выполненная в форме пылающего солнца, бросала свои пятьдесят тонн веса взад и вперед через зал.

— Ну, брат,— обратился Мелиадус к Тарагорму, продолжая идти.— Ты отправил мне сообщение, которое я, по твоему мнению, рад был бы услышать, но оно лишь уведомило меня, что я должен повидаться с тобой.

— Да, я считаю, что лучше всего будет передать тебе его лично. Идем.— Тарагорм провел Мелиадуса через короткий коридор в небольшое помещение, где стояли лишь одни древние часы. Он закрыл за ними дверь, и наступила относительная тишина. Тарагорм показал на часы.— Это, наверное, старейшие часы в мире, брат. Их называют «дедушкой» и они были сделаны Томасом Томпсоном.

— Никогда не слышал этого имени.

— Мастер-ремесленник, величайший для своего века. Он жил задолго до Трагического Тысячелетия.

— В самом деле? И это имеет какое-нибудь отношение к тому, что ты хотел мне сказать?

— Конечно нет.— Тарагорм хлопнул в ладоши, и тут же открылась боковая дверь. В помещение шагнула тощая оборванная фигура с лицом, прикрытым простой маской из потрескавшейся кожи. Человек отвесил Мелиадусу экстравагантный поклон.

— Кто это?

— Это Эльвереза Тозер, брат. Ты помнишь это имя?

— Конечно! Человек, укравший кольцо у Майгана и затем исчезнувший!

— Правильно. Расскажи-ка моему брату, барону Мелиадусу, где ты был, мастер Тозер...

Тозер вновь поклонился, потом уселся на край стола, свесив ноги.

— Да не был я нигде, кроме Замка Брасс, милорд!

Внезапно Мелиадус прыгнул через всю комнату и схватил пораженного Тозера за рубашку.

— Г д е ты был? — зарычал он.

— В 3-Замке Брасс, ваша честь...

Мелиадус встряхнул Тозера, подняв его со стола.

— Как?

— Я попал туда случайно — был взят в плен Хокмуном Кельнским. Меня держали в плену, у меня отняли мое кольцо, я сумел вернуть его, бежал, прибыл сюда... — единым духом в ужасе выпалил Тозер.

— Он принес с собой некоторые сведения, представляющие большой интерес, — добавил Тарагорм. — Расскажи ему, Тозер!

— Машина, что удерживает их в другом измерении, находится в подземельях Замка и заботливо охраняется. Эта кристаллическая штука привезена ими из места, называемого Сориандум. Именно она перенесла их туда и именно она гарантирует их безопасность. Это правда, милорд...

— Это правда, Мелиадус, — засмеялся Тарагорм. — Я проверил его дюжину раз. Я слышал об этой кристаллической машине, но не подозревал, что она еще употребляется. Используя все, что сообщил мне Тозер, я смогу достичь некоторых результатов.

— Ты сможешь помочь нам проложить дорогу через измерения к Замку Брасс?!

— О, это намного легче, чем ты думаешь, брат. Я уверен, что в самый короткий срок смогу вернуть Замок Брасс в наше измерение.

С минуту Мелиадус молча смотрел на Тарагорма, потом засмеялся. Смех его был столь громким, что почти заглушил стук часов.

— Наконец-то! Наконец-то! Спасибо тебе, брат! Спасибо тебе, мастер Тозер! Судьба определенно на моей стороне!

Г л а в а 4

ЗАДАНИЕ ДЛЯ МЕЛИАДУСА

На следующий день Мелиадуса вызвали в Тронный Зал к Королю Гуону. По пути во Дворец Мелиадус озабоченно хмурился. Может быть, его предал Калан? Ученый сообщил Королю истинные результаты проверки на машин^е ментальности? Или Король Гуон сам догадался? Он прожил две тысячи лет и, несомненно, многому научился за это время. Может, фальшивые сведения Калана были слишком грубо сработаны, чтобы обмануть Гуона? Мелиадус почувствовал, как в нем поднимается страх. Это же конец всему! Не прикажет ли Гуон стражникам-Богомолам уничтожить его, когда он прибудет в Тронный Зал?

Огромные ворота распахнулись. За ними стояли стражники-Богомолы. В противоположном конце зала висел Тронный Шар, темный и таинственный.

Мелиадус двинулся к Тронному Шару.

В конце концов он добрался до него и склонился, но тот долгое время оставался темным и непроницаемым. Не играл ли с ним Гуон?

Наконец в Шаре появился сначала зеленый, потом розовый, а затем белый цвет, открыв скорченную фигурку эмбриона, и тот злобным взглядом пристально уставился на Мелиадуса.

— Барон...

— Благороднейший из Правителей...

— Мы довольны тобой... Мы довольны тобой и желаем оказать тебе честь.

— Благородный Князь?

— Ты, конечно, знаешь, что Шенегар Тротт отправился с особой экспедицией?

— Знаю, о Могучий Монарх.

— И ты знаешь, куда он отправился?

— Нет, о Свет Вселенной.

— Он направился в Амарек выведать, что возможно, об этом континенте, выяснить, встретим ли мы сопротивление, если высадим там экспедиционные силы.

— Значит, он встретил там сопротивление, о Бессмертный Правитель...

— Да. Неделию с лишним назад ему полагалось прислать сообщение. Мы озабочены.

— Ты думаешь, что он убит, Благородный Император?

— Нам хотелось бы это выяснить, а кроме того, выяснить, кто убил его, если это так, барон Мелиадус. Мы желаем доверить вторую экспедицию тебе.

Сперва Мелиадуса охватила ярость. Чтобы он играл вторую скрипку после этого толстого шута Тротта! Чтобы Мелиадус терял время, рыская вдоль берегов континента в надежде обнаружить останки Тротта! Он не потерпит ничего подобного! Он сию же секунду напал бы на Тронный Шар, если бы этот бессмертный маразматик не сразил бы его в одно мгновение. Мелиадус проглотил оскорбление, и в его голове начал складываться новый замысел.

— Это большая честь для меня, Король Всего,— произнес он с приторным унижением.— Экипажи кораблей мне подобрать самому?

— Как пожелаешь.

— Тогда я возьму людей, в которых уверен. Своих Волков и членов Легиона Стервятника.

— Но они же не моряки! Они даже не морская пехота!

— Среди Стервятников есть моряки, о Император Всего Мира, и я отберу именно этих людей.

— Как пожелаешь, барон Мелиадус.

Мелиадус был поражен, узнав, что Тротт отплыл в Амарек, и это заставило его вознегодовать еще больше, поскольку это означало, что Гуон доверил графу Суссекскому задание, которое по праву должно было

доверено ему, барону Мелиадусу, еще один счет, который должен быть оплачен. Теперь Мелиадус был рад, что дождался своего часа и принял, вернее, сделал вид, что принял, приказ Короля. Удобный случай ему предоставил тот, кого теперь он считал своим основным врагом после Хокмуна.

На миг Мелиадус сделал вид, что раздумывает.

— Если ты считаешь Стервятников не заслуживающими доверия, о Монарх Пространства и Времени, то нельзя ли мне предложить, чтобы я взял с собой и их предводителя?

— Их предводителя? Аэровак Микосеваар мертв, его убил Хокмун!

— Но его вдова унаследовала титул Гранд Констебля.

— Флана! Женщина!

— Да, Великий Император. Она с ними управится.

— Я не подумал бы, что графиня Кэнберрийская управится и с кроликом, настолько она рассеянна, но если ты так хочешь, милорд, пусть будет так...

Еще час они обсуждали детали плана, и Король дал Мелиадусу все возможные сведения по поводу экспедиции Тротта. Затем Мелиадус ушел, и глаза его, спрятанные за маской, сияли торжеством.

Г л а в а 5

ФЛОТ В ДЮ-ВЕРЕ

Небольшой флот стоял на якоре в мертвенно-бледном море против города Дю-Вера, усыпанного башнями и окаймленного с двух сторон набережными из алого камня. На широких крышах зданий расположились, сложив крылья, тысячи орнитоптеров, сделанных в виде птиц и мифических зверей. По улицам двигались их пилоты в масках Ворона и Совы, смешавшись с моряками в масках Рыбы и Морского Змея, пехотинцами и кавалеристами в масках Свиньи, Пса, Козла и Быка. Все они готовились пересечь пролив, но не на кораблях, а по прославленному Серебряному мосту, огромная сверкающая дуга которого виднелась в другом конце города.

На кораблях в порту толпились солдаты, лица которых были прикрыты масками Волков и Стервятников. Они были до зубов вооружены копьями, мечами, луками со стрелами и огненными копьями, а знаменосец держал знамя Гранд Констебля Ордена Волка. У другого в руках было знамя Гранд Констебля Ордена Стервятников. Этот Орден был прежде просто Легионом Стервятников, но был поднят до статуса Ордена за выигранные им в Европе битвы и чтобы почтить память его кровавого предводителя Аэровака Микосеваара:

Корабли же были примечательны тем, что не имели никаких парусов. Вместо них были установлены громадные водяные колеса, сделанные из дерева и металла. На носах кораблей были установлены позолоченные фигуры, представлявшие ужасных древних Богов Гранбретани, которые,

как считалось, правила страной до Трагического Тысячелетия: Чиршила, Воющего Бога; Джиджи Блада, Стонущего Бога; Бджрина Адасса, Поющего Бога; Да'Има Сласа, Плачущего Бога; Арала Вилэна, Рычащего Бога, Верховного Бога, отца Сквиза и Блансахредиды, Богов Рока и Хаоса.

Флагманом был «Арал Вилэн», и на мостике его возвышалась зловещая фигура барона Мелиадуса. Рядом с ним стояла графиня Флана Микосеваар. Внизу, под мостиком, стали собираться капитаны кораблей в масках Волков и Стервятников, вызванных на флагман.

Мелиадус, прочистив горло, обратился к ним с речью:

— Без сомнения, все вы гадаете о цели нашего плавания, господа, и гадаете также о природе этих кораблей, столь странных на вид, на которых мы плывем. В кораблях нет никакой тайны — они снабжены двигателями, схожими с теми, что движут наши орнитоптеры, но намного мощнее, и являются изобретением героя Гранбритании, барона Калана Витальского. Они могут нести нас через водные просторы гораздо быстрее, чем паруса, и не обязаны ждать воли стихий. Что же касается целей нашего плавания, то я открою вам это позднее... Этот корабль, «Арал Вилэн», назван в честь Верховного Бога древней Гранбритании, сделавшего эту страну тем, чем она стала сегодня. Его братья-корабли «Сквиз» и «Блансахредид» также представляют собой славу Гранбритании, древнюю, мрачную славу, кровавую и ужасную славу нашей земли. Славу, которой, я уверен, вы по праву гордитесь. — Мелиадус помолчал. — Вы хотели бы, чтобы она была потеряна, господа?

Ответом был рев:

— Н е т ! Н е т ! Клянусь Аралом Вилэном! Клянусь Сквизом и Блансахредидом! Н е т ! Н е т !

— И вы сделаете все, чтобы Гранбритань сохранила свое могущество и свою сумасшедшую славу?

— Д а ! Д а ! Д а !

— И вы все будете со мной заодно в той безумной аванюре, которая ожидает «Арал Вилэн» и его собратьев?

— Д а ! Скажи нам, в чем она заключается? Скажи нам!

— Вы не откажетесь от нее? Последуете за мной до конца?

— Д а ! — единым порывом выкрикнули больше двух десятков глоток.

— Тогда следуйте в мою каюту и я изложу вам детали плана. Но предупреждаю, коль скоро вы туда войдете, вам придется следовать за мной всегда. А кто не согласен — не покинет каюту живым!

Мелиадус сошел с мостика и проследовал в каюту под ним. Все до единого офицеры последовали за ним.

Барон Мелиадус стоял перед ними. Его темная каюта освещалась только тусклым фонарем. На столе лежали карты, но барон не сверялся с ними. Голос его был низким и вибрирующим.

— Не буду больше интриговать вас, господа, а сразу же сообщу вам о характере нашей авантюры. Мы затеваем измену... — Он откашлялся.

Нам предстоит поднять бунт против нашего наследного Правителя, Короля-Императора Гуона.

В каюте прозвучало несколько возгласов недоумения, и маски Волков и Стервятников с величайшим вниманием обратились к Мелиадусу.

— Король Гуон безумен! — быстро проговорил Мелиадус. — Не личное честолюбие побуждает меня к этому замыслу, а любовь к родной стране. Гуон — сумасшедший, и две тысячи лет, прожитые им, омрачили его разум, а не придали ему мудрости. Эта экспедиция, например, должна была отправиться в Амарек выяснить, нельзя ли завоевать тамошние земли, в то время как мы только что сокрушили Ближний Восток.

— И вместо Гуона станете править вы, а, барон? — цинично предположил капитан Стервятников.

— Вовсе нет, — покачал головой Мелиадус. — Нашей Королевой станет Флана Микосеваар. Стервятники и Волки займут места Богомоллов в числе тех, кто пользуется королевской милостью. Ваши Ордена будут принадлежать к числу высших...

— Но ведь Стервятники — Орден наемников, — заметил капитан Волков.

— Они доказали свою преданность Гранбритании, — пожал плечами Мелиадус. — И можно еще к этому добавить, что многие из наших собственных Орденов сейчас разлагаются, так что Темной Империи нужна свежая кровь.

Еще один капитан Стервятников задумчиво проговорил:

— Так значит, Флана будет нашей Королевой-Императрицей, а вы, барон?

— Регентом и Консортом. Я женюсь на Флане и стану помогать ей править.

— Вы станете настоящим Королем-Императором во всем, кроме наименования, — произнес тот же капитан-Стервятник.

— Я буду могуч, это верно, но Флана — королевской крови, а не я. Она — ваша Королева-Императрица по праву древнего рода. Я буду всего лишь Верховным Военачальником и все остальные государственные дела предоставляю ей, потому что моя жизнь — это война, господа, и я только желаю улучшить манеру, в которой ведутся наши войны.

Казалось, капитаны были удовлетворены.

— Поэтому, вместо того чтобы отплыть с утренним отливом в Амарек, — продолжал Мелиадус, — мы проплывем немного вдоль побережья, дожидаясь своего часа, з затем пройдем в устье Таймзы, проплывем по реке до Лондры и прибудем в сердце города раньше, чем кто-то сможет догадаться о наших намерениях.

— Но Гуон хорошо защищен. Взять штурмом его Дворец практически невозможно. В городе наверняка будут преданные Гуону легионы, — проговорил еще один капитан-Волк.

— У нас в городе тоже есть союзники. Многие из легионов пойдут за нами. На нашей стороне Тарагорм, а он — наследный командир нескольких тысяч воинов после смерти своего кузена. Орден Хорька, конечно,

небольшой, но многие его легионы находятся в Лондре, в то время как другие легионы — в Европе. Они защищают наши владения. Все вельможи, которые наверняка останутся на стороне Гуона, находятся в данный момент на материке. Для нанесения удара это превосходное время. Барон Калан тоже с нами — он может помочь нам новым оружием и своими подчиненными — Змеями. Если мы добьемся быстрой победы или по меньшей мере каких-то успехов, то вполне вероятно, что к нам присоединятся многие другие, потому что немногие найдут в своей душе любовь к Королю Гуону, коль скоро на троне окажется Флана.

— Я испытываю преданность к Гуону, — признался один из капитанов-Волков. — Она у нас врожденная.

— Так же, как и верность духу Арала Вилэна — всему, что собой символизирует Гранбретань. Разве эта верность не более врожденная?

Капитан поразмыслил с минуту, потом кивнул:

— Да, вы правы. С новой правительницей королевской крови на троне к нам придет все наше величие.

— О, оно придет, придет! — яростно пообещал Мелиадус, сверкая черными глазами из своей оскаленной маски.

Г л а в а 6

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЗАМОК БРАСС

В большом зале Замка Брасс Ийссельда Хокмун, дочь графа Брасса, плакала.

Она плакала от радости, боясь поверить, что человек, стоящий перед ней, — ее муж, которого она так страстно любила. Хокмун засмеялся и, шагнув вперед, обнял ее и поцелуями осушил ее слезы. Тогда она тоже засмеялась, лицо ее засветилось радостью.

— Ах, Дориан, Дориан! Мы уже боялись, что вас убили в Гранбретани.

— Вспоминая все, что с нами произошло, — усмехнулся Хокмун, — Гранбретань оказалась для нас самым безопасным местом из всех, что мы посетили за время нашего путешествия. Ты согласен, Д'Аверк?

— Да, — откашлялся Д'Аверк. — И, возможно, самым приятным.

Худощавый и бледнолицый Боджентль в легком удивлении покачал головой:

— Но как вы смогли вернуться из Амарека в Камарг? Ведь они в разных измерениях!

— Не спрашивайте меня, сэр Боджентль, — пожал плечами Хокмун, — не спрашивайте меня. Нас доставили сюда Великие Добродетельные Люди — вот и все, что мне известно. Путешествие было весьма скорым, заняв всего несколько минут.

— Великие Добродетельные Люди! Никогда не слыхал о таких, — грубовато проговорил граф Брасс, оглаживая рыжие усы и пытаясь скрыть слезы. — Какие-то духи, а?

— Да, в некотором роде, отец,— Хокмун протянул руку тестю.— Вы хорошо выглядите, граф Брасс. Ваши волосы рыжие, как всегда.

— Это не признак юности,— пожаловался граф.— Это ржавчина! Я загниваю здесь, покуда вы наслаждаетесь путешествиями по миру.

Оладан, маленький сын великанов с Булгарских гор, робко выступил вперед:

— Я рад видеть тебя, друг Хокмун. И, кажется, в добром здравии.— Он улыбнулся, предлагая Хокмуну кубок вина.— Вот, выпей это как чашу приветствия!

Хокмун улыбнулся в ответ и, приняв кубок из рук Оладана, осушил его одним глотком.

— Спасибо, друг Оладан. Как твои дела?

— Скучаю. Мы все здесь скучали и боялись, что вы не вернетесь.

— Но вот я вернулся, и мне думается, что у нас достаточно рассказов, чтобы на несколько часов развеять вашу скуку. Кроме того, у меня есть план, который несомненно принесет вам избавление от мучающей вас бездельности.

— Какой план? — загремел граф Брасс.— Ради всех нас, говори сейчас же!

— Да.— Хокмун легко рассмеялся.— Но дайте мне хоть минутку взглянуть на жену.— Он повернулся, посмотрел в глаза Ийссельде и увидел, что в них появилось тревожное выражение.— Что такое, Ийссельда?

— Я вижу,— сказала она,— что ты вновь станешь рисковать своей жизнью.

— Наверное.

— Если так должно быть, значит, пусть будет.— Она глубоко вздохнула и улыбнулась ему: — Но надеюсь, это случится не сегодня ночью.

— И не через несколько ночей. Нам надо многое обсудить.

— Да,— тихо проговорила она, глядя на плиты пола.— И я должна многое сообщить тебе.

Граф Брасс шагнул вперед, показывая на другой конец зала, где слуги уставляли стол яствами.

— Давайте поедим. Мы приказали подать все самое лучшее в честь вашего прибытия домой.

Позже, когда они сидели у огня, Хокмун показал им Меч Зари и Рунный Посох, который вытащил из-за пазухи. Сразу же зал осветился кружащимися огнями, рисовавшими в воздухе узоры, и заполнился странным горько-сладким запахом.

Пока Хокмун не убрал Посох обратно, все взирали на него с немым благоговением.

— Это наше знамя, друзья мои. Именно ему станем мы служить теперь, когда пойдем в бой против Темной Империи.

— Против всей Темной Империи? — поскреб Оладан густую шерсть на лице.

— Да,— мягко улыбнулся Хокмун.

— А разве у Гранбретани не насчитывается нескольких миллионов солдат? — невинно осведомился Боджентль.

— Да, по-моему, н е с к о л ь к о миллионов.

— А у нас в Замке Брасс осталось всего пятьсот воинов-камаргцев,— произнес как бы про себя граф Брасс, вытирая рот рукавом и притворно хмурясь.— Дайте-ка мне подсчитать...

Заговорил Д'Аверк:

— У нас больше пятисот. Вы забываете, что у нас есть Легион Зари.— Он показал на меч Хокмуна, лежащий в ножнах рядом с его креслом.

— И сколько же солдат в этом таинственном Легионе? — спросил Оладан.

— Не знаю, может, бесконечно много, а может, и нет...

— Скажем, тысяча,— размышлял вслух граф Брасс.— В порядке песимистической оценки, конечно. Это составляет полторы тысячи воинов против...

— Несколько миллионов,— закончил за него Д'Аверк.

— Да, нескольких миллионов, обеспеченных всеми ресурсами Темной Империи, включая знания, с которыми не нам тягаться...

— У нас есть Красный Амулет и кольца Майгана,— напомнил ему Хокмун.

— Ах, да, эти... — Граф Брасс, казалось, нахмурился.— У нас они есть. И на нашей стороне то, что мы боремся за правое дело — таков наш актив, герцог Дориан?

— Наверное. Но если мы используем кольца Майгана для возврата в наше измерение и проведем несколько небольших битв неподалеку от Камарга, освобождая угнетенных, мы сможем собрать кое-какую крестьянскую армию...

— Крестьянскую армию, хм...

— Я знаю, что это соотношение сил кажется безнадежным для нас, граф Брасс,— вздохнул Хокмун.

И тут на лице графа появилась вдруг улыбка:

— Совершенно верно, малыш, ты угадал!

— О чем вы?

— Это именно то соотношение, что нам подходит. Я принесу карты, и мы сможем спланировать свои первые кампании!

Пока граф отсутствовал, Оладан сказал Хокмуну:

— Мы забыли сообщить, что Эльвереза Тозер сбежал. Он убил своего охранника, когда был на верховой прогулке, вернулся сюда, нашел свое кольцо и исчез.

— Это плохая новость,— нахмурился Хокмун.— Он мог вернуться в Лондру.

— Именно. В данный момент мы весьма уязвимы, друг Хокмун.

— Итак, давайте посмотрим,— сказал вернувшийся с картами граф Брасс.

Час спустя Хокмун поднялся, взял Ийссельду за руку, пожелал друзьям спокойной ночи и отправился в свои покои.

Пять часов прошло, но они все еще не спали, держа друг друга в объятиях. Вот тогда-то она и сообщила ему, что у них будет ребенок.

Он принял эту новость молча, всего лишь поцеловал ее и привлек к себе. Но когда она уснула, он встал и подошел к окну. Он долго стоял там, глядя на тростники и лагуны Камарга, размышляя о том, что теперь он должен сражаться за нечто даже более важное, чем идеал.

Он надеялся, что доживет до того, чтобы увидеть своего ребенка.

Он надеялся, что его ребенок родится, даже если он до этого и не доживет.

Г л а в а 7

ЗВЕРИ НАЧИНАЮТ ГРЫЗНЮ

Мелиадус улыбнулся под маской и сжал руку Фланы Микосеваар, когда выше по течению реки стали видны башни Лондры.

— Все идет так хорошо, — прошептал он. — Скоро, моя дорогая, ты будешь Королевой. Они ни о чем не подозревают. Они и не могут подозревать. Таких восстаний не бывало сто веков! Они не подготовлены. Как они будут проклинать архитекторов, которые расположили их казармы вдоль берегов! — Он тихо рассмеялся.

Флана устала от грохота водяного колеса, толкавшего корабль вперед. Одним из достоинств паруса, как поняла она теперь, является то, что он бесшумен. Этим шумным штукам не следует больше позволять появляться в Лондре, после того как они сослужат нужную роль и она станет править. Но раздражение было слабым, а решение — не самым важным. Снова она обратилась мыслями внутрь себя и забыла о Мелиадусе и о его планах. Снова она думала о Д'Аверке.

Капитаны кораблей, шедших впереди, знали, что делать. Кроме двигателей Калана на них были установлены и огненные пушки его же изобретения, а целью были казармы Орденос Свиньи, Крысы, Мухи и прочих. Эти казармы тянулись вдоль реки неподалеку от окраин Лондры.

Барон Мелиадус отдал тихий приказ капитану корабля поднять надеждающий флаг, цвет которого подал бы сигнал начать обстрел.

По утру Лондра бывала недвижима, столь же, как всегда, мрачна, столь же, как обычно, экстравагантна с ее устремившимися в небо безумными башнями, похожими на поднятые вверх руки драматических актеров.

Было рано. Кроме рабов, никто еще не проснулся. Никто, исключая Тарагорма, Калана и их людей, которые ожидали начала сражений. Они намеревались уничтожить столько врагов, сколько смогут, потом гнать оставшихся ко Дворцу, запереть их там, словно в бутылке, чтобы к полудню у них было не несколько объектов для атаки, а один.

Мелиадус понимал, что, даже если они преуспеют в выполнении своих планов на первом этапе, настоящий бой начнется при штурме Дворца, поскольку его будет трудно захватить имеющимися силами.

Дыхание Мелиадуса участилось. Глаза его засверкали, из дул бронзовых пушек вырвалось пламя и с воем понеслось к ничего не подозревающим казармам. В первые же несколько секунд взметнулся страшный факел, когда одна из казарм взлетела в воздух.

— Какая удача! — воскликнул Мелиадус. — Это — добрый знак! Не думал я с первого выстрела иметь такой успех!

Второй взрыв — это взлетела в воздух вторая казарма на другом берегу реки. Из оставшихся казарм выскочили перепуганные солдаты. Кое-кто из них пребывал в такой панике, что забыл даже о маске! Когда они метнулись прочь от казарм, огнепушка перенесла огонь на них. Крики и вопли эхом разнеслись между спящими башнями Лондры — первое предупреждение, полученное большинством граждан Лондры.

Волчья маска повернулась к маске Стервятника, выражая молчаливое удовлетворение резней на набережной. Свиньи и Крысы разбежались в поисках укрытия. Мухи метнулись за еще нетронутые здания по соседству, а немногие солдаты, что успели вооружиться, открыли ответный огонь.

Звери начали грызнуть.

Все это было частью того узора судьбы, который привел в действие Мелиадус, когда воззвал к Рунному Посоху.

Но пока никто не мог предсказать, как сложится этот узор, кто в конечном, итоге станет победителем — Гуон, Мелиадус или Хокмун.

Г л а в а 8

ИЗОБРЕТЕНИЕ ТАРАГОРГМА

Прошло несколько часов, и казармы были полностью стерты с лица земли, а уцелевшие солдаты отступили к Дворцу Короля Гуона и объединились с несколькими тысячами воинов-Богомоллов. Вероятно, Гуон все еще не понимал, что происходит. Наверное, он даже думал, что это солдаты Азиаткоммуниста напали на них, маскируясь под гранбретанцев. Мелиадус улыбался, когда вместе с Фланой Микосеваар высадился на берег и проделал путь до Дворца Времени пешком в сопровождении Волков и Стервятников. Когда он вступил во Дворец Времени и обнаружил Тарагорма в небольшом помещении, настроение у Мелиадуса было прекрасное.

— Брат, наши успехи очевидны! Они даже больше, чем я ожидал!

— Да, — ответил Тарагорм, кивнув Флане, на которой он, как и Мелиадус, был женат в свое время. — Моим Хорькам пока что едва ли что нужно делать. Но, несомненно, они будут полезны, когда придется выкупить тех, кто остался в переходах города. Я планирую использовать

их для удара по врагу с тыла, как только мы надлежащим образом локализуем главные очаги.

— Ты послал приглашение встретиться с тобой здесь. Почему?

— Я считаю, что открыл средство вернуть наших врагов из Замка Брасс в их собственное измерение,— тихо произнес Тарагорм голосом, полным спокойного удовлетворения.

Мелиадус издал глухой стон.

— Ах, Тарагорм, наконец-то кролики мои!

— Я не совсем уверен,— рассмеялся Тарагорм,— что моя машина срабатывает, но чувствую, что она может сработать, поскольку в ее основу легла та же самая формула, которую я нашел в книге, где упоминалась кристаллическая машина Сориндума. Хотел бы ты осмотреть ее?

— Да! Отведи нас к ней, брат, умоляю тебя!

— Сюда.

Тарагорм провел Мелиадуса и Флану через два коротких коридора, заполненных шумом часов, и подвел их к низкой двери, которую открыл небольшим ключом.

— Здесь.— Он вынул факел из подставки перед дверью и воспользовался им, чтобы осветить подземелье.— Вот она. Находится примерно на том же уровне, что и кристаллическая машина Замка Брасс. Ее голос сможет пройти сквозь измерения.

— Я ничего не слышу,— несколько разочарованно произнес Мелиадус.

— Ты ничего не слышишь, потому что нечего слышать — в этом измерении, по крайней мере. Она, гарантирую, издает приличной громкости звук в каком-то другом пространстве и времени.

Мелиадус приблизился к установке. Она походила на большой медный остов часов размером с рост человека. Внизу раскачивался маятник-маятник, двигая стрелки. Во всех отношениях установка выглядела как обыкновенные часы, поскольку, кроме маятника, еще были и шестеренки, и пружинки. Размер их, правда, был несколько великоват. Сзади находился предмет с молоточком, напоминавший гонг. Пока они разглядывали это сооружение, стрелки качнулись, передвинувшись на половину часа, и молоточек медленно поднялся, внезапно упал на гонг, и они увидели, как гонг завибрировал, но никакого звука не было слышно.

— Невероятно! — прошептал Мелиадус.— Но как она работает?

— Мне надо еще немного ее подрегулировать, чтобы была гарантия, что она будет работать в нужном измерении, которое при помощи Тозера я сумел локализовать. Когда наступит полночь, наши друзья в Замке Брасс получат кое-какой неприятный сюрприз.

Мелиадус удовлетворенно вздохнул.

— О, благородный брат, ты станешь самым богатым и самым почтаемым человеком в Империи!

Маска-часы Тарагорма слегка наклонилась, показывая, что обещание Мелиадуса воспринято.

— Это лишь положенное,— тихо произнес Тарагорм.— Не благодарю тебя, брат.

— Ты уверен, что она сработает?

— Если нет, я не стану самым богатым и самым почитаемым человеком в Империи,— ответил Тарагорм с некоторым сарказмом.— Несомненно, ты тогда позаботишься, чтобы я был вознагражден менее приятным способом.

Мелиадус порывисто обнял родственника за плечи:

— Не говори так, брат! Ах, не говори об этом!

Г л а в а 9

ГУОН СОВЕЩАЕТСЯ СО СВОИМИ КАПИТАНАМИ

— Ну, ну, господа. Какие-то гражданские беспорядки, насколько мы понимаем,— прозвучал юный голос из сморщенного горла, и острые черные глаза стрельнули по собравшимся перед ним маскам.

— Это измена, благородный Монарх! — произнес воин в маске Богомола. Мундир его был в беспорядке, а маска опалена огненным копьем. Гражданская война,— уточнил второй.

— Мы оказались совершенно неподготовленными, о Превосходный Правитель,— добавил третий.

— И в самом деле оказались, господа. Совершенно. Мы виним вас всех и себя тоже. Нас обманули.— Его взгляд медленно прошелся по ряду собравшихся капитанов.— Калан здесь?

— Нет, Великий Государь.

— А Тарагорм? — промурлыкал сладкий голос.

— И Тарагорм отсутствует, о Король Всего.

— Так... И некоторые утверждают, что видели на флагмане Мелиадуса?

— С графиней Фланой, о Великий Император.

— Это логично. Да, нас здорово обманули. Но это не имеет значения. Мы полагаем, Дворец хорошо защищен?

— Только очень крупные силы могут надеяться захватить его, о Повелитель Всего Света.

— Но у них, вероятно, есть весьма крупные силы? А если с ними Калан и Тарагорм, то у них есть и другие средства. Мы подготовлены к осаде, капитан? — обратился Гуон к капитану стражников-Богомолов, склонившему голову.

— В какой-то степени, Превосходный Князь. Но такие события совершенно беспрецедентны.

— И правда. Наверное, тогда нам следует поискать подкрепление.

— С континента,— добавил один из капитанов.— Все преданные бароны там — Адаз Промп, Шенегар Тротт...

— Шенегар Тротт не на континенте,— вежливо поправил его Король Гуон.

— Джерек Нанкенсин, Майгель Хольст...

— Да, да, нам известны имена наших баронов. Но можем ли мы быть уверенными в их преданности?

— Я бы сказал, что да, Великий Король-Император, так как их солдаты погибли сегодня. Если бы они все были в сговоре с Мелиадусом, то наверняка уже перешли бы на его сторону.

— Ваше предположение, вероятнее всего, правильно. Хорошо, отзовите всех лордов Гранбритании. Прикажите им взять с собой все незанятые в боевых действиях войска и как можно быстрее подавить этот бунт. Скажите им, что это причиняет нам массу хлопот. Гонцу лучше всего отправиться с крыши Дворца. Как мы поняли, несколько орнитоптеров у нас еще есть.

Откуда-то донесся приглушенный рев огненной пушки и, казалось, Тронный Зал чуть-чуть вздрогнул.

— Очень много неудобств,— вздохнул Король-Император.— Как вы оцениваете успехи Мелиадуса на данный момент?

— В его руках весь город, исключая Дворец, Превосходный Монарх.

— Я всегда считал, что он самый лучший мой полководец.

Г л а в а 1 0 ПОЧТИ ПОЛНОЧЬ

Барон Мелиадус сидел в своих покоях, наблюдая за пожарами в городе. Особенно наслаждался он зрелищем разбившегося над Дворцом орнитоптера. Ночное небо было ясным, а звезды ярко сверкали. Это был исключительно приятный вечер. Чтобы завершить картину и сделать его уж совсем совершенным, Мелиадус приказал четырем рабыням, некогда известным музыкантам, сыграть квартет Лондона Джона, прекраснейшего композитора Гранбритании.

Музыка в сочетании с лязгом металла, взрывами и воплями людей приятно ласкала слух Мелиадуса. Он потягивал вино и, наслаждаясь, разбирал карты.

Раздался стук в дверь, и рабыня открыла ее. Вошел начальник пехоты Бели и поклонился.

— Должен доложить, сэр, что у нас недостает солдат. Нам удалось совершить чудо с весьма небольшим количеством, но мы не можем гарантировать, что удержим захваченные позиции без подкрепления. Либо подкрепление, либо мы будем вынуждены перегруппироваться.

— То есть вообще оставить город, не так ли, капитан?

— Именно так, сэр.

Мелиадус дотронулся до своей маски.

— На континенте есть подразделения Волков, Стервятников и даже Хорьков. Вероятно, если их отозвать...

— Будет ли на это время, сэр?

— Нам придется выкроить на это время, капитан Бели.

— Да, сэр.

— А не предложить ли всем пленным сменить маску? — задумчиво произнес Мелиадус. — Они же видят, что мы побеждаем, и могут пожелать перейти на нашу сторону.

— Дворец Короля Гуона отлично защищен, сэр, — проговорил Бели, отдавая честь.

— И он будет взят, капитан, я уверен.

Музыка Лондона Джона все еще звучала, продолжался пожар, и Мелиадус был уверен, что все идет отлично. Для взятия Дворца потребуются время, но он был абсолютно убежден, что Дворец будет ими взят, Гуон уничтожен, Флана сядет на его место, а сам Мелиадус станет самым могущественным человеком Империи.

Он взглянул на стенные часы. Время приближалось к одиннадцати часам. Он встал и хлопнул в ладоши, заставив девушек умолкнуть.

— Принесите мои носилки, — приказал он. — Я отправляюсь во Дворец Времени.

Он сел в принесенные носилки и откинулся на подушки.

Двигаясь по коридорам, Мелиадус все еще слышал музыку огненных пушек, крики сражающихся солдат. Признаться, победа еще не была достигнута, и даже если он убьет Короля Гуона, могут найтись бароны, которые не признают Флану Императрицей. Для укрепления своего положения ему потребуется несколько месяцев, но делу можно было бы помочь, если бы удалось объединить их всех ненавистью против Камарга и Замка Брасс.

— Быстрее! — крикнул он обнаженным девушкам. — Быстрее! Мы не должны опоздать!

Если машина Тараорма сработает, он обретет двойное преимущество, поскольку окажется способным добраться до своих врагов и объединить страну.

Мелиадус вздохнул, очень довольный. Все шло просто превосходно.

...Близилась развязка. В то время, когда обитатели Замка Брасс обсуждали свои планы, а Король-Император Гуон совещался с приближенными в Тронном Зале, барон Мелиадус, пребывавший во Дворце Времени у Тарагорма, строил новые коварные планы. Эти планы уже стали взаимодействовать друг на друга, а Рунный Посох — оказывать свое влияние на ход событий. Более того, Темная Империя распалась на части из-за ненависти Мелиадуса к Хокмуну: барону не удалось использовать его как слепое орудие мести. Хокмун оказался достаточно сильным, чтобы бросить вызов Мелиадусу. Видимо именно в то время, когда Мелиадус выбрал Хокмуна для исполнения своих планов против защитников Замка Брасс, Рунный Посох впервые проявил свою могущественную силу. А нити истории стали плести узор судьбы людей Земли так хитро и тонко, что было страшно, что они вот-вот оборвутся...

Из истории «Рунного Посоха»

Г л а в а 1 БОЙ ЧАСОВ

Воздух стал прохладнее, и Хокмун поплотней закутался в свой плащ. Все взгляды были устремлены на стол. Огонь в очаге почти угас, но предметы на столе отчетливо выделялись в полумраке.

Рубиновый свет Красного Амулета пятнал лица собравшихся за столом, словно кровью. Он давал своему владельцу силу, большую, чем естественная. Чуть поодаль лежали кольца Майгана, они могли переправлять тех, кто носил их, через измерения. Это были визы для возвращения в их собственный мир. Рядом с кольцами лежал в ножнах Меч Зари. Он содержал в себе армию Хокмуна. И наконец, на столе лежал завернутый в кусок ткани Рунный Посох, знамя Хокмуна и его надежда.

Граф Брасс откашлялся:

— Даже со всеми этими мощными предметами сможем ли мы нанести поражение столь великой Империи, как Гранбретань?

— У нас есть безопасное убежище — наш Замок, — напомнил Оладан. — Отсюда мы можем, когда захотим, делать вылазки, пересекая измерения. Таким образом, мы сможем вести длительную партизанскую войну, пока не ослабим силы врагов.

— То, что ты говоришь, — кинул граф Брасс, — верно, но я все еще сомневаюсь.

— При всем моем уважении к вам, сэр, я должен признать, что вы сторонник классической тактики ведения войны, — сказал Д'Аверк. Его бледное лицо оттенял черный воротник черного кожаного плаща. — И вы бы обрадовались прямому столкновению, руководя битвой лучников, копьеносцев, кавалерии и так далее. А мы должны, в силу нашего положения, наносить удары из засады — по крайней мере на первых порах.

— И полагаю, вы правы, Д'Аверк, — вздохнул граф Брасс.

Боджентль налил всем вина.

— Наверное, нам следует отправиться спать, друзья мои. Предстоит еще немало сделать, и нам надо поддерживать свои силы.

Хокмун подошел к другому концу стола, где были разложены карты. Он потер Черный Камень у себя во лбу.

— Да, мы должны спланировать свои первые кампании со всей возможной осторожностью. — Он принялся изучать карту Камарга, — Есть вероятность, что на месте расположения Замка Брасс сейчас находится постоянный дозор, дожидющийся нашего возвращения. Именно так скорее всего поступил бы Мелиадус.

— Но разве ты не думаешь, что могущество Мелиадуса идет на убыль? — возразил Д'Аверк. — Шенегар Тротт, похоже, считал именно так.

— Если это так, — согласился Хокмун, — то возможно, что легионы Мелиадуса развернуты где-то в другом месте, поскольку при Дворе Лондры существуют, кажется, какие-то разногласия по нашему поводу.

Боджентль сделал движение, собираясь что-то сказать, но лишь склонил голову. Они вдруг ощутили, как по полу пробежала легкая дрожь.

— Этот чертов холод, — проворчал граф Брасс и направился к очагу подбросить еще полено. Полетели искры, и пламя взвилось вверх, отбрасывая по залу багровые мечущиеся тени. Тело графа было облачено в простой шерстяной халат, и он плотнее запахнул халат, как бы сожалея, что ничего больше не одел. Он взглянул в противоположный конец зала, где на стенах висели копья, луки, колчаны со стрелами, палицы, мечи, и его собственный большой меч и доспехи из меди. Большое бронзовое лицо графа было мрачно.

Вновь по зданию пробежала дрожь, и щиты, украшавшие его стены, загремели.

Хокмун взглянул на Боджентля, заметив в его глазах то же ощущение надвигающейся беды, которое испытывал и он.

— Землетрясение, наверное?

— Наверное,— тихо ответил явно не верящий в это Боджентль.

Теперь они слышали звук — отдаленный звук, вроде гудения гонга, настолько тихий, что он был почти неслышен. Они бросились к дверям, и на мгновение граф Брасс застыл в нерешительности, прежде чем распахнуть их.

Затем небо почернело, облака казались синими, кружащимися в сильном волнении, словно небосвод вот-вот должен был расколоться.

Теперь звук донесся снова, на этот раз его было хорошо слышно. В ушах у них загудел голос огромного колокола или гонга.

— Такое впечатление, что находишься в колокольне Замка, когда бьют часы,— тревожно произнес Боджентль.

Их лица побледнели, напряглись, и Хокмун широкими шагами прошел в зал, протянув руку к Мечу Зари. Д'Аверк окликнул его.

— Ты о чем-нибудь догадываешься, Хокмун? Какое-то нападение Темной Империи?

— Или ее, или чего-то сверхъестественного,— ответил Хокмун.

Прозвучал третий удар, наполняя собой ночь, раскатываясь эхом по плоским равнинам Камарга, над лагунами и тростниками. Фламинго, встревоженные шумом, закричали, сидя на своих гнездах.

Последовал четвертый — еще громче — огромный всепоглощающий звук судьбы.

Пятый. Граф Брасс подошел к стене и снял свой меч.

Шестой. Д'Аверк заткнул уши, так как звук стал сильнее.

— Это, разумеется, вызовет по меньшей мере мигрень,— лениво пожаловался Д'Аверк.

Седьмой. По лестнице сбежала Ийссельда в ночной сорочке.

— Что такое, Дориан? Отец, что это за звук? Он похож на бой часов. От него могут лопнуть барабанные перепонки.

Оладан мрачно поднял голову.

— Мне кажется, он угрожает самому нашему существованию,— проговорил он.— Хотя я и не знаю, почему так думаю...

Когда прозвучал седьмой удар, с потолка посыпалась штукатурка, и Замок сотрясло до основания.

— Нам лучше закрыть двери,— сказал граф Брасс, когда эхо замерло настолько, что он смог слышать собственный голос. Они медленно вошли в зал, и Хокмун помог графу Брассу закрыть двери, наложив тяжелый железный засов.

Восьмой удар заполнил весь зал и вынудил всех заткнуть уши. Громадный гербовый щит, висевший на стене с незапамятных времен, упал на каменные плиты.

В зал начали собираться слуги. Они были страшно перепуганы.

Девятый удар. Окна зазвенели, стекла раскололись и полетели вниз на землю. На этот раз Хокмун почувствовал себя так, будто он находился

в море на корабле, который внезапно наскочил на невидимый риф, потому что весь Замок содрогнулся и их просто разметало по залу. Ийссельда начала падать, но в последний момент Хокмун все же успел подхватить ее, одновременно уцепившись за стену, чтобы и самому не упасть. От звука его затоснило, в глазах у него помутилось.

В десятый раз отзвучал огромный гонг, и, казалось, вся вселенная заполнилась этим звуком.

Боджентль рухнул на каменный пол, потеряв сознание. Оладан закружился на месте, прижав ладони к голове, зашатался и упал на пол. Хокмуна тошнило, голова раскалывалась. Граф Брасс и Д'Аверк, шатаясь, пересекли зал, подошли к столу и повалились на него.

Когда удар замер, Хокмун услышал слова Д'Аверка:

— Хокмун, посмотри!

Поддерживая Ийссельду, Хокмун сумел добраться до стола и стал искать взглядом кольца. Кристаллы все до единого разлетелись вдребезги.

— Вот и все наши замыслы партизанских рейдов, — хмуро произнес Д'Аверк. — Кроме того, вероятно, это конец вообще всем замыслам.

Раздался одиннадцатый удар. Звук был глубже и громче, чем предыдущий. Замок сотрясаясь, а все его обитатели катались по полу.

Когда все стихло, Хокмун на четвереньках пополз к Ийссельде. По лицу его текли слезы боли, а по теплomu ощущению в ушах он понимал, что из них сочится кровь. Он видел, как граф Брасс пытается подняться, цепляясь за стол. Уши графа были окровавлены.

— Мы уничтожены, — услышал Хокмун слова графа. — Уничтожены каким-то трусливым врагом, которого даже не можем увидеть! Уничтожены силой, против которой наши мечи бессильны!

Хокмун все полз к Ийссельде, ничком лежавшей на полу.

Раздался двенадцатый удар, громче и ужаснее, чем все остальные. Замок угрожающе затрепетал. Дерево стола раскололось, и стол беззвучно рухнул. Некоторые каменные плиты распались на осколки. Замок швырнуло, как пену в морском прибое. Хокмун стиснул зубы от боли, слезы на его глазах стали кровью, а напрягшиеся мышцы, казалось, вот-вот лопнут.

Затем низкому тону гонга ответил другой звук — высокий визг. Зал начали заполнять цвета. Сначала появился фиолетовый, потом пурпурный, затем черный. Казалось, миллионы крохотных колокольчиков зазвенели в унисон. На этот раз можно было различить звук, который доносился до них из подземелья Замка.

Хокмун попытался подняться, но это была бесполезная попытка, так что он упал лицом на камни. Звук все гудел на одной ноте, цвета начали меркнуть, потом звон внезапно затих.

И наступила тишина.

Глава 2

ПОЧЕРНЕВШИЕ БОЛОТА

— Кристалл уничтожен...

Хокмун встряхнул головой и моргнул.

— Кристалл уничтожен! — Д'Аверк опустился на колени рядом с ним, стараясь помочь ему подняться на ноги.

— Ийссельда? — спросил Хокмун. — Как она?

— Не хуже, чем ты. Мы уложили ее в постель. Кристалл уничтожен! Хокмун принялся счищать засохшую кровь с ушей и из ноздрей.

— Ты говоришь о кольцах Майгана?

— Д'Аверк, объясни ему как следует, — прозвучал голос Боджентля. — Объясни ему, что машина призрачного народа погибла.

— Погибла? — Хокмун поднялся на ноги. — Это тот последний удар и звон, что я слышал?

— Именно так, — подошел граф Брасс, тяжело опираясь на остатки стола. — Вибрация уничтожила кристалл.

— Значит? — Хокмун вопросительно взглянул на графа и тот кивнул.

— Да, мы вернулись в наше собственное измерение.

— И на нас еще не напали?

— Кажется, нет.

Хокмун глубоко вздохнул и медленно побрел к главным дверям зала. Он с трудом снял засов и открыл двери.

По-прежнему стояла ночь, звезды на небе были те же, но кружащиеся синие облака исчезли, и вокруг было жуткое безмолвие, а в воздухе висел странный запах. И не кричали фламинго, и не вздыхал в тростнике ветерок.

Медленно и задумчиво закрыл Хокмун двери.

— Где же легионы? — спросил Д'Аверк. — Можно было думать, что они поджидают нас.

— Нам придется подождать до утра, — хмуро сказал Хокмун, — прежде чем мы сможем ответить на этот вопрос. Наверное, они все-таки собираются захватить нас врасплох.

— Ты думаешь, что источником всего происшедшего была Темная Империя? — спросил Оладан.

— Вне всяких сомнений, — ответил граф Брасс. — Они преуспели. Они вернули нас в наше собственное измерение. — Он принюхался к запаху, что висел в воздухе. — Хотел бы я знать, что это за запах?

Д'Аверк разбирал вещи, оставшиеся в обломках могучего прежде стола.

— Просто чудо, что мы живы, — заметил он.

— Да, — согласился Хокмун. — Эти удары, кажется, повлияли на неодушевленные предметы больше, чем на людей.

— Двое пожилых слуг умерли, — сообщил граф Брасс. — Я полагаю, у них не выдержало сердце. Их сейчас хоронят, на случай, если это будет невозможно утром.

— Как Замок? — спросил Оладан.

— Трудно сказать,— пожал граф плечами.— Я был только в подземье. Кристаллическая машина полностью разбита, а каменная кладка кое-где потрескалась. Но это крепкий старый Замок. Кажется, он не очень сильно пострадал. Конечно, ни одного целого стекла не осталось. В остальном же... — Он снова пожал плечами, словно его любимый Замок перестал иметь для него прежнее значение.— В остальном мы стоим так же твердо, как и раньше.

— Будем надеяться, что так оно и есть,— пробормотал себе под нос Д'Аверк. Он держал за ножны Меч Зари, а Красный Амулет за цепочку.— Тебе лучше надеть их,— сказал он Хокмуну,— потому что наверняка они тебе скоро понадобятся.

Хокмун надел через голову амулет и прицепил ножны к поясу, затем нагнулся и поднял завернутый Рунный Посох.

— Кажется, он не приносит нам удачи, как я надеялся,— проговорил он и вздохнул.

Наконец наступил рассвет. Он пришел медленно и был серым и холодным. Горизонт побелел от тумана и облаков цвета кости.

Пятеро героев следили за его приближением. Они стояли, положив руки на мечи, перед воротами Замка Брасс на холме и смотрели вокруг.

Это был Камарг, который они покинули. Камарг, опустошенный войной. Запах, который они ощущали, был запахом смерти, запахом выжженной земли. Все болота и лагуны были выжжены пламенем огненных пушек. Фламинго, лошади и быки были либо уничтожены, либо бежали. Охранявшие границы Камарга сторожевые башни были стерты с лица земли. Казалось, весь мир стал морем серого пепла.

Г л а в а 3

РЕЗНЯ В ТЕМНОЙ ИМПЕРИИ

Когда они добрались до границ Камарга, Хокмун и Оладан с ног до головы были покрыты налипшим пеплом, от которого жгло глаза и першило в горле. Кони их тоже были покрыты пеплом, глаза у них были такие же красные, как и у людей.

Теперь море пепла уступило место скудной желтой траве, но пока что они не нашли никаких признаков того, что на этой земле находились легионы Темной Империи.

Жидкий солнечный свет сочился сквозь толщу облаков, Хокмун натянул поводья и остановил коня, сверяясь с картой. Затем показал на восток.

— Вон там находится деревня Верлин. Подъедем осторожно и посмотрим, занимают ли ее еще гранбританские войска.

Наконец показалась деревня. Хокмун пустил коня рысью. Оладан окликнул его:

— Что такое, герцог Дориан? Что случилось?

Хокмун не ответил, потому что когда они приблизились к деревне, стало видно, что половина домов разрушена, а улицы усеяны трупами. И все же не было никаких признаков, что здесь оставались войска Гранбретани.

Многие дома почернели от пламени огненных копий, многие трупы тоже были опалены. То здесь, то там валялись тела гранбританцев — фигуры в доспехах и масках.

— Судя по их виду, все они были Волками, — проговорил словно про себя Хокмун. — Это солдаты Мелиадуса. Кажется, они набросились на жителей деревни, а те стали сопротивляться. Видишь, этот Волк был заколот серпом, а тот умер от удара лопатой, все еще торчащей из его шеи...

— А может, деревенские жители восстали против них, а Волки отомстили? — предположил Оладан.

— Тогда почему же они покинули деревню? — возразил Хокмун. — Они же стояли здесь гарнизоном.

Смерть все еще витала в воздухе. Было ясно, что резня в деревне имела место совсем недавно. Хокмун показал на трупы лошадей, коз, коров и даже собак.

— Они не оставили ничего живого. Ничего, что можно было бы употреблять в пищу. Впечатление такое, будто они отступали перед мощным противником.

— Да кто же мощнее Темной Империи? — содрогнувшись, произнес Оладан. — Не придется ли нам столкнуться с каким-то новым врагом, друг Хокмун?

— Надеюсь, что нет. И все же зрелище это озадачивает.

— Оно отвратительно, — добавил Оладан.

На улицах лежали не только убитые мужчины, но и дети, а все женщины, молодые ли, старые, были, по всей видимости, изнасилованы. Сначала над ними надругались, а потом перерезали горло, потому что гранбританские солдаты обожали убивать свои жертвы в момент насилия.

— Этот знак Темной Империи, по-моему, повсюду, — вздохнул Хокмун, — куда ни пойдешь.

Он поднял голову, уловив слабый звук, донесенный холодным ветром.

— Стон! Может быть, кто-то еще жив.

Он повернул коня и проследовал в сторону, откуда донесся стон. Стоны стали громче. Хокмун спешил и осторожно подошел к дому. Стонала лежавшая на полу девочка. Хокмун быстро опустился на колени и поднял ее на руки. Девочка была почти голой, тело прикрывали лишь несколько полос разорванной одежды. Поперек горла шла красная линия, словно прочерченная тупым кинжалом. Ей было лет пятнадцать. Волосы у нее были спутаны, а глаза голубели под бледным небом. Ее

тело было сплошным черно-синим кровоподтеком. Когда Хокмун поднял ее, она глухо охнула.

Хокмуну пришлось опустить ее на землю, и он вернулся к своей лошади, где на седле была приторочена фляга с вином. Он приложил флягу к губам девочки. Она, поперхнувшись, глотнула, а глаза ее внезапно расширились в тревоге.

— Не бойся,— мягко сказал Хокмун,— я враг Темной Империи.

— И ты жив?

— Да, жив.— Хокмун мягко улыбнулся.— Я — Дориан Хокмун, герцог Кельнский.

— Хокмун фон Кельн! Но мы думали, что ты погиб или бежал навеки...

— И вот я вернулся и клянусь, что твоя деревня будет отомщена. Что здесь произошло?

— Ничего не знаю, милорд, за исключением того, что звери Темной Империи не собирались кого-либо оставлять в живых.— Она вдруг подняла голову.— Мои мать и отец, моя сестра...

Хокмун заглянул в дом и содрогнулся.

— Мертвы,— сказал он. Это было преуменьшение. Они были отвратительно расчленены. Он поднял девочку на руки и отнес к своей лошади. Девочка рыдала.

— Я отвезу тебя в Замок Брасс,— сказал Хокмун.

Г л а в а 4 НОВЫЕ ШЛЕМЫ

Она лежала в самой лучшей и мягкой постели Замка Брасс. Боджентль и Ийссельда попеременно дежурили у ее постели. Но девочка умирала. Она умирала не столько от ран, сколько от горя. Она хотела умереть. И они уважали это желание.

— Несколько месяцев,— рассказывала она,— солдаты-Волки занимали нашу деревню. Они все забрали себе, а мы умирали от голода. Мы слышали, что они были частью армии, которую оставили караулить Камарг, хотя мы не могли понять, что караулить в этой пустоши...

— Скорее всего, они ожидали нашего возвращения,— сказал Хокмун.

— Это вполне вероятно,— серьезно отозвалась девочка.

— Вчера в деревню прибыл орнитоптер,— продолжала она,— и его пилот поспешил прямо к командиру гарнизона. До нас дошел слух, что солдат отзывают в Лондру, и мы очень обрадовались. Примерно через час солдаты напали на жителей деревни и стали убивать всех. У них был приказ никого не оставлять в живых. Так что они принялись грабить, насиловать и убивать, чтобы любые другие, кто явится в деревню, не нашли бы там еды, а если бы они сами вернулись сюда, то

могли бы рассчитывать, что никто не окажет им сопротивления. Часом позже они покинули деревню.

— Так значит, они собираются вернуться,— задумчиво сказал Хокмун.— Но хотелось бы знать, почему они убрались...

— Вероятно, из-за какого-то вторгшегося врага? — предположил Боджентль, обтирая лоб девочки влажной тряпкой.

— Именно так я и подумал, но это вовсе не обязательно.— Хокмун вздохнул.— Очень озадачивает и пугает, что у нас так мало информации.

Раздался стук в дверь, и вошел Д'Аверк.

— Появился наш старый знакомый, Хокмун.

— Старый знакомый? Кто?

— Оркнеец. Орланд Фанк.

— Наверное, он сможет просветить нас,— поднялся Хокмун.

Когда они подошли к двери, Боджентль тихо произнес:

— Девочка умерла, герцог Дориан.

— Она будет отомщена,— ровным голосом проговорил Хокмун и вышел, спустившись в зал по лестнице.

Орланд Фанк и граф Брасс беседовали около камина. Оркнеец обратился к Хокмуну:

— А у тебя как дела, герцог Дориан?

— Достаточно хорошо. Ты не знаешь, почему отсюда убрались легионы Темной Империи?

— Я вот как раз говорил об этом графу Брасс, что не...

— А я-то думал, что ты всеведущ, мастер Фанк.

Фанк застенчиво улыбнулся, стянул с головы шапку и вытер ею лицо.

— Мне все же нужно время для сбора информации. Я привез подарки для героев Замка Брасс.

— Ты очень добр.

— Они не от меня, а от Рунного Посоха, как я полагаю. Вы можете подумать, что от них мало практической пользы, впрочем, трудно сказать, что практично, а что нет, в боях против Темной Империи.

— Что ты обнаружил во время своей поездки? — повернулся Хокмун к Д'Аверку.

— То же, что и вы,— ответил Д'Аверк.— Стертые с лица земли деревни, жители поспешно перебиты. Следы очень быстрого ухода войск Гранбритании. Как я понял, есть еще какие-то гарнизоны в городках покрупнее, но у них минимальная численность — главным образом артиллерия и никакой кавалерии.

— Это кажется безумием,— пробормотал граф Брасс.

— Если они все безумцы, мы сможем воспользоваться отсутствием у них разума,— с мрачной улыбкой заметил Хокмун.

— Отлично сказано, герцог Дориан,— хлопнул по плечу Хокмуна Фанк своей красной мускулистой рукой.— Теперь я могу принести подарки.

— Мы не против, мастер Фанк.

— Пошлите со мной, если можно, пару слуг, потому что их шесть, и они очень тяжелые. Я привез их на двух лошадях.

Через несколько минут вошли слуги, каждый нес по два завернутых в ткань предмета. Сам Фанк принес два оставшихся. Он сложил их на каменные плиты.

— Разверните их, господа.

Хокмун нагнулся и откинул ткань. Он зажмурился, когда в глаза ему ударил свет, и увидел свое собственное лицо, прекрасно отраженное в этом предмете. Он был озадачен и снял с предмета остатки ткани, напряженно глядя на то, что оказалось перед ним.

Это были боевые шлемы, закрывающие всю голову и плечи. Они были сделаны из незнакомого им металла, отполированного как самое лучшее в мире зеркало, когда-либо виденное Хокмуном. За исключением двух прорезей для глаз, шлем был совершенно гладким, без каких-либо украшений. Кто бы ни глядел на него, он видел лишь собственное отражение. На затылках были расположены гребни из того же металла с простыми украшениями. Хокмуну вдруг пришло в голову, что врага будет сбивать с толку его же отражение.

Хокмун громко засмеялся.

— Да ведь тот, кто изобрел эти шлемы, был, должно быть, просто гением! Это лучшее из всего, что я когда-либо видел!

— Примерьте их,— усмехнулся в ответ Фанк.— Вы обнаружите, что они очень удобны. Это ответ Рунного Посоха на звериные маски Темной Империи.

— А как узнать, который чей? — спросил граф Брасс.

— Узнаете,— ответил Фанк.— Ваш — тот, что вы развернули. С гребнем цвета меди.

Граф Брасс улыбнулся и поднял шлем, водрузив его на плечи. Хокмун посмотрел на него и увидел собственное лицо с тусклым Черным Камнем во лбу, глядящее на него с веселым удивлением. Остальные тоже стали примерять свои шлемы. У Хокмуна был золотой гребень.

— Хороший подарок, мастер Фанк,— сказал Хокмун, снимая шлем.

— Превосходный подарок. А кому два оставшихся?

— А, да. Они для тех, кто пожелает.

— Для тебя?

— Нет, не для меня. Должен признаться, что я пренебрежительно отношусь к доспехам. Это добро обременительно и затрудняет работу с моим старым боевым оружием.— Он ткнул пальцем за спину, где веревкой был закреплен громадный топор.

— Тогда для кого же два других? — осведомился граф Брасс, снимая свой шлем.

— Когда настанет время, вы узнаете,— туманно уклонился от точного ответа Фанк.— И тогда это покажется вам очевидным. Как дела у населения Замка Брасс?

— Ты говоришь о тех, кто живет на холме? — уточнил Хокмун. — Некоторые из них были убиты боем того огромного гонга, который вернул нас в наше собственное измерение. Несколько зданий обрушилось, но в общем и целом они сохранились достаточно хорошо. Вся кавалерия Камарга уцелела.

— Около пятисот человек, — уточнил Д'Аверк. — Вся наша армия.

— Ясно, — сказал Фанк. — Я должен отправляться по другим делам.

— И что же это за дела, мастер Фанк? — спросил Оладан.

— У нас на Оркнейских островах мы не спрашиваем о делах других, — упрекнул он Оладана.

— Спасибо за подарки, — поклонился Оладан, — и простите меня за излишнее любопытство.

— Я принимаю ваши извинения, — несколько напыщенно ответил Фанк.

— Прежде чем вы покинете нас, мастер Фанк, позвольте поблагодарить вас от лица всех обитателей Замка Брасс за эти прекрасные подарки, — произнес граф Брасс. — И нельзя ли нам побеспокоить вас последним вопросом?

— По моему личному убеждению, все вы склонны задавать слишком много вопросов, — отозвался Фанк. — Но, впрочем, мы на Оркнейских островах народ не очень-то разговорчивый. Спрашивай, друг, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы ответить, если вопрос не слишком личный.

— Вы знаете, как была уничтожена кристаллическая машина? — спросил граф Брасс. — Чем это было сделано?

— Я думаю, что лорд Тарагорм, хозяин Дворца Времени в Лондре, нашел средство уничтожить эту машину, коль скоро он разобрался в принципе ее работы. У него есть много старинных рукописей, в которых рассказывается о подобных вещах. Вне сомнения, он построил часы, бой которых прошел через измерения и расколол кристалл. По-моему, это было средство врагов народа Сориандума, тех людей, что подарили вам эту машину.

— Так значит, нас вернула сюда Темная Империя, — констатировал Хокмун. — Но если это так, почему они нас не подождали?

— Вероятно, из-за какого-то внутреннего кризиса, — предположил Орланд Фанк. — Увидим. Прощайте, друзья мои. У меня такое чувство, что мы вскоре вновь встретимся.

Г л а в а 5

ПЯТЬ ГЕРОЕВ И ГЕРОИНЯ

Когда ворота Замка закрылись за Фанком, Боджентль спустился на негнущихся ногах в зал со странным выражением лица.

— В чем дело, Боджентль? — озабоченно спросил граф Брасс, подойдя и обнимая за плечи старого друга. — Ты выглядишь встревоженно.

— Не тревога — решимость, — покачал головой Боджентль. — Я принял решение. Много лет прошло с тех пор, как я держал в руках оружие, более тяжелое, нежели перо. Теперь я поднимаю оружие против Лондры. Я поеду с вами, когда вы выступите против Темной Империи.

— Но, Боджентль, — возразил Хокмун, — ты же не воин. Ты нас утешаешь, поддерживаешь своей добротой и своей мудростью. Все это увеличивает наши силы и полезно так же, как и оружие.

— Да, это так, но эта битва будет последней битвой, выигранной или проигранной, — напомнил Боджентль. — Если вы не вернетесь, то моя мудрость никому не понадобится, а если вернетесь, у вас будет немного желания искать моих советов, поскольку вы станете людьми, кто сломил Темную Империю. Поэтому я возьму меч. Один из двух зеркальных шлемов подойдет мне, я знаю. Тот, что с черным гребнем.

Хокмун посторонился, когда Боджентль подошел к шлему, поднял его и медленно опустил на свою голову. Шлем подошел превосходно.

Они увидели отраженные в шлеме собственные лица, одновременно мрачные и восхищенные.

Д'Аверк первым шагнул вперед и протянул руку.

— Отлично, Боджентль. Приятно будет ехать вместе с кем-то, кто обладает утонченным остроумием! Для разнообразия.

— Согласен, — нахмурился Хокмун. — Если ты этого хочешь, Боджентль, мы все будем счастливы, что ты едешь с нами. Но хотел бы я знать, для кого оставшийся шлем?

— Для меня!

Голос был твердый, низкий и знакомый. Хокмун обернулся и взглянул на жену.

— Нет, он не для тебя, Ийссельда.

— Как ты можешь быть в этом уверен?

— Ну...

— Посмотри на него — он с белым гребнем. Разве он не меньше, чем остальные? Пригоден для мальчика или женщины.

— Да, — неохотно признал Хокмун.

— Разве я не дочь графа Брасса?

— Дочь.

— Разве я не умею скакать верхом не хуже любого из вас?

— Умеешь.

— А разве я девчонкой не сражалась на арене с быками и не завоевала там почет и уважение? И разве не обучалась я вместе с гвардейцами нашего Камарга искусству владеть топором, мечом и огненным копьём? Отец?

— Это правда, — трезво рассудил граф Брасс, — она весьма сноровиста в этом искусстве. Но сноровка — это еще не все, что требуется от воина.

— Разве я не крепка?

— Да, для женщины... — согласился хозяин Замка Брасс.— Столь же мягкая и крепкая, как шелк. Так, по-моему, выразился один местный поэт.— Он бросил иронический взгляд на покрасневшего Боджентля.

— Тогда, значит, у меня не хватает выносливости? — осведомилась Ийссельда, сверкая глазами, в которых горела смесь вызова и веселья.

— Нет, выносливости у тебя больше, чем достаточно,— уверил ее Хокмун.

— Смелость? У меня нет смелости?

— Нет никого смелее тебя, дитя мое,— согласился граф.

— Тогда какое же воинское качество у меня отсутствует?

— С этим у тебя все в порядке,— пожал плечами Хокмун,— исключая то, что ты, Ийссельда, женщина, а... а...

— А женщины не воюют. Они остаются подле очага скорбеть по погибшим близким, не так ли?

— Или встречают их, когда они возвращаются...

— Или встречают их, когда они возвращаются. Я не собираюсь терпеть такой порядок вещей. Почему это я должна оставаться в Замке Брасс? А кто будет защищать меня?

— Мы оставим охрану.

— Несколько солдат, которые понадобятся вам самим. Вы отлично знаете, что у вас каждый человек на счету.

— Да, это правда,— вздохнул Хокмун,— но существует еще один фактор, Ийссельда. Ты забыла, что ты ждешь ребенка?

— Не забыла. Я ношу нашего ребенка. Да, и я понесу его в бой, ибо, если мы будем разбиты, ему нечего будет наследовать, кроме гибели, а если мы победим, то он узнает радость победы даже раньше, чем появится на свет. Но если мы погибнем — то погибнем все вместе. Я не буду вдовой Хокмуна и не рожу сироту Хокмуна. Я не останусь одна в безопасности в Замке Брасс, Дориан. Я поеду с вами.— Она подошла к зеркальному шлему с гребнем белого цвета, подняла его и натянула на голову. Потом победоносно развела руками.

— Видите, он сидит превосходно. Он явно был изготовлен для меня. Мы поедем все вместе, все шестеро, и поведем вперед наш Камарг против Темной Империи — пятеро героев и одна героиня.

— Да будет так,— тихо произнес Хокмун, обнимая жену.— Да будет так!

Г л а в а 6 НОВЫЙ СОЮЗНИК

Волки и Стервятники с боями пробились с континента и теперь вливались в Лондру. Сюда также спешили Жуки, Крысы, Кролики, Козлы, Псы и все прочие кровожадные звери Гранбретани.

С высокой башни, где теперь находился его командный пункт, Мелиадус наблюдал, как войска потоками вливаются во все ворота и с ходу вступают в бой. Одна группа озадачила его, и он напряг глаза, чтобы рассмотреть ее получше. Это было большое подразделение под знаменем в черно-белую полоску, что означало соблюдаемый им нейтралитет. Скоро подразделение приблизилось и теперь его было лучше видно.

Знамя принадлежало Адазу Промпу, Гранд Констеблю Ордена Псов. Означал ли подъем знамени нейтралитета, что Промп еще не решил, на чьей стороне будет драться? Или это был тактический прием? Мелиадус задумчиво облизнул губы. С Адазом Промпом в качестве союзника он мог бы начать наступление на Дворец Гуона. Мелиадус протянул руку к маске и потрогал голову Волка.

За последние несколько дней битва за Лондру вступила в позиционную фазу. Мелиадус стал задумчиво-мрачен — тем более потому, что он не знал, сработало ли устройство Тарагорма и возвратился ли Замок Брасс в европейское измерение. Прежнее хорошее настроение барона, основанное на успехе первых боев, сменилось нервозностью.

Открылась дверь, Мелиадус машинально протянул руку к маске и, надев ее, повернулся.

— А, это ты, Флана. Чего ты хочешь?

— Здесь Тарагорм.

— Тарагорм? У него есть радостная новость?

Из-за маски Цапли показалась маска-часы.

— Я надеюсь, что у тебя вскоре будут кое-какие радостные вести, брат,— ядовито воскликнул Тарагорм.— За несколько последних дней мы не добились сколько-нибудь крупных успехов.

— Подкрепления прибывают,— раздраженно бросил Мелиадус, махнув в сторону окна рукой в латной рукавице.— На нашей стороне появившиеся Стервятники и Хорьки.

— Да, но и для Гуона тоже прибыло подкрепление и, кажется, даже в большем количестве, чем для нас.

— У Калана должно быть скоро готово новое оружие,— поднялся Мелиадус.— Оно даст нам преимущество.

— Если оно сработает,— саркастически заметил Тарагорм,— Я начинаю сомневаться, не допустил ли я ошибку, присоединившись к тебе.

— Теперь уже слишком поздно, брат. Мы не должны ссориться, иначе нам конец.

— Да, уже слишком поздно. Тут я с тобой согласен. Если победит Гуон, то нам с тобой конец.

— Но он не победит.

— Нам понадобится миллион солдат для штурма Дворца.

— Мы найдем миллион солдат. Если только мы одержим хоть небольшую победу, многие перейдут на нашу сторону.

Тарагорм игнорировал это заявление и вместо ответа повернулся к Флане:

— А жаль, Флана, ты была бы великолепной Королевой...

— Она еще станет Королевой,— резко произнес Мелиадус, еле удержавшись, чтобы не ударить Тарагорма.— Твой пессимизм, Тарагорм, граничит с изменой.

— И ты убьешь меня за измену, брат? Со всеми моими знаниями? Только я знаю тайны времени.

Мелиадус пожал плечами.

— Конечно же я не убью тебя. Давай прекратим этот разговор и сосредоточимся на штурме Дворца.

Флана, заскучавшая от их разговора, покинула покои Мелиадуса.

— Я должен повидать Калана,— сказал Мелиадус.— Он несколько пострадал, поскольку ему пришлось перемещать все свое хозяйство на новое место. Пошли, Тарагорм. Навестим его вместе.

Они вызвали носилки, сели в них и приказали нести их в комнаты, которые Калан приспособил под свои лаборатории. Дверь открылась, и в ноздри им ударил дурно пахнущий воздух. Мелиадус даже сквозь маску ощутил его. Вылезая из носилок, он закашлялся и вошел в помещение, где находился Калан, обнаженный до пояса. Тело у него было костлявым, а из одежды на нем была лишь маска. Он наблюдал за работающими учеными и неохотно поздоровался с прибывшими.

— Чего вам надо? У меня нет времени на разговоры.

— Мы хотели бы знать, как продвигается работа, барон,— проорал Мелиадус, перекрывая звуки какого-то кипения.

— Надеюсь, хорошо. Оборудование до смешного примитивно. Но оружие почти готово.

Тарагорм взглянул на путаницу трубок и проводов, из которой и исходил весь этот шум, жар и вонь.

— Это и есть твое оружие?

— Станет им, станет им...

— А что оно будет делать?

— Дайте мне людей, чтобы поднять его на крышу, и через несколько часов я покажу вам его действие.

— Отлично,— кивнул Мелиадус.— Ты помнишь, что зависит от твоего успеха, Калан?

— Да, да, я об этом помню. Я начинаю проклинать себя за то, что присоединился к тебе, Мелиадус, но теперь об этом не стоит и говорить. Уходите, пожалуйста, когда оружие будет готово, я дам вам знать.

Тарагорм и Мелиадус пошли обратно пешком, носилки следовали за ними.

— Надеюсь, что Калан не потерял здравомыслия,— леденящим тоном произнес Тарагорм,— в противном случае эта штука может уничтожить всех нас.

— Или вообще ничего не уничтожить,— мрачно подытожил Мелиадус.

— Кто же из нас пессимист, брат? — грустно заметил Тарагорм.

Возвратившись в свои покои, Мелиадус обнаружил, что его ждут. Визитер был толст, одет в щегольские, покрытые черным шелком доспехи с ярко раскрашенной маской, изображавшей дикого оскалившегося Пса.

— Барон Адаз Промп,— объявила Флана Микосеваар, появляясь из другой комнаты.— Он прибыл вскоре после твоего ухода, Мелиадус.

— Барон,— обратился к нему Мелиадус, небрежно кланяясь,— для меня большая честь принять вас.

Из-под маски раздался голос Адаза Промпа:

— В чем предмет спора, Мелиадус? И каковы ваши цели?

— Предмет спора — наши завоевательские планы. Цель — посадить на престол Гранбритании более разумного монарха, который будет уважать таких опытных воинов, как мы с вами.

— Вы имеете в виду, уважать ваши советы,— хохотнул Адаз Промп.— Ей-богу, должен признаться, что я думал, что безумец — вы, а не Гуон, милорд. К примеру, ваше упорство в желании отомстить этому Хокмуну и обитателям Замка Брасс. Я подозреваю, что все это мотивировано вашей личной похотью и местью.

— И вы больше так не считаете?

— Мне наплевать. Я начинаю разделять ваше мнение о том, что они представляют величайшую опасность для Гранбритании и что они должны быть ликвидированы, прежде чем мы станем думать о чем-нибудь другом.

— Почему так изменилось ваше мнение, Адаз? — нетерпеливо наклонился вперед Мелиадус.— Почему? У вас есть какие-то данные, неизвестные мне?

— Есть одно-два подозрения,— медленно и ровно ответил Адаз Промп.— Намек на это, намек на то...

— Какого рода намеки?

— Корабль, встреченный и осмотренный нами в Северном Море, когда мы возвращались из Скандии в ответ на зов нашего Императора. Слух из Франции. Ничего более.

— Что насчет корабля? Что это был за корабль?

— Похож на те, что стоят на реке,— со странным изобретением на заднице и совершенно без парусов. Корабль был потрепан и дрейфовал. На его борту находились два человека, оба раненые. Они умерли до того, как мы смогли перенести их на наш корабль.

— Корабль Шенегара Тротта из Амарека!

— Да, именно так они нам и сказали.

— Но какое это имеет отношение к Хокмуну?

— Похоже, что они встретили Хокмуна в Амареке. Они, кажется, получили свои раны от Хокмуна в какой-то кровавой битве в городе

по названию Дмарг. По словам этих солдат, предметом спора был сам Рунный Посох!

— И Хокмун выиграл спор?

— В самом деле. Их была тысяча, как нам удалось выяснить, я говорю о солдатах Тротта, а против них — всего лишь четверо, включая Хокмуна.

— И Хокмун победил?

— Да, с помощью сверхъестественных воинов, по словам того, кто прожил достаточно долго, чтобы сообщить нам эти сведения. Все это кажется похожим на смесь правды и фантазии, но ясно одно — Хокмун разгромил силы намного большие, чем его собственные, и он лично убил Шенегара Тротта. Похоже также, что в его распоряжении имеются определенные научные знания, о которых мы ничего не знаем. Это подтверждается тем, как он сумел скрыться от нас в первый раз. Такой вывод согласуется с тем, что я слышал от одного из ваших Волков, когда мы продвигались к Лондре.

— Что это за слух?

— Он сказал, что Замок Брасс появился снова, и Хокмун с остальными взял городок к северу от Камарга и уничтожил гарнизон этого городка до последнего его солдата. Это слух, и в него трудно поверить. Где мог Хокмун набрать армию за столь короткий срок?

— Такие слухи — обычное дело во время войны, — задумчиво произнес Мелиадус. — Но это возможно. Значит, теперь вы верите, что Хокмун для нас большая угроза, чем считал Гуон?

— Это предположение, но я чувствую, что для него есть основания. Но меня подтолкнули и другие соображения, Мелиадус. Я думаю, что чем скорее мы закончим эту драку, тем лучше, потому что, если у Хокмуна есть армия, набранная, вероятно, в Амареке, тем скорее нам следует внести ясность. Я с вами, Мелиадус, я с вами. В течение следующего дня смогу предоставить в ваше распоряжение около полумиллиона солдат-Псов.

— Достаточно сейчас сил, чтобы взять Дворец вместе с теми, кем я сейчас располагаю?

— Возможно, если у нас будет поддержка артиллерии.

— Это у нас будет. — Мелиадус стиснул руку Промпа. — О, барон Адаз, я считаю, что к утру победа будет за нами!

— Но сколько из нас доживут, чтобы увидеть ее, хотел бы я знать, — отозвался Адаз Промп. — Взятие дворца обойдется дорого. Мы потеряем несколько сот тысяч.

— Оно будет того стоить, барон. Поверьте мне, оно будет того стоить.

Мелиадус ощутил подъем духа. Во-первых, из-за перспективы грядущей победы над Гуоном, но главным образом из-за того, что скоро у него появится шанс получить Хокмуна в свою полную власть — особенно, если Калан сумеет найти способ вдохнуть снова жизнь в Черный Камень.

Глава 7

БИТВА ЗА ДВОРЕЦ ГУОНА

Мелиадус наблюдал, как солдаты водружают изобретение Калана на крышу его штаба. Башня высоко вздымалась над улицами и была недалеко от Дворца, где бушевал бой. Промп еще не ввел в сражение своих Псов. Он хотел подождать с лобовой атакой дворцовых ворот и увидеть, что может сделать изобретение Калана. Казалось, громадное здание может выдержать любой штурм и переживет конец света. Ярус за ярусом возвышалось оно в хмурое небо. Окруженный четырьмя громадными башнями, покрытый гротескными барельефами, защищенный гигантскими стальными воротами десятиметровой толщины, Дворец презрительно наблюдал за сражающимися.

Мелиадус сосредоточил все свое внимание на оружии Калана. Из массы проводов и трубок выступала большая воронка, похожая на раструб чудовищной духовой трубы. Она была повернута к стенам Дворца, где находилась масса солдат, главным образом из Орденов Богомола, Мухи и Свиньи. За пределами города силы других Орденов готовились напасть на силы Мелиадуса с тыла, и он знал, что фактор времени стал решающим. Победа у дворцовых ворот обеспечит общий успех.

— Готово,— сообщил ему Калан.

— Тогда приступай,— проворчал Мелиадус.— Используй эту штуку против войск, что скопились на стенах.

Калан кивнул, и его Змеи навели оружие. Калан шагнул вперед и взялся за большой рычаг. Он обратил закрытое маской лицо к грозовым небесам, словно в молитве, а затем потянул рычаг на себя.

Машина завибрировала, затрепетала, загрохотала и зарычала, из недр ее поднялся пар, а из трубы появился и вырос гигантский пульсирующий зеленый пузырь, испускавший интенсивный жар. Пузырь оторвался от дула оружия и начал медленно продвигаться к стенам.

Завороженный Мелиадус следил, как пузырь плывет, достигает стены и опускается на два десятка воинов. Он с удовлетворением заметил, как солдаты извивались в зеленом горячем веществе, услышал предсмертные крики. Зеленый пузырь катился по стене, пожирая человеческую плоть, пока вдруг не лопнул. Вырываясь из него, зеленая жидкость, булькая, потекла по обеим сторонам стены вязким ручьем.

— Он лопнул! Он не действует! — в ярости заорал Мелиадус.

— Терпение, Мелиадус! — крикнул Калан, его солдаты изменили положение оружия на несколько градусов.— Смотри! — Он снова потянул за рычаг, снова машина затряслась и зашипела, и из ее чрева вновь вырвался гигантский зеленый пузырь. Он поплыл к стене, прокатился по другой группе солдат, вращаясь вокруг своей оси. Он катился все дальше, пока на стене не осталось ни единого человека, но и он в конце концов лопнул.

— А теперь мы пошлем их через стену,— хохотнул Калан и вновь потянул за рычаг. На этот раз он не тратил время: как только один пузырь оторвался, он тут же выпустил следующий, потом еще, пока по меньшей мере десятка два смертоносных шаров не переплыли через стену во внутренний двор.

— Эта смесь разъест все! — в восторженном возбуждении вещал Калан. — Все! — На миг он остановился. — Смотри, что она делает со стенами!

И вправду, вязкое вещество прогрызало себе дорогу в камне. Зеленая смесь проходила через стены, как могло бы проникать кипящее молоко сквозь лед, оставляя позади огромные рваные бреши.

— Но как же пройдут наши солдаты? — осведомился жалобно Мелиадус. — Этому зеленому веществу наплевать, что оно разъедает.

— Не бойся,— засмеялся Калан. — Смесь эффективно воздействует лишь несколько минут. — Он снова потянул за рычаг, посылая через стену новый пузырь жара. Большой участок стены неподалеку от ворот полностью рухнул, и когда рассеялась пыль из мелких частиц камня, Мелиадус увидел, что путь во Дворец открыт. Он возликовал.

На крыше появился Тарагорм и кивнул Мелиадусу.

— Я вижу, что недооценивал Калана. — Он двинулся в сторону ученого. — Поздравляю, Калан.

— Ты видишь, Тарагорм? — замахал руками Калан. — Ты видишь? Почему бы тебе не попробовать? Надо всего лишь потянуть за рычаг.

Тарагорм обеими руками ухватился за рычаг. Его маска-часы повернулась в сторону бреши в стене, где были видны солдаты Гуона, отступающие во Дворец. Их преследовали беспощадные пузыри. Но вдруг со стороны Дворца рванула огромная пушка. Солдаты Гуона сумели, наконец, расположить артиллерию так, как нужно. Несколько огромных огненных молний пронеслось над головами Мелиадуса, Калана и Тарагорма, не причинив никому вреда. Калан победно рассмеялся.

— Эти штуки бесполезны против моего оружия. Пошли против них пузыри, Тарагорм, т у д а. — Его палец ткнул в сторону окна, где была расположена огненная пушка.

Тарагорм, казалось, тоже был поглощен машиной, как и Калан, и Мелиадусу было забавно смотреть, как двое ученых возятся с ней, словно школьники с новой игрушкой. Теперь он испытывал умиротворение, поскольку стало очевидно, что оружие Калана склоняло чашу весов в его пользу. Настало время вести войска на решительный штурм Дворца.

Он спустился по лестнице, что вела во внутренности башни, и крикнул, чтобы принесли носилки. Усевшись в них, он поудобнее устроился на подушках, ощущая уже определенную сладость триумфатора.

Неожиданно где-то вверху раздался чудовищный взрыв, потрясший всю башню. Мелиадус выпрыгнул из носилок и бросился обратно на крышу. Когда он уже почти поднялся, в лицо полыхнул сильный жар, и он увидел

Калана, маска которого была погнута и перекручена. Он, шатаясь, спускался по лестнице.

— Назад! — закричал Калан. — Машина взорвалась. Я был неподалеку от входа, иначе и меня убило бы. Она разливает мою смесь по всей башне. Убираемся отсюда, или это вещество нас сожжет.

— Тарагорм! — крикнул Мелиадус. — Что с Тарагормом?

— От него ничего не осталось, — бросил Калан. — Быстрее, нам придется как можно скорей покинуть башню. Поспешим, Мелиадус!

— Тарагорм погиб? После того как послужил моей цели? — Мелиадус последовал вниз по лестнице за Каланом. — Я знал, что он доставит мне много хлопот после победы над Гуоном. Но теперь эта проблема отпала! Бедный мой брат!

На бегу Мелиадус расхохотался.

Г л а в а 8

ФЛАНА НАБЛЮДАЕТ ЗА БИТВОЙ

Флана Микосеваар, наблюдавшая с крыши своего дома за начавшимся штурмом Дворца Короля, видела, как башня, которая в последнее время была пристанищем Мелиадуса, накренилась и с грохотом рухнула.

На миг она подумала, что Мелиадус погиб, но потом заметила его знамя перед солдатами, идущими в бой. Там же она разглядела знамя Адаза Промпа и поняла, что Волк и Пес, традиционные соперники, вместе атакуют Дворец Гуона.

Она вздохнула. Шум битвы усилился, и ей некуда было от него деться. Она видела, как огненные пушки тщетно пытались сдержать солдат, которые рвались к Дворцу сквозь огненные бреши, пробитые зелеными пузырями. Артиллерия Гуона была расположена в предвидении долгой осады, и теперь было невозможно за столь краткое время переместить ее на нужные позиции.

Флана вновь подумала о Д'Аверке. Новости, принесенные Адазом Промпом, возбудили в ней надежду. Если жив Хокмун, то и Д'Аверк, вероятнее всего, тоже.

Но никогда ей не увидеть Д'Аверка. Скорее всего, он погибнет в какой-нибудь битве, тщетно пытаясь сопротивляться мощи Гранбритании... А если даже он не погибнет сразу, его ждет жизнь преследуемого отщепенца, потому что никто и никогда не может надеяться дать бой Темной Империи и победить в этом бою.

Флана подумывала даже, не лишить ли себя жизни, но в данный момент это не казалось ей стоящим делом. Она убьет себя, когда исчезнет всякая надежда, но не раньше. А если она станет Королевой, у нее будет некоторая власть. У нее оставалась слабая надежда, что Мелиадус пощадит Д'Аверка, так как он менее ненавистен барону, чем Хокмун.

Она снова посмотрела на поле битвы. Мелиадус и Адаз Промп скакали во Дворец. Победа явно была близка.

Глава 9

СМЕРТЬ КОРОЛЯ ГУОНА

Барон Мелиадус скакал галопом на своем черном жеребце по коридорам Дворца Короля Гуона. Много раз прежде бывал он здесь, всегда подвергаясь унижению. Теперь он нес свое оскалившееся волчье забрало гордо, а из горла его с ревом вырывался боевой клич... Когда он пробивал себе дорогу сквозь ряды стражников-Богомоллов, которых совсем недавно он вынужден был страшиться, то без разбору разил вокруг себя большим черным мечом, столь хорошо прежде служившим Гуону. Он поднимал своего коня на дыбы, и копыта, топтавшие землю десятков завоеванных стран, обрушивались на стражников и ломали их шеи.

Мелиадус смеялся. Мелиадус захлебывался смехом. Он несся к Тронному Залу, где сосредоточились последние защитники Короля. Он увидел их в противоположном конце коридора, где они пытались установить огненную пушку. Шесть голов слетели с плеч за шесть секунд. Лучи огненных копий визжали вокруг волчьей маски, но Мелиадус не обращал на это внимания. Ноздри его коня раздувались, глаза покраснели от боевого азарта, когда он врзался в ряды врагов.

Пролетев через огромные двери Тронного Зала, Мелиадус Кройденский сходу пробился через редкий строй Богомоллов и оказался перед Тронным Шаром, к которому совсем недавно подползал.

Черный Шар замерцал, постепенно проявилась сморщенная фигура бессмертного Короля-Императора. Крохотное тело зародыша извивалось словно рыба, которую опустили в чуждую ей среду, металось туда-сюда вдоль ограниченного пространства Шара. Он был беззащитен. Он никогда не мог представить себе, что ему придется когда-либо защищать себя самому. При всей своей мудрости, накопленной за две тысячи лет, он не мог подумать, что гранбританский вельможа посмеет выступить против своего наследственного правителя.

— Мелиадус... — В молодом голосе старца слышался страх. — Мелиадус, ты сошел с ума! Слушай, с тобой говорит твой Король-Император! Я приказываю тебе покинуть Дворец, присягнуть мне на верность, Мелиадус!

Черные глаза, некогда столь язвительные, теперь были наполнены животным ужасом. Цепкий язычок выскакивал изо рта, словно змеиное жало, слабенькие крохотные ручки бессильно месили белую жидкость.

— Мелиадус!

Содрогаясь от победного смеха, Мелиадус взмахнул своим громадным мечом и ударил по Тронному Шару. Он ощутил шок, охвативший его тело, когда клинок вошел в Шар. Произошел белый взрыв, раздался воющий вопль, звук падающих на пол осколков, и жидкость брызнула на Мелиадуса.

Он поморгал, ожидая, что увидит скорченное тело убитого, но не увидел ничего, кроме глубокой тьмы.

Смех торжества сменился воплем ужаса:

— Клянусь зубами Гуона! Я О С Л Е П!

Г л а в а 1 0

ГЕРОИ ВЫСТУПАЮТ

— Форт горит неплохо,— заметил Оладан, оборачиваясь, чтобы в последний раз взглянуть на гарнизон, где недавно размещался отряд пехотинцев-Крыс. Но теперь там никого не осталось в живых, кроме командира, который умрет очень медленно, поскольку жители городка распяли его на эшафоте, где он распял столько же мужчин, женщин и детей.

Теперь шесть зеркальных шлемов смотрели на горизонт — Ийсельда, граф Брасс, Хокмун, Д'Аверк, Оладан и Боджентль во главе пятисот воинов Камарга, вооруженных огненными копьями.

Первое их столкновение с силами Темной Империи после того, как они покинули Камарг, окончилось их победой. Используя фактор внезапности, они меньше чем за час стерли с лица земли небольшой гарнизон.

Испытывая легкую эйфорию и не ощущая ни малейшей усталости, Хокмун повел своих товарищей к следующему городку, где, как они слышали, можно было найти гранбретанцев.

Но внезапно он натянул поводья своего коня, когда увидел всадника, направлявшегося к ним галопом, и понял, что это Орланд Фанк со своим неизменным громадным боевым топором.

— Приветствую вас, друзья! У меня есть кое-какие новости. Звери набросились друг на друга. В Гранбретани идет гражданская война. Мелиадус поднял оружие против Короля Гуона. Убиты уже тысячи!

— Так вот почему их так мало здесь,— протянул Хокмун, снимая зеркальный шлем и вытирая лоб шейным платком. В последние месяцы он столь редко носил доспехи, что никак не мог привыкнуть к неудобствам, которые они доставляли.— Их всех отозвали на защиту Короля Гуона.

— Или сражаться вместе с Мелиадусом. Все это нам на руку.

— Действительно,— грубовато отозвался граф Брасс несколько более взволнованным голосом, чем обычно,— так как это означает, что они убивают друг друга и меняют соотношение сил в нашу пользу. Пока они дерутся, мы должны как можно скорее подойти к Серебряному мосту, переправиться через него и достичь Гранбретани. Удача с нами, мастер Фанк!

— Удача или судьба — называйте это как вам больше нравится,— легко согласился Фанк.

— Тогда не лучше ли нам направиться к морю? — произнесла Ийсельда.

— Конечно, — согласился Хокмун. — Воспользуемся их междоусобицей.

— Разумная мысль, — кивнул Фанк. — И поскольку я считаю себя человеком разумным, поеду с вами.

— Мы будем весьма рады вам, мастер Фанк.

Г л а в а 11

НЕСКОЛЬКО НОВОСТЕЙ

Мелиадус лежал на носилках, хватая жадно воздух ртом, пока склонившийся над ним Калан обследовал его ослепшие глаза своим инструментом. Голос его выдавал обуревавшую его боль и ярость.

— В чем дело, Калан? — стонал Мелиадус. — Почему я ослеп?

— Дело просто в интенсивности света, что высвободился при взрыве, — пояснил Калан. — Твое зрение восстановится через день-другой.

— Через день-другой! Я должен видеть! Мне нужно быть уверенным, что против меня не затевается никаких заговоров. Мне нужно убедить остальных баронов присягнуть на верность Флане сейчас, сразу же, а потом выяснить, что делает Хокмун. Мои планы — они все будут погублены моим нынешним бездействием!

— Большая часть баронов уже решила поддержать наше дело, — успокоил его Калан. — Они мало что могли еще сделать. Серьезную угрозу представляют лишь Джерек Нанкенсин и его Мухи, а с ним Бреналь Фарну, но у Фарну фактически не осталось никакого Ордена, так как большинство его Крыс погибло в начале боев. Адаз Промп сейчас как раз выгоняет и Мух, и Крыс из города.

— Не осталось никаких Крыс, — проговорил задумчиво Мелиадус. — Как ты думаешь, Калан, сколько всего убитых?

— Перебито примерно половина воинов Гранбретани.

— Половина? Я уничтожил половину наших воинов? Уменьшил нашу мощь настолько?

— Разве одержанная тобой победа не стоила этого?

Незрячее лицо Мелиадуса обратилось в потолок.

— Да, я полагаю, стоила... — Теперь он, выпрямившись, сел на носилках. — Но я должен оправдать гибель тех, кто пал, Калан. Я сделал это ради Гранбретани, а еще, чтобы избавить мир от Хокмуна и подонков из Замка Брасс. Я должен победить, или же, Калан, я не смогу оправдать ослабление боевых сил Темной Империи до такой степени!

— На этот счет не волнуйся, — улыбнулся Калан, — поскольку я поработал над еще одной из своих машин.

— Новое оружие?

— Старое, но которое я заставил вновь заработать.

— Какое же?

— Машинна Черного Камня, барон Мелиадус,— усмехнулся Калан.— Скоро Хокмун окажется в нашей власти. Сила Черного Камня сожрет его мозг!

Теперь на губах Мелнадуса медленно появилась удовлетворенная улыбка.

— Ах, Калан, наконец-то!

Калан заставил Мелнадуса вновь лечь. Он принялся втирать мазь в слепые глаза барона.

— А теперь отдыхай и мечтай о мести, старый друг. Мы вместе насладимся сию.

Вдруг Калан поднял голову. В комнату вошел гонец.

— Что такое? Какис-то новости?

— Я прибыл с континента.— Гонец тяжело дышал.— У меня новости о Хокмуне и его воинстве, ваше превосходительство.

— Что там еще? — снова приподнялся на носилках Мелиадус.— Что известно о Хокмуне?

— Они скачут по Серебряному мосту, милорд!

— Они собираются вторгнуться в Гранбретань? — недоверчиво спросил Мелиадус.— Сколько у них бойцов?

— Пятьсот всадников, милорд.

Мелиадус засмеялся.

Г л а в а 12

НОВАЯ КОРОЛЕВА

Калан подвел Мелиадуса к ступенькам трона, который заменил теперь зловещий Тронный Шар. На троне сидела Флана Микосеваар в усыпанной драгоценными камнями маске Цапли, с короной на голове и с королевской мантией на плечах. Перед ней на коленях стояли присягавшие ей бароны.

— Вот,— произнес Мелнадус голосом, прозвучавшим грубо и гордо в огромном зале,— ваша новая Королева. При Королеве Флане вы обретете истинное величие — то, о котором вы могли только мечтать. При Королеве Флане расцветет новый век — век удовольствия, смеющегося сумасшествия и всего того, чем дорожим мы, гранбретанцы. Весь мир станет нашей игрушкой!

Церемония продолжалась, каждый барон присягал на верность Королеве Флане. Когда наконец церемония закончилась, вновь заговорил Мелиадус:

— А где Адаз Промп, Главный Военачальник Гранбретани?

— Я здесь, милорд,— отозвался Промп.— И я благодарю за честь, оказанную мне.

Это произошло впервые, когда Мелиадус сообщил о том, что Промп вознаграждается властью над всеми другими военачальниками, исключая, безусловно, самого Мелиадуса.

— Доложи нам, как обстоят дела с мятежниками, Адаз Промп!

— Их осталось немного, милорд. Те Мухи, которых мы еще не прихлопнули, рассеялись, а их Гранд Констебль Джерек Нанкенсин мертв. Я сам убил его. Бреналь Фарну и немногие оставшиеся Крысы забились по норам где-то в Суссексе и скоро будут уничтожены. Все прочие объединились в своей преданности Королеве Флане.

— Это удовлетворяет нас, Адаз Промп. Я доволен. А что по поводу смехотворных сил Хокмуна? Они все еще продвигаются к нам?

— Именно так докладывают наши разведывательные орнитоптеры. Скоро они пожалуют к нам, милорд.

— Пусть себе,— засмеялся Мелиадус.— Пусть приблизятся, а потом мы сотрем их с лица земли. Идемте, мои капитаны, идемте.

И Калан повел Мелиадуса по ступенькам трона и через зал к воротам, которые охраняли теперь не стражники-Богомолы, а Волки со Стервятниками. Мелиадус сожалел, что не может этого видеть и насладиться еще больше своим триумфом.

После того, как двери за ними закрылись, Флана продолжала сидеть, замерев, на троне и думала о Д'Аверке. Она попыталась было поговорить о нем с Мелиадусом, но тот не выслушал ее. Ей очень хотелось знать, жив ли Д'Аверк.

Она также думала о том, что ей уготовано. Единственная среди знати Гранбретани, кроме, пожалуй, Шенегара Тротта, она прочла множество древних текстов, некоторые из них были легендами и якобы историей жизни до Трагического Тысячелетия. Она знала, что правит страной, которая находится на последней стадии упадка. Завоевательные войны, внутренняя борьба — все это было признаком предсмертной агонии, и хотя сама смерть могла наступить еще через двести, а может, и триста лет, она знала, что Темная Империя обречена.

Она молилась, чтобы явился кто-то более достойный занять ее место.

Г л а в а 13

«ЧТО ТЫ ВИДИШЬ»

Мелиадус держал за поводья коня своего герольда.

— Рассказывай все, что видишь, а я через тебя буду руководить боем.

— Милорд, я расскажу вам все.

— Хорошо. Все ли войска собрались?

— Все, милорд. Они ждут вашего сигнала.

— Негодяя Хокмуна еще не видно?

— Видны фигуры, скачущие по Серебряному мосту. Если они не остановятся, то врежутся прямо в наши ряды.

— Не остановятся,— хмыкнул Мелиадус.— Нет, не теперь. Ты уже различаешь их?

— Я вижу блеск, как от серебра или сигнала гелиографа. Один, два, три, четыре, пять, шесть. Это солнце заставляет их так сверкать! Шесть серебряных зеркал. Интересно, что это может значить?

— Солнце на надраенных наконечниках копий?

— Не думаю, милорд.

— Ну, мы скоро узнаем.

— Да, милорд.

— Что теперь?

— Теперь я вижу шестерых всадников, милорд, во главе массы кавалерии. Каждый всадник увенчан сверкающим серебром. Ой, милорд, это так сверкают их шлемы! Их шлемы!

— Значит, они хорошо начищены.

— Эти шлемы закрывают их лица. Я едва могу вынести их блеск, такие они яркие.

— Странно. И все-таки их шлемы проломаются под ударами нашего оружия. Ты сказал капитанам, что Хокмуна надо взять живым, а остальных они могут убить?

— Сказал, милорд.

— Молодец.

— И я передал им то, что вы велели,— если Хокмун начнет хвататься за голову и странно вести себя, следует сразу же сообщить об этом вам.

— Превосходно,— захохотал Мелиадус.— Превосходно. Я отомщу им так или иначе.

— Они почти добрались до конца моста, милорд. Они нас заметили, но не остановились.

— Тогда подавай сигнал к атаке! — приказал Мелиадус.— Дуй в свою трубу, герольд! Они атакуют?

— Атакуют, милорд.

— И что теперь? Армии встретились?

— Они схватились, милорд.

— И что происходит?

— Я... я не уверен, милорд, из-за блеска этих шлемов. Везде разливается красный свет, и в армии Хокмуна, кажется, больше солдат, чем мы думали. Пехота и немного кавалерии. Клянусь зубами Гуона, прошу прощения, милорд, клянусь грудями Фланы! Это самые страшные воины, каких я когда-либо видел!

— Как они выглядят?

— Как варвары, как ужасно свирепые первобытные люди. Они врезаются в наши войска, как нож в масло!

— Что?! Этого не может быть! У нас пять тысяч солдат, а у них пятьсот! Все рапорты подтверждают это число!

— Там больше пятисот, милорд! Намного больше!

— Значит, все разведчики солгали? Или мы все сходим с ума? Эти воины-варвары прибыли, должно быть, из Амарека. Что теперь? Что теперь? Наши силы сплываются?

— Нет, милорд.

— Что же они тогда делают?

— Они откатываются, милорд!

— Отступают? Невозможно!

— Похоже, что они откатываются все стремительней, милорд. Те, что остались живы...

— Что ты говоришь? Сколько осталось от наших пяти тысяч?

— Я бы сказал, примерно пятьсот человек пехоты, милорд, и сотня кавалерии, рассеянной по полю.

— Прикажи пилоту орнитоптера приготовить машину, герольд!

— Да, милорд! Пилот готов, милорд!

— А что там Хокмун и его банда? Что делают люди в серебряных шлемах?

— Они преследуют остатки наших войск, милорд.

— Меня обманули, герольд.

— Есть много убитых. А теперь воины-варвары режут пехоту. Осталась только кавалерия.

— Я не могу в это поверить! О, будь проклята моя слепота! Я чувствую себя словно во сне!

— Я отведу вас к орнитоптеру, милорд!

— Спасибо, герольд! Пилот, спешите в Лондру! Я должен обдумать происшедшее и принять новые решения.

Когда орнитоптер поднялся в воздух, Мелиадус ощутил, что по его невидящим глазам проскочила сильная серебряная вспышка, и, моргнув, посмотрел вниз. И тут зрение вернулось к нему. Он сумел разглядеть шесть сверкающих шлемов, о которых говорил герольд, вырезанные легионы, остатки своей кавалерии.

Мелиадус погрозил кулаком.

— Хокмун! Хокмун! Какими бы фокусами ты не пользовался, Хокмун, все равно к ночи ты погибнешь! Я знаю это! Я знаю!

Мелиадус вглядывался вниз в поисках варваров, наголову разгромивших его армию, но не увидел ни одного.

«Это кошмар», — подумал Мелиадус. Или герольд был в сговоре с Хокмуном? Мелиадус потер лицо. Наверное, слепота, столь недавно покинувшая его, все еще в какой-то мере накладывала отпечаток на его зрение. Или варвары были в другой части поля битвы.

Но нет. Нигде никаких следов варваров.

— Спешите, пилот, — приказал он, — Мы должны как можно скорее вернуться в Лондру.

Мелиадус начал уже думать, что разгром Хокмуна будет не таким уж простым делом, как он предполагал. Но потом он вспомнил Калана и машину Черного Камня и улыбнулся.

Глава 14

СИЛА ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Потеряв всего двадцать человек убитыми, воины Камарга одержали победу. Еще не остыв от упоения боя и опьяненные долгожданным успехом, шестеро героев смотрели вслед отступающим врагам.

— Они не ожидали Легиона Зари, — улыбнулся граф Брасс. — Но к тому времени, когда мы доберемся до Лондры, они подготовятся лучше.

— Да, — согласился Хокмун. — И несомненно, Мелиадус в следующий раз выставит намного больше солдат. — Он пощупал Красный Амулет на своей шее и взглянул на Ийссельду, которая тряхнула белокурыми волосами.

— Ты хорошо сражался, милорд, — произнесла она. — Ты сражался, как сто воинов.

— Это потому, что амулет придает мне силу пятидесяти солдат, а твоя любовь — силу еще пятидесяти, — отшутился он.

— До нашей помолвки ты мне никогда не лъстил, — засмеялась она.

— Наверное, потому, что я стал тебя любить еще больше, чем прежде.

— Нам лучше разбить лагерь в нескольких милях отсюда, — вмешался Д'Аверк. — Подальше от этого поля смерти.

— Я займусь ранеными, — сказал Боджентль.

Он повернул коня туда, где кавалеристы Камарга спешились и переговаривались друг с другом.

— Вы действовали отлично, ребята, — крикнул им граф Брасс. — Было похоже на старые добрые времена, а? Когда мы сражались по всей Европе! Теперь мы сражаемся за спасение Европы!

Хокмун хотел заговорить, но вдруг издал странный вопль. Шлем выпал из его руки, и он прижал обе руки к голове, глаза его выкатились от боли и ужаса. Он закачался в седле и упал бы, если бы его не поддержал Оладан.

— Что такое, герцог Дориан? — встревожился Оладан.

— Почему ты кричишь, любовь моя? — испугалась Ийссельда, спешиваясь и помогая Оладану.

Сквозь стиснутые зубы и побледневшие губы Хокмун смог выдать:

— Эт-тот... камень... Черный Камень... он... он снова вгрызается в мой мозг! Сила его вернулась! — Он закачался и упал на их руки с ужасно побледневшим лицом и безвольно повисшими руками. Все увидели, что Черный Камень вновь наливался жизнью: он вернул свой блеск и злобно светился.

— Оладан, он умер? — в панике вскрикнула Ийссельда.

— Нет, он жив, — покачал головой человек. — Но надолго ли, не могу сказать. Боджентль! Сэр Боджентль! Скорей сюда!

Боджентль поспешил к ним. Не в первый раз видел он герцога Кельнского в подобном состоянии. Он покачал головой.

— Я могу попробовать сделать на время лекарство, но у меня нет тех составляющих, что были тогда в Замке Брасс.

Ийссельда, Оладан, и граф Брасс наблюдали за работой Боджентля. Наконец Хокмун зашевелился и открыл глаза.

— Камень... — пробормотал он. — Мне приснилось, что он снова пожирает мой мозг...

— Он это сделает, если мы в ближайшее время не найдем средство, чтобы его нейтрализовать, — проговорил Боджентль. — Активность его пока подавлена, но я не знаю, когда, где и с какой силой все это вернется.

Хокмун с громадным трудом поднялся. Он был бледен и едва мог стоять.

— Тогда мы должны отправляться дальше — к Лондре, пока есть время. Если оно есть...

— Да, если оно есть...

Глава 15 ВОРОТА ЛОНДРЫ

Войска Темной Империи сосредоточились перед воротами Лондры, когда шестеро всадников выехали на гребень холма.

Хокмун, страдая от боли, нащупал Красный Амулет. Только он сохранял ему жизнь, помогал бороться с силой Черного Камня. Где-то в Лондре Калан управлял машиной, что питала камень жизнью. Чтобы добраться до Калана, он должен был взять город и разбить многочисленное войско, которое во главе с Мелиадусом ждало его.

Хокмун не колебался. Он знал, что в его распоряжении считанные минуты. Он вытащил из ножен Меч Зари и подал сигнал к атаке.

Кавалерия Камарга скатилась с холма и ударила по войску, намного превосходившему ее по численности. Из гранбретанских рядов полетели огненные копья, нападавшие открыли ответный огонь. Хокмун, сочтя момент подходящим, взметнул меч в небо.

— Легион Зари! Я вызываю Легион Зари! — воззвал Хокмун и почувствовал, как череп его наполняется болью. Он ощутил жар камня во лбу и застонал.

Ийссельда была рядом с мужем и успела спросить:

— У тебя все в порядке, любовь моя?

Но ответить ей он не смог.

Они оказались в гуще битвы. Глаза Хокмуна остекленели, и он едва мог видеть врага, едва мог определить, появились ли воины Легиона Зари. Но они появились, освещая свою дорогу в массе дерущихся розовым светом. Хокмун почувствовал, как его заполняет мощь Красного Амулета, борющегося с силой Черного Камня. Он ощутил, что силы вновь к нему возвращаются. Но сколь долго это будет продолжаться?

Хокмун отражал удары воинов в масках Стервятников и Волков и прорубал своим громадным мечом их панцири и протыкал их тела.

Воздух над полем битвы был напоен страхом, ненавистью и небывалым ожесточением. Столкнувшись с воинами Зари, солдаты Темной Империи

потеряли присущую им организованность и сражались совершенно беспорядочно, сломав ряды и не слушая командиров.

Хокмун понял, что это будет суматошный бой, в котором немногие уцелеют. Кроме того, он начал подозревать, что ему, вероятно, тоже не доведется увидеть окончание битвы, поскольку боль в голове становилась все сильней.

Оладан погиб, и товарищи его не увидели момента его гибели. Он был изрублен в куски дужиной топором пехотинцев-Свиней.

Граф Брасс схватился с тремя баронами. Адаз Промп, Майгель Хольст и Сака Гордон — Пес, Козел и Бык, — узнав графа по медным доспехам, дружно набросились на него. Граф, под которым только что погиб конь, увидел скачущих на него баронов и успел своим огромным мечом подрубить их лошадям передние ноги. Бароны повалились на землю. Граф Брасс успешно отправил на тот свет Адаза Промпа и отсек голову Майгелю Хольсту, пока барон-Козел молил о пощаде. Оставалось лишь разделаться с Сакой Гордоном. У барона Сака было время подняться на ноги и принять боевую стойку, хотя он и мотнул несколько раз головой, потому что его ослеплял зеркальный шлем графа. Заметив это, граф Брасс сорвал с себя шлем и отшвырнул его в сторону, выставляя свои ошетилившиеся усы и медные волосы во всей красе. Боевой азарт охватил его.

— Двоих я взял не так уж честно, — проворчал граф, — так что будет справедливо дать тебе шанс убить меня.

Сака Гордон бросился вперед, подобно бешеному быку своего Ордена. Граф Брасс посторонился и, взмахнув мечом, расколол маску Саки Гордона посередине, прорубив заодно и череп. Когда барон рухнул, граф Брасс улыбнулся, несколько утратив бдительность, и всадник в маске Козла проткнул его шею сзади копьем. Даже после этого граф Брасс повернулся, вырвал копьё из рук нападавшего, пронзил им Козла насквозь и упал замертво. Орланд Фанк видел, как погиб славный граф Брасс.

Примерно в это время силы Темной Империи, потеряв трех своих предводителей, стали прижиматься к воротам Лондры и были удержаны от панического бегства лишь бароном Мелиадусом. Вид у него был довольно устрашающий: в своих черных доспехах, в черной волчьей маске и с огромным черным мечом.

Мелиадус понимал, что необходимо продержаться какое-то время, за какое Калан найдет способ увеличить силу камня. Заметив, что Хокмун закачался в седле, барон воспрял духом. Затем он увидел странного человека в шапочке, который поддержал Хокмуна и что-то выхватил из его седельной сумки.

— Настало время воспользоваться Рунным Посохом. Настало время поднять наше знамя. Сделай это сейчас, Хокмун, или ты не проживешь и минуты! — кричал Фанк Хокмуну.

Высоко подняв Рунный Посох, вложенный ему в руку Фанком, Хокмун увидел, что воздух вокруг него наполнился волнами света и лучами.

— Рунный Посох! — закричал Фанк. — Рунный Посох! Мы сражаемся за Рунный Посох! — И он захохотал, когда гранбританцы в ужасе стали откатываться. Они были теперь уже настолько деморализованы, что были готовы признать свое поражение.

Но барон Мелиадус не сдавался. Он заорал на своих солдат:

— Это ничего! Это всего лишь простой предмет! Он не может причинить нам вреда! Взять их!

Воины Камарга рванулись вперед. Хокмун качался в седле, но сумел пронести через ворота Лондры поднятым Рунный Посох.

Хокмун вел свой сверхъестественный Легион словно во сне, держа в одной руке Меч Зари, в другой — Рунный Посох, управляя своим конем при помощи коленей.

Хокмун видел, как дюжина гранбританцев стащила с седла одного из его товарищей в зеркальном шлеме. Он испугался, что это может быть Ийссельда, но там уже появился еще один всадник в сверкающем шлеме, рубя все вокруг себя, и Хокмун понял, что в опасности оказалась не Ийссельда, а Боджентль и что к нему спешила Ийссельда. Но помощь запоздала. Один из зверей высоко над головой поднял окровавленный зеркальный шлем. Однако тонкий меч Ийссельды тут же перерубил ему запястье.

Последовал еще один ослепляющий взрыв в голове Хокмуна. Вне сомнения, Калан увеличил мощностъ. Зрение Хокмуна вновь затуманилось. Он охнул, но сумел по-прежнему держать поднятым Рунный Посох.

Д'Аверк направил своего коня в самую гущу гранбританцев. Его меч крутился во все стороны, прорубая коридор к Дворцу — Юиллам решил добраться к женщине, которую он любил. Сквозь брешь в стене, сделанную пузырем Калана, Д'Аверк сумел пробиться во внутренние покои Дворца, где царила неразбериха.

Он мчался по коридорам, и грохот его сапог эхом разносился по Дворцу. Наконец Д'Аверк добрался до дверей Тронного Зала, где несколько стражников обратили против него свое оружие, но он воспользовался прихваченным с собой огненным копьём и сразил их, получив всего лишь легкий ожог правого предплечья. Затем он приоткрыл дверь и заглянул в Тронный Зал. В миле от дверей находилось возвышение, но разглядеть, сидит ли там Флана, он не мог. В зале, казалось, никого больше не было.

Д'Аверк решился и побежал к возвышению, которое оказалось тронном. На бегу он выкрикивал ее имя:

— Флана! Флана!

Флана грезилa, сидя на троне. Она услышала свое имя, подхваченное тысячекратным эхом в огромном зале, и узнала голос, но подумала, что, вероятно, это ей грезится.

Человек приблизился: на нем был шлем, сверкавший, как зеркало. Но фигуру нельзя было не узнать.

— Юиллам? — неуверенно произнесла она шепотом. — Юиллам Д'Аверк?

— Флана.— Человек стащил с себя шлем и отшвырнул его прозь.—
Флана!

— Юиллам! — Она встала и стала медленно спускаться.

Он раскрыл ей навстречу объятия, радостно улыбаясь.

Но им было не суждено при жизни соединить руки, потому что пущенный с галереи над ними луч пламени, подобный удару молнии, попал в голову Д'Аверка и сжег его. Юиллам умер у ног безутешно рыдавшей Фланы.

Голос солдата с галереи прозвучал с очевидным самодовольством:

— Теперь вы в безопасности, Королева!

Г л а в а 1 6

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Войска Темной Империи все еще наводняли город-лабиринт, и Хокмун в отчаянии заметил, что численность Легиона Зари убывает. Теперь, когда погибал один воин, его место не всегда занимал следующий. А воздух вокруг Хокмуна все еще был напоен горько-сладким запахом Рунного Посоха. Хокмун увидел Мелиадуса, и волна боли вновь ударила в его мозг так, что он рухнул с лошади. Мелиадус слез со своего черного скакуна и медленно направился к Хокмуну. Рунный Посох выпал из руки Хокмуна, а Меч Зари он уже еле удерживал.

Хокмун пошевелился, застонал. Вокруг него все еще бушевала битва, но она, казалось, не имела к нему никакого отношения. Он почувствовал, что силы покидают его. Открыв глаза, он заметил приближающегося к нему Мелиадуса в его маске, которая своим оскалом будто торжествовала близкую победу. В горле у Хокмуна пересохло, он попытался дотянуться до Рунного Посоха, что лежал на камнях мостовой.

— Ах, Хокмун, наконец-то,— мягко произнес Мелиадус.— Тебе больно, я вижу. Ты ослаб. Единственное, о чем я сожалею, что ты не доживешь до того, чтобы увидеть ваше окончательное поражение и Ийссельду в моей власти.— Мелиадус говорил почти с жалостью, заботливо.— Неужели ты не можешь подняться, Хокмун? Камень разъедает твой мозг под этой серебряной маской? Как ты думаешь, мне следует самому прикончить тебя или предоставить это камню? Ты можешь ответить мне, Хокмун? И ты не желаешь молить о пощаде?

Конвульсивно Хокмун вцепился в Рунный Посох. Почти сразу ему показалось, что в него влилась сила. Не очень много, но достаточно чтобы, хоть и с трудом, подняться на ноги и стоять, покачиваясь. Тело его было согнуто. Затуманенным взором уставился он на Мелиадуса, когда барон взмахнул мечом, собираясь прикончить его.

Хокмун попробовал поднять свой меч, но не смог.

Мелиадус заколебался:

— Так значит, ты не можешь сражаться? Ты не можешь драться! Мне тебя жаль, Хокмун.— Он протянул вперед руку:— Отдай мне этот посошок,

Хокмун. Именно им я поклялся отомстить Замку Брасс. И теперь моя месть почти завершена. Позволь мне забрать его, Хокмун!

Шатаясь, Хокмун сделал пару шагов назад, мотая головой и испытывая страшную слабость во всех членах.

— Хокмун, отдай мне его!

— Ты.. не... получишь... его... — прохрипел герцог Кельнский.

— Тогда мне придется сперва убить тебя.— Мелиадус вновь поднял меч, и в этот момент Рунный Посох вдруг запульсировал более интенсивным светом, и Мелиадус взглянул на свое отражение в сверкающем шлеме Хокмуна.

Это поразило барона, и он, будто загипнотизированный, забыл опустить меч.

А Хокмун сумел-таки поднять свой Меч Зари, понимая, что сил его хватит лишь на один удар и что удар этот решал судьбу всех. Меч Зари обрушился на барона. Мелиадус издал громкий мучительный крик, когда клинок Хокмуна перебил ему ключицу и вошел в сердце.

Барон прошептал, умирая:

— Будь проклята эта штука! Будь проклят этот Рунный Посох! Он принес гибель Гранбретани!

А Хокмун ничего не услышал, потому что рухнул на землю, зная, что теперь он, несомненно, умрет.

Г л а в а 17

ПЕЧАЛЬНАЯ КОРОЛЕВА

Хокмун очнулся и с ужасом увидел над собой змеиную маску барона Калана Витальского. Он выпрямился, словно пружина, и рука его потянулась к оружию.

Калан пожал плечами, поворачиваясь к стоящим за ним людям:

— Я же говорил, что могу это сделать. Мозг его восстановлен, силы вернулись, и теперь, Королева Флана, я бы хотел попросить разрешения вернуться к тому, от чего меня оторвали.

Хокмун узнал маску Цапли. Она кивнула, и Калан шмыгнул в соседнюю комнату, осторожно закрыв за собой дверь. Люди шагнули вперед, и Хокмун с радостью увидел, что среди них была Ийссельда. Он заключил ее в объятия и поцеловал в мягкую щеку.

— Ах, Хокмун, я так боялась, что Калан как-нибудь обманет нас,— вздохнула она.— Это Королева Флана нашла тебя, после того как приказала своим людям прекратить сражение. Мы оставались последними, Орланд Фанк и я. Мы думали, что ты умер. Но Калан вернул тебя к жизни, удалил камень из твоего черепа и разбил машину Черного Камня, так что никому и никогда не придется страшиться Черного Камня.

— А от какого занятия ты оторвала его, Королева Флана? — поинтересовался Хокмун.— Почему он был так недоволен?

— Он собирался покончить с собой,— ровным голосом ответила Флана.— Я пригрозила, что оставлю его живым навеки, если он не сделает то, что я приказала.

— Д'Аверк? — осведомился озадаченный Хокмун.— Где Д'Аверк?

— Мертв,— все так же ровно произнесла Флана, очень печальная.— Убит в Тронном Зале чересчур ревностно несшим службу стражником.

Мгновенная радость Хокмуна превратилась в подавленность.

— Так значит, они все погибли — граф Брасс, Оладан, Боджентль?

— Да,— сказал Орланд Фанк.— Но они погибли за великое дело и освободили от рабства миллионы людей. До этого дня Европа знала лишь войну. Теперь, наверное, люди станут стремиться к миру, так как они уже видели, к чему приводит война.

— Граф Брасс желал мира в Европе больше всего на свете,— проговорил Хокмун.— Но как бы я хотел, чтобы он дожился до сегодняшнего дня.

— Внук его, наверное, увидит,— пообещала Ийссельда.

— Пока я Королева,— произнесла печальная Флана,— вам нечего страшиться Гранбритании. Я намерена уничтожить Лондру и сделать своей столицей мой собственный город Кэнберри. Богатства Лондры, которые почти наверняка превышают богатства всего остального мира, будут использованы для отстройки городов в Европе, для восстановления деревень и ферм. Насколько это возможно, необходимо исправить зло, причиненное Гранбританью.— Она сняла маску, открыв свое прекрасное, величественное, но печальное лицо.— Я также отменяю ношение масок.

Орланд Фанк выглядел настроенным скептически, но ничего не сказал по этому поводу, а изрек следующее:

— Коль Гранбритань сломлена навеки, то и работа Рунного Посоха здесь завершена.— Он похлопал по свертку у себя под мышкой.— Я забираю Рунный Посох, Красный Амулет и Меч Зари с собой. Но если когда-нибудь у вас возникнет необходимость в них, они к вашим услугам. Я обещаю это.

— Хотелось бы верить, друг Фанк, что такие времена не наступят никогда.

— Мир не меняется,— вздохнул Фанк.— Бывает лишь временное равновесие, друг Хокмун, и если оно нарушается слишком далеко в одном направлении, то Рунный Посох старается исправить это смещение. Наверное, пока все утихнет на век-другой, не знаю.

— Тебе следовало бы знать,— засмеялся Хокмун,— ведь ты всеведущ.

— Не я, друг мой,— улыбнулся Фанк,— а то, чему я служу,— Рунный Посох...

— Твой сын — Джезмия Коналиас...

— Есть тайны, которые не знает даже сам Рунный Посох.— Фанк почесал свой длинный нос и посмотрел на него.— Я хочу попрощаться с вами. Вы хорошо сражались и сражались за справедливость.

— Справедливость? — крикнул вслед ему Хокмун. — А существует ли она?

— Она может существовать в небольших количествах, — ответил Фанк. — Но нам нужно упорно трудиться, хорошо сражаться и использовать каждую возможность, чтобы создать хоть малую каплю ее.

— Да, — согласился Хокмун, — вероятно, ты прав...

— Я знаю, что я прав, — засмеялся Фанк.

А потом он пропал. Из ничего послышался Хокмуну его голос:

— Справедливость — это не Порядок и не Право, как о ней говорят человеческие существа. Равновесие — вот что такое Справедливость. Равновесие Весов. Помни об этом, Хокмун!

Хокмун обнял за плечи Ийссельду.

— Да, я запомню, — тихо сказал он. — А теперь мы вернемся в Замок Брасс, заставим вновь забить ключи, вернем в лагуны тростник, вернем быков, рогатых лошадей и розовых фламинго. Превратим его вновь в наш Камарг, вдохнем в него жизнь.

— И мощь Темной Империи больше никогда не будет угрожать ему, — улыбулась печально Королева Флана.

— Я уверен в этом, — кивнул Хокмун. — Но если какое-то другое зло явится к Замку Брасс, я буду готов отразить его, каким бы мощным и ужасным оно ни было и в какой бы форме ни выступало. Мир все еще далек от совершенства. Справедливость, о которой говорил Фанк, едва ли вообще существует. И мы должны стараться сделать хоть что-то, чтобы она все-таки существовала, Флана. Прощай, Королева Флана.

Флана смотрела, как они уходят, и по щекам ее катились слезы.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ

Роман

3

АМУЛЕТ БЕЗУМНОГО БОГА

Роман

129

МЕЧ ЗАРИ

Роман

237

ЗАГАДКА РУННОГО ПОСОХА

Роман

347

Литературно-художественное издание

Муркок Майкл
ЗАГАДКА РУННОГО ПОСОХА

Фантастические романы

Ответственный редактор *И.А.Лазарев*

Редактор *Н.К.Попова*

Художник *О.В.Спиричев*

Технический редактор *Ю.А.Мухин*

Корректор *И.В.Лебедева*

Подписано к печати с готовых диапозитивов 24.08.93. Формат 60х84 1/16.
Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная.
Усл.печ.л. 26,04. Уч.-изд.л. 32,05. Тираж 50 000 экз. Заказ 416 6

Торгово-издательское объединение "Центрполиграф",
Москва, 127018, Октябрьская ул., 18

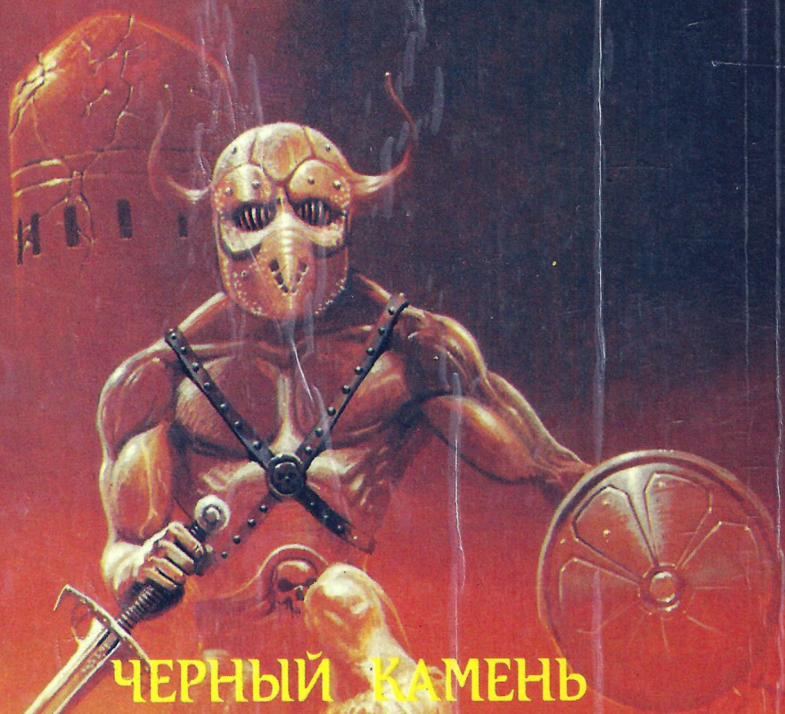
Диапозитивы изготовлены в АО "Сиринга".
Москва, 129090, ул. Гиляровского, 10

Отпечатано в ГИПП "Нижполиграф".
603006, Н.Новгород, Варварская ул., 32

МАЙКЛ МУРКОК

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ
АМУЛЕТ БЕЗУМНОГО БОГА
МЕЧ ЗАРИ
ЗАГАДКА РУННОГО ПОСОХА

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ